ТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свс

А. ТУНЪ

ИСТОРІЯ

РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІ

Переводъ съ

Подъ реда

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Глава первая.

ВЗГЛЯДЪ НА РЕВОЛЮЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ДО 1863 ГОДА.

У революціоннаго движенія въ Россіи есть, если можно такъ выразиться, доисторическій и историческій періодъ. Первый простирается до 1855 г., второй до настоящаго времени. Доисторическій періодъ, въ свою очередь, распадается на 2 эпохи, которыя отдѣляются другъ отъ друга военнымъ возстаніемъ 14*) декабря 1825 г.

Тайныя политическія общества существовали въ Россіи еще въ прошломъ столѣтіи; они прикрывались обычно религіозными цѣлями и принимали таинственныя формы франмасонскихъ союзовъ. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II на нихъ смотрѣли косо, какъ на революціонныя общества; случалось, что масоновъ даже преслѣдовали. Особенно пострадалъ отъ этихъ преслѣдованій Новиковъ, за что русскіе революціонеры и чтутъ его какъ своего предшественника.**)

Вскорѣ за этимъ наступило либеральное царствованіе Александра I, воспитанника якобинца Лагарпа. Самъ царь высказалъ тогда что онъ хотѣлъ даровать конституцію, придавъ такимъ образомъ этой мысли какъ бы видъ законности. Въ то же са-

*) Замѣчу разъ навсегда, что всѣ числа помѣчены по русскому стилю.

**) Этотъ отдѣлъ я излагаю по Мемуарамъ русскаго декабриста Розена, стр. 3-34; и по мемуарамъ одного русскаго приведеннымъ въ соч. E. Lavigne, Introduction à l'histoire du Nihilisme russe Paris 1880.

мое время идеалистическая поэзія Пушкина будила
щества, поднимала его нравственный уровень и внуш
ду на новую будущность. Эта поэзія и запрещенны
ныя стихотворенія Рылѣева закончили въ Россіи п
цію либеральныхъ идей 1789 г. Съ другой сторон
русское дворянство побывало въ качествѣ офицеров
никовъ на Западѣ, во время наполеонскихъ войн
познакомилось съ той культурой, которую до сихъ
ло только по наслышкѣ. Въ этой новой обстановкѣ
русскихъ офицеровъ выработалась новая точка зрѣ
женія о своей родинѣ. Лучшіе элементы гвардіи я
ли въ себя идеи гражданственности, свободы и к
лизма, и возвращались домой съ твердымъ нам
вести Францію въ Россію». Въ 1815 г. образовало
рное общество «Арзамасъ», въ слѣдующемъ году г
гическое, а въ 1817 г. первое тайное общество, п
емъ Пестеля. Сначала либералы надѣялись достиг
ихъ цѣлей въ согласіи съ императоромъ; но когда
извѣстный реакціонный поворотъ въ его политикѣ
. были закрыты всѣ масонскія ложи, то между о
разовалось нѣсколько тайныхъ обществъ, между ни
ми значительными были Сѣверный и Южный Союзы
объединенныхъ славянъ. По своимъ цѣлямъ движеніе
ло политическое: оно стремилось къ федеральной ре
или конституціонной монархіи. Царь и его семья дол
ли быть уничтожены. Средствомъ являлось военное в
формой организаціи былъ якобинскій заговоръ. По
началу возстанія нашелся наконецъ 14 декаб. 1825, ко
ска въ Петербургѣ должны были принести новую при
ператору Николаю вмѣсто его брата, отказавшагося
стола. Но въ рѣшительный моментъ заговорщики ниг
гли найти избраннаго ими въ диктаторы князя Тру
имъ не доставало систематическаго руководительства
картечные залпы разсѣяли 2000 мятежныхъ солдатъ.
и въ случаѣ успѣха эта попытка либераловъ не могла
прочныхъ результатовъ, потому что движеніе ограни
только частью привиллегированныхъ классовъ и арми
того политическія требованія повстанцевъ не нахо
отклика въ народѣ. Но во всякомъ случаѣ это возста
лось мужественнымъ протестомъ противъ царскаго де
ма со стороны горсти аристократическихъ гвардейски
церовъ, которые съ юношескимъ одушевленіемъ слѣд
своими даровитыми, но слишкомъ мало обращавшими
ніе на реальное соотношеніе сил предводителями.
Рылѣевъ, С. Муравьевъ, М. Бестужевъ и Каховскій
вленіи. 119 другихъ заговорщиковъ были осуждены
каторгу или поселеніе въ Сибири.

Тяжелая рука Николая легла теперь на всѣ проявленія русской жизни. Въ началѣ Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго еще одушевляла надежда на лучшее будущее и который проявлялъ мужество свободнаго гражданина. Но и онъ былъ побѣжденъ царскою милостью и отвращеніемъ къ окружающей его обстановкѣ. Полное отчаяніе придавило всѣхъ, и это общее настроеніе отразилось въ поэзіи Лермонтова. Но достигнуть полнаго успокоенія возмущеннаго народнаго духа было всетаки невозможно; онъ искалъ и нашелъ свое выраженіе въ литературѣ и критикѣ. Развилась та сатирическая жилка, которая у русскихъ вообще сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Въ формѣ сатирическаго романа и бытовой комедіи появились произведенія Гоголя и Грибоѣдова, которые нападали на самыя основы оффиціальной цивилизаціи Россіи. Въ этихъ произведеніяхъ высмѣивалось все: и подкупность чиновничества, и продажность судей; въ нихъ бичевалась вся безчестная администрація. «Соціальная патологія» русскаго общества была написана. Въ столь же «прикровенной» формѣ прессѣ удавалось проводить либеральныя идеи, и въ это именно время въ русской печати въ совершенствѣ выработалось печальное искуство скрывать между строкъ дѣйствительныя мысли. Съ другой стороны, въ то же самое время черезъ русскую границу перекинулось вліяніе Гегеля, и вотъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ гегельянецъ Станкевичъ съ удивительной проницательностью сумѣлъ собрать вокругъ себя, въ своемъ гостепріимномъ домѣ, въ Москвѣ, тѣхъ молодыхъ людей, которые впослѣдствіи явились вождями русскаго общества на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Тамъ встрѣчались позднѣйшіе славянофилы, Аксаковъ и Хомяковъ, съ позднѣйшими предводителями соціалистической эмиграціи, Бакунинымъ, Герценомъ и Огаревымъ, которые тогда были совершенно увлечены ученіями С. Симона и Фурье. Въ 1840 г. этотъ кружокъ распался; но Станкевичу же принадлежала также заслуга привлеченія еще двухъ людей, пріобрѣвшихъ крупное значеніе въ дѣлѣ распространенія освободительныхъ идей въ Россіи. Это были: Бѣлинскій, ставшій безусловнымъ главою литературной критики и основавшій русскую реалистическую школу въ литературѣ, и историкъ Грановскій, вліявшій на юношество съ кафедры и вліявшій въ широкомъ либеральномъ направленіи. Но вся эта оппозиція выросшая въ 40-хъ годахъ, была чисто пассивной; существовалъ какъ-бы молчаливый заговоръ; открыто же никто не рѣшался протестовать.

При полной невозможности дѣйствовать, недовольнымъ оставалось только одно — резонировать. Во многихъ городахъ Россіи: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Ростовѣ на Дону, Тамбовѣ, Костромѣ, Ревелѣ, даже въ Сибири, въ кружкахъ еди-

номышленниковъ дебатировались тогда не только литературные, но также политическіе и соціальные вопросы. Знакомство съ новѣйшей политической и соціалистической литературойбыло очень распространено тогда. С. Симонъ и Фурье, Луи Бланъ, Прудонъ и Робертъ Оуэнъ, самыя разнообразныя книги и газеты выписывались, прочитывались и обсуждались; но теперь тонъ въ этихъ кружкахъ давали уже не гвардейскіе офицеры и чиновники высшихъ вѣдомствъ, а воспитатели и учителя. Подъ вліяніемъ современной литературы, на ряду съ либерализмомъ выступилъ и соціализмъ; но онъ былъ только отдаленной цѣлью отдѣльныхъ лицъ; ближайшею же цѣлью было саморазвитіе близко знакомыхъ между собой людей; никакихъ организацій не существовало; дѣло не шло дальше идей и стремленій. Но и это казалось тогда очень опаснымъ, и вотъ въ мартѣ 1848 г. былъ сдѣланъ доносъ на чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскаго, у котораго каждый четвергъ происходили подобныя собранія. Цѣлый годъ за этимъ кружкомъ и за нѣсколькими подобными слѣдили шпіоны III-го отдѣленія; наконецъ 23 апрѣля 1849 г. 33 молодыхъ человѣка были схвачены и 23 изъ нихъ, большею частью, офицеры и чиновники, приговорены къ смерти, но помилованы съ замѣной смертной казни каторжными работами и солдатчиной. Число лицъ, симпатизировавшихъ ихъ идеямъ и намѣреніямъ, говорятъ достигало въ Петербургѣ до 100 чел.; Къ счастію, они вели свои разговоры безъ участія шпіоновъ. Послѣ такого драконовскаго наказанія за одни планы и намѣренія, конецъ Николаевскаго царствованія прошелъ въ полномъ всеобщемъ молчаніи.

Но уже въ послѣдніе годы царствованія Николая у всѣхъ было такое ощущеніе, что такъ не можетъ дальше продолжаться. Съ восшествіемъ на престолъ Александра II, идеи политической свободы и соціалистическаго равенства начали уже открыто проявляться въ русскоъ государствѣ, но встрѣтивъ естественное сопротивленіе со стороны правительства, вскорѣ снова перешли на революціонную дорогу.

Предстоящее намъ изложеніе этой общественной эволюціи, цѣлесообразнѣе всего раздѣлить на 4 періода. Первый періодъ характеризующійся вліяніемъ Герцена и Чернышевскаго, какъ писателей, начинается 1855 г. и охватываетъ время подготовленія къ уничтоженію крѣпостного права и послѣдовавшее за этимъ разочарованіе, заканчиваясь польскимъ возстаніемъ 1863 г. Затѣмъ слѣдуетъ второй періодъ честной попытки со стороны демократовъ и либераловъ итти рука объ руку съ правительствомъ, которое предприняло тогда кое-какія реформы. Этотъ періодъ сопровождался затишьемъ на поприщѣ революціи, только слегка нарушавшимся покушеніемъ Каракозова и заговоромъ Нечаева. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, приблизитель-

но съ 1872 года начинается третій періодъ пропаганды со стороны многочисленныхъ мелкихъ кружковъ съ чисто соціалистическими цѣлями, придерживавшихся сначала мирныхъ средствъ, а съ 1875 г. переходившихъ къ болѣе рѣзкимъ пріемамъ революціонной агитаціи. Съ 1878 г. въ этомъ движеніи совершается наконецъ полный переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ; соціализмъ снова заслоняется политикой, децентрализованные мелкіе кружки вытѣсняются строго дисциплинированнымъ тайнымъ обществомъ съ исполнительнымъ комитетомъ во главѣ; на мѣсто мирныхъ средствъ выступаетъ терроръ, систематическое цареубійство.

Для подробнаго и самостоятельнаго изображенія двухъ первыхъ эпохъ такъ называемаго нигилизма у меня не хватаетъ, предварительнаго изученія, и поэтому я сдѣлалъ ихъ наброскъ по большей части по второстепеннымъ источникамъ. Напротивъ того третью и четвертую эпохи, эпохи соціализма и терроризма (1872-78-82) я хочу изложить возможно подробнѣе на основаніи всѣхъ доступныхъ мнѣ источниковъ.

Еще во время Крымской кампаніи, Александръ Герценъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Огаревымъ основалъ первую свободную русскую типографію въ Лондонѣ. Отсюда онъ привѣтствовалъ въ своемъ, ставшемъ знаменитымъ письмѣ, восшествіе на престолъ Александра II. Онъ требовалъ вознагражденія за все то зло, которое причинилъ Николай русскому народу, требовалъ полнаго разрыва съ проклятой системой всеобщаго рабства и угнетенія мысли, примиренія съ либеральными идеалами своей эпохи и прежде всего отмѣны крѣпостнаго права, какъ предварительнаго условія какого бы то ни было соглашенія между народомъ и правителемъ. При помощи газеты «Колоколъ» и журнала «Полярная звѣзда» онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на общественное мнѣніе Россіи, болѣе котораго едва ли когда имѣлъ другой писатель. Онъ нашелъ вѣрное выраженіе для мысли, которая тяжелымъ камнемъ лежала на душѣ цѣлаго народа и которую никто не рѣшался высказать такъ свободно, какъ этотъ смѣлый эмигрантъ. Деспотизмъ Николая не позволилъ создаться никакому общественному мнѣнію, никакой партіи, такъ что въ Россіи не было ничего, что могло бы дать отпоръ смѣлому слову Герцена или могло бы соперничать съ его газетой; лучшей рекомендаціей для послѣдней было ея запрещеніе правительствомъ. Все слѣпо слѣдовало за Герценомъ; важнѣйшія государственныя тайны открыто обсуждались въ его газетѣ, а имена агентовъ, посланныхъ въ Лондонъ для наблюденія за нимъ, бывали опубликованы раньше, чѣмъ они высаживались на англійскій берегъ*). Дѣятельность Герцена была главнымъ образомъ обличающая

*) Здѣсь кстати напомнить, что Ростовцевъ, на засѣданіи

и критикующая; тогда это было заслугой, и «русскій Вольтеръ» много способствовалъ моральному осужденію господствующей системы. По своимъ положительнымъ цѣлямъ онъ былъ соціалистъ старой школы; старѣющей Европѣ и своей собственной странѣ онъ рекомендовалъ великорусскую общину, которую открылъ нѣмецъ Гакстгаузенъ; подобно Руссо, онъ считалъ занятіе крестьянина единственно здоровымъ; крестьянина надо было освободить и поднять до положенія господствующаго класса; все же остальное слѣдовало предоставить въ будущемъ счастливому народному инстинкту. Его политическій идеалъ былъ идеалъ декабристовъ: федеральная славянская республика, при чемъ Польша должна была получить независимость. Сначала Герценъ велъ «Колоколъ» въ умѣренномъ духѣ; онъ возлагалъ большія надежды на добрую волю молодого монарха и защищалъ освобожденіе крестьянъ и достаточное надѣленіе ихъ землей. Только разочарованіе, вызванное манифестомъ объ освобожденіи, и личное вліяніе его друга Бакунина, бѣжавшаго изъ Сибири и явившагося въ Лондонъ въ январѣ 1862 г., сдѣлали его болѣе радикальнымъ.

Между тѣмъ въ самой Россіи печать, теперь нѣсколько болѣе свободная, начала пользоваться громаднымъ матеріаломъ и обрабатывать его для своихъ читателей. Съ одной стороны такъ наз. обличительная литература направила уничтожающую критику на современныя условія и на испорченность привилегированныхъ классовъ. Позднѣе, Щедринъ и другіе писатели довели этотъ родъ литературы до истинной виртуозности, а Рѣшетниковъ, Глѣбъ Успенскій и поэтъ Некрасовъ въ трогательныхъ словахъ описывали и воспѣвали несчастное положеніе народа. Создалось то натуралистическое и пессимистическое направленіе въ литературѣ, которое во многихъ случаяхъ отказывалось отъ всякихъ требованій красоты. Съ другой стороны пресса стремилась познакомить русскую публику съ западно-европейскими идеалами и научными выводами, запрещенными до того времени въ Россіи, съ атеизмомъ и современными естественными науками. Прежде всего, интересовались соціализмомъ, затѣмъ всѣмъ, что было либерально. Вождемъ этого литературнаго движенія явился «Современникъ», главные сотрудники котораго Чернышевскій и Добролюбовъ излагали — конечно въ соотвѣтствующей цензурнымъ условіямъ формѣ — демократическо-соціалистическія идеи того времени. Эти два человѣка оказали рѣшающее вліяніе на революціонное развитіе русской молодежи. Добролюбовъ (умершій

Редакціонной Комиссіи, 23 марта 1859 г. заявилъ, что онъ получилъ разрѣшеніе получать изъ III-го отдѣленія по одному экземпляру *Колокола* и герценовскаго сборника *Голоса изъ Россіи*, какъ пособіе для занятія Комиссіи. Л. Ш.

уже въ 1861 г. на 24 году жизни отъ чахотки) отличался, какъ критикъ, сильной логикой и повергъ въ прахъ прежнихъ идоловъ русской интеллигенціи. Чернышевскій (родился въ 1829 г.) энциклопедически образованный писатель, въ многочисленныхъ статьяхъ сообщалъ малознающей русской публикѣ выводы европейской науки въ самой популярной и потому очень растянутой формѣ. Онъ былъ демократъ и соціалистъ въ духѣ школы С. Симона и Фурье. Большое практическое значеніе имѣлъ его романъ «Что дѣлать?», написанный въ тюрьмѣ. Это изображеніе русской молодежи, — въ эстетическомъ отношеніи нѣчто чудовищное — является чѣмъ то, вродѣ возраженія на герценовское «Кто виноватъ» и тургеневскихъ «Отцовъ и дѣтей»; оно должно было изобразить ходъ развитія и положительную программу молодого поколѣнія. Не слѣдуетъ забывать, наконецъ, того громаднаго личнаго вліянія, какое эти люди имѣли на своихъ сверстниковъ, хотя Чернышевскій былъ гораздо больше кабинетнымъ ученымъ, чѣмъ практическимъ революціонеромъ.

Всѣ «либералы»,—какъ настроенные болѣе или менѣе соціалистически, такъ и просто демократы, вначалѣ питали полное довѣріе къ доброй волѣ молодого монарха, который самъ взялъ на себя инициативу въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и такъ энергично выступилъ напр. въ Москвѣ противъ отрицательно относившагося къ реформамъ дворянства. Всѣ либералы приняли участіе въ критикѣ существующихъ условій и старались по своему способствовать созданію новыхъ порядковъ. При освобожденіи соціалисты защищали исключительно интересы крестьянъ и, въ существенномъ, были воодушевлены слѣдующими тремя мыслями: личная свобода, надѣленіе крестьянъ всею находившеюся до сихъ поръ въ ихъ пользованіи землею за возможно низкое вознагражденіе, а гдѣ возможно-безплатно, при обязательности освобожденія, наконецъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія, въ которомъ они видѣли зародышъ будущаго соціальнаго порядка. Другихъ соціалистическихъ теорій нельзя было по справедливости и требовать въ то время, когда соціализмъ не вступилъ еще въ современную научную фазу. Чернышевскій самъ лично принималъ самое живое участіе въ предварительныхъ работахъ по выработкѣ закона объ освобожденіи, много вращался среди либеральныхъ и вліятельныхъ членовъ комиссій, которыя вырабатывали этотъ законъ; онъ же поставилъ на обсужденіе вопросъ объ общинномъ землевладѣніи и выпустилъ цѣлый рядъ статей о величинѣ земельнаго надѣла и выкупныхъ платежей.

Либеральное дворянство, наряду съ прессой, пыталось оказать вліяніе на ходъ законодательства. Однако, освобожденіе крестьянъ велось вполнѣ бюрократически и даже, когда въ 1859 г. представители дворянства были вызваны въ Петербургъ,

то отъ нихъ потребовали только отвѣтовъ на поставленные вопросы и воспротивились даже ихъ стараніямъ устроить общія собранія. Возмущенные этимъ, они рѣшили обсуждать вопросъ объ освобожденіи попутно на предстоящихъ зимой дворянскихъ собраніяхъ; но и это было запрещено; когда же, не смотря на это, въ Тверскомъ собраніи этотъ вопросъ все-таки обсуждался, то предводитель дворянства, Унковскій, былъ высланъ административно въ Вятку (возвращенъ черезъ 8 мѣсяцевъ). Эта мѣра увеличила недовольство; пріобрѣло вліяніе мнѣніе, что послѣ уничтоженія могущества дворянства уже никакая сила не сможетъ быть противовѣсомъ царскому деспотизму (противовѣса этого, впрочемъ, не было при Николаѣ); слово «конституція» было громко произнесено, и въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ дѣло дошло до маленькихъ демонстрацій, при чемъ, напр., Владимирское собраніе въ адресѣ царю констатировало, что исполненіе закона зависитъ въ Россіи большею частью отъ личнаго произвола, который слѣдовало бы регулировать закономъ. Такъ какъ подобные адреса имѣлись въ виду и въ другихъ губерніяхъ, раздражать же дворянство еще сильнѣе правительство не рѣшалось, то царь ограничился тѣмъ, что приказалъ сдѣлать замѣчаніе предводителю дворянства.

Наконецъ, и молодежь въ городахъ сдѣлалась безусловнымъ приверженцемъ радикальныхъ ученій и прежде всего поставила своею цѣлью образовывать народъ, заниматься съ нимъ по элементарнымъ предметамъ, естественными науками, а въ послѣдней инстанціи радикализмомъ, которому они сами только что обучились. По образцу Петербурга, во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ основывались добровольныя воскресныя школы, въ которыхъ съ одушевленіемъ преподавали молодые учителя, студенты, болѣе взрослые гимназисты. Учрежденіе воскресныхъ школъ сдѣлалось тогда манією молодыхъ людей. Однако этотъ первый соціально-политическій энтузіазмъ у однихъ скоро выдохся, а другимъ губернаторы затрудняли работу, предписывая мастерамъ посылать своихъ учениковъ въ воскресныя школы аккуратно и «хорошо одѣтыми»; такъ что черезъ три-четыре года эти школы покончили свое существованіе *). Онѣ не остались совершенно безрезультатными; такъ, напр., въ Петербургѣ было констатировано повыше-

*) Воскресныя школы покончили свое существованіе не въ силу охлажденія первоначальнаго энтузіазма молодежи, какъ выходитъ это здѣсь у автора, а насильственнымъ путемъ: онѣ были закрыты правительственнымъ распоряженіемъ, въ 1862 г., послѣ петербургскихъ пожаровъ, одновременно съ другими реакціонными мѣрами, — о чемъ, впрочемъ, упоминаетъ далѣе самъ авторъ. Л. Ш.

ніе образовательнаго уровня среди гвардейскихъ полковъ. Именно въ этомъ городѣ все движеніе имѣло безспорное значеніе, такъ какъ нѣсколько радикальныхъ писателей стали во главѣ его и думали пропагандировать свои идеи въ воскресныхъ школахъ.

Такова была дѣятельность «либеральной» партіи, поскольку я могу указать ее здѣсь въ бѣглыхъ чертахъ; по идеямъ она была революціонна, и выраженія ея, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ литературѣ, носили часто крайній характеръ. Но средства были во всякомъ случаѣ мирныя, потому что многіе еще надѣялись тогда на выполненіе своихъ либеральныхъ желаній со стороны царя. Но въ кругахъ болѣе посвященныхъ лишь уже начало сказываться сомнѣніе въ доброй волѣ и въ способности царя провести крупныя реформы въ желательномъ смыслѣ. И эти сомнѣнія подтвердились, когда въ 1860 г., послѣ смерти либерала Ростовцева, предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи былъ назначенъ графъ Панинъ, извѣстный за реакціонера и защитника интересовъ помѣщиковъ. Изъ автобіографіи Чернышевскаго*) ясно видно, какъ онъ постепенно терялъ надежду на мирное разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ. Открытое письмо отъ 1-го марта 1860 г. въ «Колоколѣ», въ которомъ Герцена упрекаютъ за слишкомъ далеко идущій оптимизмъ, принадлежитъ кому либо изъ людей, близкихъ Чернышевскому если не ему самому (что, впрочемъ, не установлено). Скоро, писалъ авторъ письма, Александръ II покажетъ николаевскіе зубы; въ политикѣ надежда—та золотая цѣпь, которая легко можетъ превратиться въ оковы. Въ Россіи можетъ помочь только топоръ. «Колоколъ» долженъ возвѣщать не обѣдню, а бурю.» Отъ такой дѣятельности Герценъ отказывался. Государемъ, говорилъ онъ, дарована уже нѣкоторая свобода; назрѣвающимъ вопросамъ надо дать время выясниться. Пока есть еще надежда на мирное разрѣшеніе, не слѣдуетъ братьсѧ за топоръ; съ іюньскихъ дней онъ питаетъ ужасъ къ кровавой революціи. Въ этихъ письмахъ ясно сказалась разница между Герценомъ и уже стремившейся «къ дѣйствіямъ» молодежи, и съ этихъ поръ начинаетъ убывать его вліяніе на послѣднюю, тѣмъ болѣе, что его литературная дѣятельность не подкрѣплялась его личнымъ воздѣйствіемъ**).

---

*) «Прологъ къ прологу», напечат. въ 1877.

**) Къ этому періоду относится статья Герцена въ «Колоколѣ» (1859 г.): Very dangerous! (Очень опасно), гдѣ въ очень рѣзкой формѣ было сдѣлано нападеніе на Чернышевскаго и Добролюбова за ихъ стремленіе высмѣивать и выпучивать либераловъ. Это стремленіе приписывалось какой-то безпредметной озлобленности. Чернышевскій ѣздилъ тогда въ Лондонъ для личнаго объясненія съ Герценомъ; но на этотъ разъ они

19 февраля 1861 г. принесло, наконецъ, рѣшеніе. Но оно было не то, какого требовали либералы и соціалисты. Крестьяне далеко не получили всей той земли, которой они пользовались до тѣхъ поръ; наоборотъ, она во многихъ мѣстахъ была урѣзана въ пользу помѣщиковъ. Освобожденные крестьяне не получили земли безвозмездно; выкупные и оброчные платежи были очень высоки, а во многихъ мѣстахъ, именно въ сѣверной и средней Россіи, они были такъ высоки, что далеко превышали доходность земли. Правительство авансировало крестьянамъ выкупной капиталъ и брало съ нихъ за это 6%; въ эти 6% входили проценты на выкупной капиталъ и процентъ погашенія, разсчитанный на 49 лѣтъ. Слѣдствіемъ этого было, что крестьяне, связанные платежами, были лишены свободы передвиженія; иначе они бросили бы свои обремененные платежами участки и выселились бы въ степи. Крестьяне остались, такимъ образомъ, какъ и раньше прикрѣпленными къ землѣ; затѣмъ, съ теченіемъ времени, въ большей или меньшей степени, обнаружились всѣ тѣ хозяйственные недостатки, которые предвидѣли и отъ которыхъ предостерегали радикальные писатели. Крестьяне также совершенно иначе представляли себѣ освобожденіе и желали совершенно другого; они считали ту землю, которой пользовались до сихъ поръ, собственностью общинъ и понимали освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, какъ освобожденіе отъ всякихъ податей и обязательныхъ услугъ. Вмѣсто этого имъ уменьшили ихъ общинную землю и наложили на нихъ болѣе тяжелыя повинности. Поэтому было легко ложными слухами внушить крестьянамъ вѣру, что царь даровалъ имъ землю безплатно, а помѣщики воспрепятствовали исполненію законныхъ предписаній. Такимъ образомъ въ селѣ Бездне, въ 80-ти верстахъ отъ Казани, крестьянинъ Антонъ Петровъ, раскольничій начетчикъ, 24-хъ лѣтъ, успѣлъ убѣдить окрестныхъ крестьянъ въ подложности объявленной имъ воли и собралъ около себя десятитысячную толпу, наотрѣзъ отказавшуюся выдать его начальству. Тогда была призвана военная команда изъ 1200 человѣкъ съ двумя пушками. Крестьяне были не организованы и безоружны, и только такой жестокій генералъ, какъ Апраксинъ, могъ приказать дать въ нихъ нѣсколько залповъ, причемъ было убито 55 и ранено 71 человѣкъ. Подобныя возмущенія были и въ другихъ губерніяхъ. Такъ, были волненія въ Пензенской губ., причемъ въ деревнѣ Черногаѣ

не поняли другъ друга. Извѣстно, что позднѣе, когда начавшаяся реакція доказала несостоятельность либеральной программы, Герценъ оцѣнилъ рѣзкое отношеніе къ ней «Современника» и приглашалъ Чернышевскаго перенести изданіе его въ Лондонъ, предлагая ему для этого свои деньги. Л. Ш.

было убито, 10 апрѣля, три человѣка и ранено 18; а въ деревнѣ Кандѣевкѣ, 18-го апрѣля, убито восемь человѣкъ и ранено 27. Въ Воронежской губ. въ имѣніи Станкевичей было убито 40 человѣкъ крестьянъ.*)

Манифестъ 19 февраля 1861 г. создалъ глубокую пропасть между радикальными соціалистами и правительствомъ. Этотъ же годъ присоединилъ къ рѣшительной оппозиціи и большую часть студенчества. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ выработалъ и опубликовалъ лѣтомъ законъ, который отнималъ у студентовъ всѣ фактически данныя имъ вольности (напр. право сходокъ, учрежденія кассъ взаимопомощи, библіотекъ и т. п.) и повышалъ плату за право ученія до 50 рублей, чтобы затруднить доступъ въ университеты. Едва только молодежь собралась осенью, какъ разразилась буря возмущенія; прежде всего въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ другихъ университетахъ дѣло дошло до безпорядковъ, которые, вслѣдствіе безтактности и жестокости властей и возбужденія студентовъ, кончились многочисленными арестами, строгими наказаніями, даже кровавыми столкновеніями. Такимъ образомъ М. Михайлову было легко возбудить «молодое поколѣніе» пламеннымъ воззваніемъ къ нему въ своей прокламаціи, вызвать сочувствіе къ своей радикально-политической и соціалистической программѣ и завоевать себѣ соумышленниковъ. Это свое дѣяніе ему пришлось искупить шестилѣтними каторжными работами въ Сибири, гдѣ онъ и умеръ въ 1865 г.

Либералы между тѣмъ не оставались праздными. Тайное общество, состоявшее изъ офицеровъ, настроенныхъ конституціонно, хотя и не соціалистически, устроило въ зданіи Генеральнаго Штаба тайную типографію и стало издавать газету «Великороссъ» (3 №№ съ августа по ноябрь 1861 г.). Въ послѣднемъ № былъ помѣщенъ адресъ, обращенный къ царю со слѣдующими требованіями: надѣленіе крестьянъ тою землею которою они владѣли до того времени, безъ выкупныхъ платежей, устраненіе злоупотребленій въ управленіи финансами, юстиціей и полиціей, созывъ учредительнаго собранія и освобожденіе Польши отъ русскаго владычества.*) Движеніе сдѣлалось еще болѣе оживленнымъ, когда въ теченіе зимы 1861/2 г. дворянскія собранія Москвы, Смоленска и Твери также

*) Въ тѣхъ случаяхъ, когда у Туна встрѣчаются мелкія фактическія неточности, какъ напримѣръ въ передачѣ бездниского дѣла, мы просто будемъ дѣлать надлежащія поправки и дополненія въ текстѣ, не сопровождая ихъ никакими примѣчаніями. Л. Ш.

*) Тунъ ошибается, относя тайное общество «Великорусса» къ либеральному движенію См. объ этомъ подробнѣе въ примѣчаніяхъ въ концѣ главы. Л. Ш.

высказались за сословную конституцію и ходатайствовали о ней передъ царемъ въ адресахъ. Въ собственныхъ интересахъ дворянства было добиться конституціи, чтобы ограничить абсолютную власть правительства, которая съ уничтоженіемъ крѣпостного права сдѣлалась безграничною. Вѣдь далъ-же царь въ это же самое время сословное представительство Финляндцамъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1862 г. между соціалистами, студентами и конституціоналистами господствовало сильное возбужденіе, которое разжигалось какъ эмигрантской *), такъ и туземной прессой, и мало по малу сообщилось и другимъ слоямъ населенія. И вотъ въ маѣ мѣсяцѣ изъ глубины движенія поднялась волна, которая рисуетъ намъ образъ мыслей нѣкоторыхъ радикаловъ. Въ кровожадной прокламаціи «Молодая Россія», «центральный революціонный комитетъ» объявляетъ, что герценовскій «Колоколъ» не можетъ быть признанъ выраженіемъ мнѣній «партіи», такъ какъ онъ возлагаетъ слишкомъ много надеждъ на царя. Романовы — а въ случаѣ необходимости и вся царская партія — своей кровью должны заплатить за несчастіе народа*). Это воззваніе явилось въ самое неудобное время, потому что въ маѣ 1862 г. въ Петербургѣ происходили большіе пожары, причемъ погибли цѣлыя базарныя площади и много казенныхъ зданій. Кто были дѣйствительные виновники — не выяснено до сихъ поръ*). Эти событія дали правительству поводъ принять мѣры противъ радикаловъ. Оно запретило шахматные клубы и читальни, въ которыхъ они собирались, закрыло воскресныя школы, пріостановило на 8 мѣсяцевъ изданіе «Современника», запретило совсѣмъ «День» Аксакова, усилило надзоръ за типографіями, а главное—арестовало въ началѣ іюля Чернышевскаго и цѣлый рядъ другихъ радикаловъ. (Серно-Соловьевичъ, Писаревъ, Баллодъ, Вѣтошниковъ, Вороновъ и др.)

Это выступленіе правительства сдѣлалось исходнымъ пунктомъ перемѣны во взглядахъ общества. Только теперь нашелся журналистъ, профессоръ Михаилъ Катковъ, который испросилъ и получилъ у правительства разрѣшеніе направить въ своей московской газетѣ первые нападки на Герцена и Коло-

*) Кромѣ Герцена, въ 1862 г Блюммеръ въ Берлинѣ и князь Долгорукій въ Парижѣ издавали другія газеты: ***Будущность***, ***Свободное Слово***, ***Правдивый*** и др.

*) Перепечатано въ «Свободномъ словѣ» Блюммера, 1862 года, стр. 313.

*) Тунъ выражается здѣсь недостаточно опредѣленно: слѣдственная комиссія ***выяснила***, что въ ея рукахъ не было ни малѣйшихъ данныхъ для обвиненія въ поджогахъ студентовъ и революціонеровъ. Л. Ш.

колъ. Правда, онъ признавалъ его заслуги въ дѣлѣ возбужденія общественнаго мнѣнія, но объявилъ утопіей его соціалистическія идеи. Съ другой стороны репрессаліи правительства имѣли противоположныя слѣдствія.

Тайныя общества, которыя до того времени существовали безъ названія въ Петербургѣ — одно даже съ 1857 г. — вошли въ связь между собой и приняли весною 1863 г. — по заглавію одной изданной ими брошюры — «Что нужно народу? — Земля и воля!» — эти послѣднія слова, какъ названіе своего союза. Общество это находилось въ Петербургѣ и имѣло въ другихъ городахъ лишь отдѣльныхъ членовъ. Сколько ихъ было — держалось въ тайнѣ; органомъ его считалась «Свобода» (2 номера), на ряду съ которой появлялись отдѣльные летучіе листки, не получившіе однако большого распространенія. Въ Казани составилась мѣстная организація между студентами и офицерами, которая впослѣдствіи была открыта причемъ трое изъ ея членовъ за распространеніе воззваній и ложныхъ манифестовъ были разстрѣляны и повѣшены, четверо осуждены на 25-лѣтнія каторжныя работы и нѣсколько присуждены къ болѣе мелкимъ наказаніямъ*).

Но въ 1863 г. случилось событіе, которое разбудило патріотизмъ русскихъ, и благодаря этому, какъ и въ Германіи въ 1870/71 г., надолго заглушило соціализмъ. Этимъ событіемъ было польское возстаніе, за которое выступили русскіе революціонеры. Герценъ, побуждаемый друзьями и адресами изъ Польши, высказался въ «Колоколѣ» за поляковъ, а Бакунинъ, который еще въ 1847 г. произнесъ возбудившую вниманіе рѣчь въ пользу возстановленія этого государства, собралъ отрядъ добровольцевъ, чтобы изъ Швеціи напасть на Литву. Когда раздался первый выстрѣлъ въ Варшавѣ, петербургскіе студенты устроили полякамъ сочувственную демонстрацію; они присутствовали при заупокойной обѣднѣ въ память павшихъ и пѣли польскіе гимны. «Земля и воля» вошла въ сношеніе съ тайнымъ обществомъ, которое существовало среди войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, и считало въ числѣ своихъ чле-

*) По словамъ одного изъ членовъ этой организаціи, С. Я. Жеманова, осужденнаго на каторгу и бѣжавшаго изъ тюрьмы заграницу, организація ихъ возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ бездненскаго дѣла, показавшаго, что въ крестьянствѣ существуетъ сильное недовольство и что оно способно къ массовому движенію. У организаціи были связи съ группами, существовавшими въ другихъ поволжскихъ городахъ. Планъ былъ такой: овладѣть оружіемъ, сплавлявшимся каждою весною изъ Ижевскаго оружейнаго завода по Камѣ въ Казань, и поднять возстаніе крестьянъ. Заговоръ былъ открытъ вслѣдствіе слрчайной неосторожности. Л. Ш.

новъ многихъ молодыхъ офицеровъ, между прочимъ А. Потебню. Они не хотѣли идти противъ Польши, потому что считали подавленіе Польши только вступленіемъ къ порабощенію собственнаго отечества и разсчитывали послѣ начала возстанія направить свои силы противъ русскаго правительства. При переговорахъ между польскимъ и русскимъ комитетами, послѣдній старался обезопасить Украину и Литву отъ польскаго гнета и предупреждалъ, что мало надеждъ на подобное же параллельное движеніе въ Россіи; такъ что слишкомъ рано начавшееся движеніе рисковало потерпѣть неудачу. Предостереженіе было справедливо; возстаніе было быстро подавлено; Потебня и его товарищи нашли смерть въ рядахъ повстанцевъ. Вначалѣ къ борьбѣ относились нерѣшительно не только соціалисты, но и либералы. Тогда выступилъ Катковъ и нашелъ въ рѣшительную минуту удачное слово, возбудивъ патріотизмъ русскихъ. Какъ и годъ тому назадъ, онъ страстно напалъ на Герцена и на его направленіе. Онъ не отрицалъ благодѣтельнаго возбужденія, которое раньше внесъ Герценъ. Но онъ объявилъ недостижимыми цѣли, которыя Герценъ ставилъ себѣ въ послѣднее время. Совершенно безразсудно поддерживать польское возстаніе и тѣмъ ослаблять Россію. Тотъ, кто желаетъ конфедераціи всѣхъ славянъ, тотъ не имѣетъ права подрывать передовую силу славянства, которая одна можетъ освободить своихъ соплеменниковъ. Русскій человѣкъ не можетъ имѣть ничего общаго съ польскимъ возстаніемъ, которое возбуждаютъ враги государства, Франція и Англія. Кромѣ того, поляки являются притѣснителями русскихъ въ Украинѣ и Литвѣ; управленіе возстаніемъ перешло изъ рукъ красныхъ въ руки бѣлыхъ; отъ этихъ аристократовъ Россія должна освободить народъ и поддержать крестьянъ, которые уже и сами возстали противъ своихъ польскихъ господъ.

Побѣда Каткова была полная; въ минуту опасности онъ повернулъ общественное мнѣніе въ пользу національнаго дѣла.

Либералы согласились съ нимъ, и даже самые передовые петербургскіе либералы порвали свои связи съ поляками, послѣ того какъ возстаніе изъ рукъ красныхъ перешло въ руки бѣлыхъ. Вѣдь теперь дѣло шло о томъ, чтобы освободить крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ отъ аристократовъ!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

Очеркъ общественныхъ движеній въ Россіи съ конца XVIII вѣка по 1855 годъ сдѣланъ у автора настолько бѣгло, что для пополненія его пришлось-бы написать большую вступительную главу. Но такое расширеніе предлагаемаго перевода не входитъ въ цѣли нашего изданія. Мы рѣшились поэтому и въ данномъ случаѣ ограничиться лишь самыми необходимыми примѣчаніями.

* * *

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на перечисленіе авторомъ причинъ, вызвавшихъ въ Россіи движеніе декабристовъ. Въ этомъ перечисленіи поставлены въ одинъ рядъ, безъ всякой, такъ сказать исторической перспективы, поэзія Пушкина и рукописныя стихотворенія Рылѣева, заграничный походъ русской арміи, возникновеніе общества «Арзамасъ», реакціонный поворотъ во внутренней политикѣ Александра I и наконецъ возникновеніе въ 1817 году перваго тайнаго общества подъ вліяніемъ Пестеля. Этотъ безпорядочный перечень далеко неодинаковыхъ по своему значенію событій необходимо привести въ болѣе тѣсную связь съ общимъ ходомъ развитія русской общественной жизни.

Основною причиною въ ряду всѣхъ причинъ, подготовившихъ революціонное движеніе декабристовъ, было несомнѣнно очень близкое соприкосновеніе верхнихъ слоевъ тогдашняго русскаго общества съ западно-европейскою культурою, особенно усилившееся съ послѣдней четверти XVIII вѣка; причемъ, поверхностное подражаніе французскимъ модамъ и манерамъ, соотвѣтствовавшее первоначальному фазису этого сближенія, стало постепенно сопровождаться распространеніемъ въ Россіи западно-европейскаго просвѣщенія и проникновеніемъ въ нее французскихъ освободительныхъ идей. Еще за цѣлое поколѣніе до декабристовъ, это просвѣтительное вліяніе Западной Европы на русское общество обнаружилось въ возникновеніи въ немъ такихъ кружковъ, какъ извѣстное Дружеское Общество Шварца и Новикова, въ появленіи въ немъ такихъ людей, какъ Радищевъ и такихъ сочиненій, какъ

его знаменитая книга (1790 г.). Извѣстно, что А. Н. Радищевъ воспитывался въ Лейпцигѣ, вмѣстѣ съ одиннадцатью другими русскими юношами, которыхъ Екатерина II отправила учиться заграницу, желая «получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ». Въ Лейпцигѣ эти русскіе студенты сначала увлекались философіей послѣдователей Лейбница, но скоро, по свидѣтельству ихъ самихъ, вліяніе на нихъ нѣмецкой университетской философіи уступило мѣсто болѣе живому вліянію сочиненію Гельвеція, Гольбаха и Мабли.

Извѣстно также, что событія великой французской революціи не проходили безслѣдно для Россіи и дѣйствовали самымъ возбуждающимъ образомъ на только что зарождавшуюся тогда русскую интеллигенцію. Если вѣрить мемуарамъ Сегюра, жившаго въ то время въ Петербургѣ, оказывается, что взятіе, напримѣръ, Бастиліи вызвало неописуемый восторгъ среди тогдашнихъ петербургскихъ «негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса». «Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы»— говоритъ тотъ-же авторъ — «всѣ, посреди улицы, поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжелой цѣпи, сковывавшей ихъ самихъ».

Мы видимъ, слѣдовательно, что умственная жизнь Западной Европы XVIII вѣка и главнѣйшія историческія событія этой эпохи не прошли совершенно безслѣдно даже для русскаго общества. Они отразились на тѣхъ его слояхъ, которые были доступны ихъ вліянію, т. е. прежде всего на верхнихъ дворянскихъ слояхъ, причемъ, какъ это всегда бываетъ, всего сильнѣе отразились именно на молодомъ поколѣніи.

Извѣстно, что движеніе декабристовъ охватило собою почти исключительно одну дворянскую молодежь. Изъ 121 человѣкъ осужденныхъ по этому дѣлу, лишь 12 человѣкъ имѣло тогда болѣе 34 лѣтъ, большинство же остальныхъ не достигло тридцатилѣтняго возраста. Отцы этой молодежи принадлежали въ большинствѣ случаевъ къ такъ называемымъ вольнодумцамъ и вольтерьянцамъ екатерининскаго вѣка; воспитаніе эта молодежь получила или домашнее, подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, или въ частныхъ пансіонахъ, содержавшихся также иностранцами, или же прямо заграницею, въ Парижѣ и Лейпцигѣ. Многіе изъ декабристовъ, впрочемъ, воспитывались въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ; но, «кадетскіе корпуса, по словамъ историка Ключевскаго, были тогда разсадниками общаго либеральнаго образованія и всего менѣе были похожи на техническія и военно-учебныя заведенія». Ключевскій указываетъ между прочимъ на значительную роль, какую сыграли въ дѣлѣ воспитанія тогдашней богатой дворянской молодежи частные пансіоны іезуитовъ, проникшихъ въ

Россію вмѣстѣ съ французскими эмигрантами. Это были очень дорогіе пансіоны; они привлекали къ себѣ воспитанниковъ чрезвычайно хорошей постановкой въ нихъ учебной части. Въ общемъ, поколѣніе выставившее изъ своей среды декабристовъ и образовавшее ту среду, въ которой это движеніе встрѣтило подготовленную почву и развилось съ необычайной быстротой, получило очень хорошую по тому времени теоретическую подготовку, причемъ оно было воспитано преимущественно на французской литературѣ и владѣло французскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ. При такой исключительно благопріятной теоретической подготовкѣ, это молодое поколѣніе вступило почти цѣликомъ въ ряды петербургской гвардіи въ началѣ царствованія Александра I, въ періодъ либеральныхъ надеждъ и мечтаній. Участіе въ войнѣ 1812 г., а затѣмъ въ грандіозныхъ событіяхъ европейской исторіи должно было очень сильно приподнять общее патріотическое настроеніе этой молодежи, причемъ близкое столкновеніе съ западной культурой, какъ упоминаетъ объ этомъ и нашъ авторъ, должно было сдѣлать эту молодежь горячей сторонницей идей гражданственности, свободы и конституціонализма.

«Можно сказать»—говорится въ разборѣ Герцена и Огарева извѣстной книги Корфа «О восшествіи на престолъ императора Николая I» — «въ 1816 г. наше образованное меньшинство состояло изъ людей, внутренно пережившихъ всѣ европейскія событія и готовыхъ проповѣдывать понятія новаго государственнаго устройства именно потому, что ихъ умъ, усвоивъ теорію, вышелъ чистъ изъ европейскихъ событій, не подавленный, не искаженный ни бонапартизмомъ, ни буржуазнымъ началомъ. Война 1812 года заставила ихъ почувствовать свои силы; они были исполнены одушевленія».

Въ такомъ настроеніи эти люди вернулись въ Россію. Это возвращеніе совпало, какъ извѣстно, съ рѣзкимъ реакціоннымъ поворотомъ во всей политикѣ Александра I. Намъ достаточно будетъ напомнить здѣсь, въ нѣсколькихъ чертахъ, лишь главнѣйшія проявленія этой реакціонной политики внутри самой Россіи.

Все внутреннее управленіе русскаго государства было передано тогда Александромъ въ руки ненавистнаго Аракчеева, который уже съ 1815 года пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ. Умственная жизнь русскаго общества подпала подъ гнетъ нетерпимѣйшей и невѣжественнѣйшей православно-церковной реакціи, принявшей въ то время такіе размѣры, что въ 1817 году произошло даже сліяніе министерства народнаго просвѣщенія съ вѣдомствомъ святѣйшаго синода, причемъ въ этомъ соединенномъ вѣдомствѣ неограниченная власть принадлежала Голицыну, Руничу и Магницкому. О низахъ тогдашняго русскаго общества нечего уже и говорить.

Жизнь этихъ низшихъ слоевъ была наполнена всѣми ужасами помѣщичьяго и полицейскаго произвола надъ крестьянами, и всѣми ужасами военныхъ поселеній и аракчеевскаго режима въ войскахъ.

Таковы были тѣ общественныя условія, среди которыхъ возникло и развилось въ Россіи революціонное движеніе 20-хъ годовъ. Оно было вызвано рѣзкимъ противорѣчіемъ между идейнымъ настроеніемъ передовыхъ слоевъ русскаго общества и фактическими условіями русской общественной жизни. Вліяніе юношеской поэзіи Пушкина, о которомъ упоминаетъ авторъ, могло имѣть въ этомъ случаѣ лишь совершенно второстепенное значеніе. Еще меньшее значеніе въ ряду причинъ, вызвавшихъ движеніе декабристовъ въ Россіи, могло имѣть то литературное общество «Арзамасъ», о которомъ авторъ упоминаетъ очевидно лишь по недоразумѣнію. Общество «Арзамасъ преслѣдовало чисто литературныя цѣли, въ узкомъ смыслѣ этого слова; оно вело борьбу со старо-русскимъ литературнымъ направленіемъ, представителемъ котораго былъ тогда Шишковъ, и состояло изъ почитателей Карамзина и Жуковскаго: Батюшкова, Воейкова, Вяземскаго, Уварова и др. Политическіе взгляды этого литературнаго кружка характеризовались стремленіемъ примирить свободное духовное развитіе съ самодержавіемъ и православіемъ. Основатель «Арзамаса», Блудовъ, участвовалъ, какъ извѣстно, въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ и былъ даже авторомъ *донесенія* этой коммиссіи, представленнаго Николаю. Впослѣдствіи онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Итакъ, движеніе декабристовъ возникло въ Россіи, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ западноевропейскаго умственнаго и политическаго движенія. Оно возникло и распространилось у насъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія среди образованной молодежи, выдвинутой привиллегированнымъ дворянскимъ сословіемъ, какъ неизбѣжный результатъ просвѣтительной дѣятельности самого русскаго правительства, которая была, въ свою очередь, вызвана неотложными потребностями государства. Въ этомъ смыслѣ, распространеніе западноевропейскихъ идей въ Россіи явилось неизбѣжнымъ результатомъ реформъ Петра Великаго.

Но, съ другой стороны, просвѣтительная дѣятельность монархическаго правительства, обусловленная прежде всего узкими интересами самого государства, необходимо должна была сопровождаться враждебнымъ отношеніемъ этого правительства къ широкому умственному развитію страны и необходимо должна была повлечь за собою спеціальныя реакціонныя мѣры и учрежденія, вызванныя именно этою просвѣтительною дѣятельностью. Если реформы Петра создали университеты, то онѣ же создали цензуру и сознательную,

систематическую реакцію, онѣ же создали Аракчеева и Магницкаго.

Такимъ образомъ конфликтъ между властью и освободительными идеями былъ въ концѣ концовъ неизбѣженъ. Этотъ конфликтъ и вызвалъ, въ данный моментъ и при данной конкретной обстановкѣ, революціонное движеніе декабристовъ. По существу своему, это движеніе носило не столько сословный и классовой, сколько чисто идейный характеръ. Это было, прежде всего, возстаніе избранныхъ или увлекающихся натуръ, во имя общественныхъ и общечеловѣческихъ идеаловъ. Если даже оно окрашивалось сословными тенденціями въ умахъ нѣкоторыхъ изъ его участниковъ, то руководящая роль принадлежала въ немъ людямъ, одушевленнымъ безкорыстными общественными стремленіями.

Въ этомъ именно страстномъ общественномъ чувствѣ, приподнятомъ до готовности итти сознательно на гибель, ради одного примѣра, ради пробужденія всего русскаго общества— какъ это было, напримѣръ, у Рылѣева — и заключалась основная двигательная сила, объединившая всю эту блестящую молодежь и заставившая ее броситься въ опасный политическій заговоръ. Если бы возстаніе декабристовъ кончилось побѣдой, то результаты ея несомнѣнно выразились-бы въ тѣхъ или другихъ сословныхъ формахъ, но эта побѣда была почти невозможной или по крайней мѣрѣ не могла бы быть прочной именно потому, что революціонное движеніе декабристовъ не опиралось на массовые сословные или классовые интересы, а напротивъ того стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствовавшими тогда сословными и классовыми интересами. Все значеніе этого движенія заключалось въ его глубокомъ вліяніи на умы, во внесеніи имъ въ русскую общественную жизнь гуманитарныхъ и революціонныхъ идей и традицій. «Пушечные выстрѣлы на Исакіевской площади» — сказалъ Герценъ — «разбудили цѣлое поколѣніе». Въ этихъ словахъ дана лучшая характеристика революціоннаго движенія декабристовъ.

Тотъ же самый, такъ сказать, подготовительный, идейный характеръ, характеръ борьбы за распространеніе извѣстныхъ революціонныхъ идей и стремленій въ передовыхъ интеллигентныхъ и передовыхъ рабочихъ слояхъ русскаго общества, русское революціонное движеніе носило въ теченіи очень долгаго времени; оно носило его и гораздо позже, въ теченіи всѣхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, вплоть до второй половины 90-хъ годовъ, когда ему удалось, наконецъ, пробить себѣ дорогу въ рабочія массы и опереться на классовые интересы этихъ рабочихъ массъ.

Но, опираясь, въ теченіи столь долгаго времени, на чисто идейные мотивы и стремленія, и вращаясь преимущественно

въ средѣ молодежи и вообще такъ называемыхъ идеологическихъ элементовъ русскаго общества, революціонное движеніе въ Россіи все болѣе и болѣе демократизировалось по-своему составу, охватывало все болѣе и болѣе широкіе слои населенія, все болѣе и болѣе проникало въ рабочія массы и вмѣстѣ съ тѣмъ принимало все болѣе и болѣе соціалистическій характеръ. Въ этомъ именно и заключалось его непрерывное развитіе; въ этомъ именно и состояли его положительные результаты среди тѣхъ безчисленныхъ потерь и жертвъ, которыми оно сопровождалось. Съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ оцѣнивать всѣ тѣ перипетіи революціонной борьбы въ Россіи, съ которыми читателю придется встрѣтиться при чтеніи книги Туна.

* * *

Въ заключеніи этой бѣглой замѣтки, относительно причинъ, вызвавшихъ у насъ движеніе декабристовъ, быть можетъ не лишнимъ будетъ пополнить также слишкомъ краткое изложеніе у автора фактической стороны этого движенія.

Первая мысль о тайномъ обществѣ возникла тогда въ южной арміи, которая послѣ возвращенія изъ-за границы была расположена въ Кіевской и Каменецъ-Подольской губерніяхъ. Возникла эта мысль впервые у братьевъ Муравьевыхъ, Александра и Никиты. Въ 1816 г. Муравьевы пріѣхали въ Петербургъ и здѣсь положили начало первому тайному обществу, назвавшемуся *Союзомъ Спасенія или истинныхъ сыновъ отечества*. Въ него вошли сначала князь Трубецкой, Якушкинъ, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы. Вскорѣ послѣ того въ него вошелъ также и Павелъ Пестель, адъютантъ князя Витгенштейна, командовавшаго южной арміей; это былъ по отзывамъ всѣхъ современниковъ человѣкъ выдающагося ума и необычайно сильнаго характера. Возникшее общество стало быстро пріобрѣтать новыхъ членовъ; въ 1818 году оно переименовалось въ *Союзъ Благоденствія*, принявъ уставъ, отчасти напоминавшій уставъ нѣмецкаго Тугендсбунда. Цѣли общества были тогда поставлены довольно широко и неопредѣленно; никто изъ членовъ не долженъ былъ ни въ какомъ случаѣ покидать службы, военной или гражданской, каждый принималъ на себя обязанность стремиться всѣми зависящими отъ него способами ко благу Россіи. Н. Тургеневъ, авторъ замѣчательной въ свое время книги *О теоріи налоговъ*, ставилъ, среди цѣлей общества, на первое мѣсто освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и непремѣнно съ землей. Пестель тогда же старался придать обществу революціонный характеръ и въ своемъ первомъ проектѣ устава уже вводилъ пунктъ, требовавшій ни въ какомъ случаѣ не присягать наслѣднику престола, не ограничивъ его самодержавія.

Но другимъ лицамъ проектъ Пестеля показался неудобнымъ для первоначальныхъ дѣйствій тайнаго общества, вслѣдствіе чего этотъ проектъ былъ измѣненъ въ болѣе неопредѣленномъ смыслѣ стремленія ко благу Россіи. Въ такомъ видѣ общество просуществовало до 1821 года, очень расширившись въ своемъ составѣ, но почти потерявъ характеръ тайнаго общества. Его дѣятельность за этотъ періодъ времени носила скорѣй культурный и просвѣтительный характеръ и, въ этихъ рамкахъ, несомнѣнно принесла большую пользу Россіи. Во многихъ полкахъ совершенно вывелись тогда изъ употребленія тѣлесныя наказанія солдатъ и даже грубое обращеніе съ ними; во многихъ деревняхъ были заведены школы; создалось общественное мнѣніе, подъ давленіемъ котораго болѣе или менѣе гуманное обращеніе съ крестьянами и стремленіе къ просвѣщенію сдѣлались обязательными для всѣхъ желавшихъ считаться порядочными людьми.

Но эта чисто культурная дѣятельность не удовлетворяла иниціаторовъ движенія, да и не могла разрѣшить того положенія, которое было создано реакціонной политикой Александра. Тогда ими былъ задуманъ рѣшительный шагъ. Въ февралѣ 1821 г., въ Москвѣ былъ созванъ общій съѣздъ тайнаго общества. На этомъ съѣздѣ были подняты вопросы, которые неминуемо должны были вызвать непримиримыя разногласія. Тогда друзья Пестеля, съ согласія другихъ энергичныхъ и убѣжденныхъ членовъ, внесли предложеніе о закрытіи «Союза Благоденствія». Предложеніе было вотировано и общество было объявлено распущеннымъ.

Этого именно и хотѣли руководители движенія. Послѣ закрытія «Союза Благоденствія», ими было организовано новое тайное общество; болѣе замкнутое и уже съ чисто революціонными задачами. Оно раздѣлялось на четыре организаціи или *думы:* въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Смоленской губерніи и въ Тульчинѣ (гдѣ была главная квартира южной арміи); но главная роль принадлежала въ этомъ новомъ обществѣ двумъ думамъ: петербургской и тульчинской. Во главѣ послѣдней стояли Пестель, Юшневскій, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Волконскій и Бестужевъ-Рюминъ; во главѣ первой — Трубецкой, Оболенскій, Никита Муравьевъ и наконецъ Рылѣевъ, вступившій въ общество въ 1824 году и сразу же занявшій въ немъ руководящее мѣсто.

Общество «Соединенныхъ славянъ», о которомъ упоминаетъ Тунъ, было основано въ 1823 году на югѣ Россіи артиллерійскимъ офицеромъ Борисовымъ; оно состояло изъ [illegible]ихъ и поляковъ и было немногочисленно. По предложенію Бестужева, оно скоро присоединилось къ главной организаціи.

Южная дума общества вошла также въ сношенія съ варшавскими политическими кружками и вела съ ними перего-

воры о совмѣстномъ дѣйствіи. Вообще южная дума проявляла усиленную дѣятельность и считала необходимымъ немедленное возстаніе. Одинъ изъ ея плановъ состоялъ въ томъ, чтобы захватить на смотру въ Бобруйскѣ Александра и затѣмъ итти на Петербургъ. Въ числѣ ея членовъ было нѣсколько полковыхъ командировъ (Артамонъ Муравьевъ, Нарышкинъ, Швейковскій, Абрамовъ, Тизенгаузенъ, Враницкій); самъ Пестель также командовалъ Вятскимъ полкомъ, на преданность котораго онъ могъ вполнѣ положиться. Съ другой стороны, общество слишкомъ разрослось и не могло долго оставаться тайнымъ. На него уже были сдѣланы доносы, и наиболѣе энергичные люди понимали необходимость рѣшительныхъ дѣйствій.

Но сѣверная дума была настроена менѣе рѣшительно; въ ней преобладали конституціонные планы, въ противоположность республиканскимъ и якобинскимъ планамъ Пестеля и его приверженцевъ. Въ 1824 г. Пестель самъ ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы добиться соединенія обоихъ обществъ подъ однимъ руководительствомъ; но предложенныя имъ насильственныя революціонныя мѣры встрѣтили въ сѣверной думѣ сильную оппозицію, и онъ уѣхалъ изъ Петербурга, прежде чѣмъ успѣлъ переубѣдить всѣхъ петербургскихъ членовъ. Поэтому онъ предложилъ устроить новый общій съѣздъ въ началѣ 1826 года.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда 19-го ноября 1825 г. неожиданно умеръ въ Таганрогѣ Александръ I.

За этой смертью послѣдовало извѣстное замѣшательство въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, вызванное тайнымъ, необнародованнымъ своевременно отреченіемъ отъ права на престолъ великаго князя Константина; произошло что-то въ родѣ трехнедѣльнаго междуцарствія; въ то же время въ бумагахъ умершаго царя былъ найденъ доносъ на южное общество, вслѣдствіе чего Пестель и нѣкоторые другіе южные члены были арестованы.

И вотъ, 14-го декабря, въ день приведенія петербургскихъ войскъ ко второй присягѣ, теперь уже въ пользу Николая, а не Константина, произошло военное возстаніе, поднятое членами сѣвернаго общества. Вслѣдъ за его подавленіемъ, была произведена Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ подобная же попытка въ южной арміи, также кончившаяся неудачей.

Въ дополненіяхъ къ очень бѣглой характеристикѣ, данной въ книгѣ автора эпохѣ Николая I, мы не будемъ касаться того, что относится собственно до общественной исторіи этого періода

въ широкомъ смыслѣ, т. е. до всего умственнаго и литературнаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ, несмотря на крайнюю неудовлетворительность изложенія всего этого у автора; съ этой стороны исторія царствованія Николая I уже достаточно разработана въ нашей легальной литературѣ, и читатель можетъ найти въ ней необходимыя данныя для ознакомленія съ литературнымъ движеніемъ этого періода, съ вліяніемъ Гоголя и Грибоѣдова, съ типомъ людей 40-хъ годовъ, съ значеніемъ Станкевича, Грановскаго и Бѣлинскаго, борьбою славянофильскаго направленія съ западниками и т. д.

Поэтому мы ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями по поводу того, что относится собственно до развитія революціоннаго движенія въ эту эпоху.

Въ этомъ отношеніи царствованіе Николая I отмѣчаетъ собою нѣкоторый переломъ. Роль высшаго дворянскаго слоя, какъ носителя западноевропейской культуры и революціонныхъ идей въ Россіи, надо считать покончепной послѣ разгрома декабристовъ. Не говоря уже о той прямой потерѣ, которая была нанесена этому передовому слою дворянства гибелью его лучшихъ представителей—а 121 человѣкъ составляли для него очень крупную цыфру—правительственная реакція, начавшаяся еще съ 1815 года и систематически поддерживавшаяся Николаемъ особенно въ арміи, не могла не принести своихъ плодовъ. Самое вліяніе Западной Европы на высшее петербургское общество сдѣлалось тогда вмѣсто революціоннаго — реакціоннымъ; литература XVIII вѣка замѣнилась тогда произведеніями Шатобріана и Жозефа де Местра; связь между революціонными западноевропейскими традиціями и этимъ обществомъ была тогда порвана окончательно. Этотъ поворотъ въ настроеніи высшихъ слоевъ русскаго общества, это пониженіе умственнаго уровня нашего гвардейскаго офицерства и министерскаго чиновничества ни въ какомъ случаѣ не должны быть приписываемы неудавшемуся возстанію 14 декабря. Реакціонный поворотъ въ Россіи начался, какъ мы видѣли, вслѣдъ за возвращеніемъ Александра изъ-за границы и совпалъ съ реакціоннымъ поворотомъ въ правительственныхъ сферахъ всей Западной Европы. Николай I лишь продолжалъ дѣло Аракчеевыхъ и Магницкихъ. Даже въ томъ, что касалось собственно культа грубой солдатчины, Николай не былъ иниціаторомъ. Въ извѣстномъ дѣлѣ Семеновскаго полка (1820 г.), когда солдаты были доведены до возмущенія грубостью и жестокостью полкового командира новаго типа, правительство Александра I показало, съ какой безпощадной жестокостью оно стремилось къ водворенію въ войскахъ той-же николаевской дисциплины.

Вообще этотъ реакціонный поворотъ въ Россіи отмѣчаетъ собою конецъ эпохи вынужденнаго покровительства просвѣ-

щенію со стороны абсолютной монархіи, послѣ того, какъ это покровительство наткнулось на французскую революцію. Это было окончательнымъ разрывомъ правительства съ обществомъ. Съ тѣхъ поръ вся инициатива умственнаго движенія въ Россіи исходитъ уже изъ среды самого общества, причемъ центрами этого движенія становятся университеты, а носителями его университетская молодежь.

Но эта руководящая политическая роль не сразу перешла въ среду университетской молодежи. Дѣло Петрашевскаго представляетъ въ этомъ отношеніи какъ-бы переходную стадію. Огромное большинство его членовъ принадлежало къ средѣ чиновниковъ, учителей и литераторовъ; изъ 23 человѣкъ, осужденныхъ по этому дѣлу, пятеро были офицерами (Достоевскій, Пальмъ, Момбелли, Львовъ, Григорьевъ, причемъ двое изъ нихъ гвардейцы); самъ Петрашевскій, Спѣшневъ и Кашкинъ воспитывались въ царскосельскомъ лицеѣ. Вообще во главѣ этого движенія стояли люди, хотя и молодые (старшему изъ нихъ было 39 лѣтъ, Петрашевскому — 28), но уже кончившіе образованіе и вступившіе въ жизнь.

Члены слѣдственной комиссіи назвали это движеніе *заговоромъ идей*, и мы видѣли, что авторъ также не придаетъ ему серьезнаго значенія, говоря, что оно было совершенно неорганизованнымъ и ставило своею ближайшею цѣлью лишь саморазвитіе.

Такая оцѣнка врядъ-ли можетъ быть признана справедливой. Ближайшею цѣлью петрашевцевъ было не саморазвитіе, а распространеніе идей Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, Фурье, Консидерана, Роберта Оуэна, Прудона. Пропаганда этихъ идей велась очень широко; кромѣ вечеровъ Петрашевскаго, собранія происходили тогда у Момбелли, Кашкина, Дурова и Пальма, Плещеева и Дебу. Вечера Петрашевскаго пользовались большою извѣстностью въ Петербургѣ; на нихъ собиралось по 50-ти человѣкъ, «молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ». Нѣкто Петровъ, въ письмѣ къ своему знакомому отъ 1 декабря 1848 года, перечисляя удовольствія петербургской жизни, говоритъ о проповѣдяхъ Нильсена, фельетонахъ Плещеева и «пропагандѣ Петрашевскаго».*)

«Когда осенью 1843 года я прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы» — говоритъ Анненковъ въ своей статьѣ ***Замѣчательное десятилѣтіе*****)—«то встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллигентной жизни Парижа. Книги Прудона о собственности, Икарія Кабэ, сочиненія Фурье, все это

*) См. воспоминанія А. Рубинштейна, въ статьѣ Семевскаго въ сборникѣ «На славномъ посту».

**) Въ 3-емъ томѣ его «Воспоминаніи и критическихъ очерковъ» (СПБ., 1871-81г.

служило предметомъ толковъ, вопросовъ и чаяній. Книги названныхъ авторовъ были у всѣхъ въ рукахъ».

Секретная слѣдственная комиссія кромѣ 39 человѣкъ арестованныхъ, упоминаетъ еще о 232 лицахъ, указанныхъ въ доненіяхъ агентовъ или показаніяхъ обвиняемыхъ. Въ такихъ размѣрахъ идейная пропаганда петрашевцевъ не могла не представить серьезной опасности для самодержавнаго государства и имѣла дѣйствительно революціонное значеніе. Надо замѣтить, также что у петрашевцевъ были нѣкоторыя связи съ провинціей; слѣдственная комиссія установила такую связь съ Ревелемъ и Ростовомъ; Флеровскій упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что къ нимъ въ Казань пріѣхало три человѣка изъ петербургскихъ кружковъ, основанныхъ Петрашевскимъ, и въ самомъ скоромъ времени пріобрѣли въ университетѣ большое вліяніе.

Движеніе не было, конечно, организованнымъ и не имѣло опредѣленной программы; но въ немъ уже намѣчались элементы возможной революціонной организаціи. Самъ Петрашевскій былъ несомнѣнно человѣкомъ революціоннаго темперамента. Одинъ изъ его товарищей такъ характеризуетъ его: «Это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный». Другимъ выдающимся членомъ кружка былъ Спѣшневъ; онъ былъ однимъ изъ наиболѣе радикальныхъ членовъ кружка, и стремился перейти изъ области разговоровъ къ практической дѣятельности. Вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ, онъ задумалъ завести у себя тайную типографію и уже пріобрѣлъ нѣкоторыя типографскія принадлежности. Словомъ, если заговора еще и не было въ кружкѣ Петрашевскаго, то, по словамъ Герцена «Липранди, какъ трюфельная ищейка, чуялъ его».

Затѣмъ, по поводу того же дѣла Петрашевскаго, мы должны еще обратить вниманіе читателей на соціалистическій характеръ этого общественнаго движенія. Большинство петрашевцевъ были горячими приверженцами идей Сенъ-Симона, Фурье и Прудона; нѣкоторые изъ нихъ отрицательно относились къ конституціонализму, какъ опирающемуся на избирательный цензъ; словомъ, это движеніе стояло на уровнѣ наиболѣе радикальныхъ общественныхъ теорій, выработанныхъ тогда западноевропейскою жизнью. Мы уже видѣли также, что самые вліятельные и выдающіеся декабристы стояли за демократическую республику, т. е. также за самую радикальную программу своего времени. Это—общая черта всего нашего революціоннаго движенія за разсматриваемую эпоху, проявляющаяся съ его первыхъ шаговъ; она опять-таки указываетъ на основной *идейный* характеръ этого движенія, не скованнаго буржуазными интересами и предразсудками, «сво-

боднаго отъ буржуазныхъ началъ», какъ говорятъ авторы разбора книги Корфа. Въ этомъ заключалась сила и слабость первоначальной стадіи русскаго революціоннаго движенія: оно не находило непосредственной опоры въ обществѣ, но зато вело его носителей прямо къ рабочимъ массамъ.

Настаивая на этомъ основномъ характерѣ движенія въ теченіи всего его подготовительнаго періода, мы должны сдѣлать оговорку. Можетъ показаться, что въ такомъ освѣщеніи революціонное движеніе въ Россіи является какъ бы висящимъ въ воздухѣ, не связаннымъ съ экономическими условіями, не вытекающимъ изъ стихійнаго процесса общественнаго развитія. Но такой выводъ будетъ невѣренъ. Этотъ общій характеръ движенія былъ обусловленъ именно объективными данными русской общественной жизни и тѣсно связанъ со всѣмъ ея историческимъ развитіемъ. Онъ былъ обусловленъ, прежде всего, одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей русской исторіи: ***отсутствіемъ*** въ ней развитія городской жизни и городской промышленности, отсутствіемъ въ ней борьбы монархіи съ дворянствомъ, отсутствіемъ въ ней всѣхъ тѣхъ элементовъ, вліяніе которыхъ создало въ Западной Европѣ буржуазію, какъ политическую силу, и противопоставила ее абсолютной монархіи. Если развитіе городской промышленности во Франціи, связанное съ крупною политическою ролью французской средневѣковой буржуазіи, выдвинуло тамъ третье сословіе, какъ готовую политическую силу, то въ Россіи мы видимъ совсѣмъ другое; мы видимъ въ ней крайне слабое развитіе городской промышленности въ теченіи всего крѣпостного періода ея исторіи. Даже и въ послѣ-петровскій періодъ, когда уже стала проявляться безумная расточительность русскаго царскаго двора и высшаго дворянства, удивлявшая иностранныхъ посланниковъ, и когда наши крупные и средніе помѣщики уже вели довольно широкій образъ жизни, всѣ потребности въ продуктахъ городской промышленности и тогда удовлетворялись среди русскаго дворянства, главнымъ образомъ, или привозомъ изъ-за границы въ обмѣнъ на сырые продукты, или трудомъ своихъ собственныхъ мастеровыхъ-дворовыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ наши города, какъ извѣстно, не играли ровно никакой политической роли со временъ паденія Великаго Новгорода и Пскова, благодаря чему наша буржуазія, наше тогдашнее купечество отличалось, можно сказать, классическою темнотою и невѣжествомъ. Таковы были объективныя данныя русской общественной жизни къ тому времени, когда наша абсолютная монархія уже до дна исчерпала всю свою положительную историческую миссію и стала лишь давить однимъ тяжелымъ гнетомъ на народную жизнь.

Когда данный политическій строй переживаетъ самъ себя,

въ странѣ создается революціонное положеніе, создается возможность революціоннаго движенія,—въ томъ случаѣ, конечно, если въ ней находятся элементы, способные къ противодѣйствію. Мы видѣли, что составъ русскаго общества былъ менѣе сложенъ тогда, чѣмъ составъ до-революціоннаго западноевропейскаго общества: въ немъ недоставало третьяго сословія. Оставались, слѣдовательно, съ одной стороны, монархія и привиллегированное дворянство, а съ другой — угнетенная и эксплуатируемая народная масса. Верхній, культурный и образованный слой дворянства выдѣлилъ изъ своей среды элементы сознательной оппозиціи. Одни изъ этихъ элементовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ выразителями своихъ чисто-сословныхъ интересовъ; они хотѣли ограниченія монархіи и освобожденія крестьянъ безъ земли (наиболѣе яркимъ представителемъ этого теченія былъ адмиралъ Мордвиновъ). Но это теченіе имѣло противъ себя огромное большинство своего собственнаго сословія, невѣжественнаго и лишеннаго всякихъ политическихъ традицій. При такихъ условіяхъ программа этой части оппозиціи была практически неосуществима, а по своему узко-сословному характеру не могла вызвать того энтузіазма, который необходимъ для революціонныхъ движеній, осужденныхъ на гибель, но пробивающихъ дорогу будущему.

Другіе изъ представителей тогдашняго сознательнаго меньшинства возвысились до идеи общественной справедливости, до высшаго общественнаго идеала своего времени, и только одни эти элементы сознательной оппозиціи соединяли въ себѣ всѣ тѣ условія, которыя были необходимы, при данномъ положеніи Россіи, для активной революціонной борьбы. Вотъ почему тотъ основной идейный характеръ революціоннаго движенія, о которомъ мы говорили, не только не висѣлъ въ воздухѣ, но вытекалъ изъ самыхъ, такъ сказать, историческихъ нѣдръ русской общественной жизни.

* * *

Переходя отъ эпохи Николая I къ общественному движенію конца 50-хъ годовъ, авторъ связываетъ его съ литературнымъ вліяніемъ сначала Герцена, а затѣмъ Чернышевскаго и Добролюбова. Характеристика Герцена, данная Туномъ, нуждается въ поправкахъ. Онъ рисуетъ его какимъ то утопистомъ, на манеръ Руссо, мечтавшимъ о возвратѣ къ простотѣ сельской жизни; между тѣмъ самой, быть можетъ, выдающейся чертой Герцена была именно его безпощадная критика, безстрашный анализъ и скорѣе склонность къ скептицизму, чѣмъ къ утопіи. Покинувъ Россію въ началѣ 1847 г., онъ попалъ въ Европу наканунѣ французской революціи, наканунѣ «блестящаго праздника радикализма». Но онъ покинулъ Россію уже соціалистомъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ людей, по-

нявшихъ обратную сторону политическихъ революцій, однимъ изъ первыхъ людей, для которыхъ магическое слово «республика» потеряло свое обаяніе, и которые связывали прочность общественныхъ переворотовъ съ экономическими перемѣнами.

«Все несчастье прошлыхъ переворотовъ»—писалъ онъ еще въ 1847 году—«состояло именно въ упущеніи экономической стороны, которая тогда не была еще настолько зрѣла, чтобы занять свое мѣсто. Тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями».». (Письма изъ Avenue Marigny).

«Во время реставраціи,»—говоритъ онъ дальше въ томъ же письмѣ,—«когда соціальныя идеи были чистой мечтой, далекой, какъ Атлантида Моруса, буржуазія либеральничала со своей политической экономіей, да и какъ ей было не либеральничать? Всѣ перевороты, всѣ несчастія Франціи принесли плоды только среднему состоянію....»

«Но когда проповѣди соціалистовъ стали комментироваться ліонскими и парижскими работниками, когда страшная хоругвь съ надписью: *жить работая или умереть сражаясь!* — мрачно прогулялась по площади.... буржуазія разомъ отреклась отъ всего либеральнаго кромѣ кукольной комедіи представительной камеры, представляющей опять ее-же самое.... Эксплуатація пролетарія была приведена въ систему, окружена всею правительственною силою; жизнь сведена на средство чеканить монету; государство, судъ, войско—на средство беречь собственность.

«Между тѣмъ со дна океана народной жизни поднимался тихо, но мощно тотъ же экономическій вопросъ.... Борьба была очевидна, неминуема; характеръ ея можно предсказать. Голодный человѣкъ свирѣпъ, но и мѣщанинъ, защищающій собственность, свирѣпъ... Буржуазія не поступится ни одной изъ своихъ монополій и привиллегій. У нея одна религія—собственность со всѣми ея римско-феодальными послѣдствіями...

«Борьба началась; кто побѣдитъ, не трудно предсказать; рано или поздно per fas et nefas *побѣдитъ* новое начало. Таковъ путь исторіи. Вопросъ тутъ не въ правѣ, не въ справедливости, а въ силѣ и современности».

Такъ писалъ Герценъ еще до революціи 1848 г. и до іюньскихъ дней. Онъ, будучи въ Москвѣ, въ 1843 году, уже отдѣлался отъ романтическихъ взглядовъ на политическую свободу въ ея буржуазныхъ формахъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ этому году, Анненковъ говоритъ слѣдующее о Герценѣ и Бѣлинскомъ (*Замѣчательное десятилѣтіе*):

«Воинственные манифесты соціализма, возвѣщавшіе истребительный походъ его на европейскую цивилизацію, не приводили ихъ въ ужасъ.... Они думали, что изъ пепла старой

цивилизаціи Европы возникнетъ Фениксъ — новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія».

Извѣстно, что первыя письма Герцена изъ-за границы, его письма изъ Avenue Marigny, вызвали неудовольствіе его московскихъ друзей (Грановскаго и другихъ). «До меня дошли слухи,»—пишетъ Герценъ, — «что мои прежнія письма дурно приняты въ печати. Одни вступились за французскую буржуазію, за нѣмецкую кухню, всѣ за неуважительный тонъ, за легкость и поверхностность, за фамильярность съ предметами почтенными и уважаемыми, за недостатокъ достодолжной скромности въ обращеніи съ старшими братьями... Что касается до уважительнаго тона, то я не вижу никакой необходимости говорить съ почтеніемъ о вещахъ, которыя мнѣ кажутся презрительными, хотя мы ихъ привыкли уважать издали по старымъ воспоминаніямъ. Недостаточно найти страну, въ которой все еще хуже, чтобы находить хорошимъ то, что дѣлается здѣсь. Всѣ кумиры долой!—голая, обнаженная истина лучше приведетъ къ дѣлу, нежели лганье съ доброй цѣлью...»

Кровавые іюньскіе дни, которыми закончилась парижская революція 1848 г., не могли не произвесть удручающаго впечатлѣнія на Герцена; но они не разрушили его вѣры въ соціализмъ; онъ увидѣлъ только, что наступилъ періодъ тяжелой реакціи.

«Это вовсе не значитъ, что я совсѣмъ посхимился, далъ обѣтъ, заклятіе,»—писалъ онъ изъ Италіи въ 1850 г.—«нѣтъ, я поступилъ гораздо проще, я отошелъ въ сторону отъ непогоды и долгаго ненастья, не видя средствъ остановить его».

«Народъ долго не поднимется послѣ такого возстанія и такого пораженія»—писалъ онъ изъ Парижа 1 сентября 1848 г., —«ему надобенъ отдыхъ; онъ лишился всѣхъ друзей своихъ, всѣхъ провожатыхъ... Лишь-бы достало терпѣнія великому парижскому народу; пусть онъ сойдетъ теперь со сцены, облитой его кровью, пусть не смотритъ на событія, не слушаетъ оскорбленія и въ тиши собираетъ свои силы; не знаю, придется-ли ему водрузить хоругвь соціализма на парижской биржѣ, но знаю, что онъ отмститъ за іюньскіе дни, за апрѣльскую измѣну, за обманъ въ ратушѣ, за ложное воззваніе Кавеньяка. Войну, начатую іюньскими днями, остановить невозможно. Вся Европа вовлечена въ нее. Трудно переродиться старому Адаму, соціализмъ слишкомъ широкъ для изношенныхъ людей и слишкомъ несовмѣстимъ съ обветшалыми формами, въ которыхъ держится старая жизнь Западной Европы».

Всѣ эти въ высшей степени характерныя мысли Герцена далеко не рисуютъ его ни утопистомъ, ни человѣкомъ, разочаровавшимся въ цивилизаціи, на манеръ Руссо, и обращаю-

щимъ свои взоры къ прошлому. Изъ нихъ видно только, что глубокое пониманіе значенія экономическихъ условій и политическій опытъ Западной Европы заставили его отнестись критически къ «мишурному блеску мѣщанскаго убранства». Приведя слова американца Брейсбана, сказанныя парижскимъ работникамъ въ засѣданіи Прудоновскаго банка въ 1849 году: «Я гражданинъ республики, существующей болѣе семидесяти лѣтъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, но я скажу вамъ откровенно, потому что вамъ это нужно знать: республика вамъ не поможетъ. Все, что политическая республика можетъ дать, она дала Америкѣ; но она безсильна осуществить то общественное состояніе, къ которому стремится современный человѣкъ», — Герценъ сопровождаетъ ихъ такими комментаріями:

«Согласитесь разъ навсегда, что республика неминуемое начало освобожденія народовъ; это первый шагъ, безъ котораго *не можетъ быть* второго... Республика просто приличнѣе, нежели монархія; власть въ ней, оставаясь тиранической, лишается таинственнаго помазанія, лишается опьяняющаго характера высшей власти, царскаго величества... Но мы должны однако знать, что само по себѣ слово *республика* чрезвычайно неопредѣленно и тягуче; говоря: *республика*, мы еще ничего не сказали, кромѣ отрицанія наслѣдственной власти и признанія *какого-нибудь* участія народа въ общественныхъ дѣлахъ».

Намъ думается, что эти выдержки дадутъ читателю болѣе вѣрное представленіе о политическихъ и соціальныхъ взглядахъ Герцена, нежели бѣглая характеристика Туна. А эти взгляды Герцена интересны для насъ въ данномъ случаѣ еще и потому, что съ ними преемственно связаны нѣкоторыя революціонныя идеи, господствовавшія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Но остается еще одинъ вопросъ, о которомъ упоминаетъ Тунъ и по отношенію къ которому довольно прочно установлено мнѣніе объ отсталости и утопичности Герцена: это вопросъ о русской общинѣ. Мы считаемъ необходимымъ и въ этомъ пунктѣ сообщить читателю нѣкоторыя дополнительныя данныя.

Принято думать, что Герценъ въ высшей степени идеализировалъ великорусскую общину, что онъ видѣлъ въ ней готовую форму соціалистическихъ отношеній и что онъ вообще идеализировалъ русскаго крестьянина. При этомъ, въ видѣ послѣдней черточки, еще болѣе подчеркивающей чисто-кабинетный и утопическій характеръ этой теоріи, указывается на то, что и самая-то русская община была открыта для Герцена и его друзей нѣмцемъ Гакстгаузеномъ.

Не трудно показать, что всѣ эти мнѣнія совершенно ошибочны. Прежде всего, общинныя деревенскія учрежденія не могли не быть извѣстны самимъ русскимъ людямъ, часто жи-

вавшимъ въ деревняхъ. Объ этихъ учрежденіяхъ много писали славянофилы ранѣе появленія книги Гакстгаузена (книга эта появилась въ 1847 году, а путешествовалъ ея авторъ по Россіи въ 1843—44 гг.). Такъ, въ 1842 г. Хомяковъ горячо защищалъ въ журналѣ «Москвитянинъ» деревенскія общинныя учрежденія и доказывалъ, что помѣщикамъ необходимо вступать въ соглашенія не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлыми обществами, съ сохраненіемъ общиннаго пользованія землею. (См. Семевскаго *Крестьяне въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка*). А вотъ что писалъ Герценъ въ своемъ дневникѣ въ 1843 г.: «Вѣдный русскій мужикъ!... Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей. Все это хорошіе зародыши и долею основаны на неразвитости; такъ у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистическаго характера; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій, — словомъ, возможность жить при такихъ порядкахъ».

Мы видимъ изъ этихъ словъ, что, во первыхъ, Герценъ зналъ о русской общинѣ и до появленія книги Гакстгаузена, а во вторыхъ—что онъ вовсе не идеализировалъ русской общины, а также и русскаго крестьянина; но зато онъ прямо связывалъ уничтоженіе общиннаго землевладѣнія съ обезземеленіемъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ 1853 г., въ статьѣ *Крещеная собственность*:

«... Часть дворянъ лучше не проситъ, какъ освободить мужиковъ, оставя за собою землю. Что же было бы изъ такого освобожденія?... Помѣщики заключили-бы между собою оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, какъ это было въ Остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была-бы на ихъ сторонѣ. Общинное начало было-бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ; деревня потеряла-бы свое коммунистическое единство и въ полстолѣтіе мы перегнали-бы Ирландію.

«Есть люди, поддерживающіе до сихъ поръ освобожденіе безъ земли, освобожденіе въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало.

«Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе недостаточно для того, чтобы сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобы держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишающимъ ихъ куска хлѣба. Вообще пролетарій полей очень миренъ, кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобы быть болѣе, нежели недовольнымъ. Его не надо смѣшивать съ работникомъ большихъ городовъ и политическихъ центровъ... Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не

думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится. Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину; община спасла русскій народъ; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи.... Говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несовмѣстима съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякій неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но не надо забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнить этотъ недостатокъ...» И далѣе Герценъ говоритъ о «подвижной общинѣ работниковъ», т. е. объ артели, и о казацкой общинѣ; говоритъ также о «естественномъ, безотчетномъ сочувствіи славянъ съ соціализмомъ». Но изъ всего этого ни въ какомъ случаѣ нельзя заключить, чтобы онъ видѣлъ въ этихъ примитивныхъ общинныхъ учрежденіяхъ что-нибудь больше простыхъ хорошихъ задатковъ:

«Само собою разумѣется», — пишетъ онъ дальше, —«что ни въ коммунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли-бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было дико, молодо, неразвито; но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя начинанія; напротивъ, ихъ надобно продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, въ то время какъ германскіе народы ее утратили; но это большое счастье, и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго временили; воспользуемся же опытностью нашихъ сосѣдей, она имъ страшно дорого стоитъ».

А что Герценъ понималъ подъ опытомъ нашихъ сосѣдей, видно изъ слѣдующей его характеристики западноевропейскаго крестьянства.

«Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ; если онъ богатѣетъ, то дѣлается полевымъ мѣщаниномъ.. Деревенскіе мѣщане — собственники составляютъ на Западѣ слой населенія, который тяжело налегъ на сельскій пролетаріатъ и душитъ его, по мелочи и на чистомъ воздухѣ, такъ же какъ фабриканты душатъ работниковъ гуртомъ, въ чаду и смрадѣ своихъ рабочихъ домовъ.

«Сословіе сельскихъ собственниковъ почти вездѣ отличается изувѣрствомъ, необщительностью и скупостью; оно сидитъ взаперти въ своихъ каменныхъ избахъ, далеко разбросанныхъ и окруженныхъ полями, отгороженными отъ сосѣдей. На нихъ работаетъ батракъ, бобыль, словомъ сельскій пролетарій, составляющій огромное большинство всего полевого населенія». (Соч. т. V, стр. 222).

Такъ вотъ, желая предохранить Россію отъ того «одичанія въ одиночествѣ» и отъ того культа собственности, которые были связаны въ западноевропейскомъ крестьянствѣ съ разрушеніемъ общественной деревенской жизни, въ основѣ которой лежало общинное пользованіе землей, Герценъ и настаивалъ на необходимости поддержанія и развитія его въ Россіи.

Въ этомъ отношеніи, такъ же какъ и въ своемъ крайне отрицательномъ взглядѣ на либеральную буржуазію, онъ вполнѣ сходился съ своими ближайшими преемниками и продолжателями, т. е. Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Такъ какъ взгляды послѣднихъ болѣе извѣстны читающей публикѣ, то мы приведемъ здѣсь только нѣсколько выдержекъ изъ статей Чернышевскаго объ общинномъ землевладѣніи, чтобы напомнить читателю о почти полномъ тождествѣ мнѣній Герцена по этому вопросу съ мнѣніями человѣка, который уже ни въ какомъ случаѣ не былъ склоненъ къ утопіямъ.

Въ 1857 г., въ «Замѣткахъ о журналахъ» Чернышевскій писалъ слѣдующее (*Современникъ*, № 4): «Мы видимъ, какія печальныя послѣдствія породила на Западѣ утрата общинной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ. Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ — важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ по-преимуществу земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельскохозяйственнаго производства».

«Нельзя скрывать отъ себя того,»—говоритъ онъ дальше, — «что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него... Черезъ десять лѣтъ мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ тридцать лѣтъ, по самому скромному разсчету—тридцать тысячъ....» Далѣе онъ говоритъ о неизбѣжномъ поднятіи цѣнъ на землю, о развитіи внѣшней торговли, о быстромъ ростѣ промышленныхъ капиталовъ, объ измѣненіи всего матеріальнаго быта народа: «русскіе люди, волей — неволей, должны будутъ въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы», перейти отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, замѣнить домашнее производство сукна и другихъ тканей фабричнымъ и т. д. «Все это совершается еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершалось только въ большихъ городахъ...» «Но каковы бы ни были эти преобразованія» — такъ заканчиваетъ Чернышевскій свою мысль, —«да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, остав-

леннаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями, на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы».

Эти мнѣнія самыхъ крупныхъ революціонныхъ мыслителей 50-хъ и 60-хъ годовъ имѣютъ большое значеніе въ исторіи нашего революціоннаго движенія, такъ какъ съ ними тѣсно связаны послѣдующія революціонныя направленія,—т. е. главнымъ образомъ революціонное народничество. Вотъ почему мы такъ долго задержались на нѣсколькихъ строкахъ въ книжкѣ Туна, относящихся къ этому вопросу. Дѣло здѣсь не только въ томъ, что соціализмъ еще не вступилъ тогда въ современный научный фазисъ, какъ говоритъ авторъ, — хотя несомнѣнно и это имѣло свое значеніе,—а гораздо глубже. Мы знаемъ, что то революціонное теченіе, которое возникло въ Россіи подъ прямымъ вліяніемъ соціалистической пропаганды 50-хъ и 60-хъ годовъ, никогда вполнѣ не исчезало, въ главной основѣ своей, изъ русскаго революціоннаго движенія и въ послѣдніе годы возрождается съ новой силой. Причина этого заключается въ той долѣ глубокой научной и жизненной правды, которая содержалась въ идеяхъ Герцена и Чернышевскаго объ историческомъ значеніи русскаго крестьянства, а также и общиннаго владѣнія землею.

Съ революціонной точки зрѣнія, весь вопросъ о русскомъ крестьянствѣ и объ общинномъ землевладѣніи, всѣ дальнѣйшіе фазисы, черезъ которые прошли относящіеся сюда споры и разногласія, сводятся къ одному главному и въ высшей степени важному пункту революціонной программы: способно-ли русское крестьянство въ его массѣ и какъ таковое, т. е. ***до своей пролетаризаціи***, до своего полнаго обезземеленія и перехода въ разрядъ наемныхъ рабочихъ, быть вовлеченнымъ въ соціалистическое движеніе? Или же, ранѣе этого, Россія ***необходимо должна*** пройти черезъ стадію такого развитія капиталистической промышленности, при которой одна часть крестьянства была бы увлечена въ города, а другая обращена въ сельскій пролетаріатъ?

Вотъ та дилемма, которая лежала и еще лежитъ до сихъ поръ въ глубинѣ теоретическихъ обоснованій двухъ изъ нашихъ главнѣйшихъ революціонно-соціалистическихъ направленій. Отсюда длившійся такъ долго споръ о быстротѣ и размѣрахъ развитія нашей капиталистической промышленности, споръ о внѣшнихъ рынкахъ, принявшій значеніе существенно важнаго революціоннаго вопроса; отсюда прошумѣвшая еще такъ недавно теорія независимости развитія капиталистиче-

ской промышленности отъ всякихъ рынковъ; отсюда же, наконецъ, основныя различія между современными аграрными программами соціалистовъ-революціонеровъ и соціаль-демократовъ.

* * *

Въ разсказѣ объ общественныхъ движеніяхъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, Тунъ придаетъ не вполнѣ вѣрное освѣщеніе этимъ событіямъ. Въ его разсказѣ революціонное движеніе этой эпохи не отдѣлено рѣзко отъ либеральнаго и конституціоннаго. «Въ началѣ 1862 г.» — говоритъ онъ — «между соціалистами студентами и конституціоналистами господствовало сильное возбужденіе», причемъ къ либерально-конституціонному движенію онъ относитъ одинаково и тайное общество «Великоруссъ», и адресъ московскаго дворянскаго собранія. Такимъ образомъ все движеніе получаетъ у него крайне неопредѣленный характеръ. Между тѣмъ въ этомъ движеніи слѣдуетъ отличать три совершенно различныхъ теченія: революціонное, умѣренно-либеральное и чисто дворянское. Первое изъ нихъ носило соціалистическую окраску. Представители его еще до 1861 года, т. е. ранѣе объявленія воли потеряли всякую вѣру въ правительство и перешли на революціонную почву. Это именно и создало рѣзкое отношеніе «Современника» къ либераламъ. Вокругъ «Современника» группировались тогда революціонеры, входившіе въ составъ кружка Михайлова и Серно-Соловьевича; участіе въ этомъ кружкѣ Добролюбова и Чернышевскаго до сихъ поръ не выяснено вполнѣ. Что касается Добролюбова, то, судя по настроенію его послѣднихъ статей въ «Современникѣ», врядъ-ли можно сомнѣваться въ его принадлежности къ возникавшему тогда революціонному соціалистическому движенію. Активное участіе Чернышевскаго въ революціонныхъ предпріятіяхъ менѣе достовѣрно; его осудили на каторгу на основаніи показаній предателя, Всев. Костомарова и подложныхъ писемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Чернышевскій былъ идейнымъ вдохновителемъ этого революціоннаго движенія. Его вліяніе на умы молодежи было громадно и поддерживалось въ теченіи всѣхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ; въ лицѣ Чернышевскаго русское соціалистическое движеніе имѣло на своей сторонѣ одного изъ первоклассныхъ критиковъ буржуазной политической экономіи. Кромѣ того, какъ сильный и самостоятельный умъ, Чернышевскій далъ вполнѣ конкретную и опредѣленную постановку соціальному вопросу въ Россіи и, какъ мы уже видѣли, выдвинулъ на первое мѣсто вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи. Эта теоретическая постановка и послужила исходной точкой для всѣхъ революціонныхъ программъ начала 60-хъ годовъ.

Революціонное движеніе открылось тогда распространеніемъ прокламаціи Михайлова «къ молодому поколѣнію»; это произошло лѣтомъ 1861 года. За этою прокламаціей слѣдовали другія: «Что нужно народу», «Къ барскимъ крестьянамъ», «Молодая Россія». Всѣ эти прокламаціи носили одинъ и тотъ же характеръ: это былъ призывъ къ возстанію, неподготовленному никакой предшествовавшей организаціонной работой, —призывъ, обращенный одновременно и къ крестьянству и къ образованному обществу. Главными требованіями выставлялось тогда сверженіе самодержавія и разрѣшеніе земельнаго вопроса.

Чтобы познакомить читателей съ характеромъ этихъ прокламацій, мы приведемъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ.

«... Намъ нуженъ не царь, не императоръ, не помазанникъ божій, не горностаевая мантія, прикрывающая наслѣдственную неспособность... а выборный старшина, получающій за свою службу жалованье... Если Александръ II не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу, тѣмъ хуже для него. Общее неудовольствіе могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, недовольные будутъ послѣдовательны: они придутъ къ крайнимъ требованіямъ. Пусть подумаетъ объ этомъ правительство... Молодое поколѣніе! Не забывайте же того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны... Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало... мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами черезъ большіе сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общиннаго землевладѣнія есть заблужденіе, пусть оно кончится само собой, умретъ вслѣдствіе собственной несостоятельности, а не подъ вліяніемъ экономическаго ученія запада...»

Такъ говорилось въ прокламаціи Михайлова; а вотъ что говорилось въ прокламаціи «Что нужно народу», напечатанной въ «Колоколѣ» въ 1861 г. и потомъ распространявшейся въ отдѣльныхъ оттискахъ въ Россіи:

«... Земля никому другому не принадлежитъ, какъ народу. Кто занялъ землю, которую зовутъ Россіей? Кто ее воздѣлалъ, кто ее споконъ вѣковъ отвоевывалъ и отстаивалъ противъ всякихъ враговъ?... Увидѣли теперь сами, что такъ жить нельзя, задумали исправить дѣло, четыре года писали да переписывали бумаги, наконецъ, рѣшили дѣло и объявили народу свободу... Однако, какъ зачали генералы да чиновники толковать народу Положенія, оказывается, что воля дана только на словахъ, а не на дѣлѣ... Слушаетъ народъ, что ему тол-

куютъ генералы и чиновники про волю и понять не можетъ —какая это воля безъ земли, подъ помѣщичьими и чиновничьими розгами».

Далѣе въ прокламаціи доказывается, что народу необходимо самому добывать себѣ землю и волю: «... Шумѣть безъ толку и лѣзть подъ пулю въ разбивку нечего; а надо молча собираться съ силами и искать людей преданныхъ, которые помогли бы совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ, и казной и жизнею, чтобы можно было умно, твердо и спокойно, дружно и сильно отстоять противъ царя и вельможъ землю мірскую, волю народную, да правду человѣческую».

О прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», приписанной правительствомъ Чернышевскому, мы знаемъ только по краткому изложенію ея содержанія въ сенатской запискѣ, служившей обвинительнымъ актомъ по его дѣлу. Согласно этому изложенію, въ прокламаціи говорилось, что царь обманулъ крестьянъ и что на основаніи «Положенія» они будутъ въ еще большей кабалѣ, чѣмъ были прежде, и окончательно разорятся; затѣмъ крестьянамъ объяснялось, въ чемъ именно состоитъ воля, и приводились въ примѣръ Франція и Англія, гдѣ нѣтъ ни подушныхъ, ни рекрутчины, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ ихъ, если они не нравятся. Въ заключеніи авторъ прокламаціи приглашаетъ «барскихъ крестьянъ сговориться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему возстанію».

Меньшее значеніе имѣетъ для насъ прокламація «Молодая Россія.» Она вышла въ 1862 г. изъ очень небольшого московскаго кружка Аргиропуло и Зайчневскаго и по воспоминаніямъ одного изъ современниковъ, не встрѣтила тогда сочувствія среди петербургской молодежи. Въ то время въ Петербургѣ, въ кружкѣ Н. Серно-Соловьевича уже было положено начало тайному обществу «Земля и Воля», но это общество даже ничего не знало о готовившейся московскимъ кружкомъ прокламаціи, которая дала лишь поводъ реакціонерамъ обвинять революціонеровъ въ кровожадности. Но и въ этой прокламаціи на первомъ мѣстѣ стоитъ народъ и общинное землевладѣніе: «..Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа угнетаемаго и грабляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти...Эта всѣми притѣсняемая и грабляемая партія — народъ... ... Сверху, надъ нею стоитъ небольшая кучка людей довольныхъ и счастливыхъ. Это — помѣщики,.. это — купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежемъ и обманомъ, это—чиновники, накравшіе себѣ состояніе. Однимъ словомъ, всѣ имущіе,—всѣ, у кого есть собственность родовая или благопріі-

обрѣтенная. Во главѣ ея царь... Это партія *императорская*... Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія... одинъ—революція, революція кровавая, неумолимая,—революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка. Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы...»

Нѣсколько иной характеръ носятъ двѣ другія прокламаціи: отъ тайной организаціи «Великоруссъ» и отъ тайнаго общества «Земля и Воля»; первая появилась въ 1861 г., а вторая въ 1863 г. Организація «Великоруссъ» находилась въ тѣсной связи съ революціоннымъ движеніемъ среди офицерства. Извѣстно, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ изъ среды офицеровъ Артиллерійской Академіи и академіи Генеральнаго Штаба вышло много революціонеровъ*); большинство ихъ погибло въ польскомъ возстаніи. Прокламація «Великоруссъ» печаталась въ типографіи Академіи Генеральнаго Штаба; одинъ изъ офицеровъ этой академіи, Вл. Обручевъ, былъ осужденъ на каторгу за участіе въ этой организаціи. Обручевъ былъ любимцемъ Чернышевскаго и сотрудникомъ Современника.

Общество «Земля и Воля» было попыткой объединить всѣ революціонные кружки въ одну организацію. «Мы достовѣрно знаемъ»,—писалъ Герценъ въ «Колоколѣ» отъ 1 марта 1863 г. —«что столичные и областные круги, соединяясь между собою и съ офицерскими комитетами, сомкнулись въ одно общество».

Прокламаціи этихъ организацій носятъ иной характеръ въ томъ отношеніи, что въ нихъ видно стремленіе предупредить стихійный характеръ движенія и создать руководящую общественную силу. Вотъ что мы читаемъ въ прокламаціи «Великоруссъ»:

«... Мнѣнія о томъ, способна-ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціоналистовъ думаютъ, что нынѣшній государь самъ расположенъ къ конституціонному порядку... Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. ... Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя... Но будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, къ чему же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династіи—дѣло легкое

*) Между прочимъ, Сѣраковскій, Потебня и Шелгуновъ; однимъ изъ профессоровъ этой академіи былъ П. Л. Лавровъ, вошедшій въ организацію «Земля и Воля».

при раздраженіи простого народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другіе находятъ, что при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому ужъ такъ близокъ народъ.

«Видя такое разногласіе между друзьями свободы, комитетъ думаетъ, что для блага націи надобно дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ. Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не особенно великъ. Истинно конституціонная монархія мало отличается отъ республики. Что касается комитета, онъ, вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ, увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія — вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія націи. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно...

«Сообразно этому, слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адресъ. Проектъ адресса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ...

«... На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность: организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили-бы партіями...

«... Заставить правительство согласиться на требованіе публики будетъ легко. Не въ этомъ мы сомнѣвались, говоря о несовмѣстности нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ потомъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно-ли съ Москвой и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутація русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представитъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь. Поймите свою силу вы, къ кому мы обращаемся теперь.

«... Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше обращеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ,

какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ мы будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ и не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила-бы правительство до весны 1863 г. устранить причины къ возстанію, — народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 года. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ».

Та же самая мысль проводится и въ прокламаціи отъ общества «Земля и Воля», какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ ея:

«... Единственный источникъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ Россію, есть самодержавный деспотизмъ... Наша организація составилась изъ людей, непоколебимо убѣжденныхъ — и по слишкомъ очевиднымъ даннымъ — что, при неспособности правительства, революція въ Россіи неизбѣжна, что она неминуемо разразится въ возстаніе ограбленнаго и подавленнаго народа и что, при жестокости и тупоуміи правительства, она можетъ получить исполинскіе размѣры кровавой драмы, —если все или, по крайней мѣрѣ, большинство, способное и честное изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону доведеннаго до отчаянія народа и не обезсилитъ тѣмъ окончательно правительства, лишивъ его какой-бы то ни было подъзы въ дикомъ упорствѣ... Такимъ образомъ, выступая на борьбу съ правительствомъ за права народныя, народный комитетъ въ настоящее время ставитъ себѣ одной изъ задачъ — привлеченіе образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, своихъ собственныхъ. Въ этой задачѣ ясно стремленіе такъ называемыхъ революціонеровъ — предотвратить или по крайней мѣрѣ ослабить то кровопролитіе, которое правительство вызываетъ своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ...»

По всѣмъ этимъ сохранившимся документамъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о революціонномъ движеніи начала 60-хъ годовъ. Оно велось во имя «народныхъ» интересовъ, во имя интересовъ трудящагося крестьянства; вопросъ о землѣ вездѣ выдвигался въ немъ на первое мѣсто. Ближайшею цѣлью ставилось сверженіе самодержавія, а основой движенія признавалось стихійное возстаніе крестьянъ. На возможности и даже неизбѣжности этого грознаго возстанія строились и организаціонные планы революціонеровъ, ихъ стремленіе привлечь на свою сторону «образованные классы» и принудить правительство къ отреченію отъ самодержавной власти.

Это движеніе было замкнуто въ тѣсную среду революціонно-настроенной части молодежи. «Образованные классы» сторонились; конечно, всякихъ тайныхъ обществъ и такъ или иначе мирились съ данными реформами. Что касается недовольства и раздраженія крѣпостниковъ, то ихъ конституціонные планы не шли дальше вѣрноподданническихъ адрессовъ и не представляли для правительства никакой серьезной опасности. Въ общемъ, какъ либеральная, такъ и чисто дворянская оппозиція не оказывала тогда, какъ и послѣ, никакого вліянія на ходъ революціоннаго движенія въ Россіи, т. е. не оказывала ему никакой поддержки, вслѣдствіе чего оно было и оставалось изолированнымъ.

* * *

Что касается польскаго возстанія, то, помимо тѣхъ соображеній, которыя приводитъ Тунъ, легко понять, что русскіе революціонеры того времени не могли отнестись враждебно или даже индифферентно къ начавшемуся въ Польшѣ движенію и волей-неволей должны были связать свое дѣло съ дѣломъ поляковъ. Если бы даже они видѣли, что ихъ собственному движенію грозитъ опасность и даже гибель отъ взрыва реакціи и дикаго патріотизма, у нихъ все-таки не было другого исхода, такъ какъ отстраниться въ эту минуту отъ поляковъ значило признать право русскаго государства на подавленіе Польши.

До какой степени положеніе русскихъ въ то время было безвыходно, доказывается тѣмъ, что нѣсколько русскихъ офицеровъ застрѣлилось, чтобы только не принимать участія въ усмиреніи и бойнѣ поляковъ (офицеры Рейтернъ, Корфъ, Бентковскій); Поповъ сломалъ передъ фронтомъ свою шпагу; Давистовскій и Павловичъ разстрѣляны за то, что подали въ отставку, не желая сражаться съ поляками.

Это трагическое положеніе русскихъ революціонеровъ, переживавшихъ кровавыя перипетіи подавленія польскаго возстанія, видно изъ слѣдующихъ словъ, вырвавшихся тогда у Герцена:

«Братья, братья! Что же съ нами дѣлаютъ эти люди, эти нѣмцы? Что они дѣлаютъ изъ нашихъ солдатъ, что они дѣлаютъ изъ нашего отечества?... Вотъ зажигатели-то, вотъ разбойники-то, коммунисты его императорскаго величества!..

«... Что же вы, анафемы, сдѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ? Все, что мы лѣпили по песчинкѣ — смыли ваши помои, унесла ваша грязь, и черезъ 15 лѣтъ я снова, идя по улицѣ, *боюсь, чтобы не узнали, что я русскій*»...

Глава вторая.

ПРІОСТАНОВКА ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ. (1863 — 1872).

Такимъ образомъ въ 1863 году радикальный соціализмъ и польская революція были побѣждены русскимъ патріотизмомъ; Катковъ наслѣдовалъ Герцену. Послѣ ареста наиболѣе энергичныхъ членовъ «Земли и Воли», общество распалось на нѣсколько мелкихъ кружковъ; они прекратили печатаніе прокламацій, чтобы не компрометировать напрасно людей, распустили организацію распространителей своихъ воззваній и постепенно умерли естественною смертью. Правительство, держась рецепта Каткова: «наши внутренніе враги опаснѣе внѣшнихъ»,—продолжало производить аресты до конца 1864 г., въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и другихъ городахъ, и ссылало вожаковъ движенія въ Сибирь *). Организація же остальныхъ

*) Наиболѣе важной была ссылка Чернышевскаго. Его обвиняли въ томъ, что онъ былъ авторомъ прокламаціи, въ которой крѣпостные крестьяне призывались въ возстанію; послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія онъ былъ приговоренъ къ 7 годамъ каторжныхъ работъ, хотя на основаніи совершенно недостаточныхъ уликъ. Но правительство настолько боялось духовной силы этого человѣка, что по истеченіи первой половины наказанія, по предложенію графа Шувалова, въ государственномъ совѣтѣ было отклонено, по отношенію къ нему, обычное смягченіе наказанія, и онъ до 1883 г. томился въ Якутской области. (По окончаніи срока каторжныхъ работъ Н. Г. Чернышевскій не былъ переведенъ на поселеніе, а только перевезенъ въ Вилюйскъ, одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Якутской области (500 жителей), гдѣ помѣщенъ въ особомъ острожкѣ подъ постояннымъ карауломъ жандармовъ. Онъ былъ освобожденъ только въ 1883 г. (выѣхалъ изъ Вилюйска въ сентябрѣ и поселенъ въ Астрахани, гдѣ умеръ 17 октября 1889 г. Л. Ш.). Современные русскіе соціалисты чтутъ его, какъ мученика и отца своихъ идей. Остальные радикальные вожди отдѣлались болѣе легкими наказаніями. (Біографическій очеркъ Чернышевскаго приложенъ, какъ введеніе, къ одному тому его сочиненій). — Ни Герценъ, ни Огаревъ, ни Бакунинъ не вѣрили утвержденіямъ, что общество «Земля и Воля» имѣло въ Петербургѣ нѣсколько

—впрочемъ не многочисленныхъ — революціонныхъ обществъ осталась нераскрытой, несмотря на всѣ разслѣдованія особой Комиссіи. Но еще болѣе дѣйствительными, чѣмъ эти репрессивныя мѣры правительства, были реформы, которыя Александръ II предпринялъ въ своемъ царствѣ. Вскорѣ за отмѣной крѣпостного права послѣдовала судебная реформа, введеніе земскаго самоуправленія, реорганизація военнаго и финансоваго дѣла и мн. др. На всѣхъ поприщахъ общественной жизни проявилось желаніе правительства вводить реформы; въ отвѣтъ на это оно встрѣтило желаніе общества приложить также и свои усилія къ общей работѣ. Это было время честной попытки либераловъ работать вмѣстѣ съ сочувствующимъ реформамъ правительствомъ. Въ то же время либеральная печать получила большую свободу, естественнымъ слѣдствіемъ чего было то, что запрещенная заграничная пресса потеряла свою привлекательность. Тиражъ «Колокола», простиравшійся раньше до 2000—2800 экз., спустился въ 1863 г. до 500 экз. и только изрѣдка доходилъ до 1000. Изданіе его можно было продолжать уже съ денежнымъ убыткомъ; перенесеніе редакціи въ 1865 г. въ Женеву не поправило дѣла, такъ что съ 1868 г. Герценъ прекратилъ изданіе «Колокола», объясняя это тѣмъ, что молодежь хочетъ итти своей собственной дорогой и болѣе въ немъ не нуждается; онъ признаетъ этотъ фактъ и прекращаетъ свою дѣятельность. (Съ 1-го января 1868 г. и до начала 1869-го «Колоколъ» выходилъ на французскомъ языкѣ, съ отдѣльными приложеніями на русскомъ. Л. Ш.). Въ январѣ 1870 г. Герценъ умеръ въ Парижѣ. Бакунинъ отдался весь анархическому соціализму и сдѣлался вполнѣ интернаціональнымъ революціонеромъ, такъ что, вообще говоря, онъ только случайно обращалъ вниманіе на русскія дѣла, въ которыхъ снова сталъ играть роль лишь въ 1869, а затѣмъ въ 1872—73 годахъ.

Герцену тяжело было перенести рѣзкое паденіе его огромнаго публицистическаго вліянія и перейти къ литературному затишью. Въ своихъ «Посмертныхъ сочиненіяхъ» *) онъ съ грустью задается вопросомъ, почему онъ такъ легко поддался своимъ пылкимъ друзьямъ, которые увлекли его на путь безнадежнаго радикализма и польскаго возстанія, безуспѣшность которыхъ онъ такъ ясно сознавалъ? Онъ признается, что размышленіе и наблюденіе господствовали у него въ теоріи, но не на

сотенъ, а въ провинціяхъ до 3000 членовъ. Послѣдній, впрочемъ, со свойственнымъ ему энтузіазмомъ, прибавлялъ: «но въ будущемъ ихъ можетъ быть вдвое больше». (Герценъ. «Посмертныя сочиненія»).

*) 1874 г. 2 изд. стр. 208.

практикѣ; съ одной стороны онъ былъ убѣжденъ, что надо было дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, съ другой же стороны—готовъ былъ поступать совсѣмъ иначе. «Эта шаткость, эта неспѣтость» надѣлали въ его жизни массу вреда; всѣ свои ошибки онъ совершилъ «contre coeur». Ложный стыдъ, чувство любви и дружбы часто побѣждали въ немъ логику. И вотъ, въ періодъ энергичныхъ движеній, когда слова непосредственно переходятъ въ дѣло, Герценъ только слѣдовалъ за своими пылкими друзьями, и Бакунинъ, этотъ несломленный Сибирью «апостолъ разрушенія,» оказывался вожакомъ. Легко понять также, почему между богатымъ, аристократическимъ, высокообразованнымъ Герценомъ и молодымъ поколѣніемъ должно было возникнуть охлажденіе и даже чувство болѣе рѣзкое, чѣмъ охлажденіе, чувство антипатіи,—между тѣмъ какъ экзальтированный Бакунинъ, видѣвшій во всѣхъ концахъ свѣта прорывающіеся языки революціоннаго пламени, умѣлъ брататься съ первымъ встрѣчнымъ и всѣхъ дарить своимъ довѣріемъ*).

Шестидесятые годы лучше всего можно охарактеризовать, какъ время нигилизма **). Человѣкъ съ такимъ талантомъ, какъ Тургеневъ, изобразилъ исторію духовнаго развитія русскаго общества въ своихъ большихъ романахъ. Въ Рудинѣ онъ рисуетъ намъ человѣка, духовное развитіе и живость темперамента котораго увлекаютъ его всегда дальше, чѣмъ это позволяетъ ему его характеръ; говорятъ, онъ имѣлъ при этомъ въ виду молодого Бакунина. Въ «Отцахъ и дѣтяхъ» (1862) онъ изображаетъ Базарова, какъ нигилиста; но у Тургенева этотъ юноша умираетъ слишкомъ рано, когда находится еще въ періодѣ броженія; иначе онъ вѣроятно развился бы въ героевъ «Нови» (1877 г.), Нежданова или Соломина, которые выступаютъ тамъ, какъ соціалисты ***). Что же такое нигилистъ? Это трудно опредѣлить; на практикѣ нигилизмъ такъ перемѣшивается съ другими явленіями, что его не легко изолировать; русскому уму, кромѣ того, вообще не свойственна

*) Далѣе Тунъ знакомитъ читателей съ характеристикой молодого поколѣнія 60 годовъ, сдѣланной Герценомъ въ статьѣ «Общій фондъ». Характеристика эта носитъ слишкомъ полемическій характеръ; мы пропускаемъ поэтому эти страницы, какъ не имѣющія никакого историческаго значенія.

Л. Ш.

**) См. превосходныя замѣчанія у Подолинскаго «Нигилизмъ въ Россіи» и въ «Подпольной Россіи» Степняка.

***) Намъ врядъ-ли надо предупреждать русскаго читателя относительно того, что тургеневская характеристика русской молодежи въ романахъ «Отцы и дѣти» и «Новь» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана удачной. Л. Ш.

точность опредѣленій. Но изъ хода духовнаго развитія Россіи все таки можно понять нигилизмъ. Послѣ паденія николаевской системы прогрессъ могъ заключаться только въ строжайшей критикѣ, въ полномъ отрицаніи, даже уничтоженіи существующаго. Нужно было устранить все унаслѣдованное, сначала въ религіозной и философской, затѣмъ въ общественной и наконецъ въ политической и хозяйственной областяхъ. Къ этому присоединялось то обстоятельство, что при существовавшихъ тогда цензурныхъ условіяхъ была дозволена только критика, но не изложеніе положительныхъ системъ. Такое изложеніе было возможно лишь въ формѣ критики. Критиковали, напр., абсолютизмъ въ Австріи, чтобы доказать необходимость свободы въ Россіи. Такимъ образомъ, вся литература приняла отрицательное направленіе. Сначала точка зрѣнія, съ которой велась критика, носила смѣшанный характеръ; соціализмъ и либерализмъ боролись плечемъ къ плечу съ николаевскимъ режимомъ; въ отрицаніи они были согласны. «Современникъ» и его сотрудники были скорѣе представителями соціалистическаго направленія; другіе журналы въ основѣ своей были представителями либерализма и индивидуализма. Польское возстаніе уничтожило болѣе слабое теченіе соціализма и привело въ шестидесятыхъ годахъ къ господству индивидуалистическаго либерализма. Въ качествѣ типичнаго представителя нигилизма выступило тогда «Русское Слово», сотрудниками котораго были Писаревъ и Зайцевъ. Писаревъ — представитель отрицательнаго нигилизма; онъ знаетъ только темныя стороны человѣчества, все критикуетъ, но ничего не высказываетъ положительнаго. Какъ блестящій писатель, онъ имѣлъ громадное вліяніе въ 60-хъ годахъ на русскую молодежь, но какъ индивидуалистическій либералъ онъ, главнымъ образомъ, обращалъ вниманіе на народное образованіе и, пожалуй, также на кооперативныя товарищества, въ благопріятныхъ результатахъ которыхъ онъ, впрочемъ, не былъ даже вполнѣ увѣренъ.

Нигилизмъ проявлялъ себя преимущественно въ религіозно-философской области; здѣсь ему было легко дѣйствовать, потому что въ Россіи попъ — комическая фигура, и образованные классы не слишкомъ вѣрующи. Произведенія Фейербаха, Бюхнера, Молешотта, Дарвина, Бокля, Спенсера и Конта переводились и популяризировались въ журнальныхъ статьяхъ. Молодежь была вполнѣ покорена этимъ атеизмомъ и матеріализмомъ. Вторымъ пунктомъ для нападеній была семья и положеніе женщины. Нужно было уничтожить зависимость дѣтей, тяжелое положеніе женщины и малообразованность женскаго пола. Это удалось. Молодежь оставляла родительскій домъ; дѣвушки стремились въ высшія учебныя заведенія и университеты. Не разъ приходилось прибѣгать при этомъ

къ фиктивнымъ бракамъ,—(при которыхъ супруги немедленно послѣ вѣнчанія разлучались),—чтобы дать возможность дѣвушкамъ пріобрѣтать самостоятельное положеніе женщины и получать паспортъ; впрочемъ, большинство такихъ браковъ впослѣдствіи обращались въ дѣйствительные. Въ женскомъ вопросѣ господствовали, вообще говоря, либеральныя требованія Руссо и Кондорсе, имѣвшихъ въ виду лишь равноправность мужчинъ и женщинъ. Требованіе соціалиста Фурье относительно уничтоженія современной формы брака скорѣе намѣчается Чернышевскимъ, чѣмъ прямо ставится, и у позднѣйшихъ нигилистовъ отступаетъ снова на задній планъ. Не менѣе значительнымъ является нигилизмъ на политическомъ и соціальномъ поприщахъ; онъ борется противъ стѣсненія свободы деспотизмомъ и противъ уничтоженія равенства экономическимъ строемъ. Нигилисты въ политическомъ отношеніи были республиканцами; но соціалистическая программа, выставленная Чернышевскимъ, не была широко распространена. Соціальныя стремленія были тогда скорѣе либеральны и индивидуалистичны. Народное образованіе и артели были магическими словами; земства энергично поддерживали всѣ попытки въ этомъ направленіи.

Важнѣе всего было отношеніе нигилистовъ къ вопросамъ личной жизни. Здѣсь именно обнаруживался болѣе всего индивидуалистическій и эгоистическій характеръ ихъ идеаловъ; они должны были прежде всего сами быть образованными, достичь благосостоянія и вести нравственную жизнь; этимъ самымъ достигалось бы и всеобщее благополучіе. Ихъ идеаломъ былъ идеалъ честнаго буржуа. Если нигилистъ былъ чиновникомъ, онъ не долженъ былъ брать взятокъ; какъ врачъ — онъ долженъ былъ посвятить себя своимъ пацієнтамъ, какъ мужъ, — онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ своей женѣ. У нигилиста на первомъ планѣ стоялъ онъ самъ и его семья, а затѣмъ уже народъ, причемъ Базаровъ (герой «Отцовъ и дѣтей») даже презираетъ этотъ народъ. Таковы были нигилисты, которые направили свои силы во вновь открывшуюся область самоуправленія и цѣлые годы работали въ ней. Одни изъ нихъ остались на этомъ пути и сдѣлались чиновниками или богатыми людьми со всѣми инстинктами буржуа; другіе же прогрессировали впослѣдствіи отъ нигилизма къ соціализму, потому что чувствовали себя неудовлетворенными либеральной работой.

Вотъ почему мнѣ кажется совершенно невѣрнымъ отожествленіе нигилизма съ соціализмомъ и терроризмомъ. Это было скорѣе тоже самое духовное движеніе, которое во Франціи предшествовало великой революціи и затѣмъ распространилось по всей Европѣ. Нигилизмъ — не что иное, какъ младшій от-

прыскъ матеріализма и русской демократіи съ сильнымъ пессимистическимъ оттѣнкомъ; онъ не обладаетъ никакой оригинальностью въ своихъ духовныхъ проявленіяхъ, потому что его ученія взяты изъ западноевропейской литературы. Нигилисты — философы эпохи просвѣщенія и демократы Россіи; они двойники матеріалистовъ и прогрессистовъ шестидесятыхъ годовъ въ Германіи. «Загадочныя натуры» Шпильгагена были одной изъ наиболѣе читаемыхъ книгъ нигилистовъ. Ихъ ошибки — ошибки либерализма и индивидуализма всего свѣта; только въ Россіи это движеніе началось позже и въ наиболѣе рѣзкой формѣ, потому что Николай наложилъ желѣзныя оковы на всю ея духовную жизнь. Нигилизмъ былъ революціоннымъ движеніемъ только въ духовной области; орудіе его дѣятельности было самое мирное въ свѣтѣ—литературная критика. Но не было также недостатка въ «непримиримыхъ», не желавшихъ никакихъ компромиссовъ съ правительствомъ. Они утверждали, что всѣ реформы были пустымъ звукомъ и не принесли никакой пользы народу, крестьянству же, въ экономическомъ смыслѣ, даже повредили.

И вотъ въ 1865 г., примыкая непосредственно къ тайнымъ обществамъ 1861-63 годовъ и даже состоя отчасти изъ прежнихъ ихъ членовъ, въ Москвѣ образовался небольшой кружокъ вокругъ Ишутина, Юрасова, Ермолова, Николаева, Страндена и другихъ студентовъ, которые чрезъ Худякова*) распространили свою дѣятельность и на Петербургъ. Это общество хотѣло вести революціонную пропаганду въ народѣ, для чего

---

*) И. Худяковъ, род. 1842, ум. 1876 въ Сибири, былъ болѣзненный, нервный фанатикъ. Въ 1860-63 гг. онъ посвятилъ себя собиранію народныхъ пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, которые обнародовалъ въ пяти выпускахъ. Затѣмъ 21 г. отъ роду онъ увлекся политической дѣятельностью и сдѣлался впослѣдствіи членомъ Ишутинскаго кружка, которому онъ предложилъ войти въ сношенія съ Интернаціоналомъ, о которомъ онъ узналъ во время своего путешествія заграницу. Онъ занимался тайно съ рабочими и при этомъ велъ пропаганду. Съ этою цѣлью онъ написалъ нѣсколько популярныхъ книгъ, каковы, напримѣръ, «Самоучитель» — небольшая хорошо подобранная хрестоматія, «Великіе люди» — сборникъ четырехъ біографій: Вашингтона, Беранже и др., «Древняя Русь» — очень удачно составленный очеркъ вѣчевого строя и перехода его въ самодержавіе съ соотвѣтствующими цитатами изъ лѣтописей. Послѣ покушенія онъ былъ арестованъ, осужденъ и сосланъ на поселеніе въ Верхоянскъ, гдѣ вскорѣ потерялъ разсудокъ. Въ 1867 г. онъ написалъ свою автобіографію, изданную заграницей. См. также его некрологъ въ газетѣ «Впередъ» за 1876 г.

открывало школы, потребительныя общества и артели. Ермоловъ пожертвовалъ на это все свое состояніе и содержалъ въ Петровской Земледѣльческой Академіи, въ Москвѣ, нѣсколькихъ товарищей, которые должны были потомъ, въ качествѣ пропагандистовъ, итти въ народъ. Кружокъ намѣревался также купить Мальцевскую фабрику и преобразовать ее на артельныхъ началахъ. Наконецъ, въ центральной организаціи общества обсуждался вопросъ о покушеніи на царя—хотя бы и не смертельномъ—съ цѣлью вызвать возбужденіе въ народѣ. Покушеніе должно было быть произведено такимъ членомъ организаціи, который провелъ-бы болѣе или менѣе долгое время среди народа, чтобы придать всему дѣлу видъ народнаго движенія. Но судьба рѣшила иначе. Одинъ изъ товарищей, неизлѣчимо больной Каракозовъ, предложилъ себя въ исполнители задуманнаго плана, причемъ его не удержало даже то, что нѣкоторые вліятельные заговорщики протестовали противъ его намѣренія, считая его преждевременнымъ. Каракозовъ былъ мало одаренная, замкнутая, сдержанная, но страстная натура, у которой дѣло дополняетъ слово, — и вотъ 4 ап. 1866 г. онъ приступилъ къ выполненію своего намѣренія. Крестьянину (Комиссарову) суждено было спасти царя отъ руки дворянина. Результатъ покушенія былъ, такимъ образомъ, какъ разъ обратный тому, котораго ожидали. Судъ надъ кружкомъ былъ безпощадно строгъ; его велъ Муравьевъ*).

Это покушеніе сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ во внутренней политикѣ Россіи; понемногу на нее надвигалась реакція. Царскій рескриптъ отъ 23 мая 1866 г. объявлялъ, что революціонныя дѣйствія серьезно угрожаютъ закону, собственности и религіи и что либеральныя намѣренія правительства невѣрно истолковываются и искажаются. Поэтому оно заявлялъ, что всегда признавало законъ и собственность и будетъ, какъ раньше, такъ и теперь, опираться на дворянство и консервативные элементы государственной жизни и будетъ усердно противодѣйствовать всѣмъ стремленіямъ, противорѣчащимъ ихъ тенденціямъ. Въ то же время «Современникъ» и «Русское Слово» — остатки радикализма — были закрыты, а различные государственные посты замѣщены противниками демократовъ. Прежде всего былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія графъ Дмитрій Толстой, тотъ самый Толстой, который потомъ своими строгими мѣрами противъ университетовъ не мало содѣйствовалъ тому, что учащаяся молодежь брооилась въ объятія революціи. Только въ Польшѣ продолжалась крестьянофильская политика, съ цѣлью завое-

*) «Подпольное Слово» № 1. «Народное дѣло» № 2 и № 3. Худяковъ, автобіографія.

вать правительству симпатіи народа. Покушеніемъ Каракозова, предпринятымъ ничтожной кучкой людей, правительство воспользовалось такимъ образомъ для того, чтобы направить всю свою политику противъ демократіи и либерализма. Вслѣдствіе этого среди либераловъ должно было начаться раздѣленіе и вскорѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, останутся-ли нигилисты вмѣстѣ съ правительствомъ на почвѣ существующаго права и собственности, или же перейдутъ налѣво, къ соціализму. Пока же снова наступило на нѣсколько лѣтъ затишье въ общественномъ движеніи. Подавленная въ Россіи крайняя пресса эмигрировала заграницу. Въ 1866 году, Элпидинъ, бывшій студентъ, бѣжавшій изъ Казани, выпустилъ два номера «Подпольнаго Слова», изъ которыхъ въ одномъ излагалось покушеніе Каракозова, а въ другомъ Казанскіе безпорядки 1862-63 г. Въ 1868 г. (съ апрѣля по сентябрь) издавалась газета «Современность» — незначительный листокъ, хотя и революціоннаго, но не анархическаго содержанія; его скоро вытѣснило «Народное Дѣло» (съ сентября 1868 г. до сентября 1870 г.), также не имѣвшее однако большого распространенія. Послѣдній журналъ стоитъ уже вполнѣ на почвѣ анархическаго интернаціонализма и пропагандируетъ его въ Россіи. Онъ объявляетъ себя приверженцемъ атеизма и матеріализма и требуетъ уничтоженія наслѣдственной собственности, уравненія правъ женщинъ, общественнаго воспитанія дѣтей, надѣленія общинъ землею, а рабочихъ артелей— средотвами производства. Будущая организація должна была состоять въ свободной федераціи работниковъ, въ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ ассоціаціяхъ, при полномъ уничтоженіи государственной организаціи. Бакунинъ защищалъ эту, инспирированную имъ, программу.

Этотъ журналъ и его программа стоятъ въ тѣсной связи съ заговоромъ, который служитъ введеніемъ къ крупному соціалистическому движенію, характеризующему слѣдующее десятилѣтіе. Хотя по своей организаціи этотъ заговоръ рѣзко отличается отъ другихъ тайныхъ обществъ — а можетъ быть именно поэтому — онъ далъ толчекъ новымъ формамъ революціонныхъ организацій въ Россіи и потому ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть игнорируемъ. Я говорю о заговорѣ Нечаева. Сергѣй Нечаевъ былъ учителемъ церковно-приходской школы въ Петербургѣ; онъ внезапно выступилъ на сцену во время студенческихъ безпорядковъ въ февралѣ и мартѣ 1869 г. въ Петербургѣ и старался придать требованіямъ относительно студенческихъ кассъ и собраній политическую подкладку. По окончаніи волненій, какъ имъ, такъ и Бакунинымъ были изданы прокламаціи къ студентамъ, въ которыхъ послѣдніе приглашались поддерживать свои требованія. Затѣмъ Нечаевъ исчезъ, распространивъ о себѣ легенду, будто бы

онъ былъ заключенъ въ Петро-Павловскую крѣпость, а затѣмъ бѣжалъ оттуда. На самомъ же дѣлѣ онъ отправился заграницу, гдѣ разсказывалъ въ Женевѣ Бакунину и Огареву, будто въ Россіи уже все организовано и готово къ возстанію. При помощи ихъ обоихъ, ему удалось получить*) отъ больного Герцена, не желавшаго имѣть лично никакого дѣла съ Нечаевымъ, тотъ революціонный фондъ, — котораго столькіе домогались**), — теперь уже въ размѣрѣ 1000 ф. ст.; кромѣ того Бакунинъ назначилъ Нечаева организаторомъ русскаго отдѣла Интернаціонала и легитимировалъ его подъ № 2771.

Въ первыхъ числахъ сентября 1869 г. Нечаевъ вернулся въ Москву уже съ громкой революціонной репутаціей. Здѣсь еще раньше у него были кое-какіе единомышленники, но имъ не хватало хорошей организаціи. Ее то наконецъ и привезъ Нечаевъ изъ заграницы. Въ Петербургѣ и Москвѣ, при посредствѣ Успенскаго, служившаго въ московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина А. Черкесова, онъ познакомился съ учащеюся молодежью, главнымъ образомъ, изъ Петровской Земледѣльческой академіи. Каждый изъ его довѣренныхъ лицъ образовывалъ вокругъ себя кружокъ первой степени, который не былъ вполнѣ посвященъ въ конечныя цѣли; за всѣмъ этимъ стоялъ таинственный и фиктивный комитетъ, за уполномоченнаго котораго выдавалъ себя Нечаевъ, при чемъ онъ прибавлялъ, что вся Россія была покрыта сѣтью тайныхъ обществъ, мистифицируя такимъ образомъ своихъ товарищей. Наряду съ организаторскимъ талантомъ Нечаевъ обладалъ еще другимъ свойствомъ, усиливавшимъ его вліяніе на товарищей. Онъ родился въ селѣ Ивановѣ Шуйскаго уѣзда, былъ сыномъ бѣднаго ремесленника, научился грамотѣ только 16-ти лѣтъ и затѣмъ посѣщалъ московскій университетъ. Вся та ненависть противъ привилегированныхъ сословій, вся любовь къ крестьянству и вся демократичность, которыя у остальныхъ членовъ заговора (какъ это они чувствовали сами) были чѣмъ то внѣшнимъ, являлись у 23-хъ лѣтняго Нечаева основнымъ, могучимъ и живымъ чувствомъ. Къ тому же онъ обладалъ желѣзной энергіей и сумѣлъ подчинить себѣ не только людей одного съ нимъ возраста, но и такого уже пожилого писателя,

---

*) «Свободное Слово» № 46, гдѣ, наконецъ, этотъ фактъ установленъ.

**) Одинъ русскій, нѣкто Бахметьевъ, проѣзжая черезъ Лондонъ на какія-то отдаленныя острова, оставилъ Герцену 800 фунтовъ стерлинговъ, на общественныя цѣли и на его полное усмотрѣніе; затѣмъ онъ исчезъ безслѣдно. Объ этихъ деньгахъ и идетъ здѣсь рѣчь. Л. Щ.

какъ Прыжовъ (42 л.). Попытка организаціи не была вполнѣ неудачной; скоро были завязаны связи между Москвой, С. Петербургомъ, Ярославлемъ и промышленнымъ селомъ Ивановымъ; была попытка основать тайную типографіи; собирались деньги, хотя въ Москвѣ было собрано только 300 руб., изготовлялись фальшивые паспорта, читались запрещенныя рукописи. Засѣданія кружка, какъ видно изъ прочитанныхъ во время процесса протоколовъ,— были однако до смѣшного безсодержательны, причемъ отдѣльные члены, по собственному признанію на судѣ, доставляли ложные отчеты, чтобы только заслужить себѣ похвалу, какъ дѣятельныхъ членовъ. Общество называлось «Общество народной расправы» или «Общество топора»; уставъ былъ очень строгъ и подробенъ; каждый членъ обозначался только цыфрой, чтобы затруднить разслѣдованіе. Цѣль общества излагалась въ прокламаціи «Народной расправы». Нѣтъ больше времени, говорилось тамъ, для мирнаго распространенія знаній въ народѣ или для литературной дѣятельности; нужно дѣйствовать, чтобы осуществить программу интернаціональнаго анархизма; нельзя останавливаться ни предъ чѣмъ; царь пусть пока остается въ живыхъ, чтобы предоставить его въ распоряженіе побѣдоносной революціи; эта послѣдняя должна была произойти 19 фев. 1870 года. Но еще болѣе крайнимъ, чѣмъ это воззваніе тайнаго общества, былъ такъ называемый «катехизисъ русскаго революціонера», гдѣ отъ революціонера требовались крайняя безчеловѣчность и кровожадность*). Въ заключеніе рекомендовалось присоединеніе къ разбойничеству, этому почтенному явленію русской народной жизни.

По Нечаевскій заговоръ былъ недолговѣченъ. Одинъ изъ наиболѣе довѣренныхъ членовъ его, Ивановъ, оказался упрямымъ и самолюбивымъ человѣкомъ; у него вышло столкновеніе съ Нечаевымъ; тогда послѣдній убѣдилъ Успенскаго, Прыжева, Кузнецова и Николаева въ необходимости убить опаснаго врага хорошаго дѣла, и 21 ноября 1869 г. въ одномъ изъ гротовъ Петровской земледѣльческой академіи было совершено это страшное убійство. Вскорѣ послѣ этого общество было открыто. Около 300 чел. было привлечено къ дознанію, а 1 іюля 1871 г. 87 чел. изъ нихъ предстали передъ судомъ. Самъ Нечаевъ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ, избѣгаемый всѣми эмигрантами, велъ печальную жизнь; затѣмъ онъ былъ выданъ, какъ уголовный преступникъ, и въ 1872 г. присужденъ къ двадцатилѣтней каторгѣ.

---

*) См. протоколы процесса и «Литератур. сборн.» Алисова стр. 79.

Нечаевскій заговоръ является крупной попыткой энергичнаго агитатора раздуть въ открытое пламя скрыто тлѣвшій огонь всеобщаго недовольства. Но это была только слабая вспышка, скоро потухнувшая. Все предпріятіе было не болѣе какъ эпизодомъ. Молодежь еще не была готова къ революціонному дѣлу. Но все-таки она уже организовывалась теперь въ кружки; большая часть извѣстныхъ впослѣдствіи революціонеровъ, будучи тогда еще студентами, основывали кассы взаимопомощи, распространяли цензурныя книжки по пониженнымъ цѣнамъ, устраивали библіотеки, управляли столовыми.

Эти молодые люди собирались также для обмѣна мыслей, для дальнѣйшаго самообразованія; среди нихъ велись оживленные споры, нерѣдко переходившіе въ область политики и экономики. И вотъ постепенно, въ періодъ 1869-72 г.г., соціализмъ замѣнилъ собою нигилизмъ. Подготовлялась эпоха «хожденія въ народъ», для пропаганды соціальной революціи.

Какія обстоятельства побудили русскую молодежь перейти отъ нигилизма къ соціализму? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо охарактеризовать, хотя бы въ бѣглыхъ чертахъ, поведеніе правительства, положеніе общества и крестьянъ, а также настроеніе студенчества, дабы намѣтить, на какихъ основахъ было построено движеніе 70-хъ годовъ. Его можно, конечно, понять, только исходя изъ его собственныхъ мотивовъ; безъ указанія на нихъ оно останется вполнѣ непонятнымъ. Поэтому мы должны постараться стать на точку зрѣнія этихъ молодыхъ людей.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра II наступила весна въ русской государственной жизни. Страстная надежда на устраненіе самодержавной системы и дарованіе свободы волновала общество. Одушевленное этой наивной, но искренней вѣрой, оно принимало самое оживленное участіе въ обсужденіи всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Но не прошло еще и 10 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права—а мы уже встрѣчаемъ всеобщее разочарованіе и равнодушіе къ реформамъ. Это только отчасти можно объяснить непостоянствомъ русскаго народнаго характера, который также легко разочаровывается, какъ увлекается крайностями. Коренной причиной является здѣсь скорѣе поведеніе правительства. Во всѣхъ его реформахъ не хватало руководящаго принципа. Различныя комиссіи вырабатывали по частямъ цѣлый рядъ законовъ, остававшихся безъ всякой внутренней связи, не подчиненныхъ, какъ части одной общей системы, единой основной идеѣ. Фактически, самодержавіе и централизація оставались неприкосновенными; всѣ реформы, противорѣчившія въ отдѣльности этому основному принципу русской государственной жизни, должны были вскорѣ вступить съ нимъ въ борьбу и погибнуть при первомъ

же столкновеніи, вслѣдствіе недостатка традицій, силъ и самостоятельности. Духъ и направляющая воля всего государственнаго строя были сильнѣе, чѣмъ законы, изданные для отдѣльныхъ отраслей общественной жизни, и быстро побѣдили ихъ. Это можно ясно прослѣдить на судьбѣ земской и судебной реформъ.*)

Судебная реформа 1864 г. была одной изъ наиболѣе удачныхъ законодательныхъ попытокъ того періода. Если отдѣльныя ея постановленія и не соотвѣтствали общему характеру реформы, то они по большей части имѣли лишь второстепенное значеніе и могли-бы быть устранены, не нарушая основъ общаго судебнаго положенія. Главный недостатокъ заключался здѣсь гораздо болѣе въ зависимости юстиціи отъ администраціи. Правда, независимость суда была торжественно провозглашена передъ всей страной: ни одинъ русскій не долженъ былъ быть осужденъ безъ законнаго суда; но эта независимость суда осталась только на бумагѣ и погибла при первомъ конфликтѣ съ произволомъ самодержавія. Немедленно же послѣ перваго покушенія 1866 г., когда было установлено, что Каракозовъ принадлежалъ къ тайному обществу, правительство рѣшило не предавать его суду по новымъ законамъ, а назначило особую комиссію съ предсѣдателемъ Муравьевымъ-Вѣшателемъ. Этимъ былъ созданъ прецедентъ для послѣдующихъ политическихъ процессовъ, и дѣятельность новыхъ судовъ была парализована установленіемъ военныхъ судовъ и особыхъ комиссій. Уничтоженный было административный судъ тогда же получилъ почти прежнее распространеніе; безъ всякаго судебнаго слѣдствія люди отдавались подъ полицейскій надзоръ, бросались въ тюрьмы, ссылались въ отдаленныя губерніи и въ Сибирь, — даже въ томъ случаѣ, когда обычные суды ихъ оправдывали. Адвокаты за слишкомъ смѣлыя защитительныя рѣчи также ссылались административнымъ порядкомъ, какъ напр. князь Урусовъ послѣ Нечаевскаго процесса 1871 года. Послѣ того какъ такой порядокъ просуществовалъ нѣсколько лѣтъ безъ всякаго законнаго основанія, его узаконили, въ маѣ 1871 г., какъ постоянное учрежденіе. Въ извѣстныхъ случаяхъ прокуроръ долженъ былъ передавать веденіе слѣдствія жандармеріи, причемъ дальнѣйшій ходъ дѣла, въ случаѣ политическихъ преступленій, былъ представленъ на усмотрѣніе министра юстиціи, который долженъ былъ входить въ соглашеніе съ шефомъ жандармовъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли передать дѣло суду, или направить его админи-

*) Головачевъ «Десять лѣтъ реформъ», 1872. Петербургъ. Эта интересная книга выражаетъ взгляды либераловъ того времени.

стративнымъ порядкомъ. Этимъ самымъ административному произволу предоставлялся и по закону широкій просторъ, вызвавшій то чувство всеобщей правовой необезпеченности, которое должно было бросить въ объятія радикальной оппозиціи всѣхъ не вполнѣ «благомыслящихъ». Во времена Николая тотъ же произволъ терпѣли, какъ преходящее зло; въ настоящее же время на него уже смотрѣли, какъ на возмутительное нарушеніе права, дарованнаго торжественно самимъ царемъ. Въ виду такого поразительнаго нарушенія правопорядка уже мало обращали вниманія на другія неурядицы,—на то, напримѣръ, что судей скоро стали назначать, руководясь не степенью ихъ знаній и способностей, а ихъ политической благонадежностью, о которой судила полиція.

Также быстро исчезли и тѣ иллюзіи, которыя общество создало себѣ относительно земскихъ учрежденій (1864). *)

На нихъ были возложены заботы о народномъ продовольствіи, о школьномъ и дорожномъ дѣлѣ, врачебная помощь и мн. др. Хотя объемъ ихъ дѣятельности былъ и достаточно широкъ, но являлся вопросъ—откуда доставать средства для всего этого? Государство уже и безъ того обложило крестьянъ и землю слишкомъ тяжелыми податями и постоянно повышало ихъ; поэтому было естественно, что земства воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ и начали облагать промышленныя и торговыя предпріятія сообразно ихъ доходности. Но уже въ 1867 г. имъ было это запрещено и позволено облагать промышленныя предпріятія лишь какъ постройки, а торговые патенты — пошлиной не выше 25 процентовъ государственнаго налога. Въ 1868 и 1878 г.г. земствамъ было запрещено облагать церковныя имущества и удѣльныя владенія.

Послѣ изданія этихъ положеній стало замѣчаться охлажденіе къ земскимъ учрежденіямъ. Помѣщики поняли, что, вслѣдствіе недостатка средствъ, имъ придется ограничиться обязательными расходами, а крестьяне, которые въ началѣ выказали живой интересъ, въ результатѣ увидѣли только увеличеніе податей; представители городовъ, размѣръ обложенія которыхъ оставался неизмѣннымъ, относились вполнѣ пассивно къ земскому дѣлу. Къ тому же, среди гласныхъ земскаго собранія, помѣщики составляли значительное большинство, отчасти отъ того, что они имѣли большія избирательныя права, **) а отчасти оттого, что крестьяне, гласные которыхъ не

*) Головачевъ стр. 181. —«18 лѣтъ борьбы между чиновничествомъ и земствомъ», въ «Свободномъ Словѣ« № 53.

**) Законъ опредѣлялъ число гласныхъ особо для каждой

получали никакого вознагражденія, выбирали вліятельныхъ дворянъ. Дворяне же, такъ же какъ и городскіе гласные, нисколько не были заинтересованы лично въ главныхъ отрасляхъ земскаго управленія; ихъ продовольствіе было обезпечено, ихъ дѣти не ходили въ народныя школы. Они только платили земскіе сборы, расходовавшіеся безъ прямой выгоды для нихъ. Вслѣдствіе этого большинство гласныхъ интересовалось болѣе всего выборомъ мировыхъ судей, въ которые они проводили хорошо извѣстныхъ имъ лицъ, со стороны которыхъ имъ нечего было бояться оппозиціи себѣ. Къ наиболѣе идеальной задачѣ—школьному дѣлу — охладѣли очень скоро. Хотя земскія собранія не были ограничены въ своихъ ассигновкахъ на школьное дѣло, но что касалось до распоряженія ассигнованными деньгами, то ихъ право въ этомъ отношеніи ограничивалось посылкой двухъ членовъ въ училищный совѣтъ, гдѣ они находились въ меньшинствѣ. Интересъ къ народнымъ школамъ былъ еще болѣе ослабленъ назначеніемъ правительственныхъ инспекторовъ; въ декабрѣ 1873 г., послѣ обнаруженія соціалистической пропаганды, на дворянство была возложена обязанность стоять на стражѣ народной школы, чтобы она не сдѣлалась очагомъ развращенности; позднѣйшимъ указомъ школа поручалась особому попечительству дворянскихъ собраній.

Инструкція 1875 г. сводитъ права земства по отношенію къ школамъ къ тому, что они могутъ вносить деньги, которыя расходуетъ Мин. Нар. Пр., не будучи даже обязано давать денежнаго отчета.

Такимъ образомъ земства уже вскорѣ послѣ своего возникновенія были ограничены и въ своей дѣятельности, и въ средствахъ. У нихъ не было также и своего самостоятельнаго исполнительнаго органа. Когда они назначали налоги или утверждали расходы, то отъ доброй воли полиціи зависѣло, будутъ ли собраны эти налоги, и кассы земствъ страдали отъ хроническихъ недоимокъ. Всѣ рѣшенія земскаго собранія должны были немедленно сообщаться губернатору и могли быть опротестованы имъ, если противорѣчили существующимъ законамъ и общегосударственнымъ интересамъ (что, конечно, опредѣлялось благоусмотрѣніемъ губернатора). Въ то же время правительство строго наблюдало за тѣмъ, чтобы земства не позволяли себѣ какихъ либо вторженій въ область политики. Оппозиціонное настроеніе въ началѣ было такъ велико, что еже-

---

губерніи, причемъ число гласныхъ отъ дворянъ почти вездѣ превышало число крестьянскихъ и городскихъ представителей, взятыхъ вмѣстѣ. Л. Ш.

годно на земства сыпались запрещенія и закрытія. Назначеніе докладчиковъ было отдано вполнѣ въ руки предводителей дворянства, и имъ дано было право снимать съ обсужденія «неподходящіе» вопросы и лишать на извѣстное время права слова отдѣльныхъ членовъ (1867). Въ то же время губернатору было поручено цензуровать протоколы и акты земствъ до ихъ печатанія (1865); въ 1879 г., кромѣ всегда бывшаго у него права утверждать земскихъ служащихъ, онъ получилъ еще право удалять политически неблагонадежныхъ лицъ съ земской службы и накладывать свое veto на выборъ мировыхъ судей, которые по закону подлежали только утвержденію сената. Этимъ правомъ губернаторы широко воспользовались. Вмѣсто того чтобы завоевывать активныя силы либерализма для самоуправленія и удерживать ихъ при мирной дѣятельности, правительство дѣлало такимъ образомъ все возможное, чтобы подавить работу земствъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что всѣ честныя и порядочныя личности мало по малу отошли отъ земскихъ учрежденій, уступивъ мѣсто искателямъ хорошихъ окладовъ. Не было больше рѣчи о самоуправленіи и почетныхъ должностяхъ. Земства скоро сдѣлались просто особыми органами центральнаго управленія для завѣдыванія опредѣленными экономическими задачами, безъ всякой самостоятельности*). Какого либо контроля со стороны общихъ судовъ или свободной прессы не существовало. Все было въ рукахъ губернаторовъ и правительства. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ дѣятельные и способные элементы оппозиціи начали искать другой формы дѣятельности и были предрасположены ко всякаго рода радикализму.

Наконецъ, вопросъ, какія послѣдствія имѣла отмѣна крѣпостного права, понятно, волновалъ все русское общество, и уже въ 1872 г., при министрѣ государственныхъ имуществъ Валуевѣ, было предпринято довольно неудачное изслѣдованіе по этому вопросу. Что касается до помѣщиковъ, то кажется всѣ свѣдѣнія сходятся въ томъ, что въ сѣверной и неплодородной средней Россіи они рѣшительно пострадали. Доходъ ихъ хозяйствъ обусловливался дешевыми рабочими руками крѣпостныхъ крестьянъ. Когда у нихъ была отнята возможность продолжать эксплуатировать ихъ, то они должны были прекратить веденіе собственнаго хозяйства, причемъ сдавали свои имѣнія или сельской общинѣ или по частямъ отдѣльнымъ крестьянамъ; только изрѣдка и то лишь на небольшой части своей земли они могли вести собственное хозяйство. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что сельское хозяйство въ по-

*) Головачевъ стр. 216.

мѣщичьихъ имѣніяхъ значительно регрессировало. Напр., въ Московской губ. въ годъ отмѣны крѣпостного права въ 633 имѣніяхъ обрабатывалось 61033 дес.; 16 лѣтъ спустя треть этихъ имѣній прекратила свое собственное хозяйство, и 4/5 пахотной земли не обрабатывалось въ нихъ вовсе. Что оставалось дѣлать дворянству при такихъ обстоятельствахъ, какъ не продавать свои имѣнія? Въ 1865-77 г.г. процентъ дворянскаго землевладѣнія въ Московской губ. упалъ съ 62% на 72%; завладѣвало имѣніями купечество, чтобы сводить имѣвшійся въ нихъ лѣсъ и вести подобное же хищническое хозяйство. Иной результатъ возымѣла отмѣна крѣпостного права для помѣщиковъ въ области чернозема. Здѣсь почва такъ плодородна, а сѣверная часть этого района такъ густо населена, что всегда найдутся или рабочіе, или арендаторы. Кромѣ того, этой полосѣ постройка желѣзно-дорожной сѣти въ такой же мѣрѣ была полезна, въ какой повредила средней Россіи; тамъ цѣны на хлѣбъ поднялись, здѣсь, вслѣдствіе конкуренціи, упали. На побережьяхъ Чернаго моря и на юго-западѣ помѣщики владѣютъ плодородной землей, которая значительно поднялась въ цѣнѣ; но тамъ хозяйства страдаютъ отъ засухъ и отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, который, конечно, прекратится съ болѣе густымъ заселеніемъ степи и, какъ говорятъ, устранимъ даже и теперь при хорошемъ обращеніи съ рабочими. Наконецъ, разорены отмѣной крѣпостного права тѣ помѣщики, которые были обременены долгами и съ трудомъ держались притѣсненіями своихъ крѣпостныхъ. Такихъ помѣщиковъ отмѣна крѣпостного права привела къ полному разоренію. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что величайшая изъ реформъ Александра II создала цѣлый рядъ разоренныхъ и деклассированныхъ дворянъ.

Въ еще большей степени это заключеніе вѣрно по отношенію къ крестьянамъ. Ихъ несчастье можно выразить въ двухъ словахъ: слишкомъ мало земли и слишкомъ большія подати![*]) Уже въ 1872 г. упомянутая раньше правительственная комиссія заявила, что въ Бессарабіи и прежнихъ польскихъ губерніяхъ выкупные платежи были довольно умѣренными даже тамъ, гдѣ желѣзныя дороги и другія обстоятельства подняли цѣну земли противъ оцѣнки 1861 г. «Но въ центрѣ, сѣверо-западѣ и въ другихъ губерніяхъ есть мѣстности, гдѣ доходъ съ земли значительно ниже выкупныхъ платежей. Эти мѣстности бѣдствуютъ, и сельское хозяйство въ нихъ падаетъ подъ вліяніемъ растущихъ недоимокъ; послѣдніе не оставляютъ для

*) См. превосходную книгу Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія землевладѣнія и податного обложенія крестьянъ», 2-ое изд. 1881 г.

населенія никакого выхода изъ нужды.» Къ этому сознанію пришло, наконецъ, и правительство: въ 1882 г. оно приступило къ уменьшенію выкупныхъ платежей и постепенной отмѣнѣ подушной подати, а также къ учрежденію земельныхъ банковъ, съ цѣлью облегчить крестьянамъ покупку земли; оно начало думать также о систематическомъ переселеніи. Въ то же время выкупъ крестьянской земли былъ сдѣланъ обязательнымъ. Бѣдственное положеніе крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ является, слѣдовательно, фактомъ, который нѣтъ надобности доказывать. Только для того, чтобы иллюстрировать степень этой нужды, я привожу нѣсколько цифръ изъ данныхъ по Московской губ., для которой В. Орловъ собралъ цѣнный статистическій матеріалъ. Прежде всего оказывается, что утвержденіе, будто Россія не имѣетъ сельскаго пролетаріата — пустая фраза. Въ названной губерніи имѣлось не менѣе 10 процентовъ безземельныхъ семей, т. е. прежнихъ дворовыхъ, отставныхъ солдатъ, калѣкъ, стариковъ и вдовъ съ малолѣтними дѣтьми. У нихъ нѣтъ земли, они не платятъ податей и являются обузой для общинъ. Къ этому надо прибавить 15 процентовъ семей, которыя хотя и имѣютъ земельный надѣлъ, но по разнымъ причинамъ не ведутъ сельскаго хозяйства; они являются какъ-бы соціальнымъ дефицитомъ селъ. Въ общей сложности 25 процентовъ семей оставили сельское хозяйство, а въ двухъ уѣздахъ ихъ число поднималось даже до 30-32 процентовъ. Но этимъ не исчерпывается количество семей, которыхъ нельзя было-бы признать настоящими сельскими хозяевами; были еще хозяева, не имѣвшіе своей лошади и принужденные отдавать свою землю въ наемъ; это также кандидаты на безземелье. Наконецъ, было не малое количество семей, которыя не имѣли даже своего дома; ихъ въ трехъ уѣздахъ насчитывалось 6, 8 и 12 процентовъ. При такихъ обстоятельствахъ, особенно если принять во вниманіе чрезмѣрное обремененіе крестьянъ податями, дѣлается понятнымъ, что недоимки въ Московской губ. доходили тогда до 41 процентовъ ежегодныхъ платежей. Собранныя данныя позволяли также замѣтить тенденцію къ рѣзкому раздѣленію между болѣе богатыми и болѣе бѣдными крестьянами и къ ухудшенію положенія послѣднихъ.

Соціально-экономическая дифференціація различныхъ классовъ, которая наблюдалась уже въ сельскомъ хозяйствѣ, еще сильнѣе, конечно, выступила въ чисто капиталистическихъ отрасляхъ производства. Въ царствованіе Александра II мы видѣли массовое возникновеніе желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ кампаній, всевозможныхъ банковъ, акціонерныхъ обществъ съ промышленными и торговыми цѣлями, которыя основывались частью на русскіе, частью на иностранные капиталы и которыя всячески субсидировались правительствомъ,

гарантировались имъ и охранялись пошлинами. Масса раззореннаго люда находила въ нихъ, какъ и въ области самоуправленія, чины и хлѣбъ. Сюда же стремились и крестьяне. Такъ какъ ихъ земельный надѣлъ, при современномъ способѣ веденія хозяйства, съ трудомъ обезпечивалъ имъ прожитокъ, то крестьяне принуждены были искать сторонних заработковъ, чтобы достать наличныя деньги для податей и закупки необходимыхъ предметовъ. Въ сельскохозяйственныхъ областяхъ они достигаютъ этого арендуя земли у помѣщиковъ и отправляясь въ качествѣ сельскихъ рабочихъ въ степи; въ промышленной, средней Россіи они либо остаются дома и занимаются кустарными промыслами, которые имѣютъ въ Россіи большое распространеніе (Андреевъ считаетъ, что всего ими было занято 321000 чел., которые производятъ на 106 мил. руб. товаровъ) *), либо уходятъ въ отхожіе промыслы, чтобы заработывать для дома деньги въ качествѣ извощиковъ или матросовъ, строительныхъ и фабричныхъ рабочихъ, землекоповъ, прислуги или всякаго рода ремесленниковъ. Въ 8 губерніяхъ средней Россіи ежегодно выдавалось 1130000 паспортовъ и билетовъ, такъ что около 11 процентовъ всего или 40 процентовъ взрослаго мужского населенія покидало на болѣе или менѣе продолжительное время родное село. Этотъ уходъ крестьянъ изъ деревень, конечно, ведетъ къ тому, что ихъ хозяйства регрессируютъ. Бѣдственное положеніе крестьянъ въ деревнѣ и въ промышленности сдѣлалось предметомъ цѣлой литературы романовъ и очерковъ, которые соперничали другъ съ другомъ въ пессимистическихъ описаніяхъ и мрачныхъ картинахъ, а въ 1869 г. это бѣдственное положеніе нашло и своего рода научное изображеніе въ книгѣ Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Въ ней нѣтъ недостатка въ преувеличеніяхъ; но книга написана съ огнемъ, и нѣкоторые отдѣлы ея снабжены личными цѣнными наблюденіями **), такъ что она могла произвести сильное впечатлѣніе на молодежь.

---

*) Е. Н. Андреевъ, «Кустарная промышленность въ Россіи», докладъ 1882 г. въ «Трудахъ Комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности» (1879—1890 гг.).

**) Таково сужденіе Keusler'a: «Исторія и критика крестьянскаго общиннаго владѣнія въ Россіи», 1 т. стр. 279. Флеровскій (Берви) написалъ эту книгу въ Вологдѣ, гдѣ находился въ ссылкѣ; онъ нашелъ въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ обширный статистическій матерьялъ и кромѣ того воспользовался своими собственными наблюденіями, накопленными имъ во время скитаній по ссылкамъ въ Россіи и Сибири. (Извѣстенъ отзывъ Маркса объ этой книгѣ: «Это—трудъ серь-

Теперь, въ заключеніе, я обращаюсь къ той самой молодежи, которая сдѣлалась въ 70-хъ гг. носительницей революціоннаго движенія; но я исключаю изъ моего обзора гимназіи и семинаріи и остановлюсь только на высшихъ и техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде всего надо замѣтить, что русское студенчество выходитъ изъ гораздо болѣе демократическихъ слоевъ общества, чѣмъ въ Германіи; это большею частью сыновья священниковъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ съ плохимъ воспитаніемъ и весьма недостаточнымъ школьнымъ образованіемъ; особенно это замѣтно въ Петербургѣ, гдѣ сыновья болѣе богатыхъ семей поступаютъ въ привилегированный лицей и въ училище Правовѣдѣнія. Большая часть студентовъ бѣдны; они терпятъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ и должны сами добывать себѣ средства существованія, если только не получаютъ ту или другую изъ многочисленныхъ стипендій; но и тогда ѣдятъ они плохо, живутъ грязно, имѣютъ мало денегъ для покупки книгъ. Поэтому кассы взаимопомощи, читальни, столовыя играютъ большую роль въ ихъ жизни; онѣ являются такъ сказать экономическими и соціальными вопросами въ студенческомъ мірѣ, и каждая попытка министровъ Путятина и Толстого затронуть эти жизненные интересы студентовъ приводила, какъ въ 1861 и 1869 гг., къ волненіямъ. Еще болѣе стѣснительными были другія ограниченія уже болѣе политическаго характера; студенты не имѣли права образовывать общества; пробовали также отнять у нихъ и право собраній; но каждая такая попытка вела къ студенческимъ сходкамъ для выраженія возмущенія; студенчество собиралось въ университетѣ, потому что у него не было другихъ помѣщеній для собраній; такимъ образомъ, вслѣдствіе неимѣнія разрѣшенной и заранѣе установленной организаціи, оппозиція студенчества всегда принимала характеръ волненій и вела къ вмѣшательству полиціи и войска, къ тяжелымъ наказаніямъ, ссылкамъ и къ закрытію университетовъ. Каждый разъ находились тогда радикальные агитаторы, которые пытались придать чисто студенческимъ волненіямъ политическую подкладку; каждый разъ также студенты выставляли требованія, далеко выходившія изъ предѣловъ первоначальной цѣли, напримѣръ, требовали себѣ право распредѣлять государственныя стипендіи, что они мотивировали произволомъ начальства. Такія требованія давали правительству

ѣзнаго наблюдателя, безстрашнаго труженика, безстрастнаго критика, мощнаго художника и — прежде всего — человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ.... Такіе труды, какъ Флеровскаго и вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи...») Л. Ш.

поводъ принимать болѣе строгія мѣры, и когда, наконецъ, въ 1866 г. графъ Толстой сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, то посредствомъ всевозможныхъ придирокъ и притѣсненій онъ сдѣлалъ очень многое, чтобы заставить студентовъ перейти въ радикальный лагерь. Позднѣйшіе соціалисты заявляли ему, что ему нечего бояться за свою жизнь, такъ какъ онъ лучшій пропагандистъ ихъ ученій.

Ходъ университетскихъ занятій также иной у русскихъ студентовъ, чѣмъ у нѣмецкихъ. Они еще обладаютъ той наивной вѣрой (характеризующей молодость русской науки), что приступить къ разрѣшенію всѣхъ проблемъ можно съ нѣсколькими общими идеями; къ серьезному же детальному изученію они выказываютъ мало склонности. Общія идеи были быстро заимствованы студенчествомъ у нигилизма, причемъ носители его, обладая отъ природы разрушительными талантами, начали критиковать все существующее и прежде всего профессоровъ, которыхъ, за немногими исключеніями, они объявили неспособными; затѣмъ слѣдовали научные авторитеты (какой же нигилистъ захотѣлъ бы вообще признавать авторитеты?) и, наконецъ, все, что попадалось подъ руку. Такое самомнѣніе еще не было бы такъ плохо само по себѣ и съ теченіемъ времени, вѣроятно, замѣнилось бы большею скромностью, если бы студенты не обладали еще одной особенностью. Они отъ всей души отдаются тѣмъ вопросамъ дня, которые волнуютъ въ данное время умы *). Въ 60-хъ годахъ всѣ увлекались естественными науками; всѣ журналы были наполнены этой любимой темой либерализма, причемъ студенты не ограничивались чтеніемъ Бюхнера, Фогта, Дарвина, но каждый юристъ для общаго образованія считалъ необходимымъ рѣзать лягушекъ, — занятіе, которое уже тогда послужило темой для многочисленныхъ сатиръ и мишенью для насмѣшекъ Тургенева въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Сочиненія о соціализмѣ въ 60-хъ годахъ читались мало; послѣдній выступилъ только подъ вліяніемъ событій и литературныхъ теченій, которыя я хочу изложить въ слѣдующей главѣ. Только съ 70-хъ г. г. отчасти сознательно (подъ вліяніемъ Конта), отчасти безсознательно государственныя и соціальныя науки стали считаться за глав-

*) Авторъ не вполнѣ правильно понимаетъ эту склонность русской молодежи къ общимъ идеямъ и ихъ кажущееся нерасположеніе къ «серьезному и детальному изученію». Дѣло въ томъ, что общественныя условія, окружающія русскую молодежь, до такой степени тяжелы, что отнимаютъ у сколько-нибудь чуткаго человѣка всякую возможность мирнаго и спокойнаго занятія наукой. Отсюда та страстность, съ какою студенты отдаются «вопросамъ дня». Л. Ш.

ную составную часть знанія и, независимо отъ спеціальности, изучаться студентами съ тѣмъ же жаромъ, какъ въ предыдущее десятилѣтіе естественныя науки.

Въ концѣ 60-хъ годовъ молодежь была еще вполнѣ проникнута нигилизмомъ; ея соціальныя стремленія оптимистически были направлены на либеральныя цѣли, на устройство школъ и артелей. Но правительство дѣлало невозможной работу въ этомъ направленіи. Молодежь же во что бы то ни стало хотѣла быть полезной народу; она только не знала, какъ. Этимъ ея стремленіемъ къ дѣлу объясняется огромный успѣхъ «Историческихъ писемъ» Петра Лаврова. Въ 1868 году онъ указалъ на обязанность образованныхъ классовъ служить народу, потому что только благодаря его труду они могутъ учиться и образовываться, и, такимъ образомъ, обязаны ему своимъ положеніемъ. За эту мысль молодежь схватилась съ воодушевленіемъ. Да, она хочетъ служить народу! Но какъ?

Теперь мы должны обратиться къ событіямъ, которыя дали ей образцы для дѣятельности, и къ литературѣ, которая дала теорію для ея цѣлей.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

Нигилизмъ. Характеристика нигилизма, сдѣланная Туномъ, отличается нѣкоторою запутанностью, и кромѣ того оставляетъ совсѣмъ безъ отвѣта вопросъ о его происхожденіи. Прежде всего авторъ представляетъ себѣ передовую часть русскаго общества, какъ нѣчто однородное, охваченное въ 60-хъ годахъ во всемъ своемъ составѣ извѣстнымъ идейнымъ теченіемъ. Здѣсь первая и основная ошибка автора. Нигилизмъ всегда былъ достояніемъ молодого поколѣнія. Это была та форма, въ которую вылилось широкое умственное движеніе, охватившее собою лишь русскую учащуюся молодежь. Взрослое поколѣніе 60-хъ годовъ, такъ называемые «отцы» стояли въ сторонѣ отъ него и даже относились къ нему враждебно. Нельзя сказать также, чтобы именно нигилизму принадлежала вся заслуга той критической, отрицательной работы въ религіозной, философской и политической областяхъ, какая приписана ему авторомъ. Что касается взрослаго поколѣнія 60-хъ годовъ, то эта работа уже была исполнена для него сороковыми годами, и въ этомъ отношеніи нигилизмъ не могъ дать ему ничего новаго.

Если мы оставимъ въ сторонѣ извѣстнаго рода утрировку въ проявленіяхъ нигидизма, то однимъ изъ главныхъ его признаковъ надо будетъ признать большую цѣльность, въ противоположность рефлектирующимъ натурамъ прежняго времени и крайній демократизмъ, въ противоположность нѣкоторому умственному аристократизму людей 40-хъ гг. Представителями новаго теченія прежде всего была, такъ сказать, опорочена блестящая въ другихъ отношеніяхъ личность Рудина, этого типичнаго представителя 40-хъ годовъ.

Съ другой стороны, Чернышевскій характеризуетъ, въ романѣ «Что дѣлать», представителей народившагося новаго типа, какъ людей «отважныхъ, не колеблющихся, не отступающихъ и умѣющихъ взяться за дѣло». Эта противоположность между благими, но неосуществлявшимися стремленіями «лишнихъ людей» 40-хъ годовъ и прямолинейной рѣшительностью людей 60-хъ годовъ крайне характерна. Добролюбовъ, выдвигая «обломовщину», какъ родовое свойство, охватывающее собою цѣлый общественный слой, приписываетъ ее одинаково Печорину съ Онѣгинымъ и Бельтову съ Рудинымъ: «Надъ

всѣми этими людьми» — говоритъ онъ — «тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности въ свѣтѣ».

— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ, дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Oneguine? — говорилъ Чернышевскій въ своемъ извѣстномъ спорѣ съ Герценомъ, отстаивавшимъ либераловъ 40-хъ годовъ и возмущавшимся рѣзкимъ и насмѣшливымъ отношеніемъ къ нимъ «Современника». Еще рѣзче выступалъ противъ всякихъ остатковъ «барства», аристократизма — причисляя къ этимъ остаткамъ между прочимъ, всякую «эстетику» — Д. И. Писаревъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей «новаго типа».

Происхожденіе этого новаго типа объясняется наплывомъ въ русскіе университеты демократическаго элемента, благодаря открывшемуся тогда болѣе свободному доступу въ нихъ, между тѣмъ какъ этотъ доступъ былъ строго ограниченъ при Николаѣ опредѣленнымъ и очень малымъ штатомъ студентовъ*). Тогда именно появился въ передовыхъ рядахъ нашей общественной жизни такъ называемый «разночинецъ», и этотъ разночинецъ придалъ присущія ему черты всему молодому поколѣнію. Не всѣ, конечно, представители этого поколѣнія были сами разночинцами, но всѣ они стремились усвоить положительныя, сильныя стороны новаго типа, прямо отвѣчавшія потребностямъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнившіяся условія дворянскаго быта уже сами по себѣ въ гораздо меньшей степени служили теперь лабораторіей обломовщины для новыхъ выходцевъ изъ дворянскаго сословія. Вотъ, слѣдовательно, главная причина появленія новаго типа. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ «обломовщины», онъ отмѣчаетъ значительную демократизацію нашей интеллигенціи; недаромъ оба героя въ романѣ Чернышевскаго, Лопуховъ и Кирсановъ, демократы по происхожденію: первый — сынъ мѣщанина, а второй — сынъ писца уѣзднаго суда; тургеневскій Базаровъ также сынъ бѣднаго уѣзднаго лекаря.

Такимъ образомъ, въ своемъ наиболѣе общемъ признакѣ, нигилизмъ характеризуетъ собою скорѣе нравственный типъ, чѣмъ политическую программу. Лучшіе изъ «отцовъ» шестидесятыхъ годовъ сходились во многихъ общественныхъ требованіяхъ съ представителями нигилизма. Но каковы же бы-

*) Послѣ 1848 г., число своекоштныхъ студентовъ было ограничено 300-ми (за исключеніемъ медицинскаго факультета). Въ 1855 г. пріемъ студентовъ разрѣшенъ въ неограниченномъ количествѣ, а въ 1857 г. открытъ доступъ въ университеты лицамъ съ домашнимъ образованіемъ (вольные слушатели) и лицамъ низшихъ сословій.

ли общественные взгляды новыхъ людей 60-хъ годовъ и какова была ихъ политическая программа?

Мы видѣли, что Тунъ прямо называетъ нигилистовъ представителями индивидуалистическаго либерализма и по существу своему буржуа. Если принять во вниманіе, что появленіе нигилизма сопровождалось вторженіемъ въ ряды русской интеллигенціи новаго, чисто-демократическаго элемента, то эта индивидуалистическая и буржуазная окраска, какъ-бы внесенная имъ вмѣстѣ съ собою, является мало понятной. И дѣйствительно, мы наталкиваемся здѣсь еще на одно недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что, требуя отъ личности строгой послѣдовательности во всѣхъ ея поступкахъ, нигилизмъ стремился внести опредѣленную принципіальную основу также и въ сферу личной жизни; такимъ образомъ, вопросы личной жизни выступили тогда на первый планъ не вслѣдствіе индивидуалистическихъ тенденцій нигилизма, а въ силу его желанія подчинить личную жизнь извѣстному общему принципу. Принципомъ этимъ былъ признанъ тогда утилитаризмъ, т. е. теорія хорошо понятой личной выгоды, разумнаго личнаго разсчета. Люди 60-хъ годовъ объясняли каждый свой поступокъ, каждый свой шагъ не иначе, какъ утилитарными соображеніями: Лопуховъ, настаивая на томъ, чтобы Кирсановъ продолжалъ видѣться съ Вѣрой Павловной, доказываетъ ему, что онъ дѣйствуетъ въ своихъ собственныхъ выгодахъ; затѣмъ онъ бросаетъ любимую женщину и совсѣмъ уходитъ со сцены, — мотивируя и это также защитою своихъ собственныхъ интересовъ. Писаревъ, говоря о выборѣ человѣкомъ жизненнаго пути для себя, краснорѣчиво доказываетъ, что «требованіе высшей идеи здѣсь, какъ и вездѣ, совпадаютъ вполнѣ съ внушеніями эгоистической теоріи». И такъ было во всемъ. Слова: выгода, личныя удобства, собственный разсчетъ повторялись нигилистами на каждомъ шагу, и это именно придавало всему ихъ міросозерцанію ту внѣшнюю индивидуалистическую и буржуазную окраску, о которой говоритъ Тунъ. Въ дѣйствительности это было лишь строгое подчиненіе личной жизни извѣстному моральному принципу, проводимое съ неумолимой послѣдовательностью.

Но зачѣмъ понадобилось движенію, столь явно тяготѣвшему къ соціалистическимъ началамъ, эта индивидуалистическая окраска, эта буржуазно-утилитарная фразеологія? Это была не случайность. Какъ ни противорѣчиво это звучитъ на первый взглядъ, но именно этимъ молодые русскіе революціонеры того времени достигали наиболѣе рѣзкаго противоположенія себя старому міру, его воззрѣніямъ на жизнь, его нравственнымъ завѣтамъ. Для людей стараго міра существовала верховная санкція нравственности, стоящая внѣ человѣка. Мораль «отцовъ» была свыше даннымъ закономъ. Человѣка они раз-

сматривали, какъ слабое и грѣховное существо, которое не могло само изъ себя создать и выработать мораль. Нравственность являлась чѣмъ-то навязаннымъ человѣку сверху, силою божественнаго авторитета. Задача «дѣтей», умственно эмансипировавшихся отъ старыхъ вѣрованій, заключалась въ томъ, чтобы реабилитировать человѣка и его природу; они хотѣли доказать, что въ самомъ человѣкѣ, въ самой его природѣ лежатъ корни нравственнаго отношенія къ ближнему. Они прекрасно понимали, что никакая внѣшняя воля не могла бы навязать человѣку нравственности; что нравственность изъ подъ палки не есть настоящая нравственность; что страхъ воздаяній или соблазнъ наградъ «на томъ свѣтѣ» не есть истинно-моральный мотивъ. Такимъ образомъ, ихъ понятія о морали были по существу несомнѣнно выше и глубже, чѣмъ понятія окружавшей ихъ среды. Они видѣли, что пышная и чувствительная фразеологія «любви къ ближнему» скрывала подъ собою весьма скудное и сѣренькое содержаніе. И всѣми силами своей души они ополчились противъ этой фразеологіи, тѣмъ болѣе цѣня извѣстныя формулировки своихъ мыслей, чѣмъ сильнѣе шокировали они «филистеровъ». Желая выразить, что въ самой природѣ человѣка, въ его личности, въ его «я» лежитъ основа лучшихъ человѣческихъ чувствъ, они говорили, что имъ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ своего «я»; они — эгоисты; если они дѣлаютъ что нибудь для «ближняго», такъ это потому, что *имъ самимъ* это нравится, *имъ самимъ* доставляетъ удовольствіе; итакъ, въ концѣ концовъ они не стремятся ни къ чему иному, какъ къ *собственному* счастью. Въ этомъ смыслѣ они и доказывали, что «жертвъ», собственно, нѣтъ: «жертва — сапоги въ смятку». Постороннихъ людей, людей изъ «среды умѣренности и аккуратности», конечно, ужасалъ такой «цинизмъ». А между тѣмъ ужасавшіе ихъ «эгоисты» нерѣдко хоть завтра готовы были пойти на смерть за убѣжденія, резонируя при этомъ, что вѣдь это дѣлается для *собственнаго* удовольствія. Они могли бы сказать съ своеобразными подчеркиваніями: «пусть это только мигъ,—короткій, бѣглый мигъ — а дальше — гибель безъ возврата; *но для него,—такъ былъ онъ чуденъ и великъ — и смерть недорогая плата*».

Словомъ, представители этого теченія не дѣлали ничего иного, какъ только расширяли понятіе «эгоизма» до такой степени, что это понятіе дѣлалось всеобъемлющимъ. Нѣтъ ни одного движенія души, которое не принадлежало бы къ человѣческому «я», нѣтъ ни одного стимула, который прямо или косвенно не вытекалъ бы изъ внутренней природы человѣка—слѣдовательно, нѣтъ ничего не-эгоистическаго. Однако же, ни одинъ изъ представителей этого взгляда не сталъ бы отрицать, что бываютъ разные сорта эгоизма. Эгоистъ—тотъ, кто заботится только о своемъ карманѣ, эгоистъ и тотъ, кто

вступается за жертву, ибо физически не можетъ выносить вида чужихъ страданій. Ясно, что приходится различать два эти вида эгоизма словами: «высшій» и «низшій», или, какъ предпочитали выражаться люди того времени, «разумный» и «неразумный». Нетрудно видѣть, что различеніе двухъ этихъ видовъ эгоизма вполнѣ соотвѣтствуетъ обычному различенію «альтруизма» и «эгоизма». Въ существѣ дѣла, стало быть, ничего не мѣнялось; мѣнялись названія, термины. Иначе говоря, называя основой нравственности «эгоизмъ», лучшіе представители нигилизма выставляли не новый *критерій* для различенія нравственнаго отъ безнравственнаго, а лишь указывали, что нравственное не менѣе свойственно человѣческому «я», «ego», какъ и безнравственное. Если кто нибудь этого не понималъ, то они справедливо усматривали въ этомъ свидѣтельство низкаго моральнаго уровня. Очевидно человѣкъ не сознаетъ, что истинно-человѣческое счастье немыслимо безъ братства и равенства между людьми; его «я» настолько переполнено всякой мерзостью, что положить это «я» въ основу нравственности для него значитъ проповѣдовать мерзость.

Итакъ, Тупа ввелъ въ заблужденіе эксцентрическій способъ выраженій, намѣренно избранный представителями «нигилизма», чтобы рѣзко и смѣло бросить вызовъ всему «старому міру». Не замѣчаетъ Тунъ и того, что этотъ способъ выраженій долженъ былъ особенно прійтись по душѣ выступившей на сцену новой общественной формаціи — разночинцу. Какъ психологическій типъ, разночинецъ сплошь и рядомъ не могъ не представлять прямой противоположности своему предшественнику — «кающемуся дворянину». Въ нравственномъ развитіи послѣдняго играла громадную роль «ущемленная совѣсть». Онъ, представитель культурнаго слоя, вспоеннаго и вскормленнаго на народный счетъ, получавшаго образованіе на народныя деньги, чувствовалъ и не могъ не чувствовать себя въ неоплатномъ долгу предъ народомъ. Какъ всякій совѣстливый должникъ, онъ имѣлъ психологію человѣка виноватаго. Неоплатность долга его мучила. Разночинецъ, напротивъ, сплошь и рядомъ самъ чувствовалъ себя выходцемъ изъ того же народа, пробившимъ себѣ дорогу къ знанію, къ лучшему положенію силою собственнаго ума и собственныхъ рукъ; житейскій путь его былъ усѣянъ не розами, а терніями. Онъ не себя чувствовалъ виноватымъ предъ другими, а другихъ виноватыми предъ собой; не столько уязвленная совѣсть, какъ уязвленная *честь* бушевала въ немъ. Его чувство собственнаго достоинства бунтовалось, достигало высшей напряженности. Не принижать своего «я» предъ кѣмъ то другимъ, подобно «кающемуся дворянину», а смѣло предъявить права своего «я» — вотъ что было для него болѣе всего естественнымъ.

Кающійся дворянинъ порывалъ со своими сословными и классовыми интересами, приносилъ ихъ въ жертву сословнымъ и классовымъ интересамъ низшихъ, трудовыхъ слоевъ населенія. Разночинецъ, интеллигентный пролетарій не переживалъ этого процесса. Его личный, кровный интересъ ставилъ его въ противорѣчіе со спѣсивымъ барствомъ и самодурнымъ «темнымъ царствомъ» толстой купеческой мошны. И терминологія «разумнаго эгоизма» гораздо болѣе подходила къ его настроенію.

Что касается собственно общественныхъ взглядовъ новыхъ людей 60-хъ годовъ, то о нихъ всего лучше судить по тѣмъ органамъ и по тѣмъ писателямъ, которые имѣли въ то время руководящее значеніе. Первое мѣсто принадлежало тогда несомнѣнно «Современнику» временъ Чернышевскаго и Добролюбова. Тунъ утверждаетъ, что «соціалистическая программа, выставленная Чернышевскимъ, не была широко распространена». Это вѣрно, если имѣть въ виду все русское культурное общество; но это невѣрно, если имѣть въ виду учащуюся молодежь. Никогда, ни прежде, ни послѣ ни одинъ журналъ въ Россіи и ни одинъ писатель не пользовались такимъ вліяніемъ на молодое поколѣніе, какимъ пользовались «Современникъ» и Чернышевскій, не только въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, но и позже; недаромъ наше правительство «*боялось*», — какъ говоритъ Тунъ — «духовной силы этого человѣка». И эта боязнь не была вызвана лишь одной мыслью о возможной опасности. Устраняя съ общественной сцены Чернышевскаго, правительство хотѣло уничтожить уже дѣйствовавшую общественную силу, руководившую цѣлымъ движеніемъ; оно уже имѣло дѣло тогда съ революціонными организаціями, немногія уцѣлѣвшія данныя о которыхъ были сообщены въ предыдущей главѣ. Все это революціонное движеніе вышло изъ среды новыхъ людей 60-хъ годовъ, находившихся подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды «Современника» и Чернышевскаго. Правда, авторъ указываетъ на то, что реакція, вызванная польскимъ возстаніемъ, уничтожила соціалистическое движеніе въ Россіи, послѣ чего наступило господство «Русскаго Слова» и писаревщины; и нельзя, конечно, отрицать, что потеря для движенія такихъ людей, какъ Добролюбовъ и Чернышевскій, а также множества арестованныхъ и сосланныхъ студентовъ — лучшихъ студентовъ — нанесла тогда ему сильный ударъ; нельзя отрицать, что оно лишилось тогда многихъ изъ тѣхъ самоотверженныхъ «высшихъ натуръ», которыхъ Чернышевскій хотѣлъ показать русскому обществу въ лицѣ Рахметова, противопоставляя его «обыкновеннымъ порядочнымъ людямъ», которыхъ онъ встрѣчалъ «цѣлыми сотнями» и которые стояли «не выше общаго уровня людей своего типа». Послѣ подобныхъ разгромовъ общественное настрое-

ніе обыкновенно понижается и соотвѣтственно этому понижается характеръ даннаго общественнаго движенія. Но дѣйствительно-ли это пониженіе пошло тогда такъ далеко, что движеніе изъ революціоннаго и соціалистическаго превратилось въ либерально-буржуазное? И дѣйствительно-ли, наконецъ, самъ Писаревъ былъ не болѣе, какъ либералъ и индивидуалистъ?

Здѣсь мы снова встрѣчаемся у автора, во первыхъ, со смѣшеніемъ воедино различныхъ общественныхъ теченій 60-хъ годовъ, со стремленіемъ подвести ихъ всѣ подъ одно общее опредѣленіе, а во вторыхъ—съ невполнѣ вѣрной оцѣнкой самой писаревщины.

Прежде всего, революціонное и соціалистическое движеніе не было и не могло быть вырвано съ корнемъ реакціей 1863 года. Это движеніе продолжало развиваться, подъ дѣйствіемъ тѣхъ же самыхъ идейныхъ и жизненныхъ вліяній, какія вызвали его, и продолжало выдвигать своихъ новыхъ представителей. Извѣстно, напримѣръ, что въ Саратовѣ, на родинѣ Чернышевскаго, гдѣ долго еще оставались слѣды его личнаго вліянія, уже послѣ начавшейся реакціи, въ теченіе всего 63-го и 64-го годовъ, велась соціалистическая пропаганда среди мѣстныхъ рабочихъ небольшой революціонной группой, во главѣ которой стоялъ Христофоровъ; вскорѣ затѣмъ въ Москвѣ возникла организація каракозовцевъ. Теченіе революціонно-соціалистическое было до извѣстной степени замедлено тогда въ своемъ развитіи чисто внѣшнимъ образомъ, но оно вовсе не было подорвано въ своихъ источникахъ реформами Александра II; та «честная попытка» идти рука объ руку съ правительствомъ, о которой упоминаетъ Тунъ, не имѣла ровно никакого отношенія къ исторіи революціоннаго движенія; это было совершенно особое ***либеральное*** теченіе, съ самаго начала противопоставлявшее себя нигилизму.

Утвержденіе Туна, что это либеральное теченіе, обманувшись въ своихъ надеждахъ, обратилось къ соціализму, также совершенно невѣрно; напротивъ того, это либеральное теченіе, не смотря на всѣ свои пораженія, не смотря на всю унизительность и очевидную безнадежность своего положенія, упорно держалось примирительной политики и держится ея по настоящее время; сильный ростъ соціалистическаго движенія въ Россіи въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ объясняется не этимъ поворотомъ со стороны либеральнаго теченія, а дальнѣйшимъ развитіемъ основного и параллельнаго ему революціоннаго теченія.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о писаревщинѣ. Писаревщина, несомнѣнно, была шагомъ назадъ въ самой постановкѣ общественнаго вопроса. Чернышевскій и Добролюбовъ ставили этотъ вопросъ на экономическую почву, на почву классовой борьбы, выдвигали на первое мѣсто соці-

ализмъ. Писаревъ какъ будто перешелъ на почву личнаго умственнаго развитія и мирнаго пересозданія общества путемъ распространенія знаній. Онъ какъ-то слѣпо вѣрилъ въ науку. «Въ человѣчествѣ есть только одно зло — невѣжество» — писалъ онъ въ своей, такъ сказать, программной статьѣ «*Реалисты*» — «противъ этого зла есть только одно лекарство—наука». «Мысль и только мысль можетъ передѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни».Отсюда вся его политическая и соціальная программа—популяризація научныхъ знаній. До какихъ странныхъ размѣровъ доходило его увлеченіе этой программой хорошо видно изъ слѣдующаго его отзыва о книгѣ Брэма (*Иллюстрированная жизнь животныхъ*): «Когда я пріобрѣлъ себѣ эту книгу» — пишетъ онъ — «то я въ теченіи нѣсколькихъ дней ни о чемъ не могъ думать, кромѣ Брэма. Просто ошалѣлъ отъ радости. И эту великую, именно великую книгу переводятъ на русскій языкъ... Но горе переводчикамъ, если они хоть сколько-нибудь обезцвѣтятъ разсказъ Брема. Это будетъ одно изъ тѣхъ литературныхъ преступленій, которыхъ не должно прощать общество... Такая книга есть историческое событіе въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова».

И это, на первый взглядъ совершенно странное и непонятное явленіе легко объясняется въ связи съ своеобразной психологіей эпохи. Если въ характеристикѣ, которую Тунъ даетъ «нигилизму», есть нѣчто вѣрное, такъ это сравненіе его съ духовнымъ движеніемъ эпохи просвѣщенія и энциклопедистовъ наканунѣ великой французской революціи. Нѣкоторые сходство между тѣмъ и другимъ безусловно имѣется. Но сходства этого надо искать не въ политической, а въ чисто — психологической области. Эпоху просвѣщенія въ свое время называли «вѣкомъ разума»; быть можетъ, гораздо правильнѣе для нея будетъ названіе «вѣкъ *чувства* разума». Проснувшаяся потребность общественной мысли стать на свои ноги, перестать ходить на помочахъ, провозгласить индивидуальное право ума, свергнуть самодержавіе традиціи и авторитета — вотъ что окрашивало собою эпоху. Въ духовной исторіи народа такіе періоды такъ же естественны, какъ и въ духовной исторіи индивида. Если свободное интеллектуальное развитіе его долго сдерживалось, тормозилось и, наконецъ, сразу прорвалось сквозь преграды и плотины, то его мысль особенно ревниво относится къ собственнымъ правамъ, особенно подозрительно ко всякой видимости авторитета, особенно слѣпо къ собственнымъ силамъ. Въ это время умъ его еще не умѣетъ критически взвѣсить собственные ресурсы, и съ юной самонадѣянностью, съ всей горячностью молодого задора берется разрубать всѣ Гордіевы узлы, всѣ запутаннѣйшіе міровые вопросы съ помощью обычнаго, простого «здраваго смысла». Какъ долго лежавшій въ постели больной находитъ живѣйшее

наслажденіе въ самомъ процессѣ ходьбы,—или, еще лучше, какъ только что научившееся ходить дитя наслаждается расширеніемъ круга своихъ впечатлѣній, расширеніемъ границъ своего существованія, — такъ и умственное пробужденіе открываетъ передъ человѣкомъ новые горизонты, открываетъ передъ нимъ широкое поле еще неизвѣданныхъ наслажденій — наслажденія знаніемъ, наслажденія развитіемъ. Самый процессъ этого узнаванія, этого развитія пріобрѣтаетъ для человѣка совершенно самодовлѣющее значеніе. Ощущеніе, «чувство разума» переполняетъ его существо, поднимаетъ его на еще небывалую для него высоту. Знаніе на этой ступени развитія — еще не *орудіе* соціальной борьбы, не служебный органъ жизни, а своего рода идолъ, своего рода божество. Эпоха, послѣдовавшая за крестьянской реформой, когда разомъ лопнуло столько путъ, связывавшихъ русское общество по рукамъ и по ногамъ, была ознаменована особенно усиленнымъ пробужденіемъ общественной мысли, получившей большую свободу. Сразу сильно возросло число учащейся молодежи, движеніе въ смыслѣ духовной эмансипаціи получило массовой, заразительный характеръ. «Писаревщина» и явилась превосходнымъ отраженіемъ этого незрѣлаго періода броженія, кипѣнія юной и смѣлой мысли, предъявившей свои права. При этомъ азбука міросозерцанія должна была, конечно, выдвинуться на первый планъ. Естествознаніе получило громадное значеніе и заняло сразу почетную роль, по своему эмансипирующему вліянію на умы, по своей способности расчищать поле отъ наиболѣе элементарныхъ переживаній старинныхъ взглядовъ. Происхожденіе, естественное развитіе, закономѣрность вселенной; вдвиганіе человѣка въ рядъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ; отрицаніе всего сверхъестественнаго и чудеснаго — все это казалось и должно было казаться самымъ важнымъ для такой элементарной стадіи развитія, когда все вращалось въ области довольно азбучныхъ вопросовъ и истинъ. Но въ сравненіи съ ними все казалось неважнымъ. Недаромъ Писаревъ пренебрежительно отнесся къ первымъ сатирамъ Щедрина и рекомендовалъ ему лучше заняться писаніемъ популярныхъ естественно-научныхъ книжекъ, благо, есть легкій, живой литературный слогъ... Съ другой стороны, мысль переходила къ вопросу объ отношеніяхъ между людьми — опять таки, начиная съ наиболѣе элементарнаго: критика семейныхъ порядковъ, отношенія дѣтей къ отцамъ, отношенія мужчины къ женщинѣ и т. п. Все часто сводилось къ индивидуалистической морали, какъ будто и не подозрѣвавшей о зависимости всѣхъ этихъ вопросовъ отъ сложнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній. Отсюда-то и получалась видимость нарожденія общественной программы, не затрагивавшей основъ современнаго общежитія и пропо-

вѣдывавшей культивированіе изъ отдѣльныхъ личностей ихъ собственными средствами «мыслящихъ реалистовъ»...

Нечего говорить, что это была утопическая программа; но назвать Писарева индивидуалистомъ и буржуа все-таки было бы невѣрно. Исходной точкой для него служила идея гражданскаго долга и общественной солидарности. «Для реалиста идея общечеловѣческой солидарности» — говоритъ онъ — «есть просто одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы». «Конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чѣмъ-бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать.» И такихъ мѣстъ можно-бы было привести сколько угодно. Писаревъ не былъ защитникомъ буржуазнаго строя; онъ съ иронiей говорилъ о «великомъ и просвѣщенномъ вѣкѣ, въ которомъ средневѣковые костры и плахи смѣнились пенсильванскими общеполезными учрежденіями для производства умалишенныхъ, и въ которомъ феодальныя права уступили мѣсто мануфактурному пауперизму.» Полемизируя съ Антоновичемъ по поводу Базарова, онъ въ то же время называетъ добролюбовскій «Современникъ» — «лучшимъ журналомъ, когда-либо существовавшимъ въ Россіи».

Не надо, кромѣ того, забывать, что Писаревъ самъ умеръ еще юношей, и что именно въ послѣднихъ его произведеніяхъ все сильнѣе и сильнѣе звучатъ общественныя ноты. Популяризація въ полубеллетристической формѣ Маркса—таковъ былъ одинъ изъ послѣднихъ его литературныхъ плановъ. Къ сожалѣнію, ему такъ и не пришлось сказать своего послѣдняго слова. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно столь характерная для Писарева дерзкая смѣлость мысли никогда не допустила бы его успокоиться въ области соціальнаго вопроса на какихъ бы то ни было половинчатыхъ рѣшеніяхъ.

Такимъ образомъ, то, что обычно называется «писаревщиной», у самого Писарева было лишь извѣстнымъ періодомъ духовнаго развитія. Такое же значеніе играютъ писаревскія сочиненія и до сихъ поръ для всѣхъ тѣхъ, кто на нихъ воспитывается. Они даютъ первоначальную эмансипацію мысли и служатъ лишь преддверіемъ къ дальнѣйшему, общественно-политическому развитію.

Каракозовское дѣло. Задачи и общій характеръ организаціи, связанной съ именемъ Каракозова, остаются до сихъ поръ недостаточно выясненными. Главная причина этого заключается, повидимому, въ томъ, что самая организація не успѣла

еще вполнѣ опредѣлиться; она была застигнута выстрѣломъ 4-го апрѣля въ періодѣ своего развитія. По нѣкоторымъ имѣющимся въ нашихъ рукахъ свѣдѣніямъ можно думать, что задачи московскаго кружка не ограничивались одной пропагандой соціалистическихъ идей и что, въ связи съ этимъ, имѣлся въ виду болѣе или менѣе обширный политическій планъ. «Идея, руководившая этими людьми въ ихъ дѣятельности», — читаемъ мы въ запискахъ одного изъ главныхъ членовъ кружка — «была большой идеей, выразившейся только черезъ 12 лѣтъ послѣ нихъ... Они были піонерами, пытавшимися создать прочную революціонную организацію».

Наиболѣе выяснившеюся стороной этого движенія является все-таки его соціалистическій характеръ. На это указываютъ всѣ данныя, обнаруженныя слѣдственной комиссіей. Въ числѣ преступныхъ цѣлей тайнаго общества въ докладѣ слѣдственной комиссіи указаны слѣдующія: пропаганда между сельскимъ населеніемъ съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ; устройство школъ, артелей, мастерскихъ для сближенія съ народомъ и внушенія ему ученія соціализма; распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія черезъ посредство воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей. Въ приговорѣ верховнаго суда Ишутинъ названъ «основателемъ общества, дѣйствія котораго клонились къ экономическому перевороту съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства». Наконецъ въ томъ рескриптѣ на имя Гагарина (предсѣдателя верховнаго суда), о которомъ говорится у Туна и который былъ вызванъ паникой, охватившей какъ правительство, такъ и общество подъ вліяніемъ первыхъ слуховъ объ открытіи огромнаго заговора, особенно подчеркивалось значеніе права собственности, какъ основы всей государственной жизни, и провозглашалось твердое намѣреніе правительства «оказывать полное вниманіе охраненію» этого права.

Въ этой явно-соціалистической подкладкѣ всего движенія всего яснѣе обнаруживается его прямая связь съ революціоннымъ движеніемъ начала 60-хъ годовъ и съ соціалистической пропагандой Чернышевскаго. Недаромъ московскій кружокъ ставилъ одною изъ своихъ задачъ освобожденіе Чернышевскаго, для чего Странденъ уже готовился ѣхать въ Сибирь.

Что касается самого Каракозова, то его личность хорошо обрисована какъ въ автобіографіи Худякова, такъ и въ очень интересномъ разсказѣ о «Бѣломъ террорѣ», помѣченномъ 10 октября 1866 г. и принадлежащемъ перу неизвѣстнаго автора, привлекавшагося по каракозовскому дѣлу и сосланнаго затѣмъ административно.

По словамъ Худякова, «Каракозовъ былъ однимъ изъ тѣхъ

рѣдкихъ людей, у которыхъ дѣло замѣняетъ слова. На сходкахъ своего кружка онъ говорилъ меньше всѣхъ... Однажды въ Москвѣ онъ шелъ вечеромъ по улицѣ и наткнулся на будочника, съ ожесточеніемъ колотившаго извощика. Безъ всякихъ предварительныхъ увѣщаній, Каракозовъ немедленно ухватилъ будочника за шиворотъ, поднялъ его на воздухъ, потрясъ нѣсколько разъ и бросилъ въ сторону со словами: «всѣхъ бы васъ перевѣшать». Черезъ нѣсколько минутъ послѣ подобныхъ порывовъ волнующаяся страсть улеглась, и онъ опять согнувшись шелъ, сидѣлъ или лежалъ неподвижно, думая какую-то думу... Каракозовъ не былъ тщеславнымъ человѣкомъ; онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своей то неподвижной, то бурной натуры; онъ мало заботился о томъ, что о немъ скажутъ, и дѣлалъ только то, что по своимъ соображеніямъ считалъ полезнымъ. Еще менѣе — въ этомъ я увѣренъ — онъ думалъ о самомъ себѣ. Какъ извѣстно, товарищи просили его не совершать до времени покушенія, — отсрочка очень пріятная для человѣка, полнаго жизни... Онъ однако не послушался ихъ... Нѣкоторые словоохотливые господа обвиняютъ Каракозова въ томъ, что немедленно послѣ покушенія онъ струсилъ и хотѣлъ было бѣжать... Каракозовъ чувствовалъ страхъ чуть-ли не первый разъ въ жизни именно въ это мгновеніе, и вѣроятно этотъ внезапный ужасъ, объявшій его, былъ ужасъ громадной неудачи. Черезъ минуту онъ уже владѣлъ полнымъ присутствіемъ духа... Народъ уже тормошилъ его, желая его раздавить... — Дурачье! вѣдь я для васъ же! — сказалъ онъ: а вы не понимаете.... — «Ты полякъ?» спросилъ его государь. — Нѣтъ, чистый русскій — отвѣчалъ Каракозовъ спокойно. «Почему же ты стрѣлялъ въ меня?»—Потому что ты обѣщалъ народу землю, да не далъ!»—

«Это былъ могучій характеръ», — говоритъ авторъ разсказа о «Бѣломъ Террорѣ» 1866-го года — «великій фанатикъ своей идеи, вѣчно послѣдовательный, не дѣлавшій дѣла на половину, но шедшій до конца, до послѣднихъ результатовъ... Всѣ ухищренія и пытки Муравьева, всѣ его ***усилія*** сломились при столкновеніи съ могучей волею этого желѣзнаго человѣка... Каракозовъ о своихъ намѣреніяхъ никому не сообщаетъ; этой привычки онъ не имѣетъ, совѣтуется онъ только съ собой: это цѣльный и страшно сильный человѣкъ... Остановить Каракозова было только два средства: доносъ и ядъ».

Авторъ этого разсказа, напечатаннаго сначала въ «Колоколѣ», а затѣмъ изданнаго отдѣльной брошюрой въ Лейпцигѣ, высказываетъ слѣдующія соображенія по поводу самой идеи, руководившей Каракозовымъ.

«Народъ былъ убѣжденъ, что данная воля «***подложная, дворянская***», что помѣщики обманываютъ мужиковъ и хотятъ вновь закабалить ихъ, что скоро царь пришлетъ «настоящую,

вольную волю»... Это несчастное заблужденіе, эта несчастная вѣра въ царя... дорого стали народу. Крестьяне отказывались служить помѣщикамъ, подписывать уставныя грамоты, и во всѣхъ концахъ Россіи потекла кровь этихъ беззащитныхъ, безоружныхъ и несмысленныхъ людей. Дикіе сатраны стрѣляли, рѣзали и засѣкали народъ, который послѣ всѣхъ уроковъ еще не опамятовался и въ массѣ остался при томъ же наивномъ убѣжденіи, что царя «обошли», что не онъ самъ, а помѣщики испортили волю... Всѣ крестьяне были несомнѣнно убѣждены, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ ***помѣщикомъ*** изъ мести и желанія послѣ смерти царя окончательно испортить волю и опять воротить крѣпостное право. Народное движеніе (вызванное выстрѣломъ 4-го апрѣля) было движеніемъ чисто демократическимъ, враждебнымъ дворянству и всему тому, что носитъ на себя печать барства и аристократизма. Смерть Александра II была-бы сигналомъ къ избіенію помѣщиковъ, и Каракозовъ очень хорошо понималъ это. Глубокое убѣжденіе, что при жизни настоящаго государя невозможно никакое народное движеніе противъ правительства и привело его къ сознанію необходимости смерти Александра II. Онъ, помимо организацій и всякихъ разсужденій о всемірныхъ революціонныхъ комитетахъ, рѣшилъ убить лицемѣрнаго царя, задерживающаго народную жизнь, давящаго народныя силы,—и тогда уже никакая земная сила, кромѣ смерти, не могла остановить его».

Тотъ же авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣденія о тѣхъ полицейскихъ неистовствахъ, которыя послѣдовали за выстрѣломъ Каракозова: «Ночью съ восьмого на девятое апрѣля начинается періодъ поголовнаго хватанія... Съ этой ночи аресты начались въ громадныхъ размѣрахъ. Брали всѣхъ — каждаго, кто только былъ оговоренъ, чье имя было произнесено на допросѣ кѣмъ-нибудь изъ взятыхъ или находилось въ захваченной перепискѣ. Брали чиновниковъ и офицеровъ, учителей и учениковъ, студентовъ и юнкеровъ, брали женщинъ и дѣвочекъ, нянюшекъ и мамушекъ, мировыхъ посредниковъ и мужиковъ, князей и мѣщанъ. ....Въ Холму (Псков. губ.) былъ арестованъ судебной слѣдователь Маликовъ; въ Калужской губ., мировой посредникъ Бибиковъ, Голофѣевъ, кн. Вадбальскій и секретарь мирового съѣзда Оболенскій; жена его была арестована черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда въ Москву, въ гостинницѣ Мамонтова... переведена въ Сущевскую часть и черезъ 2 съ половиной мѣсяца освобождена, такъ какъ никакой вины самое подозрительное и пристрастное слѣдствіе не могло открыть въ ней. То же самое было въ Тверской, Нижегородской и Смоленской губ... Первымъ вопросомъ арестованнымъ было: «не принадлежите-ли вы къ ***сектѣ*** нигилистовъ?»... «а почему вы носите синіе очки?»... или: «почему вы ходите безъ кринолина?» Многихъ заставля-

ли письменно подписывать отреченіе—отъ чего бы вы думали? первое, отъ лжеученій нигилизма; второе, отъ журнала *Современникъ* и третье, отъ лжеученій соціализма. Читатель, не побывавшій въ домѣ съумасшедшихъ, называвшемся и называющемся московской высочайше утвержденной слѣдственной комиссіей, вѣроятно подумаетъ, что мы шутимъ; но та рука которая пишетъ эти строки, подписала подобное отреченіе... Каждый номеръ *Московскихъ Вѣдомостей* заключалъ въ себѣ новый доносъ. Не было статейки въ этой полицейской газетѣ, которая не содержала-бы въ себѣ какого-нибудь намека, указанія... Ношеніе длинныхъ волосъ или синихъ очковъ было поступкомъ, съ точки зрѣнія Каткова, близко граничащимъ съ дѣломъ государственной измѣны... Муравьевъ въ Петербургѣ выдавалъ нигилисткамъ желтые билеты. Араповъ (московскій полицеймейстеръ) разослалъ по частямъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ среда, взростившая въ своей средѣ Каракозова, заклеймила себя въ глазахъ общества; между тѣмъ на бульварахъ и на улицахъ встрѣчаются личности, осмѣливающіяся носить костюмъ, присвоенный сказанной средѣ, то предписывается г. частному такой-то части обязать подпиской всѣхъ нигилистокъ, живущихъ въ его участкѣ, не стричь волосъ, носить шиньоны и кринолины и не носить синихъ очковъ и маленькихъ круглыхъ шляпъ...»

Нечаевское дѣло. Оно охарактеризовано очень правильно авторомъ. Это дѣйствительно былъ лишь случайный эпизодъ въ исторіи нашего революціоннаго движенія, вызванный необычайною энергіею одного человѣка. Само по себѣ, движеніе еще не было тогда достаточно подготовлено; революціонные элементы только еще накоплялись среди молодежи и форма дальнѣйшей революціонной борьбы еще не успѣла выясниться для нихъ, когда появился на сценѣ необычайно сильный революціонный темпераментъ, рѣшившійся создать заговоръ и сплотить людей чисто искуственными мѣрами. Такой именно характеръ нечаевскаго дѣла отразился на составѣ его главныхъ участниковъ. Вращаясь среди тогдашней петербургской и московской молодежи, Нечаевъ сталкивался съ очень серьезными людьми (Волховскій, Антонова, Ткачевъ, Енкуватовъ, Лау, Долгушинъ, Климовъ, Леонидъ Голиковъ и др.), принимавшими потомъ видное участіе въ революціонномъ движеніи, но не они, не эти люди стояли ближе всего къ Нечаеву и образовали кадры задуманной имъ организаціи.

При той исключительной роли, какую игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ Нечаевъ, не безинтересно познакомиться ближе съ этою дѣйствительно изъ ряду вонъ выходящею личностью.

Извѣстно, что Бакунинъ былъ сначала крайне заинтересованъ имъ, и извѣстно также, что вскорѣ онъ совершенно отстранился отъ него. Вотъ какъ онъ отзывается о немъ въ своихъ письмахъ*).

«... Также вѣрно, что Нечаевъ — одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и бываетъ такъ же безпощаденъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Вотъ главное качество, которое привлекло меня и долго побуждало меня искать сообщества съ нимъ. Есть люди, утверждающіе, что это — просто авантюристъ; это неправда! Это фанатикъ, преданный, но въ то же время очень опасный, сообщничество съ которымъ можетъ быть только гибельно для всѣхъ... Онъ страшный честолюбецъ, самъ того не зная, потому что отождествилъ вполнѣ революціонное дѣло съ самимъ собой; — но это не эгоистъ въ банальномъ смыслѣ слова, потому что онъ страшно рискуетъ и ведетъ мученическую жизнь лишеній и неслыханнаго труда... Онъ очень опасенъ, такъ какъ ежедневно нарушаетъ довѣріе и совершаетъ измѣны, отъ которыхъ тѣмъ труднѣе уберечься, что едва можно подозрѣвать ихъ возможность. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нечаевъ—сила, потому что это огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи и рѣдко встрѣчаешь ее такъ развитую, какъ у него...»

Когда Нечаевъ былъ выданъ швейцарскимъ правительствомъ Россіи, Бакунинъ писалъ Огареву: «Итакъ, старый другъ, неслыханное совершилось... Впрочемъ, какой-то внутренній голосъ мнѣ говоритъ, что Нечаевъ, который погибъ безвозвратно и безъ сомнѣнія знаетъ, что онъ погибъ, на этотъ разъ вызоветъ изъ глубины своего существа, запутавшагося, загрязнившагося, но далеко не пошлаго, всю свою первобытную энергію и доблесть. Онъ погибнетъ героемъ и на этотъ разъ ничему и никому не измѣнитъ. Такова моя вѣра. Увидимъ скоро, правъ ли я. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ страшно жаль его. Никто не сдѣлалъ мнѣ, и сдѣлалъ намѣренно, столько зла, какъ онъ, а все-таки мнѣ его жаль. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой энергіи, и когда мы съ тобой встрѣтили его, въ немъ горѣло яркое пламя любви къ нашему бѣдному, забитому народу, въ немъ была настоящая боль по нашей исторической народной бѣдѣ...»

«Внутренній голосъ» не обманулъ Бакунина, и предсказаніе его относительно Нечаева сбылось... Извѣстно, какъ Нечаевъ

*) *Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву*, изд. М. Драгомановымъ.

держалъ себя на судѣ: онъ громко протестовалъ противъ явнаго насилія, путемъ котораго Россія добилась выдачи его Швейцаріей, и — указывая на портретъ Александра II — кричалъ, что онъ «не признаетъ себя подданнымъ этого деспота!»

Осужденный на каторгу, Нечаевъ былъ заточенъ въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ первые годы подвергался всевозможнымъ истязаніямъ: сидѣлъ закованный въ цѣпи въ холодномъ и сыромъ казематѣ, при самомъ скверномъ питаніи. Но его энергія не была сломлена даже такимъ заключеніемъ и даже здѣсь, въ этомъ каменномъ гробу, обнаружилась необычайная сила его характера: онъ постепенно подчинилъ своему вліянію солдатъ и жандармовъ, карауливпихъ его, и вотъ, когда, въ 1879 г., въ тотъ же Алексѣевскій равелинъ были привезены Ширяевъ и Мирскій (принадлежавшіе къ народовольческому движенію), Нечаевъ уже могъ войти съ ними въ сношеніе и черезъ посредство Ширяева завязалъ правильную переписку съ Исполнительнымъ Комитетомъ, продолжавшуюся до марта 1882 г. Ему были безграпично преданы около 20-ти крѣпостныхъ солдатъ, и онъ задумалъ, съ помощью ихъ, грандіозный планъ освобожденія не только одного себя (это было-бы ему легко), но и всѣхъ сидѣвшихъ тогда въ равелинѣ. Желябовъ уже лично осмотрѣлъ равелинъ и призналъ побѣгъ, при хорошей помощи извнѣ, не только осуществимымъ, но даже не особенно труднымъ. Къ несчастью этотъ планъ сталкивался съ приготовленіями къ 1-му марта, Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самимъ рѣшить, какое изъ двухъ предпріятій поставить въ первую очередь, и они оба подали голосъ за 1 марта. Отказываясь отъ свободы, Нечаевъ умѣлъ сохранить въ своихъ письмахъ самый веселый тонъ и усиленно доказывалъ, что ихъ дѣло ничего не проиграетъ отъ отсрочки, хотя самъ Желябовъ былъ увѣренъ въ противномъ; да и Нечаевъ не могъ думать иначе.

Когда сношенія Исполнительнаго Комитета съ заключенными въ крѣпости были наконецъ обнаружены и прекратились окончательно, положеніе Нечаева настолько ухудшилось, что сдѣлалось уже невыносимымъ для него, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. О смерти его нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ какую-то сцену смотрителю, за что подвергся истязанію, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ умеръ. Смерть его произошла, какъ говорятъ, отъ самоубійства. (Подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Нечаева съ Исполнительнымъ Комитетомъ, а также обвинительный актъ по дѣлу о солдатахъ, черезъ посредство которыхъ велись эти сношенія, напечатаны въ первомъ номерѣ Вѣстника Народной Воли.)

Глава третья.

ЛИТЕРАТУРА СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

Передъ глазами молодежи былъ примѣръ Нечаевскаго заговора. Правительство съ ироніей посмотрѣло на горсть молодежи, которая начала такую неравную борьбу*). Публика также раздѣляла взгляды правительства; ей казались просто смѣшными эти юноши, оказавшіеся способными воодушевиться фантастической программой «народной расправы» и думавшіе дѣйствовать, не имѣя твердой почвы подъ ногами. Убійство Иванова и рядъ мистификацій со стороны Нечаева, жертвой которыхъ были многіе изъ его сторонниковъ, набросили тѣнь на революціонную молодежь. Правительство не замедлило этимъ воспользоваться. Оно рѣшило въ іюлѣ 1871 г. предать заговорщиковъ гласному суду, чтобъ доказать свой либерализмъ и дискредитировать обвиняемыхъ въ общественномъ мнѣніи. Но удалось только первое: пресса, дѣйствительно, громко восхваляла либерализмъ правительства. Что же касается второго его намѣренія, то оно потерпѣло фіаско; революціонная молодежь считала обвиняемыхъ за честныхъ людей и признавала вѣрными ихъ основныя цѣли. Процессъ, тянувшійся съ 1-го іюля по 1-ое сентября 1871 г., послужилъ лишь пропагандѣ того дѣла, которое хотѣли подавить, и революціонная идея пріобрѣла тогда не мало новыхъ приверженцевъ**). Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что сидѣвшіе по тюрь-

*) Примѣчаніе русскихъ издателей къ «Запискѣ» графа Палена.

**) Въ подтвержденіе этого можно привести слѣдующія слова изъ «Воспоминаній» Дебагорія-Мокріевича: «... Смѣлое поведеніе на судѣ Успенскаго и Прыжова, двухъ главныхъ обвиняемыхъ, окончательно завоевало симпатіи къ нимъ, дѣлая изъ нихъ мучениковъ за народъ... Это горячее отношеніе къ дѣлу, это самопожертвованіе составляло положительную сторону нечаевцевъ и невольно звало къ подражанію. Народъ нашъ дѣйстяительно нуждался и страдалъ; это я видѣлъ собственными глазами.... И всякій честный человѣкъ дѣйствительно долженъ работать на пользу этого несчастнаго, замученнаго народа. Вотъ это-то стремленіе, шевелившееся раньше гдѣ-то на днѣ души, было окончательно пробуждено во мнѣ нечаевскимъ процессомъ». Л. Ш.

мамъ послѣ студенческихъ безпорядковъ весною 1869 г. и заключенные по нечаевскому дѣлу тѣснѣе сблизились между собой и прониклись еще большею ненавистью къ своему общему врагу. Но молодежь не слѣпо одобряла дѣйствія Нечаева; она осуждала самымъ рѣшительнымъ образомъ его конспираторскіе пріемы, основанные на обманѣ, и съ тѣхъ поръ среди нея надолго укоренилось глубокое недовѣріе къ диктаторскому господству отдѣльныхъ лицъ; большинство стало смотрѣть тогда на каждую попытку централистической организаціи, какъ на обманъ и мистификацію.

На ряду съ нечаевскимъ движеніемъ, заграницей стали возникать первыя попытки литературной революціонной пропаганды. Съ апрѣля по сентябрь 1870 г., въ Женевѣ, выходило «Народное Дѣло», подъ новой редакціей (7 номеровъ) съ призывомъ къ пропагандѣ соціализма въ народѣ и къ присоединенію къ интернаціоналу. Даже «Колоколъ» возродился въ томъ же году на короткое время къ новой, но слабой жизни, подъ редакціей Огарева, Бакунина и Нечаева (6 номеровъ). Такимъ образомъ въ концѣ 60-хъ годовъ русская молодежь впервые познакомилась съ интернаціоналомъ,—правда, въ такое время, когда уже прошелъ его цвѣтущій періодъ, когда старый марксовскій интернаціоналъ уже лежалъ при послѣднемъ издыханіи и былъ подорванъ Бакунинымъ. Не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ всемірный союзъ рабочихъ, произвела тогда на русскую молодежь ихъ героическая борьба во время Парижской Коммуны,—борьба, въ которой принимали участіе даже женщины и дѣти. Эта борьба стала въ глазахъ русскихъ революціонеровъ какъ-бы идеаломъ будущихъ возстаній въ Россіи. Наконецъ, успѣхъ соціалдемократической пропаганды въ Германіи не давалъ имъ спать, и ихъ совѣсть мучилъ упрекъ, что сами они еще ничего не сдѣлали для своего народа.

Къ вліянію заграничныхъ событій присоединилось также вліяніе заграничной литературы. Тогда были переведены на русскій языкъ сочиненія Прудона, «Капиталъ» Маркса и агитаціонныя произведенія Лассаля; даже очень невинная книжечка Бехера о рабочемъ движеніи, кажется, не мало способствовала выработкѣ будущихъ русскихъ революціонеровъ.*) Такимъ образомъ событія заграничной жизни и заграничная литература намѣтили цѣли для русской молодежи, жаждавшей революціонной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ въ безнадежной степени запутали ея мысль. Интернаціональный

*) Книга Бехера «Рабочій вопросъ» была переведена съ примѣчаніями Ткачева и скоро задержана цензурой; большого значенія эта книга не имѣла.

Л. Ш.

анархизмъ въ Россіи (1872-78) явился искуственно вырощеннымъ, тепличнымъ растеніемъ, которое вскорѣ завяло и погибло.*)

Всѣ эти чужеземныя вліянія сообщались русскому юношеству или посредствомъ литературы или благодаря заграничнымъ поѣздкамъ и личному вліянію крупныхъ соціалистовъ. Здѣсь я долженъ пригласить читателя мысленно перенестись изъ Россіи въ далекій европейскій городъ, который явился тогда для русскихъ высшей школой соціалистической пропаганды — а именно въ Цюрихъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Цюрихѣ собралось большое число русскихъ, главнымъ образомъ, женщинъ, которыя занимались изученіемъ медицины, чего онѣ не имѣли возможности дѣлать въ Россіи. Цюрихъ же сдѣлался тогда цѣлью многихъ путешественниковъ и туристовъ; здѣсь поселились Михаилъ Бакунинъ и Петръ Лавровъ, чтобы вліять на своихъ соотечественниковъ (1872-1873). Они читали имъ систематическіе курсы, вызывавшія оживленныя пренія.

Въ томъ интернаціональномъ анархизмѣ**), который проповѣдывался тогда заграницей, можно было различить 4 направленія. Представителемъ перваго изъ нихъ былъ Бакунинъ; представителемъ второго—близко стоявшая къ нему женевская группа русскихъ анархистовъ, которая издавала въ 1875 г. «Работникъ», а въ 1878 г. «Общину»; представителемъ третьяго направленія былъ Лавровъ и сторонники журнала «Впередъ»; а представителемъ четвертаго — Ткачевъ и партизаны «Набата». Серьезнымъ вліяніемъ пользовались только Бакунинъ и Лавровъ, причемъ нельзя сказать, чтобы ихъ пропаганда от-

*) Читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что это мнѣніе автора относительно тепличнаго происхожденія революціонной программы 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ заграничныхъ событій, совершенно ошибочно. Эти заграничныя вліянія значительно расширили революціонные взгляды русской молодежи и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не оторвали движенія отъ русской почвы. Главнымъ опредѣляющимъ моментомъ въ немъ являлись условія и вліянія самой русской жизни; заграничныя программы имѣли успѣхъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ совпадали съ теченіями, возникавшими въ самой Россіи.

Л. Ш.

**) Тунъ долженъ былъ сказать «соціализмѣ», ибо нельзя же зачислить въ ряды «анархистовъ» нп Лаврова съ его приверженцами (которыхъ часто называли тогда «марксистами»), ни Ткачева, яраго «якобинца».

Л. Ш.

личалась въ научномъ отношеніи какою-либо оригинальностью. Съ содержаніемъ этой пропаганды можно познакомиться изъ ихъ сочиненій.

Знаменитое выраженіе: «итти въ народъ» для пропаганды соціализма появилось впервые въ одной изъ бакунинскихъ прокламацій, которыми онъ поддерживалъ дѣятельность Нечаева. Въ его сборникѣ «Государственность и анархія» (1873), а также въ его книгѣ «Историческое развитіе интернаціонала» эта мысль выясняется подробнѣе; особенное впечатлѣніе, говорятъ, произвело тогда второе приложеніе къ первой изъ названныхъ работъ: программа славянской секціи въ Цюрихѣ. По конечнымъ цѣлямъ, Бакунинъ является анархическимъ соціалистомъ. Прежде всего онъ находитъ необходимымъ разрушить государственный порядокъ, поддерживаемый правительствомъ и закономъ, такъ какъ у государства никогда не было другой цѣли, кромѣ узаконенія эксплуатаціи народнаго труда господствующими классами. Упраздненіе государства, права собственности и юридической семьи онъ считалъ возможнымъ посредствомъ организаціи, идущей снизу вверхъ и построенной на основахъ коллективнаго труда и коллективной собственности; но все это признавалось осуществимымъ только при вполнѣ свободной группировкѣ отдѣльныхъ личностей въ ассоціаціи или независимыя общины, которыя съ своей стороны могли-бы объединяться общностью интересовъ и соціальныхъ теченій въ цѣлыя націи, а націи — въ человѣчество. Далѣе требуется полное устраненіе религіи и проповѣдуется матеріализмъ и атеизмъ; народъ долженъ получать научное образованіе, женщины должны пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковыя обязанности съ мужчинами. Средствомъ для введенія анархистической организаціи является революціонная агитація. «Легко возбудить возстаніе въ любомъ селѣ». Народъ, утверждаетъ Бакунинъ, всегда готовъ къ революціи и способенъ послѣ революціи устроиться самостоятельно. Ему недостаетъ только сознанія своей силы, чувства ненависти къ своимъ притѣснителямъ и практики возстаній. Поэтому революціонерамъ нечего учиться самимъ и нечему учить народъ: народъ знаетъ свои страданія и знаетъ ихъ причину; революціонеры должны только разжигать ненависть къ привилегированнымъ классамъ, будить въ народѣ сознаніе своей силы и развивать эту силу при помощи бунтовъ — что очень важно также для развитія революціоннаго чувства. Наконецъ, заговоръ не долженъ быть организованъ централистически, подобно каракозовскому или нечаевскому заговору; онъ долженъ состоять изъ самостоятельныхъ группъ, вступающихъ между собою въ добровольныя федеративныя отношенія, что исключало бы всякую возможность господства отдѣльныхъ личностей или какихъ-либо мистификацій. Эти

взгляды Бакунина получили широкое распространеніе между молодежью въ Цюрихѣ, а впослѣдствіи и въ Россіи, особенно на югѣ и въ Москвѣ.

Въ близкомъ родствѣ съ этимъ взглядомъ было направленіе той женевской группы, которая издала книгу «Сытые и Голодные», а съ января 1875 до марта 1876 г. издавала въ Женевѣ газету для рабочихъ, гдѣ печатались популярныя статьи и даже съ иллюстраціями. На одной изъ такихъ иллюстрацій былъ изображенъ на первомъ планѣ крестьянинъ съ знаменемъ, на которомъ было написано: «Земля и воля»; на заднемъ планѣ были изображены крестьяне, собирающіеся съ косами, чтобы прогнать солдатъ, которые готовятся сносить мужицкую хату за невзносъ податей. У этой группы анархическіе взгляды были общи съ Бакунинымъ; но она относилась отрицательно къ той исключительной роли, какую онъ приписывалъ «вспышкопускательству», особенно же лишенному общей руководящей идеи. Эта группа признавала скорѣе необходимость мирной пропаганды и агитаціи и заявляла о своей полной солидарности съ интернаціоналомъ.

Другимъ человѣкомъ, пріобрѣвшимъ неоспоримое вліяніе на русскую молодежь, былъ Петръ Лавровъ. Въ 60-хъ годахъ онъ былъ полковникомъ и профессоромъ математики въ артиллерійской академіи въ Петербургѣ; сначала онъ писалъ въ умѣренно-либеральныхъ журналахъ, а въ 1860 г. читалъ публичныя лекціи о философіи; лекціи эти были съ соціалистической тенденціей и произвели фуроръ. Затѣмъ Лавровъ былъ арестованъ въ 1866 году во время массовыхъ арестовъ по каракозовскому дѣлу и высланъ административно въ Архангельскую губернію; въ 1869 году онъ былъ освобожденъ смѣлымъ революціонеромъ Германомъ Лопатинымъ и въ мартѣ 1870 года пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ сошелся близко съ типографщикомъ Варлэномъ, который ввелъ его въ Интернаціоналъ. Когда вспыхнуло возстаніе 71 г. Лавровъ обратился къ революціонному правительству съ предложеніемъ преобразовать учебныя заведенія. Въ началѣ мая 1871 г. Лавровъ пробрался удачно сквозь версальскія войска и отправился сначала въ Брюссель, а потомъ въ Лондонъ, чтобы просить поддержки Коммунѣ у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Въ Лондонѣ онъ познакомился съ Марксомъ и Энгельсомъ. Затѣмъ, въ концѣ 1872 г. онъ переѣхалъ въ Цюрихъ. Лавровъ былъ уже небезизвѣстенъ для русской публики, какъ писатель; въ началѣ 60-хъ годовъ онъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣсколько философскихъ статей, обратившихъ на себя вниманіе; въ 1868 г. появились его знаменитыя «Историческія письма», и вотъ теперь, когда началось революціонное движеніе и когда молодежь искала руководителей, одна

изъ русскихъ группъ, обратилась къ нему въ мартѣ 187? г., съ предложеніемъ издавать журналъ.*)

Лавровъ, стоявшій до тѣхъ поръ довольно далеко отъ радикальной молодежи и не знавшій хорошо, откуда шло полученное имъ предложеніе, предполагалъ сначала, что оно шло отъ радикальныхъ литературныхъ круговъ, и набросалъ сообразно этому свой первый проектъ программы журнала; затѣмъ, когда выяснилось, что призывъ шелъ отъ революціонной молодежи, онъ рѣшилъ переѣхать изъ Парижа въ Цюрихъ, чтобы лично познакомиться съ представителями этой молодежи. Въ Цюрихѣ господствовало тогда бакунистское направленіе, полная солидарность съ которымъ для Лаврова была невозможна. Тогда онъ сдѣлалъ попытку намѣтить тѣ общіе принципы, на почвѣ которыхъ могло-бы состояться соглашеніе между нимъ и бакунистами; таково было происхожденіе его второго проекта программы. Наконецъ, когда выяснилось, что предполагавшаяся имъ совмѣстная работа невозможна, онъ выступилъ съ третьей уже своей собственной программой, которая и легла въ основу журнала «Впередъ!» Первый номеръ журнала появился въ августѣ 1873 г.; изданіе продолжалось до 1877 г.; всего вышло 5 большихъ книжекъ; въ каждой изъ нихъ помѣщались, въ первомъ отдѣлѣ, руководящія статьи, во второмъ отдѣлѣ — обзоръ событій въ Россіи, составленный на основаніи корреспонденцій, а въ послѣднемъ, третьемъ отдѣлѣ—хроника рабочаго движенія и «хаоса буржуазной цивилизаціи» въ западной Европѣ. Въ 1875 и 1876 годахъ, это годичное обозрѣніе было дополняемо газетой, выходившей каждыя двѣ недѣли подъ тѣмъ же заглавіемъ (всего вышло 48 номеровъ) и заключавшей въ себѣ второй и третій отдѣлы журнала, вмѣстѣ съ многочисленными корреспонденціями. Въ концѣ 1876 г. Лавровъ отказался отъ редакторства «Впередъ», не раздѣляя слишкомъ умѣреннаго и педантическаго способа дѣйствія тогдашнихъ лавристовъ въ Россіи — тѣмъ болѣе, что изъ Россіи стали тогда получаться настоятельныя заявленія о необходимости придать журналу болѣе революціонный характеръ. Его главный сотрудникъ Смирновъ издалъ затѣмъ еще одинъ томъ, а въ 1877 г. это литературное предпріятіе покончило свое существованіе. Содержаніе программы «Впередъ» было слѣдующее**).

---

*) Дальнѣйшее изложеніе Туна, касающееся возникновенія журнала «Впередъ», мы исправляемъ и пополняемъ на основаніи свѣдѣній, взятыхъ изъ разсказа объ этомъ самого Лаврова въ № 5 «Матеріаловъ по исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія» (изд. группы старыхъ народовольцевъ, Женева, 1893-4 гг.). Л. Ш.

**) Въ дальнѣйшей характеристикѣ главнѣйшихъ революціонныхъ

Эта программа намѣчаетъ для даннаго времени «двѣ общечеловѣческія цѣли», отношеніе къ которымъ «должно опредѣлить отношеніе ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ, какъ второстепеннымъ». «Это, во первыхъ, борьба реальнаго міросозерцанія противъ миросозерцанія богословскаго... борьба науки противъ религіи; это, во вторыхъ, — борьба труда противъ празднаго пользованія благами жизни... борьба рабочаго противъ классовъ, его эксплуатирующихъ, борьба свободной ассоціаціи противъ обязательной государственности,—короче говоря, борьба за реализацію справедливѣйшаго строя общества».

Рѣшеніе первой изъ этихъ задачъ уже далеко подвинулось впередъ, по мнѣнію автора программы, и въ настоящую минуту имѣетъ для Россіи мало значенія. Совсѣмъ другое дѣло —вторая борьба за справедливѣйшій общественный строй: она составляетъ главную задачу журнала. Первостепеннымъ вопросомъ для него является вопросъ ***соціальный***. «Единственную возможность лучшаго будущаго» редакція видитъ «въ союзѣ большинства рабочихъ въ свободную ассоціацію» и «въ установленіи новаго общественнаго строя на развалинахъ промышленно-легальныхъ государствъ и сословій настоящаго. Эта общая программа, въ своихъ основныхъ принципахъ, уже достаточно выяснена и формулирована въ постановленіяхъ нѣсколькихъ рабочихъ конгрессовъ. Различія взглядовъ обнаруживаются лишь по отношенію къ способамъ ея осуществленія».

Что касается этихъ различныхъ способовъ осуществленія, то редакція не рѣшается сдѣлать изъ того или другого изъ нихъ «отличительное знамя своего изданія»; его знамя — «общая цѣль, а не частныя средства»; редакція приглашаетъ «всѣхъ, желающихъ торжества рабочему въ борьбѣ съ его врагами, примкнуть къ ней для уясненія этихъ спорныхъ вопросовъ со своей точки зрѣнія»; пока-же она можетъ только сказать, что «путь организаціи совокупнаго рабочаго движенія ***тѣмъ или инымъ путемъ****) ведетъ къ нашей цѣли.»

Такова была общая постановка вопроса въ этой программѣ. Легко замѣтить, что, не смотря на ея ясно выраженный соціалистическій характеръ, эта общая постановка не отличалась все таки достаточною опредѣленностью. Этою неопредѣленностью страдали также и другія части программы; такъ напримѣръ, въ важномъ отдѣлѣ, касающемся одного изъ самыхъ жгучихъ для того времени вопросовъ, а именно вопроса объ отношеніи соціалистическаго движенія къ политикѣ, въ программѣ «Впередъ» говорилось слѣдующее:

ціонныхъ направленій того времени мы сочли за лучшее оставить въ сторонѣ текстъ Туна и руководиться прямыми источниками, т. е. статьями самихъ Лаврова и Бакунина. Л. Ш.

*) Курсивъ нашъ. Л. Ш.

«Вопросъ объ участіи рабочихъ въ современномъ политическомъ движеніи Европы и Америки мы оставимъ, какъ уже сказано, спорнымъ. Мы охотно примемъ сотрудничество лицъ, которые думаютъ, что въ государствахъ, гдѣ рабочее сословіе (крестьянское или фабричное) можетъ захватить въ свои руки политическое вліяніе, едва-ли не полезнѣе ему воспользоваться существующими политическими формами для своего дѣла, чтобы потомъ перестроить общество путемъ прямого законодательства. Мы не отказываемся и отъ содѣйствія лицъ, считающихъ этотъ путь нецѣлесообразнымъ и проповѣдующихъ, что рабочіе не должны имѣть ничего общаго съ современнымъ государственнымъ строемъ, должны противоставлять ему свою самостоятельную организацію, которая, въ данную минуту, достигнувъ надлежащей силы, низвергнетъ весь существующій порядокъ вещей путемъ соціальной революціи и замѣнитъ этотъ порядокъ другимъ. Мы обратимъ лишь вниманіе первыхъ на то обстоятельство, что, при участіи рабочихъ въ буржуазныхъ формахъ борьбы политическихъ партій, всего сильнѣе грозитъ имъ опасность уступить долю своей программы и увлечься формальною и пустою діалектикою парламентскихъ говоруновъ... Мы обратимъ, съ другой стороны, вниманіе вторыхъ на то, что партія, избирающая систематически путь революціи для достиженія своихъ цѣлей, беретъ на себя обязанность организовать побѣду».

Что касалось собственно Россіи, то и здѣсь также программа журнала, при совершенно опредѣленныхъ основныхъ положеніяхъ, вносила извѣстную дозу нерѣшительности и, такъ сказать, философской неопредѣленности въ постановку ближайшей революціонной задачи въ Россіи.

Въ своихъ основныхъ положеніяхъ, касавшихся этой задачи, редакція категорически признавала, во первыхъ, что «спеціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія (въ смыслѣ соціалистическихъ идеаловъ) есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ»; и во вторыхъ, «что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только для народа, но и *посредствомъ* народа». «Мы не хотимъ — заявляла редакція—новой насильственной власти на смѣну старой, каковъ бы ни былъ источникъ новой власти».

Здѣсь, какъ мы видимъ, редакція безъ всякаго колебанія становится на точку зрѣнія революціоннаго народничества начала 70-хъ годовъ и рѣшительно отрицаетъ всякое якобинство; но затѣмъ нерѣшительность и философская осторожность программы обнаруживаются и въ этомъ случаѣ въ самомъ взглядѣ на революціонное движеніе. Редакція считаетъ его возможнымъ въ данную минуту лишь въ формѣ *подготовленія*

къ будущему перевороту, который отодвигается ею въ неопредѣленную даль:

«Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему русскаго народа», — говорится въ программѣ — «можно считать себя *въ правѣ* призвать народъ къ осуществленію этого переворота». Вслѣдствіе этого ближайшею цѣлью дѣятельности революціонера программа признаетъ лишь «подготовленіе успѣха народной революціи» — и сводитъ всю ближайшую революціонную дѣятельность къ одной теоретической пропагандѣ.

«Вѣроятнѣе всего» — такъ заканчивается этотъ отдѣлъ программы—«что путь революціи неизбѣженъ для лучшаго будущаго Россіи: когда придетъ для нея удобная минута, этого никто сказать не можетъ, но она можетъ притти тѣмъ неожиданнѣе, чѣмъ болѣе концентрированы всѣ государственныя функціи Россіи въ одномъ мѣстѣ и въ одномъ лицѣ. Готовьтесь къ этой минутѣ умственнымъ развитіемъ, умственнымъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера. Готовьте къ ней народъ русскій, уясняя ему его истинныя потребности, его вѣчныя права, его грозныя обязанности, его могучую силу. А затѣмъ, когда минута настанетъ, идите съ народомъ на завоеваніе этихъ правъ, на исполненіе этихъ обязанностей, на развитіе этой силы. Идите впередъ, чего бы это ни стоило вамъ, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цѣна этого будущаго, оно должно быть завоевано».

Такова отличительная черта этой программы. Устраняя совершенно призывъ рабочихъ массъ къ немедленному возстанію, она предлагала молодежи ограничить свою революціонную дѣятельность одной подготовительной работой: подготовленіемъ себя самой къ роли пропагандиста и подготовленіемъ рабочаго народа къ сознанію своей силы и къ завоеванію своихъ правъ.

Если мы будемъ разсматривать эту программу съ точки зрѣнія того уровня революціоннаго развитія, на какомъ стояли тогда рабочія массы въ Россіи, то мы должны будемъ признать, что оцѣнка фактическаго положенія, положенная ея авторомъ въ основу своихъ выводовъ, была наиболѣе правильной для даннаго времени, такъ какъ революціонное движеніе въ Россіи, въ смыслѣ возстанія рабочихъ массъ, дѣйствительно находилось тогда лишь въ своемъ первоначальномъ, подготовительномъ періодѣ. Но, оцѣнивая вполнѣ правильно положенія дѣла съ этой стороны, программа «Впередъ» мало отвѣчала тому революціонному энтузіазму, который охватилъ тогда русскую молодежь и въ которомъ одномъ заключался въ то время источникъ всего революціоннаго движенія; вотъ почему эта программа не имѣла и не могла имѣть тогда большого успѣха.

Гораздо болѣе опредѣленнымъ революціоннымъ характеромъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ революціонному настроенію тогдашней молодежи, отличалась бакунинская программа, съ которой, въ виду оказаннаго ею тогда вліянія, мы считаемъ не лишнимъ подробнѣе ознакомить читателей. Эта программа стала извѣстной русской молодежи главнымъ образомъ по книжкѣ «Государственность и Анархія», вышедшей въ 1873 г. Здѣсь, въ формѣ бѣглаго, но блестяще написаннаго очерка политической исторіи Западной Европы въ XIX-мъ вѣкѣ, Бакунинъ развиваетъ свои взгляды на роль государства въ освободительной борьбѣ рабочаго класса. Основная мысль книги та, что со времени выступленія на сцену пролетаріата съ его соціалистическими стремленіями государство является его самымъ безпощаднымъ врагомъ. Государство, всегда представлявшее собою организованное насиліе меньшинства надъ большинствомъ, теперь сосредоточило всѣ свои силы на подавленіи проснувшихся рабочихъ массъ, грозившихъ всему буржуазному строю. Отсюда — непримиримое противорѣчіе между государствомъ и рабочимъ классомъ. «Итакъ»,— говоритъ Бакунинъ — «государство съ одной стороны, соціальная революція съ другой—вотъ два полюса, антагонизмъ которыхъ составляетъ самую суть настоящей общественной жизни въ цѣлой Европѣ».

Для лучшаго выясненія этого антагонизма Бакунинъ пользуется двумя капитальными европейскими событіями XIX вѣка: парижской Коммуной и возникновеніемъ могущественной военной Германской Имперіи. Первая олицетворяла собою антигосударственныя стремленія рабочаго класса; вторая являлась типичною нормою новѣйшаго государства.

«Въ настоящее время серьезное, сильное государство можетъ имѣть только одно прочное основаніе—военную и бюрократическую организацію»... Такъ какъ «удовлетвореніе народной страсти (страсти соціальной революціи) и народныхъ требованій для классовъ имущихъ и управляющихъ рѣшительно невозможно», то «остается только одно средство—***государственное насиліе***, однимъ словомъ ***государство***, потому что государство именно и значитъ ***насиліе***, господство посредствомъ насилія, замаскированнаго, если можно, а въ крайнемъ случаѣ безцеремоннаго и откровеннаго».

Когда Тьеръ объявилъ официально версальскому собранію о заключеніи окончательнаго договора съ берлинскимъ кабинетомъ, въ силу чего нѣмецкія войска должны были очистить Францію, то французскіе правительственные классы, видѣвшіе въ нѣмецкой арміи свою спасительницу, опустили голову, а французскія бумаги на биржѣ упали въ цѣнѣ. Съ другой стороны, нѣмецкая буржуазія, измѣняя всѣмъ своимъ либераль-

нымъ традиціямъ, радостно бросилась тогда въ объятія могущественной военной монархіи.

Такимъ образомъ, ни патріотизмъ въ сколько-нибудь возвышенной формѣ, ни либеральные принципы уже не руководили больше привилегированными классами въ ихъ отношеніи къ государству. Оно сдѣлалось для нихъ простымъ орудіемъ подавленія рабочихъ массъ съ помощью военной силы.

Поворотнымъ пунктомъ въ западноевропейской исторіи XIX-го вѣка послужили въ этомъ случаѣ «іюньскіе дни и побѣда военнаго диктатора и республиканскаго генерала Кавеньяка надъ парижскимъ пролетаріатомъ... Іюньская катастрофа была не только несчастіемъ для парижскихъ работниковъ, но первымъ и, можно сказать, рѣшительнымъ пораженіемъ для революціи въ Европѣ... Нужно было видѣть, какой восторгъ возбудило первое извѣстіе объ іюньскихъ дняхъ во всѣхъ реакціонныхъ кругахъ; оно было принято, какъ вѣсть о спасеніи. Руководимые совершенно вѣрнымъ инстинктомъ, они увидѣли въ торжествѣ Кавеньяка не только побѣду французской реакціи надъ революціей французской, но побѣду всемірной или интернаціональной реакціи надъ международной революціей... Побѣда Кавеньяка имѣла въ самомъ дѣлѣ громадное историческое значеніе. Съ нея начинается новая эпоха въ интернаціональной борьбѣ реакціи съ революціей. Возстаніе парижскихъ работниковъ, продолжавшееся четыре дня, отъ 23 до 26 іюня, превзошло своей дикой энергіей и ожесточеніемъ всѣ народные бунты, которыхъ Парижъ когда-либо былъ свидѣтелемъ. Съ него собственно началась соціальная революція, которой оно было первымъ актомъ, а послѣднее, еще болѣе отчаянное сопротивленіе парижской Коммуны — вторымъ».

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о государствѣ, по мнѣнію Бакунина, въ тотъ моментъ, когда онъ писалъ свою книгу. Для него представлялось «съ ясностью, столь же ужасною, сколько и несомнѣнною, что отнынѣ между дикимъ, голоднымъ пролетаріатомъ, обуреваемымъ соціально-революціонными страстями и стремящимся неотступно къ созданію иного міра, на основаніи началъ человѣческой истины, справедливости, свободы, равенства и братства — началъ, терпимыхъ въ порядочномъ обществѣ развѣ только какъ невинный предметъ реторическихъ упражненій — и между пресыщеннымъ и образованнымъ міромъ привилегированныхъ классовъ, отстаивающихъ съ отчаянною энергіей порядокъ государственный, юридическій, метафизическій и военно-полицейскій, какъ послѣднюю крѣпость, охраняющую въ настоящее время драгоцѣнную привилегію экономической эксплуатаціи,—что между этими двумя мірами, говорю я, между черно-рабочимъ людомъ и образованнымъ обществомъ, соединяющимъ въ себѣ,

какъ извѣстно, всевозможныя достоинства, красоты и добродѣтели, всякое примиреніе невозможно».

Болѣе или менѣе либеральныя и даже демократическія формы буржуазнаго государства нисколько не уменьшали, по мнѣнію Бакунина, этого основного антагонизма, онъ не видѣлъ въ нихъ никакихъ дѣйствительныхъ гарантій для народа. Гамбетту онъ считалъ такимъ же представителемъ буржуазныхъ интересовъ, какъ и самаго Тьера. «Вся разница между нимъ и Тьеромъ состоитъ въ томъ, что послѣдній, одержимый предубѣжденіями и предразсудками своего времени, ищетъ опоры и спасенія только въ чрезвычайно богатой буржуазіи и съ недовѣріемъ смотритъ на десятки или даже сотни тысячъ новыхъ претендентовъ на управленіе изъ мелкой буржуазіи и выше упомянутаго обуржуазившагося слоя рабочихъ, въ то время какъ Гамбетта... стремится основать свое политическое могущество, свою республикански-демократическую диктатуру именно на томъ огромномъ и чисто буржуазномъ большинствѣ, которое до сихъ поръ оставалось внѣ выгодъ и почестей государственнаго управленія... Какъ государственный человѣкъ новѣйшей школы, Гамбетта нисколько не боится самыхъ широкихъ демократическихъ формъ, ни даже всеобщаго избирательнаго права. Онъ лучше всякаго знаетъ, какъ мало въ нихъ ручательствъ для народа и какъ много, напротивъ, для эксплуатирующихъ его лицъ и классовъ; онъ знаетъ, что никогда правительственный деспотизмъ не бываетъ такъ силенъ и страшенъ, какъ когда опирается на мнимое представительство мнимой народной воли».

«Политическая свобода безъ экономическаго равенства» — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бакунинъ — «и вообще политическая свобода, т. е. свобода въ государствѣ есть ложь».

Надо замѣтить, что это рѣзко-отрицательное отношеніе Бакунина къ демократическимъ учрежденіямъ въ буржуазномъ государствѣ далеко не являлось тогда чѣмъ-то экстравагантнымъ и сумазброднымъ. Боязнь, что при господствѣ буржуазіи широкое народное представительство будетъ служить могучимъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ обезпеченныхъ классовъ, была очень распространена въ то время. Съ этой точки зрѣнія, требованіе всеобщаго избирательнаго права казалось, напримѣръ, въ 60-хъ годахъ, для многихъ изъ германскихъ соціалистовъ очень опаснымъ требованіемъ, особенно послѣ опыта извѣстныхъ плебисцитовъ Наполеона III. Такіе друзья рабочаго класса, какъ Марксъ, Энгельсъ и Альбертъ Ланге раздѣляли эти сомнѣнія, также какъ и наиболѣе развитые нѣмецкіе рабочіе, открыто утверждавшіе, что пока большинство пролетаріата еще мало образовано, предоставленіе ему

права голоса принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; такого мнѣнія держался, напримѣръ, тогда Бебель*).

Разница между Бакунинымъ и соціалистами-государственниками, какъ называли въ 70-хъ годахъ его противниковъ, заключалась въ томъ, что Бакунинъ не признавалъ также и того, чтобы буржуазно-демократическое государство могло служить средствомъ для развитія политическаго сознанія рабочихъ массъ, для подготовленія ихъ къ переходу къ соціалистическому строю. Другими словами, онъ вообще не признавалъ этой подготовительной стадіи въ рабочемъ движеніи, заключающейся въ соціалистической пропагандѣ и въ организаціи рабочихъ массъ въ виду будущей диктатуры пролетарі-

*) Въ виду большого историческаго интереса, представляемаго затронутымъ здѣсь вопросомъ, приводимъ цѣликомъ слѣдующее мѣсто изъ статьи Die Dritte März revolution въ Neue Zeit, 1903—№ 24.

«...Сравнительно яснѣе былъ для нихъ (нѣмецкихъ рабочихъ въ 1863 г.) вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, которымъ нѣмецкіе рабочіе уже обладали въ 1848 г. Но въ этотъ промежутокъ времени съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ были произведены своеобразные опыты въ бонапартистской имперіи, заставившіе очень усумниться въ его цѣнности. Это сомнѣніе раздѣлялось не только Марксомъ и Энгельсомъ, не только наиболѣе вѣрными друзьями рабочаго класса въ самой Германіи, Альбертомъ Ланге и Родбертусомъ, но также и многими изъ наиболѣе проницательныхъ рабочихъ. Этимъ воспользовалась буржуазія для заигрыванія съ рабочими. Хотя прусскіе прогрессисты, вообще говоря, уклонились отъ включенія всеобщаго избирательнаго права въ свою программу — что было по крайней мѣрѣ честно, — но нѣмецкій Національный Союзъ санкціонировалъ его въ той формѣ, что онъ желалъ возстановленія призрачной конституціи 1849 г. вмѣстѣ съ ея избирательнымъ закономъ, т. е. всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Именно для передовой части рабочихъ, которые лучше, чѣмъ кто-либо, знали положеніе своего класса, имѣлъ тогда рѣшающее значеніе слѣдующій аргументъ: пока массы пролетаріата еще такъ мало образованы, какъ онѣ были тогда, всеобщее избирательное право принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы; конечно не слѣдуетъ навсегда устранять отъ него рабочихъ, но пока съ этимъ слѣдовало еще очень повременить, если только не хотѣли играть въ руку реакціи. Такимъ образомъ взгляды на всеобщее избирательное право были очень неодинаковы въ рабочемъ движеніи 1863 г.; стоитъ только вспомнить, что люди вродѣ Бебеля и Йорка принадлежали къ противникамъ этого требованія». (Стр. 739.)

ата. Къ этой диктатурѣ и къ идеѣ рабочаго государства онъ относился крайне отрицательно:

«Если есть государство» — говорилъ онъ — «то непремѣнно есть и господство, слѣдовательно и рабство; государство безъ рабства, открытаго или маскированнаго, немыслимо... Что значитъ пролетаріатъ, возведенный въ господствующее сословіе? Неужели весь пролатаріатъ будетъ стоять во главѣ управленія? Нѣмцевъ считаютъ около сорока милліоновъ; неужели же всѣ сорокъ милліоновъ будутъ членами правительства?... Марксисты чувствуютъ это противорѣчіе... и утѣшаютъ мыслью, что эта диктатура будетъ временная и короткая. Они говорятъ, что единственная цѣль ея — образовать и поднять рабочій народъ, какъ экономически, такъ и политически до такой степени, что всякое управленіе сдѣлается скоро ненужнымъ, и государство... обратится само собою въ совершенно свободную организацію экономическихъ интересовъ и общинъ».

«Тутъ явное противорѣчіе. Если ихъ государство будетъ дѣйствительно народное, то зачѣмъ ему упраздняться; если же его упраздненіе необходимо для дѣйствительнаго освобожденія народа, то какъ же они смѣютъ называть его народнымъ?»

Отрицая такимъ образомъ государство даже и какъ переходную ступень въ развитіи рабочаго движенія, Бакунинъ естественно приходилъ къ единственной возможной въ его глазахъ формѣ революціонной борьбы — немедленному возстанію рабочихъ массъ, руководимыхъ ихъ соціальными инстинктами и страстями, ихъ сознательными и безсознательными стремленіями, ихъ насущными потребностями и ихъ идеалами.

Это возстаніе должно было имѣть своею цѣлью, во первыхъ, разрушеніе стараго государственнаго строя, ибо «не можетъ быть революціи безъ широкаго и страстнаго разрушенія, разрушенія спасительнаго и плодотворнаго, потому что именно изъ него и только посредствомъ него нарождаются и возникаютъ новые міры». Второю цѣлью соціальной революціи будетъ «организація снизу вверхъ вольнаго братскаго союза вольныхъ производительныхъ ассоціацій, общинъ и областныхъ федерацій, обнимающихъ безразлично людей всѣхъ языковъ и народностей».

Такова была программа Бакунина. Легко видѣть, что для того времени она не была до такой степени безпочвенной и фантастической, какою представляется намъ теперь, послѣ долгаго политическаго опыта, которымъ сопровождалось развитіе рабочаго движенія въ свободныхъ западноевропейскихъ государствахъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ эта программа опиралась на историческія событія, которыя произвели потрясающее впечатлѣніе на умы; въ ея основѣ лежало то недовѣріе къ буржуазному государству, которое раздѣлялось тогда всѣми истинными друзьями рабочаго класса. Вотъ почему при

исторической оцѣнкѣ этого движенія мы не должны относиться къ нему съ точки зрѣнія современной теоріи и современнаго политическаго опыта.

Что касается русской революціонной молодежи, то ко всѣмъ аргументамъ, извлеченнымъ изъ западно-европейской исторіи, которыми оправдывалась въ ея глазахъ бакунинская программа, присоединились еще ея идеалистическое отношеніе къ рабочимъ массамъ, вѣра въ живущіе въ ихъ сознаніе трудовые, народные идеалы, выработанные въ нихъ самою жизнью. Это обстоятельство заставило тогда русскую молодежь стать на сторону Бакунина и въ вопросѣ о непосредственномъ призывѣ рабочихъ массъ къ революціонному возстанію,—единственномъ вопросѣ, мнѣнія по которому рѣзко раздѣляли тогда соціалистовъ-народниковъ отъ соціалистовъ-государственниковъ. Вотъ почему программа Бакунина имѣла тогда такой успѣхъ въ Россіи; она быстро завоевала симпатіи большинства тогдашнихъ революціонныхъ кружковъ и оказала прямое вліяніе на господствующую форму революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ.

Мы видѣли, что третьимъ революціоннымъ теченіемъ 70-хъ годовъ, о которомъ упоминаетъ Тунъ, было якобинское теченіе, представляемое газетой «Набатъ», во главѣ которой стоялъ Ткачевъ, судившійся по нечаевскому процессу, а затѣмъ высланный административно въ Псковскую губернію и бѣжавшій оттуда заграницу. Это направленіе, впрочемъ, собрало тогда вокругъ себя очень небольшую группу приверженцевъ и не оказало никакого замѣтнаго вліянія на революціонное движеніе въ Россіи. Оно противоставляло себя какъ бунтарской программѣ Бакунина, такъ и призыву Лаврова къ чисто подготовительной работѣ.

«Подготовлять революцію—это совсѣмъ не дѣло революціонера — писалъ Ткачевъ. — «Ее подготовляютъ эксплуататоры, капиталисты, помѣщики, попы, полиція, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т.п. Революціонеръ-же долженъ только пользоваться и извѣстнымъ образомъ комбинировать тѣ уже готовые элементы, которые выработала исторія... Революціонеръ не подготовляетъ, а ***дѣлаетъ*** революцію».

Въ этихъ словахъ можно бы было найти нѣкоторое сходство съ бакунинской программой; но программа «Набата» относилась совершенно отрицательно къ главному тезису Бакунина: необходимости немедленнаго уничтоженія государства.

«Анархія немыслима, немыслима логически» — писалъ Ткачевъ — «безъ предварительнаго установленія абсолютнаго равенства между всѣми членами общества... Но чтобы установить братство и равенство, нужно, во первыхъ, измѣнить данныя условія общественнаго быта... во вторыхъ—измѣнить самую природу человѣка, перевоспитать его. Осуществить эту

великую задачу могутъ, конечно, только люди, понимающіе ее и искренно стремящіеся къ ея разрѣшенію, т. е. меньшинство. Это меньшинство, въ силу своего болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, всегда имѣетъ и должно имѣть умственную и нравственную власть надъ большинствомъ.

«Слѣдовательно, революціонеры—плоды этого меньшинства, революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственныя и нравственныя силы общества, необходимо обладаютъ и, оставаясь революціонерами, не могутъ не обладать ***властью***... Истинная революція можетъ совершиться только при одномъ условіи: при захватѣ революціонерами государственной власти въ свои руки; иными словами—ближайшая, непосредственная цѣль революціи должна заключаться ни въ чѣмъ иномъ, какъ только въ томъ, чтобы овладѣть правительственною властью и превратить данное ***консервативное*** государство въ государство ***революціонное***».

Средствомъ для захвата государственной власти въ свои руки «если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ», являлся, по мнѣнію «Набата», государственный заговоръ, необходимо требовавшій «дисциплинированной организаціи революціонныхъ силъ».

Таковы были главнѣйшія теченія революціонной мысли въ Россіи начала 70-хъ годовъ, возникшія подъ вліяніемъ заграничной печати, но—по вѣрному выраженію Туна — лишь дававшія болѣе точное теоретическое обоснованіе различнымъ взглядамъ на цѣли и способы той революціонной дѣятельности, возникновеніе которой было вызвано условіями самой русской жизни.

Глава четвертая.

ПРАКТИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОПАГАНДЫ.
(1872 — 1875 г.)

Обратимся теперь отъ этихъ заграничныхъ вліяній къ «честной и искренней молодежи» Россіи, какъ называлъ ее Бакунинъ. Припомнимъ, что было сказано нами раньше о ея бѣдности, о притѣсненіяхъ, которымъ она подвергалась со стороны начальства, и которыя должны были поддерживать въ ней симпатіи къ народу; вспомнимъ далѣе о впечатлительномъ

характерѣ русскаго человѣка, который легко воодушевляется и увлекается мечтами, а затѣмъ также легко снова впадаетъ въ самое глубокое разочарованіе; — и мы поймемъ, что знакомство русской молодежи съ соціализмомъ въ связи съ ея склонностью относиться ко всему критически и все рѣшать на основаніи предвзятыхъ общихъ идей, должно было оказать самыя серьезныя послѣдствія. Наука и свободное изслѣдованіе уже сами по себѣ очень опасны для деспотизма; русскій же государственный строй совершенно не въ состояніи былъ противостоять критикѣ, вооруженной знаніемъ. Молодежь скоро увидѣла полное противорѣчіе между научными теоріями, а также примѣрами западно-европейскихъ странъ, съ одной стороны, и деспотическими порядками на ея родинѣ, съ другой. Раздвоеніе между образованными классами и правительствомъ выразилось тогда въ наиболѣе рѣзкой формѣ именно среди нея*). Да и не было въ Россіи ничего такого, что могло бы отвлечь молодежь отъ радикализма и внушить ей болѣе умѣренный образъ мыслей. Если бы въ то время противъ русскаго правительства рѣшились выступить взрослые элементы образованного общества, то молодежь, по всей вѣроятности, съумѣла-бы выждать, пока научилась бы чему-нибудь и достигла бы зрѣлаго возраста. Однако, эти взрослые элементы держались тогда въ сторонѣ и даже перестали работать въ области земскаго самоуправленія. Не смотря на свои оппозиціонныя стремленія, они сознавали свое полное безсиліе и радовались той энергіи, которую проявляла молодежь; не чувствуя этой энергіи въ самихъ себѣ, они охотно уступали первое мѣсто молодежи. Такимъ образомъ экзальтированные агитаторы, вродѣ Бакунина и его товарищей имѣли всѣ шансы на успѣхъ, когда кадили фиміамомъ передъ «честной революціонной молодежью» и увлекали ее въ движеніе, въ которомъ погибали ея лучшія силы. Въ Россіи происходило тоже самое, что происходило въ Германіи въ періодъ полной пассивности нѣмецкаго филистера въ 1815—20 гг.; нѣмецкое студенчество также играло тогда политическую роль, и образовало «черную банду», причемъ все движеніе закончилось, какъ извѣстно, убійствомъ Коцебу и покушеніемъ на жизнь Ибеля.

У русскаго студенчества не было собственнаго опыта и того знанія дѣйствительной жизни со всѣми ея трудностями, которое могло бы побудить его къ умѣренности. Молодежь идеализировала крестьянина, она видѣла въ немъ послѣднее прибѣжище всего добраго и благороднаго въ Россіи... Она рисовала себѣ въ слишкомъ черныхъ краскахъ положеніе крестьянъ и въ слишкомъ розовыхъ — ихъ готовность къ революціи. Она переоцѣнивала свои собственныя силы и слишкомъ

*) Вольное слово № 50. Драгомановъ.

низко цѣнила силу устойчивости существующаго государственнаго и экономическаго порядка, который складывался въ теченіи цѣлыхъ столѣтій и имѣлъ за собой традиціи. Русская молодежь поддавалась тѣмъ же иллюзіямъ, которыя всегда и вездѣ свойственны молодежи и которыя переживаются всякимъ вновь нарождающимся направленіемъ. Развѣ Энгельсъ не предсказывалъ для Англіи еще въ началѣ 40-хъ годовъ скорое наступленіе соціальной революціи? Только позднѣе его другъ Карлъ Марксъ положилъ основаніе той теоріи соціальной революціи, согласно которой ей должна предшествовать полная побѣда капитализма и распаденіе общества на обладателей капитала и пролетаріевъ,—теоріи, которая только въ восьмидесятыхъ годахъ стала восприниматься русскими соціалистами.

Въ Россіи еще въ 1869-72 годахъ стали возникать кружки, ставившіе своею цѣлью вліять на студенчество и городскихъ рабочихъ путемъ распространенія частію разрѣшенныхъ, а частію запрещенныхъ книжекъ. Но эта скромная дѣятельность не удовлетворяла революціонной энергіи. Молодежь безпомощно задавалась вопросомъ, который еще Чернышевскій, мученикъ за ея идеи, избралъ заглавіемъ своего знаменитаго романа «Что дѣлать»? И вотъ тогда эмиграція и Западная Европа указали ей цѣли и создали ея организацію. Раздалось волшебное слово «въ народъ» и, какъ въ вакхическомъ опьяненіи, гимназисты, семинаристы, студенты бросились въ народъ, чтобы вести тамъ пропаганду соціализма. Достаточно было появленія гдѣ-нибудь агитатора, чтобы соединить молодежь въ тайное общество. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Черниговской губ., Сергѣй Коваликъ, напримѣръ, объѣхалъ девять губерній и вездѣ, куда онъ ни пріѣзжалъ, ему удавалось съ помощью нѣсколькихъ прокламацій и двухъ-трехъ разговоровъ вызвать въ молодежи энтузіазмъ и стремленіе «въ народъ». Онъ основалъ такимъ образомъ 13 кружковъ. Мировой судья Войнаральскій объѣхалъ Поволжье, созывая крестьянъ на сходы съ судейской цѣпью на шеѣ и ведя среди нихъ революціонную пропаганду. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1873 г. была распространена кружкомъ долгушинцевъ прокламація, призывавшая русскую интеллигенцію итти въ народъ; другая брошюра полу-религіознаго характера, обращенная къ народу, требовала отъ имени крестьянъ отмѣны податей, справедливаго раздѣла земли, уничтоженія рекрутчины и постояннаго войска, хорошихъ школъ, уничтоженія паспортной системы, контроля финансовъ.*) Призывъ къ русской молодежи не остался безъ отвѣта. Она не испугалась ни потери карьера и личнаго счастья, ни жесто-

*) Впередъ II стр. 77.

кихъ репрессій. Она пошла на встрѣчу нуждѣ и смерти съ энтузіазмомъ, который носилъ характеръ религіознаго фанатизма и является для насъ психологической загадкой, разгадать которую можетъ не иностранецъ, а лишь человѣкъ, хорошо знакомый съ обстоятельствами русской жизни. «Фанатизмъ, сказалъ Гердеръ, заразительная болѣзнь, быть можетъ, самая заразительная изо всѣхъ, которымъ подвержена наша природа, — и именно потому, что человѣкъ — общественное существо, обладающее способностью симпатіи. Конвульсивныя движенія передаются отъ однаго къ другому; могучая воля повелѣваетъ, впечатлительныя натуры повинуются.»*) Стоитъ также обратить вниманіе на то обстоятельство, что эти юноши-соціалисты, объявившіе все существующее подлежащимъ разрушенію и не хотѣвшіе признавать никакихъ авторитетовъ, теперь сами поддались вліянію догмъ и смотрѣли на извѣстныхъ личностей, какъ на пророковъ, доказывая этимъ, что молодежь вообще, а также и весь русскій народъ, еще нуждались тогда въ авторитетахъ. Мало подготовенная теоретически, русская молодежь безпрекословно приняла за конечную цѣль тотъ анархическій соціализмъ, который ей проповѣдывали; что же касалось собственно практическаго образа дѣйствія, то здѣсь среди нея обнаружилось много разногласій; между тогдашними тайными обществами можно различить нѣсколько оттѣнковъ, нѣсколько, такъ сказать, степеней радикализма. Необходимо отмѣтить три главныя группы: лавристовъ, бунтарей и чайковцевъ, причемъ наибольшимъ значеніемъ пользовалися тогда послѣдніе.

Въ 1872 г. въ Петербургѣ образовался довольно вліятельный кружокъ, обладавшій денежными средствами и доставлявшій деньги на изданіе журнала «Впередъ» — почему онъ и назывался кружкомъ лавристовъ. Члены этого кружка стремились прежде всего къ саморазвитію, а затѣмъ хотѣли просвѣщать народъ. Они не покидали университетовъ и вели пропаганду исключительно среди городскихъ рабочихъ, и только лишь при случаѣ среди крестьянъ; многіе изъ нихъ и до сегодня остались сторониками мирной пропаганды и саморазвитія, а ихъ глава еще и теперь «легальный» человѣкъ. Поэтому для революціонной практики эта группа имѣла мало значенія; ея члены были скорѣе культуртрегерами и съ 1876 г. потеряли всякое вліяніе. Лавристы не видѣли въ крестьянской общинѣ исходнаго пункта соціальнаго движенія въ Россіи**), во первыхъ потому, что это учрежденіе приходило уже въ упадокъ и, какъ показала исторія Запада, неизбѣжно дол-

*) См. I. Schmidt въ Preussische Jahrbucher кн. 45, стр. 320.

**) См. Аксельродъ, въ Jahrbuch für Socialwissenchaft II стр. 12.

жно было уступить мѣсто частной собственности на землю; во вторыхъ, потому что русская община реакціонна; ея основа покоится на привычкахъ и взглядахъ, которые стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ новѣйшими научными данными. Въ силу своихъ экономическихъ, политическихъ и духовныхъ привычекъ, неразрывно связанныхъ съ патріархальными порядками общины, русскіе крестьяне не были способны, по мнѣнію лавристовъ, усвоить себѣ новое соціалистическое миросозерцаніе, развившееся на почвѣ капиталистическаго производства. Поэтому ихъ оставалось только предоставить естественному ходу исторіи и, подобно западно-европейскимъ соціалистамъ, перенести всю революціонную дѣятельность въ среду промышленныхъ рабочихъ. На этомъ именно поприщѣ и работали лавристы въ 1875-76 гг., не успѣвъ сдѣлать однако и здѣсь ничего значительнаго. Ихъ теорія вела ихъ къ тому, чтобы, опустивъ руки, спокойно ожидать разложенія общества. Даже въ 1878 г., когда въ Петербургѣ среди хлопчатобумажныхъ рабочихъ начались большія стачки, они объявили ихъ реакціонными предпріятіями и отсовѣтовали рабочимъ подавать петицію царю.

Бакунисты или бунтари были распространены главнымъ обзомъ на югѣ Россіи, а также въ Москвѣ, гдѣ Долгушинъ еще въ 1872 г. образовалъ свое общество*). Но число этихъ кружк-

*) Хотя кружокъ Долгушина, (Долгушинъ, Дмоховскій, Плотниковъ, Папинъ, Гамовъ) возникъ ранѣе, чѣмъ появилась въ Россіи бакунинская программа, но онъ выступилъ все таки съ программой немедленнаго призыва народныхъ массъ къ возстанію. Ему принадлежитъ заслуга перваго примѣра, перваго рѣшительнаго шага въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ. Устроивъ въ Москвѣ небольшую тайную типографію, долгушинцы напечатали въ ней двѣ прокламаціи: «Къ интеллигентнымъ людямъ» и «Къ русскому народу», и народную брошюру: «Какъ должно жить по закону природы и правды»; затѣмъ они стали распространять прокламацію и брошюру, обращенныя къ народу, по деревнямъ Московской губерніи. Въ сентябрѣ 1873 г. всѣ они были арестованы, а въ іюлѣ 1874 г. были приговорены къ каторжнымъ работамъ и отправлены въ харьковскую центральную тюрьму, гдѣ Гамовъ вскорѣ умеръ, а Плотниковъ сошелъ съ ума. Въ 1881 г. Долгушинъ, Дмоховскій и Папинъ, вмѣстѣ съ другими централистами, были отправлены на Кару, причемъ Дмоховскій умеръ по дорогѣ, въ Иркутской тюрьмѣ, а Долгушинъ, которому ужъ недолго оставалось до окончанія срока каторги, далъ пощечину смотрителю красноярской тюрьмы во время тюремныхъ безпорядковъ, вызванныхъ побѣгомъ Малавскаго; это несчастное обстоятельство рѣшило судьбу этого выдающагося человѣка, отличав-

ковъ и ихъ членовъ было ничтожно, и хотя теоретически они высказывались за бунты, за насильственныя революціонныя дѣйствія, но практически они до этого не доходили; ихъ воззванія не находили отклика въ народѣ, и въ сущности они ограничивались простой устной пропагандой. Поэтому Бакунинъ, игравшій теоретически такую крупную роль, на практикѣ былъ тогда совершенно второстепеннымъ явленіемъ и только въ 1875 г. выступилъ на первый планъ. Большинство же русскихъ соціалистовъ даже на югѣ и въ Москвѣ принадлежали въ началѣ 70-хъ годовъ къ тому обществу, которое было старѣйшимъ и имѣло наилучшую организацію.

Это былъ кружокъ чайковцевъ*) названный такъ по имени своего вожака, кандидата петербургскаго университета Николая Чайковскаго, выдающагося и энергичнаго человѣка, который благодаря своему характеру и связямъ былъ великолѣпнымъ организаторомъ. Въ 1874 г. онъ вмѣстѣ съ Маликовымъ эмигрировалъ въ Сѣверную Америку, а въ настоящее время живетъ въ Англіи**). Въ первые годы (1869—72) это

шагося умомъ и огромной энергіей: ему былъ удвоенъ первоначальный срокъ каторги, послѣ чего онъ уже не вышелъ изъ тюрьмы. Послѣ извѣстнаго побѣга съ Кары 8-ми человѣкъ (Мышкина, Хрущова, Юрковскаго, Минакова и др., въ маѣ 1882 г.) Долгушинъ былъ переведенъ сначала въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ въ 1884 или 1885 г. Л. Ш.

*) Біографія С. Перовской, стр. 9—10. «Подпольная Россія», стр. 16, 20, 89.

**) Въ началѣ 1874 года вокругъ Маликова, привлекавшагося еще по каракозовскому дѣлу и находившагося тогда подъ полицейскимъ надзоромъ въ Орлѣ, собралось нѣсколько десятковъ энтузіастовъ, такъ называемыхъ «богочеловѣковъ», которые утверждали, что въ каждомъ человѣкѣ живутъ добрыя свойства: любовь къ ближнему, готовность пожертвовать собой; и что даже въ самомъ ничтожномъ субъектѣ находится эта «искра божія». Необходимо только пробудить ее въ людяхъ проповѣдью, укрѣпить въ нихъ «божественное начало», т. е. идею равенства и братства. Согласно своему ученію, эта мистическая секта совершенно отказалась отъ всякаго революціоннаго насилія, а ея основатель, Маликовъ, попытался даже, когда былъ арестованъ, подѣйствовать на прокурора и раздуть находившуюся въ немъ «божественную искру» въ пламя любви къ человѣчеству. Это удалось ему только въ томъ смыслѣ, что прокуроръ объявилъ мечтателя съумашедшимъ и не препятствовалъ ему и его товарищамъ переселиться въ Сѣверную Америку. Попытки ихъ устроить тамъ коммунистическія земледѣльческія

общество было просто товарищескимъ кружкомъ, цѣлью котораго было исключительно вліяніе на студенчество*). Онъ бралъ на коммисію у издателей многочисленныя легальныя книги, предназначавшіяся для образованныхъ классовъ, и продавалъ ихъ за половину цѣны (наприм. «*Капиталъ*» Карла Маркса, «*Положеніе рабочаго класса*» Флеровскаго, первый томъ сочиненій Лассаля, «*Рабочія ассоціаціи*» Пфейфера и др.); почти во всѣхъ городахъ имъ были устроены склады и установлены сношенія съ мѣстными группами.

Между тѣмъ, правительство старалось, конечно, противодѣйствовать этой пропагандѣ и отправило, напримѣръ, Натансона, одного изъ вожаковъ кружка, въ административную ссылку (въ 1871 г.). Молодежь, со своей стороны, все болѣе и болѣе развивала свою революціонную дѣятельность, и начала наряду съ дозволенными ввозить и распространять недозволенныя книги, посылать рукописи народныхъ брошюръ заграницу и наконецъ задумала основать собственную типографію въ Петербургѣ. Въ 1871—72 гг. подъ вліяніемъ Анатолія Сердюкова, Перовской, Корниловой и др., въ кружкѣ чайковцевъ началась революціонная пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ. Весною 1873 г. общество значительно возросло; связи его съ рабочими расширились; нѣкоторые члены поступили на фабрики, другіе завели у себя на дому вольныя школы для рабочихъ. Въ провинцію были посланы делегаты, которые входили въ сношеніе съ мѣстными кружками снабжали ихъ книгами, деньгами, адресами, словомъ, всѣмъ необходимымъ для пропаганды. Такимъ делегатомъ былъ, напримѣръ, Чарушинъ; изъ членовъ мѣстныхъ кружковъ можно назвать Аксельрода въ Кіевѣ, Волховскаго, Андрея Франжоли, Ланганса, Желябова въ Одессѣ, Наталью Армфельдъ, Фроленко, Льва Тихомирова въ Москвѣ. Общество чайковцевъ, вмѣстѣ съ его развѣтвленіями въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Орлѣ, Таганрогѣ насчитывало сотни членовъ; такимъ образомъ у этой группы пропагандистовъ мы видимъ, въ противоположность другимъ кружкамъ, формальную организацію. Наконецъ сдѣлана была попытка итти въ народъ. Богатый казакъ Обуховъ пошелъ на Донъ, бывшій офицеръ Шишко поступилъ рабочимъ на одинъ изъ петербургскихъ заводовъ, бывшіе офицера Кравчинскій и Рогачевъ работали пильщиками въ Твер-

---

колоніи была неудачна; они скоро очутились въ страшной нуждѣ и черезъ 2-3 года вернулись въ Европу.

*) Основатели его, впрочемъ, съ самаго же начала имѣли въ виду создать среди интеллигенціи и главнымъ образомъ среди учащейся молодежи кадры революціонно-соціалистической партіи. Первоначальнымъ способомъ пропаганды для кружка служило такъ называемое «книжное дѣло». Л. Ш.

ской губ., Дм. Клеменсъ — въ другомъ мѣстѣ и т. д. Такимъ образомъ, за періодомъ дѣятельности среди интеллигенціи (съ 1869 по 1872) слѣдовала эпоха соціалистической пропаганды въ народѣ (1872-1875). Софья Перовская принадлежала къ кружку почти съ самаго его возникновенія и выполняла въ немъ самыя разнообразныя функціи; она держала конспиративную квартиру, занималась съ рабочими, вела пропаганду въ различныхъ губерніяхъ и устанавливала сношенія съ тюрьмами—что было необходимо уже и въ то время. Въ ноябрѣ 1873 г. въ Петербургѣ начались аресты; въ кружкѣ чайковцевъ въ это время уже было рѣшено перенести пропаганду главнымъ образомъ въ деревню; но пока это удалось сдѣлать, большинство чайковцевъ было арестовано.

Изъ членовъ этого кружка наибольшею извѣстностью въ Западной Европѣ пользуется Петръ Кропоткинъ. По происхожденію онъ принадлежитъ къ одной изъ старѣйшихъ аристократическихъ фамилій въ имперіи и въ шутку часто говорилъ товарищамъ, что онъ имѣетъ больше правъ на русскій престолъ, чѣмъ гольштинская императорская семья. Онъ самъ разсказываетъ, что еще въ дѣтствѣ всѣ его симпатіи были на сторонѣ народа; въ избѣ своей кормилицы онъ поклялся загладить несправедливости своихъ предковъ по отношенію къ крѣпостнымъ. Свое образованіе онъ закончилъ въ самомъ аристократическомъ учебномъ заведеніи страны, въ пажескомъ корпусѣ, но не поступилъ въ гвардію, а выпросилъ себѣ въ 1861 г. командировку въ Сибирь въ качествѣ адъютанта при иркутскомъ генералъ-губернаторѣ. Здѣсь онъ прожилъ медовый мѣсяцъ русскаго либерализма и воодушевленія, время надежды и вѣры въ царя. Но подавленіе польскаго возстанія вызвало и въ немъ полное разочарованіе; онъ пробылъ на службѣ еще 2 года, затѣмъ вышелъ въ отставку и снова сѣлъ на школьную скамью въ Петербургскомъ университетѣ для изученія геологіи и географіи. Во время своей службы онъ предпринималъ путешествія по Сибири и Китаю, и заинтересовался географическими изслѣдованіями. Теперь онъ сдѣлался членомъ русскаго географическаго общества и ему уже было предложено занять мѣсто его секретаря; его влекло къ научной дѣятельности, на которой ему предстояла блестящая ученая карьера. Но онъ не счелъ себя вправѣ отдаться чисто кабинетной работѣ въ то время, когда народныя массы были осуждены на невѣжество условіями своей жизни. Онъ отказался отъ предложеннаго ему мѣста и въ 1872 г. предпринялъ путешествіе заграницу, гдѣ посѣтилъ Бельгію и Швейцарію, познакомился съ Интернаціоналомъ и соціалистами и вернулся домой анархистомъ. Здѣсь онъ примкнулъ къ кружку чайковцевъ, и подъ именемъ Бородина началъ зимою 1873 г. читать тайныя лекціи рабочимъ по исторіи Интернаціонала, чѣмъ

возбудилъ самый живой интересъ. Въ слѣдующемъ году онъ хотѣлъ итти въ качествѣ маляра въ народъ, чтобы вести среди него соціалистическую пропаганду; но послѣ продолжительной и тщетной погони за нимъ полиціи былъ преданъ наконецъ однимъ рабочимъ. Его арестъ вызвалъ большую сенсацію.

Всѣ многочисленные кружки, которые образовались за періодъ 1872-75 г. одинаково слѣдовали лозунгу «въ народъ». При этомъ одни желали сначала лишь изучить этотъ неизвѣстный, таинственный народъ, для котораго они хотѣли жить и умереть; другіе имѣли въ виду воздѣйствовать на него въ культурномъ смыслѣ, въ качествѣ учителей, фельдшеровъ и акушерокъ, поднять его умственный и нравственный уровень; третьи намѣревались пробудить въ народѣ сознаніе его несчастнаго положенія, разъяснить ему противорѣчіе, въ которомъ находятся его интересы съ интересами его притѣснителей, помѣщиковъ и фабрикантовъ, чтобы организовать народную партію, которая могла бы выступить въ день революціи. Наконецъ, многіе надѣялись вызвать возстаніе въ ближайшемъ будущемъ,—что, однако, не удалось. Всѣ эти кружки имѣли то общее между собой, что одинаково стремились приблизиться къ народу. Уже одно это стремленіе характеризуетъ условія русской общественной жизни, гдѣ высшіе и низшіе классы раздѣляетъ цѣлая пропасть, черезъ которую не существуетъ переходнаго моста въ видѣ средняго сословія. Могучее одушевленіе, которое охватило тогда русскую образованную молодежь, принадлежавшую по большей части къ привиллегированнымъ классамъ, и заставило ее перенести свою соціалистическую пропаганду съ тайныхъ, но шумныхъ студенческихъ сходокъ въ избы крестьянъ и на фабрики, было обусловлено ея идеализированнымъ отношеніемъ къ народнымъ массамъ, какъ источнику обновленія не только русскаго общества, но и всей европейской культуры. Проснувшаяся молодая сила— такъ характеризуетъ передовая статья «Общины» походъ соціалистической молодежи въ обѣтованную землю крестьянства—стремилась прорвать общественную плотину закона. Какъ живой упрекъ, стояли тогда предъ глазами русскихъ соціалистовъ, съ одной стороны, растущее движеніе рабочихъ на Западѣ съ его побѣдами и его мучениками, а съ другой — бѣдствія ихъ родного народа. Но какой-же путь приведетъ ихъ къ народу? Вѣдь по своей культурѣ, по своимъ привычкамъ и традиціямъ они по большей части были чужды ему. Къ тому же они знали, что крестьянинъ питаетъ инстинктивное недовѣріе къ высшимъ классамъ; — и вотъ они, бѣлоручки, со всѣми признаками дворянской культуры, должны будутъ итти туда, куда ихъ отцы и братья приходили съ кнутомъ и окладными листами. Въ этотъ рѣшительный моментъ никто

не помогъ русскимъ соціалистамъ. Ихъ первая попытка была встрѣчена скорѣе недружелюбно (да и могло-ли быть иначе?) Даже доброжелатели говорили имъ: «Что вы будете дѣлать въ народѣ, вы, — бѣлоручки, помѣщичьи сынки? Вы хотите смущать народъ! Мужики васъ свяжутъ по рукамъ и ногамъ, если вы хоть слово скажете противъ царя! Сидите-ка лучше дома, да поучитесь сначала!» Но молодежь не боялась ни насмѣшекъ, ни угрозъ; ей казалось, что она уже достаточно долго откладывала пропаганду своихъ идей въ народѣ, и она рѣшила теперь пробить широкую брешь въ стародавнихъ представленіяхъ крестьянъ. Движеніе, которое началось въ очень скромныхъ размѣрахъ, скоро приняло эпидемическій характеръ, благодаря своимъ первымъ успѣхамъ. Призывъ: «Впередъ!» сдѣлался лозунгомъ всей свободомыслящей молодежи. Русскій соціалистъ порывалъ свои семейные связи, отказывался отъ карьеры, вызывалъ искусственный загаръ лица*) надѣвалъ затѣмъ крестьянскую одежду, засовывалъ за голенище фальшивый паспортъ, перекидывалъ черезъ плечо котомку съ книгами, бралъ въ руки посохъ, отряхивалъ съ ногъ прахъ стараго міра и отправлялся въ невѣдомый путь**).

Пропаганда была летучая и осѣдлая. Часть молодыхъ людей пошла въ народъ, только чтобы познакомиться съ его образомъ жизни, сказать ему при случаѣ нѣсколько мало понятныхъ для него рѣчей и сунуть нѣсколько книгъ въ руки крестьянъ, показавшихся наиболѣе воспріимчивыми. Нечего и добавлять, что такая дѣятельность оставила мало слѣдовъ, и путешествія такихъ соціалистовъ шутники называли parties de plaisir. Другіе бродили по какой нибудь одной опредѣленной мѣстности, занимаясь какой-нибудь практическою дѣятельностью; такъ, напримѣръ, Перовская ходила по берегамъ Камы въ качествѣ оспопрививательницы. Наиболѣе дальновидные вскорѣ оставили такія безплодныя странствованія и эту неорганизованную «летучую» пропаганду; они стали селиться въ какой-нибудь опредѣленной мѣстности, занимаясь ремесломъ или торговлей, или же устраивали школу. Въ извѣстной запискѣ гр. Палена находится цѣлый списокъ соціалистическихъ мастерскихъ; чаще всего устраивались, повидимому, сапожныя и столярныя; нѣкоторыми кружками устраивались также въ различныхъ губерніяхъ кузнечныя, слесарныя и бондарныя мастерскія. Большое значеніе придавалось также школамъ, гдѣ учителя изъ пропагандистовъ, обладая болѣе высокимъ образованіемъ, могли поставить преподаваніе гораздо лучше обыкновеннаго съ надеждой воспитать соціалистически мыслящее

*) Для этого намазывали себѣ лицо масломъ и ложились на солнцепекѣ: руки вымазывали дегтемъ.

*) Община № 1, передовая статья.

поколѣніе народа. Лавки и постоялые дворы были очень важны, какъ опорные пункты пропаганды; они являлись арсеналами, въ которыхъ хранились брошюры, адреса и ключи различныхъ шифровъ. Сюда обращались вновь прибывавшіе агитаторы, узнавали лозунги и получали все необходимое; сюда они посылали предупрежденія о грозящей опасности и находили убѣжище отъ своихъ преслѣдователей. Извѣстное число агентовъ служили посредниками въ сношеніяхъ между кружками въ городахъ и ихъ поселеніями въ деревняхъ. Въ началѣ движенія ограничивались находившимися подъ рукою фабричными рабочими; но вскорѣ было признано, что центръ тяжести соціальнаго вопроса въ Россіи лежитъ въ крестьянствѣ, и тогда, по естественной реакціи, вся работа была сосредоточена почти исключительно на одномъ крестьянствѣ. Но такъ какъ прямое воздѣйствіе на крестьянъ было очень затруднено, то составляли кружки изъ городскихъ рабочихъ, выбирали изъ нихъ наиболѣе интеллигентныхъ, снабжали ихъ деньгами и книгами и посылали ихъ для пропаганды въ ихъ родныя села, съ тѣмъ чтобы они подготовляли народъ къ возстанію, а когда дѣло будетъ уже близко къ развязкѣ, увѣдомляли объ этомъ своихъ учителей. Правда, съ этими учителями могло случиться тоже самое, что случилось съ будущимъ цареубійцею Желябовымъ*). Занимаясь въ Одессѣ съ однимъ кружкомъ рабочихъ, живя съ ними вмѣстѣ въ сырой и грязной квартирѣ и разъясняя имъ содержаніе революціонныхъ брошюръ, онъ какъ-то спросилъ одного изъ своихъ лучшихъ учениковъ: что онъ сдѣлалъ-бы, если бы ему кто нибудь далъ 500 рублей? «Я?—отвѣтилъ тотъ,—я бы поѣхалъ домой и снялъ бы тамъ лавочку» (т. е. сдѣлался бы кулакомъ!). Но однако не всѣ соціалисты были такъ односторони, не всѣ они пропагандировали только среди крестьянъ; такъ, напримѣръ, Желябовъ образовалъ въ Одессѣ чисто рабочій кружокъ съ собственной кассой и библіотекой; онъ никогда также не бросалъ работы среди интеллигентнаго общества и пытался привлечь его на свою сторону. Русская революція состояла для него не только въ освобожденіи крестьянъ и рабочаго класса, но въ возрожденіи русскаго народа вообще. Въ этомъ его воззрѣнія расходились съ большинствомъ тогдашнихъ революціонныхъ партій и особенно чайковцевъ.

Очень поучительны, хотя и не типичны, воспоминанія пропагандистки Брешковской, помѣщенныя въ «Общинѣ»: дочь помѣщика (миров. посредника перваго призыва) и жена помѣщика Черниговской губ. она еще въ концѣ 60-хъ годовъ работала вмѣстѣ съ мужемъ въ земствѣ, въ либеральномъ духѣ и на вполнѣ легальной почвѣ. Въ 1873 году мы уже

*) Андрей Желябовъ, біографія стр. 47.

видимъ ее въ кіевской соціалистической «коммунѣ». Весною 1874 г. она одѣваетъ крестьянскую одежду и отправляется въ народъ въ качествѣ мастерицы, занимающейся крашеніемъ, шитьемъ и вышиваніемъ, или же въ качествѣ разнощицы полотенъ. Въ теченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ она исходила 3 малорусскихъ губерніи и вездѣ пріобрѣтала репутацію опытной женщины, знающей грамоту, — что придавало ей не мало авторитета. Пожилые крестьяне съ удовольствіемъ прислушивались къ ея рѣчамъ и соглашались со всѣмъ, что она могла доказать имъ печатной книгой. Вообще, крестьяне охотно слушали, когда она говорила объ отрицательныхъ сторонахъ ихъ положенія. Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ ее впослѣдствіи, несмотря на всѣ угрозы полиціи. Распространился даже слухъ, что она царица, надѣвшая простую одежду, чтобы приблизиться къ крестьянамъ*).

Средствами пропаганды служили какъ устная проповѣдь, такъ и раздача революціонныхъ брошюръ. Еще въ 1872 году, какъ мы упоминали, Долгушинъ съ нѣсколькими товарищами устроили въ селѣ Сараевѣ около Москвы тайную типографію, гдѣ было отпечатано нѣсколько воззваній къ интеллигенціи и народу. Впослѣдствіи правительственный стенографъ Мышкинъ открылъ въ Москвѣ свою собственную типографію, которой завѣдывалъ канцелярскій служитель Уткинъ; въ ней печатались нелегальныя книги и брошюры (между прочимъ сочиненія Лассаля) и массами доставлялись въ склады. Другія книги привозились изъ за-границы, особенно изъ Женевы. Многія изъ народныхъ книжекъ вполнѣ удачно подражали народному языку. Изъ распространявшихся въ это время народныхъ книжекъ можно назвать слѣдующія: «Дѣдушка Егоръ», «Степные очерки» Левитова, «Разсказы изъ фабричной жизни» Голицынскаго, «Сила солому ломитъ» Наумова, «Внушителя словили», «Сказка говоруха», «Хитрая Механика» и т. д. Въ этихъ брошюрахъ рисуется безвыходное положеніе народа, его эксплуатація капиталомъ и гибельныя послѣдствія ростовщичества;

*) Другой пропагандистъ разсказываетъ, что 18 лѣтъ онъ занялся столярничествомъ, которое на ряду съ сапожнымъ мастерствомъ выбиралось чаще всего, потому что ему легче было научиться. Вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ рабочимъ на желѣзно-дорожную станцію, потомъ отправился въ деревню, работалъ въ полѣ и за все это время имѣлъ при себѣ только двѣ книги: Спенсера и Статистику Кольба. Но уже черезъ три мѣсяца онъ убѣдился, что жившая тамъ секта молоканъ не была подходящимъ революціоннымъ матеріаломъ, и отправился въ Петербургъ. Въ деревнѣ крестьяне прозвали его въ насмѣшку «звѣздочетомъ», потому что онъ имъ объяснилъ однажды карту созвѣздій.

наконецъ, въ нихъ вспоминались прежнія возстанія угнетенныхъ крестьянъ, какъ напримѣръ, во времена Разина и Пугачева. Подвиги Стеньки Разина и его казнь прославлялись, какъ примѣръ гражданскаго мужества при защитѣ угнетеннаго народа; эта же тема послужила поэту Навроцкому для его драмы «Стенька Разинъ», которая была издана революціонерами въ видѣ народной брошюры, вмѣстѣ съ извѣстнымъ стихотвореніемъ того-же поэта «Утесъ Стеньки Разина». Затѣмъ революціонерами была издана также въ сокращенномъ видѣ «Исторія французскаго крестьянина» Эркмана-Шатріана, «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Сборникъ пѣсенъ и стихотвореній» и много прокламацій. Въ «Хитрой механикѣ» крестьянинъ Степанъ разсказываетъ другому крестьянину, на кого ложатся прямые и косвенные налоги и куда они уходятъ. Въ брошюрѣ проводится та мысль, что народъ долженъ привлечь на свою сторону солдатъ, не платить податей и поднять возстаніе противъ кучки своихъ притѣснителей, какъ это сдѣлалъ Пугачевъ. Въ брошюрѣ «За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ», отставной солдатъ также призываетъ возстать по примѣру Пугачева. Въ формѣ проповѣди было напечатано «Слово на великій пятокъ» Тихона Задонскаго. Затѣмъ въ Женевѣ были изданы: «Паровая Машина», «Правда», «Бѣдность и Богатство», «Земледѣліе» и «Какъ наша земля стала не нашей». Нѣкоторыя изъ этихъ вещей были напечатаны на украинскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ. Для украинцевъ была выпущена «Золотая грамота», красиво отпечатанная на большомъ листѣ золотыми буквами съ краснымъ ободкомъ; въ ней говорилось, что Богъ создалъ землю для всѣхъ и что всѣ люди равны; но царь и паны захватили землю въ свои руки; отъ нихъ нечего ждать добра; нужно надѣяться только на самихъ себя, взять ножъ въ руки и воздать врагамъ муками за муки. Наконецъ, не послѣднюю роль играли революціонныя пѣсни. Одинъ русскій соціалистъ насчитываетъ, что всѣхъ книжекъ было роздано тогда нѣсколько десятковъ тысячъ.

Не забудемъ въ заключеніи и ту интересную группу пропагандистовъ, которые шли къ сектантамъ съ однимъ евангеліемъ въ рукахъ и стремились доказать имъ на основаніи библіи негодность современнаго государственнаго и экономическаго строя и необходимость новаго соціальнаго порядка, причемъ достигали иногда большаго успѣха.

Изъ всего изложеннаго видно, что было бы совершенно неправильно представлять себѣ пропагандистское движеніе 1872-75 гг. вполнѣ однороднымъ. На ряду съ мирно-соціалистическимъ господствующимъ направленіемъ встрѣчаются значительныя отклоненія и вправо и влѣво. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что пропагандисты съ огромнымъ вооду-

шевленіемъ стремились проникнуть всюду, не останавливались ни передъ какою трудностью, и организовали постоянныя связи между отдѣльными кружками и поселеніями. Въ 1874-75 гг. почти не существовало такой великорусской или украинской губерніи, гдѣ не было бы соціалистическихъ кружковъ или колоній, находившихся въ связи съ центральными кружками большихъ городовъ. Больше всего соціалистовъ было въ университетскихъ городахъ, откуда они и черпали свои основныя силы; пропаганда же ихъ направлялась главнымъ образомъ на низовья Волги и берега Днѣпра, такъ какъ предполагалось, что здѣсь, благодаря Пугачеву и Разину, а также старой казацкой вольницѣ, еще сохранились традиція революціоннаго движенія. Сѣть агитаціи была соткана довольно хорошо; во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были свои приверженцы. Активные элементы движенія вербовались большею частью изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній; но попадались также болѣе взрослые, состоятельные и вліятельные люди, какъ напримѣръ, мировой судья Войнаральскій, который отдалъ на дѣло пропаганды все свое состояніе въ 40000 рублей*). Дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ была возможна только потому, что они опирались на симпатіи общества. Мы видимъ, напримѣръ, что въ Оренбургѣ жена жандармскаго полковника помогаетъ совѣтами своему сыну-соціалисту; въ ярославскомъ лицеѣ одинъ изъ профессоровъ вводитъ извѣстнаго агитатора въ кругъ студентовъ; очень богатая и уже пожилая помѣщица Субботина вела пропаганду среди своихъ крестьянъ и сама послала своихъ дочерей учиться въ Цюрихъ; бывшій казначей открыто заявлялъ, что онъ готовитъ своего сына «для народа», а предсѣдатель земской управы въ Вяткѣ при замѣщеніи всѣхъ должностей совѣтовался съ скомпрометированнымъ студентомъ. Богатые помѣщики и мировые судьи, земскіе врачи, различныя семьи въ Москвѣ часто давали убѣжище извѣстнымъ агитаторамъ, прятали ихъ отъ полиціи и поддерживали совѣтами и деньгами. Откуда же, спросятъ насъ, взялась эта широкая симпатія общества? Почему буржуа помогали соціалистамъ, которые стремились подорвать условія ихъ соціальнаго существованія? Несомнѣнно, что это объяснялось такою степенью озлобленія общества противъ правительства, при которой оно готово было поддерживать всѣхъ его враговъ, чтобы только проявить свою оппозицію. При подобныхъ условіяхъ очень трудно провести границу между активнымъ и пассивнымъ участіемъ въ движеніи и опредѣлить съ какою нибудь точностью число его активныхъ участниковъ; полагаютъ, что пошло въ народъ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ.

*) Докладъ гр. Палена.

Одна изъ особенностей русскаго революціоннаго движенія— это участіе въ немъ женщинъ. Многія молодыя и старыя, некрасивыя и иногда очень красивыя дѣвушки покидаютъ отеческій домъ, чтобы итти въ народъ и терпѣть тамъ всевозможныя лишенія. Мы видимъ дѣвушекъ изъ лучшихъ семей, —дочерей дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, губернаторовъ и генераловъ—Наталію Армфельдъ, Варвару Батюшкову, Софью Перовскую, Лешернъ фонъ Герцфельдъ и другихъ, работающими въ полѣ и на фабрикѣ, спящими вмѣстѣ со своими товарками по работѣ, при чемъ онѣ не только не встрѣчаютъ порицанія со стороны нѣкоторыхъ изъ своихъ родныхъ, а напротивъ даже симпатію и ободреніе. Изъ 770 всѣхъ обвиняемыхъ съ 1870 до половины 1875 г. было 613 мужчинъ и 158 (т. е. пятая часть) женщинъ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что среди активныхъ элементовъ главное мѣсто занимаетъ уже не аристократія, какъ при возстаніи 1825 года и даже еще въ сороковыхъ годахъ, а такъ называемая «интеллигентная молодежь»; кромѣ того начинаютъ уже выступать въ качествѣ революціонеровъ лица изъ народа, настоящіе рабочіе, какъ напримѣръ слесарь Малиновскій, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ и многіе другіе, представляющіе собою продуктъ революціонной пропаганды этихъ лѣтъ.

Мирно и безпрепятственно эта пропаганда шла однако не долго. Уже въ серединѣ 1873 году начинались аресты, а въ іюлѣ 1874 г. Долгушинъ и его товарищи уже судились за устройство тайной типографіи и печатаніе революціонныхъ брошюръ, причемъ пятеро изъ обвиняемыхъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ отъ 5 до 10 лѣтъ. Но это еще было только начало. 31 мая 1874 г. изъ Саратова былъ сдѣланъ доносъ, указывавшій на распространеніе въ народѣ брошюръ революціоннаго содержанія. Правительство было встревожено, но раздумывало не долго. Начальникъ III отдѣленія гр. Шуваловъ былъ замѣненъ Потаповымъ; въ іюлѣ былъ обнародованъ болѣе строгій законъ относительно запрещенныхъ обществъ, причемъ царь обратился къ дворянству, какъ опорѣ государства, призывая его стать на стражѣ народной школы. Во всей обширной имперіи начались жестокія преслѣдованія; въ теченіи одного года было привлечено къ слѣдствію 770 человѣкъ, изъ нихъ 265 арестованы, 452 оставлены до суда на свободѣ, а 53 остались неразысканными*) и кромѣ того

*) Въ маѣ 1875 г. министръ юстиціи гр. Паленъ напечаталъ докладъ прокурора Жихарева о результатахъ революціонной пропаганды и разослалъ его разнымъ лицамъ. Этотъ докладъ былъ перепечатанъ потомъ революціонерами въ Женевѣ въ нѣсколькихъ изданіяхъ подъ названіемъ «Записки гр. Палена». На нѣмецкій языкъ онѣ переведены въ 1882 г.

многіе сотни арестованныхъ были наказаны административнымъ порядкомъ*).

Въ 1875 г. соціалистическая пропаганда, начавшаяся въ 1872 г., достигшая въ 1873-74 г. своего кульминаціоннаго пункта, была окончательно дезорганизована благодаря бдительности и преслѣдованіямъ правительства. Большинство соціалистовъ пробыло въ народѣ не болѣе одного или двухъ лѣтъ. Глубокое отчаяніе и разочарованіе отражается въ ихъ письмахъ, помѣщенныхъ во «Впередъ». Пропагандѣ не удалось обратить крестьянъ въ анархическихъ соціалистовъ; еще менѣе того она успѣла вызвать дѣйствительное возстаніе. Но едва прошло первое разочарованіе, какъ принялись за анализъ причинъ неудачи пропаганды и задались вопросомъ: какіе-же результаты она имѣла. Какъ отрицательно высказывались теперь многіе революціонеры объ этомъ движеніи, начавшемся съ такимъ воодушевленіемъ**)! Многіе отрицали даже какой бы то ни было результатъ. Такія преувеличенія будутъ понятны, если вспомнить тѣ ожиданія, которыя возлагались на движеніе. Но во всякомъ случаѣ справедливо было то мнѣніе, что результаты не соотвѣтствовали жертвамъ. Жертвы были многочисленны и тяжелы, осязательные же результаты — незначительны. Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы революціонная пропаганда осталась совершенно безслѣдной. Соціалистическія идеи сохранились во многихъ случаяхъ среди крестьянъ, такъ какъ ими подтверждались ихъ собственныя желанія, возбужденныя въ нихъ самою жизнью. Мы встрѣчаемъ также многихъ крестьянъ и рабочихъ съ одушевленіемъ исповѣдующихъ передъ судомъ свои соціалистическіе взгляды. Уже въ 1874 году слесарь Малиновскій заявилъ со скамьи подсудимыхъ, что онъ не намѣревался убить царя, потому что не онъ одинъ виновенъ въ страданіяхъ народа; виновны также купцы и помѣщики; нужно поэтому итти на фабрики и въ села, чтобы поднять народъ во имя общаго дѣла. Точно так-

*) Въ пятомъ томѣ «Впередъ» обнародованы тайные полицейскіе списки лицъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи: находящихся подъ слѣдствіемъ, административно сосланныхъ, арестованныхъ, но не привлеченныхъ къ суду и наконецъ, состоящихъ подъ негласнымъ, или гласнымъ надзоромъ. Рядомъ со студентами, акушерками, мѣщанами мы находимъ здѣсь инженеровъ, художниковъ, гвардейскихъ офицеровъ, профессоровъ, золотопромышленниковъ. Одинъ списокъ 1874 г. содержитъ свыше 464, другой 1876 г. — свыше 375 именъ; наконецъ остальные, частичные списки содержатъ 150, 200 и 300 именъ.

**) Напримѣръ, «Впередъ» т. II стр. 122. «Община» № 8 и 9, статья Стефановича и № 1, стр. 5.

же крестьянинъ Петръ Алексѣевъ, во время процесса пятидесяти произнесъ на судѣ громовую рѣчь противъ эксплуатаціи рабочихъ. Многіе рабочіе были членами соціалистическихъ кружковъ; существовали даже чисто рабочіе кружки, какъ напр., въ Одессѣ. Такіе рабочіе могли потомъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать, какъ агитаторы въ народѣ. Наконецъ, и въ деревнѣ были завоеваны нѣкоторые опорные пункты для дальнѣйшей дѣятельности. Пропагандистское движеніе пустило въ народѣ болѣе глубокіе корни, нежели какой либо другой изъ прежнихъ заговоровъ, и положило основаніе будущей революціонной партіи. Наивное желаніе создать немедленно же соціалистическую народную партію, конечно, не было выполнено.

Каковы же причины этой малоуспѣшности революціонной пропаганды?

Прежде всего, соціалисты были еще слишкомъ молоды и слишкомъ большіе энтузіасты. Въ движеніе бросилось множество еще неподготовленныхъ лицъ обоего пола, едва вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста. Они переоцѣнивали свои силы и идеализировали крестьянина. Они надѣялись быстро обратить его словомъ правды и воодушевить для революціи; они уже высчитывали, когда должна совершиться послѣдняя. Имъ грезились быстрые и блестящіе результаты, и они забывали, что для всего этого необходима работа цѣлыхъ поколѣній. Ихъ энтузіазмъ придалъ движенію извѣстнаго рода массовой характеръ; но тѣмъ сильнѣе было разочарованіе. Такъ какъ кромѣ того эти молодые люди были очень мало подготовлены теоретически, то они естественно придавали больше всего значенія благороднымъ чувствамъ и доброй волѣ. Пропагандистъ поэтому цѣнился не по суммѣ той реальной пользы, какую приносилъ дѣлу, а по его субъективной преданности ему*). Дѣйствительная же польза оставалась незначительною. Чего въ самомъ дѣлѣ можно было ожидать даже отъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ такой юной молодежи? Нѣкоторые изъ нихъ уставали «двигать революцію»—какъ выражались тогда; тогда вступали въ свои права всякаго рода личныя чувства; порой обнаруживались честолюбивыя стремленія, желаніе играть первенствующую роль, причемъ на этой почвѣ происходили враждебныя столкновенія**). Затѣмъ молодежь была очень неосторожна. Тогда у нея еще не было горькаго опыта, который ей пришлось пережить впослѣдствіи. Какъ истые русскіе, они предоставляли все дѣло случаю; они мало скрывали свои приготовленія; они переписывались между собой и посылали телеграммы, какъ будто у нихъ не было никакихъ тайнъ;

*) Община, № 2, стр. 25, статья Аксельрода.

**) «Впередъ», т. II стр. 122.

по большей части они сами были виноваты въ своихъ арестахъ. Трудно было въ самомъ дѣлѣ «безъ дороги въ путь отправиться». Нерѣдко они прямо попадали въ руки полиціи или деревенскихъ кулаковъ; изъ подъ крестьянскаго кафтана у нихъ часто выглядывала голландская рубашка, и тогда подложный паспортъ вмѣсто охраны, становился для нихъ уликой. Чѣмъ шире становилось движеніе, тѣмъ чаще къ нему приставали люди, не имѣвшіе прямого отношенія къ пропагандѣ, или совсѣмъ не подготовленные къ ней; новые члены не всегда принимались осторожно, изъ стремленія быстрѣе расширить кружки; а съ этимъ вмѣстѣ росло и число жертвъ. Это ясно сказалось во время процесса южно-русскаго рабочаго союза; все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока соблюдалась осторожность; но какъ только стали присоединять малознакомыхъ, а потому часто и недостойныхъ членовъ, появились выдачи. Такъ наримѣръ Трудницкій, народный учитель Черниговской губерніи, выдалъ болѣе 100 товарищей, за что получилъ выгодное мѣсто при прокуратурѣ на Кавказѣ*). Другая причина неудачи движенія начала 70-хъ годовъ заключалась—по мнѣнію его противниковъ изъ «Набата»—въ недостаточно централистической организаціи и въ отсутствіи дисциплины среди революціонеровъ. Этотъ упрекъ вполнѣ справедливъ по отношенію къ бунтарямъ на югѣ, а также по отношенію къ позднѣйшему московскому кружку, но не совсѣмъ правиленъ по отношенію къ чайковцамъ, которые были организованы довольно хорошо. Если, несмотря на это, число арестованныхъ членовъ несравненно больше, чѣмъ при заговорахъ 1825, 1849 и 1860 гг., то это зависитъ также отъ того, что вообще число участниковъ въ этомъ движеніи было несравненно больше, а также отъ того, что соціалистическое движеніе носило совершенно другой характеръ, чѣмъ прежніе заговоры. Оно не ограничивалось узкимъ кругомъ заговорщиковъ, а стремилось проникнуть въ широкую массу крестьянъ и рабочихъ, съ цѣлью создать соціалистическую народную партію. Въ виду такой пропаганды въ высшей степени важно было бы ввести строгое раздѣленіе труда между отдѣльными членами. Но этого не было**). Всѣ болѣе или менѣе дѣлали одно и то же, а потому разбрасывались и не могли пріобрѣсти прочную осѣдлость и вести правильную работу. Позднѣйшій опытъ показалъ, что летучая пропаганда не да-

*) Не лишнее можетъ быть замѣтить, что почти всѣ причины неудачъ, перечисленныя здѣсь авторомъ, не составляли чего-нибудь спеціально присущаго русской молодежи; онѣ свойственны всякому тайному революціонному движенію.

Л. Ш.

**) «Злоба дня», Стефановича.

вала основательнаго знанія народной жизни и не могла создать твердыхъ опорныхъ пунктовъ въ массѣ. При этомъ крайне односторонне обращали главное вниманіе на пропаганду среди крестьянъ и оставляли въ забросѣ городскихъ рабочихъ, интеллигенцію и другіе классы общества. Только тотъ считался истиннымъ революціонеромъ, кто надѣвалъ мужицкій кафтанъ.

Поэтому очень важно прослѣдить, какъ относились къ этой пропагандѣ сами крестьяне. Нельзя не признать, что пропагандистамъ пришлось испытать много печальнаго зъ этомъ отношеніи. Въ журналѣ «Впередъ» можно встрѣтить не мало жалобъ на крестьянъ, которые предавали своихъ благожелателей и доносили на нихъ, иногда даже били и связанными отдавали въ руки полиціи. Послѣдняя довольно ловко умѣла иногда выдать соціалистовъ за барскихъ сынковъ, стремящихся бунтовать крестьянъ противъ царя во имя интересовъ дворянъ. Многіе крестьяне вѣрили этому, но далеко не всѣ, какъ пытались увѣрить въ этомъ правительственные органы. Нерѣдко крестьяне внимательно прислушивались къ пылкимъ, если и не всегда вполнѣ понятнымъ для нихъ, рѣчамъ пропагандистовъ объ отмѣнѣ податей, свободѣ общины, о новомъ мужицкомъ царствѣ, — и искры новой вѣры западали въ ихъ душу*). Случалось, что ученикъ оказывался радикальнѣе своего учителя, стремившагося эмансипировать его лишь отъ вѣры въ губернатора или попа, и самъ переходилъ къ вопросу о царѣ или Николаѣ чудотворцѣ. Вмѣсто того, чтобы выдавать пропагандиста онъ пряталъ его въ вѣрномъ мѣстѣ, а ночью по лѣснымъ тропинкамъ провожалъ въ безопасное убѣжище. Если и правда, что не было недостатка въ шпіонахъ, доносчикахъ среди крестьянъ, то вѣдь не мало было ихъ и въ средѣ самихъ революціонеровъ!

Могутъ ли вообще пропагандисты упрекать крестьянъ за то, что они съ недостаточнымъ пониманіемъ относились къ ихъ стремленіямъ! Развѣ крестьянамъ были извѣстны ихъ побужденія**)? Если ко мнѣ явится человѣкъ и будетъ увѣрять меня въ своей любви и дружбѣ, то я естественно буду относиться къ нему съ недовѣріемъ, если я не знаю его мотивовъ. Такъ и крестьяне долгое время опасались, что «господа» хотятъ ихъ просто надуть. Кромѣ того, кругъ идей крестьянъ и «новѣйшихъ перипатетиковъ» были совершенно различны. Послѣдніе были воспитаны большею частью въ городахъ, въ зажиточной средѣ; они, быть можетъ, были знакомы съ сочиненіями заграничныхъ политико-экономовъ, философовъ и естествоиспытателей, но плохо знали фактическія отношенія

*) Община № 1, передовая статья.

**) «Вольное Слово» №№ 37 и 38.

своей родины, міровоззрѣнія, повседневныя нужды и страданія народа; они не знали всѣхъ условій пропаганды и не умѣли даже говорить съ крестьяниномъ на его нарѣчіи. Научная подготовка этихъ рано сошедшихъ со школьной скамьи гимназистовъ, семинаристовъ и студентовъ была недостаточна; научная оригинальность ихъ вожаковъ почти равнялась нулю. При такой неспособности къ самостоятельной мысли, русская молодежь подчинялась вліянію простѣйшихъ формулъ, имѣвшихъ характеръ догмъ, и вліянію людей, которые ихъ провозглашали. Эти формулы были заимствованы изъ оппозиціонныхъ движеній Запада, а что касалось собственно соціально-революціонныхъ идей, — у интернаціональнаго анархизма и нѣмецкой соціальдемократіи. Послѣднія два теченія особенно властвовали надъ умами русскихъ пропагандистовъ. Передъ ихъ воображеніемъ носились условія западноевропейской жизни; ихъ идеями были идеи западноевропейскаго соціализма. Но эти идеи не были достаточно продуманы ими (вѣдь даже такой человѣкъ, какъ Шефле признавался, что ему нужны были годы, чтобы уяснить себѣ всѣ выводы соціализма); но они тѣмъ не менѣе хотѣли проповѣдывать ихъ народу, какъ не погрѣшимое спасительное средство. Вотъ почему эти идеи не могли не оказаться слишкомъ абстрактными для русскихъ крестьянъ. Многіе пропагандисты говорили крестьянину о его нуждахъ въ слишкомъ общей формѣ и не умѣли касаться сути дѣла. Предлагаемыя ими средства были шаблонны и не считались съ разнообразіемъ обстоятельствъ; восхваленіе великорусской общины ни въ какомъ случаѣ не могло создать прозелитовъ соціализму среди казаковъ, украинцевъ и бѣлоруссовъ, владѣющихъ землею подворно. Революціонныя брошюры также писались безъ полнаго знанія мѣстныхъ условій; онѣ писались скорѣе для средняго, типичнаго читателя. Такъ напр. «Сказку о четырехъ братьяхъ» могли понять только великороссы. Разсказы о Пугачевѣ могли вызвать революціонныя традиціи только на Волгѣ; Малороссія же имѣла своихъ народныхъ героевъ и свои массовыя движенія. Въ брошюрахъ господствовалъ почти исключительно великорусскій языкъ, который съ трудомъ понимается другими русскими племенами, не говоря уже о другихъ народностяхъ. Но самое большое препятствіе, на которое наталкивался пропагандистъ, заключалось въ томъ, что крестьяне въ большинствѣ случаевъ не умѣли читать и иногда несли книгу къ попу или чиновнику, прося ихъ разъяснить имъ ея содержаніе. Если бы даже не было всѣхъ этихъ затрудненій, то крестьяне просто не имѣли времени читать революціонныя брошюры. Такимъ образомъ, необразованность и бѣдность крестьянъ являлись послѣднимъ и самымъ серьезнымъ препятствіемъ для пропаганды.

Отсюда видно, что «хожденіе въ народъ» было скорѣе па-

ломничествомъ къ святымъ мѣстамъ народной жизни со стороны вѣрующихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чѣмъ серьезно-продуманнымъ дѣломъ сознательной и организованной революціонной партіи*). Анархическій соціализмъ остался такимъ же чуждымъ для крестьянъ, какъ и для многихъ соціалистовъ; онъ отскакивалъ отъ сознанія народной массы, потому что не имѣлъ связи съ историческимъ развитіемъ страны.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IV.

Движеніе въ народъ.

Говоря объ общемъ стремленіи революціонныхъ кружковъ 70-хъ годовъ къ сближенію съ народомъ, Тунъ бросаетъ вскользь замѣчаніе, что это стремленіе само по себѣ чрезвычайно характерно для русскихъ условій, такъ какъ указывало на глубокую пропасть, раздѣлявшую въ Россіи низшіе слои отъ высшихъ, при отсутствіи средняго класса, который могъ бы служить для нихъ связующимъ звеномъ. Въ этихъ словахъ скрывается очень глубокая мысль, на которую мы уже указывали въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ, когда говорили объ общемъ характерѣ перваго періода русскаго революціоннаго движенія. Основной историческій фактъ, которымъ объясняются всѣ особенности въ ходѣ развитія русской общественной жизни, заключается именно въ отсутствіи или, лучше сказать, въ слишкомъ запоздавшемъ появленіи въ Россіи городской промышленности, что въ свою очередь повлекло за собою слишкомъ позднее возникновеніе у насъ средняго класса въ такихъ размѣрахъ и на той ступени развитія, которые создавали-бы изъ него политическую силу. Это именно обстоятельство и позволило у насъ соціалистическому движенію занять такое огромное мѣсто въ ходѣ развитія общественной жизни. По своимъ размѣрамъ, наше соціалистическое движеніе 60-хъ и начала 70-хъ годовъ врядъ-ли было сильнѣе, напримѣръ, первыхъ проблесковъ соціализма во Франціи, въ лицѣ Бабефа и его послѣдователей; но въ то время какъ во Франціи это движеніе было совершенно подавлено тогда уже успѣвшею сплотиться буржуазною партіею, въ Россіи начавшееся соціалистическое движеніе сразу же получило возможность пустить глубокіе корни, привлекая на свою сторону лучшія общественныя силы. Съ другой стороны, когда въ Россіи стали появляться группы людей съ ясно выраженными

*) Община № 2, стр. 25. Мнѣніе соціалиста Аксельрода.

стремленіями къ ограниченію самодержавія въ пользу зажиточныхъ классовъ (Мордвиновъ и нѣкоторая часть декабристовъ), то эти носители буржуазныхъ идеаловъ не находили для себя никакихъ точекъ опоры въ условіяхъ нашей общественной жизни. Они не находили этихъ точекъ опоры даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самодержавное правительство *нуждалось* въ помощи умѣренно-либеральныхъ элементовъ и само уступало имъ извѣстныя позиціи. «Несмотря на свои оппозиціонныя стремленія» — говоритъ Тунъ — «они сознавали свое полное безсиліе и охотно уступали первое мѣсто молодежи».

Это политическое безсиліе носителей буржуазныхъ идеаловъ въ Россіи было обусловлено ,какъ мы уже говорили, слабымъ развитіемъ нашей городской промышленности. Когда-же послѣдняя стала наконецъ взращиваться, всѣми правдами и неправдами, на нашихъ оскудѣвающихъ нивахъ, создавая матеріальныя условія для возникновенія буржуазной партіи, то эта буржуазная партія сразу же оказалась у насъ въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ она на первыхъ же шагахъ столкнулась съ соціалистическимъ рабочимъ движеніемъ, опередившимъ ее въ своемъ развитіи, и такимъ образомъ сразу же очутилась между двухъ огней: съ одной стороны — самодержавная опека, а съ другой — опасность соціалистическаго движенія.

Запоздавшее выступленіе на историческую сцену нашей буржуазіи оказалось запоздавшимъ не только относительно соціалистическаго движенія въ Россіи, но также и относительно того историческаго момента, когда буржуазная партія вообще занимала передовое мѣсто на всемірной исторической сценѣ. Эта историческая роль давно уже была сыграна буржуазіей ко времени ея появленія въ Россіи; ея лучшая пора уже прошла тогда, и ея политическіе идеалы уже успѣли потерять все свое обаяніе*). А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это всегда бываетъ, буржуазія потеряла также и свою прежнюю руководящую роль въ сферѣ умственной жизни. Въ Россіи это обнаружилось самымъ несомнѣннымъ образомъ въ тотъ очень важный подготовительный періодъ, который можно назвать періодомъ ея умственнаго возрожденія, т. е. въ 40-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Мы знаемъ, что за все то время, когда русская публицистика создавала, такъ сказать, нашу интеллигенцію и

*) На это, между прочимъ, указывалъ Г. Ф. Здановичъ, осужденный на каторгу по процессу пятидесяти, въ своей замѣчательной рѣчи на судѣ: «... Я хотѣлъ этимъ указать на историческіе факты, — сказалъ онъ — «установить то положеніе, что въ Россіи немыслимо образованіе партій, такъ сказать, привиллегированныхъ, сословныхъ. Онѣ упустили удобную историческую минуту... одна народная партія имѣетъ будущее...»

пользовалась у насъ наибольшимъ общественнымъ вліяніемъ, въ ней не встрѣчается ни одного талантливаго представителя буржуазіи*). У насъ были талантливые славянофилы, были даже талантливые реакціонеры, но не было ни одного сколько-нибудь выдающагося идейнаго защитника чисто-буржуазныхъ идеаловъ**). Всѣ крупные умы и таланты, которыхъ выставила за это время русская публицистика, неизмѣнно становились у насъ на сторону соціалистическихъ идеаловъ. Такимъ образомъ будущему русскому соціалистическому движенію была предоставлена у насъ, полная, такъ сказать, гегемонія въ высшихъ идейныхъ областяхъ общественной жизни; оно стало привлекать къ себѣ всѣ лучшія умственныя силы и—какъ неизбѣжный результатъ этого—всегда привлекало на свою сторону лучшую часть университетской молодежи.

Вотъ это-то именно обстоятельство, т. е. неоспоримое господство соціалистическихъ идеаловъ въ умственной жизни русскаго общества, и поможетъ намъ теперь разобраться въ нѣкоторыхъ запутанныхъ мѣстахъ, встрѣчающихся у Туна въ четвертой главѣ.

Прежде всего мы должны здѣсь обратить вниманіе на тѣ, повидимому, уничтожающія критическія замѣчанія по поводу крайней молодости участниковъ революціоннаго движенія начала 70 хъ годовъ, которыя разбросаны у Туна по всей главѣ. Это, хотя и косвенное, нападеніе на самое революціонное движеніе подрываетъ, повидимому, въ корнѣ все его историческое значеніе. Тунъ не критикуетъ революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ по существу; онъ критикуетъ его въ лицѣ его представителей. «Чего, въ самомъ дѣлѣ, можно было ждать отъ мальчиковъ, хотя бы и одушевленныхъ самыми благородными стремленіями?» — спрашиваетъ онъ, и этотъ аргументъ кажется ему неотразимымъ; отъ него прямой переходъ къ слѣпому подражанію западноевропейскимъ теоріямъ

*) Болѣе всего отдѣльныхъ точекъ соприкосновенія съ чисто-буржуазной идеологіей имѣетъ г. Чичеринъ, который, однако, является ближайшимъ выразителемъ просвѣщеннаго, либерально-консервативнаго слоя дворянъ-землевладѣльцевъ, а не торгово-промышленнаго класса.

**) Эти идеалы, по иронiи судьбы, нашли впослѣдствiи нѣкоторую своеобразную апологію (гл. об. съ исторической точки зрѣнiя) въ другомъ, принципiально враждебномъ имъ лагерѣ: ихъ косвенно защищали въ 90-хъ годахъ правовѣрные марксисты, когда выставляли на видъ и всячески раздували ту великую историческую миссiю, какую должна выполнить въ нашей общественной жизни капиталистическая промышленность и либеральный промышленный классъ, вплоть до деревенскаго кулачества.

и къ слѣпому подчиненію «неразборчивымъ на средства агитаторамъ».

Но если мы обратимъ серьезное вниманіе на то, что было сказано нами о господствѣ именно революціонныхъ и соціалистическихъ идеаловъ во всемъ предшествовавшемъ умственномъ движеніи Россіи,—господствѣ, которое было обусловлено основными особенностями русской исторіи, то мы сейчасъ-же увидимъ, что картина, нарисованная Туномъ, совершенно невѣрна исторически и что въ ней онъ указалъ лишь на одни чисто-внѣшніе признаки описываемыхъ имъ событій.

Не трудно замѣтить, въ самомъ дѣлѣ, что въ этой картинѣ не достаетъ всего того, что именно и составляло главный источникъ и главную силу нашего революціоннаго движенія въ его первоначальной стадіи. Не трудно замѣтить, что русская революціонная молодежь вовсе не стояла тогда одинокой и безпомощной передъ окружавшими ее общественными задачами и что она вовсе не пыталась разрѣшить эти задачи одними своими собственными силами. За нею стояла вся наша предшествовавшая эпоха умственнаго движенія; въ одномъ лагерѣ съ этою молодежью находились всѣ лучшія умы Россіи, все, что только было наиболѣе талантливаго и серьезнаго въ русской наукѣ и публицистикѣ. Русскою молодежью руководили тогда тѣ именно великіе умы и сердца нашей родины, безъ которыхъ, по выраженію поэта, «заглохла бы нива жизни». И если она не заглохла, если результаты всей умственной работы и всей духовной жизни этихъ великихъ умовъ и сердецъ не пропали безслѣдно, если они были воплощены въ жизнь, то только и исключительно благодаря тому, что запали въ душу той революціонной молодежи, которая не соглашалась «ждать и откладывать свою дѣятельность до болѣе зрѣлаго возраста». Такъ какъ — по словамъ самаго-же Туна — «зрѣлые элементы русскаго общества постарались тогда стушеваться и даже перестали принимать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія», то легко замѣтить, какой огромный пробѣлъ получается въ нарисованной имъ картинѣ революціоннаго движенія: мы не видимъ въ этой картинѣ главнѣйшихъ результатовъ всего предшествовавшаго умственнаго движенія Россіи, мы не видимъ въ ней никакихъ слѣдовъ той умственной работы, на которую были затрачены лучшія силы нѣсколькихъ поколѣній.

Мы видимъ такимъ образомъ, что вопросъ объ участіи и о роли русской молодежи въ революціонномъ движеніи гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется Туну, и что этотъ вопросъ вовсе не разрѣшается его указаніемъ на общеизвѣстныя свойства молодости. Развѣ эта молодость не являлась въ данномъ случаѣ, по его же собственнымъ словамъ, какъ бы необходимымъ, специфическимъ признакомъ способности человѣка къ

серьезной общественной дѣятельности? И вообще говоря, развѣ можетъ возрастъ человѣка, въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, служить непогрѣшимымъ критеріемъ его духовныхъ способностей? И развѣ, наконецъ, тотъ самый фактъ, что данный юноша отдаетъ свою жизнь на служеніе извѣстной идеѣ, не говоритъ въ пользу того, что онъ достаточно усвоилъ ее, что онъ проникся ею глубже того человѣка, хотя бы и зрѣлаго возраста, который отстраняетъ отъ себя эту идею соображеніями личнаго свойства? «Только тѣ убѣжденія двигаютъ людей на рискованныя дѣла, — которыя сдѣлались потребностью натуры», сказалъ на судѣ юноша Здановичъ; а о такихъ именно убѣжденіяхъ и идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь. Когда передъ нами проходятъ такіе представители русской революціонной молодежи 70-хъ годовъ, какъ Купреяновъ, Перовская, Анатолій Сердюковъ, Бардина, Лангансъ, Андрей Франжоли и т. д. и т. д., то всѣ соображенія Туна о рѣшающемъ значеніи возраста при оцѣнкѣ общаго характера и результатовъ разсматриваемого революціоннаго движенія кажутся намъ очень мало идущими къ дѣлу.

Переходимъ теперь къ вопросу объ «агитаторахъ».

Не трудно замѣтить, что и здѣсь также Тунъ слишкомъ съуживаетъ рамки своего историческаго изслѣдованія и говоритъ о Лавровѣ и Бакунинѣ, какъ о совершенно отдѣльныхъ лицахъ, вліяніе которыхъ стояло какъ-бы внѣ всякой связи съ общими идейными вліяніями, господствовавшими тогда въ Россіи. Благодаря этому получается совершенно ложное представленіе объ «экзальтированныхъ агитаторахъ, вовлекшихъ въ движеніе молодежь», и объ искуственномъ перенесеніи на русскую почву анархическаго соціализма. Между тѣмъ, революціонная агитація Лаврова и Бакунина была лишь продолженіемъ той революціонной и соціалистической пропаганды, какою была пропикнута вся наша передовая публицистика еще съ конца 50-хъ годовъ; эта агитація уже имѣла подъ собой въ Россіи вполнѣ подготовленную почву и обращалась къ людямъ, въ достаточной мѣрѣ усвоившимъ себѣ опредѣленное міросозерцаніе. Имъ недоставало только заключительныхъ практическихъ выводовъ, которые должны были имѣть прямое отношеніе къ ихъ революціонной дѣятельности въ конкретныхъ условіяхъ тогдашней Россіи. Въ этой области многое, конечно, оставалось нерѣшеннымъ; но это многое и не могло быть рѣшено одной теоріей; всякое теоретическое рѣшеніе необходимо пополнялось или исправлялось здѣсь самою жизнью, т. е. революціонною практикою. Въ этомъ отношеніи даже самыя крайнія и ошибочныя революціонныя теоріи, какъ напримѣръ, исключительно бунтарская программа Бакунина, не оказывали особенно вредныхъ послѣдствій,

такъ какъ оставались, до поры до времени, безъ всякаго практическаго примѣненія.*)

На той ступени развитія, на какой стояло тогда соціалистическое движеніе въ Россіи, важное и дѣйствительно рѣшающее значеніе имѣли для него только общія соціалистическія идеи, которыми опредѣлялась тогда ближайшая революціонная задача. А эта ближайшая задача заключалась въ томъ, чтобы пробудить лучшую часть молодежи къ общественной жизни, оторвать ее отъ буржуазной среды, отъ буржуазныхъ политическихъ теорій и направить къ рабочимъ массамъ т. е. «двинуть въ народъ». Съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ оцѣнивать ту роль, какую играли тогда въ революціонномъ движеніи Лавровъ и Бакунинъ.

Что касается Бакунина, то мы уже говорили, какое сильное вліяніе имѣла его страстная критика буржуазнаго строя и буржуазнаго государства. Онъ указывалъ на полный разрывъ между культурнымъ обществомъ и рабочими массами, на кровавую безпощадную борьбу, въ которой государство становилось орудіемъ все болѣе и болѣе организованнаго насилія надъ рабочими массами, по мѣрѣ того какъ просыпалось классовое сознаніе буржуазіи. Для западноевропейскихъ странъ, анархическая проповѣдь Бакунина означала полное отрицаніе парламентской тактики, полное отрицаніе борьбы съ буржуазнымъ государствомъ путемъ давленія рабочихъ массъ на законодательство,—что, при дѣйствительно огромномъ развитіи современной буржуазной государственной машины, ставило бы рабочее движеніе въ почти безвыходное положеніе. Но для Россіи, при отсутствіи въ ней какихъ-бы то ни было легальныхъ формъ политической борьбы, проповѣдь Бакунина практически сводилась, въ концѣ концовъ, все къ той же пропагандѣ революціоннаго соціализма въ народѣ.

---

*) Приводимъ въ подтвержденіе этого свидѣтельство двухъ выдающихся революціонеровъ того времени: Ланганса и Дебагорія-Мокріевича:

«... Теперь, разумѣется, никто изъ насъ не придалъ-бы этому разногласію особаго значенія» — пишетъ Лангансъ въ своихъ воспоминаніяхъ—«ибо пропагандистъ-анархистъ и пропагандистъ-государственникъ, попавъ въ народъ и начавъ въ немъ свою дѣятельность, походили другъ на друга, какъ одно куриное яйцо на другое...» А вотъ что говоритъ по тому же поводу Дебагорій-Мокріевичъ: «... Большинство бунтарей, признававшихъ въ теоріи бунтовскую программу, потомъ, когда двинулись въ народъ, на практикѣ, своей дѣятельностью нисколько не отличались отъ пропагандистовъ и, подобно имъ, занимались распространеніемъ революціонныхъ брошюръ въ народѣ...» («Воспоминанія,» ч. I, стр. 11.)

Вліяніе Бакунина, хотя и болѣе интенсивное, нежели вліяніе Лаврова, было болѣе кратковременнымъ. Онъ сдѣлался широко извѣстенъ русской молодежи съ 1872 г. а въ 1876 г. онъ уже умеръ (13 іюня, въ Бернѣ). Съ Лавровымъ русская молодежь познакомилась нѣсколько раньше. Имя Лаврова стало пользоваться большою извѣстностью въ Россіи, въ студенческихъ кружкахъ, со времени появленія его «Историческихъ Писемъ» (въ 1868 г. въ «Недѣлѣ» и въ 1870 г. отд. изданіе), гдѣ онъ далъ научно-обоснованное, теоретическое выраженіе для тѣхъ еще невполнѣ выясненныхъ нравственныхъ запросовъ, которые стали все болѣе и болѣе овладѣвать русской молодежью въ концѣ 60-хъ годовъ. А между тѣмъ вопросы личной морали всегда занимали огромное мѣсто въ жизни русской интеллигенціи; здѣсь именно вырабатывалась та незыблемая моральная основа, на которой одной только и держалось на первыхъ порахъ наше революціонное движеніе.

При той безраздѣльной преданности революціонному дѣлу, какая требуется отъ участниковъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, человѣку необходимо самымъ тѣснымъ образомъ связать всю свою духовную жизнь съ извѣстной общественной задачей; только въ такомъ случаѣ онъ сумѣетъ пойти до конца и не отступить ни передъ какимъ рѣшеніемъ. Это особенно важно было въ томъ первоначальномъ фазисѣ соціалистическаго движенія въ Россіи, когда рабочія массы еще не оказывали ему никакой реальной поддержки и когда ему приходилось довольствоваться однѣми, такъ сказать, своими внутренними психическими силами. Въ этомъ случаѣ отъ участниковъ движенія требовалась извѣстная цѣлостность міросозерцанія и необычайная устойчивость взглядовъ. Такая именно цѣлостность міросозерцанія, въ связи съ ученіемъ соціализма, которое было передано русской молодежи 70-хъ годовъ главнымъ образомъ Чернышевскимъ и Лассалемъ, достигалась тогда теоріею общественнаго долга; а эта теорія была разработана и формулирована для русской молодежи преимущественно Лавровымъ въ его «Историческихъ Письмахъ», а также въ нѣкоторыхъ его статьяхъ въ журналѣ «Впередъ».

Чтобы понять, почему могло имѣть тогда—и дѣйствительно имѣло—такое огромное значеніе въ русскомъ соціалистическомъ движеніи ученіе о долгѣ чисто этическаго характера, необходимо вспомнить о той очень важной соціологической истинѣ, выясненіе которой составляетъ одну изъ заслугъ Лаврова, а именно о той соціологической истинѣ, путемъ которой онъ устанавливаетъ связь между научнымъ соціализмомъ и нравственнымъ развитіемъ.

Каждая наука, говоритъ Лавровъ, «въ сферѣ разсматриваемыхъ ею вопросовъ, налагаетъ на ученаго практическое обязательство». Когда математикъ убѣдился въ ошибочности

извѣстнаго метода, онъ уже не можетъ пользоваться имъ, научная истина руководитъ здѣсь, въ извѣстной сферѣ, его дѣятельностью. Когда дѣло идетъ о соціальной наукѣ, то такою сферою является для нея общественная жизнь. «Теоретическая разработка соціальныхъ вопросовъ вызываетъ неизбѣжно къ практической дѣятельности, къ перестройкѣ общества. Нельзя понимать факты общественной жизни, не стремясь направить ходъ этой жизни въ ту или другую сторону». *) Научное пониманіе сущности общественнаго процесса въ томъ именно и заключается, что, устраняя религіозныя и метафизическія вліянія, оно устанавливаетъ прямую связь между человѣкомъ и формами общественной жизни. «Соціологія имѣетъ дѣло съ общественными формами, которыя суть продукты человѣческой дѣятельности... и существуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока есть люди, поддерживающіе ихъ...» Всякая соціологическая истина непремѣнно указываетъ слѣдовательно на то вліяніе, какое будетъ оказывать на общественную жизнь та или иная общественная дѣятельность; вотъ почему соціологическая истина никогда не является для человѣка только теоретическимъ пріобрѣтеніемъ; она ставитъ его въ извѣстное обязательное отношеніе къ жизни. «Въ соціологіи научно связаны двѣ группы вопросовъ, теоретическихъ и практическихъ»,—говоритъ Лавровъ.

Если соціологическая истина всегда накладываетъ на человѣка извѣстныя практическія обязательства, то и обратно: самое признаніе этой истины и ея практическое осуществленіе неразрывно связаны съ развитіемъ въ обществѣ извѣстныхъ нравственныхъ силъ, особенно въ томъ случаѣ, когда дѣло касается основныхъ вопросовъ общественной жизни. А такихъ именно вопросовъ касается соціализмъ. Соціализмъ вовсе не представляетъ собою отвлеченной теоріи, которая опредѣляла-бы самопроизвольное, механическое дѣйствіе извѣстныхъ общественныхъ силъ; это — научно обоснованная теорія *общественной борьбы*, указывающая, какимъ путемъ можетъ быть достигнутъ переходъ отъ буржуазнаго общественнаго строя къ соціалистическому. Тѣ революціонныя стремленія, которыя вызываются въ рабочихъ массахъ самымъ ихъ положеніемъ, ихъ непосредственными классовыми интересами, составляютъ лишь одинъ изъ элементовъ соціалистическаго движенія, ту его твердую почву, на которую опирается сознательная революціонная борьба во имя соціалистическихъ идеаловъ; самая же эта революціонная борьба, имѣющая цѣлью пробудить классовое сознаніе трудящагося народа, всегда требуетъ извѣстнаго запаса нравственныхъ силъ, а особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ей приходится преодолѣвать

*) «Изъ исторіи соціальныхъ ученій», «Впередъ!» т. III, 1874 г.

первыя и наиболѣе опасныя препятствія. А это значитъ, что практическое примѣненіе научнаго соціализма, какъ теоріи революціонной борьбы, неотдѣлимо отъ моральнаго развитія человѣка; объективные научные выводы соединяются здѣсь въ одно неразрывное цѣлое съ извѣстными субъективными стремленіями людей. Помимо же этихъ субъективныхъ стремленій и независимо отъ нихъ, научный соціализмъ не имѣетъ даже никакого реальнаго существованія.

Вотъ почему такое огромное значеніе получила въ подготовительной стадіи революціоннаго движенія 70-хъ годовъ разработка вопросовъ личной морали. Теорія утилитаризма, господствовавшая въ Россіи въ началѣ 60-хъ годовъ, не удовлетворяла своему назначенію, такъ какъ только съ большой натяжкой могла объяснить тѣ внутреннія мотивы, которые двигали тогда молодежью и лежали въ основѣ ея общественныхъ взглядовъ; отсюда получался извѣстный разладъ между теоріей и жизнью, отсутствіе вполнѣ цѣлостнаго міросозерцанія. Этотъ разладъ чувствовался молодежью и мучилъ ее. Когда въ «Отеч. Запискахъ» (1870 г.) появились статьи Лаврова «Современныя ученія о нравственности», гдѣ излагалась теорія нравственнаго долга, возникающаго у человѣка въ формѣ неудержимаго стремленія къ самоусовершенствованію и къ борьбѣ за общественныя условія, обезпечивающія возможность его (*потребность развитія*), то эти статьи вызвали (по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ) большіе споры, рефераты и обсужденія. Необходимое дополненіе къ отвлеченнымъ этическимъ теоремамъ этой статьи было найдено русскою молодежью въ «Историческихъ Письмахъ» Лаврова въ видѣ гораздо болѣе простой, ясной и конкретной формулы «неоплатнаго долга интеллигенціи передъ народомъ». Эта формула разрѣшала тѣ неразрѣшимые этическіе вопросы, которые волновали тогда молодежь; она давала теоретическое выраженіе всему тому, что такъ сильно и непосредственно чувствовалось тогда молодежью, что вызывалось въ ней окружающей жизнью и что вызывало въ ней самой ея неудержимое влеченіе къ рабочимъ массамъ. Теорія неоплаченнаго долга *не создала*, конечно, этихъ нравственныхъ силъ; онѣ были выработаны самою жизнью; но эта теорія связывала ихъ въ одно неразрывное цѣлое съ идеями революціоннаго соціализма. Книга Лаврова производила тѣмъ большее впечатлѣніе на молодежь, что была написана ученымъ историкомъ и философомъ, обладавшимъ огромной эрудиціей*).

*) Понятно, почему въ области умственныхъ интересовъ тогдашнихъ революціонеровъ вопросы революціонной этики заняли такое видное мѣсто. Самое происхожденіе большинства революціонеровъ изъ привиллегированныхъ классовъ или изъ

Но Лавровъ не ограничивался выясненіемъ одной этической стороны соціализма. Понятія о нравственно-должномъ онъ стремился связать въ одно органическое цѣлое съ пониманіемъ сущаго. Самъ—человѣкъ мысли, онъ придавалъ огромное значеніе цѣлостности, законченности, единству міросозерцанія. Для революціоннаго дѣятеля выработку такого міросозерцанія онъ считалъ безусловно необходимой. Только оно, въ его глазахъ, могло сообщить человѣку достаточную увѣренность въ своей правотѣ, достаточную стойкость въ борьбѣ, достаточную послѣдовательность въ поведеніи. Считая необходимымъ, чтобы каждый сознательный революціонеръ свелъ всѣ свои взгляды къ общимъ началамъ, поднялся на вершины обобщенія, Лавровъ много работалъ надъ философскимъ обоснованіемъ соціализма. Воспитанный подъ философскимъ вліяніемъ Канта, Гегеля, Фейербаха и Конта—онъ усвоилъ себѣ позитивный эволюціонный и критическій *методъ* этихъ философовъ, радикально отвергнувъ всѣ теологическіе и метафизическіе элементы ихъ системъ.

У Канта онъ взялъ его *критицизмъ*, его разработку вопро-

такихъ общественныхъ слоевъ, которые занимали среднее положеніе между основными, крупными общественными классами («разночинцы»), не могло не вліять на ихъ духовные запросы. Имъ было мало знать, что нравственныя понятія относительны, что они мѣнялись и мѣняются отъ одного времени къ другому и отъ одного общественнаго слоя къ другому. Имъ было мало знать, что современныя моральныя теченія, естественно, носятъ рѣзко выраженный классовой или сословный характеръ. Кромѣ всего этого, имъ необходимо было найти такой высшій нравственный принципъ, такой этическій критерій, на основаніи котораго они могли бы сдѣлать сознательный и раціональный *выборъ* между разными классовыми нравственностями; принципъ, на основаніи котораго они могли бы оправдать передъ высшимъ судилищемъ разума свой разрывъ съ традиціонной моралью своею родного сословія или класса и переходъ къ новой морали—морали отщепенцевъ дворянско-буржуазнаго общества, возставшихъ противъ него во имя интересовъ труда, интересовъ рабочаго народа. Значеніе многихъ трудовъ Лаврова заключалось прежде всего въ удовлетвореніи именно этой потребности революціонно-соціалистической молодежи. И позднѣе, въ эпоху Народной Воли, Лавровъ снова и снова долженъ былъ откликаться на тѣ же запросы и дѣлать это, сводя въ цѣлостную, стройную систему основныя положенія новой революціонной этики, какъ прикладной науки, какъ ученія о нравственно-должномъ (см. его статью «Соціальная революція и задачи нравственности» въ «Вѣстн. Народной Воли»).

совъ объ орудіяхъ, характерѣ и предѣлахъ человѣческаго познанія, но радикально отвергъ его попытку—повинуясь голосу «практическаго разума», т. е. требованій нравственной природы, перешагнуть за предѣлы опыта и построить «умопостигаемый» міръ съ Богомъ, свободой воли и безсмертіемъ души. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что требованія нравственной природы человѣка единственное свое реальное, а не мнимое удовлетвореніе могутъ найти въ *этомъ* мірѣ, лежащемъ не по ту, а по сю сторону опыта. Онъ стремился дать раціональное и вполнѣ реалистическое выраженіе этимъ требованіямъ нравственной природы въ системѣ прикладной соціологіи (теоріи прогресса) и соціологической нормативной этики.

У Гегеля онъ взялъ его эволюціонизмъ, но рѣшительно отвергъ метафизическое положеніе о тождествѣ бытія и мышленія. Сообразно этому онъ отвергъ и вытекавшее отсюда положеніе гегельянства, что природа всякаго развитія, всякаго измѣненія въ матеріальномъ мірѣ тождественна съ природой умственнаго процесса, т. е. является «діалектической». Этимъ онъ подрубилъ въ корнѣ всякія метафизическія извращенія чистаго принципа эволюціи.

Понятно, что послѣ этого онъ рѣшительнѣе, чѣмъ кто либо, долженъ былъ принять общій духъ ученія Огюста Конта—духъ позитивизма, философіи на основѣ положительнаго знанія. Эту основную тенденцію контизма онъ старался только послѣдовательнѣе проводить, обосновывая ее на твердомъ фундаментѣ критики средствъ и способовъ познаванія міра, которыми надѣленъ человѣкъ. Но онъ первый же указалъ на недодѣланность контовской системы, отвѣчавшей лишь потребностямъ человѣка, какъ существа познающаго, но не чувствующаго и дѣйствующаго, и этой недодѣланностью объяснилъ и позднѣйшій поворотъ уже больной мысли Конта къ созданію новой «религіи человѣчества».

Съ Фейербахомъ, наконецъ, Лаврова сближало стремленіе поставить въ центрѣ философской системы цѣлостную человѣческую личность. «Антропологизмъ» Фейербаха у Лаврова является въ углубленномъ и расширенномъ значеніи: изученіе познавательныхъ силъ человѣка намѣчаетъ область науки и философіи съ ихъ методами, изученіе же практическихъ потребностей личности даетъ основы для выработки идеала, дающаго удовлетвореніе «практическому разуму».

Научное регулированіе субъективнаго отношенія человѣка къ міру, т. е. практической и нравственной оцѣнки событій (или субъективный методъ этики и соціологіи) даетъ удовлетвореніе ***идеальнымъ*** стремленіямъ человѣческаго духа безъ того, чтобы покидать ***реальную*** почву научной мысли и удаляться въ область идеалистической метафизики. Въ этомъ характерная черта «лавризма», какъ философской системы. Отдѣльные

элементы этой системы порознь были на лицо до Лаврова въ системахъ Канта, Гегеля, Фейербаха, Огюста Конта. Лаврову принадлежитъ построеніе изъ этихъ элементовъ новаго стройнаго цѣлаго,—системы, являвшейся отъ начала до конца философіей жизни, борьбы, философіей соціализма и революціи. И въ этомъ— причина громаднаго, долголѣтняго вліянія Лаврова на умы самыхъ передовыхъ, самыхъ боевыхъ элементовъ русской интеллигенціи.

Борясь во имя этого реалистическаго и революціоннаго міросозерцанія со всѣми проявленіями религіознаго и метафизическаго мышленія, съ притязаніями самодовлѣющаго эстетизма, аристократизма «науки для науки» и т. п. теченій (см. въ особ. «Кому принадлежитъ будущее? Разговоръ послѣдовательныхъ людей»)—Лавровъ стремился подвести итогъ научнымъ даннымъ изученія судебъ человѣчества, систематизировать итоги изученія общаго хода историческаго развитія человѣческой культуры, въ связи съ общей исторіей земли и вселенной. Космическіе процессы, подготовившія почву для органической жизни на нашей планетѣ; законы органическаго развитія, приведшія къ созданію высшихъ формъ, богато-одаренныхъ элементами сознанія, психики, какъ могучаго орудія въ борьбѣ за существованіе; стихійно-складывающіяся формы общежитія, матеріальныхъ и духовныхъ взаимоотношеній между людьми; дальнѣйшій ростъ, въ условіяхъ этихъ стихійныхъ формъ культуры, все того же «чисто-человѣческаго» элемента —мысли, сознанія,—возвышающагося до силы, перерабатывающей и перестраивающей унаслѣдованныя культурныя формы —все это входило въ область научныхъ трудовъ Лаврова, все это служило обоснованіемъ законности стремленія революціоннаго соціализма планомѣрно организовать производство, подчинить сознательному общественному контролю всѣ условія созиданія и распредѣленія общественныхъ благъ. Это стремленіе разсматривалось, какъ естественный продуктъ, естественное завершеніе всей предъидущей исторіи человѣчества.

Огромная научная эрудиція Лаврова дѣлала его особенно сильнымъ именно въ области этихъ теоретическихъ вопросовъ, а не вопросовъ тактики, въ которыхъ онъ, какъ человѣкъ мысли, а не непосредственнаго революціоннаго дѣйствія, былъ ориентированъ сравнительно менѣе. Когда впослѣдствіи, на склонѣ жизни, Лавровъ началъ сводить воедино (въ «Опытѣ исторіи мысли») весь этотъ матеріалъ, которымъ онъ ранѣе пользовался отчасти въ многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ, то научныя достоинства его труда были высоко оцѣнены спеціалистами. Даже тѣ изъ фракціонныхъ противниковъ Лаврова, которые менѣе всего были склонны и способны воздавать должное его заслугамъ, вынуждены были сознаться, что трудъ этотъ долженъ быть названъ «однимъ изъ самыхъ за-

мѣчательныхъ явленій въ современной философской литературѣ Европы». (Г. Плехановъ въ сб. «Соціалдемократъ», стр. 221), и что намъ, русскимъ, можно «съ гордостью, вполнѣ понятной и законной съ нашей стороны, отмѣтить тотъ фактъ, что «Опытъ исторіи мысли новаго времени» принадлежитъ перу русскаго соціалиста» (тамъ же).

Лаврову, конечно, приходилось указывать также въ своихъ руководящихъ статьяхъ, въ журналахъ и газетѣ «Впередъ!» на тѣ объективныя условія общественной жизни, которыя представляютъ собою другой, столь же необходимый составной элементъ соціалистическаго движенія. Въ этомъ случаѣ онъ популяризировалъ главнѣйшіе выводы Карла Маркса, котораго всегда считалъ своимъ учителемъ въ области научнаго соціализма. Такъ онъ начинаетъ свою передовую статью въ № 27 газеты «Впередъ!» тѣмъ положеніемъ, что «рабочій соціализмъ есть историческій фазисъ, фатально вырабатывающійся изъ капиталистическаго строя общества» и что «самое развитіе этого строя составляетъ естественное подготовленіе къ соціальному перевороту».

«Итакъ»,—читаемъ мы далѣе—«соціальный переворотъ самъ собою подготовляется въ Россіи, какъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, самыми успѣхами капиталистическаго строя. Но въ Россіи, какъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, убѣжденные соціалисты должны употребить всѣ свои усилія, чтобы этотъ переворотъ совершился при наименьшихъ страданіяхъ народа и съ наибольшими шансами быстраго установленія того именно порядка, который заключаетъ наибольшее число элементовъ, составляющихъ сущность рабочаго соціализма». (Читатель видитъ, что Лавровъ излагаетъ здѣсь ученіе Маркса о революціонномъ вмѣшательствѣ въ процессъ естественнаго развитія, облегчающемъ «муки родовъ»).

Передовая статья слѣдующаго номера посвящена выясненію того, что русская интеллигенція, взятая сама по себѣ, безсильна «для произведенія не только соціальной революціи, но и какой-либо политической революціи серьезнаго характера», и что соціальный переворотъ можетъ быть лишь дѣломъ самаго народа,—причемъ подъ народомъ понимались тогда главнымъ образомъ трудовыя крестьянскія массы съ ихъ «общинными и артельными традиціями».—

* * *

«Движеніе въ народъ» начала 70-хъ годовъ не только не было «навѣяно извнѣ» вліяніемъ заграничныхъ агитаторовъ, какъ думаетъ это Тунъ, но, напротивъ того, находилось въ прямой связи съ предшествовавшимъ революціоннымъ движеніемъ 60-хъ годовъ. Мы уже знаемъ изъ революціонныхъ прокламацій 61-63 гг., въ чемъ заключались главныя задачи и стремленія ре-

волюціонныхъ группъ того времени: во всѣхъ этихъ прокламаціяхъ дѣло шло прежде всего о передачѣ земли въ руки самого трудящагося народа*); намъ извѣстны также взгляды по этому вопросу того человѣка, который, по выраженію одного современника, былъ, «если не главою, то душою этого революціоннаго движенія»,—Н. Г. Чернышевскаго**); мы знаемъ, наконецъ, что, когда тогдашніе революціонные кружки слились въ одно тайное общество, оно стало называть себя обществомъ «Земли и Воли».

Революціонное движеніе, носившее такой характеръ, естественно стремилось опереться на народныя массы; и вотъ это стремленіе нашло тогда практическое выраженіе для себя въ формѣ устройства воскресныхъ школъ. Воскресныя школы, какъ извѣстно, впервые появились въ Кіевѣ, благодаря иниціативѣ профессора исторіи П. В. Павлова; изъ Кіева движеніе перешло затѣмъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ переѣздомъ туда самаго Павлова. По своей первоначальной и, такъ сказать, оффиціальной мысли, эти воскресныя школы должны были имѣть чисто культурное значеніе; но ими немедленно же воспользовались революціонеры для собственныхъ цѣлей. Воскресныхъ школъ было открыто тогда въ Петербургѣ больше двадцати; самыми дѣятельными участниками въ нихъ были люди революціоннаго лагеря. Здѣсь происходилъ подборъ взрослыхъ рабочихъ, которыхъ приглашали потомъ на-домъ, чтобы читать съ ними вслухъ и давать имъ самимъ для чтенія книжки. Тогда же было открыто въ Петербургѣ нѣсколько народныхъ

*) См. о прокламаціяхъ: «Къ молодому поколѣнію», «Что нужно народу?», «Къ барскимъ крестьянамъ». (Выпускъ первый, стр. 38-39).

**) По разсказамъ этого современника, Чернышевскаго скорѣе можно было-бы назвать не организаторомъ, а «учителемъ» революціонной молодежи 60-хъ годовъ. Но тѣмъ не менѣе его организующая роль была очень велика, такъ какъ, притягивая къ себѣ все, что было тогда лучшаго среди молодежи, онъ уже тѣмъ самымъ не могъ не сближать между собою людей, которые собирались вокругъ него. Но и помимо этого, онъ часто совершенно сознательно знакомилъ людей, о которыхъ думалъ, что имъ надо сблизиться въ интересахъ общаго дѣла. При этомъ Чернышевскій былъ въ высшей степени осторожный человѣкъ; онъ тщательно избѣгалъ всякихъ письменныхъ сношеній, а въ разговорахъ всегда предпочиталъ «сократовскій методъ», заставляя высказаться самого собесѣдника и наводя его на свои мысли путемъ предлагаемыхъ вопросовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Чернышевскій *зналъ* о всѣхъ революціонныхъ планахъ того времени и руководилъ ими, въ силу оказываемаго имъ умственнаго вліянія.

читаленъ; самая большая изъ нихъ была организована Серно-Соловьевичемъ, съ цѣлями революціонной пропаганды. Такого рода движеніе происходило въ то время и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ; такъ, мы уже упоминали, что въ Саратовѣ въ 1863-4 гг. велась пропаганда среди мѣстныхъ рабочихъ революціоннымъ кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ А. Ф. Христофоровъ, студентъ, высланный административно изъ Казани. Наконецъ ишутинская или каракозовская организація также ставила своей задачей соціалистическую пропаганду среди рабочихъ массъ. Въ сущности, это было то же самое движеніе въ народъ, что и въ 70-хъ годахъ, но только въ меньшихъ размѣрахъ и съ менѣе опредѣленными задачами. Въ періодъ наибольшаго общественнаго увлеченія, въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, замѣчались даже признаки такого-же общаго народническаго настроенія, какое позднѣе проявилось у насъ въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ: такъ мы знаемъ по разсказамъ человѣка, пережившаго все это время, что нѣкоторыя лица изъ кончившихъ лицеистовъ и университантовъ (Кочетовъ, Нарановичъ и др.) отказывались тогда отъ выгодной карьеры, бросали Петербургъ и шли въ народные учителя или устраивали въ своихъ имѣньяхъ народныя школы.

Мы видимъ, слѣдовательно, что, по своей основной мысли, движеніе въ народъ 70-хъ годовъ уже было подготовлено всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ революціоннаго движенія въ Россіи; оно вытекало прежде всего изъ того соціалистическаго характера, который, какъ мы уже знаемъ, носило въ Россіи господствовавшее идейное теченіе въ той средѣ, откуда выходили первые революціонеры. Этотъ соціалистическій характеръ революціоннаго движенія необходимо долженъ былъ поставить главной задачей для его піонеровъ сближеніе съ рабочими массами. Вотъ эта именно задача и преслѣдовалась революціонерами 70-хъ годовъ; въ ней именно и заключалась сущность всего тогдашняго движенія. Тѣ формы, которые принимало оно, и тѣ увлеченія, которыми сопровождалось, не имѣли большого значенія. Мы видѣли, что сторонники двухъ какъ-бы даже враждебныхъ программъ приходили тогда на практикѣ къ одной и той же революціонной работѣ и достигали однихъ и тѣхъ же результатовъ. Эти результаты заключались, съ одной стороны, въ первомъ распространеніи революціонныхъ идей въ рабочей средѣ, а съ другой — въ ознакомленіи самихъ революціонеровъ съ народнымъ настроеніемъ и съ условіями пропаганды. Каковы бы ни были недостатки этого движенія, путь, избранный имъ, былъ вѣренъ и имѣлъ свое будущее, а тѣ первые шаги, которые были сдѣланы тогда по этому пути, не прошли безслѣдно и оказали свое вліяніе на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія въ Россіи. Изъ тѣхъ десятковъ сознательныхъ рабочихъ, которые появились

тогда въ городахъ, нѣкоторые уцѣлѣли для послѣдующаго времени, а погибшіе оставили по себѣ прочную память. Даже въ деревняхъ были брошены тогда первыя революціонныя сѣмена, и позднѣйшимъ революціонерамъ приходилось иногда наталкиваться, среди крестьянъ, на совершенно неожиданные слѣды революціонной пропаганды 70-хъ годовъ. (Примѣры этого бывали, напр. въ Саратовской губ.).

Совершенно неудачною поэтому является—обычная и повторяемая Туномъ—характеристика революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, сводящаяся къ тому простому заключенію, что это движеніе «не имѣло успѣха» и «не достигло своей цѣли». Это можетъ быть сказано только съ точки зрѣнія тѣхъ огромныхъ надеждъ, съ какими шли въ народъ сами революціонеры того времени, но никакъ не съ точки зрѣнія правильной исторической оцѣнки.

Результаты, достигнутые этимъ движеніемъ соотвѣтствовали наличнымъ революціоннымъ силамъ того времени и степени революціонной подготовки рабочихъ массъ, — способствуя съ своей стороны общему росту движенія. Что же касается того увлеченія и той преувеличенной вѣры въ народъ и въ свои силы, которыя заставляли революціонеровъ 70-хъ годовъ разсчитывать на гораздо большіе результаты, то вѣдь это именно приподнятое внутреннее настроеніе и помогло имъ тогда выполнить свою историческую задачу при очень трудныхъ и неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Глава пятая.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ АГИТАЦІЯ.
(1875 до 1877)

Въ 1875 г. соціалистическая пропаганда потерпѣла крушеніе вслѣдствіе бдительности полиціи; большинство ходившихъ въ народъ было арестовано и ихъ организація разрушена. Оставшіеся соціалисты собрались въ городахъ, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, и въ теченіи всей зимы, а также слѣдующаго 1876 г. въ такъ называемыхъ студенческихъ коммунахъ (кружкахъ) началась самая строгая самокритика и происходили оживленныя пренія относительно неудачи движенія и необходимыхъ перемѣнъ въ его направленіи. Возникли несо-

гласія и обнаружилась нетерпимость; каждая группа считала, что она обладаетъ талисманомъ, обезпечивающимъ успѣхъ революціи. Результатомъ этихъ споровъ было то, что мирные лавристы, начавшіе было въ теченіи зимы 1875 г. вести пропаганду среди городскихъ рабочихъ, стали все болѣе и болѣе отступать на задній планъ, а въ 1877 г. окончательно сошли со сцены; съ другой стороны, революціонеры-агитаторы, дѣйствовавшіе до тѣхъ поръ разрозненно и только на югѣ и въ Москвѣ, овладѣли теперь движеніемъ, стали задавать въ немъ тонъ и добились того, что ихъ идеи проникли на сѣверъ. Вмѣсто космополитическаго соціализма движеніе ставило теперь своею цѣлью осуществленіе назрѣвшихъ народныхъ желаній (народничество); вмѣсто пропаганды словомъ признавалась агитація дѣйствіемъ (бунтарство); вмѣсто летучей пропаганды—прочныя поселенія въ народѣ, вмѣсто простого возбужденія народа—организація его въ боевые отряды. Представители этого теченія, выступившаго теперь на первый планъ, называли себя народниками-бунтарями.

Новое направленіе было естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ находились тогда русскіе соціалисты*). Прежде всего, первое знакомство съ крестьянами показало, что они вовсе не такъ идеальны, какъ ихъ себѣ представляли, что они не только бѣдны и невѣжественны, но полны предразсудковъ, что они обожали царя и ненавидѣли только чиновниковъ и помѣщиковъ. Съ другой стороны, у крестьянъ были свои прочные идеалы; они любили свою общину и свое общинное землевладѣніе съ господствовавшимъ въ немъ принципомъ равенства, требовавшимъ, чтобы даже женщины получали надѣлъ земли; крестьяне хотѣли увеличенія земельнаго надѣла и отмѣны всѣхъ поземельныхъ налоговъ, такъ какъ налоги должны были, по ихъ мнѣнію, взыматься только съ продуктовъ человѣческаго труда, а не съ созданной богомъ земли. Таковы были положительныя требованія крестьянъ, признававшіяся и выставлявшіяся ими самими, тогда какъ требованія анархическаго соціализма лишь скользили по народному сознанію. Вполнѣ понятно потому, что русскіе соціалисты скоро выбросили за бортъ заграничныя теоріи, что эмигрантская литература перестала оказывать рѣшающее вліяніе на ходъ революціоннаго движенія и что уменьшился интересъ къ западно-европейскимъ событіямъ, которыя не могли найти для себя непосредственнаго примѣненія въ Россіи; руководящимъ принципомъ было признано теперь осуществленіе желаній самого народа, причемъ вся революціонная программа должна была основываться на его сознанныхъ потребностяхъ.

*) См. Аксельродъ, Развитіе соц.-рев. движенія, стр. 11.— «Община» № 8 и 9, стр. 33, статья Стефановича.

Вся земля должна была быть передана крестьянамъ, налоги отмѣнены, общинное землевладѣніе получить дальнѣйшее развитіе, самостоятельность общины возстановлена. Для рядовыхъ революціонеровъ, мало интересовавшихся теоріей, для «широкихъ натуръ» были такимъ образомъ намѣчены конечныя цѣли; для соціалистовъ, стоявшихъ выше по своему теоретическому развитію, конечной цѣлью оставался попрежнему анархизмъ, хотя онъ потерялъ теперь свою интернаціональную безцвѣтность и принялъ болѣе опредѣленную русскую окраску.

Болѣе рѣзкій характеръ носила перемѣна въ выборѣ революціонныхъ средствъ. На соціалистовъ производило большое впечатлѣніе то обстоятельство, что огромное число ихъ арестованныхъ товарищей сидѣли цѣлые годы въ заключеніи безъ всякаго суда и безъ всякаго соотвѣтствія срока заключенія со степенью вины. Это побуждало остававшихся на волѣ стремиться какъ можно скорѣе разрушить старый общественный строй, пока они еще сами не были арестованы.*)Они пришли къ убѣжденію, что летучая пропаганда соціализма и раздача брошюръ недостаточны, чтобы поднять мужество народа и укрѣпить его вѣру въ свои силы. Слова слѣдовало замѣнить дѣйствіями, мирную пропаганду-революціонной агитаціей. Въ народѣ—такъ говорили теперь—нерѣдко бываютъ сопротивленія церковному и свѣтскому начальству; но эти сопротивленія носятъ пассивный характеръ; народныя возстанія, хотя гораздо многочисленнѣе, чѣмъ среди имущихъ классовъ, имѣютъ лишь мѣстное значеніе и отличаются узостью кругозора. Народу не хватаетъ правильной организаціи и руководства; здѣсь именно должна выступить на сцену интеллигентная молодежь. Она должна организовать заговоры и вызывать мелкія возстанія; тогда кровь вызоветъ кровь и ускоритъ наступленіе революціи. Конкретные примѣры отдѣльныхъ бунтовъ имѣютъ для русскихъ крестьянъ гораздо большее значеніе, чѣмъ распространеніе брошюръ и произнесеніе рѣчей. Это настаиваніе на агитаціи часто являлось результатомъ темперамента. Флегматики могли ждать цѣлыя десятилѣтія, пока народный духъ не будетъ революціонизированъ рѣчами и книгами; сангвиники хотѣли дѣйствовать быстрѣе; не было недостатка и въ смѣшанныхъ группахъ. Но громче всего зву-

*) Это несовсѣмъ вѣрно. Продолжительное одиночное заключеніе, повлекшее за собой смерть многихъ товарищей, вызвало мысль о вооруженномъ сопротивленіи при арестахъ, а также вызвало болѣе возбужденное субъективное настроеніе революціонеровъ, которое оказало, конечно, свое вліяніе и при выборѣ ими средствъ борьбы, но не въ такой прямой связи со срокомъ ихъ собственнаго ареста, кккъ это выходитъ у автора. Л. Ш.

чалъ все-таки призывъ: будемъ устраивать боевыя дружины и народныя возстанія! При этомъ признавалось однако, что народъ можетъ быть организованъ только путемъ продолжительной и послѣдовательной агитаціи; отсюда вытекало дальнѣйшее требованіе—поселеній въ народѣ. Бунтари должны были селиться въ деревняхъ, организовывать заговоры, вызывать и направлять бунты; только при постоянномъ жительствѣ можно было разсчитывать на глубоко захватывающую дѣятельность. Желая побудить народъ къ бунтамъ, не были очень разборчивы въ средствахъ. Такъ въ 1876 г. делегатъ южно-русскихъ группъ привезъ въ Женеву рукопись, въ которой агитаторамъ предлагалось воспользоваться царскимъ именемъ*); въ примѣрахъ говорилось тамъ—нѣтъ недостатка, такъ какъ и Пугачевъ, и въ новѣйшее время Антонъ Петровъ (1861) выдавали себя за царей и вызывали такимъ путемъ крупныя народныя движенія, во время которыхъ всегда представляется множество поводовъ для богатой послѣдствіями агитаціи. Редакція «Работника» отказалась однако напечатать эту рукопись.**)

Наконецъ, при стремленіи къ самокритикѣ, отъ революціонеровъ не могло укрыться то обстоятельство, что раздробленность ихъ организаціи мѣшала успѣху дѣла; вслѣдствіи этого, теперь проявилось стремленіе къ сплоченной организаціи и лучшему раздѣленію труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено не ограничиваться исключительно пропагандой среди крестьянъ, но принять во вниманіе какъ рабочихъ, такъ и интеллигенцію.

Всѣ эти вопросы неустанно обсуждались въ теченіи зимы 1875-го и всего 1876 гг., причемъ казалось, что никакое соглашеніе между отдѣльными группами было невозможно. Тогда въ Петербургѣ остатки прежнихъ чайковцевъ соединились съ такъ наз. донскимъ кружкомъ и нѣкоторыми отдѣльными лицами, какъ напр. Плехановымъ и др. Эта объединенная группа народниковъ была извѣстна въ 1876-78 гг. подъ шутливымъ наименованіемъ «троглодитовъ»; въ 1878-79 гг. она стала называться обществомъ «Земли и Воли», по имени своей газеты, и обнародовала программу, которая заключала въ себѣ всѣ существенныя требованія и потому встрѣтила всеобщее одобреніе. Какъ обыкновенно бываетъ въ революціонныхъ движеніяхъ, къ троглодитамъ начался тогда большой притокъ членовъ, и это общество пользовалось въ 1876-79 гг. наиболь-

*) Аксельродъ, стр. 12.

**) Извѣстно, между прочимъ, мнѣніе Бакунина, который, по словамъ Дебагорія-Мокріевича, «отнесся крайне неодобрительно» къ сообщенному ему плану южно-русской группы: «Ложь всегда шита бѣлыми нитками» — сказалъ онъ. («Воспоминанія», вып. II, стр. 140). Л. Ш.

шею популярностью, благодаря чему имѣло въ своемъ распоряженіи лучшія силы и самыя большія денежныя средства. Душою его въ началѣ былъ Маркъ Натансонъ, послѣ же его ареста въ 1877 г.—Александръ Михайловъ.

Общество «Земли и Воли» было носителемъ идеи постоянныхъ поселеній въ народѣ, съ цѣлью организовать его на почвѣ мѣстныхъ требованій и мѣстныхъ условій въ боевыя организаціи, а затѣмъ устраивать бунты; оно было сторонникомъ пропаганды путемъ фактовъ. Но и въ этомъ обществѣ замѣчалось скрытое разногласіе между тѣми, которые ставили конечною цѣлью своей дѣятельности исполненіе народныхъ желаній, и тѣми, которые смотрѣли на агитацію во имя этихъ желаній, лишь какъ на средство вызвать народную революцію*). На сѣверѣ преобладало первое направленіе, на югѣ второе. Практическая дѣятельность проявлялась на сѣверѣ въ формѣ болѣе мелкой агитаціи на почвѣ непосредственныхъ крестьянскихъ нуждъ, въ борьбѣ съ помѣщиками, чиновниками и кулаками; фактически эта агитація оставалась преимущественно на законной почвѣ, хотя въ теоріи она ни въ какомъ случаѣ не отвергала нелегальной борьбы. На югѣ мы сейчасъ же встрѣчаемся съ такими пріемами, какъ самозванство, обманъ, убійство, наряду съ попытками организаціи боевыхъ дружинъ. Тамъ народное возстаніе казалось революціонерамъ гораздо болѣе близкимъ, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ оно терялось въ туманной дали. Южная Россія вообще отличается большею пылкостью и склонностью къ насильственнымъ мѣрамъ; еврейскіе погромы принимали здѣсь самыя ужасныя формы. На юго-западѣ были еще живы воспоминанія о республиканскихъ вольностяхъ 17-го вѣка.

Такая перемѣна во взглядахъ революціонной молодежи не осталась безъ вліянія на заграничную революціонную прессу. Это обнаружилось напр. въ появившейся въ 1876 г. книгѣ Лаврова о «Государственномъ элементѣ въ будущемъ обществѣ», а также въ той программѣ, которую онъ предложилъ въ концѣ того же года при оставленіи имъ редакціи «Впередъ». Онъ придавалъ теперь такое большое значеніе государственности, что рѣзко отдѣлилъ себя этимъ отъ послѣдовательныхъ анархистовъ и долженъ былъ терпѣть нападки отъ нихъ. Правда, онъ признавалъ, что съ теченіемъ времени государство превратилось изъ органа общественной безопасности въ заговоръ немногихъ эксплуататоровъ противъ массы эксплуатируемыхъ, въ разрушителя общественной безопасности, и что поэтому оно должно быть разрушено въ своей современной формѣ; но по его мнѣнію три естественныхъ потребности: личной и общественной безопасности, экономичес-

*) Біографія Желябова, стр. 15.

кого обезпеченія и большого разнообразія техники, существовавшихъ во всѣхъ періодахъ народной жизни, вслѣдствіе чего за государствомъ должна быть сохранена на неопредѣленно-долгое время принудительная власть. Затѣмъ Лавровъ набрасываетъ фантастическую картину тѣхъ учрежденій, которыя должны быть введены на другой день послѣ революціи. Эта революція должна быть совершена народомъ, а подготовлена союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые должны прибѣгнуть къ тайному заговору, такъ какъ дѣйствовать открыто въ Россіи невозможно. Такимъ образомъ Лавровъ совершенно отказывался здѣсь отъ своей прежней программы мирной пропаганды и соглашался даже на то, чтобы рѣшительное меньшинство захватило въ свои руки принудительную власть государства. Но онъ считалъ это возможнымъ только въ томъ случаѣ, если организованной силѣ государства будетъ противопоставлена такая же организованная сила, и указываетъ интеллигентной молодежи на необходимость создать организацію въ народѣ и войскѣ, а также болѣе тѣсный союзъ всѣхъ революціонныхъ силъ. Но хотя Лавровъ и послѣдовалъ въ существенныхъчертахъ за измѣненіемъ во взглядахъ активной революціонной молодежи, онъ все-таки сложилъ съ себя въ концѣ 1876 г. редакторство журнала и газеты «Впередъ», наиболѣе выдающихся органовъ русскаго соціализма за этотъ періодъ. Въ своемъ элегическомъ прощальномъ словѣ къ читателямъ онъ не безъ основанія заявляетъ, что эти изданія съ самаго же начала были встрѣчены недружелюбно и подвергались нападкамъ и клеветамъ со стороны другихъ заграничныхъ изданій. Въ 1877 г. вышелъ еще послѣдній пятый томъ журнала «Впередъ» подъ редакціей Смирнова, который приглашалъ въ немъ къ мирной пропагандѣ, чѣмъ однако не вызвалъ никакого сочувствія, послѣ чего журналъ окончательно прекратился. Незадолго предъ тѣмъ, въ мартѣ 1876 г. прекратилась также издававшаяся съ января 1875 г. русскими анархистами газета «Работникъ», такъ какъ и въ пропагандѣ и агитаціи наступило тогда затишье. Такимъ образомъ народническое бунтарство не имѣло въ 1876 и 1877 гг. своего представительства въ литературѣ. 30 іюня 1876 г. умеръ въ Бернѣ Михаилъ Бакунинъ, у котораго, за три послѣдніе года быстро развилась болѣзнь сердца и печени.

Къ этому времени относится возникновеніе ежемѣсячнаго журнала «Набатъ» Ткачева (съ ноября 1875 г.). Этотъ талантливый критикъ и писатель, привлекавшійся по нечаевскому процессу, былъ въ полномъ противорѣчіи со всѣми направленіями, начиная съ бакунинскаго и кончая лавровскимъ. Въ его глазахъ и Бакунинъ и Лавровъ были софисты-мечтатели и фантастическіе утописты; онъ критикуетъ ихъ произведенія въ статьѣ «Анархія мысли» самымъ рѣзкимъ образомъ, не

отступая передъ насмѣшками и клеветой. Вмѣсто соціализма онъ выдвигаетъ на первый планъ политическую революцію; рѣшительное меньшинство должно овладѣть государственною властью и декретировать экономическіе законы; а это осуществимо лишь путемъ тайнаго заговора со строгой дисциплиной, при чемъ не всѣ участники должны были пользоваться равнымъ довѣріемъ. Онъ отвергалъ такимъ образомъ федералистически-децентрализированную организацію группъ. Вмѣсто безжизненной пропаганды и агитаціи, онъ проповѣдуетъ активную борьбу и рекомендуетъ безпощадный терроръ, убійство шпіоновъ, измѣнниковъ и притѣснителей, а за тѣмъ и всѣхъ тирановъ безъ различія ранга и положенія. Ткачевъ съ примыкавшимъ къ нему небольшимъ кружкомъ, состоявшимъ изъ Турскаго (Амари) и другихъ, слыли за русскихъ якобинцевъ и бланкистовъ. Благодаря какъ личнымъ свойствамъ этого кружка, такъ и общимъ условіямъ того времени, ни самъ талантливый Ткачевъ, ни его газета не имѣли никакого вліянія на революціонное движеніе въ Россіи, и еще 20 октября 1878 г. пять извѣстныхъ русскихъ соціалистовъ *) выразили свое отрицательное отношеніе къ мѣрамъ борьбы, предлагавшимся «Набатомъ» и ко всему его направленію (Община № 8 и 9), а профессоръ Драгомановъ написалъ уничтожающую статью противъ него въ малороссійской «Громадѣ».

Обращаясь теперь отъ споровъ и литературныхъ направленій къ дѣятельности русскихъ революціонеровъ за 1875 годъ, въ этотъ моментъ перехода отъ соціалистической пропаганды къ бунтарству, мы встрѣчаемся съ большой организаціей такъ называемаго московскаго кружка **).

Большинство членовъ этого кружка побывали въ Цюрихѣ, а затѣмъ, послѣ оставленія цюрихскаго университета, отправились въ Россію и пошли въ народъ. Къ этому кружку принадлежали Здановичъ, Кардашевъ, Чикоидзе, Джабадари, Гамкрелидзе, Злобинъ, Бардина, Лидія Фигнеръ, Топоркова, Александрова, Батюшкова, три сестры Субботиныхъ, двѣ сестры Любатовичъ, Бетя Каминская и многія другія. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ этого кружка вступали въ фиктивные браки, которые онѣ сами въ письмахъ называли комедіей, и которые устраивались ими только для того, чтобы быть самостоятельными и получить паспорта. Эта цѣль освящала средство. Въ Москвѣ фабричный рабочій, крестьянинъ Николай Васильевъ, нанялъ квартиру, въ которой поселились, въ качествѣ постояльцевъ, нѣсколько членовъ кружка, мужчинъ и женщинъ, причемъ всѣ работали на разныхъ фабрикахъ. По воскресеньямъ они собирали своихъ товарищей по работѣ и читали

*) Богдановскій, Дейчъ, Засуличъ, Кравчинскій, Стефановичъ.
**) См. «Процессъ Пятидесяти».

имъ соціалистическія народныя брошюры. Встревоженные арестомъ нѣсколькихъ своихъ членовъ, весною 1875 г. пропагандисты разошлись по провинціямъ. Фигнеръ и Александрова играли главную роль въ промышленномъ селѣ Ивановѣ-Вознесенскомъ, Ольга Любатовичъ въ Одессѣ и Тулѣ, Хоржевская въ Кіевѣ, а Вѣра Любатовичъ въ Москвѣ, какъ членъ администраціи общества. Пропагандисты работали на фабрикахъ, знакомились съ крестьянами, говорили съ ними объ ихъ тяжеломъ положеніи, о низкой заработной платѣ, объ эксплуатаціи хозяевъ и невозможности улучшить свое положеніе. Затѣмъ развивались соціалистическіе идеалы, причемъ устная пропаганда подкрѣплялась революціонными брошюрами. Но результаты пропаганды были, кажется, не особенно велики. Здановичъ пишетъ по крайней мѣрѣ, 19 іюня 1875 г. изъ Москвы въ Иваново: «Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти; двое изъ членовъ не хотятъ оставаться въ Одессѣ... Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими и еще ни одной революціонной книги не читали. Мы думаемъ, что не мѣшало-бы туда переселиться Ольгѣ и Ванюшѣ, такъ какъ имъ въ Одессѣ нельзя оставаться... Надя ушла на работу... Если только почему-нибудь Ольгѣ нельзя будетъ ѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ васъ въ виду того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва; нужно только подталкиваніе...» Въ заключеніи говорилось: «Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте».

Въ другомъ письмѣ товарищей упрекаютъ въ неосторожности. Въ деньгахъ и книгахъ, кажется, не было недостатка. У Гамкрелидзе было найдено 8545 руб. и билетъ въ 1100 руб.; кромѣ того 300 запрещенныхъ книгъ; въ другомъ мѣстѣ было найдено 2450 запрещенныхъ брошюръ. Центральная организація въ Москвѣ, которая сдѣлалась необходимой, когда послѣ первыхъ арестовъ въ мартѣ 1875 г. члены кружка разошлись по провинціямъ, и въ которую члены вступали по очереди, должна была доставлять и хранить книги, деньги, адреса, фальшивые паспорта, вести шифрованную корреспонденцію, предупреждать объ опасностяхъ, сообщать объ арестахъ членовъ и поддерживать сношенія съ арестованными. Пропаганда и агитація должны были вестись одновременно; первая служила для выясненія взглядовъ относительно революціоннаго дѣла; вторая должна была побуждать отдѣльныхъ лицъ и кружки предпринимать прямую активную революціонную дѣятельность, путемъ-ли устройства рабочихъ кассъ и библіотекъ, или путемъ устройства кружковъ для терроризированія правительства и привиллегированныхъ классовъ. Эта московская организація была вполнѣ раскрыта правительствомъ въ августѣ 1875 г., и всѣ ея члены были арестованы.

Въ другихъ городахъ, особенно въ Петербургѣ, остатки разсѣянныхъ революціонныхъ группъ пытались вліять на городскихъ рабочихъ, которыхъ уже и лавристы намѣтили, какъ особенно подходящую среду для революціонной пропаганды. На самомъ дѣлѣ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ возникли тогда кружки рабочихъ съ соціалистическимъ цѣлями, съ самостоятельной организаціей кассъ и библіотекъ. Позднѣе, въ 1878 г. рабочій союзъ въ Одессѣ праздновалъ даже годовщину Парижской Коммуны, бывшимъ членамъ которой былъ посланъ адресъ. Распропагандированныхъ рабочихъ предполагалось тогда посылать въ качествѣ агитаторовъ въ деревню, гдѣ они могли дѣйствовать болѣе умѣло и менѣе замѣтно, чѣмъ студенты. Связующимъ органомъ для агитаторовъ и рабочихъ служила выходившая въ Женевѣ газета «Работникъ». Затѣмъ въ Петербургѣ во время похоронъ умершаго подъ слѣдствіемъ студента Чернышева 30 марта 1876 г. удалось устроить грандіозную демонстрацію. До тысячи человѣкъ провожало гробъ; передъ зданіемъ суда была отслужена панихида, а на могилѣ произнесены рѣчи. Эта демонстрація удалась не столько вслѣдствіе предварительной организаціи соціалистовъ, сколько вслѣдствіе полной неподготовленности полиціи. Поэтому вторая демонстрація, 6 дек. того же года передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ, совершенно не удалась*); правда, Плехановъ произнесъ рѣчь и даже было развернуто небольшое красное знамя съ надписью «Земля и Воля», но немногочисленные участники демонстраціи не успѣли даже пробиться въ порядкѣ до близлежащаго Невскаго проспекта**). Эта неудача зависѣла оттого, что демонстрація уже 2 раза откладывалась вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Тѣ которые не успѣвали узнать объ этомъ, приходили и, не заставая, почти никого на мѣстѣ, уходили обратно, наконецъ, рѣшено было демонстрировать 6-го декабря. Публики явилось мало. Многіе не пришли, не надѣясь, чтобы демонстрація, послѣ двухъ уже отмѣнившихся сроковъ, состоялась и въ этотъ разъ. Иниціаторы объявили, что при столь ограниченномъ количествѣ участниковъ, при которомъ дѣло не возымѣетъ должнаго значенія, считаютъ неудобнымъ демонстрировать; они стали расходится въ полной увѣренности, что публика послѣдуетъ ихъ примѣру. Между тѣмъ вышло иначе; люди, не готовившіеся прежде стать во главѣ предпріятія,

*) Община № 8 и 9; полемика Стефановича противъ Драгоманова. Лавровъ въ Jahrbuch für Socialwissenschaft 1879, стр. 279.

**) За эту демонстрацію 5 человѣкъ было приговорено къ 10-15 гг. каторжныхъ работъ и 10 къ ссылкѣ въ Сибирь. Какой жестокій и беззаконный приговоръ!

рѣшились взять его инициативу на себя. Такимъ образомъ демонстрація состоялась. *)

Послѣ этого произошли споры между различными революціонными группами, изъ которыхъ одни осуждали, другія оправдывали эту попытку. Это не помѣшало однако тому, что 24 февраля 1877 г., во время похоронъ студента Подлевскаго, снова состоялась небольшая, но удачная демонстрація. Толпа ворвалась въ часовню, овладѣла гробомъ, отстранила подоспѣвшую полицію, пропѣла «вѣчную память» передъ зданіемъ суда и донесла гробъ до кладбища.

Тѣмъ временемъ, хотя ужъ съ другими цѣлями и съ гораздо меньшимъ воодушевленіемъ, вновь произошло движеніе въ народъ **). Дѣятельность въ народѣ была затруднена теперь усиленной бдительностью полиціи, но больше всего тѣми серьезными требованіями, которыя ставились агитаторамъ. Вмѣсто того, чтобы вести попрежнему бродячую жизнь, они должны были теперь селиться въ опредѣленномъ мѣстѣ и приниматься за медленную и трудную работу созданія организацій въ народѣ, которыя могли-бы, когда настанетъ пора, объявить войну всему существующему порядку. Этотъ родъ агитаціи требовалъ большихъ личныхъ жертвъ, а между тѣмъ въ крестьянствѣ было мало такихъ элементовъ, на которые разсчитывали соціалисты. Съ самаго же начала агитація повелась вяло, и революціонныя поселенія скоро начали жить болѣе интересами города, чѣмъ своими собственными. Правда, они высмѣивали товарищей, которые хотѣли работать для народа, а жили въ городахъ, но сами дѣлали немногимъ больше, чѣмъ тѣ.

Не было однако недостатка въ попыткахъ устроить заговоры среди крестьянъ, съ цѣлью вызвать возстаніе. Наибольшую дѣятельность въ этомъ отношеніи выказала, повидимому, южная Россія. Вся кіевская группа бунтарей, около 25 человѣкъ, разселилась по различнымъ волостямъ; иногда, подъ видомъ мужа и жены, агитаторы снимали лавочку въ селѣ, или торговали иконами, или же держали трактиръ, причемъ хранили оружіе и порохъ; иной торговалъ лошадьми, чтобы въ случаѣ возстанія имѣть возможность доставить ихъ въ большомъ количествѣ. Дебагорій-Мокріевичъ, Фроленко, Дробязгинъ и др. отправились, напр., въ Каневскій уѣздъ, Кіевской губ. Крестьяне здѣсь были украйнофилами, мечтали о гайдамачинѣ и пѣли пѣсни Шевченко. Революціонеры принесли съ собой книги по ихъ вкусу и начали агитацію. Старики крестьяне

*) Мы замѣнили здѣсь текстъ Туна соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ статьи Стефановича, на которую онъ дѣлаетъ ссылку. Л. Ш.

**) Стефановичъ, «Злоба дня», стр. 3.

неожиданно предложили имъ такой вопросъ: Чего же вы собственно хотите? «Мы хотимъ побудить васъ къ возстанію!» — Мы готовы. Въ другихъ деревняхъ идетъ тоже самое, приходите на слѣдующей недѣлѣ! — Они такъ и сдѣлали. Въ назначенный день въ одной избѣ собралось больше 20-ти крестьянъ, которые стали обсуждать вопросъ, какъ имъ добыть свою землю. Они порѣшили организоваться въ группы и поручили присутствовавшимъ агитаторамъ доставить имъ ружья и револьверы. Затѣмъ было рѣшено устроить кассу и былъ выбранъ кассиръ *).

Въ другомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, въ Чигиринскомъ, наиболѣе талантливый организаторъ этого направленія, Яковъ Стефановичъ**), сумѣлъ, опираясь на мѣстныя неудовольствія создать среди крестьянъ боевую дружину, но опять таки только на полгода и притомъ прибѣгнувъ къ очень сомнительному средству. Эта попытка революціонной агитаціи, описанная имъ самимъ и его товарищами***)слишкомъ поучительна, чтобы не остановиться на ней подробнѣе.

Послѣ надѣленія крестьянъ землею, во многихъ волостяхъ Чигиринскаго уѣзда возникли неудовольствія между крестьянами, особенно усилившіяся вслѣдствіе споровъ изъ за формъ

---

*) Съ тѣмъ же Дебагоріемъ былъ такой случай. Получивъ извѣстіе, что правительство узнало объ его мѣстожительствѣ, онъ съ товарищами успѣлъ забрать всѣ компрометирующія вещи и бѣжать. Дорогой они остановились ночевать на постояломъ дворѣ со своими телѣгами. Но въ этомъ селѣ незадолго передъ тѣмъ было совершено крупное воровство; на нихъ почему то обратила вниманіе мѣстная полиція, и ихъ арестовали. Но и на этотъ разъ соціалистамъ удалось скрыть свои книги; присутствіе же у нихъ револьверовъ они объяснили тѣмъ, что ведутъ ими торговлю. Дебагорій былъ арестованъ въ Кіевѣ въ 1879 г., послѣ вооруженнаго сопротивленія, и былъ сосланъ въ Сибирь, но бѣжалъ черезъ полтора года.

**) Яковъ Стефановичъ — сынъ деревенскаго священника въ Малороссіи, съ которымъ онъ никогда не прерывалъ сношеній; это—организаторъ до мозга костей, прекрасный знатокъ людей и человѣкъ дѣла; онъ мало говорилъ и при обсужденіи теоретическихъ программъ обыкновенно засыпалъ. Въ 1873 г. онъ посѣщалъ Кіевскій университетъ, но долженъ былъ оставить его по политическимъ причинамъ. Его задушевнымъ другомъ и помощникомъ былъ Левъ Дейчъ; всѣ упоминаемые ниже документы были отпечатаны Бохановскимъ. (См. «Подпольную Россію» Кравчинскаго).

***) Черный Передѣлъ. № 1 и 2. — Павликъ въ Jahrbuch für Social.-wiss. und Soc.-pol. von Richter. Jahrgang I Haeft II. 1880, стр. 373.

землевладѣнія. Хозяева съ малыми семьями хотѣли сохранить прежнее подворное владѣніе; семьи съ большимъ количествомъ душъ стояли за введеніе великорусскаго общиннаго землевладѣнія и слѣдовательно за передѣлъ земли по душамъ. Подъ вліяніемъ различныхъ слуховъ они пошли еще дальше и требовали перехода къ крестьянамъ всей помѣщичьей земли. Ходоки, посланные къ царю отъ семи волостей, были схвачены и возвращены полиціей на родину; это только подтвердило мнѣніе крестьянъ, что чиновники обманываютъ царя. Среди нихъ ходилъ разсказъ, что царь поспорилъ съ министромъ, какую форму владѣнія предпочитаютъ крестьяне; они побились объ закладъ, причемъ царь стоялъ за общинное, а министръ за подворное владѣніе. Чтобы подтвердить правильность своего мнѣнія, министръ сталъ собирать свѣдѣнія, чего хотятъ крестьяне, но при этомъ приказалъ вести дѣло такъ, чтобы направить его въ пользу подворнаго землевладѣнія, потому что царь обѣщалъ ему всѣхъ крестьянъ, которые выскажутся за подворное владѣніе. Мы же, говорили крестьяне, хотѣли оставаться царскими, а не министерскими. Нѣкоторыя атмосферическія явленія еще болѣе утверждали въ крестьянахъ вѣру въ правотѣ своего дѣла. Когда затѣмъ они отказались еще отъ уплаты податей, то въ маѣ 1875 г. дѣло дошло до экзекуціи; кто не хотѣлъ принимать подворнаго владѣнія, того бросали на землю и сѣкли въ присутствіи губернатора, причемъ двое были засѣчены до смерти. Имущество крестьянъ было продано, чтобы покрыть недоимки. Въ январѣ 1876 г. бунтовавшая волость Шабельники была наказана военнымъ постоемъ и совершенно разорена; около ста крестьянъ были заключены въ тюрьму*), что однако не заставило ихъ принять подворное владѣніе. Не смотря на все это, крестьяне не теряли мужества и вѣрили слухамъ, что самъ царь къ нимъ пріѣдетъ.

Въ этотъ глухой протестъ Яковъ Стефановичъ внесъ теперь революціонный элементъ. Подъ видомъ херсонскаго крестьянина онъ сблизился съ нѣкоторыми изъ чигиринцевъ, сидѣвшихъ въ кіевской тюрьмѣ, а именно съ однимъ прежнимъ волостнымъ судьей, и предложилъ пойти ходокомъ съ прошеніемъ къ царю въ Петербургъ. Послѣ того какъ онъ съ большими трудностями преодолѣлъ ихъ недовѣріе, они согласились и отпустили его въ февралѣ 1876 г. съ безконечными благословеніями и молитвами. Онъ вернулся только въ ноябрѣ и принесъ съ собой два (конечно, подложныхъ) документа. Великолѣпно отпечатанный высочайшій указъ содержалъ въ

*) Въ Сквирѣ смотритель тюрьмы пользовался крестьянами, какъ рабочимъ скотомъ, запрягалъ ихъ въ плугъ и заставлялъ пахать.

себѣ приказъ крестьянамъ соединяться въ тайныя дружины, чтобы поднять возстаніе противъ дворянъ, чиновниковъ, поповъ и великихъ князей, которые съ 1861 года мѣшаютъ ему, царю, дать своимъ вѣрнымъ крестьянамъ, кромѣ свободы, еще и землю. Вторымъ документомъ былъ уставъ тайной дружины: члены его должны были поклясться въ вѣрности и вносить по 5 коп. ежемѣсячно; каждые 25 человѣкъ выбирали изъ своей среды старосту, а 20 старостъ — атамана, который уже вступалъ въ сношенія съ царскимъ коммиссаромъ. За этого коммиссара выдавалъ себя самъ Стефановичъ; ему поручено—какъ онъ увѣрялъ крестьянъ,—руководить дружиной и въ случаѣ смерти царя довести до конца освобожденіе крестьянъ.

Услышавъ все это, заключенные были чрезвычайно поражены; они никакъ не ожидали, что царь такъ безпомощенъ. Первою ихъ мыслью было подозрѣніе, не имѣютъ-ли они дѣла со шпіономъ. Лишь по немногу они дали убѣдить себя Стефановичу и подписали требуемую полиціей бумагу о томъ, что они принимаютъ подворное владѣніе (и то только потому, что отъ нихъ не требовали, чтобы они ставили крестъ возлѣ своихъ именъ, отъ чего они рѣшительно отказались). Послѣ этого, въ февралѣ 1877 г. они отправились на родину въ свои Шабельники. Ихъ единомышленники скоро узнали отъ нихъ, что вернувшійся изъ Петербурга ходокъ принесъ утѣшительныя извѣстія; тогда въ числѣ 300 человѣкъ, они собрались ночью въ степи и при свѣтѣ фонаря выслушали чтеніе царской грамоты и устава; тутъ же они принесли присягу въ вѣрности. Когда затѣмъ Стефановичъ пообѣщалъ пріѣхать самъ, то движеніе настолько оживилось, что тайное общество выросло до 600 ч., причемъ члены его надѣялись получить отъ царя землю и свободу. Въ концѣ апрѣля состоялось свиданіе царскаго комиссара съ двадцатью восемью старостами, изъ которыхъ нѣкоторые умѣли читать и писать; атаманомъ-же былъ выбранъ отставной унтеръ-офицеръ. Старосты вполнѣ понимали теперь смыслъ устава, и мысли ихъ были направлены главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе пикъ и другого оружія; они имѣли своихъ агентовъ въ волостномъ правленіи, чтобы имѣть свѣдѣнія о направленныхъ противъ нихъ доносахъ. Стефановичъ далъ имъ тысячу рублей, такъ какъ весной они находились въ страшной нуждѣ, но не отъ имени царя, чтобы не возбуждать въ нихъ надеждъ на него, а отъ имени сосѣдней тайной дружины. Въ заключеніе, по требованію старостъ, онъ принесъ торжественную ложную присягу.

Тайная дружина начала расширяться; къ ней были привлечены даже надежные подворники; движеніе сообщилось и другимъ деревнямъ; всего насчитывалось до тысячи участниковъ.

Чѣмъ больше становилось общество, тѣмъ сильнѣе грозила опасность измѣны. Въ маѣ уже начали носиться довольно опредѣленные слухи; списки членовъ попали въ руки полиціи; нѣкоторые крестьяне были арестованы, въ село явилась даже спеціальная комиссія съ генераломъ во главѣ. Но тайна не была выдана, и правительство подумало, что мѣстная полиція изъ мухи сдѣлала слона. Большую роль играли жены членовъ: онѣ знали тайну и также приносили присягу. Но ихъ постоянно упрекали въ болтливости, а попъ пустилъ даже въ ходъ водку и старался заручиться благорасположеніемъ молодыхъ бабъ, чтобы выманить у нихъ тайну. Нѣкоторые женщины оказались однако достойными всякаго уваженія; одна крестьянка, у которой хранился уставъ и списокъ членовъ, просидѣла полгода въ тюрьмѣ, но не выдала мѣстопребыванія своего мужа, хотя отъ этого погибло все ея хозяйство. Тайна была выдана въ концѣ концовъ мужчинами, одними изъ нихъ по недобросовѣстности, а другими въ пьяномъ видѣ. Атаманъ, человѣкъ, отличавшійся корыстолюбіемъ, утаилъ часть общественныхъ денегъ, а два посланныхъ, черезъ которыхъ Стефановичъ увѣдомлялъ объ этомъ старостъ, напились по дорогѣ и выдали одному солдату всю организацію, думая привлечь его къ дружинѣ. Въ августѣ было арестовано 900 членовъ, а 4-го іюня 1877 г. были арестованы Яковъ Стефановичъ со своими двумя ближайшими помощниками; но имъ впрочемъ вскорѣ удалось всѣмъ тремъ бѣжать изъ тюрьмы, такъ что передъ судомъ предстали только крестьяне, къ которымъ, какъ къ обманутымъ, судъ отнесся довольно мягко.

Говорятъ, что крестьяне были внѣ себя отъ ярости, когда передъ ними раскрылась мистификація «царскаго коммиссара»; особенно они были возмущены священной клятвой, которую онъ заставилъ ихъ принести, и ложной присягой, которую онъ самъ принесъ. Это средство очень характерно и живо напоминаетъ тѣ ложные манифесты и воззванія отъ имени царя, которые въ 1863 г. распространялись польскими эмиссарами; тутъ, какъ и тамъ, народъ мистифицируется, подобно тому, какъ въ Нечаевскомъ заговорѣ подвергались обману сами революціонеры. Характерно, кромѣ того, что Стефановичъ хорошо зналъ, что онъ дѣлалъ: только благодаря имени царя ему удалось побудить крестьянъ создать тайный союзъ; ему никогда не удалось бы это въ качествѣ агента соціалистическаго комитета. Редакція «Чернаго Передѣла» не находитъ ни одного слова порицанія за обманъ и ложную клятву; она находитъ только неходящимъ обращеніемъ къ царскому авторитету, извиняя это однако тѣмъ, что конечною цѣлью все таки было ослабленіе его. Но во всякомъ случаѣ эта организаторская попытка Стефановича представляетъ собою нѣчто совершенно исключительное и потому обратила на

себя вниманіе въ кругахъ агитаторовъ, хотя (насколько мнѣ извѣстно) не вызвала подражанія. Въ послѣднее время, въ кругахъ русскихъ революціонеровъ, пріемъ, употребленный Стефановичемъ, сталъ вызывать всеобщее осужденіе.

Такимъ образомъ, кіевская группа избрала ареной своихъ бунтарскихъ попытокъ берега Днѣпра; что касается петербургскихъ троглодитовъ (народниковъ) и ихъ товарищей, то они высылали своихъ эмиссаровъ на нижнюю Волгу и вообще на юго-востокъ, до Урала и Кавказа. Однимъ изъ выдающихся организаторовъ явился здѣсь Александръ Михайловъ*), который затѣмъ принадлежалъ къ первымъ руководителямъ террористическаго Исполнительнаго Комитета и былъ иниціаторомъ террористическихъ покушеній. Прослѣдимъ же его скитанія по Россіи, какъ онъ самъ описываетъ ихъ въ своей автобіографіи. Сначала онъ явился въ Кіевъ, гдѣ познакомился въ первой половинѣ 1876 г. съ радикалами всѣхъ трехъ направленій: съ пропагандистами, бунтарями и якобинцами. Тутъ въ то время больше говорили о теоріяхъ и вопросахъ личной морали, чѣмъ дѣйствовали. Нѣкоторыя личности «работали»,

*) Александръ Михайловъ, сынъ землемѣра, родился въ 1855 или 56 году въ Путивлѣ Курской губ. Онъ посѣщалъ тамъ гимназію и уже рано выказалъ свои организаторскія способности. Сначала онъ началъ издавать гимназическую газету, первый номеръ которой вышелъ рукописнымъ; затѣмъ организовалъ кружокъ самообразованія, а затѣмъ тайную гимназическую библіотеку. Въ седьмомъ классѣ онъ устраивалъ протесты противъ «идіотовъ» учителей, а также организовалъ общество, которое должно было распространять популярныя брошюры среди народа, на что имъ и было израсходовано нѣсколько сотъ рублей; это общество намѣревалось также поддерживать деньгами пропагандистовъ; но ему однако не удалось осуществить это намѣреніе. Впрочемъ о пропагандистахъ гимназисты имѣли представленіе, какъ о заграничной партіи. Въ восьмомъ классѣ гимназисты читали присылаемыя изъ Москвы запрещенныя книги; а такъ какъ за этимъ занятіемъ А. М. забросилъ свою латынь, то ему пришлось перейти въ реальное училище другого города. Наконецъ, осенью 1875 г. онъ поступилъ въ технологическій институтъ въ Петербургѣ, послѣ чего сейчасъ же приступилъ къ организаціи общества самообразованія и помощи пропагандистамъ; при содѣйствіи другихъ лицъ ему удалось устроить студенческій союзъ съ кассой и развѣтвленіями въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но уже черезъ 3 съ половиною мѣсяца А. М. былъ высланъ на родину, потому что не явился на репетиціи; тогда началась его одиссея по Россіи (зима 1875-1876). — *На родинѣ* № 3, стр. 1-51.

но они держались вдали отъ малознакомыхъ людей. Въ Кіевѣ онъ познакомился, правда, съ Стефановичемъ и его товарищами,—хранилъ ихъ складъ револьверовъ и сѣделъ въ своей комнатѣ, но въ ихъ замыслы онъ не былъ посвященъ. Они понравились ему больше всего, но, по его мнѣнію, они слишкомъ вдавались въ крайности. Михайловъ не нашелъ въ Кіевѣ энергической дѣятельности и солидной организаціи; тамъ были только генералы и адъютанты, но не было солдатъ, и онъ не могъ осуществить своего желанія создать крѣпкую, охватывающую всю Россію, организацію. Лѣтомъ 1876 года онъ снова вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ «коммунъ», гдѣ собиралось нѣсколько дюжинъ студентовъ въ одной комнатѣ, познакомился съ членами возникшаго тогда общества троглодитовъ (впослѣдствіи «Земли и Воли») и вступилъ въ него. Немедленно же послѣ того онъ и Оболешинъ начали борьбу противъ «широкой русской натуры», противъ неосторожности и недостатка энергіи; онъ требовалъ большей дисциплины и извѣстной централизаціи, о которыхъ тогда не смѣли говорить, не рискуя подвергнуться обвиненію въ якобинствѣ, генеральствѣ и диктаторствѣ. Только постепенно сама практика дала перевѣсъ его требованіямъ.

Весною 1877 г. все общество народниковъ, подкрѣпленное нѣсколькими десятками единомышленниковъ, двинулось въ народъ. Съ нижней Волги до Урала былъ устроенъ рядъ поселеній. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ свой «центръ» для мѣстной группы; астраханская и саратовская группа вошли въ прямыя сношенія съ группой области войска Донского. Надъ всѣми же ими стояло центральное общество въ Петербургѣ, которое завѣдовало дѣлами всей партіи. Важнымъ центромъ былъ Саратовъ; туда прибылъ Михайловъ, Ольга Натансонъ и еще нѣсколько лицъ изъ центральной группы, а также съ десятокъ лицъ изъ другихъ мѣстъ. Въ ихъ распоряженіи было болѣе 5000 руб. ежегоднаго дохода; но прошло довольно много времени, прежде чѣмъ эти разнородные элементы слились въ объединенную группу. Одни изъ ея членовъ устраивали кузницы, другіе поселялись въ качествѣ лавочниковъ, третьи занимали мѣста волостныхъ писарей. Михайловъ поселился у одного сектанта-безпоповца, занялся изученіемъ священнаго писанія и очень сложныхъ сектантскихъ обрядовъ, и даже участвовалъ въ одномъ публичномъ диспутѣ съ православнымъ священникомъ. Онъ намѣревался войти въ среду сектантовъ въ качествѣ ихъ учителя; ибо большинство революціонеровъ держалось того мнѣнія, что сектанты—отличный матеріалъ для ихъ цѣлей, такъ какъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій они находятся въ сильнѣйшей оппозиціи къ правительству. Но обстоятельства сложились иначе. Уже въ концѣ

1877 г. саратовское поселеніе пострадало отъ полицейскихъ преслѣдованій; до лѣта 1879 г. тамъ держалась однако мѣстная группа, которая при нѣкоторой поддержкѣ коренной группы могла бы сдѣлать многое. Но въ Петербургѣ обстоятельства были далеко не блестящи; организація расширялась медленно, притокъ денежныхъ средствъ замедлился, такъ что саратовской группѣ приходилось прямо-таки голодать. Кромѣ того петербургскія событія начала 1878 г. возбудили надежду на близкое наступленіе революціи. Вслѣдствіе этого Михайловъ въ апрѣлѣ отправился туда и съ этихъ поръ, задержанный бурнымъ ходомъ событій, сначала только фактически, а потомъ и принципіально оставилъ «работу» въ народѣ и принялъ на себя, послѣ ареста Натансона, руководящую роль въ обществѣ «Земли и Воли».

Въ общемъ, не было недостатка въ попыткахъ устройства заговоровъ и бунтовъ; но нельзя указать на сколько-нибудь прочные результаты. Кромѣ того, говорятъ, что когда наступали народныя волненія, то обыкновенно не хватало агитаторовъ. Не было также недостатка и въ мѣстныхъ безпорядкахъ, при которыхъ агитаторы могли бы найти поводъ внести соціалистическій даже революціонный элементъ въ пассивное сопротивленіе. Я не буду говорить здѣсь ни о многочисленныхъ стачкахъ фабричныхъ рабочихъ въ Серпуховѣ, въ селѣ Тейковѣ Костромской губ., въ Петербургѣ, въ Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, ни о волненіяхъ среди казаковъ на Кубани, Уралѣ и Дону; здѣсь не мѣсто приводить всѣ тѣ случаи, въ которыхъ крестьяне оказывали пассивное сопротивленіе; я приведу здѣсь только сообщеніе «Общины» (№ 2) изъ Красноуфимска Перм. губ. объ одной экономически-религіозной сектѣ, какъ примѣръ такого народнаго движенія, которое не было, повидимому, использовано революціонерами.

Въ указанной мѣстности Урала горнорабочіе во времена крѣпостного права, послѣ десятилѣтней работы, получали въ безвозмездное пользованіе дворъ и земельный надѣлъ, а послѣ пятнадцатилѣтней—пенсію. При освобожденіи имъ было предложено на выборъ или работать на прежнихъ условіяхъ, или же взять немедленно землю и платить за нее выкупъ въ теченіи 49 лѣтъ. Понятно, что крестьяне стояли за первое предложеніе, а предприниматели за второе. Исполнено было желаніе предпринимателей; крестьяне были надѣлены землей на условіяхъ выкупа.

Крестьяне протестовали противъ этого и рѣшили совсѣмъ больше не платить податей. Дѣло дошло до экзекуціи, до порки крестьянъ, при чемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сослали затѣмъ на каторжныя работы въ золотыхъ рудникахъ. Когда и это не помогло, то десять крестьянъ зимой были заперты въ нетопленной тюрьмѣ, гдѣ двое умерли, а одинъ сошелъ съ ума.

Чтобы сломить ихъ сопротивленіе, у нихъ отняли прежнее изданіе законовъ и дали имъ такъ называемое анисимовское. Такъ какъ оно было напечатано мелкими буквами, а извѣстное мѣсто было въ немъ пропущено, то крестьяне считали его подложнымъ и съ этихъ поръ перестали вѣрить какому бы то ни было закону. Этотъ протестъ привелъ къ образованію религіозной секты. Поводъ къ этому дало само духовенство, которое по приказанію начальства хотѣло доказать справедливость требованій помѣщиковъ на основаніи евангелія. Тогда крестьяне отказались и отъ церкви, потому что попы были на сторонѣ чиновниковъ. На этой подкупности церкви и была основана главная догма сектантовъ о скоромъ концѣ свѣта. Признакомъ этого служили для нихъ, между прочимъ, новые кредитные билеты, на обратной сторонѣ которыхъ были портреты старыхъ русскихъ государей; этимъ, утверждали они, исполняется предсказаніе Апокалипсиса о воскресеніи мертвыхъ. Умершіе цари, говорили они, ходятъ по рукамъ людей и господствуютъ надъ ними въ видѣ денегъ, какъ живой царь. Концомъ свѣта, впрочемъ, они считали не гибель его, а уничтоженіе существующаго порядка и замѣну его другимъ, гдѣ все будетъ хорошо, гдѣ не будетъ ни помѣщиковъ, ни крестьянъ. На Уралѣ существуетъ много подобныхъ экономически-религіозныхъ сектъ, которыя не хотятъ платить податей и выставлять рекрутъ, и въ другомъ мѣстѣ*), я описалъ одну изъ такихъ сектъ.

Если не говорить, такъ об., о двухъ демонстраціяхъ въ городахъ и о попыткахъ заговоровъ въ деревняхъ, то въ революціонномъ движеніи замѣчалось, вообще говоря, въ это время нѣкоторое затишье. Причиной его являются двѣ тѣсно связанныя одна съ другой причины: война и аресты революціонеровъ. Воинственное настроеніе 1876-1878 годовъ направило мысль молодежи въ другую область, ея жажда дѣятельности нашла для себя болѣе доступную цѣль. Многіе соціалисты съ воодушевленіемъ пошли на борьбу за своихъ славянскихъ братьевъ въ Сербіи и Болгаріи; они надѣялись доказать имъ, что не только царь и славянофилы способны приносить для нихъ жертвы. Другіе надѣялись, что война воспитаетъ организаторовъ для революціоннаго дѣла. Большинство соціалистовъ, впрочемъ, высказалось противъ войны и не хотѣло отвлекать общаго вниманія отъ внутреннихъ неурядицъ. Но громъ событій заглушалъ ихъ голоса. Не менѣе войны ослабленію движенія способствовало то обстоятельство, что многочисленные аресты разстроили существующія организаціи и лишили ихъ вождей; во время же войны притокъ новыхъ силъ пріостановился и новыя организаціи не создавались. Я

*) «Meine Landwirtschaft und Gewerbe in Mittel-Russland».

уже говорилъ, что около 400 человѣкъ были преданы суду за соціалистическую пропаганду; число же всѣхъ арестованныхъ и подвергнувшихся административнымъ карамъ было гораздо больше. Возникшему въ 1876 году обществу «троглодитовъ» необходимо было время, чтобы развить свою дѣятельность въ полномъ размѣрѣ. Правда, въ то время семеро его членовъ уже занимали мѣста волостныхъ писарей, трое были сельскими фельдшерицами, и еще нѣсколько народными учителями въ Саратовской, Самарской и Тамбовской губерніяхъ; кромѣ того его связи съ высшими земскими сферами давали ему возможность доставать сколько угодно подобныхъ-же мѣстъ въ будущемъ.

Наконецъ, не надо забывать, что цѣлый рядъ соціалистовъ былъ занятъ тогда доставкой денегъ, одежды и книгъ своимъ томящимся по тюрьмамъ товарищамъ или устройствомъ для нихъ побѣговъ. Эти побѣги не всегда удавались; такъ не удалось бѣжать изъ Дома Предварительнаго Заключенія Ковалику и Войнаральскому, двумъ выдающимся организаторамъ пропагандистскаго движенія, хотя они уже начали спускаться изъ окна тюрьмы на связанныхъ одна съ другою простыняхъ*). Напротивъ, Дм. Клеменсъ съ неслыханной смѣлостью освободилъ изъ административной ссылки нѣкоего Тельсіева; онъ явился въ Петрозаводскъ подъ видомъ инженера Штурма, посланнаго будто бы въ Финляндію для геологическихъ изслѣдованій, очаровалъ всѣхъ своею любезностью и въ концѣ концовъ увезъ съ собой ссыльнаго. Даже спустя годъ послѣ того петрозаводскій исправникъ справлялся у одного проѣзжаго объ инженерѣ Штурмѣ: «Онъ славный человѣкъ! и обѣщалъ заѣхать къ намъ на обратномъ пути!»

Удаченъ также былъ побѣгъ П. А. Кропоткина изъ петербургской тюрьмы 20 іюня 1876 г. Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ былъ переведенъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія въ Николаевскій военный госпиталь, гдѣ содержался на положеніи арестанта. Во время своихъ прогулокъ по двору, подъ конвоемъ двухъ часовыхъ, онъ замѣтилъ, что главныя ворота оставались открытыми настежь, такъ какъ госпиталь запасался на зиму топливомъ, и во дворъ ежедневно въѣзжали возы съ дровами. На этомъ Кропоткинъ построилъ планъ своего бѣгства. Къ воротамъ должна была подъѣхать дама въ пролеткѣ и войти въ госпиталь, а лошадь съ кучеромъ ожидать ее на улицѣ. Самое трудное заключалось въ томъ, чтобы выбрать удобный моментъ, такъ какъ узкіе улицы, около госпиталя, могли всякую минуту быть загромождены возами дровъ. Для этого на протяженіи всего пути,

*) Это бѣгство было случайно замѣчено проѣзжавшимъ на извощикѣ инженеръ-технологомъ, который поднялъ тревогу.

по которому долженъ былъ скакать бѣглецъ, были разставлены сторожа, подававшіе другъ другу сигналы. Послѣдній же сигнальщикъ долженъ былъ пустить красный шаръ, когда наступитъ благопріятный моментъ. Но игрѣ случая было угодно, что, революціонеры во всемъ Петербургѣ не нашли въ этотъ день краснаго шара. Былъ сфабрикованъ самодѣльный шаръ, но онъ не поднялся достаточно высоко. Такимъ образомъ, первая попытка побѣга не удалась. Въ слѣдующій разъ знакъ долженъ былъ быть поданъ игрою на скрипкѣ. Въ назначенный день Кропоткинъ вышелъ на дворъ. Скрипка заиграла, но въ эту минуту часовой стоялъ слишкомъ близко. Кропоткинъ прошелся еще разъ взадъ и впередъ по назначенной ему для прогулки тропинкѣ и когда подходилъ къ концу ближайшему отъ воротъ, музыка замолкла; тяжелый возъ дровъ въѣхалъ черезъ нѣсколько времени во дворъ. Вскорѣ послѣ этого снова заиграла скрипка; Кропоткинъ посмотрѣлъ на солдата; тотъ отвернулся въ другую сторону; Кропоткинъ рѣшился: «Теперь или никогда»! Тремя заранѣе заученными жестами онъ скинулъ съ себя длинный больничный халатъ и стрѣлой бросился къ воротамъ; здѣсь онъ вскочилъ въ экипажъ, на которомъ сидѣлъ товарищъ въ военной фуражкѣ*). Послѣдній быстро накинулъ ему на плечи изящное пальто, а на голову цилиндръ, въ то время какъ лошадь уже неслась вдоль улицы. Погоня оказалось невозможной, потому что у преслѣдователей не было подъ рукою лошадей; всѣ извощики въ окрестности были заранѣе взяты революціонерами.

Еще болѣе богато приключеніями было бѣгство Якова Стефановича и его друзей, Дейча и Боханов скаго, изъ кіевской тюрьмы въ маѣ 1878 г. Здѣсь одинъ изъ революціонеровъ (Фроленко) нанялся подъ вымышленнымъ именемъ Михайла въ тюремные служители и въ короткое время сумѣлъ изъ дровосѣка сдѣлаться надзирателемъ сначала въ корридорѣ уголовныхъ, а затѣмъ и у политическихъ заключенныхъ. Времени терять нельзя было, такъ какъ Михайла могъ быть узнанъ его многочисленными прежними товарищами, теперь арестованными, и выданъ по какой нибудь неосторожности. Всего проще было выйти изъ тюрьмы, переодѣвшись часовыми. Михайло досталъ для двухъ солдатскіе костюмы, но двое другихъ должны были итти въ чемъ были. Насталъ назначенный день; приближалась полночь. Но тутъ оказалось препятствіе: дежурный сторожъ, обязанный не спать всю ночь, пришелъ какъ разъ въ тотъ корридоръ и не думалъ его оставлять. Стефановичъ будто случайно уронилъ за окно книгу, которая разлетѣлась по листочкамъ, и Михайла приказалъ сторожу подобрать книгу и передать ее смотрителю. Теперь

*) Докторъ Веймаръ, умершій на Карѣ въ 1885 г.

бѣглецы потихонько пробрались въ корридоръ, но такъ какъ тамъ было совершенно темно, то одинъ изъ нихъ споткнулся и инстинктивно, чтобы не упасть, схватился за веревку отъ сигнальнаго звонка; тогда вдругъ раздался громкій звонъ на всю тюрьму, стража обезпокоилась и начала сбѣгаться; все казалось было потеряно; Михайла сохранилъ однако хладнокровіе; онъ бросился въ караульню и объяснилъ, что это онъ самъ нечаянно зазвонилъ. Опять все успокоилось; Михайла съ трудомъ собралъ запрятавшихся по угламъ товарищей, и они направились прямо къ воротамъ. Привратникъ на крикъ Михайлы подалъ ключи; караульный не обратилъ никакого вниманія на странное шествіе; скоро всѣ они были на свободѣ, и тамъ какъ бы выросъ изъ земли передъ ними ихъ товарищъ Валеріанъ Осинскій, протягивая имъ руки. Цѣлую недѣлю они скрывались въ челнокѣ на Днѣпрѣ, который гнали внизъ по рѣкѣ до Кременчуга, гдѣ получили отъ Осинскаго деньги и паспорта. Въ тюрьмѣ только поздно утромъ замѣтили ихъ бѣгство, а Михайло сумѣлъ внушить такое довѣріе смотрителю, что тотъ долгое время думалъ, что онъ убитъ бѣглецами. Въ сентябрѣ 1881 г. Стефановичъ однако снова вернулся въ Россію, гдѣ въ февралѣ слѣдующаго года былъ арестованъ въ Москвѣ и по крупному процессу 17-ти (апрѣль 1883) былъ приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ.

Между тѣмъ съ іюля 1874 (процессъ Долгушина съ товарищами) тянулся цѣлый рядъ политическихъ процессовъ, направленныхъ противъ арестованныхъ пропагандистовъ*), пока наконецъ въ февралѣ и мартѣ 1877 г. и съ октября 1877 г. по январь 1878 г. въ Петербургѣ не разыгрались два большихъ процесса, Пятидесяти и 193-хъ. Революціонеры, не имѣвшіе до сихъ поръ возможности высказать свои взгляды и цѣли, ни въ прессѣ, ни въ общественныхъ собраніяхъ надѣялись обратить скамью подсудимыхъ въ трибуну и пытались въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ выяснить бѣдственное положеніе народа, неудачу всѣхъ реформъ, невозможность легальной агитаціи и неизбѣжность для нихъ выступленія на революціонный путь, чтобы достигнуть побѣды соціализма. Общество

*) Въ 6 большихъ процессахъ участвовало 298 подсудимыхъ, въ 10 мелкихъ—20; всего 318. Сюда надо прибавить до 80 соціалистовъ, имена которыхъ были извѣстны правительству, но которые остались не разысканными и, наконецъ, еще 20 человѣкъ, умершихъ или въ тюрьмѣ, или на свободѣ. Въ общемъ передъ судомъ должно было предстать до 400 человѣкъ, среди которыхъ были рабочіе, крестьяне и солдаты. Къ этому надо присоединить еще арестованныхъ административнымъ путемъ, отданныхъ подъ полицейскій надзоръ и отправленныхъ въ ссылку (Набатъ 1878).

было изумлено. До сихъ поръ оно мало знало о соціализмѣ да и мало интересовалось имъ. И вотъ оно слышитъ спокойныя слова Здановича, воодушевленную рѣчь Бардиной и страстныя обвиненія крестьянина Петра Алексѣева: общество смотрѣло съ негодованіемъ на попытки правительства ограничить публичность судебныхъ преній, а изъ рѣчей подсудимыхъ оно почувствовало, что народилась новая сила. Уже въ процессѣ Пятидесяти дѣло дошло до скандала въ залѣ суда, и предсѣдатель долженъ былъ приказать жандармамъ вывести двухъ послѣднихъ ораторовъ. Еще оживленнѣе были судебныя пренія при процессѣ 193-хъ. Они начались съ того, что нѣкоторые изъ обвиняемыхъ отрицали вообще компетенцію суда; другіе, именно Мышкинъ, протестовалъ противъ отсутствія гласности, такъ какъ въ залѣ суда находилось лишь нѣсколько родственниковъ и не было представителей прессы, причемъ даже первыя временами были удаляемы. Рѣчь Мышкина вызвала восторгъ среди всѣхъ сочувствующихъ и прославляласъ, какъ геройскій поступокъ. Послѣ того, какъ его нѣсколько разъ прерывалъ предсѣдатель, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Это не судъ, это пустая комедія, болѣе позорная, чѣмъ публичный домъ. Тамъ женщины изъ нужды торгуютъ своимъ тѣломъ; здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества!» За этими словами послѣдовалъ оглушительный шумъ и свалка между обвиняемыми и жандармами; нѣсколько женщинъ упало въ обморокъ и публика была удалена силою. Послѣ этой сцены обвиняемые окончательно отказались принимать участіе въ процессѣ; но эти событія сдѣлались извѣстны публикѣ и пріобрѣли много симпатій соціалистамъ. 23 января 1878 г. приговоръ суда былъ представленъ на утвержденіе государю. Число всѣхъ лицъ, привлеченныхъ такъ или иначе къ этому процессу, включая и свидѣтелей, равнялось 3800, число обвиняемыхъ—770; число представшихъ передъ судомъ въ Петербургѣ — 193*). Изъ этихъ 193 лицъ, 94 были оправданы, а остальные были приговорены судомъ къ сравнительно слабому наказанію. Однако 36 человѣкъ должны были пойти въ Сибирь на поселеніе или житье, а Мышкинъ былъ приговоренъ къ десяти годамъ каторжныхъ работъ. Впродолженіи четырехлѣтняго предварительнаго заключенія въ тюрьмахъ умерло до 70 человѣкъ. Будущій цареубійца Кибальчичъ, случайно давшій своему знакомому крестьянину запрещенную книгу и просидѣв-

*) По процессу южно-русскаго рабочаго союза въ Одессѣ (іюнь 1877) было арестовано 60 ч., изъ нихъ 15 были преданы суду.

шій 3 года въ предварительномъ заключеніи, отдѣлался 2 мѣсяцами тюрьмы. Но первоначальный приговоръ суда не былъ утвержденъ царемъ; это произошло подъ вліяніемъ уже начавшихся тогда вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ, а также выстрѣла Вѣры Засуличъ въ Трепова. По окончательному приговору уже 13 человѣкъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Оправданныя по суду лица также не воспользовались своей свободой; они вскорѣ послѣ освобожденія были снова арестованы и разосланы административнымъ порядкомъ. Многіе другіе лица также, хотя и не были преданы суду, подверглись административной расправѣ III отдѣленія. Такимъ образомъ уже въ этой первой стадіи преслѣдованія соціалистовъ законныя формы не соблюдались, и лица, только подозрѣвавшіяся, наказывались по произволу полиціи. Съ самаго начала господствовала возмутительная административная необузданность.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ V

Революціонное Народничество.

«Вмѣсто космополитическаго соціализма движеніе ставило теперь своею цѣлью осуществленіе назрѣвшихъ народныхъ желаній» — такъ опредѣляетъ Тунъ общій характеръ разсматриваемаго въ этой главѣ періода, причемъ прибавляетъ, что для революціонеровъ, интересовавшихся теоретическою стороною дѣла, «конечной цѣлью оставался попрежнему анархизмъ», но только «онъ потерялъ теперь свою интернаціональную безцвѣтность и принялъ болѣе опредѣленную русскую окраску».

Эта общая характеристика можетъ быть признана вѣрной; но она нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Главное ея достоинство заключается въ томъ, что авторъ говоритъ въ ней объ измѣнившихся *практическихъ цѣляхъ* революціоннаго движенія, при сохраненіи имъ своихъ прежнихъ соціалистическихъ идеаловъ. Такова была дѣйствительно сущность происшедшей перемѣны. По своимъ основнымъ стремленіямъ и по своему составу движеніе осталось такимъ-же, какимъ оно было раньше, — и какимъ оно остается въ сущ-

ности по сіе время въ той своей части, которая вербуется изъ рядовъ революціонной интеллигенціи. Но оно измѣнилось или, лучше сказать, болѣе опредѣлилось въ своей практической программѣ.

То, что Тунъ называетъ «космополитизмомъ» движенія начала 70-хъ годовъ, объясняется его малымъ знакомствомъ съ условіями русской жизни. «Скомпанованный на три четверти по западнымъ образцамъ, незнакомый съ деталями крестьянской жизни и ея ежедневной борьбы, русскій соціализмъ поневолѣ былъ абстрактенъ, говорилъ народу о его бѣдахъ и несчастіяхъ слишкомъ общими формулами и часто проходилъ мимо злобы дня, представлявшей собою превосходнѣйшую иллюстрацію общихъ положеній».*) Вся практическая часть революціонной программы начала 70-хъ годовъ сводилась, въ сущности, къ одному общему положенію принципіальнаго характера, указывавшему на необходимость непосредственнаго обращенія къ народнымъ массамъ. Теперь это общее положеніе стало выливаться въ болѣе конкретныя формы, опредѣлявшіяся, разумѣется, условіями русской жизни. Здѣсь сразу-же обозначились два главныхъ направленія, между которыми шла борьба на тѣхъ петербургскихъ сходкахъ, о которыхъ упоминаетъ Тунъ. Одно изъ этихъ направленій называлось тогда «марксизмомъ», а другое «народничествомъ».**)

«Марксисты», къ которымъ принадлежали тогда всѣ петербургскіе лавристы, настаивали на сохраненіи своей прежней программы, т. е. на «пропагандѣ соціалистическихъ идей словомъ»; но при этомъ они уже всецѣло отрицали существованіе почвы для такой пропаганды въ крестьянствѣ и рѣшили сосредоточить всю свою дѣятельность въ городскихъ центрахъ, среди городскихъ рабочихъ***). Вотъ почему ихъ программа характеризовалась тогда также формулой: «рабочій

*) «Община» № 1 (январь 1878 г.); передовая статья.

**) Эти термины и нѣкоторыя другія фактическія данныя мы заимствуемъ изъ неизданныхъ «Воспоминаній землевольца», — одного изъ видныхъ дѣятелей этого періода.

***) Становясь на эту точку зрѣнія, характеризующую русскихъ марксистовъ, «лавристы» въ сущности разрывали свою духовную связь съ ихъ прежнимъ учителемъ, такъ какъ Лавровъ неизмѣнно оставался сторонникомъ соціалистической пропаганды въ деревнѣ: въ 1876 г., въ своихъ руководящихъ статьяхъ въ газетѣ «Впередъ» (№№ 27 и 28), онъ утверждалъ, что русская земельная община, при извѣстныхъ условіяхъ, также можетъ стать исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія и облегчить созданному капитализмомъ индустріальному пролетаріату дѣло соціалистическаго преобразованія общества.

соціализмъ». Они устраивали кружки рабочихъ въ теченіи 76, 77 и первой половины 78 г., и ревностно занимались въ нихъ пропагандой соціалистическихъ идей. Но пропаганда эта носила исключительно *мирный* характеръ; они противились даже устройству стачекъ на петербургскихъ фабрикахъ и отнеслись съ крайней враждебностью къ казанской демонстраціи 6-го декаб. 1876 г. Ихъ программа была основана на томъ пониманіи историческаго процесса, которое они извлекли изъ изученія Маркса, и мы видимъ, что нѣкоторыя характерныя особенности позднѣйшаго русскаго марксизма намѣчались уже и тогда въ ихъ программѣ: во первыхъ, они признавали, что только городская промышленность создавала почву для соціалистической пропаганды, а во вторыхъ, придавая преувеличенное значеніе самопроизвольному процессу экономическаго развитія, они были склонны уменьшать значеніе личной иниціативы и агитаціоннаго элемента въ революціонномъ движеніи.

Въ обоихъ этихъ пунктахъ «народники» рѣзко расходились съ «марксистами».

Народники далеки были, конечно, отъ того, чтобы отрицать значеніе революціонной пропаганды среди городскихъ рабочихъ; напротивъ того, они дѣятельно повели эту пропаганду въ Петербургѣ, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что въ петербургской рабочей средѣ, благодаря пропагандѣ 1872—74 гг. уже было довольно много революціонеровъ.*) Но главную опору для соціалистическаго движенія въ Россіи они попрежнему видѣли въ крестьянскихъ массахъ. Вотъ почему, послѣ возникновенія въ Петербургѣ организаціи «Земли и Воли», большинство членовъ этой организаціи разъѣхалось по деревнямъ, но на этотъ разъ уже съ болѣе опредѣленной практической программой.

Голая, теоретическая проповѣдь соціализма казалась тогда уже недостаточной; всѣми сознавалась необходимость выйти изъ области чистой теоріи соціализма и связать революціонное движеніе съ непосредственными интересами крестьянской жизни. Возможность такого сближенія теоріи съ практикой на почвѣ сознанныхъ потребностей трудового крестьянства не подлежала тогда сомнѣнію; основою для него служило въ глазахъ народниковъ прежде всего отношеніе крестьянъ къ землѣ, сохранившіяся въ нихъ общинныя понятія и привычки. Но при этомъ крестьянство вовсе не идеализировалось народниками этого періода; они прямо признавали, что «пропаганда соціалистическихъ идей въ полномъ ихъ объемѣ не можетъ, при настоящемъ экономическомъ, умственномъ и нравственномъ уровнѣ народа, разсчитывать на успѣхъ»;**) но они

*) См. воспоминанія Г. Плеханова въ «Соц.-демократѣ», № 3.
**) «Воспоминанія землевольца».

видѣли въ самомъ положеніи трудового крестьянства и въ его глубоко-вкоренившихся взлядахъ на землевладѣніе всѣ необходимыя условія для широкаго массового движенія.*) Этому движенію они хотѣли придать возможно болѣе сознательную организованную форму; они хотѣли присоединить къ стихійнымъ условіямъ крестьянской жизни свою революціонную инціативу, внести въ эту жизнь элементы революціонной агитаціи. Съ этою цѣлью рѣшено было устраивать въ извѣстныхъ районахъ прочныя революціонныя поселенія, состоявшія изъ небольшихъ группъ революціонеровъ. Эти поселенія должны были, во первыхъ, создавать въ избранныхъ ими мѣстахъ организованныя группы крестьянъ съ ясной критикой суще-

*) Насколько осмотрительно должно относиться къ ходячимъ понятіямъ объ идеализаціи народниками крестьянства и общины, показываетъ хотя бы слѣд. мѣсто изъ внутренняго обозрѣнія журнала «Община» (№ 1, стр. 24-25):

«Община, община!... Кто только не прикрываетъ свои фискальные, централистическіе и самые разнообразные виды общиной, общиннымъ строемъ?... У всѣхъ это слово на языкѣ, всѣ говорятъ объ ней: одни вооружаются всѣми силами противъ нея, другіе готовы прійти въ восторгъ отъ одной формы, отъ одной внѣшности съ слабымъ слѣдомъ общинности, хотя бы она единственно выражалась въ безропотномъ отбываніи всѣхъ нуждъ русскаго деспотизма».

«Мы не будемъ теперь вдаваться въ подробности, а укажемъ только на то, что, при современныхъ экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ, при нашей податной системѣ, община превратилась въ чисто административное учрежденіе, къ которому вся государственная жизнь съ своими затѣями освобожденія, и внутренняго, и внѣшняго, является только въ формѣ требованій: «подавай людей, подавай деньги! хоть съ голоду умирай, а подавай деньги! подавай ихъ и за тѣхъ людей, которые взяты мною отъ тебя въ солдаты! (Сельскія общества обязаны отбывать всѣ подати и повинности за своихъ членовъ, взятыхъ въ солдаты.) Мудрено ли, что при поголовномъ обнищаніи русскаго народа, при громадномъ перевѣсѣ податныхъ платежей надъ доходностью земли, общинная солидарность, круговая порука превратилась въ дьявольское наваждение, отъ котораго, какъ отъ чумы, бѣжитъ нашъ крестьянинъ? Когда всѣ силы ума и организма приходится напрягать для добыванія денегъ на уплату податей, взыскивать которыя является община съ ея круговой порукой, мужикъ кромѣ враждебности къ этой порукѣ, къ этому обществу ничего не чувствуетъ. Тутъ по неволѣ забудешь все хорошее въ общинѣ, тѣмъ болѣе, что это хорошее уходитъ на нужды всего, чего хотите, но только не на самаго производителя».

ствующаго, которыя готовы были-бы въ благопріятный моментъ руководить крестьянскимъ движеніемъ; а во вторыхъ, путемъ мѣстной агитаціи, вызывать духъ протеста и вырабатывать способность активнаго отношенія къ окружающему.

Чтобы дать читателю болѣе полное представленіе о теоретическихъ взглядахъ революціоннаго народничества второй половины 70-хъ годовъ, мы приведемъ двѣ очень характерныя выдержки, относящіяся къ тому времени: одну изъ статьи Я. Стефановича «Наши задачи въ селѣ» («Община» № 8-9; ноябрь—декабрь 1878 г.*), а другую изъ статьи, помѣщенной въ № 2 органа землевольцевъ («Письма чистосердечнаго россіянина», въ газетѣ «Земля и Воля», отъ 15 декабря 1878 г.)

Выдержка изъ статьи Стефановича. «...Соціализмъ есть, главнымъ образомъ, ученіе извѣстныхъ экономическихъ отношеній, къ этой-то сферѣ народной жизни, къ сферѣ экономическихъ формъ его быта и слѣдуетъ обратиться за рѣшеніемъ вопроса: на сколько прочна почва, на которую хотимъ мы стать, какъ дѣятели соціалисты-революціонеры.

«Русскій мужикъ—исключительно земледѣлецъ, а потому въ отношеніяхъ его къ землѣ и долженъ сказаться основной духъ народа, задатки того или другого его будущаго. Мы знаемъ, какова форма поземельныхъ отношеній въ Россіи, — это община... Мы знаемъ экономическій принципъ общины,—это уничтоженіе права наслѣдственности въ землевладѣніи. А уничтоженіе права наслѣдства — основная формула соціализма. Это-то существенное начало, на которомъ только и можетъ зародиться экономическое, соціальное и политическое равенство людей, находимъ мы въ великорусскомъ народѣ. Правда, полное освобожденіе труда и работника возможно только при полномъ уничтоженіи принципа наслѣдственности, но уже отсутствіе послѣдняго по отношенію къ главнѣйшему орудію производства — землѣ, является здоровымъ основаніемъ для возможности развитія въ жизни русскаго народа соціалистическихъ формъ...

«Общинный духъ великорусскаго и украинскаго народа проявляется во всѣхъ формахъ его быта. Вопреки господствующей государственной системѣ, онъ даетъ равное право всякому въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ. Міръ (громада), разсуждая о своихъ нуждахъ, искони привыкъ рѣшать дѣла, непосредственно его касающіяся, самъ. И еслибъ мы старались наблюдать эту сторону жизни народа, то увидѣли бы

*) Редакція «Общины» (издававшейся, какъ извѣстно, заграницей), печатая статью Стефановича, заявляетъ, что не раздѣляетъ многихъ воззрѣній автора. Но для насъ важно то, что Стефановичъ излагалъ въ ней, по просьбѣ редакціи, взгляды южно-русскихъ народниковъ.

примѣры его здраваго смысла и величайшей справедливости. Только въ вещахъ, въ которыхъ народъ не видитъ интереса, и въ большинствѣ случаевъ прямо ему вредныхъ, ожидаетъ онъ приказаній начальства. Крестьянское самоуправленіе, часто такъ разумно заявляющее себя во всѣхъ видахъ, имѣющихъ мѣсто въ общежитіи, показываетъ ясно, что народъ можетъ обойтись безъ вмѣшательства какой бы то ни было власти. Идея справедливости руководитъ міромъ въ отправленіи всѣхъ общественныхъ функцій, будетъ ли то передѣлъ земли между его членами или разбирательство тяжбы между мужемъ и женою (Гакстгаузенъ, Ефименко и др.) Таковы основы быта и характера рус. и малорус. народностей...

«Итакъ великор. и украин. народности хранятъ въ себѣ здоровые, жизненные задатки дальнѣйшаго развитія соціально-экономическихъ формъ въ духѣ принциповъ, искони лежащихъ въ основахъ ихъ быта. Задерживающимъ началомъ въ этомъ отношеніи является матеріальная необезпеченность и гнетъ государства. Отсюда, говоримъ мы, истинно революціонно-народныя требованія должны быть формулированы такъ: 1) *Переходъ всѣхъ земель частной собственности въ собственность народныхъ общинъ, каковы онѣ есть въ настоящее время.* II) *Самостоятельность міра или громады въ отправленіи всѣми общественными функціями*, т. е. *уничтоженіе государства.*

«Вотъ двѣ великія народныя задачи, которыя станутъ задачами настоящаго времени и всѣхъ рус. соціалистовъ, если они захотятъ всмотрѣться въ условія жизни своего народа. Скорѣйшее осуществленіе соціалистическихъ цѣлей достигнется у насъ черезъ осуществленіе же тѣхъ желаній, тѣхъ идеаловъ, какіе коренятся въ самомъ народѣ, и черезъ свободное, не стѣсняемое никакимъ давленіемъ, дальнѣйшее теченіе народной жизни. Такъ мы думаемъ, и при нашей постановкѣ соціально-революціонныхъ задачъ въ Россіи, намъ, очевидно, ничего болѣе не остается, какъ стать рука объ руку съ нашимъ народомъ, каковъ онъ есть.

«Быть можетъ, вамъ покажется, что мы видимъ въ народѣ однѣ отрадныя его стороны, а другихъ замѣчать не хотимъ. Нисколько: мы хорошо знаемъ, что повсюду почти народъ смотритъ на царя, какъ на защитника его интересовъ, что положеніе женщины въ его средѣ печально...

«Но каковы бы ни были дурныя стороны рус. народа и помимо указанныхъ нами, всѣ онѣ — неизбѣжное слѣдствіе его невѣжества, обусловленнаго крайней матеріальной нищетой. Пока существуютъ эти условія, трудно даже мечтать объ улучшеніи его нравственнаго и умственнаго положенія.

«При всемъ томъ мы не должны забывать тѣхъ основъ въ его характерѣ и формахъ быта, которыя по существу своему

могутъ стать твердой опорой силѣ и живучести нашего соціалистическаго движенія.

«Въ чемъ же должно выразиться, спросите вы, содѣйствіе народу соціалистовъ привиллегированной среды въ осуществленіи его желаній? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, задамъ вамъ такой: при какихъ условіяхъ народъ съумѣетъ добиться осуществленія своихъ желаній? Дѣло соціальной революціи и ея успѣхъ требуютъ прежде всего организацій въ самомъ народѣ. Другаго отвѣта, полагаю, вы не дадите. Въ этомъ случаѣ и мы иначе думать не можемъ. Если такъ, то вамъ уже ясна и та точка, куда, по нашему мнѣнію, должны быть устремлены силы русскихъ соціалистовъ...

«...Едва ли можно найти село, гдѣ-бы крестьяне въ концѣ 50-хъ или въ началѣ 60-хъ годовъ не бунтовались изъ-за земельнаго вопроса. Бунты эти часто доходили до стычекъ съ войсками и обнаружили замѣчательное упорство поселянъ; но въ то же время происходили до такой степени разрозненно, что сосѣднія же села не имѣли ни малѣйшаго соглашенія другъ съ другомъ и, разумѣется, легко усмирялись порознь одной и той же военною командою.

«Однѣ уже эти обстоятельства опредѣляютъ ту роль, какую должны на себя взять русскіе соціалисты. Ихъ существенная обязанность въ настоящее время по отношенію къ народу очевидна: *явиться иниціаторами въ дѣлѣ организаціи народныхъ силъ.*

«Всякій, кто согласенъ съ тою практической постановкой соціалистическаго вопроса, почву которой находимъ мы въ народѣ, кто признаетъ народное знамя своимъ знаменемъ, — неизбѣжно прійдетъ къ тому же заключенію. Повторяю: организація въ средѣ крестьянъ должна стать ближайшей для насъ задачей, задачей первостепенной важности...

«Быть можетъ, вы найдете, что мы съ нашей программой представляемъ отступленіе отъ идей научнаго соціализма, отъ принциповъ, выработанныхъ международной ассоціаціей рабочихъ. Но это было бы не справедливо. То, что повѣдала намъ западно-европейская наука, тѣ начала, которыя провозгласилъ интернаціоналъ, мы признавали и всегда будемъ признавать. Мы убѣждены только, что возможность успѣшнаго *всесторонняго* проведенія въ жизнь идей соціализма не имѣетъ почвы *для себя* въ русскомъ народѣ, каковъ онъ есть въ настоящее время. Почва эта явится съ осуществленіемъ той части нашихъ собственныхъ идеаловъ, которую раздѣляетъ съ нами же и народъ. Вотъ почему мы готовы стать подъ знаменемъ народа—«Земля и Воля!»

Статья въ № 2 «Земли и Воли» особенно интересна тѣмъ, что въ ней затронутъ вопросъ о политической свободѣ. Статья эта написана въ формѣ фельетона и обращена къ средне-

му интеллигентному читателю,*) но въ ней въ полу-шутливой формѣ высказаны нѣкоторые изъ основныхъ взглядовъ тогдашняго революціоннаго народничества:

«...Твое безправіе, читатель»,—такъ говоритъ въ ней авторъ —«прямой результатъ безправія мужицкаго. Четыре пятыхъ русскаго населенія—люди, подлежащіе поркѣ, лишенные всякихъ способовъ самозащиты противъ насилій первой форменной фуражки... Выводъ отсюда ясенъ. Если мы желаемъ обезпечить себѣ личную неприкосновенность, право свободно выражать и пропагандировать свои мнѣнія,—необходимо, чтобы во всѣхъ этихъ правахъ и привиллегіяхъ былъ заинтересованъ самъ народъ. Необходимо, чтобы защита личныхъ правъ была не странной аномаліей, а повседневнымъ явленіемъ. Необходимо, чтобы Вавилы Петровы, Конраты Васильевы и Потапы Захаровы пожелали свободно выражать свои мнѣнія, обсуждать и рѣшать политическіе вопросы... «Вы говорите о необходимости народнаго просвѣщенія,—я съ вами согласенъ!» — радостно прерываетъ меня благонамѣренный и умѣренный читатель.

«Къ сожалѣнію, я долженъ тотчасъ же вывести его изъ пріятнаго заблужденія. Не о Соляномъ Городкѣ и не о «Сельской Бесѣдѣ», не о комитетѣ грамотности, не объ умственномъ развитіи и насажденіи высокихъ наукъ среди поѣдающаго пушной хлѣбъ крестьянства говоримъ мы теперь. Пусть займутся этимъ люди глубокой практики, искусившіеся въ разныхъ комитетахъ и полицейскихъ участкахъ.

«Я же говорю: — если вы желаете провести какое-нибудь измѣненіе въ нашу общественную жизнь, провести полно и послѣдовательно, — вы должны заинтересовать имъ сельское населеніе. Этотъ классъ настолько многочисленъ у насъ, что безъ его участія никакая политическая агитація на Руси невозможна...

«Передъ крестьянской реформой баронъ Гакстгаузенъ писалъ царю, чтобы онъ поторопился произвести реформу сверху, иначе она произойдетъ сама собою снизу. Мы же въ интересахъ свободы скажемъ: поторопимся взяться за политическую реформу снизу, чтобы она не была замѣнена негоднымъ суррогатомъ, даннымъ сверху.

«Да и разсчетъ на поддержку буржуазіи не совсѣмъ вѣренъ самъ по себѣ. Теперь уже не то время стало. Дешевый трудъ и свобода наживы—завѣтныя мечты буржуазіи—осуществля-

*) Надо имѣть въ виду, что эта статья написана въ концѣ 1878 г., когда, подъ вліяніемъ неудачъ русско-турецкой войны, а также подъ вліяніемъ политическихъ процессовъ, въ либеральномъ обществѣ замѣчалось нѣкоторое конституціонное броженіе.

ются теперь, благодаря бога и безъ политическихъ реформъ! Горвицамъ, Поляковымъ и Коганамъ парламентъ не нуженъ для обсужденія своихъ дѣлишекъ... и пивоваръ Ламанскій не будетъ, подобно Сантерру, плясать карманьолу съ петербургскими санкюлотами. Разъ на своемъ вѣку капитализмъ продѣлалъ эту комедію и больше не будетъ. Наши будущіе лавочники получатъ по наслѣдству все, что завоевано было ихъ предками на западѣ...

«Нѣтъ! если мы не желаемъ сидѣть у моря и ждать погоды... мы должны признать, что единственная опора всякой солидной политической агитаціи въ Россіи — крестьянское земледѣльческое населеніе. Одинъ публицистъ довольно мѣтко назвалъ Россію государствомъ мужиковъ. Можно сказать смѣло: у насъ что мужикъ захочетъ, то и будетъ. Надобно только, чтобы онъ крѣпко и сильно захотѣлъ. Требованіе, опирающееся на крестьянскую массу, будетъ исполнено безпрекословно. Но какъ подойти къ крестьянину съ вопросомъ о политической реформѣ? Голодному, избитому Сысойкѣ... мы будемъ болтать о народномъ представительствѣ, о свободѣ прессы, ассоціаціи? Онъ навѣрное отвѣтитъ на все это: «А ты мнѣ, поштенный, дай-ка хлѣбушка!»...

«Есть другой болѣе прямой и вѣрный путь. Но, какъ всѣ прямые пути, онъ требуетъ концентрированныхъ, одновременныхъ усилій, напряженной дѣятельности. Онъ обойдется не дороже обходныхъ и кривыхъ путей, но за то требуетъ крѣпкихъ нервовъ, яснаго взгляда на вещи и мужества.

«На немъ широкая политическая свобода является не главной задачей дѣятельности; она является, какъ неизбѣжный выводъ ея, какъ неустранимый побочный продуктъ въ химико-техническомъ производствѣ...

«Надобно начать агитацію съ другого конца, надобно дать Сысою то, чего онъ требуетъ.

«Поставьте на вашемъ знамени слова: экономическая, поземельная и податная реформа, уничтоженіе паспортной системы, свобода переселеній и передвиженій, бросьте только эти лозунги въ массу Сысоекъ—и вы удивитесь сами ихъ чарующему дѣйствію: ваша свобода убѣжденій, право контроля надъ властями, личная неприкосновенность станутъ внѣ сомнѣній и внѣ вопросовъ.

«Не испугайтесь только той широкой, могучей волны народнаго движенія, которая всколыхнется вслѣдъ за этой агитаціей. А волна будетъ широкая и страшная...

«Однако скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Нелегкая работа предстоитъ на этомъ пути. Бросить въ народъ тотъ лозунгъ, о которомъ мы говоримъ, далеко не такъ легко, какъ подать прошеніе на высочайшее имя (хотя и это довольно трудно).

«Люди русскіе, жаждующіе политической свободы, должны обречь себя на защиту крестьянскихъ интересовъ, крестьянскихъ требованій и желаній. Они должны являться ходатаями его на судѣ и въ земствѣ, дѣятелями сходокъ, вождями въ крестьянскихъ протестахъ, мірскими людьми, ссылаемыми въ каторгу и ссылку. Они должны быть хранителями народа отъ всякихъ злосхидныхъ пророковъ монархіи и пропагандистовъ III отдѣленія.

«Вотъ путь къ политической свободѣ на Руси!...»

* * *

Итакъ, изъ тѣхъ революціонныхъ направленій, какія намѣтились во второй половинѣ 70-хъ годовъ, намъ необходимо было указать прежде всего на «марксистовъ» и «народниковъ». Это было главное дѣленіе; причемъ борьба между этими двумя направленіями велась довольно ожесточенная. «Сама молодежь находилась тогда въ нерѣшительномъ положеніи» — читаемъ мы въ воспоминаніяхъ землевольца. — «Два, если не полярныхъ, то во всякомъ случаѣ различныхъ теченія проходили передъ ея глазами: марксизмъ и народничество. Куда пристать? Марксизмъ имѣлъ за себя обаяніе научной доктрины, блистательную традицію великихъ поборниковъ (въ западноевропейскомъ движеніи), многомилліонную массу рабочаго класса... Но народничество, что оно такое? Гдѣ его прошлое и что сулило оно въ будущемъ? Молодежь имѣла право задавать такіе вопросы, и пропаганда народничества была необходима и своевременна.*)

Борьба между этими двумя направленіями особенно рѣзко проявилась по поводу казанской демонстраціи. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ строкъ въ передовой статьѣ № 1 «Общины» (январь 1878 г.):

«Сама прошлогодняя казанская демонстрація, столько разъ обруганная, представляетъ собою не что иное, какъ попытку выйти изъ заколдованнаго круга теоретической проповѣди соціализма на путь гласнаго, фактическаго заявленія своихъ убѣжденій и живой агитаціи. Здѣсь не мѣсто разъяснять наше отношеніе къ способамъ борьбы вродѣ казанской демонстраціи... но заговоривши объ ней, поневолѣ приходится сдѣлать маленькое отступленіе. Чуть упомянешь слова «казанская демонстрація», а уже въ ушахъ вашихъ звенятъ тѣ братскія любезности и напутствованія, которыми со всѣхъ сторонъ провожали ея участниковъ въ ссылку и каторгу.

*) «Воспоминанія землевольца» написано въ началѣ 80-хъ годовъ, во всякомъ случаѣ ранѣе 1886 г., когда они уже были извѣстны мнѣ въ Томскѣ. Такимъ образомъ всѣ характеристики, которыя мы находимъ въ нихъ, сдѣланы по очень свѣжимъ воспоминаніямъ.

Вызвана она была тѣмъ, что большинство русскихъ соціалистовъ начали сильно чувствовать недостаточность и неудовлетворительность голой словесной пропаганды. Требовалось настоятельно ввести новый элементъ въ дѣятельность партіи... Интереснѣе всего то, что казанскую демонстрацію ругаютъ люди, которые апплодировали демонстраціи на похоронахъ Чернышева... Но прилично-ли соціалисту поклоняться успѣху и на немъ основывать свое сужденіе о вещахъ и поступкахъ?...»

Извѣстно, что эта борьба между двумя направленіями закончилась очень скоро побѣдой революціоннаго народничества. «...Пропаганда народническихъ идей продолжалась весьма ревностно всѣми народниками-революціонерами» — говоритъ землевольецъ — «и не смотря на то, что это дѣло велось не особенно умѣло и толково, народничеству въ концѣ концовъ удалось завоевать себѣ право гражданства и стать достояніемъ не только революціонной молодежи, но и мирной интеллигенціи».

Въ чемъ слѣдуетъ видѣть главную причину этого успѣха? Мы только что видѣли, изъ словъ самого землевольца, подтверждаемыхъ имъ также и въ другихъ мѣстахъ своихъ воспоминаній, что въ теоретическомъ отношеніи программа революціоннаго народничества не представляла собою ничего стройнаго и цѣлаго; она была плохо разработана и не совсѣмъ одинаково понималась различными членами партіи. Сила ея, слѣдовательно, заключалась не въ стройной теоретической аргументаціи; всѣ видимые признаки строго-научной теоріи были скорѣе на сторонѣ «марксистовъ»; но тѣмъ не менѣе эта стройная теорія марксистовъ не привлекла къ себѣ вниманія революціонеровъ не только въ то время, но даже и послѣ того какъ землевольческое движеніе въ деревню было окончательно заброшено, даже послѣ того какъ оно была признано неудавшимся и когда вся соціалистическая пропаганда въ рабочихъ массахъ была фактически сосредоточена въ городахъ. Изъ наиболѣе крупныхъ представителей революціоннаго движеніе того времени, — а ихъ было не мало — не нашлось тогда ни одного человѣка, который былъ бы способенъ увлечься теоріей «рабочаго соціализма»; извѣстно, что даже та небольшая группа чернопередѣльцевъ, которая отдѣлилась въ 1879 г. отъ главнаго теченія, отдѣлилась какъ разъ во имя прежней народнической программы, протестуя противъ «измѣны народному дѣлу», и удерживалась затѣмъ, въ теченіи извѣстнаго времени, на почвѣ революціоннаго народничества. Только послѣ того какъ всѣ революціонныя силы, составлявшія главное ядро революціоннаго движенія той этохи, были исчерпаны, только въ періодъ наступившей затѣмъ реакціи и почти полнаго безлюдья, начала прокладывать себѣ дорогу теорія такъ называемаго чисто-пролетарскаго движенія, иска-

вшая точки опоры исключительно въ новыхъ общественныхъ элементахъ, а именно въ городскихъ рабочихъ массахъ.

На это послѣднее обстоятельство должно, какъ намъ кажется, быть обращено особое вниманіе при всякой попыткѣ объяснить характерныя особенности революціоннаго движенія землевольческой эпохи. Дѣло въ томъ, что это движеніе, фактически, все еще не было массовымъ, хотя оно и выставляло на своемъ знамени программу массоваго народнаго движенія; главныя силы его заключались въ довольно значительномъ контингентѣ революціонной интеллигенціи; въ этомъ отношеніи конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ представляетъ собою моментъ наибольшаго расцвѣта революціонной иниціативы и личной революціонной энергіи; къ этому именно времени русская революціонная интеллигенція выставила плеяду своихъ наиболѣе сильныхъ революціонныхъ характеровъ. Если мы обратимъ вниманіе на списокъ лицъ, составлявшихъ организацію «Земли и Воли», то мы уже и здѣсь найдемъ цѣлый рядъ выдающихся революціонныхъ дѣятелей*); а въ скоромъ времени къ нимъ присоединились еще многіе другіе. Во всякомъ случаѣ контингентъ революціонной интеллигенціи былъ тогда, относительно, сильнѣе того, что могло выставить городское рабочее движеніе, — сильнѣе въ томъ смыслѣ, что рабочее движеніе не могло поглотить тогда всей революціонной энергіи, накопившейся въ интеллигентной средѣ. Рабочее движеніе, даже въ Петербургѣ, носило тогда еще подготовительный характеръ; само по себѣ, оно шло довольно успѣшно, и революціонная дѣятельность въ этой области никогда не оставалось совершенно безплодной; но для всѣхъ было ясно, что городской пролетаріатъ еще не представлялъ тогда собою сколько-нибудь грозной революціонной силы, т. е. не представлялъ собою той среды, въ которой революціонное движеніе могло-бы развиваться съ достаточной быстротою, чтобы успѣшно бороться съ политическими преслѣдованіями. Въ этомъ отношеніи очень характерна исторія сѣвернаго рабочаго союза 1878 г., созданнаго главнымъ образомъ Ст. Халтуринымъ. Халтуринъ самъ былъ рабочій, и относился крайне ревниво именно къ интересамъ рабочаго движенія; къ революціонной интеллигенціи онъ относился сначала даже съ нѣкоторой враждебностью, особенно же къ ея террористической дѣятельности. Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ между рабочими, и трудно было бы представить себѣ лучшаго организатора въ ихъ средѣ. Онъ задумалъ поставить рабочихъ на

*) Изъ лицъ, уже сошедшихъ со сцены, можно назвать Осинскаго, Ольгу Натансонъ, Кравчинскаго, Юрія Богдановича, Александра Квятковскаго, Александра Михайлова, Вѣру Фигнеръ, Морозова, Лизогуба, Попко, Оболешева, Трощанскаго.

собственныя ноги и въ теченіе сравнительно короткаго времени ему удалось привлечь къ «Сѣверному Союзу» сотню слишкомъ наиболѣе установившихся рабочихъ; члены этого «Союза» были разсѣяны почти по всѣмъ крупнымъ заводамъ и фабрикамъ Петербурга... Но вотъ весною 1879 г. изъ организаціи было сразу выхвачено около 60-ти человѣкъ; а осенью 1879 г. Халтуринъ уже обратился къ Исполнительному Комитету съ предложеніемъ своихъ услугъ и съ готовымъ планомъ взрыва Зимняго дворца.

Хотя онъ и послѣ того продолжалъ свою дѣятельность въ рабочей средѣ и организовалъ изданіе*) перваго самостоятельнаго рабочаго органа «Рабочая Заря»; но онъ уже не придавалъ рабочему движенію главнаго и самостоятельнаго значенія, почему и отдался всецѣло террористической борьбѣ.

Такимъ образомъ городская рабочая среда не заключала въ себѣ въ то время условій для широкаго массоваго движенія, которое могло-бы сдѣлаться центральнымъ пунктомъ революціонной программы довольно значительной и очень активной революціонной группы;— и это тѣмъ болѣе, что городская рабочая масса, еще въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь тонула тогда въ огромной массѣ крестьянства. Естественно поэтому, что пока центральнымъ пунктомъ революціонной программы оставалось все-таки массовое движеніе, единственнымъ возможнымъ носителемъ его являлось въ глазахъ революціонеровъ крестьянство съ его бѣдствіями и съ его страстнымъ стремленіемъ къ землѣ.

Мы знаемъ, что въ дѣйствительности надежды, возлагавшіяся на крестьянство землевольческой организаціей, не оправдались, — и опять-таки не потому, чтобы дѣятельность революціонеровъ въ деревняхъ оставалась совершенно безрезультатной; напротивъ того, она вездѣ приносила извѣстные положительные результаты.

«Практика вполнѣ доказала», — пишетъ землеволецъ — «что тамъ, гдѣ революціонныя поселенія просуществовали хоть одинъ годъ, революціонерамъ удалось заслужить уваженіе, любовь и довѣріе крестьянъ. Недаромъ нѣкоторые представители администраціи и земства, узнавши, что лица, съ которыми они по разнымъ дѣламъ сталкивались, принадлежатъ къ соціалистической партіи, говорили, что если всѣ соціалисты таковы, то они вскорѣ завоюютъ народъ».

Точно также и Дебагоріо-Мокріевичъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и смѣлыхъ агитаторовъ южной группы, вынесъ изъ своихъ попытокъ къ сближенію съ крестьянами очень благопріятное впечатлѣніе: «Опытъ нашихъ связей въ кресть-

*) № 1 «Рабочей Зари» вышелъ въ февралѣ-мартѣ 1880 г.; см. № 3 «Былого». стр. 188-200.

янствѣ» — говоритъ онъ*) — «оказалъ на меня огромное вліяніе: я какъ будто даже еще укрѣпился въ своей вѣрѣ въ народъ и съ тѣхъ поръ никогда потомъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ, будто дѣятельность въ народѣ невозможна, съ мнѣніемъ, которое въ непродолжительное время сдѣлалось господствующимъ среди революціонной интеллигенціи».

Но эта возможность работы въ деревнѣ, сама по себѣ, безотносительно къ ея общимъ результатамъ, не могла лечь въ основу революціонной программы. Необходимо было, чтобы работа въ деревнѣ была связана съ представленіемъ объ общемъ крестьянскомъ движеніи. Мы видѣли, что революціонныя поселенія 1877—78 годовъ ставили своею задачей организацію народнаго возстанія въ разсчетѣ, разумѣется, на извѣстную подготовленность крестьянства, въ разсчетѣ на то, что революціонная агитація будетъ поддерживаться и разрастаться въ его средѣ, а не будетъ затериваться въ подавляющей количественно инертной массѣ. Съ этой точки зрѣнія результаты землевольческой дѣятельности въ крестьянствѣ были отрицательными. Крестьянская среда также еще не оказалась тогда подготовленною самою жизнью къ широкому массовому движенію.

Вотъ почему совершенно неправильно утвержденіе, согласно которому землевольческая организація покинула деревню, потому что шла въ нее съ слишкомъ радужными, почти ребяческими надеждами на возможность соціальной революціи черезъ два или три года**). Мы видѣли, что революціонныя поселенія землевольцевъ очень трезво смотрѣли на свою задачу, и члены ихъ доказали, что они умѣли хорошо взяться за дѣло***). Но для всякаго массового движенія, при полномъ отсутствіи политической свободы необходима извѣстная степень революціонной воспріимчивости въ массахъ, при которой движеніе могло-бы распространяться съ требуемой быстротою; иначе оно необходимо будетъ хронически терять всѣ свои пріобрѣтенія и слѣдовательно стоять на одной точкѣ. Вся бѣда заключалась здѣсь вовсе не въ радужныхъ надеждахъ или въ разсчетахъ на соціальную революцію черезъ два года (объ этомъ могли мечтать только юные энтузіасты перваго «хожденія въ народъ»), а въ отсутствіи признаковъ, которые указывали-бы на революціонную воспріимчивость крестьянскихъ

*) «Воспоминанія», выпускъ II, стр. 215.

**) См. предисловіе Г. Плеханова къ изданію Туна Лиги рус. рев. соціальдемократіи, стр. XXIX.

***) Извѣстно что среди лицъ, устраивавшихъ поселенія, были люди съ такими крупными организаторскими способностями, какъ Юрій Богдановичъ, Вѣра Фигнеръ, Александръ Михайловъ и др.

массъ. Еслибы революціонеры-народники того времени встрѣтили то подготовленное самою жизнью настроеніе, какое революціонная пропаганда уже встрѣчаетъ въ ней теперь, то дѣятельность въ деревнѣ ни въ какомъ случаѣ не потерялабы для нихъ своей прежней непреодолимой привлекательности, и тогда она необходимо притягивала бы къ себѣ все новыя и новыя силы. Но они должны были признать, что этого не было, и что вся революціонная дѣятельность въ крестьянской средѣ сводилась у нихъ въ концѣ концовъ къ выработкѣ отдѣльныхъ личностей.

То же самое было тогда, въ сущности, и въ городахъ, и вотъ что мы читаемъ, по этому поводу, въ передовой статьѣ № 4 «Земли и Воли» (отъ 20 февраля 1879 г.)

«Городской рабочій, несмотря на сравнительную незначительность затраченныхъ на него силъ, проникся идеями соціализма въ довольно сильной степени. Теперь уже трудно встрѣтить такую фабрику или заводъ, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, гдѣ нельзя было бы найти рабочихъ соціалистовъ. Но какъ ни отрадны подобныя явленія, они однако лишаются огромной доли своего значенія, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ положенію этихъ спропагандированныхъ рабочихъ въ средѣ ихъ товарищей. Въ теченіи минувшаго года мы видѣли нѣсколько крупныхъ стачекъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ. Гдѣ въ это время были наши соціалисты, какую роль играли они въ этихъ движеніяхъ? Почти никакой. Иногда о нихъ вовсе не было слышно, въ тѣхъ же случаяхъ, когда они пытались дѣйствовать, вліяніе ихъ оказывалось совершенно ничтожнымъ. И это вполнѣ понятно. Наши рабочіе-соціалисты даже между собой не связаны, не съорганизованы. «Сѣверный Союзъ» представляетъ первую попытку организаціи. До послѣдняго же времени рабочіе-соціалисты были разбиты на мелкіе кружки, задававшіеся почти исключительно цѣлями самообразованія, имѣвшіе иногда кассы, библіотеки, и въ практической дѣятельности не шедшіе дальше пропаганды. Рабочая масса относилась къ рабочимъ-соціалистамъ, какъ къ чему-то чуждому, относилась часто насмѣшливо, иногда даже враждебно, и это — фактъ такого рода, въ которомъ, къ прискорбію, не можетъ не сознаться всякій знакомый съ дѣломъ. Интересно, что масса даже сразу окрестила рабочихъ соціалистовъ именемъ «студентовъ», какъ бы намекая на ихъ отчужденность, и эта кличка лишь въ самое послѣднее время начала замѣняться названіемъ «соціалистъ». Понятно, что при такомъ взаимномъ отношеніи самая пропаганда не могла имѣть большого успѣха и выдавливала только отдѣльныхъ личностей, не увлекая за собою массы».

Редакція «Земли и Воли» видѣла причины такого явленія

въ неправильной постановкѣ революціонной дѣятельности въ рабочей средѣ и указывала на необходимость выдвинуть на первый планъ ближайшіе, непосредственные интересы рабочихъ массъ: «Масса существенно, кровно заинтересована прибавкой или уменьшеніемъ заработной платы, большей или меньшей прижимкой хозяина и мастеровъ, большей или меньшей свирѣпостью городового. А соціалисты разводятъ передъ нею разныя теоріи, призываютъ ее къ развитію, къ образованію и тому подобнымъ вещамъ, сводящимся иногда къ чтенію лекцій о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ...»

Трудно согласиться однако, чтобы причина указаннаго явленія заключалась только въ заблужденіяхъ самихъ революціонеровъ. Извѣстно, что между петербургскими пропагандистами 77—79 гг. были очень умѣлые люди. Извѣстно также, что въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, когда чистопролетарская революціонная теорія уже господствовала въ достаточной мѣрѣ въ Петербургѣ, тамошнее рабочее движеніе все-таки не могло выбиться изъ кружковщины вплоть до того момента, когда вспыхнули стачки 1896 г., удивившія своими размѣрами и своимъ настроеніемъ самихъ революціонеровъ и положившія начало дѣйствительному массовому рабочему движенію.

Очевидно, что массовыя революціонныя движенія требуютъ извѣстной подготовки, доставляемой стихійнымъ историческимъ процессомъ,—той внутренней подготовки, которую нельзя замѣнить никакой проповѣдью. Что касается собственно массъ трудового крестьянства въ Россіи,—а слѣдовательно въ очень значительной степени также и ея городскихъ рабочихъ массъ — то врядъ-ли можно отрицать, что въ теченіи всѣхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ ихъ политическое и классовое самосознаніе было какъ-бы парализовано традиціонною вѣрою въ царя. Намъ нечего приводить въ доказательство этого безчисленное множество относящихся сюда свидѣтельствъ*). Недаромъ идея такъ называемаго «авторитарнаго революціоннаго движенія», т. е. самозванства, имѣла тогда такую привлекательную силу въ глазахъ южно-русскихъ бунтарей; недаромъ также самый выдающійся и дѣйствительно незаурядный аги-

*) Вотъ, между прочимъ, что пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Дебагорій-Мокріевичъ: «Тутъ (въ Петербургѣ) я познакомился съ Г-ымъ, человѣкомъ легальнымъ, но принимавшемъ участіе въ 74 году въ саратовскомъ кружкѣ, и мы съ нимъ часто бесѣдовали, дѣлясь впечатлѣніями, вынесенными изъ прошлогодняго хожденія въ народъ. Наблюденія, сдѣланныя имъ, весьма подходили къ нашимъ. Какъ у насъ, среди украинцевъ, на Волгѣ крестьяне тоже ожидали милостей отъ царя; царизмъ былъ такъ же силенъ тамъ, какъ и на югѣ

таторъ и организаторъ изъ ихъ среды, Стефановичъ, считалъ безусловно невозможнымъ создать что-нибудь крупное въ крестьянствѣ безъ царскаго имени.

Въ Западной Европѣ традиціонная вѣра въ королевскую власть была, какъ извѣстно, разрушена самымъ фактомъ революціоннаго переворота, которымъ руководило третье сословіе; у насъ эта вѣра должна была разрушаться гораздо болѣе медленнымъ процессомъ, безъ помощи революціонной буржуазіи, подъ соединеннымъ вліяніемъ царской политики, революціоннаго движенія и общаго культурнаго развитія; а пока эта вѣра не была расшатана въ достаточной мѣрѣ, массовое революціонное движеніе было невозможно въ Россіи.

Итакъ, главныя особенности революціонной программы и революціонной дѣятельности землевольческаго періода объясняются прежде всего тѣмъ объективнымъ положеніемъ вещей, при которомъ широкое массовое соціалистическое движеніе въ Россіи было фактически неосуществимо. Вслѣдствіи именно этого та небольшая и менѣе активная группа соціалистовъ, члены которой были извѣстны тогда подъ именемъ «марксистовъ» и которая не хотѣла выйти изъ рамокъ «рабочаго соціализма», должна была до поры до времени, просто сойти со сцены и ждать дальнѣйшихъ результатовъ историческаго процесса. Та же большая и очень активная революціонная группа, которую выдвинула къ тому времени русская революціонная интеллигенція, должна была искать для себя другихъ путей. Такъ какъ крестьянская трудовая масса все еще оставалась тогда для русскихъ соціалистовъ загадочнымъ сфинксомъ, державшимъ въ своихъ рукахъ судьбы Россіи, то естественно, что революціонное движеніе, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, не могло избѣжать этой попытки революціонныхъ поселеній и связанной съ ними программы революціоннаго народничества. Мы видимъ, слѣдовательно, что эта программа вовсе не явилась результатомъ «почти ребяческихъ надеждъ»; она была обусловлена, во первыхъ наличностью въ обществѣ извѣстнаго количества дѣйствительно революціонной энергіи, которая не могла примириться съ выжидательной теоріей «марксистовъ» того періода; а во вторыхъ—стремленіемъ большинства очень серьезныхъ революціонеровъ этого періода держаться до послѣдней возможности на почвѣ массового революціоннаго движенія.

Россіи... Г-евъ высказывалъ мнѣніе, что въ народѣ возможно вызвать возстаніе только отъ имени царя, и я, съ своей стороны, размышляя о всѣмъ видѣнномъ и слышанномъ мною среди крестьянъ, не могъ не согласиться съ его мнѣніемъ.» (стр. 137-8.)

* * *

Революціонное народничество второй половины 70-хъ годовъ, получившее рѣшительное преобладаніе надъ «марксистами», само подраздѣлялось на два направленія, о которыхъ упоминаетъ Тунъ: сѣверное и южное. Разница между этими направленіями, недостаточно выясненная авторомъ, заключалась въ слѣдующемъ.

Хотя оба направленія одинаково признавали невозможность проведенія полнаго соціалистическаго идеала въ ближайшемъ народномъ движеніи, и хотя оба они считали необходимымъ ограничиться реализаціей тѣхъ уже сознанныхъ потребностей массового крестьянства, въ которыхъ они видѣли существенные элементы соціалистическаго переворота, но сѣверная группа народниковъ признавала тѣмъ не менѣе необходимость соціалистической пропаганды въ крестьянствѣ съ цѣлью созданія въ его средѣ руководящихъ группъ съ «ясной критикой существующаго». Въ этомъ и заключалась одна изъ главныхъ задачъ революціонныхъ поселеній сѣверной группы.

Южная группа народниковъ-бунтарей отрицала всякое значеніе за идейной соціалистической пропагандой. Она брала крестьянъ такими, какими они были, и придавала революціонное значеніе только организаціи крестьянскихъ бунтовъ, въ основѣ которыхъ должно было лежать требованіе перехода земли въ крестьянскія руки. Только осуществленіе этого требованія создавало, въ ея глазахъ, необходимое условіе для дальнѣйшей соціалистической пропаганды.

Что касается большого московскаго кружка, съорганизовавшагося въ концѣ 1874 г. и затѣмъ выступившаго въ знаменитомъ Процессѣ Пятидесяти (съ 20 февраля по 15 марта 1877 г.), то авторъ ошибочно причисляетъ его къ движенію землевольческаго періода. По всѣмъ своимъ признакамъ, революціонная дѣятельность этой организаціи относится къ предъидущему періоду. Члены московскаго кружка разошлись по различнымъ фабричнымъ районамъ съ цѣлью общей соціалистической пропаганды, безъ какого-бы то ни было плана организаціи рабочихъ массъ или мѣстныхъ возстаній на почвѣ сознанныхъ потребностей; орудіемъ ихъ пропаганды служили тѣ-же революціонныя брошюры, какія распространялись и прежде. Взгляды этого кружка сложились заграницей въ періодъ 1872-74 гг., подъ вліяніемъ революціонной литературы того времени, — въ тотъ періодъ, когда еще и не возникало вопросовъ, связанныхъ съ программой революціоннаго народничества. Словомъ, дѣятельность московскаго кружка служила непосредственнымъ продолженіемъ перваго движенія въ народъ.

Къ Русскимъ Рабочимъ!

ПРОГРАММА

„Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ."

Сознавая крайне-вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего соціальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціею духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878 г. пришли къ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія, служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

Организація Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

Въ члены этого союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числомъ не менѣе двухъ.

Всякій рабочій, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью соціальнаго ученія.

Всѣ члены Союза должны сохранять между собой полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію.

Членъ же, навлекшій на себя подозрѣніе, изобличающее его въ измѣнѣ Союзу, подвергается особому суду выборныхъ.

Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библіотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собранія уполномочиваютъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза.

На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

Провинціальные фракціи Союза удерживаютъ за собой автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общею программою, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполненія плановъ Союза, и на поддержку рабочихъ во время стачекъ.

Библіотека имѣетъ цѣлью безплатно удовлетворять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ Союзу.

Расходы на ея содержаніе и на выписку книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ жертвуемыхъ рабочими.

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, тѣсно примыкая по своимъ задачамъ къ соціально-демократической партіи Запада, ставитъ своею программою:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣна ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильную ассоціаціонную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться какою поставило себѣ задачею общее собраніе петербургскихъ рабочихъ отъ 23 и 30 декабря.

Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ, Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинутъ и у насъ рабочее сословіе и заставятъ его заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга его не останется забытою потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

Рабочіе! васъ зовемъ мы теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанію обращаемся мы.

Великая соціальная борьба уже началась — и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія милліоновъ—и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу...

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло—дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши и истощающаго наши силы,—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернувшаго весь старый міръ?—простые поселяне... Мы тоже зовемся къ проповѣди, мы тоже призываемся быть апостолами новаго, но въ сущности только непонятаго и позабытаго ученія Христа. Насъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ уже покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ тою силою, какую мы представимъ собою.

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію.» Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы

причиной зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя соціальнаго переворота, сомкнитесь въ дружную братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечемъ истины, идите проповѣдывать свое ученіе по городамъ и селамъ! Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей: съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ.

Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы—плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ нѣтъ организаціи, нѣтъ идеи, которой бы вы руководились, нѣтъ, наконецъ, нравственной поддержки, столь необходимой для дружнаго отпора врага. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ вамъ эту руководящую идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и, наконецъ, даемъ вамъ ту организацію, въ какой нуждаетесь вы.

И такъ, за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго Союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи!

ИЗЪ РѢЧИ ЗДАНОВИЧА.

У насъ очень распространено мнѣніе, что Россія рѣзко отличается отъ западной Европы, что мы идемъ и должны идти по иному, своеобразному, пути. Въ этомъ мнѣніи много правды, но имъ слишкомъ часто злоупотребляютъ. Не надо забывать, что наука не знаетъ національности, что цивилизація и человѣческія идеи международны. Конечно, идеалы человѣчества переработываются сообразно условіямъ исторической жизни народовъ, такъ что, оставаясь по существу общими для всѣхъ народовъ, они, т. е. идеалы, въ подробностяхъ приспособляются къ условіямъ страны. Но изученіе европейской цивилизаціи показало, что Россіи вовсе не расчетъ выдѣлять себя изъ семьи европейскихъ народовъ, что, напротивъ, она обязана связать свою судьбу съ судьбой Запада и вмѣстѣ съ нимъ работать для достиженія лучшихъ условій существованія.

Экономическія основы народной жизни вездѣ одинаковы. Какъ тамъ, на Западѣ, такъ и въ Россіи существуетъ съ од-

ной стороны — маленькая группа, назовемъ ее хоть группою привиллегированныхъ, съ другой—масса, большинство, обреченное на безъисходныя страданія. Не мало великихъ умовъ, не мало благородныхъ сердецъ работало надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Соціализмъ старъ, какъ самъ міръ. Только формы и средства разрѣшенія вопроса въ различные историческіе періоды дѣла не одинаковы. Въ послѣднее время, когда такъ называемый естественный ходъ событій получилъ полное развитіе, когда темныя стороны современной цивилизаціи высказались ясно, ярко, соціализмъ сталъ на практическую почву, создалъ свою самостоятельную партію. Съ каждымъ днемъ силы народной партіи ростутъ, чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе становится пропасть, отдѣляющая сытое, праздное меньшинство отъ голоднаго, ограбленнаго большинства. Одна изъ характерныхъ сторонъ современнаго европейскаго рабочаго движенія заключается въ томъ, что народы сознали солидарность своихъ интересовъ, одинаковость своего положенія и подали другъ другу руку для общей борьбы, такъ что новѣйшая постановка соціальнаго вопроса дѣлитъ человѣчество не на національности, а на притѣсняемыхъ и притѣсняющихъ; мѣриломъ группировки человѣческихъ обществъ является не территорія, не языкъ и племенныя особенности, а экономическое начало, положенное въ основу народной жизни. Экономическій строй вездѣ одинаковъ. Спрашиваю я васъ, можно ли съ этой точки зрѣнія выдѣлить Россію изъ рабочаго движенія? Нельзя ли требованія европейскихъ народовъ предъявить здѣсь съ такимъ же правомъ, какъ тамъ? Едва-ли кто рѣшится утверждать, что въ общемъ обстановка труда въ Россіи рѣзко отлична отъ обстановки труда на Западѣ. Конечно, у каждой страны свои особенности, но главная жилка экономическаго вопроса абсолютно вездѣ одинакова и по этому то возможна общая постановка соціальнаго вопроса для всѣхъ народовъ, не исключая и Россіи. Вотъ почему мы видимъ, что развитіе соціализма, какъ идеи, шло въ Россіи почти параллельно развитію его на Западѣ. Достаточно указать на конецъ сороковыхъ годовъ въ Европѣ и у насъ на шестидесятые годы, наконецъ на современное положеніе вопроса здѣсь и тамъ. При этомъ, прочности постановки соціальнаго вопроса въ Россіи помогали историческія судьбы русскаго народа. Я хочу сказать, что элементы народной жизни заключали въ себѣ много сходнаго съ теоретическимъ соціализмомъ, поэтому онъ не былъ у насъ чѣмъ нибудь небывалымъ, несогласнымъ съ условіями русской жизни,—напротивъ, существовало, отчасти существуетъ и теперь мнѣніе, что соціализмъ революціонный на Западѣ — у насъ консерваторъ. Если вопросъ долженъ рѣшиться силой, то у насъ онъ можетъ быть рѣшенъ мирнымъ путемъ. И этого взгляда держа-

лись вначалѣ не одни отсталые люди. Русская молодежь, выработавъ соціалистичечкія убѣжденія, естественно должна была проводить ихъ въ жизнь. Первые же ея шаги въ этомъ направленіи мирнаго рѣшенія вопроса были неудачны, всѣ ея попытки встрѣчались если не прямо враждебно, то по меньшей мѣрѣ недовѣрчиво. Недовѣріе это доходило до того, что дѣятели вдругъ куда-то исчезали, предпріятія лопались, дѣло приходило въ упадокъ, молодежь призадумалась. Что-же дѣлать? Идти къ завѣтной цѣли мирнымъ путемъ оказывается невозможнымъ; сидѣть сложа руки и ждать рѣшенія свыше— это не мирится съ искренностью убѣжденій и съ величіемъ цѣли. Ужели согласиться съ тѣмъ, что естественный ходъ рѣшитъ вопросъ, что наша обязанность наблюдать только, изучать народную жизнь, знакомиться съ законами исторіи;— что лбомъ стѣны не прошибешь и что поэтому наши стремленія и требованія не должны идти въ разрѣзъ съ настоящими исторически выработанными условіями государственной жизни? Но вѣдь это въ переводѣ значитъ пожать руку доктору Панглосу, иными словами значитъ признать, что все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ! Нѣтъ, подобная двусмысленная философія не могла нравиться русской молодежи. Съ одной стороны прогрессъ соціальныхъ ученій на Западѣ, съ другой домашнія русскія условія переработали соціализмъ русской молодежи, соціализмъ мирный, государственный, внереволюціонный. Она, молодежь, рѣшилась, не смотря на всѣ опасности, идти къ цѣли путемъ революціоннымъ, и современное движеніе по преимуществу соціально-революціонное.

Глава шестая.

ПЕРЕХОДЪ КЪ ТЕРРОРИЗМУ.
(1878 и 1879)

Въ 1878 г. въ русскомъ движеніи начинается глубокое измѣненіе, которое привело въ 1879 г. къ открытому раздвоенію революціонной партіи. Соціалистическія цѣли отодвигаются теперь на задній планъ политическими, мирныя средства замѣняются терроризмомъ, а слабая организація довольно независимыхъ другъ отъ друга кружковъ уступаетъ мѣсто централистической организаціи съ суровой дисциплиной и строгой тайной. Подобныя стремленія проявлялись уже и раньше: они существовали даже въ первоначальный періодъ мирной пропаганды, но тогда эти стремленія не оказали вліянія на ходъ событій. Только теперь они получили преобладаніе, хотя все таки не исключительное, такъ какъ прежнія направленія все еще продолжали поддерживать свое существованіе, хотя и очень блѣдное. Если отбросить въ сторону побочныя и второстепенныя явленія, то во всемъ русскомъ революціонномъ движеніи, съ начала 70-хъ годовъ, можно замѣтить три идущихъ параллельно теченія, изъ которыхъ сперва пользовалась преобладаніемъ соціалистическая, децентрализованная, мирная пропаганда, затѣмъ соціалистическая, децентрализованная революціонная агитація и наконецъ — централизованный политическій терроръ. Зародыши этого послѣдняго обнаружились еще въ самомъ началѣ и, вслѣдствіе разгара борьбы, созрѣли очень рано. Вообще русская революція съ какой то бѣшенной стремительностью промчалась по всѣмъ стадіямъ своего развитія. Этотъ ходъ развитія логически вылился изъ конкретныхъ обстоятельствъ, и ни въ какомъ случаѣ не былъ намѣченъ заранѣе преобладающимъ большинствомъ русскихъ соціалистовъ. Централизованный политическій терроръ явился скорѣе непосредственнымъ продуктомъ безпощадной борьбы между деспотическимъ правительствомъ и доведенной до отчаянія революціонной молодежью, причемъ обѣ стороны не останавливались ни передъ какими средствами.

Зимою 1877-1878 г. никого уже не могло удивить, что политическіе вопросы выступили на первый планъ. Безграничная продажность русской администраціи, обнаруженная турецкой кампаніей, отчаяніе, овладѣвшее обществомъ послѣ несчастій подъ Плевной, затѣмъ неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвелъ Берлинскій трактатъ, заключенный въ

іюлѣ 1878 г.,—все это привело самые широкіе общественные круги къ мысли о необходимости общественнаго контроля надъ правительствомъ. Параллельно съ чисто патріотическимъ теченіемъ шло либеральное, которое нашло свое выраженіе въ томъ, что какъ либералы, такъ и славянофилы открыто требовали дарованія конституціи. Но изъ революціонеровъ только немногіе были захвачены тогда этимъ теченіемъ. Они еще оставались во всѣхъ отношеніяхъ строгими соціалистами, для которыхъ политическая борьба имѣла лишь второстепенный интересъ. Они даже боялись, чтобы она не отвлекла ихъ отъ главной цѣли — соціальной и экономической революціи. Какъ уже было сказано выше, они все еще были заняты своими попытками демонстрацій и организаціей революціонныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ; нѣкоторые изъ нихъ сражались на болгарскихъ поляхъ или пытались освободить изъ тюремъ своихъ товарищей, все еще томившихся тамъ въ ожиданіи судебнаго приговора. Между тѣмъ преслѣдованія и аресты не только не прекращались, но продолжались, съ особымъ усердіемъ, причемъ система шпіонства была доведена до большого совершенства. Правда, послѣ секретнаго циркуляра министра юстиціи гр. Палена отъ марта 1876 г.*) шпіоны уже не выступали больше на судахъ, чтобы не обнаруживать себя и не компрометтировать(?!) безпристрастія судей; но они имѣлись повсюду и въ большомъ количествѣ. Шпіонъ, которому удавалось втереться въ довѣріе какого нибудь кружка, могъ привести къ тюремному заключенію десятки революціонеровъ; поэтому послѣдніе смотрѣли, какъ на актъ необходимой самозащиты, когда пытались отдѣлаться отъ шпіона убійствомъ. Такъ еще въ іюнѣ 1876 г., бывшій пропагандистъ, Гориновичъ, выдавшій въ 1874 г. многихъ товарищей, а затѣмъ, послѣ своего освобожденія, снова сумѣвшій пробраться въ одинъ изъ кіевскихъ кружковъ, былъ опасно раненъ въ Одессѣ Львомъ Дейчемъ и навѣки обезображенъ сѣрной кислотой. Записка, прикрѣпленная къ раненому гласила «такова участь всякаго шпіона.»**) Въ 1876 г. былъ убитъ шпіонъ Тавлѣевъ въ Одессѣ, а въ Петербургѣ, въ томъ же году, былъ убитъ шпіонъ Финогеновъ. Къ необходимой самозащитѣ вскорѣ присоединился второй сильный мотивъ политическаго убійства—месть.

24 января 1878 г., на другой день послѣ произнесенія судебнаго приговора по процессу 193-хъ раздался рѣшительный выстрѣлъ, который послужилъ какъ бы сигналомъ боевой аттаки: выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ петербургскаго полиціймейстра, генерала Трепова. Она явилась къ нему въ качествѣ

*) «Община», № 1.
**) «Община» № 8-9, письмо Дейча.

просительницы, подала ему бумагу и въ тотъ моментъ, когда онъ принималъ ее, выстрѣлила въ него изъ револьвера, причемъ опасно ранила его; затѣмъ она бросила оружіе на полъ и дала спокойно себя взять. Причиной своего поступка она объявила жестокое обращеніе въ тюрьмѣ съ личностью неизвѣстнымъ студентомъ Боголюбовымъ.*) 13 іюля 1877 г. Треповъ, явившись въ петербургскую тюрьму, грубо набросился на политическаго заключеннаго Боголюбова и приказалъ отправить его въ карцеръ, а затѣмъ подвергнуть тѣлесному наказанію. Послѣ этого въ тюрьмѣ начались необычайныя волненія; многіе заключенные въ наказаніе за это были схвачены въ своихъ камерахъ, избиты и посажены въ карцеры; причемъ нѣкоторые попали въ такіе карцеры, изъ которыхъ не выносились экскременты, и гдѣ температура достигала до 30°. Извѣстіе объ этомъ проникло даже въ русскія газеты, хотя въ самой скромной формѣ; женевская же пресса открыто и громко взывала къ мести. Въ своемъ тайномъ докладѣ Треповъ сознается, что велѣлъ наказать Боголюбова тѣлесно, потому что онъ былъ систематически дерзокъ и не послушенъ; однако онъ утверждаетъ, что тѣлесное наказаніе было допущено имъ на законномъ основаніи, ибо приговоръ надъ Боголюбовымъ уже вошелъ въ законную силу, причемъ Боголюбовъ не былъ потомственнымъ дворяниномъ, а сыномъ причетника. Вмѣстѣ съ тѣмъ Треповъ вполнѣ оправдывалъ произволъ полиціи. Вѣдь правительство даже судебные приговоры признавало лишь въ той мѣрѣ, въ какой они соотвѣтствовали его желаніямъ и ожиданіямъ; въ остальномъ же оно оставляло за собой право исправлять дѣйствія правосудія. И дѣйствительно, объявленныя съ такой помпой самостоятельность и независимость суда были простымъ фарсомъ, и, наприм., требованіе возбудить уголовное преслѣдованіе противъ тюремнаго начальства послѣ случая съ Боголюбовымъ не было удовлетворено.

1 апрѣля 1878 г. произошло судебное разбирательство дѣла Засуличъ, и даже передъ судомъ присяжныхъ, потому что самъ гр. Паленъ лично поручился царю за соотвѣтствующій приговоръ. Но даже прокуроръ оказался настолько подъ вліяніемъ благопріятнаго для Засуличъ общественнаго мнѣнія, что прежде всего сталъ оправдываться, почему онъ не смотритъ на Трепова, какъ на обвиняемаго, хотя «вполнѣ вѣритъ» высказаннымъ молодой дѣвушкой мотивамъ. Защитникъ Александровъ назвалъ рѣчь прокурора «благородной и умѣренной» и самымъ эффектнымъ образомъ ходатайствовалъ лишь

*) *Башни-бузуки С. Петербурга.* Впередъ. т. V.—Russische Wandlungen: Denkschrift von Trepoff, pp. 250, 256 и слѣд.—Лавровъ въ Jahrbuch für Socialwissenschaft 1879 г. стр. 281.

о смягченіи наказанія для обвиняемой. Вѣра Засуличъ еще шестнадцатилѣтней дѣвушкой знала Нечаева, когда тотъ не былъ еще революціонеромъ, и разрѣшила ему пользоваться ея адресомъ для своей переписки. За это она подверглась 2-хъ лѣтнему предварительному тюремному заключенію; затѣмъ она была выпущена изъ тюрьмы, но выслана административнымъ порядкомъ въ Крестцы (Новгородск. губ.), оттуда переведена въ Тверь, потомъ въ Солигаличъ, потомъ въ Харьковъ, причемъ ее то сажали въ тюрьму, то выпускали, безъ всякаго суда. Наконецъ, она покинула Харьковъ, не обративъ на себя ни чьего вниманія, и явилась въ Петербургъ. Здѣсь она узнала о происшествіи съ Боголюбовымъ и хотя не была лично знакома ни съ Боголюбовымъ, ни съ Треповымъ, но рѣшилась отомстить за возмутительное обращеніе съ заключенными, которое она не разъ испытала на самой себѣ. Противъ этой біографіи Засуличъ, набросанной ея защитникомъ, Треповъ не могъ ничего возразить. Онъ утверждалъ только, что она еще 16-ти лѣтнимъ ребенкомъ уже была въ революціонныхъ сношеніяхъ съ Нечаевымъ, что она уже тогда была нигилисткой и лицемѣркой, остригла волосы, носила кожаный поясъ и служила секретаремъ въ Серпуховѣ, а сестра ея — такъ была даже женой сосланнаго на каторгу нигилиста. Все это очень важныя обстоятельства и факты, но они не могли, конечно, оправдать вышеописаннаго обращенія съ 16-ти лѣтней дѣвушкой. Когда затѣмъ присяжнымъ былъ поставленъ вопросъ, нанесла ли Вѣра Засуличъ огнестрѣльную рану генералу Трепову, случилось нѣчто совершенно неожиданное: они отвѣтили отрицательно на этотъ вопросъ; обвиняемая была такимъ образомъ оправдана. Раздались шумныя знаки одобренія; говорятъ даже, что апплодировали чиновники министерства юстиціи и другія высокопоставленныя лица. По приказанію предсѣдателя, Вѣра Засуличъ была освобождена; но на улицѣ, у выхода изъ суда, ее уже ожидали жандармы; здѣсь произошла схватка съ полиціей, такъ какъ собравшаяся толпа не хотѣла выдать только что оправданнаго человѣка полицейскому произволу; въ это время Засуличъ удалось сѣсть въ приготовленную карету и исчезнуть, а черезъ нѣкоторое время бѣжать въ Швейцарію.

Дворъ и высшее чиновничество были въ отчаяніи отъ исхода процесса. Гр. Паленъ сейчасъ же вышелъ въ отставку, а новый министръ Набоковъ въ теченіе всего 1878 г. «очищалъ» министерство юстиціи. Треповъ, въ своей докладной запискѣ, высказывалъ такія рѣзкія обвиненія противъ судей и прокуроровъ, страстнѣе которыхъ врядъ-ли могли исходить отъ оппозиціи, — что доказываетъ, до какой степени юстиція была тогда раздражена произвольнымъ вмѣшательствамъ полицейскихъ властей.

На общественное мнѣніе этотъ процессъ произвелъ совершенно обратное впечатлѣніе. Симпатіи къ молодой дѣвушкѣ были всеобщи*). На ея судьбѣ было ясно видно, до какой степени должны были раздражать молодежь произвольныя преслѣдованія. Послѣдующая дѣятельность нигилистовъ стала для всѣхъ понятной. Еще выше поднялось уваженіе къ Засуличъ, когда стало извѣстно, что ею не руководили ни личные интересы, ни личная месть, и что она дѣйствовала не по порученію какой-либо партіи, а выступила по своей личной иниціативѣ, какъ мстительница за актъ произвола, который иначе, при русскихъ условіяхъ, остался бы безнаказаннымъ. Этотъ выстрѣлъ, раздавшійся въ такое возбужденное время, когда всѣ и безъ того были до крайности озлоблены на правительства, нашелъ широкій отголосокъ въ обществѣ и произвелъ огромное впечатлѣніе, какъ протестъ, во имя человѣческаго достоинства, противъ жестокости и притѣсненій. Не Вѣра Засуличъ явилась обвиняемой передъ судомъ, говоритъ Треповъ въ своей докладной запискѣ, а онъ самъ, Треповъ; и—можно прибавить—не какъ частное лицо, а какъ воплощеніе принципа административнаго произвола, подъ которымъ стонала и страдала Россія. Выстрѣлъ былъ направленъ именно въ этотъ принципъ; таково было мнѣніе прессы и общества. Съ этой точки зрѣнія можно понять тотъ восторгъ, который обнаруживался по поводу оправдательнаго приговора, пока Главное Управленіе по дѣламъ печати не запретило публичнаго обсужденія этого процесса.**) На рево-

*) Лавровъ а. а. О.

**) Я позволю себѣ указать на аналогію между революціоннымъ движеніемъ русскаго и нѣкоторой частью нѣмецкаго студенчества. Оба движенія дошли до политическаго убійства (Коцебу и Ибель) послѣ крупной войны, когда бывшіе солдаты и офицеры снова вернулись въ университеты. Въ обоихъ случаяхъ взрослое поколѣніе держалось пассивно и не переходило отъ словъ къ дѣлу; радикальная литература Германіи того времени mutatis mutandi соотвѣтствовала литературѣ нигилистовъ въ Россіи. „Unbedingte“ въ „Schwarze Bande“ защищали то основное положеніе, что все признаваемое разумомъ за истину, должно быть проведено безусловно, хотябы это потребовало уничтоженія разномыслящихъ; о коллизіи обязанностей не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ осуществленіе требованій разума является нравственной необходимостью; при этомъ всѣ средства безразличны, только бы достигнуть цѣли. Тѣхъ, которые признавали и политическія убійства, называли „Haarscharfen“; они объявляли «безразличными» средствами также и ложную клятву, нарушеніе супружеской вѣрности, воровство, обольщеніе, лишь бы все это достигало

люціонеровъ этотъ процессъ долженъ былъ произвести опьяняющее дѣйствіе. Для нихъ Вѣра Засуличъ стала героиней, «современной Шарлотой Кордэ»; одобреніе, которое встрѣтилъ совершенный ею поступокъ, заставило исчезнуть много сомнѣній относительно даннаго средства борьбы, много старыхъ «предразсудковъ» относительно убійства и вызвало цѣлый рядъ ихъ.*) Но всѣ эти убійства еще не были проявленіемъ систематическаго террора; они были вызваны частью самозащитой, частью местью и служили лишь предтечею политическаго террора. Прежде всего надо было раздѣлаться со шпіонами, чтобы защитить себя отъ ихъ доносовъ; такимъ образомъ были убиты Никоновъ 1-го февраля 1878 года въ Ростовѣ на Дону, Фетисовъ въ Одессѣ, а въ Москвѣ Рейнштейнъ, благодаря которому погибли многіе; затѣмъ — Барановскій и Жарковъ; шпіонъ Забрамскій, выдававшій революціонеровъ въ Кіевѣ, носилъ панцырь, отъ котораго безрезультатно отскакивали пули, такъ что покушавшійся на

цѣли. Затѣмъ поступокъ Занда (какъ В. Засуличъ, Соловьева и др.) былъ совершенъ не по порученію всего студенчества, а по соглашенію не болѣе какъ съ однимъ-двумя лицами. Зандъ смотрѣлъ на всякаго представителя взглядовъ противниковъ, какъ на смертельнаго врага, и мысленно жилъ въ состояніи войны со всѣми власть имущими и ихъ помощниками; онъ считалъ себя въ правѣ убить Коцебу. Его поступокъ нашелъ одобреніе въ самыхъ широкихъ кругахъ; всеобщее недовольство за безсиліе Германіи вырвалось, наконецъ, въ чудовищномъ крикѣ. Коцебу считался русскимъ шпіономъ, а Россія — очагомъ реакціи. Зандъ явился защитникомъ нѣмецкой самостоятельности, а его поступокъ—торжественнымъ протестомъ націи противъ воображаемой власти чужеземцевъ. Онъ проявилъ то, что жило въ безчисленныхъ сердцахъ. Нѣкоторые не одобряли поступка, но одобряли мотивы. Все студенчество было охвачено возбужденіемъ; въ тотъ вечеръ, когда сдѣлался извѣстнымъ поступокъ Занда, въ Іенѣ можно было найти много людей, которые, казалось, были готовы на убійство. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало покушеніе на Ибеля. Чтобы спасти Занда, было предложено зажечь Майнгеймъ съ четырехъ концовъ. Мюнхъ разсказываетъ о начальницахъ институтовъ, которыя симпатизировали движенію. Реакція не заставила себя долго ждать; послѣдовало извѣстное преслѣдованіе демагоговъ. Наряду съ этими аналогіями нѣтъ недостатка и въ различіяхъ. Ср. H. Leo: Meine Jugendzeit, 1880. H. v. Treitschke: Deutsche Geschichte II Кар. 7 und 9.

*) О послѣднихъ сообщается въ «Общинѣ»; см. перечень ихъ также у Лаврова въ Jahrbuch p. 288.

него (Поликарповъ) застрѣлился самъ. Не менѣе дѣйствительнымъ былъ мотивъ мести, побудившій, напр., къ неудачному покушенію, 25 февраля 1878 г., на товарища прокурора Котляревскаго, котораго революціонеры обвиняли въ томъ, что стремясь составить карьеру, онъ раздувалъ всякую мелочь, арестовывалъ невинныхъ людей и не выпускалъ арестованныхъ даже на поруки. Они обвиняли его также въ томъ, что онъ приказалъ жандармамъ раздѣть двухъ дѣвушекъ и вынуждалъ — угрозою смертной казни — признанія у арестованныхъ. Послѣ него былъ заколотъ кинжаломъ на улицѣ въ Кіевѣ жандармскій полковникъ баронъ Гейкингъ, относительно вины котораго мнѣнія самихъ революціонеровъ расходились. Его убили въ сущности за то, что онъ былъ жандармомъ; особенной же жестокости онъ не проявилъ. По поводу покушенія на Котляревскаго, въ Кіевѣ былъ арестованъ студентъ, освобожденія котораго на поруки его товарищи требовали самымъ шумнымъ образомъ. За это до 150 студентовъ было исключено и 30 изъ нихъ высланы въ сѣверныя губерніи. При ихъ отъѣздѣ изъ Кіева и проѣздѣ черезъ Харьковъ и Москву имъ были устроены овацiи, причемъ въ послѣднемъ городѣ произошло побоище между студентами или, лучше сказать, между всѣми одѣтыми въ нѣмецкое платье и монархически настроенными мелкими торговцами; нѣкоторымъ изъ первыхъ это побоище стоило жизни. Вообще, въ началѣ 1878 г. не было недостатка въ демонстраціяхъ всякаго рода въ южной Россіи. Въ Одессѣ, напримѣръ, Ковальскій (выдающійся знатокъ сектанства), Виташевскій и товарищи ихъ оказали 30 января вооруженное сопротивленіе жандармамъ, ворвавшимся ночью въ ихъ квартиру; они отстрѣливались, пока не сожгли своихъ бумагъ, и выбросили за окно шрифтъ. Въ Харьковѣ были сдѣланы попытки вооруженнаго освобожденія арестованныхъ (Ѳомина и Войнаральскаго). При осужденіи Ковальскаго и смертную казнь, 24 іюня въ Одессѣ, произошли уличные безпорядки, причемъ изъ толпы стрѣляли.

Возбужденное настроеніе русскихъ революціонеровъ отразилось и въ ихъ литературѣ, гдѣ проявлялась теперь оживленная дѣятельность. Въ 1877 г. вышелъ послѣдній томъ журнала «Впередъ», не встрѣтившій, впрочемъ, никакого сочувствія. Въ этотъ періодъ величайшаго возбужденія и страстной жажды дѣятельности, тщетны были призывы къ тихой, детальной, незамѣтной работѣ и желаніе исключить изъ среды революціонеровъ всѣхъ тѣхъ, кто не былъ спеціально подготовленъ къ дѣлу соціалистической пропаганды! Вслѣдствіи этого женевская группа анархистовъ, которая въ 1875-76 г. издавала народную газету «Работникъ», подняла теперь падающее знамя періодической печати и съ января по декабрь 1878 г. издала 9 номеровъ «Общины», представляющихъ, бла-

годаря своимъ содержательнымъ статьямъ, неоцѣненный источникъ для знакомства съ революціоннымъ движеніемъ. Съ цѣлью привлечь большее число интересныхъ сотрудниковъ, программа изданія была нарочно расширена. Она требовала бунтовъ и демонстрацій, но допускала также пропаганду и агитацію, и считалась съ національными требованіями, напр., украинцевъ. Журналъ давалъ свободный доступъ всѣмъ тѣмъ, кто будучи вполнѣ преданъ дѣлу освобожденія рабочихъ, могли оказать ему какія-либо услуги.*) Въ журналѣ работали представители самыхъ разнообразыхъ взглядовъ: украинофилъ Драгомановъ, революціонный агитаторъ Стефановичъ, западноевропейскій соціалистъ Аксельродъ и мн. др. Но какъ ни хорошъ былъ этотъ журналъ, какъ литературное явленіе — а онъ былъ, быть можетъ, лучшимъ въ русской революціи — онъ былъ меньше всего партійнымъ органомъ; а такъ какъ въ послѣднемъ его номерѣ разгорѣлась ожесточенная полемика между Драгомановымъ и Стефановичемъ, при чемъ первый подчеркивалъ необходимость политической, а второй — соціальной революціи, то это литературное предпріятіе къ сожалѣнію погибло въ первый же годъ своего существованія. Еще ранѣе «Общины», а именно съ 9 мая 1877 г., стало выходить въ Женевѣ «Общее Дѣло» и появлялось правильно, каждый мѣсяцъ, вплоть до 1891 г. Эта газета хотѣла быть органомъ политическихъ и конституціонныхъ стремленій въ Россіи; редакторомъ ея былъ А. Х. Христофоровъ, а въ числѣ его сотрудниковъ находились Алисовъ и умершій въ 1882 г. Зайцевъ, бывшій раньше сотрудникомъ Писарева въ «Русскомъ Словѣ» и однимъ изъ талантливѣйшихъ писателей. Тѣмъ не менѣе эта газета не оказала никакого вліянія на революціонное движеніе.

Вообще съ 1876 г. прекращается значительное вліяніе эмигрантской литературы, и по очень понятной причинѣ. Пока движеніе носило болѣе теоретическій характеръ и было чисто соціалистическимъ, пока оно не требовало быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, заграничная пресса могла служить его отраженіемъ, развивая при этомъ теоретически его цѣли. Но теперь, когда началась открытая война между правительствомъ и революціонерами, когда каждый день приносилъ новыя сраженія и новыя убійства, теперь вновь нарождающіяся идеи и смѣняющіяся построенія должны были искать для себя болѣе быстраго и непосредственнаго выраженія. И вотъ, съ 1878 г. въ Россіи возникаетъ собственная пресса, по сравненію съ которой продолжавшіе выходить въ Женевѣ «Общее Дѣло» и «Набатъ» уже потеряли всякое значеніе. Прежде всего, въ Петербургѣ вышелъ цѣлый рядъ летучихъ

*) П. Лавровъ. Jahrbuch a. a. O. p. 274.

листковъ. Такъ напр., распространенный въ апрѣлѣ 1878 г. летучій листокъ требовалъ конституціи и народнаго представительства: общественныя дѣла должны быть отданы подъ контроль общества; если это не будетъ сдѣлано законнымъ путемъ, то долженъ явиться тайный комитетъ общественной безопасности. Затѣмъ вышли прокламаціи отъ имени всей русской и московской учащейся молодежи съ протестами противъ обращенія съ арестованными и выраженіями симпатій соціалистамъ; кромѣ того появились листки, называвшіе себя органами русской соціалистической партіи. Въ этихъ прокламаціяхъ ясно отражалась дезорганизованность тогдашнихъ революціонеровъ, при чемъ каждый революціонный кружокъ выдавалъ себя за представителя «партіи». Наконецъ, съ марта по май 1878 г. появились три номера настоящей газеты, которая носила названіе «Начало». Это юное и не долговѣчное предпріятіе имѣло свою исторію. Еще въ 1876 г. нѣсколько либеральныхъ писателей предложили основать газету съ политически-конституціонными цѣлями, но это предложеніе было тогда отклонено соціалистами, потому что предложенная программа была программой не народной, а буржуазной газеты. Тѣ же самые либералы стали издавать весною 1878 г. вышеупомянутое «Начало», не завоевавъ своими конституціонными требованіями большого сочувствія, но и не будучи открыты полиціей.

Большая часть народниковъ, а именно такъ называемые троглодиты въ Пербургскомъ кружкѣ, еще стояли вполнѣ на прежней точкѣ зрѣнія. Когда въ апрѣлѣ и маѣ 1878 г. происходилъ ежегодный пересмотръ программъ, то цѣли ея остались почти неизмѣненными.*) Но относительно организаціи Александръ Михайловъ потребовалъ радикальной перемѣны въ смыслѣ болѣе строгой централизаціи и подчиненія мѣстныхъ группъ центру. Самыя сильныя возраженія встрѣтилъ тотъ параграфъ набросанной имъ программы, по которому каждый членъ центральнаго кружка обязывался исполнять рѣшенія большинства, если они даже противорѣчили его личнымъ взглядамъ. Михайловъ аргументировалъ такъ: принадлежность къ кружку предполагаетъ уже согласіе съ основными требованіями; во второстепенныхъ же пунктахъ каждый долженъ уступать. Въ концѣ концовъ и этотъ параграфъ былъ принятъ, съ той однако поправкой, что организація по возможности будетъ считаться съ личными склонностями своихъ членовъ.

Въ то время какъ въ Петербургѣ подготовлялся переходъ къ централистической организаціи, въ южной Россіи (Кіевъ, Харьковъ и Одесса) вырабатывалась практика терроризма.

*) «На родинѣ» № 3, стр. 25 и 44.

Послѣдній гораздо больше является твореніемъ юга, чѣмъ сѣвера. Въ этомъ направленіи особенно сильно, какъ кажется, повліялъ Валеріанъ Осинскій*) (Аполлонъ революціи, какъ называетъ его Степнякъ). Сынъ генерала и помѣщика, онъ родился въ 1850 г. въ Ростовѣ на Дону, кончилъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія и получилъ вполнѣ свѣтское воспитаніе. Закончивъ свое образованіе, онъ занялъ мѣсто секретаря городской управы въ Ростовѣ, ѣздилъ оттуда въ Петербургъ и былъ однажды арестованъ, потому что присутствовалъ безъ разрѣшенія на одномъ политическомъ процессѣ. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ вступилъ въ кружокъ троглодитовъ (1877), отъ котораго получилъ спеціальное порученіе освободить Стефановича. Явившись зимою 1877-78 г. въ Кіевъ, онъ оживилъ тамъ революціонныхъ духъ, который былъ совершенно подорванъ многочисленными арестами. Благодаря его симпатичной личности, молодежь быстро группировалась вокругъ него; онъ скоро пріобрѣлъ приверженцевъ и въ другихъ городахъ, причемъ не было ни одного сколько-нибудь серьезнаго движенія или покушенія, въ которыхъ онъ не игралъ бы какой нибудь роли. Его можно считать эмпирическимъ творцомъ терроризма. Именно въ его кружкѣ выработалось прежде всего направленіе, которое смотрѣло на терроръ не только какъ на средство мести, но и какъ на средство борьбы. Отчаянныя головы, подобныя Ивичевичу, не могли понять, почему бы нельзя было терроризировать правительство и принудить его дать политическую свободу и политическія права. Большинство же тогдашнихъ соціалистовъ еще не хотѣли ничего и слышать не только о систематическомъ террорѣ, но и о чисто политическихъ стремленіяхъ, называя сторонниковъ ихъ конституціоналистами и политиками. Мы видимъ такимъ образомъ, что террористическое направленіе въ русскомъ революціонномъ движеніи развилось сначала на югѣ и ужъ потомъ распространилось по всей Россіи.

Этотъ способъ борьбы явился естественнымъ продуктомъ обстоятельствъ.**) Въ большинствѣ другихъ странъ соціалисты берутся за тѣ же средства борьбы, какъ и другія партіи; они организуютъ союзы, созываютъ собранія, создаютъ свою прессу и стремятся вліять этими законными путями на общественное мнѣніе. Въ Россіи же имъ не было предоставлено ни одного легальнаго пути; всякія союзы, собранія и печатныя произведенія становились тамъ противозаконными; поэтому чѣмъ строже дѣлались преслѣдованія и наказанія правительства, чѣмъ чаще за распространеніе какой нибудь

*) Процессъ соціалистовъ 5 мая 1879 г. — Біографія Желябова, стр. 16.

**) Лавровъ. Jahrduch a. a. O.

одной брошюры люди приговаривались къ нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ, а за вооруженное сопротивленіе при арестѣ — къ смертной казни, тѣмъ болѣе ожесточались преслѣдуемые. Частью изъ самообороны, частью изъ мести, они убивали шпіоновъ и особенно жестокихъ чиновниковъ, оказывали сопротивленіе при арестахъ, освобождали арестованныхъ. Естественнымъ образомъ, преслѣдованія правительства и насильственныя дѣйствія революціонеровъ вызывали одно другое, страсти разгорались съ обѣихъ сторонъ, раздраженные люди соединялись въ комитеты мести или на личный страхъ судили судомъ линча за тѣ преступленія, которыя при безграничномъ произволѣ правительства остались бы безнаказанными. Мало по малу почти исчезли рѣчи о соціализмѣ, нравственности и справедливости; между двумя смертельными врагами загорѣлась дикая война, которая, какъ и всякая война, руководилась только принципомъ цѣлесообразности; эта война велась вначалѣ анархически настроенными и трудно дисциплинируемыми южно-русскими революціонерами, въ видѣ еще не организованныхъ партизанскихъ отрядовъ, а потому безрезультатно.

Между тѣмъ произошло новое очень важное событіе. Подслѣдственные политическіе заключенные въ петербургской Петропавловской крѣпости и уже осужденные политическіе въ харьковской центральной тюрьмѣ подняли такъ называемый «голодный бунтъ», чтобы, систематически отказываясь отъ всякой пищи, добиться лучшаго обращенія, причемъ въ Харьковѣ они добивались хотя бы только уравненія ихъ съ уголовными преступниками. Нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ побудили обѣщаніями принимать снова пищу, другихъ — харьковскій губернаторъ, кн. Крапоткинъ, заставилъ подвергнуть искусственному питанію; третьи имѣли еще достаточно силъ, чтобы воспротивиться этому и умерли. Слухи обо всемъ этомъ распространились между революціонерами. Легко воспламеняющейся фантазіи молодежи представились лица страдающихъ товарищей. Первою ихъ мыслью была — месть! Въ Петербургѣ виновникомъ мучительства явился генералъ Мезенцевъ, начальникъ 3-го отдѣленія, и вотъ 4 августа 1878 г., среди бѣлаго дня, онъ былъ убитъ на улицѣ, причемъ виновныхъ не удалось задержать на мѣстѣ*).

*) Морозовъ. Террористическая борьба. — «Вольное Слово», № 38. Бонди. — П. Лавровъ, Jahrbuch a. a. O. Впослѣдствіи оказалось, что лошадью, на которой ускакалъ убійца, правилъ Адріанъ Михайловъ. Убійство было совершено С. Кравчинскимъ, умершимъ заграницей въ 1895 г. Мезенцевъ обвинялся также въ томъ, что по его настоянію не было утверждено ходатайство суда о смягченіи приговора по процессу 193-хъ.

Появившаяся для разъясненія этого дѣла брошюра «Смерть за смерть»*), объявляетъ, какъ это дѣлалъ уже и Осинскій, политическое убійство правомѣрнымъ и цѣлесообразнымъ средствомъ борьбы противъ правительства, — средствомъ, которое будетъ примѣняться до тѣхъ поръ, пока правительство упрямо будетъ держаться практикуемой имъ системы. Съ другой стороны авторъ еще вполнѣ стоитъ на почвѣ соціализма. Трудъ и капиталъ, пролетаріатъ и буржуазія являются по его мнѣнію борющимися партіями въ Россіи, и онъ наивно предлагаетъ правительству отойти въ сторону и не мѣшать этой борьбѣ. Какъ ближайшихъ уступокъ прокламація требуетъ: прекращенія политическихъ преслѣдованій, устраненія административнаго произвола, передачи политическихъ дѣлъ суду присяжныхъ и полную амнистію за всѣ политическія преступленія.

Но правительство и не думало дѣйствовать кротостью; наоборотъ, оно усилило свои репрессивныя мѣры**). Еще 9 іюня 1878 г. во всей Россіи былъ введенъ новый родъ сельской полиціи (институтъ урядниковъ) съ неограниченными полномочіями. 9 мая всѣ преступленія противъ должностныхъ лицъ были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы судебнымъ палатамъ, особому присутствію сената и Верховному уголовному суду, чтобы обезпечить въ будущемъ правительству желанные приговоры. Послѣ убійства Мезенцева, по указу 9 авг., всѣ политическія убійства и насильственныя дѣйствія передавались военному суду. Кромѣ того, 20 августа, царь обратился къ обществу съ призывомъ помочь ему въ борьбѣ съ крамолой. Правительство обѣщало дѣйствовать противъ государственныхъ преступниковъ со всей твердостью и строгостью; но ему необходимо было найти опору и въ народѣ, а поэтому оно сочло необходимымъ призвать на помощь всѣ слои населенія Россіи. Въ томъ же смыслѣ царь произнесъ рѣчь въ Москвѣ (20 ноября) передъ собраніемъ всѣхъ сословій. И это обѣщаніе твердости и строгости было выполнено: 15 сентября были арестованы находившіеся въ Петербургѣ члены самой крупной революціонной организаціи «Земли и Воли». Эта организація состояла тогда изъ 50-60 лицъ, изъ которыхъ приблизительно около 10 вели дѣла въ Петербургѣ, доставали паспорта, деньги, убѣжища и подкрѣпляли ряды партіи изъ студенческихъ и рабочихъ круговъ. И вотъ наиболѣе дѣятельные изъ нихъ въ Петербургѣ, какъ Ольга Натансонъ, Сабуровъ (Оболешевъ), Малиновская, Колѣпкинъ, Адріанъ Михайловъ, Трощанскій и другіе были арестованы; пропали паспорта, печати и многочисленныя связи; бѣжав-

*) Написанная самимъ Кравчинскимъ.

**) Лавровъ. Jahrbuch a. a. O.

щіе не имѣли ни денегъ ни паспортовъ. Тогда уцѣлѣвшіе 5 или 6 человѣкъ съ величайшей энергіей возстановили организацію; тотъ же Александръ Михайловъ поспѣвалъ повсюду, собиралъ деньги, фабриковалъ паспорта, завязывалъ связи, такъ что общество «Земля и Воля» въ концѣ концовъ не только не распалось, но, воспользовавшись уцѣлѣвшей отъ погрома типографіей, стало съ 1 ноября правильно выпускать свою газету того же названія.*) Въ первомъ своемъ номерѣ газета формулировала задачу партіи, какъ устройство «Народной революціи»; ставила на первый планъ аграрный вопросъ, требовала, чтобы главная масса революціонеровъ работала въ народѣ. Въ провинціи терроръ былъ настолько мало популяренъ, что многіе дѣйствовавшіе тамъ товарищи отказывали ему въ своей помощи, такъ какъ событія въ Петербургѣ не имѣли, по ихъ мнѣнію, большого значенія, а «эфектные фейерверки» террористовъ казались имъ даже опасными. Тѣмъ не менѣе та же газета усиленно подчеркивала необходимость террористической организаціи, какъ «защиты партіи въ безпощадной борьбѣ» противъ вредныхъ личностей.

Русское «общество» охотно послѣдовало приглашенію циркуляра и царской рѣчи оказать помощь.**) Многія земскія собранія начали зимою 1878-1879 года обсуждать ближайшія задачи этого дѣла, причемъ нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно выставили тѣ либеральныя требованія, которыя были удовлетворены даже по отношенію къ болгарамъ. Депутаціямъ отъ московскаго и харьковскаго земствъ удалось представить эти требованія министру. Члены черниговскаго земства нашли, что противоправительственныя идеи развиваются въ Россіи благодаря неправильной организаціи среднихъ и высшихъ школъ, отсутствію свободы слова и печати, а также недостатку чувства законности въ народѣ, и заявили, что они съ величайшимъ сожалѣніемъ должны констатировать свое полное безсиліе въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Въ залѣ засѣданія этого земства присутствовали жандармы. Въ Полтавѣ была избрана комиссія, которая должна была ходатайствовать передъ правительствомъ о расширеніи политическихъ правъ; губернаторъ конфисковалъ у депутатовъ текстъ этого ходатайства. Въ Твери предсѣдатель земскаго собранія — предводитель дворянства не допустилъ даже этого вопроса до обсужденія; здѣсь земцы нашли причину распространенія ложныхъ ученій въ ненормальной организаціи школъ. Въ мартѣ 1879 г. либералы, у ко-

*) «На родинѣ» № 3, стр. 25 и 49. — Я. Стефановичъ. Злоба дня, стр. 7. — Біографія Перовской стр. 13. — Лавровъ. ***Взглядъ на прошлое и настоящее русскаго соціализма.***

) Лавровъ. Jahrbuch a. a. O. — «Вольное Слово» № 56 и ***Ближайшія задачи земства.*

торыхъ прибавилось теперь мужества, воспользовались новымъ предлогомъ для устройства въ обѣихъ столицахъ демонстрацій — въ чемъ имъ помогали болѣе умѣренные изъ среды соціалистовъ. Извѣстнѣйшій изъ тогдашнихъ русскихъ писателей, Иванъ Тургеневъ, обыкновенно жившій въ Парижѣ, пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію. Хотя онъ относился къ нигилизму и соціализму очень критически и даже отрицательно, но все таки, какъ истино либеральный человѣкъ, въ значительной мѣрѣ способствовалъ уничтоженію крѣпостного права, постоянно выставляя къ позорному столбу ничтожество и эксплуататорскія стремленія высшихъ классовъ, а въ своемъ романѣ «Новь» выставилъ, какъ героя будущаго, нѣкоего Соломина, русскаго Шульце Делича. При встрѣчѣ сѣдовласаго писателя, профессора, ученые, студенты устраивали ему овації съ рѣчами и адресами, при чемъ произносили сами и вызывали его на самыя смѣлыя слова. «Все указываетъ на то», сказалъ онъ между прочимъ: «что мы находимся наканунѣ хотя ближайшаго и законнаго, но тѣмъ не менѣе значительнаго преобразованія нашей общественной жизни.» Царь былъ очень недоволенъ этимъ либеральнымъ движеніемъ. «C'est ma bête noire,» выразился онъ относительно любимаго русскаго писателя. Его окружили шпіонами — и подъ рукой совѣтовали ему уѣхать, но не осмѣлились однако его арестовать, такъ что онъ могъ безпрепятственно покинуть Россію еще до покушенія на царя.

Зимою 1878-79 года это либеральное стремленіе къ конституціи, постоянно усиливавшееся послѣ турецкой кампаніи, достигло своей высшей точки и — какъ и слѣдовало ожидать — захватило также и соціалистовъ. Въ теченіе 1878 года, благодаря непрерывнымъ арестамъ и крупнымъ погромамъ, они поняли, что ихъ опаснѣйшій врагъ не помѣщики и фабриканты, а правительство и чиновники, которые при помощи безпримѣрнаго произвола и всемогущества не позволяли развиваться никакому освободительному движенію. Личная безопасность отсутствовала вполнѣ, потому что даже оправданные по суду ссылались административнымъ порядкомъ и отдавались подъ строгій полицейскій надзоръ. Не было никакихъ политическихъ правъ, ни свободы слова, ни свободы собраній и союзовъ, которыя являются правовой основой всякой агитаціи. Поэтому ближайшей задачей являлось пріобрѣтеніе этихъ именно правъ, чтобы обезпечить себѣ возможность пропаганды въ народѣ. Тогда началось повсюду обсужденіе вопроса о конституціи.*)

Слѣдуетъ-ли желать конституціи для успѣха соціализма? Нѣтъ, говорили одни, потому что она вовлечетъ общество и

*) «Вольное Слово» № 38. Бонди.

часть революціонной молодежи въ парламентарную борьбу, которая, какъ учитъ западноевропейскій опытъ, безполезна для народа. Народъ на нѣкоторое время возложитъ свои надежды на парламентаризмъ и будетъ глухъ къ проповѣди соціализма. Однако постепенно образовалось большинство въ пользу конституціи. Исторія—такъ аргументировало оно—не терпитъ скачковъ, русскій абсолютизмъ не можетъ быть поглощенъ сразу соціализмомъ. Необходимы переходныя ступени. Западная Европа показываетъ, что началомъ всякаго улучшенія является конституція; тогда возникаетъ свобода слова и печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ является и возможность теоретическаго развитія соціализма. Кромѣ того въ Россіи буржуазія еще не готова къ борьбѣ; она невѣжественна и безъ яснаго сознаніи своихъ классовыхъ интересовъ; поэтому, при парламентарномъ режимѣ, въ Россіи съ нею легче будетъ справиться, чѣмъ въ Западной Европѣ. Эти приверженцы конституціи были подкрѣплены въ своихъ взглядахъ исходомъ процессовъ 50 и 193, и втеченіе зимы 1878-79 года привлекли на свою сторону большинство. Правда, идея возможности чисто соціалистическаго движенія поддерживалась до 1879 г., но это былъ уже результатъ слѣпой вѣры. Многіе революціонеры не хотѣли, да и не могли по легко понятнымъ психологическимъ основаніямъ, порвать сразу со своими соціалистическими традиціями и выдвинуть на первый планъ политическую борьбу. Для этого они слишкомъ настаивали раньше на соціалистической агитаціи и слишкомъ рѣзко высказывались противъ чисто политическаго движенія. Внутренній разрывъ съ прошлымъ могли совершить только самые энергичные и страстные революціонеры; рѣшающимъ моментомъ являлся здѣсь темпераментъ. Не обращая вниманія на упреки въ непостоянствѣ и узости, они поставили на первый планъ политическія цѣли.

Этимъ самымъ была установлена точка соприкосновенія соціалистовъ съ либералами. Вѣдь теперь цѣли ихъ совпадали! Завязались переговоры съ радикальными политиками земствъ, либеральными журналистами и адвокатами, съ цѣлью побудить ихъ перейти отъ либеральнаго шушуканья къ энергичнымъ дѣйствіямъ; имъ даже не было надобности дѣйствовать самимъ—слѣдовало только энергично поддерживать революціонеровъ. Въ этихъ переговорахъ принимали участіе наиболѣе серьезные представители революціонной молодежи, погибшіе впослѣдствіи какъ террористы. Однимъ изъ эфемерныхъ продуктовъ этого сближенія была, между прочимъ, появившаяся весною 1878 года газета «Начало»*). Зимою 1878-79 г. газета «Земля и Воля», органъ революціонной агитаціи, объявила

*) Вышло всего 4 номера, съ марта по май.

заслуживающими вниманія требованія либеральныхъ земскихъ политиковъ, къ которымъ вообще она относилась критически, и напечатала свой отвѣтъ на знаменитое правительственное воззваніе, въ которомъ общество призывалось къ борьбѣ съ «крамолой». Въ тайной типографіи Земли и Воли, въ Петербургѣ, печатались воззванія умѣренныхъ либераловъ съ конституціонными требованіями, которыя впрочемъ частью были написаны самими революціонерами. Нѣкоторые либеральные земскіе политики хотѣли даже выпустить свое коллективное заявленіе и послали своихъ депутатовъ въ Петербургъ для демонстраціи, которая, впрочемъ, не состоялась.*) Эти сношенія либераловъ съ революціонерами прекратились послѣ покушенія на царя, когда революціонеры были снова предоставлены своимъ собственнымъ силамъ.

Поддержка, которую они нашли тогда среди 2-хъ другихъ оппозиціонныхъ общественныхъ элементовъ, — среди студенчества и рабочаго класса—не имѣла большого значенія**). Въ концѣ 1878 года въ нѣсколькихъ университетахъ произошли безпорядки. Воспитанники Ветеринарнаго института въ Харьковѣ прогнали одного изъ своихъ профессоровъ; студенты тамошняго университета приняли сторону товарищей, а въ Петербургѣ и Кіевѣ по этому поводу произошли шумныя сходки, въ декабрѣ 1878, которыя были разогнаны солдатами и казаками ударами сабель и нагаекъ, при чемъ многіе студенты были ранены, а нѣкоторые убиты. Профессора вполнѣ справедливо возстали противъ такого поведенія начальства и говорили въ своемъ воззваніи: «Примѣненіе такихъ возмутительныхъ средствъ не было нисколько обусловлено обстоятельствами. При подобныхъ условіяхъ представителямъ науки трудно поднять среди молодежи не только умственный, но и нравственный уровень. То обстоятельство, что будущихъ врачей, учителей и судей хлестали на улицѣ нагайками, безъ обращенія къ суду, должно внушить имъ много мыслей, опасныхъ для государства и общества». Въ то же время докладъ особой коммиссіи называлъ причинами безпорядковъ среди студентовъ кромѣ «общихъ, коренящихся въ условіяхъ всей русской общественной системы» еще слѣдующія спеціальныя: недовѣрчивое отношеніе къ студенчеству, какъ политически неблагонадежному элементу; серьезныя полицейскія оскорбленія, наносимыя студенчеству въ его частной жизни, что отнимаетъ у молодежи сознаніе личной безопасности; зависимое положеніе университетскаго начальства, которое не можетъ со спокойной совѣстью пользоваться дисциплинарными мѣрами взысканія, такъ какъ за ними слѣдуютъ обычно «ад-

*) «Вольное Слово».
**) Лавровъ а. а. О. 293—298.

министративныя» мѣры, которыя губятъ дальнѣйшую карьеру молодого человѣка; наконецъ, крайняя легкость, съ которой подвергаютъ молодежь арестамъ и полицейскимъ мѣрамъ, что гибельно дѣйствуетъ на ея будущность. Устраненіе этихъ причинъ безпорядковъ докладъ считалъ необходимымъ для развитія «уваженія къ закону и его требованіямъ» среди юношества.

Съ своей стороны рабочіе устроили рядъ стачекъ въ различныхъ промышленныхъ центрахъ; наибольшее значеніе имѣли волненія на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Петербурга. Въ началѣ 1879 г. появилось воззваніе петербугскихъ рабочихъ, бывшее въ то же время программой «Русскаго сѣвернаго рабочаго союза», къ которому должны были примыкать городскіе и сельскіе рабочіе. Требованія были выставлены общесоціалистическія; какъ на ближайшія цѣли указывалось на обычныя политическія вольности и на благопріятные для рабочихъ законы. Дѣятельность Сѣвернаго Союза должна была носить характеръ пропаганды и мирной агитаціи, имѣя въ виду привлекать рабочихъ и крестьянъ, но она не исключала также и открытой борьбы. Число членовъ доходило до ста человѣкъ, изъ которыхъ тою же весною 1879 г., по доносу шпіона Ренштейна, было арестовано 60 чел., при чемъ была открыта и ихъ только-что основанная типографія. Этимъ движеніемъ руководила группа интеллигентныхъ рабочихъ (Халтуринъ, Обнорскій); она получала деньги и паспорта черезъ Александра Михайлова и другихъ членовъ центральной организаціи.*)

Между тѣмъ борьба между правительствомъ и революціонерами продолжалась; на мѣсто Мезенцева главой тайной полиціи былъ назначенъ генералъ Дрентельнъ. Имъ были предприняты массовые аресты; говорятъ, что въ одномъ только Петербургѣ этой зимой было заключено въ тюрьму до 2000 челов. Понятно, что при этомъ дѣло доходило до кровавыхъ столкновеній, потому что революціонеры оказывали вооруженное сопротивленіе, противъ чего жандармы пытались защитить себя, надѣвая панцыри. Не было недостатка и въ актахъ мести со стороны соціалистовъ. 9 февраля 1879 г. харьковскій губернаторъ, князь Кропоткинъ, былъ застрѣленъ Гольденбергомъ при возвращеніи въ открытомъ экипажѣ съ бала; убійца не былъ схваченъ. Кропоткина обвиняли въ безчеловѣчномъ обращеніи съ заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ. 12 марта Мирскій выстрѣлилъ на улицѣ въ генерала Дрентельна. Нападенія направлялись все на болѣе и болѣе высокопоставленныхъ лицъ, и для революціонеровъ становилось при этомъ все яснѣе, что они не попадаютъ въ

*) Лавровъ «Jahrbuch» 297. «На родинѣ» № 3 стр. 48.

главную цѣль. Главою государственнаго управленія и причиною тѣхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались, являлся въ ихъ глазахъ царь. Такимъ образомъ, логическимъ выводомъ изъ убійства шпіоновъ и чиновниковъ, которое разсматривалось сначала, какъ средство самозащиты и мести, явилась мысль о цареубійствѣ. Эта мысль созрѣла одновременно у различныхъ лицъ и въ различныхъ мѣстахъ. Если я хорошо освѣдомленъ, то уже осенью 1878 года южнорусскіе бунтари (Виттенбергъ и Логовенко) готовились въ Николаевѣ взорвать пароходъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать Александръ II, при чемъ это покушеніе было единственнымъ, открытымъ полиціей до его выполненія. Одновременно съ тѣмъ въ Петербургъ пріѣхалъ Соловьевъ, фанатикъ лѣтъ 30, который вышелъ изъ университета со второго курса и сдѣлался народнымъ учителемъ въ Торопцѣ Псковской губ.; здѣсь подъ вліяніемъ одного помѣщика онъ сталъ соціалистомъ, послѣ чего изучилъ ремесло въ устроенной имъ кузницѣ и въ 1875 году отправился въ крупное промышленное село Павлово на Окѣ. Потомъ онъ поступилъ въ волостные писаря въ Саратовской губерніи и здѣсь пришелъ къ рѣшенію убить царя*). Прибывъ въ Петербургъ, онъ, за недостаткомъ другихъ знакомствъ, довѣрилъ свой планъ Александру Михайлову, объ отношеніяхъ котораго къ обществу Земля и Воля онъ зналъ. Но онъ не остался одинокимъ. Въ серединѣ марта въ Петербургъ пріѣхалъ Гольденбергъ, сильно возбужденный своимъ успѣшнымъ покушеніемъ на Кропоткина, и признался Ал. Михайлову также въ своемъ намѣреніи убить царя. Михайловъ, Зунделевичъ и Квятковскій взяли на себя посредничество между Соловьевымъ и Гольденбергомъ. Состоялось нѣсколько собраній въ трактирахъ; бесѣды велись самыя оживленныя, теоретически вопросъ обсуждался ими всѣми; но посредники избѣгали оказывать какое-либо давленіе на тѣхъ, о жизни и смерти которыхъ шло дѣло; сами они еще не были тогда готовы къ самопожертвованію и чувствовали это. Но они указывали на то, что польскій еврей меньше подходилъ для такого акта, потому что, вслѣдствіе національной вражды, репрессіи могли упасть на головы милліоновъ невинныхъ соплеменниковъ. Соловьевъ обратилъ особенное вниманіе на это замѣчаніе и закончилъ переговоры словами: «Я долженъ это совершить, это мое дѣло; Александръ II мой, и я его никому не уступлю!» Ни Гольденбергъ, ни посредники не произнесли больше ни слова. Мѣсто и время, выбранное для покушенія, дѣлали не нужными дальнѣйшее содѣйствіе, и только одинъ Михайловъ наблюдалъ издали за

*) «На родинѣ» № 2. Біографія Соловьева и показанія Ал. Михайлова на процессѣ 20, стр. 49.

происшедшимъ. 2 апр. 1879 г. Соловьевъ 5 разъ выстрѣлилъ въ гулявшаго царя, но даже не ранилъ его. Мы видимъ такимъ образомъ, что уже образовавшійся тогда Исполнительный Комитетъ террористовъ былъ правъ только чисто формально, когда онъ отказался отъ всякой отвѣтственности за это дѣяніе, утверждая, что оно явилось результатомъ инициативы отдѣльной личности и было извѣстно только узкому кругу лицъ. Къ этому узкому кругу принадлежали однако руководящія лица тогдашняго движенія, на которыхъ должна падать вся отвѣтственность за это покушеніе.

Политическіе террористы увидѣли такимъ образомъ, что сдѣланъ послѣдній шагъ. Кровь кипѣла; пульсъ бился сильнѣе! Для того чтобы идти дальше по пути политической революціи и примѣнять терроръ, какъ правильное средство борьбы, необходима была болѣе крѣпкая организація съ болѣе суровой дисциплиной и лучше охраняемой тайной. Покушеніе Соловьева поставило этотъ вопросъ на очередь. Необходимо было столковаться съ народниками и болѣе мирными соціалистами относительно цѣлей, средствъ и организаціи.

Послѣ покушенія 2-го апрѣля, Россія была подраздѣлена на 6 генералъ-губернаторствъ съ предоставленіемъ чрезвычайныхъ полномочій генералъ-губернаторамъ. Гурко, Тотлебенъ и Чертковъ начали свое террористическое управленіе въ Петербургѣ, Одессѣ и Кіевѣ; бѣлый терроръ ни въ чемъ не уступалъ красному. Все населеніе въ Петербургѣ было отдано подъ надзоръ дежурившихъ днемъ и ночью дворниковъ, что падало на дома владѣльцевъ тяжелымъ налогомъ. Паспортная система была усилена, торговля оружіемъ и ядами поставлена подъ контроль, за учениками и извозчиками учрежденъ надзоръ, многіе чиновники были арестованы и высланы. Въ то же время многіе революціонеры были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, при чемъ нѣкоторые за то, что оказывали вооруженное сопротивленіе при арестѣ или только дѣлали видъ, что хотѣли оказать, какъ, наприм., Осипскій въ Кіевѣ, не успѣвшій даже вытащить револьверъ изъ кармана. Другіе, арестованные еще въ 1876 г., какъ, напримѣръ, Дробязгинъ, были повѣшены въ Одессѣ только потому, что они, какъ уже арестованные, были подъ рукой для мести. Теперь для революціонеровъ борьба противъ буржуазіи и помѣщиковъ отступила на задній планъ передъ борьбою противъ правительства. Мирныя средства казались имъ не дѣйствительными; они обратились къ террору. Тѣмъ сильнѣе ощущался ими теперь недостатокъ въ крѣпкой организаціи, которая позволила-бы дѣйствовать систематически. Въ организаціонномъ отношеніи, какъ мы уже видѣли, сѣверъ съ давнихъ поръ стоялъ выше юга. Хотя южане прибѣгали къ такимъ мѣрамъ, какъ самозванство и убійство, но

они не умѣли организовать силъ, которыя были для этого необходимы. Личная свобода считалась тамъ неприкосновеннымъ догматомъ, допускавшимъ лишь чисто товарищеское объединеніе, которое было, конечно, достаточно для смѣлыхъ попытокъ, но не могло привести къ побѣдѣ надъ правительствомъ. До сихъ поръ всѣ покушенія исходили изъ подобныхъ маленькихъ группъ или отъ отдѣльныхъ лицъ. Теперь нужно было систематизировать терроръ, какъ это рекомендовалъ Осинскій въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ товарищамъ, а для этой цѣли они должны были постараться захватить въ свои руки самую крупную изъ существовавшихъ тогда организацій.

Весною 1879 г. такою организаціей было общество Земля и Воля, которое хотя имѣло слабое развѣтвленіе и на югѣ, но было создано сѣвероиъ. Общество уже оправилось отъ погромовъ прошлой осени, имѣло теперь свою тайную типографію, издавало газету, получало денежную поддержку въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и устроило нѣсколько солидныхъ поселеній въ Поволжьѣ, а именно въ Саратовской губ. Нѣкоторые изъ его членовъ занимали должности волостныхъ писарей и т. п., а отношенія съ вліятельными лицами въ земствѣ были у него такъ хороши, что добываніе мѣстъ, по мѣрѣ наличности агитаторовъ, было вполнѣ обезпечено. Одинъ волостной писарь, наприм., былъ въ сношеніяхъ съ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ земской управы, хотя они и знали, что онъ нелегальный. Ему удавалось всѣ споры рѣшать въ пользу крестьянъ, и послѣдніе его боготворили. Только лѣтомъ 1879 года правительство, идя по слѣдамъ Соловьева, который также былъ волостнымъ писаремъ въ Саратовской губ., наткнулось на существованіе этого поселенія и разрушило его. Затѣмъ общество Земля и Воля насчитывало въ своихъ рядахъ сравнительно большое число опытныхъ и энергичныхъ людей и кромѣ того пользовалось большою извѣстностью — что при заговорѣ, быть можетъ, самое главное. Члены этого общества, поселившіеся въ деревнѣ, такъ называемая «деревенщина», придерживались главнымъ образомъ соціалистической агитаціи; они хотѣли создать народную партію и назывались поэтому народниками. Они относились отрицательно къ террористическимъ мѣрамъ, потому что послѣднія вели на путь политической борьбы и тѣмъ самымъ отклоняли движеніе отъ соціальной революціи. Городская же партія была того мнѣнія, что вопросъ ставился тогда такъ: или отказъ отъ пропаганды и агитаціи, или достиженіе политической свободы, потому что при существующихъ обстоятельствахъ невозможно было революціонизировать народъ. Представители этого мнѣнія были очень непопулярны; ихъ называли новаторами и конституціонали-

стами. Поэтому даже по отношенію къ своимъ товарищамъ они должны были дѣйствовать очень осторожно и стремились прежде всего къ увеличенію числа своихъ сторонниковъ, каковымъ весною 1879 г. оказался и Желябовъ.

Около этого времени, согласно уставу, должно было состояться ежегодное собраніе членовъ общества Земля и Воля» для рѣшительнаго обсужденія задачъ организаціи; въ то же время большинство общества думало совершенно уничтожить террористическія стремленія. Мѣстомъ собранія былъ выбранъ Воронежъ, потому что этотъ городъ являлся для большинства поселенцевъ, дѣйствовавшихъ въ народѣ, центральнымъ пунктомъ. Террористы со своей стороны хотѣли также воспользоваться этимъ съѣздомъ для своихъ цѣлей и безъ вѣдома своихъ противниковъ созвали на 17 — 21 іюня предварительный съѣздъ въ Липецкѣ, Тамбовской губ., чтобы явиться въ Воронежъ уже съ выработаннымъ планомъ. На это собраніе были приглашены не только террористы изъ общества Земли и Воли, но и вліятельные революціонеры изъ другихъ кружковъ и мѣстъ, связанные между собой только сознаніемъ необходимости выдвинуть на первый планъ политическій моментъ, централизовать организацію и вести активную борьбу съ правительствомъ.

Въ біографіи Желябова, составленной Тихомировымъ,—этомъ важномъ историческомъ источникѣ,—подробно сообщаются тѣ взгляды, которые раздѣлялъ тогда этотъ выдающійся участникъ Липецкаго съѣзда. Соціально-революціонная партія, говорилъ онъ, должна преслѣдовать соціально-экономическія, а не политическія цѣли. Послѣднія должны всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что, при ихъ отсутствіи, никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность свалить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ «идейная борьба». Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ-нибудь такомъ, достиженіе чего давало-бы прочное основаніе политической свободѣ и стремленіе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности. Такою ближайшею цѣлью и было черезъ нѣкоторое время «Учредительное Собраніе» на основахъ «народной воли».

Порѣшивъ утвердительно — хотя въ довольно неопредѣленной формѣ—этотъ первый вопросъ, съѣздъ перешелъ къ обсужденію того, какъ соціально-революціонная партія должна

отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ мести за 2 апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще опредѣленнѣе. Онъ доказывалъ, что если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченіе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣритъ, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденія, то тогда для партіи просто немыслимо безучастно относится къ такимъ крайнимъ проявленіямъ тираніи, какъ тотлебеновскія и чертковскія расправы, иниціатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія реформы сдѣлаетъ все, что можетъ: если у нея есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватаетъ силы только наказать его лично, она должна это сдѣлать; если у нея не хватаетъ силы и на это, она обязана хоть громко протестовать. Но силъ хватитъ безъ сомнѣнія, и силы будутъ расти тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать*).

Этотъ вопросъ тоже не вызвалъ особыхъ противорѣчій, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе и болѣе накипали тогда въ душѣ присутствовавшихъ.

Третьимъ предметомъ обсужденія была форма организаціи. Желябовъ въ то время не былъ особенно горячимъ централистомъ, но подъ вліяніемъ доказательствъ другихъ лицъ — и болѣе всего Александра Михайлова — съѣздъ порѣшилъ организаціонный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны**).

Между тѣмъ въ Воронежъ собрались многочисленные члены общества Земля и Воля изъ деревенской или народной партіи. Но такъ какъ ихъ товарищи, собравшіеся въ Липецкѣ, заставили себя ждать въ теченіе 4-хъ дней, то нѣкоторые изъ землевольцевъ вернулись въ свои деревни, такъ какъ они боялись потерять занимаемыя тамъ мѣста. Когда за тѣмъ явились террористы, то они прежде всего внесли предложеніе о пріемѣ новыхъ членовъ, чтобы ввести въ составъ общества болѣе разносторонніе элементы. Съѣздъ согласился на это и принялъ нѣсколько новыхъ членовъ, между ними Желябова и Ширяева. Совѣщанія на этомъ съѣздѣ были довольно безсодержательны, такъ какъ раздѣленіе между обоими направленіями зашло слишкомъ далеко, чтобы было возможно полное соглашеніе. Большинство состояло еще изъ старыхъ пропагандистовъ и революціонныхъ агитаторовъ,

*) Біографія Желябова, стр. 36-37.

**) На съѣздѣ въ Липецкѣ присутствовали: Алекс. Михайловъ, Фроленко, Тихомировъ, Колоткевичъ, Желябовъ, Ширяевъ, Квятковскій, Морозовъ, Гольденбергъ, Оловянникова, Баранниковъ и еще четыре лица.

которые сохранили свое отрицательное отношеніе къ политикѣ, террору и централизаціи. «И эти люди воображаютъ себя революціонерами!» — съ горечью говорилъ Желябовъ. Онъ считалъ необходимымъ разрывъ и на съѣздѣ развивалъ свои взгляды въ самой рѣзкой формѣ, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе со стороны правовѣрныхъ соціалистовъ: «Да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ», говорили они. Друзья Желябова, однако, — какъ, напр., Михайловъ—хотѣли во что бы то ни стало избѣжать рѣшительнаго разрыва, для того чтобы не разрушить единственную сильную организацію; они просили Желябова не выступать такъ рѣзко, въ отвѣтъ на что онъ совсѣмъ пересталъ говорить публично и принималъ участіе лишь въ частныхъ спорахъ, особенно съ Софьей Перовской. Съѣздъ кончился компромиссомъ. Программа Земли и Воли осталась неизмѣнной; но активная борьба съ правительствомъ должна была быть усилена, а въ случаѣ казней общество должно было принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Направленіе газеты, которую нѣкоторые обвиняли въ слишкомъ большихъ уступкахъ терроризму, потому что, напр., въ № 4 «Листка Земли и Воли», вышедшемъ послѣ покушенія Соловьева, было отведено слишкомъ много мѣста политикѣ, такъ что соціализмъ казался оттѣсненнымъ на второй планъ, — это направленіе было признано согласнымъ со взглядами партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить; но въ пунктѣ, трактующемъ объ агитаціи въ деревнѣ, сдѣлано было весьма важное дополненіе: было признано необходимымъ и своевременнымъ организовать въ деревнѣ систему аграрнаго террора, на подобіе ирландскаго риббонменства. Во главѣ газеты «Земля и Воля» остались 2 прежнихъ редактора, оба террориста, но къ нимъ присоединили еще 1 — изъ партіи «народниковъ»; составъ петербургской административной коммиссіи (тянувшей въ сторону террора) также былъ усиленъ народническимъ элементомъ. Изъ имѣвшихся денежныхъ суммъ рѣшено было тратить не болѣе одной трети на террористическую дѣятельность*).

Террористы не могли удовлетвориться вполнѣ этими результатами, хотя они получили матеріальныя средства и на-

*) Послѣ утвердительнаго вотума съѣзда по вопросу объ оказаніи содѣйствія деньгами и людьми предполагавшемуся цареубійству, одинъ изъ редакторовъ «Земли и Воли, Г. Плехановъ, покинулъ съѣздъ, заявивъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, измѣняющими народному дѣлу *(Воспоминанія землевольца)*.

Перечисленіе рѣшеній, принятыхъ воронежскимъ съѣздомъ, дополнено редакціей на основаніе тѣхъ-же воспоминаній землевольца. Л. Ш.

дѣялись привлечь на свою сторону еще нѣкоторыхъ земледѣльцевъ. Съ этою цѣлью, сейчасъ же послѣ конгресса, они разъѣхались по большимъ городамъ. Желябовъ поѣхалъ въ Харьковъ, Кіевъ и Одессу; Ал. Михайловъ — въ Петербургъ, чтобы вербовать новыхъ сторонниковъ. Въ этотъ періодъ въ Петербургѣ произошло нѣсколько общихъ собраній, на которыхъ обсуждалась новая постановка вопроса; но фактически каждая фракція дѣйствовала уже вполнѣ самостоятельно и вербовала себѣ новыхъ членовъ, пока, наконецъ, на съѣздѣ представителей обѣихъ группъ общества Земли и Воли, въ Петербургѣ, 15 авг. 1879 г., разрывъ не былъ объявленъ открыто. Тогда возникла террористическая, централистическая организація, названная впослѣдствіи, по ея органу, «Народная Воля» (первый номеръ вышелъ въ октябрѣ 1879), народовольческой, и выпускавшая также зимой 1880-81 г. «Рабочую Газету»,— и децентралистическая народническая группа, члены которой, по имени газеты «Черный Передѣлъ» (первый номеръ вышелъ 15 января 1880), назывались чернопередѣльцами, а также народниками; они въ іюнѣ 1881 г. издали народный листокъ «Зерно». Обѣ партіи разстались мирнымъ и дружескимъ образомъ. Онѣ обѣщали содѣйствовать другъ другу типографіями, поддерживать деньгами и помогать при убійствѣ шпіоновъ и освобожденіи арестованныхъ товарищей. Такъ и было впослѣдствіи; когда, наприм., шпіонъ Жарковъ предалъ типографію народниковъ, то террористы убили его; у нихъ же первые временно печатали свою газету. 26 августа царь былъ «приговоренъ» къ смерти Исполнительнымъ Комитетомъ, и противъ него, поѣхавшаго тогда въ Ливадію, въ Крымъ, задуманъ былъ цѣлый походъ.

Глава седмая.

ТЕРРОРИЗМЪ.

(съ 1879 г.)

Весь громадный переворотъ въ революціонномъ движеніи совершился не разомъ и охватилъ не въ равной мѣрѣ различные кружки и личности въ городѣ и въ деревнѣ. Не легко было отказаться отъ осуществленія соціалистическихъ идеаловъ ради ближайшихъ политическихъ цѣлей, не касавшихся даже непосредственно экономическихъ вопросовъ; не лег-

ко было оставить путь сравнительно мирной пропаганды и агитаціи, чтобы идти на убійства и другія преступленія; не легко было склонить гордую голову и самостоятельную мысль, проявлявшуюся съ неограниченной свободой въ мелкихъ кружкахъ, предъ высшимъ авторитетомъ Исполнительнаго Комитета, въ виды котораго не всѣ даже были посвящены. Этотъ психологическій и этическій процессъ потребовалъ двухъ, а въ большинствѣ случаевъ даже еще большаго числа лѣтъ, чтобы созрѣть вполнѣ. Новыя идеи прежде всего овладѣли сангвиническими и нетерпѣливыми, энергичными и отчаянными характерами, въ то время какъ большинство еще нерѣшительно стояло между двухъ крайностей: соглашаясь, подобно Софьѣ Перовской, съ народной партіей, что не слѣдовало оставлять дѣятельности въ народѣ, оно требовало въ то-же время, вмѣстѣ съ террористами, смерти Александра II; дѣятельность одной партіи должна была дополнять другую. Эти нерѣшительные элементы задерживали открытый разрывъ и затушевывали въ теченіе извѣстнаго времени разногласіе, чтобы не обнаружить того поворота въ политической борьбѣ, который сближалъ ихъ со столь долго осмѣивавшимися якобинцами и либеральными буржуа. Впослѣдствіи впрочемъ эти элементы подчинились успѣху и усилившейся дѣятельности террористовъ.

Это революціонизированіе умовъ естественно должно было повести къ продолжительнымъ спорамъ, при чемъ скоро обнаружилось, что для выясненія дѣла недоставало одного изъ существенныхъ орудій—хорошо организованной прессы. Правда, между товарищами происходили обсужденія, не было также недостатка и въ рукописной литературѣ, но всего этого было мало, и прежде всего для поселенцевъ въ деревнѣ. Не было, конечно, ничего удивительнаго, что литература была поставлена неудовлетворительно и что русскій революціонеръ не успѣвалъ пополнить пробѣловъ своего теоретическаго образованія. Попадая съ юныхъ лѣтъ подъ огонь полицейскихъ преслѣдованій, онъ часто не имѣлъ даже комнаты, которую могъ бы назвать своею. Цѣлыми мѣсяцами и годами онъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣстожительства. Вставая утромъ, онъ не зналъ, гдѣ найдетъ пріютъ на ночь. Нельзя было при такихъ условіяхъ требовать отъ него умственныхъ занятій. Кромѣ того, откуда онъ могъ получать книги?! Тѣмъ не менѣе сами соціалисты сознавали, что результаты пропаганды во многомъ зависятъ отъ познаній агитаторовъ; поэтому литература была необходима для нихъ, какъ и для народа.

Между тѣмъ среди различныхъ отраслей революціонной дѣятельности пресса занимала пока низшую ступень. Но, какъ справедливо указывало на это объявленіе объ изданіи

соціально-революціонной библіотеки, ни одна партія не можетъ безнаказанно игнорировать теорію. А такъ какъ приходилось сознаться, что въ то время господствовала та же неясность въ идейной области, какъ и въ началѣ движенія, и что литература не могла удовлетворить растущихъ требованій интеллигентныхъ читателей, то было рѣшено издавать подъ редакціей Лаврова, Гартмана и Морозова соціально-революціонную библіотеку. Изданія этой библіотеки вышли однако довольно скудными; за 3 года появилось всего 3 книжки: 2 перевода — Шеффле «Сущность соціализма» (съ критическими замѣчаніями Лаврова и Тарновскаго) и Коммунистическій манифестъ — и небольшая книжка Лаврова о Парижской коммунѣ. Теоретической разработкой насущныхъ вопросовъ дня занимались Морозовъ и Тарновскій съ террористической, а Стефановичъ и Борисовъ съ народнической точекъ зрѣнія, въ своихъ брошюрахъ, появившихся въ 80 и 81 гг. «Набатъ», все еще издававшійся въ Женевѣ, увидѣлъ себя, наконецъ, въ согласіи съ руководящей партіей въ русскомъ революціонномъ движеніи. Оффиціальными же органами обѣихъ партій были уже вышеупомянутые «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ», на ряду съ которыми въ 1880-81 гг. появилось значительное число программъ и прокламацій*). О многихъ изъ нихъ трудно даже сказать, отъ кого именно они исходили, потому что большею частью онѣ появлялись анонимно. Даже когда онѣ выходили отъ имени одной изъ двухъ дѣйствовавшихъ партій или отъ имени соціально-революціонной партіи, какъ единаго цѣлаго, онѣ все-таки противорѣчили другъ другу. Часто отдѣльные революціонеры дѣйствовали и писали за свой собственный страхъ, а когда объ нихъ спрашивали, то получался отвѣтъ: «Этому не надо придавать серьезнаго значенія». Даже прокламаціи Исполнительнаго Комитета Народной Воли не всегда встрѣчали одобреніе всѣхъ партійныхъ товарищей; случалось даже — какъ, напр., съ воззваніемъ по поводу южно-русскихъ еврейскихъ погромовъ — что ихъ приходилось отмѣнять. Не безъ основанія поэтому Яковъ Стефановичъ говорилъ о хаотическомъ характерѣ русскаго революціоннаго движенія, въ ходѣ котораго невозможно подмѣтить никакой закономѣрности. Тѣмъ труднѣе для малопосвященнаго въ дѣло вѣрно характеризовать взгляды различныхъ партій, которые были такъ неопредѣленно формулированы и заключали въ себѣ столько оттѣнковъ. Только съ такой оговоркой я и попытаюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи памѣтить болѣе подробно цѣли, средства и организаціонныя формы сначала террористовъ-народовольцевъ, а потомъ агитаторовъ-чернопередѣльцевъ.

*) «Вольное Слово», № 18. Драгомановъ.

Террористы, какъ уже было сказано, рѣшительно отрицали возможность мирной пропаганды и агитаціи соціализма; для этого не было достаточныхъ политическихъ гарантій въ Россіи. Вотъ почему, въ ихъ глазахъ, необходимо было прежде всего добиться политическихъ правъ, при чемъ соціалисты сходились здѣсь съ либералами на однихъ и тѣхъ же требованіяхъ. Затѣмъ — такъ аргументировали они — неправильно было говорить въ Россіи о борьбѣ между различными классами, въ смыслѣ западно-европейскаго соціализма*). Несмотря на всѣ старанія правительства, дворянство не сложилось у насъ въ самостоятельный классъ; буржуазія слабо развита; обѣ эти соціальныя группы имѣютъ второстепенное значеніе, и о борьбѣ между трудомъ и капиталомъ въ той формѣ, въ какой это происходитъ на Западѣ, у насъ не можетъ быть и рѣчи. Наибольшей силой въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи является въ Россіи правительство, какъ благодаря своимъ земельнымъ владѣніямъ и предпріятіямъ, своимъ чиновникамъ и служащимъ, такъ и благодаря законодательной защитѣ, которую оно оказываетъ привилегированнымъ классамъ таможенными пошлинами, субсидіями, внутренними займами и т. п. По отношенію къ крестьянамъ эта власть правительства и чиновниковъ еще выросла теперь благодаря тому, что подати и поземельныя пошлины, которыя раньше платились помѣщику, съ 1861 г. перешли въ государственную казну; вслѣдствіе этого, то экономическое противорѣчіе, въ какомъ стоялъ прежде крестьянинъ къ помѣщику, перенеслось теперь также на правительство. Если желательно облегчить подати, увеличить надѣлы, расширить общинное самоуправленіе, то въ Россіи приходится имѣть дѣло прежде всего съ правительствомъ и его чиновниками. Такимъ образомъ и политическое, и экономическое освобожденіе народа ведетъ у насъ къ борьбѣ противъ правительства; экономическая и политическая борьба сливаются въ Россіи, и побѣда надъ правительствомъ предохранитъ насъ отъ усиленія буржуазіи. Съ точки зрѣнія народовольцевъ, единственными живыми силами въ странѣ являлись интеллигенція, городскіе рабочіе и крестьяне; они и должны были имѣть своихъ представителей въ учредительномъ собраніи. Чтобы сдѣлать это возможнымъ, правительство должно было дать, на время выборовъ, полную свободу слова, собраній и союзовъ, а учредительное собраніе должно было затѣмъ издать законы, которые гарантировали бы политическія права гражданъ.

Такая аргументація и такія требованія имѣютъ много подкупающаго для западноевропейскаго читателя, и до извѣст-

*) «Народная Воля» № 2. «Вольное Слово» № 13. — Возраженія Энгельса „Socialisten aus Russland“ 1874.

ной степени они справедливы и основательны. Но не слѣдуетъ однако думать, чтобы для террористовъ политическая свобода являлась конечною цѣлью. Изъ нѣкоторыхъ статей Степняка и Кропотнина, появившихся въ заграничной печати, а также изъ прокламацій, выпущенныхъ послѣ убійства Александра II, можно составить себѣ такое понятіе, какъ будто бы дѣло шло тогда только о дарованіи учредительнаго собранія и политической свободы, уменьшеніи податей, увеличеніи земельнаго надѣла и расширеніи крестьянскаго самоуправленія, послѣ чего террористы обѣщали пріостановить свои «казни» и подчиниться рѣшеніямъ народнаго собранія. Но не слѣдуетъ обманываться этимъ*). Достиженіе политической свободы являлось лишь ближайшею цѣлью; если-бы она была достигнута и такимъ образомъ было-бы создано предварительное условіе для идейной мирной агитаціи, то тогда наступила-бы очередь соціализма. Отложить не значитъ отказаться. Вслѣдъ за политической революціей должна была наступить настоящая соціальная, которая повела-бы къ установленію новаго общественнаго строя, основаннаго на свободѣ и справедливости.

Но какими же средствами могли быть пріобрѣтены политическія права? Организовать мирнымъ путемъ народную партію, по мнѣнію террористовъ было невозможно; при этой работѣ только расточались силы революціонеровъ, которыя бились о препятствія, создаваемыя бдительной полиціей, «какъ рыба объ ледъ». Необходимо было отказаться отъ западноевропейскихъ формъ революціи и обратиться къ террору, направленному противъ царя и его виднѣйшихъ помощниковъ, чтобы добиться уступокъ. При настоящихъ обстоятельствахъ въ Россіи, гдѣ всѣ другія средства остаются безрезультатными, терроръ, создаваемый убійствами, является необходимостью, и его примѣненіе можетъ быть оправдываемо. Таковы

*) Точно также не слѣдуетъ придавать значенія газетнымъ извѣстіямъ, согласно которымъ Богдановичъ заявилъ будто-бы на судѣ (въ апр. 1883), что террористы борятся не противъ принципа монархіи, но противъ способа, которымъ она защищаетъ себя. Онъ, вѣроятно, сказалъ: Террористы не борятся противъ принципа государства, т. е. они не анархисты и перестанутъ практиковать терроръ, когда измѣнится государственное устройство. Если же Богдановичъ, дѣйствительно, сдѣлалъ такое заявленіе, то это его личный взглядъ. Златопольскій заявлялъ также: Партія хочетъ не конституціи, которая приведетъ только къ раздѣлу власти между царемъ и имущими классами, а настоящаго народнаго представительства (Отчетъ о процессѣ въ „Indépendance Belge“).

были взгляды руководящихъ и мыслящихъ головъ партіи. Мечтатели, въ родѣ Морозова и Тарновскаго, шли еще дальше и возводили террористическую практику въ цѣлую систему, придавая ей значеніе новаго революціоннаго средства, которое должно было быть примѣняемо вездѣ. Во всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ массовыхъ движеніяхъ, народъ—такъ говорили они — являлся лишь жертвой, и его экономическое положеніе не улучшалось, между тѣмъ какъ, дѣйствительно виновные тираны оставались безнаказанными. Поэтому борьбу за свободу должна была вести молодежь путемъ цѣлаго ряда цѣлесообразныхъ убійствъ. Такого рода тайныя убійства должны были войти въ традицію и уничтожать заблаговременно всѣхъ честолюбцевъ, въ родѣ Наполеона III и Бисмарка, въ самомъ началѣ ихъ карьеры, независимо отъ того, достигаютъ-ли они своего господства при помощи арміи или путемъ плебисцита. Каждый разъ когда оживаетъ деспотизмъ, долженъ появляться и терроръ, и воспоминаніе о немъ должно было жить въ массахъ. «Каждый человѣкъ имѣетъ право убить тирана, и народъ не можетъ отнять этого права ни у одного изъ согражданъ!» Эти слова Сенъ-Жюста должны были сдѣлаться лозунгомъ террористовъ. Появленіе этой теоріи Морозова понятно, такъ какъ всякое новое движеніе, въ началѣ своемъ, обыкновенно развивается, по крайней мѣрѣ въ теоріи, до своихъ крайнихъ выводовъ, пока на вершинахъ логическаго построенія не возникаютъ сомнѣнія, которыя вызываютъ пересмотръ всей аргументаціи. Такъ было и съ этимъ вопросомъ. Теорія Морозова не встрѣтила сочувствія въ Исполнительномъ Комитетѣ, который отказался напечатать его брошюру; тогда авторъ вышелъ изъ комитета и отправился въ Женеву, гдѣ напечаталъ ее самъ.

Въ Женевѣ Морозовъ и Тарновскій сблизились со старымъ теоретикомъ политическихъ убійствъ, Ткачевымъ. Онъ былъ очень доволенъ новымъ поворотомъ вещей въ Россіи; вѣдь онъ уже давно самъ называлъ себя бланкистомъ и якобинцемъ. Теперь, казалось, настала его пора. Но это только казалось. Такъ какъ онъ раздѣлялъ мнѣніе Морозова объ убійствѣ, какъ объ универсальномъ средствѣ борьбы, то онъ опять разошелся съ оффиціальнымъ взглядомъ Исполнительнаго Комитета, который признавалъ это средство политической борьбы примѣнимымъ лишь при спеціально русскихъ условіяхъ. Но Ткачевъ все-таки попробовалъ придать своему «Набату» болѣе жизни, для чего его состоятельный другъ Турскій охотно предложилъ свои деньги. Ткачевъ перенесъ осенью 1880 года свою типографію въ Петербургъ, гдѣ она, впрочемъ, немедленно по прибытіи была конфискована. Говорятъ, что у Ткачева насчитывалось всего на всего не больше дюжины приверженцевъ въ Россіи; самъ онъ вскорѣ

былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ въ 1885 г.

Такимъ образомъ самыя авторитетныя заявленія партіи народовольцевъ высказывались противъ морозовской теоріи*). Морозовъ былъ лишь однимъ изъ второстепенныхъ членовъ организаціи (онъ былъ приговоренъ къ смертной казни по процессу 20-ти, въ 1882 г., и затѣмъ «помилованъ» къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ). По официальному заявленію террористовъ, убійство царя вызывалось лишь специфически-русскими условіями; оно совершенно не входило въ первоначальныя намѣренія движенія, но его пришлось принять, какъ единственное дѣйствительное средство въ борьбѣ противъ неумолимо жестокаго правительства. По поводу убійства Гарфильда, газета «Народная Воля» (№ 6) высказала свое сочувствіе американскому народу, такъ какъ насиліе могло быть обращено только противъ насилія, въ свободной же странѣ должны были принѣняться другія средства.

Рядомъ съ политическими убійствами, практиковались и другія боевыя средства, имѣвшія второстепенное значеніе. Я имѣю въ виду добываніе денежныхъ средствъ при помощи воровства и подлоговъ. Но это были дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, за которыя Исполнительный Комитетъ не принималъ на себя отвѣтственности. Въ кишиневскомъ казначействѣ предпріятіе, въ декабрѣ 1880 г., не пошло дальше попытки**); послѣ удавшагося покушенія въ Херсонѣ, въ іюнѣ 1879 г., деньги, больше милліона рубл., были черезъ нѣсколько дней найдены нетронутыми; какой-то украинскій другъ народа проявилъ свою «ушкуйническую» дѣятельность въ почтовомъ вѣдомствѣ. Исполнительный Комитетъ заявилъ, что онъ считаетъ допустимой «конфискацію» государственныхъ капиталовъ, но не воровство у частныхъ лицъ или въ благотворительныхъ учрежденіяхъ; онъ отрицалъ, чтобы въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ были похищены 300.000 рублей его агентами. Плохо однако то, что публика никогда не можетъ знать, когда ей слѣдуетъ разсматривать кражу, какъ конфискацію Исполнительнаго Комитета, а когда—какъ акты отдѣльныхъ революціонеровъ или даже постороннихъ лицъ, принимающихъ революціонный обликъ. Тайная власть не можетъ сложить съ себя отвѣтственности за свои дѣй-

*) Сухановъ и Исаевъ въ своихъ рѣчахъ на процессѣ Суханова и Тригони. — Прокламаціи Исполнительнаго Комитета. —Желябовъ.

**) Фроленко съ Лебедевой и Лисовской, въ качествѣ кухарки, поселились въ гостинницѣ «Швейцарія» и оттуда повели подкопъ къ казначейству; но въ январѣ 1881 г. эта попытка «конфискаціи государственныхъ бумагъ» была открыта.

ствія ни передъ общественнымъ мнѣніемъ, ни передъ исторіей, и было бы, конечно, вполнѣ цѣлесообразно, если бы отъ времени до времени Исполнительный Комитетъ доводилъ до общаго свѣдѣнія, какія «казни и конфискаціи» были совершены его агентами*).

Съ тѣхъ поръ какъ цѣлью движенія было поставлено достиженіе политической свободы, а средствомъ выбранъ терроръ, то отсюда необходимо вытекали централистическая организація, болѣе суровая партійная дисциплина и болѣе строгое храненіе тайнъ. Первыя убійства исходили еще отъ небольшихъ кружковъ; но при желаніи перейти къ уничтоженію царя и высшихъ государственныхъ чиновниковъ, необходима была систематическая дѣятельность съ широкими средствами. Поэтому партія отказалась отъ федералистическаго принципа анархической интернаціональной программы и вернулась къ централизаціи якобинства 1792 и 1793 г. Какъ ни преклонялись раньше передъ принципами федерализма, какъ ни обрушивались на «пережитыя формы» якобинской революціи, называя якобинцевъ ихтіозаврами и плезіозаврами революціи, не рѣшавшимися даже открыто высказывать своего мнѣнія,— но вотъ черезъ очень короткое время тѣ же самые революціонеры стали подчиняться приказаніямъ Исполнительнаго Комитета, не осмѣливаясь ни обсуждать ихъ, ни отказываться отъ нихъ! А какъ нападала сначала на этотъ самый комитетъ, какъ высмѣивала его противная партія! Яковъ Стефановичъ**) еще въ 1880 году называлъ его богъ вѣсть откуда взявшимся и вздумавшимъ претендовать на неограниченную власть; подобный способъ дѣйствія со стороны способныхъ и честолюбивыхъ людей могъ, по его мнѣнію, временно достигнуть значительнаго вліянія, но на болѣе продолжительное время его дѣйствіе не могло быть благодѣтельно; а въ случаѣ побѣдоносной революціи онъ могъ, какъ это было во Франціи, принять какія-нибудь недоброкачественныя мѣры. Но тѣмъ не менѣе этотъ комитетъ оказался реальной силой съ широкимъ вліяніемъ и стремился поднять свои убійства на уровень «казней».

Исполнительный Комитетъ изъ террористически и конституціонно настроенныхъ революціонеровъ возникъ еще весной 1879 году; онъ состоялъ тогда изъ террористовъ различныхъ группъ, а не только изъ членовъ Земли и Воли. Когда террористическая партія конституировалась въ Липецкѣ, то руководителями ея были выбраны Тихомировъ, Фроленко и Ал. Михайловъ. Этотъ комитетъ имѣлъ своихъ агентовъ и под-

*) «Народная Воля», № 7.— «Вольное Слово», № 21. Драгомановъ.

**) Злоба дня, 1880.

чиненныхъ, раздѣлявшихся на 3 разряда, по степени довѣрія*); агенты высшей, 3-ей степени, какъ, напр., Желябовъ, были, повидимому, въ то же время и членами Исполнительнаго Комитета; эти агенты выбирали себѣ, за своей собственной отвѣтственностью, помощниковъ, которыми они пользовались для своихъ цѣлей. Подобная организація обезпечивала безопасность съ двухъ сторонъ: съ одной стороны она гарантировала тайну всѣхъ предпріятій, такъ что ни одно покушеніе на Александра II, напр., не было выдано, а съ другой — ею обусловливалась строгая дисциплина, которой со временемъ подчинились всѣ члены. Комитетъ, благодаря своимъ успѣхамъ, пріобрѣлъ большую извѣстность, привлекъ многочисленныхъ членовъ и значительныя денежныя средства. При этомъ было достигнуто значительное раздѣленіе труда, такъ что, по сравненію съ прежними мелкими кружками, Исполнительный Комитетъ работалъ со всѣми преимуществами крупнаго предпріятія.

Но на этой централизаціи революціонныхъ силъ въ Исполнительномъ Комитетѣ движеніе не остановилось; была достигнута также и локализація ихъ, а именно, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ велъ ближе къ цѣли, т. е. въ правительственныхъ центрахъ, причемъ организаторская работа была направлена на ту часть населенія, которая могла принять непосредственное участіе въ революціи. Это считалось необходимымъ, потому что движеніе въ деревнѣ или на окраинахъ, безъ возстанія въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ было-бы немедленно подавлено и прошлобы безслѣдно для народнаго освобожденія. Эта невыгода возрастала по мѣрѣ того, какъ усовершенствовались техническія вспомогательныя средства, какъ, напр., желѣзныя дороги и телеграфы, которые находились въ распоряженіи правительства. Кромѣ того организація крестьянскихъ силъ не входила непосредственно въ программу партіи, и ея дѣятельность лишь постольку должна была направляться въ эту сторону, поскольку это было необходимо для выясненія народу истиннаго смысла ея требованій и охраненія его отъ реакціонныхъ попытокъ въ моментъ возстанія.

Принципъ централизаціи долженъ былъ быть сохраненъ и послѣ революціи**), хотя это временное правительство партіи

*) ***Показанія Гольденберга***, на которыя, однако, возражали на судѣ Ал. Михайловъ и Квятковскій.

**) «Народная Воля» №№ 5, 8 и 9. — «Программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли», прокламація Исполнительнаго Комитета Народной Воли къ русскому рабочему народу, 24 авг. 1881, въ «Черномъ Передѣлѣ» № 4. — «Вольное Слово» №№ 39, 40.

могло имѣть, по словамъ Желябова, только формальное значеніе; оно было бы лишь ликвидаціонной комиссіей. Народъ долженъ былъ самъ произвести революцію въ экономическомъ отношеніи, а правительство должно было только санкціонировать экономическое равенство. Таково должно было быть нормальное положеніе дѣла. Но если-бы народъ самъ не уничтожилъ существующихъ экономическихъ порядковъ, то это сдѣлало-бы временное правительство: оно уничтожило бы частную собственность на землю и орудія производства въ крупной промышленности и одновременно съ тѣмъ ввело-бы новыя политическія учрежденія. Тогда должны были состояться выборы, причемъ въ собраніи выступили-бы истинные представители народа, освобожденнаго и политически, и экономически, и народная жизнь стала-бы регулироваться народной волей.

Что касается отношенія партіи Народной Воли къ другимъ національностямъ, входящимъ въ составъ русскаго государства, то по этому вопросу органъ партіи высказывался слѣдующимъ образомъ*).

«Нерѣдко говорятъ, будто партіи Народной Воли присуще пренебреженіе мѣстными особенностями русскихъ окраинъ, стремленіе подчинить остальныя народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольчество, какъ соціалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ безъ различія происхожденій; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее — вовсе не входитъ въ наши планы; что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода партіи. Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически обособившихся народностей. Само собою разумѣется, мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную политическую независимость, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ національностямъ. Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства: разъединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціи и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна

*) «Народная Воля», № 8, стр. 6-7. Мы замѣняемъ здѣсь изложеніе Туна, сопровождаемое его собственнымъ мнѣніемъ о централистическихъ тенденціяхъ Народной Воли, подлинной выпиской излагаемаго имъ мѣста. Л. Ш.

дезорганизаціонная разрушительная работа, но и созидательная, т. е. если учредительная дѣятельность обще-русскаго Земскаго Собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ основъ новаго строя, отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы навѣрное найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи».

Террористическое движеніе не ограничилось, подобно народническому, главнымъ образомъ однѣми теоріями. Послѣдующее время очень богато террористическими актами. Уже лѣтомъ 1879 г., немедленно же послѣ конституированія партіи, былъ задуманъ походъ противъ жизни царя, а именно рѣшено было взорвать поѣздъ, который везъ Александра II изъ Ливадіи въ Петербургъ. Не менѣе 3-хъ минъ было заложено съ сентября въ Одессѣ, Александровскѣ и Москвѣ, и около 50 чел. были заняты этимъ*). Особенныя надежды возлагались на мину во второмъ изъ названныхъ городовъ, потому что, въ случаѣ удачи, поѣздъ здѣсь долженъ былъ свалиться въ оврагъ. Въ октябрѣ Желябовъ купилъ около полотна желѣзной дороги участокъ земли, какъ будто бы для устройства кожевеннаго завода. Отсюда были заложены подъ полотно двѣ мины и проведенъ къ нимъ электрическій приводъ, причемъ аппаратъ былъ установленъ на телѣгу. Но тѣмъ не менѣе, по какой-то технической причинѣ, взрыва не произошло. Бо́льшимъ успѣхомъ увѣнчалась работа подъ Москвой**). Здѣсь также у полотна желѣзной дороги поселились въ отдѣльномъ нанятомъ домикѣ, среди мѣстнаго раскольничьяго населенія, Гартманъ***) и Перовская, въ качест-

*) Въ Одессѣ работали Фроленко, Кибальчичъ, Колодкевичъ, Златопольскій, Лебедева; въ Александровскѣ — Желябовъ, Прѣсняковъ, Окладскій, Тихоновъ, Якимова, а въ Москвѣ—Алекс. Михайловъ, Гольденбергъ, Гартманъ, Перовская, Ширяевъ, Баранниковъ и нѣкоторые друг., частью оставшіеся неизвѣстными. Закладка мины въ Одессѣ (въ 14 в. отъ города) оказалась неудачной, потому что царь не проѣхалъ черезъ этотъ городъ. Фроленко поступилъ тогда желѣзно-дорожнымъ сторожемъ.

**) «La Russia sotterranea стр. 143.

***) Левъ Гартманъ — сынъ нѣмецкаго колониста изъ Архангельска, хотя плохо понималъ по-нѣмецки. Онъ былъ членомъ мѣстнаго кружка въ Саратовской губ. и занималъ тамъ мѣсто волостного писаря. Онъ былъ вызванъ, благодаря

вѣ ремесленниковъ, будто бы поджидая своихъ стариковъ-родителей. Но они были не одни. Провизію, которую они закупали, они ни въ какомъ случаѣ не могли съѣдать сами. Въ домѣ жилъ цѣлый кружокъ, никогда не показывавшійся на божій свѣтъ; эти отшельники были революціонеры, копавшіе мину; извозчики, подъѣзжавшіе сюда по ночамъ, привозили съ вокзала рабочихъ, динамитъ и орудія, которыя были необходимы для взрыва. Эти орудія были пріобрѣтены только въ послѣднее время; сначала работали съ самыми простыми инструментами, а такъ какъ ходъ былъ постоянно полонъ водой, то революціонеры должны были работать въ ледяной водѣ. Направленіе имъ указывалъ маленькій дорожный компасъ, который употребляется военными. Въ случаѣ посѣщенія полиціи рабочіе тотчасъ же предупреждались, и она находила только законныхъ хозяевъ; на самый крайній случай, на столѣ стояла бутылка съ нитро-глицериномъ, въ которую Перовская должна была выстрѣлить. Наконецъ, настало 19 ноября; Перовская дала сигналъ; Ширяевъ замкнулъ цѣпь; немедленно послѣдовалъ взрывъ; но это былъ не царскій поѣздъ, и царь благополучно добрался до Петербурга. Виновные успѣли во время скрыться.

Но и эта неудача не могла разрушить крѣпкую организа-

своимъ химическимъ познаніямъ, для помощи Кибальчичу, а затѣмъ посланъ въ Москву, чтобы устроить электрическую баттарею. Онъ никогда не игралъ выдающейся роли въ партіи. Въ Парижѣ, куда онъ бѣжалъ послѣ покушенія, его жизнь, какъ извѣстно, висѣла на волоскѣ (февраль 1880 г.); онъ былъ освобожденъ незадолго до пріѣзда русскаго прокурора, благодаря вліянію радикальной французской партіи. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ работалъ на фабрикахъ, послѣ чего отправился въ С. Америку и читалъ тамъ рефераты; но къ нему относились въ высшей степени подозрительно, какъ къ уголовному преступнику, такъ что онъ предпочелъ снова вернуться въ Англію, чтобы опять работать по электричеству. Говорятъ, что это очень предпріимчивый человѣкъ. — За нѣсколько дней до московскаго покушенія, полиція арестовала на елизаветградскомъ вокзалѣ Гольденберга, который обратилъ на себя вниманіе жандармовъ тѣмъ, что сдалъ въ багажъ маленькій, но необычайно тяжелый ящикъ; въ немъ было 2 пуда динамита. Благодаря ловко веденному слѣдствію Гольденбергъ сдѣлалъ большія признанія и оговорилъ массу лицъ; это былъ ограниченный и честолюбивый человѣкъ, желавшій выдать себя за главное лицо въ движеніи, вслѣдствіе чего онъ отчасти сочинялъ свои показанія. Когда онъ понялъ, что попалъ въ ловушку, онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

цію Исполнительнаго Комитета. Скорѣе теперь-то именно и сложилась вполнѣ эта партія, принявъ зимой названіе Народной Воли. Даже арестъ 2-хъ типографій, народовольческой и чернопередѣльческой, 18-го и 28-го января 1880 года повелъ лишь къ временнымъ затрудненіямъ. Типографія Народной Воли въ Саперномъ переулкѣ*) была открыта случйно; захваченные защищались нѣсколько часовъ и произвели болѣе ста выстрѣловъ, пока не успѣли уничтожить всѣ бумаги и рукописи. Типографія находилась въ верхнемъ этажѣ, подъ крышей, и занимала 4 комнаты. Первая держалась въ чистотѣ и была хорошо меблирована; въ другихъ комнатахъ работали, но только днемъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, и даже въ крайнихъ случаяхъ не позже 10 час. вечера. Квартира была извѣстна только 3 или 4 лицамъ редакціи «Народной Воли», но и они ходили туда лишь въ случаѣ крайней необходимости. Арестованные товарищи были скоро замѣнены другими; такъ напр., Алекс. Михайловъ былъ вызванъ въ Петербургъ, послѣ того какъ онъ организовалъ террористическую группу въ Москвѣ. Между тѣмъ Исполнительный Комитетъ подготовлялъ покушеніе болѣе крупное и болѣе смѣлое, чѣмъ когда-либо прежде.

Осуществленіе этого покушенія было поручено вятскому крестьянскому сыну, Халтурину**). Ранѣе онъ дѣйствовалъ, какъ энергичный агитаторъ среди рабочихъ въ Петербургѣ, и былъ очень извѣстенъ подъ именемъ Степана. Въ 1878 г. онъ организовалъ Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ, въ которомъ было нѣсколько сотъ членовъ и который былъ самымъ крупнымъ изъ рабочихъ союзовъ, возникавшихъ до того времени. Онъ началъ даже издавать газету, которая печаталась самими рабочими, и устроилъ типографію, которая была, однако, арестована при наборѣ перваго номера. Когда Халтуринъ увидѣлъ, что всѣ его планы разрушены полиціей, онъ пришелъ къ мысли о цареубійствѣ и осенью 1879 г. предложилъ свои услуги Исполнительному Комитету. Было рѣшено, что въ случаѣ неудачи тройного желѣзнодорожнаго покушенія, Халтуринъ произведетъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Какъ необыкновенно искусный лакировщикъ онъ легко нашелъ себѣ работу во дворцѣ. Съ октября, во время отсутствія царя, онъ изучалъ положеніе дворцовыхъ комнатъ и увидѣлъ, что столовая расположена какъ разъ надъ подваломъ, въ которомъ жили столяры, и что она отдѣлялась отъ него только однимъ этажемъ, въ которомъ помѣщалась дворцовая стража***). Послѣ неудачи желѣзнодорожныхъ поку-

*) «Общее Дѣло» № 31 и 32.

**) Календарь Н. В. 1883, стр. 40—48.

***) Халтуринъ разсказывалъ объ ужасномъ безпорядкѣ двор-

шеній, взрывъ Зимняго дворца оставался единственною надеждою Исполнительнаго Комитета. Членъ его, Квятковскій, велъ сношенія съ Халтуринымъ, но вскорѣ былъ арестованъ, причемъ у него былъ найденъ планъ Зимняго дворца, въ которомъ на мѣстѣ столовой былъ поставленъ крестъ. Этотъ крестъ возбудилъ серьезныя подозрѣнія дворцовой полиціи; надзоръ сдѣлался очень строгимъ; начались внезапные обыски. Когда жандармы въ первый разъ явились ночью въ помѣщеніе столяровъ, то Халтуринъ былъ въ высшей степени смущенъ; онъ думалъ, что все потеряно, ибо у него подъ подушкой лежалъ свертокъ съ динамитомъ. Однако обыскъ въ комнатѣ былъ очень поверхностный. Гораздо затруднительнѣе стало проносить динамитъ, вслѣдствіе обыска, которому подвергались всѣ возвращавшіеся во дворецъ, а также вслѣдствіе того, что въ подвалѣ столяровъ былъ поселенъ теперь жандармъ. Съ этого времени приготовленія подвигались очень медленно, такъ какъ динамитъ можно было проносить только небольшими количествами; къ тому же Халтуринъ страдалъ страшными головными болями, вслѣдствіе ядовитыхъ испареній нитроглицерина, который онъ держалъ подъ подушкой. Опасность, которой онъ постоянно подвергался и его быстро развивавшаяся чахотка дѣлали его очень нервнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ спокойно работать, не возбуждая никакого подозрѣнія; сторожевой жандармъ попробовалъ даже залучить въ зятья искуснаго столяра, который къ Рождеству получилъ награду въ 100 рублей. Наконецъ, въ сундукѣ Халтурина собралось около 3 пудовъ динамита, и техники признали такое количество достаточнымъ. Къ тому же Желябовъ, который послѣ ареста Квятковскаго руководилъ покушеніемъ, лихорадочно торопилъ съ исполненіемъ предпріятія. Халтуринъ же думалъ, что такъ какъ все равно нельзя было обойтись безъ большого количества жертвъ, то лучше ужъ было накопить еще большее количество динамита, чтобы вся работа не пропала даромъ. Но мнѣніе Желябова одержало верхъ; да и дѣйствительно страшный рискъ при переноскѣ динамита и постоянно усиливающаяся стро-

---

цоваго управленія и о кражахъ прислуги. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которыя приглашали десятки своихъ знакомыхъ, которые свободно приходили и уходили, а иногда даже и ночевали, въ то время какъ парадныя лѣстницы были недоступны даже для самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Кражи были такъ всеобщи, что Халтуринъ, чтобы не возбудить подозрѣній своей честностью, также воровалъ съѣстные припасы. Да и трудно было не воровать, такъ какъ дворцовые камердинеры, напр., получали всего лишь по 15 рубл. жалованья.

гость надзора во дворцѣ заставили торопиться*). 5 февраля 1880 г. представился удобный случай. Халтуринъ поставилъ сундукъ съ динамитомъ въ уголъ капитальной стѣны, прикрылъ, какъ слѣдуетъ, трубку съ спеціально приготовленнымъ фитилемъ, и у него еще осталось время выбраться на Дворцовую площадь. Вскорѣ затѣмъ раздался безпримѣрный взрывъ; освѣщеніе во дворцѣ погасло, черная Адмиралтейская площадь стала какъ будто еще темнѣе; 10 человѣкъ изъ стражи были убиты и 53 ранено; царь же вслѣдствіе счастливой случайности (запозданіе ожидавшагося высокаго гостя) вышелъ къ столу позже обыкновеннаго и избѣжалъ смерти. Халтуринъ скрылся съ помощью Желябова, но никогда не могъ ему простить того, что онъ называлъ его «ошибкой», т. е., что онъ помѣшалъ ему собрать большее количество динамита въ своемъ сундукѣ. Халтуринъ продолжалъ принимать участіе въ террористическихъ актахъ. Въ время убійства Стрѣльникова онъ ожидалъ убійцу съ запряженой лошадью и поспѣшилъ ему на помощь, когда тотъ былъ схваченъ толпой. Только послѣ того, какъ онъ былъ повѣшенъ, 22-го марта 1882 г., въ немъ узнали столяра изъ Зимняго дворца. Исполнительный Комитетъ, въ своей прокламаціи, высказалъ сожалѣніе по поводу гибели несчастныхъ солдатъ, но заявилъ, что будетъ продолжать борьбу, пока дѣло общественныхъ реформъ не будетъ передано въ руки свободно избраннаго и снабженнаго наказами отъ избирателей учредительнаго собранія. Свою цѣль — убійство царя — неумолимый комитетъ попрежнему оставлялъ за собой. Царь, сознавая слабость своей системы управленія, вручилъ графу Лорисъ-Меликову диктаторскую власть; но либеральныя перспективы, возвѣщенныя послѣднимъ, не привлекли террористовъ; они называли его управленіе лицемѣрнымъ либерализмомъ снаружи и скрытой жестокостью внутри; его назначеніе подало даже скоро поводъ къ покушенію Млодецкаго, 20 февр., которое однако послѣдовало не по распоряженію Исполнительнаго Комитета и даже рѣзко осуждалось имъ.

Между тѣмъ организація террористической партіи сильно подвигалась впередъ**). Въ началѣ 1880 г. Исполнительный Комитетъ разослалъ отдѣльнымъ группамъ, примкнувшимъ къ Народной Волѣ, замѣтку о «Подготовительной работѣ партіи». Она объясняла названіе, принятое партіей: народная воля должна быть источникомъ законодательства; а такъ какъ правительство едва-ли согласится на это мирнымъ пу-

*) Календарь Народной Воли, стр. 47.

**) Объ этомъ: Календарь Народной Воли, 1883, стр. 130 — 134 и стр. 112. Наиболѣе важныя данныя редакція календаря помѣстила въ своихъ примѣчаніяхъ.

темъ, то надо его къ этому принудить возстаніемъ и для этого сорганизовать всѣ силы. Когда были получены отвѣты на эту записку отъ мѣстныхъ группъ, то она была окончательно средактирована и разослана группамъ, въ архивахъ которыхъ сохранялась, чтобы служить руководствомъ. Ея опредѣленія не были обязательными, такъ какъ обязательныя формы могли предписываться только партійнымъ конгрессомъ, котораго Исполнительный Комитетъ никогда не могъ собрать. Но отдѣльныя группы на основаніи этой записки составляли свои уставы.

Во главѣ всей организаціи стоялъ Исполнительный Комитетъ. Онъ пополнялся по собственному выбору изъ среды своихъ агентовъ или членовъ мѣстныхъ группъ. Это впрочемъ было общее правило. «Всякая группа высшаго порядка пополняется по собственному выбору на счетъ группъ низшаго порядка», — чтобы такимъ образомъ лучше сохранить тайну. Члены Исполнительнаго Комитета были агентами высшей степени и въ то же время главными руководителями всѣхъ предпріятій. Эта форма организаціи, согласно замѣткамъ, которыя были найдены лѣтомъ 1882 г. у Грачевскаго*), вела за собой то неудобство, что въ случаѣ ареста членовъ Исполнительнаго Комитета вся его дѣятельность прерывалась, какъ это и случалось неоднократно. Проходило обыкновенно нѣкоторое время, прежде чѣмъ разсѣянные остатки комитета собирались вновь. Грачевскій требовалъ поэтому обособленія руководителей партіи отъ активныхъ членовъ, которыхъ не было даже надобности посвящать во всѣ тайны. Во главѣ долженъ былъ стоять надежный человѣкъ не моложе 30 лѣтъ, такъ какъ болѣе молодой возрастъ не обезпечиваетъ необходимой энергіи и самообладанія.

Дѣятельность въ отдѣльныхъ областяхъ Исполнительный Комитетъ предоставлялъ мѣстнымъ группамъ; уже изъ статутовъ 1880 года видно, что этотъ комитетъ бралъ на себя только то, что служило для поддержки единства организаціи и что относилось къ вооруженной борьбѣ съ правительствомъ. Въ террористической дѣятельности отдѣльныя группы были безусловно подчинены комитету, который кромѣ того слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ программы, заботился о партійной литературѣ, регулировалъ отношенія группъ другъ къ другу и т. д. Въ остальномъ отдѣльныя группы дѣйствовали самостоятельно въ своей сферѣ. Комитетъ и мѣстныя группы должны были помогать другъ другу денежными средствами и людьми. Исполнительному Комитету приходилось по большей части помогать группамъ при ихъ возникновеніи и въ случаѣ

*) Сообщено адвокатомъ Спасовичемъ въ его защитительной рѣчи въ процессѣ 17, въ апрѣлѣ 1883.

массовыхъ арестовъ въ нихъ. За это онъ имѣлъ право требовать поддержки, при чемъ по уставамъ размѣры этой поддержки опредѣлялись извѣстнымъ процентомъ активнаго личнаго состава и доходовъ.

Группы были либо мѣстныя, либо спеціальныя. Первыя ограничивались въ своей дѣятельности географическою или этнографической областью и имѣли собственные, утвержденные Исполнительнымъ Комитетомъ, уставы. Ихъ дѣятельность, въ общихъ чертахъ, была у всѣхъ одинакова и отличалась лишь подробностями, зависѣвшими отъ мѣстныхъ условій. Эти мѣстныя группы должны были подготовлять возстаніе, вліять на общественное мнѣніе и на выборы въ учредительное собраніе, формулировать желанія крестьянства и т. п. Ихъ члены должны были стараться занять извѣстное положеніе въ администраціи и въ войскѣ, привлекать къ себѣ наиболѣе способныхъ изъ крестьянъ, не пытаясь, однако, организовывать крестьянскую массу, потому что надежда на успѣхъ этой задачи была уже утеряна; затѣмъ они должны были завязывать сношенія съ либералами и конституціоналистами, запасаться денежными средствами и основательно знакомиться со всѣмъ положеніемъ своей области, чтобы въ день революціи сдѣлать все возможное для привлеченія ея на сторону партіи Народной Воли. Въ 1880 г., подъ руководствомъ Исполнительнаго Комитета дѣйствовало не менѣе 12 мѣстныхъ группъ*).

Кромѣ того существовали еще спеціальныя группы для агитаціи въ войскѣ, среди студентовъ и рабочихъ, для устройства типографій и завѣдыванія литературой, для фабрикаціи минъ и бомбъ и т. под. Сношенія съ этими спеціальными группами поддерживались особыми агентами Исполнительнаго Комитета, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Квятковскій и Желябовъ, должны были руководить предпріятіями. Въ виду огромнаго значенія войска во время возстанія, военной пропагандѣ придавалось большое значеніе; но такъ какъ вести пропаганду среди солдатъ было очень трудно, то главное вниманіе обращалось на офицерство, которое своимъ авторитетомъ могло увлечь за собой солдатъ или же, какъ это было съ морскими офицерами, могло помочь движенію доставкой взрывчатыхъ веществъ и своими спеціальными знаніями. Подобнымъ же образомъ образовались группы среди учащейся молодежи. При каждой мѣстной группѣ возникали студенческія подгруппы; въ Петербургѣ существовалъ даже (въ 1880) Центральный Студенческій Союзъ, который принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ и выпускалъ прокламаціи. Услуги, которыя молодежь могла оказать революціонному дѣлу, были подробно перечислены

*) Календарь Н. В., стр. 113.

въ одной гектографированной инструкціи. Больше всего труда было положено на организацію городскихъ рабочихъ, потому что поведеніемъ ихъ и солдатъ былъ обусловленъ исходъ возстанія. Первая рабочая группа Народной Воли была основана въ Петербургѣ еще въ концѣ 1879 года; въ теченіе слѣдующаго года она разрослась вчетверо и уже насчитывала нѣсколько сотъ членовъ. Впослѣдствіи значеніе рабочихъ для революціоннаго движенія было развито въ «Программѣ рабочихъ партіи Народной Воли», которая была выработана центральнымъ рабочимъ кружкомъ по соглашенію съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Центральный рабочій кружокъ въ Петербургѣ былъ непосредственно связанъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ и имѣлъ нѣсколько подгруппъ, которыя развѣтвлялись въ массѣ рабочихъ. Душой рабочаго движенія въ Петербургѣ былъ Желябовъ, который вмѣстѣ съ Перовской привлекъ къ этому дѣлу бывшихъ студентовъ, какъ Гриневицкій, Рысаковъ и многіе другіе, и съ ихъ помощью организовалъ рабочихъ. Онъ образовалъ среди нихъ особыя группы для агитаціи среди рабочихъ, для убійства шпіоновъ и царя, для наблюденія за выѣздомъ послѣдняго и т. п. Онъ основалъ также «Рабочую газеру», первый № которой вышелъ 15 дек. 1880, а второй 27 янв. 1881. Популярно написанная передовая статья перваго номера объясняетъ, что у царя слишкомъ много власти и что онъ держитъ сторону только богатыхъ людей; въ другой статьѣ изображается рабочая жизнь со всей ея нуждой и страданіями. Подобные же рабочіе кружки возникали, какъ отдѣленія мѣстныхъ группъ, и въ другихъ городахъ, а именно въ южныхъ; два такихъ кружка нашли даже возможнымъ вести энергичную агитацію среди крестьянъ.

Наконецъ были и спеціальныя боевыя дружины, которыя во многомъ отличались отъ другихъ группъ. Каждая дружина, по уставу, должна была составлять небольшой кружокъ, приблизительно изъ 10 челов., подчиненный непосредственно и безусловно Исполнительному Комитету въ общемъ направленіи своей дѣятельности, но вполнѣ самостоятельный въ исполненіи даннаго порученія. Эти кружки должны были состоять изъ товарищей, которые могли-бы вполнѣ положиться одинъ на другого; поэтому они возникали и пополнялись самостоятельно; но Исполнительный Комитетъ могъ запретить извѣстнымъ личностямъ вступленіе въ эти группы. Свои внутреннія дѣла эти дружины рѣшали большинствомъ голосовъ; на боевое время они избирали изъ своей среды атамана, который облекался диктаторской властью. Членами могли быть только лица, которыя вполнѣ были готовы пожертвовать жизнью.

Такова была организація, которая выработалась въ теченіе 1880 г. Число членовъ всѣхъ группъ простиралось въ 1881 г.

свыше 500 челов.; кромѣ того, нѣсколько тысячъ человѣкъ принадлежали къ партіи или находились подъ сильнымъ ея вліяніемъ, не вступая въ нее формально*). Наступила зима 1880-81 г. Движеніе было, повидимому, оживленнѣе чѣмъ когда-либо. Покушеніе 1 марта 1881 г. исходило отъ Исполнительнаго Комитета и было предложено рабочему союзу; за $1^1/_2$ недѣли до назначеннаго срока Желябовъ вызвалъ добровольцевъ изъ различныхъ боевыхъ дружинъ; вызвалось 17 челов., изъ которыхъ онъ выбралъ нѣсколько лицъ. На конспиративной квартирѣ, которую держали Саблинъ и Гесся Гельфманъ, Кибальчичъ обучалъ употребленію снарядовъ, а за городомъ устроилъ пробное метаніе. Въ то же время Богдановичъ (Кобозевъ), бывшій студентъ, а за тѣмъ волостной писарь, подготовлялъ изъ сырной лавки взрывъ подъ Малой Садовой; Желябовымъ и его товарищемъ былъ минированъ Каменный мостъ. Такъ же, какъ и въ ноябрѣ 1879 г., была подготовлена тройная попытка. Съ утра 1-го марта 1881 года были уже на готовѣ 6 метальщиковъ бомбъ; Софья Перовская распоряжалась ими, подавая сигналъ платкомъ. Царь избѣжалъ перваго взрыва бомбы Рысакова, но онъ неосторожно вернулся на мѣсто взрыва; въ этотъ разъ Гриневицкій пацѣлился вѣрно, и царь скоро былъ мертвъ, такъ же какъ и самъ Гриневицкій.

За тѣмъ, съ одной стороны послѣдовали многочисленныя прокламаціи, которыя требовали невозможнаго отъ новаго царя, какъ, напр., полной и общей амнистіи политическихъ преступниковъ, созыва учредительнаго собранія при полной свободѣ прессы, слова, собраній и избирательныхъ программъ; съ другой стороны — рѣзкій отказъ на всякія требованія реформъ въ извѣстномъ манифестѣ Игнатьева**).

Этотъ первый министръ преслѣдовалъ съ безпощадной жестокостью революціонеровъ и пытался разрядить возбужденное общественное настроеніе травлею евреевъ и нѣмцевъ. Но террористы неизмѣнно преслѣдовали свою прежнюю цѣль — убійство царя. Сдѣлалось извѣстнымъ, что они дѣлали обширныя приготовленія къ ожидавшейся въ Москвѣ, въ маѣ 1882 и 1883 годовъ, коронаціи; а найденныя около царскихъ дворцовъ смертоносныя орудія показывали, что террористы не оставляли безъ вниманія и эти дворцы. Въ декабрѣ 1881 г. на товарища министра Черевина было произведено покушеніе, правда, безъ распоряженія Исполнительнаго Комитета, а 18 марта 1882 г. въ Одессѣ былъ застрѣленъ Желваковымъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ, который своими неумолимы-

*) Календарь, Н. В. стр. 113.—Процессъ 26 м. 1881 г.

**) Хроника происшествій до лѣта 1882 года находится въ „Russische Wandlungen“ стр. 376 и слѣд.

ми и жестокими преслѣдованіями возбудилъ ненависть революціонеровъ*). Но съ января 1883 г. тайная полиція, повидимому, уже не считала положеніе очень опаснымъ, такъ какъ царь снова вернулся тогда въ Петербургъ и часто выѣзжалъ. Въ то же время коронація была окончательно назначена на май этого года.

Нѣкоторые очень важные революціонеры, арестованные весною 1882 г., судились въ Петербургѣ, въ особомъ присутствіи сената съ 28 марта по 3 апрѣля 1883 г.**)

Въ февралѣ 1883 г. тякже произошло много арестовъ. Они начались на Кавказѣ между офицерами мингрельскаго полка. 5 февраля въ одной изъ петербургскихъ бань нѣкій студентъ покушался на самоубійство; какъ на причину его онъ указалъ, что хотѣлъ избѣжать наказанія Исполнительнаго Комитета, такъ какъ у него не хватило смѣлости, согласно уговору, убить царя при посѣщеніи имъ учебнаго заведенія. Въ тотъ же день застрѣлился управляющій баней, бывшій раньше управляющимъ того дома на Малой Садовой, откуда Богдановичъ велъ свою мину. Этотъ случай повелъ къ открытію конспиративной квартиры и къ аресту нѣсколькихъ лицъ. Въ тотъ же богатый событіями день случился загадочный пожаръ въ подвалѣ, подъ актовой залой въ университетѣ. Вскорѣ тайная полиція донесла на двухъ террористовъ, которые были арестованы въ Вирбалленѣ. У нихъ нашли компрометирующія вещи и шифрованныя письма, ключъ къ которымъ былъ найденъ у арестованной въ Харьковѣ Филипповой и въ которыхъ шла рѣчь о покушеніи на царя во время коронаціи. Это повело къ многочисленнымъ арестамъ. Затѣмъ въ Петербургѣ была открыта мастерская, въ которой фабриковались шляпы съ вложенными въ нихъ бомбами. Наконецъ полиція выслѣдила конспиративную квартиру, восемь обитателей которой оказали вооруженное сопротивленіе и въ которой было до 4 пудовъ динамита. Въ апрѣлѣ прошелъ слухъ объ открытіи военнаго заговора и арестѣ нѣкоторыхъ офицеровъ въ Смоленскѣ, гдѣ ими было оказано вооруженное сопротивленіе. («Общее Дѣло» № 53).

Всего отъ 1878 по 1882 г. г. произошло 6 покушеній на высокопоставленныхъ чиновниковъ.— Трепова, Котляревскаго, Гейкина, Кропоткина, Стрѣльникова и сибирскаго губернатора Ильяшевича (сентябрь 1882 г.), четыре покушенія на начальниковъ государственной полиціи: Мезенцева, Дрентельна, Лорисъ-Меликова и Черевина и четыре покушенія на царя

*) Подробный отчетъ см. въ сборникѣ «На Родинѣ» № 3 стр. 51.

**) Правительственное сообщеніе объ этомъ процессѣ напечатано въ Правительствен. Вѣстникѣ отъ 8 октября 1883 г.

Александра II. Кромѣ того было убито 9 шпіоновъ и предателей и 2 ранено. Затѣмъ 24 раза оказано вооруженное сопротивленіе, именно: въ 1875 — 2, въ 1878 — 7, въ 1879 — 9, въ 1880-82 по 2 раза. Казнено въ 1878 — 1, 1879 — 16, 1880 — 5, въ 1881 — 5, 1882 — 4, всего съ 1878 по 1882 г. — 31 революціонеръ.

Въ эти же годы при различныхъ событіяхъ (демонстраціяхъ, попыткахъ побѣговъ, вооруженныхъ сопротивленіяхъ) было убито 8 революціонеровъ, а 3 сами лишили себя жизни, чтобы не попасть въ руки полиціи.*)

Глава восьмая.

ПАРТІЯ ЧЕРНАГО ПЕРЕДѢЛА.

Противъ новаго направленія, этихъ «новаторовъ» — конституціоналистовъ и террористовъ, противъ давно покинутыхъ взглядовъ «якобинцевъ», въ органѣ противоположной партіи, въ органѣ «сонныхъ деревеньщиковъ», въ «Черномъ Передѣлѣ» велась оживленная полемика. Вообще нужно признать, что первый номеръ этой газеты написанъ прекрасно, такъ какъ въ лицѣ Стефановича, Плеханова (редактора), Аксельрода и еще нѣсколькихъ выдающихся лицъ, эта партія обладала умными людьми и талантливыми писателями. Особенно характерно въ этомъ номерѣ «Письмо къ бывшимъ товарищамъ», помѣченное 8 декабря 1879 года. Поскольку одна партія выдвигала тогда на первый планъ политику, терроръ и централизацію, постольку противоположная, изъ понятной реакціи, подчеркивала соціалистическія цѣли и федералистическій принципъ; но съ теченіемъ времени оба эти противника, значительно сблизились между собой не столько вслѣдствіе теоретическихъ соображеній, сколько подъ вліяніемъ жизненныхъ фактовъ.

Чисто политическіе революціонеры—такъ упрекали черно-передѣльцы своихъ противниковъ,—всегда думали, что достаточно политической свободы; чтобы построить идеальное государство. Они исходили изъ идеальныхъ принциповъ вродѣ правъ народа и человѣка, игнорируя при этомъ экономическія отношенія; они хотѣли сдѣлать все для народа, но не черезъ народъ. Якобинцы во имя правъ человѣка и обществен-

*) Календарь Народной Воли за 1883 г. стр. 176 и сл.

ной безопасности примѣняли терроръ и насиліе; но въ сущности системы Людовика XIV, Робеспьера и Наполеона I одинаковы: централизація, авторитетъ и иниціатива съ одной стороны, подчиненіе и молчаніе массъ съ другой. Если партія Народной Воли возведетъ это въ принципъ, то она сдѣлается партіей застоя и потеряетъ поддержку массъ. Въ Западной Европѣ эта истина признана съ 1848 года; тамошніе вожаки рабочихъ оставляютъ въ сторонѣ политическіе вопросы и требуютъ реорганизаціи экономическихъ и соціальныхъ отношеній съ помощью самого народа.

Чернопередѣльцы вовсе не относились враждебно къ политической свободѣ и конституціи; напротивъ того, они считали стремленіе къ ней результатомъ прогрессивнаго развитія; но они выдвигали на первый планъ соціально-экономическіе вопросы; безъ экономической революціи всякая политическая дѣятельность является сизифовой работой; экономическія отношенія въ послѣдней инстанціи опредѣляютъ политическое, правовое и нравственное состояніе. Цѣлями партіи они по прежнему признавали цѣли анархическаго соціализма. Аграрная революція являлась въ ихъ глазахъ лишь минимумомъ въ сравненіе со всѣмъ переворотомъ; но она могла служить подготовительнымъ шагомъ. Но даже и здѣсь необходимо было прежде всего считаться съ предубѣжденіями массы. Необходимо было исходить изъ требованій самого народа, каковы: увеличеніе земельныхъ надѣловъ, уменьшеніе податного бремени, организація земельнаго кредита, расширеніе крестьянскаго самоуправленія, защита отъ административнаго произвола—и затѣмъ постепенно расширять ихъ. Но эти требованія ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало разсматривать какъ цѣли; они могли служить лишь какъ предлогъ для агитаціи. Ибо, если бы такія палліативныя мѣры были осуществлены, то они послужили бы только для укрѣпленія существующей ненавистной системы. Вообще, чернопередѣльцы отличались отъ старыхъ народниковъ тѣмъ, что они не считали народныхъ идеаловъ святыми и неприкосновенными an und für sich, но признавали ихъ лишь постольку, поскольку они способны были сдѣлаться переходными ступенями для соціализма. «Бунтари» были «широкія русскія натуры», которые при соприкосновеніи съ народомъ bona fide сдѣлали его надежды и желанія своими, не отнесшись къ нимъ достаточно критически, съ точки зрѣнія соціалистической теоріи. Задачей образованныхъ людей сдѣлалось теперь внесеніе въ среду бунтарей соціалистическаго сознанія. Общинное владѣніе желательно не само по себѣ, а лишь постольку, поскольку оно ведетъ къ общинному производству. За крестьянами не слѣдовало забывать и фабричныхъ рабочихъ, для дѣятельности среди которыхъ исходными точками могли служить

стачки и столкновенія по поводу заработной платы. Лозунгомъ должно было быть: крестьянинъ, бери землю; рабочій, бери фабрику. Соотвѣтственно этому было выбрано и заглавіе газеты «Черный Передѣлъ». Этотъ слухъ упорно держится среди народа, и вѣру въ него не могъ поколебать даже циркуляръ министра Макова въ 1879 г. Уничтоженію крѣпостного права,—говорили крестьяне,—задолго предшествовали слухи; тогда, какъ и теперь, помѣщики и чиновники хотѣли ихъ подавить; слухи о черномъ передѣлѣ означаютъ, что въ концѣ концовъ вся земля, въ томъ числѣ и помѣщичья, будетъ подѣлена между крестьянами.

Но чтобы добиться одновременно экономической и соціальной революціи и обезпечить такимъ образомъ народу результаты борьбы, необходимо организовать народъ. Ибо на кого хотятъ опереться народовольцы въ случаѣ революціи? На военныхъ, эту единственно организованную силу? Но ихъ невозможно привлечь на нашу сторону! На буржуазію и интеллигенцію? У нихъ нѣтъ собственной силы, и они слишкомъ тѣсно связаны съ правительствомъ; они слишкомъ неопытны и боязливы, они не слились еще въ одинъ классъ съ яснымъ сознаніемъ своихъ интересовъ и своей силы! Такимъ образомъ, единственною опорою остается революціонная молодежь и отдѣльныя личности различныхъ сословій и положеній; они составляютъ теперь главный контингентъ революціонной партіи. Но не значитъ ли переоцѣнивать самихъ себя, полагая что этихъ силъ достаточно? Но, возражаютъ террористы, эта кучка страшна, благодаря тѣмъ средствамъ, которыя она примѣняетъ! Ну хорошо, отвѣчаютъ чернопередѣльцы; предположимъ даже, что испуганное правительство дастъ конституцію—что же тогда случится? Буржуазія получитъ свое представительство, и ея развитіе будетъ ускорено таможенной политикой, внутренними займами, субсидіями желѣзнодорожнымъ и промышленнымъ обществамъ. Ея политика будетъ направлена въ то же время противъ общиннаго землевладѣнія, которое мѣшаетъ скупкѣ земли. Характерно въ этомъ смыслѣ, заявленіе московской биржи министру финансовъ Грейгу о томъ, чтобы всѣ финансовыя мѣры правительства предпринимались съ ея вѣдома и сообразно съ ея интересами. Современная буржуазія найдетъ своихъ писателей, которые съумѣютъ облечь ея требованія въ законную форму. «Труды» различныхъ коммиссій и обществъ показываютъ, что тенденціи буржуазіи уже вполнѣ сложились, и она готова выступить на политическую арену. Конституція будетъ дана капиталистамъ, ростовщикамъ, ученымъ, адвокатамъ и литераторамъ. Нельзя разсчитывать на выборную агитацію; правда, не будетъ недостатка въ возбужденныхъ толкахъ среди народа и, даже, можетъ быть, въ безпорядкахъ, но

ничего положительнаго изъ этого не выйдетъ. Выборы будутъ носить такой же характеръ, какъ и теперь въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Въ городахъ будетъ выбранъ вліятельный купецъ, въ деревнѣ богатый, уважаемый крестьянинъ или даже помѣщикъ, потому что народъ зависитъ отъ него экономически. Будутъ пущены въ ходъ подкупъ, интриги, и систематическое запугиваніе; будутъ, конечно, выбраны и честные люди, и даже рядовые крестьяне, но вслѣдствіе многократнаго фильтрованія при двойныхъ и тройныхъ выборахъ, лишь въ очень ограниченномъ числѣ. Къ такому народному представительству и къ такой конституціи народъ не будетъ особенно стремиться.

Между тѣмъ въ теченіе 1880-81 г. чернопередѣльцамъ дѣлалось все яснѣе, что вести систематическую агитацію было невозможно, потому что для этого недоставало необходимой предпосылки—политической свободы. Озлобленіе росло вслѣдствіе продолжавшихся арестовъ и казней. Затѣмъ послѣдовало удачное покушеніе 1 марта 1881 г., и руководство перешло, вслѣдствіе арестовъ или бѣгства главарей, въ другія руки. Словомъ, цѣлый рядъ обстоятельствъ повліяли тогда на выработку того признанія, которое мы находимъ въ четвертомъ номерѣ «Чернаго Передѣла», отъ 19 сентября 1881 г., а именно—что политическая свобода и правовая обезпеченность вліяютъ благотворно и въ экономическомъ отношеніи. Преслѣдованія соціалистовъ не были бы такъ жестоки; сдѣлалась бы возможной партійная организація и выставленіе собственныхъ кандидатовъ. Отношеніе парламента къ соціалистическимъ требованіямъ послужило бы тогда иллюстраціей къ тому утвержденію, что народу нечего было-бы ждать отъ мирныхъ реформъ, а пришлось бы возложить всю свою надежду на революцію. Въ агитаціонномъ смыслѣ, тогда легко было-бы воспользоваться неизбѣжно происходящимъ броженіемъ, вслѣдствіе партійныхъ собраній и выборной агитаціи. Правда, авторъ статьи прибавляетъ: «Быть можетъ нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ друзей обзовутъ насъ постепеновцами, но это будетъ вполнѣ невѣрно. Признать нѣкоторую долю пользы за конституціоннымъ порядкомъ, и выставлять его, какъ ближайшую цѣль партіи,—двѣ вещи совершенно различныя».

Для того, чтобы обезпечить народу тѣ экономическія выгоды, которыя онъ извлечетъ изъ политическаго переворота, необходимо было, по мнѣнію этой партіи (въ № 1 газеты),— не ограничиваться только интеллигентною молодежью, но обратиться къ самому народу. Его необходимо организовать въ мирное время, и имъ нужно руководить во время революціи. Если и не весь народъ будетъ захваченъ агитаціей, то необходимо по крайней мѣрѣ образовать замкнутое, хорошо организованное меньшинство, боевую народную партію, кото-

рая въ рѣшительный моментъ пошла бы впереди и поддержала бы движеніе городовъ. Организаторскіе таланты вырабатываются на практикѣ, сами собой, и всегда найдутся въ народѣ, среди котораго народные агитаторы могутъ дѣйствовать съ большей ловкостью и незамѣтно для полиціи. Эти хорошія стороны русскаго народа обыкновенно игнорируются скептиками. При подобной тайной агитаціи нечего бояться и полиціи,—вѣдь терроризмъ развивался же успѣшно не смотря на это. Революція уже близка и должна быть надлежаще подготовлена. Въ ея приближеніи можно различать три ступени. Сначала паталогическія явленія слабо развиты; въ народѣ царствуетъ мирное настроеніе и преобладаетъ желаніе прекратить недоразумѣнія мирнымъ путемъ. Это — періодъ пассивныхъ протестовъ и посылки петицій. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ активныхъ протестовъ; онъ начинается тогда, когда потеряна вѣра въ легальный путь, и обнаруживается увеличеніемъ преступленій противъ собственности, различными аграрными преступленіями и спорадическими возстаніями. Этотъ періодъ обычно богатъ различными слухами, которые распространяются въ народѣ. Наконецъ, когда всѣ экономическія, соціальныя и политическія противоположности развиваются до крайней интенсивности, мелкія изолированныя теченія, подъ вліяніемъ одного случайнаго тяжелаго событія, почти внезапно сливаются въ одинъ все уничтожающій революціонный потокъ,—и тогда начинается переворотъ. Россія переживаетъ вторую стадію; положеніе ея крестьянъ сходно съ положеніемъ крестьянства во Франціи въ концѣ 18-го столѣтія; необходимо организовать народъ, иначе политическая революція пронесется надъ страною, какъ гроза, не принеся народу экономической пользы.

Пользу террора чернопередѣльцы и не думаютъ отрицать вполнѣ. Какъ искры для революціоннаго движенія, крупные террористическіе акты могутъ быть очень цѣлесообразны. Неожиданный смѣлый ударъ сверху, рядъ систематическихъ нападеній снизу разрушаютъ старый политическій и экономическій строй, и на его развалинахъ возникаетъ новый порядокъ. Впослѣдствіи (въ №4) въ число заслугъ террора ставилось и то, что благодаря ему, въ народѣ пробуждалась вѣра въ собственныя силы. Открытая борьба съ самодержавіемъ дастъ народу поводъ начать и съ своей стороны активную борьбу. Уничтожается идея царскаго авторитета и въ народѣ возвышается довѣріе къ самому себѣ. Но такъ какъ прежде всего необходимо организовать народную боевую партію, то главныя силы революціонеровъ не должны концентрироваться на борьбѣ съ правительствомъ. *)

*) № 3 стр. 10 По поводу покушенія 1 марта 1881 г.

Такимъ образомъ крупные успѣхи терроризма не остались безъ вліянія на противную партію. Она убѣдилась въ пользѣ террористическихъ фактовъ и въ концѣ концовъ связала терроръ органически со своими цѣлями. Втеченіе 1881 г. партія чернопередѣльцевъ пришла къ тому, что рекомендовала систематическій аграрный и фабричный терроръ.*) Охранительные пикеты должны быть выставлены самимъ народомъ, и партизанская война противъ народнаго врага должна быть организована при помощи энергичныхъ и рѣшительныхъ представителей народа. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы надо было убивать каждаго фабриканта и помѣщика, ибо народъ, въ своемъ цѣломъ, въ высшей степени нравствененъ; для того, чтобъ онъ отнесся сочувственно къ убійству, необходимо, чтобы оно имѣло за собой весьма основательныя причины. Конечно, невозможно установить въ точности, какова именно должна быть степень виновности, но только не слѣдуетъ при этомъ довѣрять своему личному сужденію, потому что оно иногда можетъ быть пристрастнымъ; необходимо передъ совершеніемъ факта прислушаться къ народному голосу. Онъ лучшій указатель того, нужно ли въ данномъ случаѣ убійство или же болѣе мягкая форма террора. Если данная форма террора находитъ сочувствіе въ народѣ, и онъ видитъ, что его врагъ падаетъ отъ руки таинственнаго исполнителя народнаго приговора, то пульсъ его забьется скорѣе, и въ немъ пробудятся самосознаніе и чувство собственнаго достоинства. Въ то же время, при такой формѣ борьбы, открывается широкій просторъ для личной инициативы. Въ видѣ примѣра, въ газетѣ указывается на многочисленныя аграрныя боевыя дружины въ Ирландіи. Сравнительно съ терроромъ, другія формы борьбы, какъ напр. стачка, бунты и проч., признаются «какъ-бы выжидательными»; они не зависятъ отъ одного желанія партіи и могутъ произойти лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Если они и не лишены значенія, то въ настоящее время доминирующую роль въ ряду другихъ пріемовъ боевой дѣятельности долженъ играть аграрный и фабричный терроръ. Народъ уже практикуетъ ихъ самостоятельно; но дѣло въ томъ, что, при отсутствіи организаціи, они теряютъ значительную часть своей пользы.

Такимъ образомъ, послѣ удачнаго цареубійства 1-го марта 1881 г. совершилось довольно значительное сближеніе между обѣими фракціями, какъ въ отношеніи цѣли, такъ и въ отношеніи средствъ. Прямыхъ противоположностей въ сущности уже нѣтъ; одни подчеркиваютъ болѣе одинъ моментъ, другіе — другой. Чернопередѣльцы уже не относятся съ презрѣні-

*) «Черный Передѣлъ» № 4. — Борисовъ. — Аксельродъ въ «Вольномъ Словѣ» № 19.

емъ къ политической свободѣ и конституціи; для обезпеченія экономическихъ выгодъ революціи они подчеркиваютъ только необходимость организаціи народа, и главнымъ образомъ крестьянъ; для этой цѣли, въ теченіи 1881 г., они издавали рабочій листокъ «Зерно» (6 №№). Народовольцы, съ своей стороны, отказались отъ прежнихъ надеждъ на либераловъ и уже не разсчитываютъ на нихъ болѣе; вслѣдствіе этого они снова обращаются къ народу и, какъ партія большихъ городовъ, преимущественно къ городскому пролетаріату; я уже указалъ, что Желябовъ и другіе террористы организовали рабочіе союзы и издавали «Рабочую Газету» (6 №№). Теперь обѣ партіи рѣшили практиковать терроръ: одна главнымъ образомъ для того, чтобы пріобрѣсти политическія права; другая — чтобы привлечь къ себѣ народъ, поднять его вѣру въ себя, а затѣмъ создать боевыя организаціи въ народѣ. Третій пунктъ разногласія касался формы организацій. Большинству прежнихъ федералистовъ не нравилось подчиненіе всемогущему исполнительному комитету, намѣренія котораго были скрыты отъ нихъ; они еще не забыли мистификацій Нечаева. Децентрализація ужъ потому была возможнѣе у чернопередѣльцевъ, что они большею частью работали изолированно по деревнямъ и посвящали себя организаціонной дѣятельности, всегда во многомъ зависящей отъ личныхъ свойствъ агитатора. Съ принципомъ организаціи были тѣсно связаны и федералистическія тенденціи этой партіи. Ихъ газета называетъ себя органомъ соціалистическихъ федералистовъ и объясняетъ, что только полное устраненіе принужденія можетъ гарантировать нормальное развитіе; каждая мѣстность имѣетъ свои этнографическія особенности и требуетъ автономнаго развитія, хотя трудно было сказать заранѣе, въ какой мѣрѣ можно было-бы осуществить федералистическій принципъ.

Тѣмъ не менѣе, одинъ изъ лучшихъ организаторовъ этой партіи, Яковъ Стефановичъ, уже въ 1880 г. *) приходитъ къ требованію болѣе централизованной агитаціи; размѣры этой централизаціи должны быть измѣняемы сообразно съ временемъ и мѣстомъ; онъ не хочетъ таинственнаго комитета, а также тактики, которую практиковалъ Нечаевъ; но онъ считаетъ необходимымъ созданіе центральнаго пункта, который долженъ быть установленъ по соглашенію всѣхъ активныхъ силъ. Онъ жалуется на непривычку и антипатію къ дисциплинированной работѣ; онъ самымъ строгимъ образомъ осуждаетъ крайній разбродъ мысли. Каждый отдѣльный кружокъ не ограничивается опредѣленными практическими задачами, какъ террористическая партія, которая сосредоточила всѣ свои силы на одной цѣли — убійствѣ царя; наоборотъ каждый

*) «Злоба дня» стр. 8.

кружокъ строитъ разные сложные планы. Такъ, напримѣръ, южная народная партія ставила себѣ слѣдующія задачи: 1) экономическій и политическій терроръ, 2) агитацію, 3) пропаганду среди выдающихся личностей всѣхъ общественныхъ слоевъ, 4) связь съ родственными группами, 5) завязываніе связей въ войскѣ и администраціи. Также пестры были цѣли и средства народной партіи, программу которой обнародовало 3 ноября 1881 г. «Вольное Слово».*) Естественнымъ результатомъ этой дезорганизованности партіи было то, что въ программахъ заключались въ сущности одни благія пожеланія, а не цѣли, къ которымъ тѣмъ или инымъ способомъ настойчиво стремятся. Поэтому, говоритъ Стефановичъ, революціонное движеніе въ Россіи, при всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, отстаетъ отъ дѣятельности всѣхъ остальныхъ соціально-революціонныхъ партій Европы въ отношеніи прочности, глубины корней и связи съ народомъ. Въ Россіи эта связь только платоническая. Если пропаганда и агитація еще сдѣлали что-нибудь въ городахъ, то среди крестьянъ не сдѣлано ровно ничего.

Если даже признать, что Як. Стефановичъ, лучшій организаторъ этого направленія, высказывался слишкомъ пессимистически, то все-таки надо думать, что въ существенномъ онъ былъ правъ. На практикѣ народовольцы ближе подошли къ своей цѣли, чѣмъ противоположная имъ партія. О дѣятельности чернопередѣльцевъ въ сущности не имѣется никакихъ свѣдѣній. 28 января 1880 г. была арестована ихъ тайная типографія. Нѣкій Жарковъ, работавшій раньше въ этой типографіи, былъ схваченъ въ Москвѣ, при чемъ ему угрожали смертью. Тогда онъ выдалъ своихъ товарищей и былъ выпущенъ, но вскорѣ убитъ на Невкѣ. Вслѣдствіе его выдачи было арестовано много опытныхъ вожаковъ и, чтобы замѣнить ихъ, должны были выступить на сцену менѣе видныя лица, имѣвшія даже мало отношенія къ революціи. Этимъ объясняется между прочимъ и то, что въ послѣдующихъ №№ газеты, а именно въ № 4, отъ 19 сентября 1881 г., проявилось еще болѣе тяготѣнія къ принципамъ народовольцевъ, чѣмъ это было раньше. Вообще, партія народовольцевъ, благодаря сво-

*) Какъ незначительны были эти децентрализованные кружки видно изъ сообщенія «Чернаго Передѣла» (№ 1) отъ 15 декабря 1879 г. Въ Кіевѣ было тогда 3 кружка этого направленія, тѣсно между собой связанныхъ, въ 36 человѣкъ, при чемъ часть ихъ они разослали въ сосѣднія фабричныя мѣстечки для пропаганды и организаціи. Въ другомъ мѣстѣ сорганизовались 5 человѣкъ съ собственнымъ уставомъ. Они жалуются только на недостатокъ денежныхъ средствъ — въ кассѣ было всего около 30 руб.

ему главному успѣху 1 марта 1881 г., стянула къ себѣ всѣ энергичныя силы революціи. Люди, подобные Перовской, желавшіе достигнуть чего нибудь положительнаго, находили здѣсь приложеніе своимъ силамъ, тогда какъ работа чернопередѣльцевъ оставалась безплодной. Затѣмъ, благодаря преслѣдованіямъ правительства, оба направленія сближаются между собой; болѣе крѣпкая организація народовольцевъ поглощаетъ различныя группы Чернаго Передѣла; чернопередѣльцы чувствуютъ себя одинокими и слабыми и находятся въ періодѣ разложенія. Въ 1881-82 г. наиболѣе вліятельные члены Чернаго Передѣла, какъ напр. Стефановичъ, вернувшійся въ Россію въ сентябрѣ 1881 г., а въ февралѣ 1882 г. вновь арестованный, присоединяются къ партіи Народной Воли, такъ же какъ и нѣкоторые изъ пропагандистовъ, стоявшихъ до сихъ поръ отдѣльно, но относившихся съ отвращеніемъ къ системѣ выжиданія. Только послѣдовательные приверженцы анархизма не подчинялись еще авторитету Исполнительнаго Комитета.*)

Когда чернопередѣльцы характеризовали вторую подготовительную стадію революціи спорадическими безпорядками и слухами, то недостатка въ нихъ дѣйствительно не было, особенно въ смутные 1880-81 годы. Но что касается безпорядковъ, то они носили мѣстный характеръ, имѣли очень конкретныя причины и не допускали утилизированія ихъ въ соціалистическомъ смыслѣ. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, крестьяне были возмущены тѣмъ, что помѣщикъ отнималъ у нихъ бывшія до тѣхъ поръ въ ихъ пользованіи пастбища, въ другомъ мѣстѣ были недовольны новымъ размежеваніемъ. Народный бунтъ въ Ростовѣ на Дону, 2 апрѣля 1880 г., былъ вызванъ тѣмъ, что полицейскій потащилъ въ часть пьянаго за волосы. Толпа кинулась на него и избила; затѣмъ разрушила часть, квартиру полиціймейстера и двинулась къ тюрьмѣ. По дорогѣ какой-то винторговецъ-еврей, озабоченный судьбой своей винокурни, выкатилъ имъ боченокъ водки и они такъ перепились, что уже не были способны къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Напрасно нѣкоторые соціалисты выбивались изъ силъ, провозглашая призывы къ свободѣ: бунтъ былъ чисто стихійный и не принялъ политическаго характера. Но нельзя впрочемъ отрицать, что оппозиціонный духъ народа укрѣпляется повтореніемъ такихъ возстаній.

---

*) Въ статьѣ Акселрода «Развитіе соц.-рев. движенія», онъ, говоря о возникшемъ вслѣдъ за арестомъ типографіи Чернаго Передѣла «Сѣверно-русскомъ обществѣ Земля и Воля», нѣсколько преувеличиваетъ значеніе своей партіи. «Земля и Воля» называется тамъ партіей, а «Черный Передѣлъ» — ея организаціей. — Срв. Лавровъ въ Календарѣ стр. 115 и слѣд.

Напротивъ того, ходившіе въ то время въ народѣ слухи отчасти были прямо занесены агитаціей, отчасти же находили въ ней выраженіе присущихъ ему надеждъ и желаній. Всякій, кто понимаетъ духовную жизнь народа, охотно и пространно философствующаго, въ долгіе зимніе вечера или у кабака въ праздничные дни, о своемъ настоящемъ и будущемъ и съ наивностью вѣрящаго тѣмъ слухамъ, которые соотвѣтствуютъ его интересамъ и желаніямъ, особенно если они напечатаны, навѣрное не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь двѣ относящіяся сюда корреспонденціи изъ революціонныхъ газетъ.

Слухи о «Черномъ Передѣлѣ» (въ Великороссіи) и о «слушномъ часѣ» (въ Малороссіи), согласно которымъ вся земля, даже и помѣщичья, будетъ подѣлена между крестьянами, а количество податей будетъ уменьшено, были очень распространены почти по всей Россіи и съ удивительнымъ постоянствомъ поддерживались съ 1878 г. Это — безсознательно соціалистическія пожеланія земледѣльческаго народа. Эти слухи часто посятъ характеръ легендъ.*) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ видѣли, будто разъѣзжалъ царь и приказывалъ раздѣлить землю. Въ одной мѣстности Сибири разсказываютъ слѣдующую исторію. Царь надѣваетъ на себя мундиръ и всѣ ордена императора Павла и является въ сенатъ. «Господа сенаторы! имѣю-ли я право носить эти ордена?» «Нѣтъ, Ваше Величество, не имѣете, потому что Вы ихъ не заслужили!» Подобные же отвѣты онъ получилъ, явившись украшенный орденами Николая I, Александра I и II. Наконецъ, онъ надѣлъ свои собственные ордена; ихъ было очень мало. «Имѣю я право носить эти ордена?» — «Да, Ваше Величество, на это вы имѣете право; эти вы заслужили!» «Отъ кого же у васъ г.г. сенаторы, ваши земли?» спросилъ ихъ тогда царь. Изъ отвѣтовъ стало видно, что одинъ получилъ ихъ отъ своего дѣдушки, другой — въ приданное за своей женой и т. п. «Имѣете ли вы право владѣть этими землями?» — спросилъ царь. Тогда «сенаторы и синодоры» смутились и подписали бумагу, по которой всю землю надо было раздѣлить, по семи десятинъ на душу, между царемъ, помѣщиками и крестьянами. — Въ каждомъ размежеваніи земли, въ каждой статистической работѣ крестьяне видѣли предвѣстника Чернаго Передѣла и исполненія своихъ пожеланій. Въ Воронежской губ. говорили, что земля будетъ подѣлена равными участками, приблизительно по 8 десятинъ на голову, между помѣщиками и крестьянами; только еще не знали того, будетъ ли земля отдана въ общинное владѣніе или сдана въ аренду отдѣльнымъ лицамъ, и не будутъ ли выкупные платежи слишкомъ высоки. Наибо-

*) «Вольное Слово» № 51.

лѣе умѣреннымъ былъ тотъ слухъ, согласно которому крестьянамъ будетъ возвращена только та земля, которая уже принадлежала имъ до отмѣны крѣпостного права, но затѣмъ была отдана помѣщикамъ, т. е. такъ называемые отрѣзки. Большинство крестьянъ вѣрило въ доброе желаніе царя; меньшинство же думало, что ради крестьянъ онъ не будетъ ссориться съ генералами и господами. Малороссы полагали, что царя убили дворяне; великороссы оказались скептичнѣе; изъ городовъ же шли слухи: это сдѣлали соціалисты; «можетъ быть для насъ», добавляли крестьяне. Въ Бобровскомъ уѣздѣ крестьяне думали, что это сдѣлали студенты, ихъ друзья. Въ другихъ мѣстахъ держались слухи, что крестьяне не должны были больше работать на помѣщиковъ и брать за обработку десятины меньше 40 руб.*)

Слухи о передѣлѣ земли подтверждались и распространялись революціонерами, но не были придуманы ими. Они являются результатомъ экономическихъ воззрѣній крестьянъ. Согласно этимъ воззрѣніямъ, земля создана Богомъ и принадлежитъ народу; царь же, какъ естественный представитель его интересовъ, имѣетъ право и даже обязанъ заботиться, чтобы весь народъ могъ пользоваться «божьей землей». Такъ же какъ раньше, послѣ каждой ревизіи, земля равномѣрно дѣлилась между членами общины, такъ и тѣперь земля могла быть подѣлена между различными общинами и сословіями. Многіе помѣщики, какъ напр. генералы «заслужили» свои имѣнія, такъ же какъ свои ордена, отъ царя; но ихъ сыновья могутъ быть негодяями, и они несправедливо владѣютъ своей землей, такъ же какъ новый царь не имѣетъ права носить орденовъ императора Павла.**)

Прокламаціи Исполнительнаго Комитета, когда они попадаютъ въ какую нибудь мѣстность, оживленно обсуждаются.***)

Въ Поволжьѣ, гдѣ были распространены прокламаціи, смѣшивали исполнительный комитетъ съ комиссіей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, вслѣдствіе этого нерѣдко бывали случаи подачи офиціальныхъ прошеній на имя Исполнительнаго Комитета Народной Воли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, въ своихъ прошеніяхъ, находили требованія, поставленныя въ прокламаціи, недостаточными, а именно—«увеличеніе надѣловъ» замѣняли предоставленіемъ всей земли крестьянству. Выбранные народомъ ходоки отправлялись обыкновенно къ губернаторамъ. Ихъ разумѣется гнали, но иногда они приносили такой отвѣтъ, будто губернаторъ сказалъ, что

*) «Народная Воля» № 6, стр. 12.
**) «Вольное Слово» № 51.
***) «Народная Воля» № 6, стр. 11.

теперь подавать прошеній нельзя, а когда будетъ можно, онъ самъ извѣститъ крестьянъ. Иногда прокламація перехватывалась полиціей, а, когда крестьяне настаивали на ея прочтеніи, то она прочитывалась, но только съ импровизированнымъ содержаніемъ. Подобные же случаи бывали и въ казармахъ. Но каждый разъ нѣкоторые изъ крестьянъ или солдатъ узнавали о дѣйствительномъ содержаніи воззванія,—послѣ чего всѣ еще болѣе убѣждались, что нельзя полагаться на чиновниковъ. Въ Малороссіи какая то бѣдная вдова получила присланную изъ Петербурга «золотую грамоту». Она принесла ее на базаръ, гдѣ письменный человѣкъ разобралъ ее ей. Тамъ чернымъ по бѣлому было написано, чтобы «крестьяне ни отъ кого не ждали помощи, но сами бы брали землю, такъ же какъ господа самовольно отобрали у нихъ лучшіе участки». Содержаніе прокламаціи сдѣлалось извѣстнымъ въ трехъ волостяхъ. Одни полагали, что она идетъ отъ царя, другіе — что она идетъ отъ соціалистовъ (это слово стало входить въ употребленіе послѣ еврейскихъ погромовъ). Одни считали соціалистовъ за уполномоченныхъ царя, которымъ поручено ходить по избамъ, разспрашивать о количествѣ земли и скота и отмѣчать все это въ книжечкѣ, чтобы потомъ, сообразно съ этими свѣдѣніями, произвести надѣленіе землей. Другіе же относились къ соціалистамъ съ ненавистью, какъ цареубійцамъ, готовымъ убить и всѣхъ крестьянъ. Это былъ цѣлый хаосъ слуховъ; но корреспондентъ Чернаго Передѣла (№ 4) достаточно благоразумно предостерегаетъ противъ той мысли, будто вѣра въ царя замѣнилась въ народѣ вѣрою въ соціалистовъ. Крестьяне слышатъ объ нихъ, какъ о значительной силѣ; но относится ли эта сила къ нимъ дружески или непріязненно, они еще не знаютъ.

Но дѣло не ограничивалось мѣстными недоразумѣніями и фантастическими слухами; терроръ былъ перенесенъ въ народную жизнь. Опять въ южной Россіи зародилась мысль объ избіеніи евреевъ и приводилась въ исполненіе (1880-82), между тѣмъ какъ бѣлоруссы и литовцы, менѣе склонные къ насилію, практиковали терроръ лишь въ видѣ пожаровъ. Еврейскіе погромы были основаны на цѣломъ рядѣ обстоятельствъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться подробно. Народъ находился подъ вліяніемъ множества религіозныхъ, національныхъ и соціально-экономическихъ мотивовъ: послѣдніе впрочемъ преобладали. Это не значило, чтобы еврей былъ единственнымъ эксплуататоромъ рабочаго народа; но у послѣдняго установилась извѣстная градація въ ненависти къ своимъ притѣснителямъ. Больше всего онъ ненавидитъ ростовщика-еврея, отъ котораго его отдѣляютъ и вѣра и обычаи; затѣмъ идетъ православный эксплуататоръ, но принадлежащій къ другому общественному классу — помѣщикъ и

купецъ; наконецъ, ближе всего къ нему стоятъ разбогатѣвшіе сообщественники — кулаки.*) Съ евреемъ у крестьянина нѣтъ ничего общаго, кромѣ тѣхъ дѣловыхъ отношеній, при которыхъ онъ почти всегда безъ исключенія остается въ убыткѣ. Но конечно проявленіе этихъ враждебныхъ чувствъ никогда не приняло бы такихъ размѣровъ, если бы правительство не смотрѣло на еврейскіе погромы сквозь пальцы, надѣясь этимъ предохранительнымъ клапаномъ ослабить возбужденіе народа. Правильность такого объясненія особенно подтверждается тѣмъ, что съ перемѣною министра внутреннихъ дѣлъ еврейскіе погромы прекратились. Къ этому присоединяется не маловажный, но не вполнѣ выясненный факторъ — участіе революціонеровъ въ еврейскихъ погромахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, народный голосъ указывалъ на соціалистовъ, какъ на ихъ зачинщиковъ, и въ самомъ дѣлѣ исполнительный комитетъ выпустилъ 30 августа 1881 г. очень рѣзкую прокламацію противъ евреевъ,**) но въ заключеніе придали ей такой оборотъ, что главнымъ виновникомъ всей эксплуатаціи является царь. Эта прокламація была написана немногими бывшими тогда въ Москвѣ членами Исполнительнаго Комитета, но не была одобрена ни другими членами, ни партіей, а потому была взята назадъ и по возможности уничтожена. Однако же корреспонденція въ Народной Волѣ отъ 23 октября 1881 г. подчеркиваетъ, что Исполнительный Ко-

*) «Черный Передѣлъ» № 4 стр. 7.

**) Эта, сдѣлавшаяся очень рѣдкой, прокламація имѣла приблизительно слѣдующее содержаніе. Народу живется тяжело и онъ ходитъ босикомъ, а у евреевъ хорошіе дома. Но не всегда было такъ. Украинцы были когда-то вольными казаками и слушались только своихъ гетмановъ. Но вотъ пришелъ русскій царь и роздалъ землю господамъ, причемъ крестьяне должны были еще платить ему подати. Если у крестьянина нѣтъ денегъ, онъ долженъ итти къ еврею и занимать у него, благодаря чему тотъ его разворнетъ, а еврея защищаютъ господа и чиновники. Но существуетъ исполнительный комитетъ, который рѣшилъ, что слѣдуетъ отнять землю и всѣ фабрики у господъ и передать ихъ крестьянамъ и рабочимъ, прогнать всѣхъ чиновниковъ и замѣнить ихъ свободно выбранными депутатами. Этого не хотѣлъ царь и за это былъ приговоренъ къ смерти и казненъ 1 марта. Отъ новаго царя теперь требуютъ, чтобы онъ не притѣснялъ рабочій народъ. Если же онъ не перестанетъ, то испытаетъ на себѣ силу исполнительнаго комитета. Тогда народъ долженъ пойти вмѣстѣ съ нимъ противъ евреевъ, господъ и царя. «Помогите же намъ! Возстаньте, рабочіе! Отомстите господамъ, грабьте евреевъ и убивайте чиновниковъ!»

митетъ и революціонеры не имѣютъ права относиться отрицательно или индифферентно къ этимъ чисто народнымъ движеніямъ. Робеспьеръ, Дантонъ, С. Жюстъ и Демуленъ не отказались отъ своей роли вождей въ виду крайностей разъяренаго притѣсненіями народа. Что дѣлали якобинцы, долженъ дѣлать и Исполнительный Комитетъ.

Наряду съ еврейскимъ движеніемъ въ южной Россіи происходили въ это время еще два другихъ, — одно религіозное, такъ называемый штундизмъ, который изъ первоначальной протестантской секты, отчасти подъ вліяніемъ соціалистическихъ агитаторовъ (Ковальскаго, Дроблзгина и др.) развился въ раціоналистическую молодую штунду, — и аграрно-политическое, въ средѣ так. наз. чиншевиковъ (чиншъ значитъ процентъ). Это—первоначально свободные, наслѣдственные, мелкіе арендаторы чужой земли,*) нѣсколько сотенъ тысячъ которыхъ живутъ въ бывшихъ прежде польскихъ губерніяхъ. Эти чиншевики стремились къ тому, чтобы обратить арендныя отношенія — въ силу давности и наслѣдственности, — въ неограниченное право собственности, а помѣщики пытались ихъ выселить. Какъ общее правило, чиншевики проигрывали свои тяжбы, въ силу того закона, что договоры объ арендѣ земли не могутъ заключаться на болѣе долгій срокъ, чѣмъ 12 лѣтъ. Благодаря этому, создался цѣлый классъ безземельныхъ и озлобленныхъ пролетаріевъ, очень склонныхъ къ безпорядкамъ. По новому закону эти наслѣдственные арендаторы de facto принуждаются купить свою землю, для чего правительство даетъ имъ ссуду въ размѣрѣ 85 % покупной цѣны.

Глава девятая.

БІОГРАФІИ И ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Картина русскаго революціоннаго движенія не будетъ полной, если мы не попытаемся по возможности отвѣтить на слѣдующіе вопросы: какими личными силами и денежными средствами располагало движеніе и какова была его внутренняя организація? Эти вопросы относятся къ самымъ сокро-

*) «Вольное Слово» № 49.

веннымъ тайникамъ всякаго революціоннаго движенія, и непосвященный можетъ отвѣтить на нихъ только по печатнымъ источникамъ. Но понятно, что они не дадутъ намъ многаго. Развѣ партія можетъ оглашать хоть какія-нибудь свѣдѣнія о своихъ дѣйствующихъ, еще не арестованныхъ вожакахъ? И развѣ она можетъ давать подробныя свѣдѣнія даже объ уже арестованныхъ и осужденныхъ товарищахъ? Этимъ она скомпрометировала бы всю ихъ будущность; даже относительно Чернышевскаго, который вслѣдствіе своего 20-ти лѣтняго заключенія могъ считаться уже сошедшимъ со сцены человѣкомъ, мы имѣли въ 80-хъ годахъ лишь неудовлетворительный біографическій набросокъ Элпидина.*)

Въ послѣднее время П. Лавровъ и В. Засуличъ издали біографіи казненныхъ цареубійцъ: Желябова, Перовской, Кибальчича, Гриневицкаго, Соловьева и Александра Михайлова, на основаніи рукописныхъ сообщеній членовъ партіи Народной Воли. Эти біографіи настолько поучительны, что мы приводимъ здѣсь изъ нихъ наиболѣе важное**).

Андрей Желябовъ превосходилъ большинство своихъ товарищей организаторскимъ талантомъ и энергіей. Онъ родился приблизительно въ 1850 г. въ Крыму, въ семьѣ крѣпостныхъ; его родители и родные были дворовыми; къ первымъ впечатлѣніямъ его юности относится тѣлесное наказаніе его дяди и обезчещеніе тетки. Его дѣдъ, раскольникъ, обучилъ его цер-

*) По просьбѣ своихъ друзей Чернышевскій, во время своей ссылки, написалъ начало романа, который напечатанъ во «Впередѣ» въ 1877 г. Въ этомъ «Прологѣ къ прологу» авторъ набрасываетъ изображеніе всѣхъ лицъ, принимавшихъ видное участіе при отмѣнѣ крѣпостного права: Ростовцева, Муравьева, Валуева, Сѣраковскаго, Кавелина, свое собственное, своей жены и многихъ другихъ. Какъ романъ, эти наброски не имѣютъ цѣны; но какъ мемуары они очень интересны. Въ этомъ изображеніи самому Чернышевскому не особенно посчастливилось: онъ является разсѣяннымъ, переутомленнымъ, довольно скучнымъ и работающимъ напролетъ цѣлыя ночи мужемъ своей жены. — Гораздо менѣе интересна уже упоминавшаяся мною автобіографія умершаго въ ссылкѣ въ 1876 г. Худякова (1882, Женева).—Въ настоящее время готовится также біографія Бакунина.

**) См. также процессъ вышеназванныхъ лицъ, а особенно рѣчь прокурора. 3 первыя біографіи появились отдѣльно, а 3 послѣднихъ въ сборникѣ «На Родинѣ» №№ 1—3. Многочисленныя біографическія замѣтки можно найти въ «Подпольной Россіи», стр. 77—140. Затѣмъ въ «Календарѣ Народной Воли», 1883 г., находятся біографіи Перовской и Гельфманъ и свѣдѣнія о Халтуринѣ и Грачевскомъ.

ковной грамотѣ и заставилъ его выучить наизусть весь псалтирь. Помѣщикъ Желябова скоро обратилъ на него вниманіе, обучалъ его самъ гражданской азбукѣ и помѣстилъ затѣмъ въ керченское уѣздное училище, которое было преобразовано потомъ въ гимназію. Онъ считался хорошимъ товарищемъ и прилежнымъ ученикомъ, но отличался шалостями и за свое поведеніе получилъ при выходѣ изъ гимназіи только серебряную медаль, хотя по прилежанію и способностямъ заслуживалъ золотую. Въ одесскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ въ 1868 г., онъ при первой же демонстраціи противъ профессора выдвинулся какъ вожакъ и былъ исключенъ. Таже участь постигла его и во второй разъ, когда онъ находился на 3-мъ курсѣ юридическаго факультета въ томъ же университетѣ. Жилъ Желябовъ сначала на стипендію, но затѣмъ, когда этотъ источникъ изсякъ, частными уроками и часто терпѣлъ нужду, хотя временами зарабатывалъ очень много, до 150 руб. въ мѣсяцъ. Первое время онъ много занимался студенческими дѣлами: кассами, столовыми, библіотеками, студенческими судами и т. под. Но эта дѣятельность не могла его удовлетворить. Когда затѣмъ въ Одессѣ, въ связи съ нечаевскимъ заговоромъ, образовались тайныя общества, Желябовъ примкнулъ къ нимъ всей душой; «крестьянскій сынъ» въ тогдашнихъ кружкахъ былъ окруженъ полумистическимъ ореоломъ и скоро завоевалъ симпатіи товарищей. Вскорѣ онъ познакомился съ болѣе опытными революціонерами, Волховскимъ и др., и попалъ въ ихъ политическую школу. Въ 1872-73 г.г. онъ принадлежалъ къ кружку, который находился въ тѣсной связи съ петербургскими чайковцами. Какъ и всѣ его товарищи, Желябовъ сдѣлался пропагандистомъ, жилъ въ сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, объясняя рабочимъ содержаніе брошюръ, организовывалъ маленькіе рабочіе союзы съ кассами и библіотеками. Онъ также пошелъ въ народъ и продавалъ огурцы на базарѣ; это хожденіе въ народъ осталось не безъ успѣха: онъ пріобрѣлъ нѣсколько соумышленниковъ. Но развѣ только этого искалъ Желябовъ? Это была стремительная страстная натура; всему, что онъ дѣлалъ, даже простому пѣнію и танцамъ, онъ отдавался всей душой. Крайне деликатный по отношенію къ другимъ, не знавшій мѣры своимъ услугамъ и одолженіямъ для тѣхъ, кто въ нихъ нуждался, каждую минуту готовый броситься въ огонь и воду за товарища и друга, неистощимо терпимый къ маленькимъ слабостямъ своихъ знакомыхъ, онъ мгновенно преображался и вспыхивалъ зловѣщимъ огнемъ, когда слышалъ обидную насмѣшку или грубость нахала. Откуда бралась тогда и желчь, и язвительный сарказмъ, и грозные жесты! Продолжительная, хотя бы и полезная работа не соотвѣтствовала его натурѣ; она надоѣдала ему и онъ терялъ

терпѣніе. Ему необходимы были сильныя движенія, кипучая борьба и опасность. Когда, напр., нужно было принять опасную кладь, уже выслѣженную полиціей или препроводить заграницу бѣглаго товарища, — онъ былъ всегда готовъ и вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Рядовымъ солдатомъ Желябовъ никогда не могъ быть; онъ былъ рожденъ вожакомъ. Хотя онъ не былъ лишенъ честолюбія — нѣкоторые находили даже, что онъ былъ надѣленъ имъ въ значительной степени, но не это создавало ему роль предводителя; она вытекала скорѣе изъ свойствъ его характера и всего его темперамента. Поэтому программа террористической партіи, въ рядахъ которой онъ умеръ, своей страстной и порывистой дѣятельностью гораздо болѣе соотвѣтствовала его натурѣ.

Послѣ второго своего исключенія изъ университета, Желябовъ жилъ то въ своемъ родномъ селѣ, то въ Одессѣ. Въ это же время онъ женился и скоро у него родился сынъ. Своихъ связей съ деревней онъ не прерывалъ до самого 1879 г., когда онъ уже окончательно себя скомпрометировалъ; разъ онъ прожилъ даже два года подрядъ у себя дома, велъ свое деревенское хозяйство и сложился при этомъ въ здороваго, крѣпкаго мужика, съ которымъ немногіе могли помѣряться силой; при этомъ онъ былъ отличнымъ работникомъ и хорошимъ хозяиномъ. Семейныя отношенія, по его собственнымъ разсказамъ, были у него хорошія; жена его, акушерка по профессіи, помогала ему своимъ заработкомъ; но онъ никогда не могъ отдаться всей душой своей женѣ. Чисто по-крестьянски, онъ видѣлъ въ ней не поэтическую возлюбленную, но мать семейства и товарища въ хозяйствѣ. Въ бракѣ для него на первомъ планѣ была не любовь, къ которой онъ относился довольно насмѣшливо, а семейныя обязанности. Къ этимъ обязанностямъ онъ относился очень добросовѣстно, и, рѣшившись отдаться всецѣло революціонному движенію, онъ сдѣлалъ это, только приведя сначала въ полный порядокъ свои домашнія дѣла. Въ 1877 г., въ качествѣ обвиняемаго по процессу 193-хъ, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ послѣ 7 мѣсячнаго заключенія, былъ оправданъ. Съ этихъ поръ онъ былъ еще сильнѣе захваченъ движеніемъ; онъ дѣлался все болѣе извѣстнымъ на югѣ и заводилъ также связи съ сѣверомъ.

Желябовъ никогда не раздѣлялъ односторонностей пропагандистовъ и не ограничивался агитаціей среди однихъ крестьянъ. Онъ обращался также и къ «обществу», и его дѣятельность носила всегда политическій характеръ. Этимъ онъ отличался съ самого-же начала отъ большинства тогдашнихъ революціонеровъ. Онъ признавалъ всегда, что освобожденіе было большимъ благодѣяніемъ для крестьянъ и несомнѣнно повысило ихъ нравственный уровень, хотя и не улучшило

ихъ экономическаго положенія. Тѣмъ не менѣе онъ ненавидѣлъ принципъ царизма, эту неограниченную, безконтрольную власть одного человѣка надъ цѣлымъ народомъ. Онъ не понималъ и не вѣрилъ въ патріархальнаго царя. Онъ не допускалъ, чтобы у него были добрыя намѣренія при отмѣнѣ крѣпостного права. «Правительству было выгодно увеличить свои доходы, самому эксплуатировать крестьянъ и при этомъ подорвать сравнительно сильный классъ дворянъ». Еще мальчикомъ 15-ти лѣтъ онъ радовался выстрѣлу Каракозова.

Поэтому понятно, что въ 1879 г., когда его пригласили къ участію въ террористической дѣятельности, Желябовъ вполнѣ отдался ей. Я уже упоминалъ объ его выдающейся роли на конгрессахъ въ Липецкѣ и Воронежѣ. Немедленно же вслѣдъ за этимъ онъ уѣхалъ вербовать сторонниковъ въ южно-русскіе университетскіе города и произносилъ здѣсь рѣчи, которыя производили, повидимому, на его слушателей могущественное впечатлѣніе. У Желябова была профессорская манера произносить рѣчи. Онъ говорилъ ясно и правильно. Въ частномъ разговорѣ эта манера производила невыгодное впечатлѣніе, но для большой аудиторіи была очень удобна. Когда онъ воодушевлялся, книжные обороты рѣчи совершенно исчезали. У него былъ ясный, звучный голосъ и неутомимая грудь. Мысли онъ развивалъ логично, въ отвѣтахъ былъ находчивъ и часто въ высшей степени ядовитъ. Нападенія возбуждали его мысль, и тогда его рѣчь дѣлалась блестящей. Говорятъ, что онъ особенно былъ хорошъ, когда впадалъ въ патетическій тонъ и говорилъ о долгѣ передъ родиной и о мести тиранамъ. Тогда онъ, дѣйствительно, воспламенялъ своихъ слушателей. При русскихъ условіяхъ ему не часто приходилось примѣнять свой ораторскій талантъ, но каждый разъ онъ имѣлъ большой успѣхъ. Между тѣмъ террористическая партія организовалась и уже осенью 1879 г. Желябовъ является оффиціальнымъ агентомъ Исполнительнаго Комитета, въ качествѣ какового и долженъ былъ заложить мину подъ Александровскомъ. Послѣ неудачи трехъ покушеній, онъ пріѣхалъ 19 ноября 1879 г. въ Петербургъ, гдѣ дѣла было достаточно. Многіе товарищи были уже арестованы; измѣна Гольденберга заставила переработать многіе планы и перемѣстить людей. Желябовъ сдѣлался завѣдующимъ динамитными мастерскими; но свою главную дѣятельность онъ развилъ на другомъ поприщѣ. Можетъ быть, многіе превосходили его, какъ террориста, но немногіе, какъ организатора. Онъ умѣлъ обращаться съ людьми и требовать отъ нихъ только того, что было имъ по силамъ. Правда, у него не было недостатка въ самолюбіи и онъ отлично зналъ себѣ цѣну; но это самолюбіе проявлялось въ такой благородной формѣ, что масса молодыхъ людей была безусловно ему предана. Свою органи-

заторскую дѣятельность онъ проявлялъ какъ въ «обществѣ», такъ и среди рабочихъ, для которыхъ основалъ газету. «Я рожденъ демагогомъ», говорилъ онъ, «мое настоящее мѣсто на улицѣ, среди толпы рабочихъ». Чрезмѣрная и возбуждающая дѣятельность такъ повліяла на его нервную и впечатлительную натуру, что этотъ сильный человѣкъ въ послѣднее время страдалъ бессонницей и не разъ падалъ въ обморокъ.

Желябовъ былъ стройный, красивый мужчина съ энергичнымъ выраженіемъ лица и великолѣпной окладистой бородой. Онъ вообще нравился женщинамъ и въ юности имѣлъ немало «приключеній». Въ послѣдній годъ своей жизни онъ былъ близокъ съ Перовской: эта женщина была по немъ; онъ уважалъ ея умъ и характеръ, и видѣлъ въ ней лучшаго товарища; но о супружескомъ счастьи не могло быть, собственно говоря, и рѣчи при томъ положеніи, въ какомъ находились оба они, при постоянныхъ тревогахъ и избыткѣ работы. — Желябовъ любилъ литературу. Однажды, вернувшись поздно ночью съ тайнаго собранія подъ Петербургомъ, онъ такъ углубился въ чтеніе Тараса Бульбы, что уже поздно утромъ одинъ товарищъ засталъ его еще за книгой, при чемъ онъ долго не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ смѣлаго казацкаго предводителя. Желябовъ любилъ также природу, Неву, открытое море. Музыку онъ любилъ до страсти. Любилъ онъ также и умѣлъ веселиться. Рѣдко выпадали такіе случаи, но когда выпадали, Желябовъ былъ душою общества. Послѣдній беззаботный вечеръ онъ провелъ въ ночь подъ новый годъ, 1881, когда будущіе цареубійцы устроили вечеринку. Желябовъ превзошелъ себя. Онъ появлялся во всѣхъ комнатахъ, поддерживалъ разговоръ, не допускалъ никого задуматься, затѣвалъ танцы, пѣсни.... Тамъ были Кибальчичъ, Саблинъ, Перовская и еще десятка полтора лицъ. На всѣхъ нашло какое-то страшное веселье. Многіе знали, что другого такого вечера уже не будетъ въ жизни.... Никто не увлекался въ подобныхъ случаяхъ искреннѣе и беззавѣтнѣе Желябова. Глядя на него, можно было подумать, что у этого человѣка нѣтъ на душѣ ни одной тяжелой мысли... А между тѣмъ думы черныя какъ ночь кружились вокругъ его головы. Но онъ гналъ ихъ прочь. Никогда онъ не допускалъ себя погрузиться въ уныніе. «Ну, это ничего. Что-жъ дѣлать! Теперь будемъ поправлять»—такими словами встрѣчалъ онъ каждый ударъ, каждую неудачу. Его вѣра въ успѣхъ революціоннаго дѣла была несокрушима. «Это пустяки: люди найдутся. Мы погибнемъ, другіе будутъ», — повторялъ онъ. Прокуроръ во время процесса характеризовалъ его слѣдующими словами: «Желябовъ необыкновенно типичный конспираторъ во всемъ — въ жестахъ, мимикѣ, движеніяхъ, мысляхъ, словахъ, не безъ театральныхъ эффектовъ; до послѣдней минуты онъ дра-

пируется въ тогу конспиратора. Ему нельзя отказать въ умѣ, дарованіяхъ и ловкости».*)

Рядомъ съ Желябовымъ стоитъ Софья Перовская, хотя она изъ совсѣмъ другой общественной среды — сферы высшей аристократіи. Это была замкнутая, сдержанная натура; она охотно поддерживала другихъ, но сама не требовала помощи; дѣтство ея было такъ печально, что она неохотно объ немъ говорила. Она родилась въ Петербургѣ въ 1854 г. Мать ея была умная, гуманная женщина, она нѣжно любила дочь и была также любима ею. Отецъ же былъ типичнымъ самодуромъ и деспотомъ, и дочь ненавидѣла его. Онъ былъ губернаторомъ сначала въ Псковѣ, потомъ въ Петербургѣ и широко пользовался, находившимся въ его распоряженіи, кредитомъ, а когда, послѣ покушенія Каракозова, лишился мѣста, то оказался совершенно раззореннымъ. Мать, какъ жена губернатора, была поглощена своею официальною ролью, и никогда не могла въ достаточной мѣрѣ отдаться воспитанію дочери. Это былъ живой, избалованный ребенокъ, любившій шалости и слушавшійся только матери. Она выучилась читать только 8-ми лѣтъ, но зато очень скоро; ей давали частные уроки, при чемъ уроковъ закона божія не было; на 14 году прекратилось вообще всякое преподаваніе. Въ Крыму, въ материнскомъ родовомъ имѣніи, куда теперь переѣхала семья, подростающая дѣвочка занялась чтеніемъ немногихъ серьезныхъ книгъ ихъ маленькой домашней библіотеки. Когда въ 1869 г. и это имѣніе было продано, мать съ дочерьми поѣхала въ Петербургъ. Здѣсь Софья поступила на женскіе курсы при гимназіи и познакомилась съ Вильбергъ, сестрами Корниловыми и Софьей Лешернъ, которыя впослѣдствіи всѣ посвятили себя революціи. Когда родители снова стали жить вмѣстѣ, отецъ запретилъ дочери принимать этихъ пріятельницъ. Такому насилію она не хотѣла покориться и въ 1870 г. покинула родительскій домъ, послѣ чего вступила въ кружокъ чайковцевъ, вмѣстѣ съ членами котораго впослѣдствіи пошла въ народъ. Послѣ нѣкоторой подготовки, она сдѣлалась сельской учительницей. Въ 1872 г. мы находимъ ее на берегахъ Камы (по сю сторону Урала), гдѣ она странствуетъ изъ села въ село, въ качествѣ оспопрививательницы, и терпитъ всевозможныя лишенія. Это было время, когда молодежь жила по рецепту Рахметова, героя романа Чернышевскаго «Что дѣлать?» Софья Перовская питалась молокомъ и кашей, спала на сѣнникѣ, но выглядѣла при этомъ совершенно здоровой. Оттуда она отправилась въ одно село Тверской губ., на

*) При характеристикѣ Желябова мы дополнили текстъ Туна еще нѣкоторыми выдержками изъ той «Біографіи», которою онъ пользовался. Л. Ш.

сыроварню Верещагина, гдѣ помогала учителю въ народной школѣ. Такимъ образомъ она переживала вмѣстѣ съ русской молодежью всѣ фазисы революціоннаго движенія. Въ ноябрѣ 1873 г. она была арестована, но выпущена скоро на поруки подъ залогъ 5000 руб. Тогда она рѣшила сдѣлаться фельдшерицей, для чего сначала обучалась у одного врача въ Тверской губ., а затѣмъ поступила въ фельдшерскую школу въ Симферополѣ и получила тамъ дипломъ. Въ процессѣ 193-хъ она была оправдана, но должна была отправиться въ административную ссылку въ Олонецкую губ. (1878). На желѣзнодорожной станціи Чудово, гдѣ она должна была переночевать въ дамской комнатѣ, она перешагнула черезъ спавшаго на порогѣ жандарма, и затѣмъ въ продолженіи 6 час. скрывалась въ ближайшемъ лѣсу, пока утихла погоня и она могла спокойно вернуться въ Петербургъ.

Тогда она примкнула къ обществу «Земля и Воля» и взяла на себя миссію освобожденія заключенныхъ въ Харьковѣ и облегченія ихъ тяжелаго положенія. Первое ей не удалось, второе она исполняла удачно. На Воронежскомъ съѣздѣ она принадлежала къ тѣмъ, которые во что бы то ни стало хотѣли избѣжать распущенія общества. Изъ чувства мести за казненныхъ товарищей она стояла за убійство царя, но съ другой стороны не хотѣла оставить агитаціи въ народѣ, желая, чтобы это убійство не прошло безслѣдно въ народѣ. Такъ какъ партія Чернаго Передѣла не имѣла тогда серьезныхъ связей въ народѣ, то она рѣшила помогать террористамъ. Такимъ образомъ она не примыкала формально ни къ одной изъ партій, но помогала обѣимъ. Въ ноябрѣ 1879 года она исполняла роль хозяйки въ домѣ Сухорукова подъ Москвой, откуда былъ устроенъ подкопъ. При этомъ она обнаружила большую находчивость и до самаго взрыва оставалась на мѣстѣ; она вмѣшалась даже въ ту толпу, которая сбѣжалась въ испугѣ на мѣсто происшествія, у самаго сухоруковскаго дома. Не будучи никѣмъ узнана, она уѣхала въ Петербургъ. Здѣсь она заявила, что готова примкнуть къ партіи Чернаго Передѣла, если она поставитъ своей цѣлью вызвать болѣе крупное движеніе въ народѣ. Ей объяснили, насколько это трудно. «Тогда мнѣ остается только примкнуть къ Народной Волѣ!» Съ этой минуты она сдѣлалась рѣшительной централисткой и проповѣдовала необходимость строгой дисциплины. Она работала неутомимо въ средѣ студенчества и рабочихъ, такъ какъ считала невозможной революцію безъ помощи рабочихъ массъ и войска. Ея единственнымъ недостаткомъ, въ которомъ она никогда не сознавалась, было то, что она совсѣмъ не щадила себя; но ея ловкость преодолѣвала всѣ проистекавшія отсюда опасности. Послѣдній годъ ея жизни былъ для нея, повидимому, (біографъ не вполнѣ въ

этомъ увѣренъ), первымъ годомъ любви. Вообще, она была «женскимъ патріотомъ» и считала мужчинъ стоящими ниже женщинъ; серьезно она уважала изъ нихъ немногихъ. Желябовъ въ духовномъ отношеніи былъ равенъ ей; къ тому же оба были красивы. 27 февр. 1881 г. Желябовъ былъ арестованъ; Перовская же съумѣла еще очистить свою квартиру и ускользнуть подъ глазами ищущей ее полиціи. Послѣ 1 марта ее просили бѣжать заграницу. Но она осталась, потому что, по ея словамъ, тогда было много дѣла въ Петербургѣ. Она была арестована 10 марта, когда ѣхала на извощикѣ.

Существенно отличается отъ этихъ людей съ выдающимися организаторскими и практическими способностями Николай Кибальчичъ (родился въ 1853 или 54 г.),—сынъ сельскаго священника Черниговской губ., украинецъ, сохранившій до конца дней печать украинофильскихъ и федералистическихъ тенденцій. Въ 1871 г. онъ былъ студентомъ-инженеромъ; въ 1873 г. — студентомъ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Онъ принадлежалъ тамъ къ кружку самообразованія и читалъ рефераты по политико-экономическимъ вопросамъ, но не имѣлъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и не занимался практической политикой. Въ 1875 году одна барыня, ожидавшая обыска, попросила его спрятать у себя свертокъ запрещенныхъ книгъ, присланныхъ изъ-заграницы. Онъ оказалъ ей эту услугу; но чрезъ нѣсколько дней у него былъ произведенъ обыскъ, потому что во время каникулъ, у своихъ родныхъ, онъ случайно далъ одному знакомому крестьянину брошюру, которая, переходя изъ рукъ въ руки, въ въ концѣ концовъ, попала къ жандармамъ. Предварительное слѣдствіе и одиночное заключеніе тянулись 3 года; затѣмъ, по процессу 193-хъ, Кибальчичъ былъ приговоренъ къ мѣсячному тюремному заключенію. Замѣчательно то усердіе, съ какимъ Кибальчичъ въ тюрьмѣ продолжалъ серьезно заниматься. Въ то время какъ большинство заключенныхъ обыкновенно впадаютъ въ апатію и часами, а иногда и цѣлыми днями, лежатъ на постели или ходятъ взадъ и впередъ по камерѣ, Кибальчичъ постоянно читалъ и читалъ съ равнымъ усердіемъ книги изъ различныхъ областей знанія. Даже прогулками онъ пользовался не только съ гигіеническими цѣлями, но пытался завязать во время нихъ сношенія съ уголовными и привлечь ихъ къ соціализму, что по отношенію къ нѣкоторымъ ему и удалось. По характеру Кибальчичъ былъ флегматикъ; онъ говорилъ медленно почти по складамъ, что производило неблагопріятное впечатлѣніе на людей мало его знавшихъ. Лицо у него было неподвижно; на немъ нельзя было подмѣтить, когда онъ былъ доволенъ или радъ. Многіе считали его апатичнымъ и сонным; женщинъ даже раздражала его манера говорить и ему приходилось терпѣть отъ нихъ

много насмѣшекъ. Но въ лицѣ его были мягкость и добродушіе. Только разъ онъ оживился въ тюрьмѣ, когда услыхалъ о планахъ нѣкоторыхъ революціонеровъ взорвать на воздухъ царскую семью. «Это хорошо, это великолѣпно! Почему они не займутся этимъ серьезно? Если меня не сошлютъ въ Сибирь, я займусь нитроглицериномъ!» Это удивило тогда его товарищей, потому что онъ всегда высказывался противъ преждевременной революціи. Но онъ выполнилъ свое намѣреніе. Послѣ своего освобожденія онъ принялся за изученіе взрывчатыхъ веществъ, и замѣчательно, что въ это именно время (1878-79) многіе революціонеры независимо другъ отъ друга начали заниматься этимъ предметомъ. Весною 1879 г. Кибальчичъ сблизился съ революціонерами и принялъ участіе въ ихъ агитаціи. Довольно долгое время онъ принадлежалъ къ кружку, который былъ непосредственно подчиненъ Исполнительному Комитету и изъ котораго впослѣдствіи выработалось 5 или 6 извѣстныхъ террористовъ. Но Кибальчичъ не былъ ни агитаторомъ, ни организаторомъ; онъ былъ кабинетнымъ ученымъ, революціонеромъ не дѣла, но мысли; умственно онъ былъ очень самостоятеленъ и превосходилъ этимъ многихъ. Онъ легко преодолѣвалъ трудности въ лабораторіи и въ наукѣ, но не въ практической жизни. Здѣсь онъ былъ разсѣянъ, неосторожентъ, неловокъ и не любилъ мелочей агитаціонной работы. Поэтому онъ не сдѣлался вожакомъ. Онъ не принималъ участія на съѣздахъ, но съ самаго же начала одобрялъ стремленія террористовъ и писалъ въ ихъ газетѣ. Онъ охотно принялъ на себя завѣдываніе динамической лабораторіей и велъ ее до самаго своего ареста. Какъ техникъ онъ и здѣсь былъ не ловокъ, но какъ теоретикъ онъ былъ безупреченъ. Онъ самоучкой изучилъ французскій, англійскій и нѣмецкій языки и былъ хорошо знакомъ со спеціальной литературой по взрывчатымъ веществамъ на этихъ языкахъ. Онъ былъ изобрѣтателенъ и зналъ много комбинацій минъ и бомбъ, которыя были удобны своей дешевизной или доступностью, малымъ объемомъ или тѣмъ, что не боялись воды. Въ продолженіе 2 лѣтъ работы въ отличной лабораторіи онъ пріобрѣлъ такія свѣдѣнія, какъ ни одинъ изъ экспертовъ на судѣ. Ему по большей части принадлежали лишь руководящія идеи; подробности вырабатывались его помощниками. На ряду со своею дѣятельностью въ лабораторіи Кибальчичъ бралъ денежную работу, занимался литературою, много читалъ; онъ обладалъ хорошей памятью и сообразительностью. Онъ писалъ хорошо и легко, но мало, вслѣдствіе недостатка времени. Лично онъ былъ очень симпатиченъ и интереснъ, постоянно занятъ теоретическими и философскими вопросами. Онъ былъ большимъ оптимистомъ въ отношеніи людей и каждаго считалъ за хорошаго человѣ-

ка; ему не приходило въ голову, чтобы его могли эксплуатировать. Его необычайная разсѣянность часто давала поводъ молодымъ дѣвушкамъ къ насмѣшкамъ надъ нимъ. Когда онъ наконецъ замѣчалъ это, то серьезно разъяснялъ имъ, какъ женщины легкомысленны и какими глупостями онѣ могутъ интересоваться. Совершенно погруженный въ науку, Кибальчичъ былъ равнодушенъ къ общечеловѣческимъ потребностямъ и чувствамъ. Онъ кажется во всю свою жизнь не сердился, никогда серьезно не ссорился и со всѣми былъ равно хорошъ. Будучи знакомъ со многими, онъ друженъ не былъ ни съ кѣмъ. Ему, казалось, были не знакомы чувства любви и дружбы. О женщинахъ онъ говорилъ: «Онѣ всѣ любятъ, чтобы объ нихъ заботились, ухаживали за ними; этого я не умѣю, да и времени у меня нѣтъ». У него не было личнаго счастья; но онъ никогда не чувствовалъ недостатка въ немъ. Онъ былъ совершенно погруженъ въ науку; онъ посвятилъ себя химіи не только для своихъ спеціальныхъ цѣлей, но и въ виду болѣе общихъ вопросовъ; до послѣдняго дня жизни, его, какъ Архимеда его чертежи, занималъ проектъ воздушнаго корабля, который приводился бы въ движеніе взрывчатыми веществами, и, говорятъ, что въ подробностяхъ этотъ проектъ заключалъ въ себѣ нѣкоторыя новыя мысли.

Революціонеркой не изъ «интеллигентной» среды является извѣстная Геся Гельфманъ*). «Поэты не посвятятъ ей пѣсенъ, исторія не назоветъ ея имени, потомки не сохранятъ о ней воспоминаній,—и всетаки безъ ея работы партія не могла бы существовать», говорится о ней въ «Подпольной Россіи». Она родилась въ Мозырѣ Минской губ. въ 1855 г.; ея отецъ былъ зажиточный фанатикъ-еврей, мачеха обращалась съ ней жестоко. Когда ей минуло 16 лѣтъ, она должна была выйти замужъ за извѣстнаго талмудиста. Такое замужество считается очень почетнымъ въ ея средѣ, но эта честь связывается обыкновенно съ обязанностью содержать дармоѣда-мужа и семью, — Геся тайно ушла отъ родителей и была проклята своимъ единовѣрцами. Въ Кіевѣ она жила шитьемъ и старалась пополнить пробѣлы своего элементарнаго образованія, что ей, однако, не удалось вполнѣ, и она никогда не умѣла правильно говорить и писать по-русски. Но въ 1874 гдду она выдержала экзаменъ на акушерскіе курсы и со всѣмъ усердіемъ отдалась «саморазвитію», которое играло тогда большую роль среди учащейся молодежи. Она вскорѣ сдѣлалась необходимой въ радикальныхъ кружкахъ, благодаря своимъ хозяйственнымъ талантамъ и умѣнью, когда нужно было, устроить обѣдъ, общую столовую и оказать всякую помощь Она стала соціалисткой, но до конца своей жизни не могла

*) Календарь Н. В., стр. 14—28.

вполнѣ понять теоретическихъ основъ этого ученія. Сдѣлавшись соціалисткой, она, по образцу героини романа Чернышевскаго, начала устраивать артельную мастерскую, но оставила ее, когда московскіе пропагандисты открыли предъ ней болѣе обширное поле дѣятельности. Она пошла въ народъ — прежде всего, чтобы изучить его и работала поденщицей въ Кіево-печерской лаврѣ. Здѣсь осенью 1875 г., благодаря нѣсколькимъ адресованнымъ къ ней письмамъ, она была арестована. Ей пришлось просидѣть подъ предварительнымъ слѣдствіемъ не менѣе 2-хъ лѣтъ, а по процессу 50-ти она была приговорена еще къ 2-мъ годамъ заключенія въ рабочемъ домѣ. Она содержалась вмѣстѣ съ молодыми проститутками, которыя, инстинктивно чувствуя ея нравственную высоту, относились къ ней съ какимъ-то злорадствомъ и принуждали ее къ самымъ чернымъ работамъ. Но ея положеніе улучшилось, когда ея камеру посѣтилъ дамскій комитетъ, и одна высокопоставленная дама приняла въ ней участіе. Съ этого времени она помѣщалась, со своей подругой по процессу, Топорковой, и съ ней, какъ съ заболѣвшей хроническимъ катаромъ желудка, вслѣдствіе плохого и недостаточнаго питанія, стали обращаться лучше. Ей было разрѣшено заниматься вышиваньемъ для начальницы тюрьмы. 14 марта 1879 г. она была освобождена и отправлена въ Старую Руссу, гдѣ должна была жить подъ полицейскимъ надзоромъ на 6 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь одна молодая дама, непричастная къ революціонной дѣятельности, достала ей паспортъ и деньги, такъ что въ ноябрѣ она уже бѣжала въ Петербургъ. Но долгое тюремное заключеніе разстроило ея здоровье; пропалъ ея свѣжій цвѣтъ лица и ея веселость; она исхудала и сдѣлалась настолько нервной, что во снѣ отвѣчала на предложенные ей вполголоса вопросы. Въ Петербургѣ она вышла замужъ за извѣстнаго террориста Колодкевича, хотя посторонніе ничего не знали объ ихъ отношеніяхъ, потому что они жили не на одной квартирѣ. Здѣсь она скоро стала членомъ Народной Воли и ей пришлось быть хозяйкой важныхъ конспиративныхъ квартиръ, потому что она обладала достаточнымъ присутствіемъ духа и находчивостью, чтобы быстро отдѣлываться отъ дворниковъ, хозяевъ и непрошенныхъ гостей. Уже въ 1879 г. мы находимъ ее хозяйкой конспиративной квартиры; потомъ она была хозяйкой квартиры рабочаго кружка, потомъ динамитной мастерской, наконецъ, тайной типографіи «Рабочей Газеты», которая затѣмъ была превращена въ динамитную мастерскую. Въ февралѣ 1881 г. она оставила эту квартиру и переселилась на Телѣжную улицу, гдѣ въ день убійства царя она была арестована, въ то время какъ Саблинъ застрѣлился. Въ тюрьмѣ, вслѣдствіе беременности, ей пришлось много перестрадать, но она никого не выдала. Аги-

тація заграницей заставила правительство дать ей свиданіе съ однимъ газетнымъ корреспондентомъ и замѣнить ей смертную казнь вѣчными каторжными работами. Она умерла въ тюрьмѣ 1 февраля 1882 г.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ Игнатіи Гриневицкомъ, который бросилъ въ царя Александра II роковую бомбу. Онъ называлъ себя литовцемъ, но поляки считали его своимъ соотечественникомъ, хотя онъ плохо говорилъ по-польски, порусски же — какъ на родномъ языкѣ. Онъ родился въ Минской губ. въ 1856 г., гдѣ родители его—католики—были мелкими землевладѣльцами. Въ 60-хъ г.г. отецъ его купилъ въ Гродненской губ. небольшое имѣніе Гриневичи, откуда, вѣроятно, происходитъ его фамилія. Доходы маленькаго имѣньица (60—70 десятинъ) вполнѣ поглощались нуждами семьи, состоявшей изъ 11 человѣкъ; всѣ члены ея должны были работать въ полѣ. Воспитаніе дѣтей стоило дорого, семья запуталась въ долгахъ, и въ 1880 г. имѣніе было продано съ публичнаго торга; мать умерла еще раньше этого, отецъ же сошелъ съ ума. Игнатій кончилъ уѣздное училище въ Бѣльскѣ и реальную гимназію въ Бѣлостокѣ, живя, конечно, въ страшной бѣдности, такъ что для него было роскошью пить чай по праздникамъ. Но онъ считался прилежнымъ ученикомъ, хорошо рисовалъ, былъ очень набоженъ и оставался добрымъ католикомъ, несмотря но всѣ насмѣшки товарищей. Въ 1872 и 73 г.г. въ бѣлостокскую гимназію были занесены воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній соціалистическія идеи, и тамъ начали мечтать о свободѣ и равенствѣ. Служеніе народу стало идеаломъ для молодого Игнатія. Въ 1875 г. онъ кончилъ курсъ лучшимъ ученикомъ и отправился въ технологическій институтъ въ Петербургѣ, студенты котораго считались тогда наиболѣе радикальными и кромѣ того пользовались въ своей институтской жизни нѣкоторою свободою. Гриневицкій, поступивъ въ этотъ институтъ, принялъ участіе въ обычныхъ студенческихъ союзахъ. Поляки имѣли тогда свои собственные кружки и держались вдали отъ русскихъ дѣлъ; Гриневицкій вошелъ въ кружки обѣихъ національностей, такъ какъ онъ хотѣлъ служить народу, не заботясь объ національности. Это считалось въ глазахъ поляковъ измѣной, и они упрекали его въ томъ, что онъ ихъ компрометируетъ. Въ кружкахъ, такъ же какъ и другіе его товарищи онъ не ограничивался какой-нибудь одной работой; онъ занимался всѣмъ: создавалъ одни кружки, оказывалъ помощь другимъ, собиралъ деньги для сосланныхъ, велъ корреспонденцію, учился поддѣлывать паспорта, собиралъ печати, вскорѣ познакомился съ рабочими и былъ уважаемъ всѣми, какъ хорошій товарищъ. Въ 1879 г. онъ присоединился къ кружку, который, по предложенію кіевскихъ революціонеровъ-

агитаторовъ, хотѣлъ идти въ народъ не для пропаганды, а для образованія боевыхъ дружинъ; ихъ поселенія должны были служить операціоннымъ базисомъ для революціонныхъ возстаній. Этотъ планъ не встрѣтилъ, однако, сочувствія и у кружка не было притока членовъ. Гриневицкій тѣмъ не менѣе поѣхалъ въ деревню и сдѣлалъ попытку образовать «боевую дружину». Но осенью 1879 г. онъ уже вернулся въ Петербургъ и объявилъ этотъ планъ революціи невыполнимымъ. Въ это время онъ удовлетворился бы сносной конституціей. Затѣмъ онъ увѣровалъ въ возможность того, что террористическая партія захватитъ государственную власть, и въ 1880 году уже былъ въ ея рядахъ. Съ этого времени его дѣятельность имѣла опредѣленную цѣль; функціи его были сначала чисто-вспомогательныя: нѣкоторыя техническія работы, собираніе справокъ; затѣмъ ему была поручена организація рабочихъ и, наконецъ—дѣло, стоившее ему жизни. Спокойно стоялъ онъ на своемъ роковомъ посту, измѣряя разстояніе между собой и своей коронованной жертвой. «Кто вы?» спросили его въ госпиталѣ, когда онъ незадолго до смерти открылъ глаза. «Не знаю!» были его послѣднія слова. Его товарищи приписываютъ ему славу Брута, Гармодія и Аристогитона.

Въ жизнеописаніяхъ цареубійцъ какъ бы отражается весь ходъ революціоннаго движенія. Всѣ они начали съ мирной пропаганды, затѣмъ, послѣ подавленія ея правительствомъ, перешли къ революціонной агитаціи, а въ виду ея безрезультатности—къ терроризму. Соціализмъ отступилъ тогда на задній планъ передъ политической свободой; изъ федералистовъ революціонеры сдѣлались строгими централистами. Только будущее выяснитъ, кто еще былъ главными руководителями движенія и какова была ихъ жизнь*). Не менѣе вопроса о личныхъ силахъ важенъ также вопросъ о денежныхъ средствахъ. Откуда революціонеры брали деньги, чтобы создать литературу, содержать и разсылать людей, подготовлять террористическіе факты, поддерживать арестованныхъ и высланныхъ? Исполнительный Комитетъ прямо заявлялъ о своемъ правѣ «конфисковать» государственныя деньги изъ казначейства и другихъ правительственныхъ кассъ, но кто можетъ знать, въ какой мѣрѣ это

*) Изъ наиболѣе видныхъ представителей революціоннаго движенія можно еще назвать Л. Тихомирова, Алекс. Квятковскаго, А. Михайлова, Ширяева, Зунделевича, Суханова, Осинскаго, Я. Стефановича, Фроленко, Колодкевича, Баранникова, Адріана Михайлова, Клеменца, Кравчинскаго, Богдановича, Грачевскаго; а между женщинами; Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Засуличъ, Бардину, Ольгу Любатовичъ, Брешковскую, Якимову и многихъ другихъ.

ему удавалось? Главные источники доходовъ были во всякомъ случаѣ другіе. Нечаевъ получилъ бахметьевскій революціоный фондъ въ размѣрѣ 1000 фун. стерлинговъ. Въ рядахъ пропагандистовъ 70-хъ год. былъ мировой судья Войнаральскій, который пожертвовалъ дѣлу свое состояніе (40000 р.*). Въ рядахъ землевольцевъ былъ Дм. Лизогубъ, сынъ предводителя дворянства, который въ 1878 году началъ ликвидировать свое состояніе въ 150.000 руб., но уже въ августѣ былъ арестованъ. Въ первый годъ онъ долженъ былъ получить 20000 руб.; но его довѣренный захватилъ деньги себѣ. Всѣ эти источники представляютъ, конечно, только незначительную часть доходовъ революціонеровъ, и даже тѣ суммы, о которыхъ печатались отчеты въ ихъ изданіяхъ, не могутъ служить твердой основой для опредѣленія всей полученной революціонерами суммы.**)

Обращаясь теперь къ внутренней организаціи русской революціонной партіи, я долженъ сказать, что уже отмѣтилъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ тѣ свѣдѣнія, какія я имѣлъ объ отдѣльныхъ обществахъ. Здѣсь я сообщу кое- какія подробности. Къ важнѣйшимъ предпріятіямъ революціонеровъ всегда принадлежали тайныя типографіи вслѣдствіе крайней важности для нихъ періодической прессы***).

Уже во времена первыхъ стадій движенія, въ началѣ 60-хъ годовъ, тогдашніе революціонеры имѣли свою типографію, которая была обнаружена затѣмъ въ зданіи генеральнаго штаба, и въ которой въ 1861 г. печатался «Великоруссъ»; существовали тогда и другія тайныя типографіи, но работа въ нихъ продолжалась такое же короткое время, какъ и впослѣдствіи въ кружкахъ Ишутина, Нечаева и Долгушина. Чайковцы привезли изъ заграницы шрифтъ и прекрасную печатную машину, но не успѣли воспользоваться ею. Техническія трудности казались непреодолимыми: работа слишкомъ шумной, число людей слишкомъ велико, масса необходимой бумаги слишкомъ бросалась бы въ глаза. Возобновлять неудавшіяся попытки, значило жертвовать людьми. Только въ 1875 г. орга-

*) Значительную часть своего состоянія (конфискованнаго потомъ правительствомъ и переданнаго наслѣдникамъ) отдалъ также на дѣло П. Кропоткинъ. Л. Шишко.

**) Въ «Народной Волѣ» былъ данъ отчетъ о слѣд. суммахъ. Въ № 6, (съ 1 мая по 15 іюля 1881 г.) немного болѣе 22700 руб.; въ № 7 (съ 15 іюля по 1 дек. 1881 г.) свыше 8500 руб.; въ листкѣ Нар. Воли свыше 5700 р.; — въ «Черномъ Передѣлѣ», въ № 2, свыше 911; въ № 3 свыше 9500; въ № 4 свыше 2115 р. Общество Краснаго Креста Нар. Воли насчитывало въ своихъ 1-3 объявл. около 8000 р. дохода; другое общество за 2 мѣс. получило свыше 1775 руб.

***) «Подпольная Россія».

низаторскому таланту Я. Стефановича удалось устроить тайную типографію въ Кіевѣ и уже въ 1876 г. пустить ее въ ходъ*). Въ этомъ году всѣ прокламаціи, также какъ и [illegible]ринскій подложный манифестъ съ уставомъ были напечатаны въ Россіи. Осенью 1877 года Стефановичъ былъ арестованъ, но его типографія была спасена и перевезена въ Одессу, гдѣ она по всей вѣроятности и погибла. Въ этомъ же году одинъ изъ видныхъ революціонеровъ, Аронъ Зунделевичъ изъ Вильно, привезъ изъ заграницы все необходимое для устройства типографіи и устроилъ первую свободную типографію въ Петербургѣ, которая могла правильно исполнять довольно значительныя работы. Она служила революціонерамъ 4 года и не была бы открыта, если бы случай не помогъ полиціи. Типографія держалась только благодаря большой осторожности. Изъ всей редакціи «Земли и Воли» мѣсто пребыванія типографіи зналъ только Кравчинскій; и онъ былъ на квартирѣ только одинъ разъ, чтобы помѣстить извѣстіе объ удачномъ бѣгствѣ Александра Михайлова въ первомъ же номерѣ газеты.**) Тамъ

*) Стефановичъ держалъ свою типографію въ большой тайнѣ. Со своими друзьями, Дейчемъ и Бохановскимъ, онъ занималъ квартиру, въ которой жилъ, а наряду съ ней имѣлъ другую, тайную. Бохановскій былъ арестованъ первымъ и черезъ одного выпущеннаго изъ тюрьмы уголовнаго послалъ предупрежденіе Стефановичу, который гостилъ въ то время у одного помѣщика. Но посланецъ передалъ письмо полиціи. Тогда были арестованы и оба другіе товарища вмѣстѣ съ пріютившимъ ихъ помѣщикомъ. Необходимо было спасти типографію. Такъ какъ ея помѣщеніе не было извѣстно никому изъ другихъ революціонеровъ, то стоило большого труда дать имъ нужныя указанія. Еще труднѣе было вынести всѣ приборы изъ помѣщенія, не обративъ на это вниманія полиціи. Съ этой цѣлью ночью былъ снятъ слѣпокъ съ замка и на другой день къ хозяину явилась женщина съ мужемъ, объявившая, что она сестра Стефановича, съ которымъ будто бы видѣлась въ Кременчугѣ и который позволилъ ей, при проѣздѣ черезъ Кіевъ, остановиться на его квартирѣ. Въ доказательство она показала ключъ. У хозяина не было никакихъ основаній для подозрѣній; онъ позволилъ имъ прожить нѣсколько дней въ этой квартирѣ и при отъѣздѣ поблагодарилъ за полученный «на чай». Вскорѣ послѣ этого явилась полиція, но комната была уже очищена и только небольшое количество шрифта и корректуръ, найденное въ углу, подтвердили ея подозрѣнія, что здѣсь была типографія.

**) Ал. Михайловъ былъ арестованъ, зайдя въ занятую полиціей квартиру. На улицѣ онъ вырвался и съ крикомъ «держи его! держи его!» бросился бѣжать. Толпа побѣжала вмѣ-

онъ нашелъ четырехъ лицъ. Хозяйкой квартиры была Марія Крылова, женщина 45 лѣтъ; она была сослана послѣ покушенія Каракозова, но счастливо бѣжала. Въ качествѣ горничной у нея была хорошенькая бѣлокурая дѣвушка. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ велъ молодой человѣкъ лѣтъ 26, молчаливый, съ аристократической наружностью; онъ былъ сынъ генерала и внукъ сенатора и считался чиновникомъ министерства, но въ своемъ портфелѣ проносилъ рукописи и корректурные листы запрещенной газеты. Другой наборщикъ (Лубкинъ) скрывалъ отъ товарищей свою фамилію и былъ извѣстенъ имъ подъ именемъ «птицы»; онъ покончилъ съ собою, когда послѣ четырехъ-часового отчаяннаго боя типографія «Народной Воли» была взята полиціей. Его положеніе было особенно трудное, потому что ради предосторожности онъ жилъ безъ паспорта, а потому долженъ былъ остерегаться, чтобы его не увидалъ дворникъ. Молодому фанатику было не болѣе 23 лѣтъ; но чахотка была написана у него на лицѣ; смертельная блѣдность покрывала его щеки, которыя не видѣли ни дневного свѣта, ни свѣжаго воздуха; у него были необыкновенно живые глаза, черные и блестящіе, какъ глаза газели съ выраженіемъ безконечной печали. Устройство типографіи было самое простое; нѣсколько ящиковъ съ шрифтомъ, маленькій цилиндръ изъ какого то упругаго вещества, обтянутый сукномъ, тяжелый цилиндръ, который служилъ валомъ для печатанія, двѣ бутылки типографской краски, пара щетокъ и губокъ. Все было приспособлено такъ, что въ четверть часа могло быть убрано въ большой стѣнной шкафъ. Для того, чтобы не возбудить въ дворникѣ подозрѣній, его подъ всякими предлогами часто зазывали въ эту комнату. Такимъ образомъ маленькій кружокъ жилъ среди лишеній и опасностей.

Редактированіе газеты находилось въ рукахъ особаго комитета. На собраніяхъ редакціи «Земли и Воли» между прочимъ принималъ участіе и Алекс. Михайловъ*); онъ настаивалъ, наряду съ полной согласованностью статей съ партійной программой, на хорошемъ слогѣ, на доказательности изложенія и, болѣе всего, на возможно большей краткости, что вообще рѣдко у русскихъ. Выходъ каждаго номера праздновался пирушкой. Къ 9 часамъ вечера редакція собиралась на квартирѣ Михайлова, гдѣ ско-

---

стѣ съ нимъ, думая, что онъ преслѣдуетъ вора. Такимъ образомъ ему удалось затеряться въ толпѣ. Свернувъ въ ближайшую улицу, онъ забѣжалъ въ первый попавшійся дворъ, но увидалъ, что этотъ дворъ окруженъ высокой стѣной. Тѣмъ не менѣе прежде чѣмъ явилась полиція, онъ нашелъ мѣсто, гдѣ можно было перелѣзть черезъ стѣну и такимъ образомъ ему удалось избѣжать погони.—«На Родинѣ» № 3 стр. 21.

*) «На Родинѣ» № 3 стр. 48.

ро начиналось скромное угощеніе. Михайловъ откупоривалъ бутылку коньяку, наливалъ каждому по рюмкѣ и тотчасъ-же пряталъ бутылку въ шкафъ, опасаясь, чтобы гости не выпили лишняго. Затѣмъ выступала на сцену какая то «рыбка» и чай съ сладкимъ печеньемъ. Для запоздавшихъ на окнѣ выставлялся «знакъ безопасности».

Какимъ же образомъ распространялись революціонныя изданія въ публикѣ? Поступали очень просто. Послѣ отпечатанія напр. «Народной Воли» одинъ изъ товарищей съ краснымъ чемоданомъ, наполненнымъ газетой, объѣзжалъ, конечно во II классѣ, важнѣйшіе города и раздавалъ довѣреннымъ лицамъ значительное количество экземпляровъ, которые распространяли ихъ дальше. Выставленная на газетѣ цѣна въ 25 или 35 коп. была только номинальная. Прокламаціи массами раскладывались по почтовымъ ящикамъ. Геся Гельфманъ служила такимъ странствующимъ городскимъ почтальономъ; ея большая сумка была всегда наполнена прокламаціями, газетами, билетами на концерты и балы въ пользу арестованныхъ или тайныхъ типографій. Послѣ ареста типографій, онѣ обыкновенно скоро возстановлялись. Такъ напр. въ іюнѣ 1882 г. была захвачена тайная типографія въ Москвѣ, а слѣдующей зимой уже была снова открыта тайная типографія въ Одессѣ. Наряду съ этими учрежденіями, въ которыхъ выковывалось духовное оружіе, существовали также, со времени революціонной агитаціи, цѣлые арсеналы настоящаго оружія, а со времени терроризма—склады взрывчатыхъ веществъ и химическія мастерскія, которыя по свидѣтельству Кибальчича и судя по результатамъ работъ, были образцовыми въ своей области. Такія лабораторіи существовали въ Петербургѣ, Одессѣ и другихъ мѣстахъ; еще очень недавно (іюнь 1882 года) была захвачена динамитная мастерская на Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ у ветеринара Прибылева, которому членъ Исполнительнаго Комитета Грачевскій досталъ денегъ, чтобы онъ могъ ускорить свою женитьбу на Розѣ Львовнѣ Гольдманъ и устроить въ своей квартирѣ «подготовительную школу» для обученія фабрикаціи бомбъ, какъ называлъ Грачевскій на судѣ эту динамитную мастерскую съ цѣлью уменьшить отвѣтственность обвиняемыхъ.

Передъ Московскимъ покушеніемъ уже упомянутый выше Ааронъ Зунделевичъ попробовалъ купить динамитъ въ Игаліи и чрезъ Швейцарію и Германію ввести его въ Россію. Но попытка не удалась въ самомъ началѣ, и революціонеры принуждены были взять приготовленіе динамита въ свои руки. Это было очень опасное предпріятіе; такъ какъ матерьялы, необходимые для приготовленія динамита, издавали очень ѣдкій запахъ, то приходилось нанимать большую квартиру въ 3-4 комнаты съ водопроводомъ и въ верхнемъ этажѣ. Но и при этомъ

условіи работы революціонныхъ химиковъ часто не могли не обратить на себя вниманія другихъ квартирантовъ. Кибальчичъ напр. пролилъ однажды на полъ такъ много азотной кислоты, что въ нижнемъ этажѣ позолоченныя стѣнныя украшенія почернѣли, и управляющій домомъ въ испугѣ прибѣжалъ къ нему наверхъ. Кибальчичъ однако не впустилъ его въ комнату, заявивъ, что онъ готовъ вознаградить причиненные убытки. Въ другой разъ ночью у него произошелъ небольшой взрывъ, и хозяйку съ трудомъ удалось успокоить. Опаснѣе всего былъ другой взрывъ у него (или у Ширяева), когда на полу стояла масса бутылокъ съ нитроглицериномъ. Изъ числа искусныхъ химиковъ между террористами наиболѣе извѣстенъ изобрѣтательный Кибальчичъ, которому, какъ говорятъ, принадлежала самая идея смертоносныхъ бомбъ.—Исаевъ, Ширяевъ и Грачевскій были извѣстны, какъ хорошіе техники. Послѣдній послѣ убійства царя и ареста своихъ товарищей подготовлялъ, повидимому, другія покушенія. Значительное количество динамиту было доставлено морскими офицерами, начиная еще съ 1878 г. при неудачномъ покушеніи въ Николаевѣ. Наконецъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ Желябовъ упоминаетъ о какомъ то революціонномъ архивѣ,*) храненіе котораго онъ довѣрилъ проф. Драгоманову.

Другою важной задачей конспиративной дѣятельности, особенно въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ, была для революціонеровъ забота о собственной безопасности. Соціалистическая пропаганда, сама по себѣ, еще не сопровождалась большою опасностью и большею частью терпѣла неудачу вслѣдствіе неосторожности участниковъ. Но по мѣрѣ введенія въ программу агитаціи и террора и при условіи репрессивныхъ мѣръ со стороны правительства, стремленіе къ самосохраненію повело революціонеровъ къ принятію мѣръ предосторожности, которыя выработались въ цѣлую законченную систему. Самой ближайшей задачей было достать себѣ паспортъ. Нѣкоторые юноши, какъ напр., Александръ Михайловъ въ 1876 г. поступали въ университетъ вовсе не для того, чтобы слушать лекціи, которыя въ то время очень мало интересовали ихъ, а для того, чтобы получить студенческіе билеты и имѣть право жить въ столицѣ. Михайловъ одновременно записался на экзамены въ два высшихъ учебныхъ заведенія Петербурга, чтобы хоть отъ одного изъ нихъ получить студенческій билетъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ становится понятнымъ поведеніе правительства, которое требовало отъ студентовъ посѣщенія лекцій, а для контроля требовало предъявленія билетовъ при входѣ въ аудиторіи, чтобы студенческій билетъ не могъ служить прикрытіемъ для революціонной дѣятельности, —мѣра, кото-

*) «Вольное Слово» № 39 и 40.

рая при всей ея стѣснительности едва ли приноситъ желаемые результаты.

Для остальныхъ, не имѣвшихъ студенческихъ билетовъ, въ началѣ движенія, добываніе паспортовъ представляло свои трудности. Ихъ покупали и часто платили за нихъ большія деньги. Но вскорѣ революціонеры нашли, что гораздо проще фабриковать паспорта самимъ, и довели эту технику до высокой степени совершенства. Каждое революціонное общество имѣло свое паспортное бюро; оно само вырѣзало печати различныхъ государственныхъ учрежденій и штемпелевало ими самодѣльные паспорта.*) Ни одинъ русскій, посвящавшій себя революціи, не живетъ подъ своимъ собственнымъ именемъ и не сохраняетъ своего законнаго паспорта, потому что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы скоро узнанъ и скомпрометированъ. Большинство беретъ фальшивые паспорта и переходитъ на нелегальное положеніе. Настоящія имена нѣкоторыхъ изъ нихъ не выяснились даже на процессахъ. Нѣкоторые революціонеры, какъ напр. Халтуринъ, были узнаны по фотографической карточкѣ лишь послѣ того какъ уже были повѣшены; въ Кіевѣ былъ даже повѣшенъ «неизвѣстный», подъ именемъ Антонова. Нелегальные, конечно, не могутъ получать корреспонденцій на свое имя; во время Ишутинскаго заговора всѣ письма получались на имя гимназиста графа Т., жившаго у своей тетки графини Тр. въ домѣ сенатора К.; письма Нечаева проходили черезъ руки 16-ти лѣтней Вѣры Засуличъ. И въ настоящее время многіе солидные люди оказываютъ помощь революціонерамъ, помогая ихъ перепискѣ. Иногда письма приходятъ на вымышленное имя; письма шифруются или пишутся химическими чернилами; въ телеграммахъ примѣняются условныя выраженія, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: пришлите мнѣ столько то бутылокъ вина, т. е. столько-то фунтовъ динамита (письмо Гольденберга Кибальчичу). Далѣе вслѣдствіе своего нелегальнаго положенія, революціонеръ не долженъ давать окружающимъ никакого повода къ подозрѣніямъ своимъ образомъ жизни. Сначала полицейскій надзоръ въ городахъ былъ довольно слабъ; еще въ 1875 и 1876 г.г. въ большихъ студенческихъ коммунахъ изъ 3 комнатъ весь полъ былъ зачастую занятъ спящими, которые оставались почевать послѣ ожесточенныхъ программныхъ споровъ, такъ что даже дворникъ, —какъ разсказывалъ А. Михайловъ —отворяя по утрамъ ставни такой квартиры, поражался необычайнымъ зрѣлищемъ и могъ толь-

*) Такое паспортное бюро съ «громадными ресурсами» было открыто полиціей въ Москвѣ 23 марта 1882 года на конспиративной квартирѣ И. Калюжнаго и Смирницкой. Тамъ было найдено 96 печатей, 119 чистыхъ паспортныхъ бланковъ и 30 готовыхъ видовъ на жительство.

ко произнести: «О, Господи!». Даже извощики знали, что у студентовъ «вечеринка» и по русскому обычаю собирались около дома, изъ котораго они надѣялись развезти по домамъ усталыхъ гостей. По улицамъ соціалисты ходили толпами. Но времена такой беззаботности въ революціонномъ мірѣ скоро кончились. Даже въ деревняхъ правительство учредило особую полицію въ видѣ урядниковъ, а въ крупныхъ городахъ все населеніе было отдано подъ надзоръ дворниковъ. Поэтому революціонеры стали устраивать свою жизнь такъ, что живя на квартирахъ, они правильно приходятъ и уходятъ изъ дома, какъ будто бы состоятъ на службѣ. Они не принимаютъ въ слишкомъ большомъ количествѣ гостей; посѣтители приходятъ къ нимъ по одиночкѣ, въ крайнемъ случаѣ по двое, да и то съ промежутками въ нѣсколько минутъ; большія собранія происходятъ обыкновенно на особыхъ, конспиративныхъ квартирахъ*). Въ Петербургѣ, передъ убійствомъ Александра II, посѣщались главнымъ образомъ двѣ конспиративныхъ квартиры, гдѣ жили Кибальчичъ и Исаевъ со своими товарищами-женщинами. Въ третьей квартирѣ, гдѣ жили Геся Гельфманъ и Саблинъ, Желябовъ выбиралъ метальщиковъ. Передъ покушеніемъ, Гельфманъ предусмотрительно перешлана другую квартиру, въ которой и собрались революціонеры послѣ рѣшительнаго удара. Конспиративныя квартиры требуютъ особыхъ условій. Въ окнахъ надо имѣть возможность легко выставлять и быстро мѣнять сигналы; въ противномъ случаѣ могутъ происходить большія несчастія. Такъ напр., когда въ квартирѣ Малиновской, въ 1878 г., знакъ безопасности не былъ во время снятъ, нѣсколько человѣкъ пришли въ квартиру и попались въ руки полиціи. Подобнымъ же образомъ въ февралѣ 1882 г., въ Москвѣ, въ квартирѣ одного изъ арестованныхъ, полиціи удалось устроить западню и захватить усердно разыскивавшагося Якова Стефановича. Стѣны комнаты должны быть достаточно толсты, двери должны хорошо затворяться, чтобы нельзя было подслушивать разговоровъ. Передъ дверью должна находиться площадка, съ которой можно было бы господствовать надъ всей лѣстницей, чтобы нѣсколько рѣшительныхъ и вооруженныхъ человѣкъ могли оказывать сопротивленіе жандармамъ, пока бумаги и другія подозрительныя вещи не будутъ уничтожены. Конспиративныя квартиры по большей части содержали въ себѣ цѣлый арсеналъ оружія; такъ, напримѣръ, при взятіи типографіи «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ, 17 января 1880 г. каждый изъ защищавшихъ квартиру былъ вооруженъ 2 револьверами; дюжина жандармовъ должна была отступить и пришлось привести солдатъ; въ общемъ тогда было выпущено до 80-100 выстрѣловъ.

*). «На Родинѣ» № 3, стр, 36 и въ др. м.

Вообще, вслѣдствіе нелегальнаго положенія приходилось принимать массу предосторожностей. Большинству, конечно, надоѣдало это постоянное наблюденіе за собой; но Александръ Михайловъ, еще съ 1877 г. энергично боровшійся противъ господствовавшей среди революціонеровъ неконспиративности и получившій за это шутливое прозвище дворника, называлъ такую небрежность прямо таки нечестностью и недостаткомъ преданности революціонному дѣлу. Онъ иногда ходилъ за товарищемъ по улицѣ и слѣдилъ, принимаетъ ли онъ всѣ необходимыя мѣры; или же вдругъ останавливалъ кого-нибудь и заставлялъ прочесть издали вывѣску. Если товарищъ оказывался близорукимъ, то онъ не отставалъ отъ него, пока тотъ не покупалъ себѣ очки. Точно также онъ настаивалъ на приличной одеждѣ. Костюмъ нигилиста 60 и 70 годовъ хорошо извѣстенъ намъ по картинкамъ; высокіе сапоги, плэдъ и синія очки часто служили мишенью нашихъ насмѣшекъ*). Но такое одѣяніе, немедленно же выдававшее образъ мыслей своего обладателя, можно было носить только во времена полицейской безпечности или пока совѣсть была чиста отъ противозаконныхъ дѣйствій. Когда же настало время безчисленныхъ и произвольныхъ арестовъ, этотъ фантастическій костюмъ сталъ привлекать вниманіе жандармовъ и шпіоновъ. Тогда уже лучше было израсходовать нѣсколько лишнихъ рублей, чѣмъ подвергать себя излишней опасности. Среди землевольцевъ, Александръ Михайловъ былъ самымъ усерднымъ приверженцемъ приличнаго костюма. Если какой-нибудь членъ партіи оправдывался тѣмъ, что у него не было денегъ для этого, А. Михайловъ на другой же день доставалъ ему денегъ и сообщалъ ему адресъ дешеваго портного. Когда терроръ былъ въ полномъ разгарѣ, нѣкоторые революціонеры окружали себя даже роскошной обстановкой. Убійца Мезенцова жилъ по паспорту князя N, выдавалъ себя за служащаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и награждалъ дворника щедрыми подачками, когда тотъ спѣшилъ помочь «его сіятельству» выйти изъ экипажа. Даже Соловьевъ, о которомъ говорятъ, что онъ всегда одѣвался бѣдно и небрежно, передъ покушеніемъ обзавелся черной парой. Но забота Михайлова, очевидно не могла простираться на всѣхъ революціонеровъ, ибо по другимъ описаніямъ, одежда нѣкоторыхъ изъ нихъ была очень жалкаго свойства, что, конечно, и неудивительно, потому что многіе изъ нихъ не имѣли даже постояннаго жилища, а ихъ жены больше занимались рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, чѣмъ починкой платья.

Алекс. Михайловъ жилъ, какъ «краснокожій во время вой-

*) Этотъ костюмъ нигилиста аналогиченъ съ старонѣмецкимъ костюмомъ буршей.

ны». При каждомъ удобномъ случаѣ онъ старался подойти поближе къ шпіонамъ и запомнить ихъ лица, чтобы имѣть возможность оберегаться отъ нихъ. Онъ умѣлъ сразу же отличить ихъ въ толпѣ. У него былъ списокъ 300 проходныхъ домовъ и дворовъ и благодаря этому знанію онъ часто спасалъ и себя и товарищей. Чтобы замести слѣды своихъ странствованій по Петербургу, революціонерамъ часто приходится мѣнять по два и по три извощика, и дѣлать большіе концы по городу. Они также часто мѣняютъ свои адреса, вслѣдствіе чего, чтобы узнать адресъ пріятеля въ Петербургѣ, иногда нужно бываетъ съѣздить въ Кіевъ и обратно. Самой важной задачей является, конечно, спасеніе революціонеровъ-убійцъ, которыхъ полиція усерднѣе всего преслѣдуетъ. Для этого существуетъ цѣлый рядъ укрывателей, какъ среди аристократовъ, такъ въ среднемъ сословіи и въ чиновничествѣ*). Тотъ же Алекс. Михайловъ отличался необычайнымъ искусствомъ отыскивать почлеги. Его познанія въ этой области принесли многимъ пользу, и въ томъ числѣ убійцѣ Мезенцова. Прежде всего онъ повелъ его къ чиновнику М. В. Д., преданному ученику Чернышевскаго, который теоретически раздѣлялъ взгляды революціонеровъ и считался самымъ надежнымъ укрывателемъ. Но онъ оказался настолько нервенъ, что ночью безпрестанно вскакивалъ, думая, что идутъ жандармы. Другой укрыватель былъ замѣшанъ въ заговорѣ 1861 г. въ Казани; онъ много разъ привлекался полиціей, но уличить его она ни въ чемъ не могла. Онъ относился скептически къ новому движенію, но симпатизировалъ ему и помогалъ очень ловко, устраивая переписку, организуя доставку книгъ и журналовъ, собирая ежемѣсячные взносы и т. п. Онъ былъ неподражаемъ, какъ укрыватель, и какъ разъ въ этотъ день справлялъ десятилѣтній юбилей своей дѣятельности. Онъ скрывалъ у сѣбя сначала Вѣру Засуличъ, потомъ Софью Перовскую. Но спрятавъ у себя Кравчинскаго, онъ черезъ нѣсколько дней явился домой съ серьезнымъ видомъ и заявилъ, что онъ чувствуетъ, что будетъ обыскъ; и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ того явилась полиція, чтобы нанести ему «санитарный визитъ». Третьимъ укрывателемъ Кравчинскаго была 70-лѣтняя старуха датчанка. Она мирно прожила свою долгую жизнь, пока принцесса Дагмара не сдѣлалась наслѣдницей русскаго престола. Ей пришло тогда въ голову сдѣлать своего мужа придворнымъ чиновникомъ. Она обратилась за протекціей къ датскому послу, который, понятно, отказалъ ей; тогда она сдѣлалась нигилисткой. Свою революціонную карьеру она начала съ того, что прятала для знакомыхъ студентовъ запрещенныя книжки, получала ихъ корреспонденцію и наконецъ стала ук-

*) См. «Подпольную Россію».

рывать преслѣдуемыхъ лицъ. Она надѣялась, что террористы только начинаютъ съ Трепова и Мезенцева, а кончатъ непремѣнно датскимъ посломъ; онъ ей казался самымъ преступнымъ изъ всѣхъ должностныхъ лицъ. Ея старикъ мужъ, котораго она держала въ полномъ подчиненіи, долженъ былъ доставлять ей послѣднія извѣстія изъ полиціи. Въ той же книгѣ разсказывается, какъ какая то старая княгиня, послѣ убійства Александра II, скрывала у себя въ теченіи нѣсколькихъ дней пріятельницу Софьи Перовской по рекомендаціи этой послѣдней, хотя многіе стали съ этого времени очень боязливы и не давали пріюта даже своимъ лучшимъ знакомымъ.

Но, несмотря на всѣ предосторожности, кажется, только небольшая кучка революціонеровъ могла избѣжать на долгое время ареста. Мнѣ предстоитъ теперь задача изобразить обращеніе съ подслѣдственными, осужденными и высланными въ административномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, у историка нѣтъ въ этомъ случаѣ почти никакого матерьяла; только разъ, во время господства гр. Лорисъ Меликова, когда рабское русское общество начало дышать свободнѣе, русскія газеты начали было сообщать кое что о тюрьмахъ и Сибири, причемъ «Правительственный Вѣстникъ» удостоивалъ ихъ иногда своими опроверженіями, которыя, впрочемъ, по существу, подтверждали все, что сообщалось въ подпольной печати. Эти сообщенія на самомъ дѣлѣ возбуждаютъ ужасъ. Вся грубость и примитивность государственныхъ учрежденій Россіи, вся жестокость и произволъ чиновничества ярко обрисовываются здѣсь и вызываютъ самое строгое осужденіе, если даже принять во вниманіе, что юные революціонеры не были, конечно, такими заключенными, съ которыми было легко ладить. Начнемъ съ подслѣдственныхъ арестованныхъ. Въ какой другой странѣ было бы возможно, чтобы Кибальчичъ и его товарищи пробыли до 3-хъ лѣтъ въ предварительномъ заключеніи, когда все обвиненіе противъ Кибальчича, напримѣръ, заключалось въ томъ, что онъ далъ какую то брошюру крестьянину и хранилъ у себя связку запрещенныхъ книгъ. Гдѣ въ Европѣ было бы возможно, чтобы женщинъ обыскивали и раздѣвали въ присутствіи жандармовъ, или чтобы ихъ обыскивали и раздѣвали сами жандармы, при чемъ не было недостатка въ грубыхъ шуткахъ?*) Въ какой другой странѣ арестованныя женщины, какъ напр. Ивановская, взятая въ іюнѣ 1882 г. въ тайной типографіи, стали бы выдавать себя за членовъ Исполнительнаго Комитета, съ цѣлью придать своему преступленію большую важность, добиться этимъ перевода въ Петербургъ и достигнуть лучшаго обращенія? Гдѣ было бы возможно, чтобы нерв-

*) «На Родинѣ» № 2 стр. 67, № 3 стр. 68 и «Черный Передѣлъ» № 2 стр. 15.

нымъ арестованнымъ, какъ напр. Исаеву, стали систематически мѣшать спать, чтобы довести его до такого возбужденія, при которомъ можно было бы разсчитывать на компрометирующія показанія?!

Осужденные въ каторжныя работы находятся въ очень тяжеломъ положеніи, особенно если они отбываютъ свое наказаніе въ одной изъ центральныхъ тюремъ Россіи. Одна изъ нихъ находится въ Новобѣлгородѣ около Харькова; отсюда еще въ 1878 г., значитъ еще до начала покушеній на царя, осужденные пропагандисты обратились съ воззваніемъ къ русскому обществу, являющимся замѣчательнымъ документомъ въ исторіи русской тюрьмы*). Я позволяю себѣ привести изъ этого воззванія нѣсколько картинъ. Вотъ напр., Плотниковъ, осужденный по Долгушинскому дѣлу; онъ лежитъ на доскахъ, покрытыхъ тонкимъ войлокомъ, безъ подушки и одѣяла, въ своей полутемной камерѣ, окна которой до половины замазаны черной краской; многолѣтнее одиночное заключеніе и всевозможныя лишенія истощили его до послѣдней степени. Чтобы разсѣяться, онъ встаетъ съ своего жесткаго ложа и, прохаживаясь по камерѣ, слабымъ голосомъ начинаетъ декламировать слова любимаго поэта. Дверь отворяется и входитъ смотритель: «Какъ ты смѣешь декламировать? Здѣсь должна быть полная тишина! Я прикажу заковать тебя!» Напрасно заключенный указываетъ, что онъ уже отбылъ законное время въ цѣпяхъ и что, согласно свидѣтельству врача, онъ боленъ— ничто не помогаетъ, на него надѣваютъ цѣпи (въ февр. 1878 года). Еще большее преступленіе совершилъ въ 1877 г. Александровъ. До него издали донеслось пѣніе крестьянъ и нашло откликъ въ его сердцѣ; онъ громко запѣлъ. Когда онъ уже давно пересталъ пѣть, къ нему взошелъ смотритель со словами: Кто тебѣ позволилъ пѣть? Развѣ ты забылъ, кто ты такой? Вотъ я тебѣ напомню!— и ударилъ его кулакомъ въ лицо. Подобный же произволъ господствовалъ въ выборѣ чтенія. Сегодня разрѣшаютъ Спенсера, завтра запрещаютъ; сегодня разрѣшаютъ чтеніе Теккерея, завтра объявляютъ: «Чтеніе романовъ — развлеченіе, а тюрьма — мѣсто страданій!» Даже во времена Николая I декабристы въ Сибири могли читать всѣ разрѣшенныя цензурой книги и журналы; во времена Александра II газеты были уже запрещены, а выборъ книгъ отданъ на произволъ смотрителя тюрьмы. Даже самымъ опаснымъ уголовнымъ преступникамъ жилось лучше въ тюрьмѣ: они сидѣли по крайней мѣрѣ по нѣсколько человѣкъ въ одной и той же камерѣ. Самымъ суровымъ наказаніемъ въ Новобѣлгородской тюрьмѣ былъ карцеръ, въ который Сѣрякова, напр., посадили

*) «Заживо погребенные» перепечатано въ Общемъ Дѣлѣ № 16, ок. 1878 г.

за то, что онъ не поклонился стоявшему вдали смотрителю. Карцеръ—это клѣтка, совершенно темная и такая узкая, что человѣкъ только согнувшись можетъ въ ней помѣститься; она находится за отхожими мѣстами; посудина съ экскрементами рѣдко выносится изъ нея, такъ что выходящій оттуда съ трудомъ держится на ногахъ отъ дурноты.

Непривлекательныя вещи сообщаетъ также «Народная Воля» въ 1882 г. объ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавлоской крѣпости.*) Камеры, въ которыхъ сидятъ осужденные, темны, холодны и сыры, какъ могила; окна замазаны краской и даютъ такъ мало свѣта, что огонь тушатъ только часа на 2 въ день. Пища состоитъ изъ щей и каши за обѣдомъ и куска чернаго хлѣба утромъ и вечеромъ. Печи, даже при русскихъ холодахъ, топятся разъ въ три дня, иногда и рѣже; стѣны поэтому сырыя и на полу буквально стоятъ лужи. Заключенные сидятъ въ нижнемъ бѣльѣ и арестантскихъ халатахъ. Прогулки разрѣшены только черезъ день и то на четверть часа. Больше у нихъ нѣтъ никакихъ развлеченій. Когда однажды Зубковкій сдѣлалъ себѣ кубики изъ хлѣба, чтобы повторить стереометрію, у него ихъ отняли, сказавъ, что отбывающимъ наказаніе запрещены всякія развлеченія. Такъ живутъ они, какъ въ могилѣ; а такъ какъ самоубійство кажется въ такихъ случаяхъ неизбѣжнымъ, то въ камеру еще сажаютъ иногда для наблюденія солдата или жандарма, которые дѣлаютъ совершенно невыносимымъ существованіе. Если заключенный начинаетъ что нибудь разсматривать, жандармъ вскакиваетъ и допрашиваетъ, на что онъ смотритъ. Слѣдятъ за каждымъ движеніемъ рукъ и головы. У жандарма находится полотенце и платокъ, которымъ заключенные и пользуются, когда понадобится. Болѣзни, сумасшествія, попытки самоубійства, смерть—неизбѣжны при такихъ обстоятельствахъ. По календарю Народной Воли съ 1875 по 1882 г. въ тюрьмахъ и ссылкѣ умерло 76, а въ эмиграціи 6 революціонеровъ.

Единственнымъ и крайнимъ средствомъ противъ такого обращенія являются голодные бунты, какіе происходили часто въ Петербургѣ, въ Харьковѣ, въ Сибири и еще недавно, 12 дек. 1882 г., въ Одессѣ. Поводъ къ послѣднему заключенные**) изображаютъ такимъ образомъ. Одинъ рабочій просилъ, чтобы его перевели на больничную порцію; но тюремный врачъ закричалъ на него: «Вы рабочій; больничная порція стоитъ 70 коп.; обойдетесь и безъ нея!» Другой заключенный, студентъ, просилъ лѣкарства противъ развивавшейся на рукѣ опухоли; тотъ же врачъ отвѣтилъ: «А вы сосите руку, времени у васъ

*) «На Родинѣ» № 1; въ выдержкахъ сообщено мною въ Берлинскомъ Еженедѣльникѣ «Gegenwart» 1882 г. № 28.

**) Прокламація заключенныхъ, «На Родинѣ» № 3.

для этого достаточно!» Когда тотъ же паціентъ хотѣлъ черезъ нѣкоторое время пригласить другого врача, тюремный врачъ сказалъ ему: «Вамъ не врача надо, а палача!» Послѣдній поводъ къ возмущенію подалъ смотритель, который отправилъ въ карцеръ больного въ послѣдней стадіи чахотки за то, что тотъ попросилъ у него постель. Тогда заключенные сдѣлали послѣднюю попытку и пригласили къ себѣ полиціймейстера. Но полиціймейстеръ не только не исполнилъ ихъ просьбы, но еще и обругалъ ихъ. Тогда началась голодовка; заключенные не хотѣли принимать пищи, пока не будутъ исполнены ихъ сдѣдующія 5 требованій: правильная топка печей, потому что въ камерахъ было холодно и сыро; выдача постелей всѣмъ, не однимъ только дворянамъ, такъ какъ не дворяне должны были лежать на сыромъ и холодномъ полу; прогулки по двое, а не одиночныя; помѣщеніе лампъ въ камерахъ, а не въ корридорѣ; человѣческое обращеніе. Смотритель не смутился однако этимъ «бунтомъ», но замѣтилъ съ хладнокровіемъ опытнаго чиновника: «Это ничего не значитъ, это не новость; мы будемъ кормить ихъ съ помощью клистировъ!»

Въ Сибири осужденнымъ, повидимому, нисколько не хуже, чѣмъ въ центральныхъ тюрьмахъ.*) Каторжныхъ работъ не требуютъ слишкомъ тяжелыхъ; эта работа даетъ скорѣе поводъ къ движенію и развлеченію. Напротивъ того, тѣснота помѣщенія въ карійской тюрьмѣ (въ Забайкальѣ) совершенно невыносима; это обыкновенная, только окруженная высокимъ заборомъ, деревянная казарма; стульевъ и столовъ нѣтъ; только нары, на которыхъ заключенные спятъ тѣсно другъ около друга. Пища состоитъ собственно изъ одного хлѣба, потому что супъ не что иное, какъ горячая вода, съ прибавкой ничтожнаго количества крупы. Чай пьютъ утромъ и вечеромъ, но сахаръ дается только вечеромъ. Хозяйство ведется на общій счетъ, всей артелью, которой, хотя и разрѣшено улучшать свою пищу, но она не можетъ дѣлать этого за неимѣніемъ средствъ. Больницы нѣтъ, и больные лежатъ вмѣстѣ съ здоровыми на нарахъ; лѣчатъ ихъ врачи изъ товарищей. Наилучшее утѣшеніе для нихъ—полученіе книгъ и газетъ; единственная надежда—возвращеніе на родину. Эта надежда такъ велика, что заключенные постоянно находятся въ экзальтированномъ состояніи. Вслѣдствіе распоряженія гр. Лориса-Меликова, отъ 15 дек. 1880 г, положеніе заключенныхъ существенно ухудшилось. Было уничтожено различіе между кончившими и некончившими срокъ испытанія, и многіе уже вышедшіе въ вольную команду были снова закованы въ цѣпи. Затѣмъ всѣ каторжане должны были быть въ цѣпяхъ не толь-

*) Перевозку туда и пребываніе тамъ я описалъ по «Народной Волѣ» въ Gegenwart 1882 г. № 58.

ко на работѣ, но и въ тюрьмѣ; наконецъ, была запрещена переписка съ родными.

Во многихъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ каторжанамъ, живется сосланнымъ на поселеніе на далекій сѣверъ Сибири, напр., въ Якутскую область. «Мы живемъ въ темнотѣ и зажигаемъ свѣтъ только въ продолженіи полутора-двухъ часовъ, чтобы читать; мы не можемъ тратить больше денегъ на освѣщеніе; хлѣба мы не ѣдимъ, питаемся только рыбой; добыть мяса невозможно», пишетъ одинъ изъ ссыльныхъ. Нѣсколько лучше положеніе ссыльныхъ въ городахъ.

Наряду съ подслѣдственными и осужденными слѣдуетъ обратить вниманіе въ Россіи еще на многочисленную категорію находящихся подъ надзоромъ полиціи и административно-ссыльныхъ. Инструкція гр. Игнатьева, отъ 12 марта 1882 г., возбудила въ Европѣ всеобщее вниманіе, хотя совершенно незаслуженно, потому что по существу она только кодифицируютъ массу прежнихъ тайныхъ циркуляровъ. Люди, «образъ мыслей» которыхъ кажется «опаснымъ», могутъ быть въ Россіи по произволу обысканы, арестованы и отданы подъ надзоръ полиціи. При этомъ имъ запрещаются извѣстныя занятія и служба въ государственныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ; запрещается также продолжать образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ и занимать мѣста въ частныхъ или акціонерныхъ предпріятіяхъ—короче говоря, существованіе дѣлается для нихъ невозможнымъ. Или же ихъ ссылаютъ административнымъ порядкомъ, безъ всякаго суда, въ Сибирь и въ отдаленныя губерніи. Говорятъ, что такихъ сосланныхъ во времена Лорисъ-Меликова было 1696 человѣкъ,*) а при Игнатьевѣ—2836; но, вѣроятно это число еще больше. Коммиссія, учрежденная при министерствѣ юстиціи, разсмотрѣла 1500 такихъ дѣлъ, причемъ въ 600 случаяхъ не оказалось достаточныхъ причинъ, чтобы даже начать слѣдствіе.**) Другая коммиссія нашла, что 4/5 обвиненій основано на ложныхъ доносахъ. Съ теченіемъ времени число лицъ, предававшихся

*) «Вольное Слово». № 21. Весною 1883 г., по поводу ожидаемой коронаціи, изъ одной Москвы было выслано административно очень много лицъ въ восточныя и западныя губерніи Россіи.

**) Въ январскомъ № «Вѣстника Европы» за 1883 г. опубликованъ оффиціальный циркуляръ временнаго виленскаго Полевого Аудитаріата (при генералъ-губернаторѣ Фонъ-Кауфманѣ), отъ 14 окт. 1865 г., губернаторамъ 6 литовско-бѣлорусскихъ губерній, документально подтверждающій произволъ и жестокость Муравьева—Вѣшателя. Желательно бы было получить подобные же документы и о властителяхъ послѣдняго времени.

суду, становилось все меньше сравнительно съ числомъ подвергшихся административнымъ карамъ. Правительство просто не хочетъ привлекать такъ много вниманія, какъ это неизбѣжно бываетъ при судебныхъ процессахъ, и предпочитаетъ избавляться отъ подозрительныхъ лицъ безъ шума, полицейскими мѣрами. Такимъ образомъ тысячи лицъ тайно ночью отрываются отъ семьи и заключаются въ тюрьму, гдѣ ихъ держатъ, сколько заблагорассудится, а затѣмъ, не сообщая куда и за что, ссылаютъ за тысячи верстъ, выпуская на свободу гдѣ-нибудь въ юртахъ якутовъ или остяковъ. Многія жены и матери долгое время даже не знаютъ, гдѣ находятся ихъ близкіе.

Иной читатель, можетъ быть, воскликнетъ: эти разсказы революціонныхъ изданій преувеличены! На это я позволю себѣ замѣтить, что я передаю далеко не все, что сообщается въ этихъ изданіяхъ; тамъ разсказываются еще гораздо худшія вещи.

Однако такая варварская система, какъ русская, не можетъ быть осуществлена во всей полнотѣ, не подвергаясь на практикѣ частымъ нарушеніямъ. Положеніе заключенныхъ облегчается тѣмъ, что иногда они завязываютъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, гдѣ всегда найдутся товарищи, занимающіеся спеціально этими сношеніями. Софья Перовская, напр., довольно долго жила въ Харьковѣ и доставляла заключеннымъ платье, деньги и газеты. Вначалѣ 1882 г. открылось, что заключенные въ Петропавловской крѣпости вели при помощи караульныхъ солдатъ, находившихся подъ вліяніемъ Нечаева, правильную корреспонденцію со своими товарищами на волѣ. Товарищеская привязанность, а также желаніе вернуть къ дѣятельности осужденныхъ революціонеровъ, часто вызывала цѣлыя экспедиціи для ихъ освобожденія изъ Сибири. Еще въ періодъ соціалистической пропаганды Мышкинъ, переодѣтый жандармскимъ офицеромъ, пробрался до мѣста заключенія Чернышевскаго съ цѣлью освободить его, но былъ заподозренъ мѣстнымъ начальствомъ и арестованъ. Послѣ убійства Александра II, Юрій Богдановичъ, руководившій подкопомъ подъ Малой Садовой, ѣздилъ въ Сибирь и организовалъ побѣгъ Клименко. Вообще, ultimo ratio заключенныхъ и ссыльныхъ — бѣгство. Календарь Народной Воли насчитываетъ съ 1861 по 1874 годъ 11 побѣговъ, а 1876 по 1882 г.—65; всего, слѣдовательно, 76; причемъ было еще 35 неудавшихся побѣговъ; кромѣ того было еще 7 особенно смѣлыхъ попытокъ къ побѣгу. Особенно благопріятны для этого обстоятельства въ Сибири; всякій, у кого тамъ есть достаточно денегъ, можетъ бѣжать. Наиболѣе замѣчательно было бѣгство Брешковской и ея троихъ товарищей (Тютчевъ, Шамаринъ, Линевъ, умершій въ 1887 г.) изъ Баргузина въ 1881 году. Ихъ

преслѣдовали казаки на разстояніи 180 верстъ, среди непроходимыхъ лѣсовъ Забайкалья; бѣглецы переходили вбродъ быстрыя рѣки, передъ которыми съ изумленіемъ останавливались преслѣдователи, взбирались на крутые утесы, въ которыхъ вырубали своими топорами ступени, и были схвачены только потому, что ихъ покинулъ проводникъ*). Такъ же несчастливо кончился побѣгъ Мышкина и его 7 товарищей (Хрущевъ, Юрковскій, Минаковъ, М. Диковскій, Левченко, Крыжановскій, Баламезъ) въ маѣ 1882 г.; Мышкинъ и Хрущевъ были схвачены уже въ Владивостокѣ, когда ждали американскаго парохода. Судьба пойманныхъ бѣглецовъ печальна; обыкновенно наказаніе ихъ удваивается. Товарищамъ ихъ также приходится испытывать месть начальства. Послѣ побѣга Мышкина на Карѣ происходили возмутительныя вещи. Политическихъ заключенныхъ избили, связали, обрили имъ головы, отняли книги, свое платье, даже стулья, столы и нары, такъ что они должны были спать на голомъ полу. Ихъ лишили прогулокъ, разгородили тюрьму на нѣсколько отдѣльныхъ камеръ, изъ которыхъ не выносили параши; полученныя ими книги и деньги конфисковались до покрытія расходовъ на поимку бѣглецовъ. Вслѣдствіе этого въ маѣ 1882 г. на Карѣ произошла многодневная голодовка**).

Дурное обращеніе съ заключенными и ссыльными всегда возбуждало состраданіе въ русскомъ обществѣ. Съ самыхъ первыхъ временъ соціалистической пропаганды, среди учащейся молодежи, при помощи нѣкоторыхъ дамъ, образовывались кружки для устройства всякаго рода сборовъ въ пользу политическихъ заключенныхъ. Эта дѣятельность расширялась по мѣрѣ того, какъ увеличивались преслѣдованія. Наконецъ, лѣтомъ 1881 г., при дѣятельномъ участіи Юрія Богдановича,

*) «На Родинѣ» № 1 и 3.

**) Эта месть политическимъ заключеннымъ за побѣгъ Мышкина и его товарищей,—месть, которою руководилъ пріѣхавшій тогда въ Забайкальѣ Галкинъ-Врасскій и забайкальскій губернаторъ Ильяшевичъ, вызвала выстрѣлъ въ Ильяшевича со стороны Марьи Игнатьевны Кутитонской, осужденной въ каторжныя работы по одѣсскому процессу 1879 года. Вскорѣ послѣ дикой расправы въ мужской политической тюрьмѣ, Кутитонская кончила срокъ каторги и была переведена на поселеніе въ Баргузинъ. Но только что освободившись изъ тюрьмы эта еще молодая тогда дѣвушка рѣшилась бѣжать, чтобы добраться до Читы и выстрѣлить въ Ильяшевича. Рана, нанесенная ею Ильяшевичу, была неопасна. Военный судъ приговорилъ Кутитонскую къ смертной казни. Казнь была замѣнена ей вѣчной каторгой, гдѣ она и умерла въ 1887 г. 32 лѣтъ отъ роду. Л. Ш.

сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ, былъ основанъ Красный Крестъ Народной Воли для сбора пожертвованій и для устройства побѣговъ. Даже заграницей, главнымъ образомъ Стефановичемъ, было организовано отдѣленіе этого Краснаго Креста; его представителями въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ были Засуличъ, Лавровъ и Чайковскій. Въ пользу этого общества были изданы 4 біографіи: Желябова, Перовской, Ал. Михайлова и Гриневицкаго, и 3 выпуска «На Родинѣ».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВУМЪ ПОСЛѢДНИМЪ ГЛАВАМЪ.

I

Въ VII и VIII главахъ книги Туна излагается періодъ народовольческаго движенія, очень богатый внѣшними событіями и очень важный по своему внутреннему содержанію. Тогда именно произошелъ извѣстный поворотъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, который подготовлялся еще съ конца 1877 г. Съ фактической стороны, этотъ поворотъ выразился въ томъ, что почти всѣ революціонныя силы были отвлечены тогда отъ своей прежней, сравнительно медленной, подготовительной работы въ деревняхъ, а также отъ своей работы по распространенію соціалистическихъ идей среди городскихъ рабочихъ, и были направлены на гораздо болѣе рѣшительную революціонную борьбу, съ гораздо болѣе опредѣленной революціонной программой. Теперь намъ предстоитъ, во первыхъ, выяснить съ большей опредѣленностью, чѣмъ это сдѣлано у Туна, основной характеръ происшедшей тогда перемѣны въ революціонныхъ теоріяхъ и взглядахъ, поскольку эта перемѣна раскрывается для насъ въ программныхъ статьяхъ того времени, а во вторыхъ—выяснить объективное значеніе, дѣйствительный историческій смыслъ происшедшаго тогда перелома въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Пытаясь охарактеризовать, со стороны ихъ теоретическихъ взглядовъ, два образовавшихся тогда революціонныхъ направленія: народовольческое и чернопередѣльческое, Тунъ справедливо указываетъ на то, что народовольцы исходили въ своей программѣ изъ мысли о *невозможности* широкой пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи при полномъ отсутствіи въ ней политической свободы, о невозможности вести въ Россіи соціалистическую агитацію, даже опираясь на сознанныя потребности рабочихъ массъ, при полномъ произво-

лѣ всемогущей тайной полиціи. Отсюда дѣлался выводъ о необходимости предварительнаго завоеванія извѣстныхъ политическихъ гарантій, т. е. прямо и открыто ставился политическій вопросъ, какъ ближайшая задача революціонной партіи.

Но, какъ извѣстно, такая опредѣленная постановка политическаго вопроса встрѣчала тогда противъ себя очень прочно укоренившееся предубѣжденіе. Это не значило, конечно, чтобы противники такой постановки могли возразить что-нибудь по существу противъ самой политической свободы; чернопередѣльцы, напр., даже прямо оговаривались, что высоко цѣнятъ стремленіе къ политической свободѣ, какъ «результатъ нашего прогрессивнаго развитія, продуктъ нашего общественнаго самосознанія» («Черный Передѣлъ», № 1, стр. 12); но тѣмъ не менѣе они отрицали, чтобы вопросъ о завоеваніи политической свободы былъ вопросомъ ближайшаго времени, чтобы въ немъ заключалась та неотложная практическая задача, разрѣшеніе которой должна была взять на себя революціонная соціалистическая партія въ Россіи. Авторъ уже извѣстнаго намъ «Письма къ бывшимъ товарищамъ», о которомъ упоминаетъ Тунъ, находитъ даже «весьма странной, чтобы не сказать больше», увѣренность своихъ противниковъ «въ необходимости въ *данный моментъ* политическаго переворота въ Россіи». «Увѣренность ваша въ этомъ отношеніи» — говоритъ онъ — «доходитъ даже до того, что вы не перемогитесь называть ***предразсудкомъ, боязнью собственной мысли*** всякое мнѣніе, несогласное съ вашимъ».

Мы видимъ слѣдовательно, что этотъ очень простой для настоящаго времени вопросъ вовсе не казался такимъ простымъ для участниковъ болѣе ранняго періода нашего революціоннаго движенія. Для нихъ тогда являлся еще далеко не рѣшеннымъ вопросъ о ближайшихъ результатахъ политическаго переворота въ Россіи, а также и гораздо болѣе общій вопросъ о роли политическихъ переворотовъ въ ходѣ всей исторіи. Въ рамкахъ этихъ именно двухъ вопросовъ и вращалась тогда теоретическая полемика между двумя обособившимися революціонными фракціями.

По мнѣнію тогдашнихъ чернопередѣльцевъ, свободныя формы политической жизни, сами по себѣ, еще вовсе не всегда и не безусловно служатъ народному дѣлу; для чернопередѣльцевъ еще существовалъ тогда вопросъ о «чисто-политической революціи», какъ о вещи въ высшей степени подозрительной; они, какъ мы видѣли, съ ироніей говорятъ объ ***увѣренности*** своихъ бывшихъ товарищей въ необходимости политическаго переворота для Ростіи и не колеблясь заявляютъ, что, дѣйствительно, «заражены тѣмъ непріятнымъ» для ихъ бывшихъ товарищей «предразсудкомъ», въ силу котораго, при извѣст-

ныхъ условіяхъ. позволительно «отрицать политическую борьбу и политическіе перевороты» («Черн. Пер.» № 1, стр. 10).

Легко замѣтить, что въ этомъ взглядѣ чернопередѣльцевъ еще сильно сказывались тогда слѣды того недовѣрія къ такъ называемымъ чисто-политическимъ революціямъ, о которомъ мы уже говорили выше, какъ о характерной чертѣ всего революціоннаго міросозерцанія начала 70-хъ годовъ, и притомъ — какъ о чертѣ, свойственной не только русскому, но, въ извѣстный періодъ, и западноевропейскому соціалистическому движенію (см. выпускъ II, стр. 93). «Историческій опытъ учитъ насъ» — читаемъ мы по этому поводу въ «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ» — «что реорганизація общества на болѣе справедливыхъ основаніяхъ возможна лишь при помощи экономической, соціальной революціи, что политическіе перевороты *никдѣ* и *никогда* не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалы политической свободы — верховное право народа, всеобщее избирательное право—во имя которыхъ еще такъ недавно совершались политическія революціи, въ настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе».

Въ этомъ полу-отрицательномъ отношеніи чернопередѣльцевъ къ «идеаламъ политической свободы» сильно сказывались также слѣды того недовѣрія ко всякому государству вообще, которое было внесено въ русское революціонное движеніе вліяніемъ Бакунина. Чернопередѣльцы недаромъ называли свою газету органомъ ***соціалистовъ федералистовъ***: «Лишь федералистическій принципъ въ политической организаціи» — читаемъ мы въ редакціонной статьѣ 1 № этой газеты — «только полное устраненіе принудительнаго начала, на которомъ основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверхъ можетъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни».

Политическая революція безъ соціальнаго, экономическаго переворота неразрывно связывалась въ представленіи чернопередѣльцевъ съ централизованнымъ государствомъ, она рисовалась имъ, въ лучшемъ случаѣ, въ видѣ «единой нераздѣльной республики» Робеспьера.

«Въ послѣднихъ трехъ словахъ»—говоритъ авторъ «Письма къ бывшимъ товарищамъ» — «скрываются причины и послѣдствія пораженія и гибели» лучшихъ представителей якобинства. «Что такое ***единая нераздѣльная республика***? Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго: государство — это я; это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что имперія—это революція, демократія. Въ основѣ ихъ одинъ принципъ — государственность и централизація: авторитетъ и иниціатива власти, съ одной стороны, безгласность и подчиненіе массы — съ другой. Разъ революціонная партія выставила на сво-

емъ знамени этотъ принципъ, она — партія реакціи и застоя. Она теряетъ почву подъ ногами, лишается довѣрія и поддержки массы и, слѣдовательно, сама себя обрекаетъ на пораженіе и смерть».

Та же самая нота сильно звучитъ также и во второй программной статьѣ 1 № «Чернаго Передѣла». Говоря о томъ, что «соціально-революціонная партія должна довести народъ отъ пассивнаго ожиданія чернаго передѣла, долженствующаго совершиться сверху, до активныхъ требованій земли и воли, предъявляемыхъ снизу» и что «въ этомъ заключается задача и возможные предѣлы ея воздѣйствія на народъ», — редакція такъ заканчиваетъ свою статью (стр. 4-5):

«Всѣ другіе пути дѣйствія, какъ бы ни казались они радикальны, какъ бы много они ни судили народу, будутъ ретроградны по своему существу, потому что всѣ они предполагаютъ не только сохраненіе государства, *но и дѣйствіе съ его помощью* (курсивъ вездѣ нашъ). Какъ бы ни приспособлялось государство къ народнымъ потребностямъ и интересамъ, оно всегда во столько же разъ меньше дастъ народу, во сколько индивидуалистическій принципъ, лежащій въ основѣ современнаго государства *(не только русскаго, но и всякаго другого)* — во сколько этотъ принципъ ниже принципа коллективизма, мірской помощи и солидарности, на которыхъ всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь».

Такимъ образомъ въ отрицательное отношеніе чернопередѣльцевъ къ политическимъ переворотамъ несомнѣнно входило однимъ изъ составныхъ элементовъ извѣстное теоретическое предубѣжденіе противъ роли государства вообще, т. е. значительная доля анархизма. Это обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе при оцѣнкѣ другого возникшаго тогда теченія въ нашемъ революціонномъ движеніи, такъ какъ все его значеніе можетъ выясниться лишь при сравненіи его съ господствовавшими ранѣе этого революціонными теоріями. Только такая *историческая* оцѣнка поможетъ намъ составить себѣ понятіе о дѣйствительно крупной заслугѣ тѣхъ новыхъ для того времени историко-философскихъ взглядовъ, которые были внесены народовольческимъ движеніемъ въ область нашей революціонной мысли.

Съ общими предубѣжденіями чернопередѣльцевъ противъ государства и политической борьбы были тѣсно связаны ихъ представленія о возможныхъ ближайшихъ результатахъ предполагавшагося политическаго переворота въ Россіи. Здѣсь всѣ ихъ возраженія сводились къ указанію на то могущество, какого должна была достигнуть, по ихъ мнѣнію, буржуазія при новомъ конституціонномъ правительствѣ, и на ту опасность, какую это усиленіе буржуазіи представляло для рабо-

чаго класса. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ томъ же «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ» (стр. 11):

«...Не знаю, товарищи, задумывались-ли вы крѣпко надъ тѣмъ, какія серьезныя и важныя послѣдствія для народа (вѣдь вы все это, конечно, дѣлаете для «народа»!) могутъ возникнуть изъ этого вновь созданнаго вами положенія вещей? Вы потому ***именно теперь*** такъ сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы съ правительствомъ и на необходимости конституціоннаго режима, что желаете во 1) задержать у насъ процессъ образованія буржуазіи, какъ экономическаго и политическаго класса, и во 2) очистить пути для болѣе плодотворной дѣятельности въ народѣ. Но поймите, что дѣйствуя ***теперь*** такимъ образомъ, вы фатально, помимо своей воли, добиваетесь совершенно противоположнаго! Правда, наша буржуазія, какъ политическая сила, пока находится лишь въ потенціальномъ состояніи. Но, слабая политически, она въ настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности—народа, дворянства и др. соціальныхъ группъ—составляетъ единственную солидную силу. Правительство въ настоящее время принимаетъ всѣ мѣры для увеличенія роста ея. Покровительственный тарифъ, система внутреннихъ займовъ, субсидіи на желѣзнодорожныя и др. крупныя предпріятія, — это первоначальное капиталистическое накопленіе совершается съ вѣдома правительства, для него самого и для излюбленнаго его дѣтища—буржуазіи....» «Вотъ эти-то люди — ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкіе хищники и проч., и проч.—имя имъ легіонъ—съ остервѣненіемъ набросятся на тотъ «общественный пирогъ», который будетъ преподнесенъ имъ Александромъ II или Александромъ III, или же временнымъ правительствомъ—все равно, подъ видомъ конституціи. Въ то время какъ эти жадныя акулы будутъ пожирать и упитываться этимъ «пирогомъ», вы будете стоять и.... злобствовать».

Слова «именно теперь» и «теперь», подчеркнутыя самимъ авторомъ въ этой цитатѣ, показываютъ съ совершенной несомнѣнностью, что онъ не считалъ политическую свободу въ Россіи ***выгодной*** для рабочихъ массъ, если бы онѣ получили ее въ то время; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ и даже самъ указывалъ, что самодержавіе не только не препятствовало тогда, а, напротивъ, усиленно содѣйствовало капиталистическому накопленію и росту буржуазіи. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: когда же, въ какой моментъ роста и развитія буржуазіи политическая свобода являлась, наконецъ, въ глазахъ чернопередѣльцевъ желательной и полезной для интересовъ рабочихъ массъ? Лишь тогда, отвѣчали на это чернопередѣльцы, когда она будетъ сразу завоевана

самими рабочими массами. Въ поясненіе этого мы приведемъ еще нѣсколько выписокъ изъ № 1 «Чернаго Передѣла»:

«Февральская революція — это первый массовой протестъ французскаго рабочаго противъ буржуазной формы эксплуатаціи его труда. Съ этого момента на историческую сцену выступаетъ рабочее сословіе, выразителемъ мнѣній и стремленій котораго въ научной формѣ является соціализмъ. Лучшіе передовые люди на западѣ отказались въ настоящее время отъ идеаловъ политической свободы, какъ отжившихъ свое время, и избрали своимъ лозунгомъ соціализмъ, во имя котораго они организуютъ, сплачиваютъ и подготовляютъ массы. Задача ихъ — реорганизація экономическихъ и общественныхъ отношеній ***при посредствѣ народа и самимъ народомъ***".

«... Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная — не резонъ. Она для него такая же необходимая потребность, какъ и для интеллигенціи. Разница въ томъ, что эта потребность у народа срастается съ другими болѣе насущными, основными потребностями экономическаго свойства. Эти-то послѣднія и должна принять въ соображеніе народная соціально-революціонная партія, если она желаетъ, чтобы политическая свобода была вполнѣ обезпечена и гарантирована отъ узурпаціи и искаженій враждебныхъ ей элементовъ. А это можетъ быть достигнуто лишь организаціей въ народѣ боевой партіи на почвѣ экономическихъ отношеній, какъ ихъ понимаетъ народъ. Задача такой партіи —подготвлять умы, средства и орудія борьбы, въ мирное время; регулировать, направлять движеніе—въ революціонное...»

«***Ближайшею*** задачей нашею, слѣдовательно, должна быть организація ***теперь*** той народной боевой партіи, о значеніи которой мы уже говорили».

Вотъ, слѣдовательно, какъ ставился чернопередѣльцами вопросъ о политической борьбѣ: политическая свобода нужна и понятна рабочимъ массамъ, но она была-бы полезна имъ только въ томъ случаѣ, если бы была связана съ экономическимъ переворотомъ, т. е. съ соціальной революціей. Ранѣе же этого она можетъ быть только вредна имъ. Поэтому чернопередѣльцы, оставляя пока совсѣмъ въ сторонѣ борьбу съ самодержавіемъ, признавали необходимымъ немедленно же организовать рабочія массы во имя соціалистическаго переворота. Въ сущности, это была та же программа начала 70-годовъ, съ какою выступила соціалистическая партія въ Россіи при самомъ своемъ возникновеніи; но только тогда революціонная партія вѣрила въ возможность ***неорганизованнаго***, самопроизвольнаго народнаго возстанія; теперь же ставилось ближайшей задачей ***организація*** рабочихъ массъ при условіяхъ того же самодержавнаго государства, т. е. при полномъ отсутствіи политической свободы, — причемъ чернопередѣльцы, конечно,

признавали и доказывали возможность соотвѣтствующей подготовительной революціонной дѣятельности въ Россіи и при самодержавномъ правительствѣ (см. стр. 12 и 13, № 1).

Вотъ въ этомъ именно пунктѣ и произошелъ тогда расколъ въ революціонной средѣ. Будущіе народовольцы раздѣляли всѣ общіе взгляды и принципы революціоннаго народничества 70-хъ годовъ, поскольку дѣло касалось основныхъ задачъ революціоннаго движенія; они также отрицательно, какъ и чернопередѣльцы, относились къ буржуазіи и въ такой же степени признавали необходимость экономическаго переворота. Но они не считали возможной, при данныхъ политическихъ условіяхъ, ту подготовительную работу организаціи рабочей арміи или «боевой народной партіи», о которой говорили чернопередѣльцы. Эта задача представлялась имъ ***практически неосуществимой*** въ Россіи при ея наличныхъ политическихъ условіяхъ. Поэтому положеніе вещей казалось имъ безъисходнымъ, пока не будетъ разорванъ этотъ заколдованный кругъ, т. е. пока не будетъ свергнуто самодержавіе. Въ этомъ пунктѣ должна была происходить, по ихъ мнѣнію, революціонная борьба въ Россіи, и на эту борьба должны были быть направлены, въ данное время, всѣ наличныя силы соціалистической партіи. Отсюда именно и вытекала у народовольцевъ ихъ совершенно опредѣленная постановка политическаго вопроса. Но это вовсе не значило, чтобы народовольцы отказывались отъ своихъ основныхъ революціонныхъ задачъ; это значило только, что они связывали эти основныя революціонныя задачи съ тѣмъ фактическимъ положеніемъ, въ какомъ находилась тогда соціалистическая партія въ Россіи; иными словами—это значило, что они не отдѣляли соціалистическаго движенія отъ политики. Главная ошибка чернопередѣльцевъ заключалась именно въ этомъ отдѣленіи, въ этомъ искусственномъ обособленіи соціалистическаго движенія отъ окружающихъ его конкретныхъ условій политической жизни. Мы видѣли, что и чернопередѣльцы также придавали огромное значеніе политическому вопросу, ибо доказывали огромную опасность, грозившую всему рабочему движенію отъ преждевременнаго завоеванія политической свободы; но они рѣшали этотъ вопросъ не на основаніи данныхъ условій революціонной борьбы, а на основаніи чисто-отвлеченныхъ соображеній, на основаніи своихъ общихъ историческихъ взглядовъ, съ точки зрѣнія которыхъ вопросъ объ отношеніи къ русскому самодержавію сливался даже для нихъ съ вопросомъ объ отношеніи ко ***всякому*** государству вообще, съ вопросомъ о томъ «принудительномъ началѣ», на которомъ «основаны всѣ современныя государства». Вотъ въ этомъ именно и заключалось основное различіе въ ***самомъ способѣ*** разрѣшенія ближайшихъ революціонныхъ задачъ между народовольцами и чернопередѣльцами. Мы видимъ, что чернопередѣльцы,

даже когда они говорили о *связи* соціалистическаго движенія съ политикой, стояли въ сущности очень далеко отъ всякой связи даннаго соціалистичдскаго движенія съ данными условіями политической жизни, такъ какъ вращались въ сферѣ общихъ теоретическихъ положеній. Если бы даже эти общія теоретическія положенія были вѣрны сами по себѣ, то и въ такомъ случаѣ они не могли бы служить *достаточнымъ* основаніемъ для построенія революціонной программы, такъ какъ не касались непосредственно самыхъ условій революціонной борьбы въ тогдашней Россіи.

Народовольцы же, напротивъ того, стояли прежде всего именно на почвѣ этихъ условій. Во всѣхъ общихъ принципахъ революціоннаго соціализма они были совершенно солидарны съ чернопередѣльцами; они были совершенно солидарны съ ними также и въ основномъ положеніи революціоннаго *народничества*, т. е. въ такъ называемой *вѣрѣ въ народныя массы*, и ниже мы увидимъ, что ихъ революціонная программа опиралась въ концѣ концовъ не на что другое, какъ на непосредственное классовое сознаніе рабочихъ массъ. Но народовольцы не ограничивались этими общими положеніями; связь соціализма съ политикой интересовала ихъ въ той своей конкретной формѣ, въ какой она проявлялась у насъ въ Россіи, при столкновеніи русскаго соціалистическаго движенія съ самодержавнымъ правительствомъ. И вотъ мы видимъ, что при выясненіи своей программы, а также и въ своей полемикѣ съ чернопередѣльцами они прежде всего указываютъ на всепоглощающую роль государства въ Россіи и на вытекающую отсюда не обходимость и *неизбѣжность* политической борьбы для соціалистической партіи.

«Самостоятельное значеніе нашего государства» — читаемъ мы въ № 2 «Народной Воли» (отъ 15 ноября 1879 г., стр. 22-23), — «составляетъ фактъ чрезвычайной важности, потому что, сообразуясь съ этимъ, дѣятельность соціально-революціонной партіи въ Россіи должна принять совершенно особый характеръ. Россія, собственно говоря, представляетъ нѣчто въ родѣ обширнаго помѣстья, принадлежащаго компаніи подъ фирмой *Русское Государство*.... При такихъ условіяхъ политическая и экономическая реформа становятся совершенно неотдѣлимы одна отъ другой и сливаются въ одинъ общегосударственный переворотъ.... Чтобы сдѣлать что-нибудь для народа, приходится прежде всего освободить его изъ подъ власти этого правительства, сломить самое правительство, отнять у него его господскую власть надъ мужикомъ. Такимъ образомъ наша дѣятельность принимаетъ *политическій* характеръ. И это дѣйствительно происходитъ у насъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ, со всякой революціонной фракціей, независимо отъ ея теоретическихъ взглядовъ.... Нашъ соціалистъ ведетъ политиче-

скую борьбу также естественно, какъ естественно говоритъ человѣкъ прозой.... Не смотря не это, большая разница, конечно, понять этотъ фактъ—значеніе современнаго государства — или не понимать его».

Та же мысль повторяется и въ передовой статьѣ № 4 «Народной Воли», отъ 5 декабря 1880 г. (стр. 66), причемъ въ ней прямо указывается, что именно политическій вопросъ и послужилъ главной причиной разногласія между двумя обособившимися группами землевольческой организаціи.

«Итакъ, политическій переворотъ, какъ первый необходимый шагъ къ осуществленію радикальныхъ экономичекихъ реформъ,—вотъ положеніе, послужившее поводомъ къ выдѣленію фракціи, сложившейся вскорѣ въ партію Народной Воли.

«Къ принятію этого положенія клонилъ весь предшествующій опытъ, доказавшій, что при нынѣшней враждебной народу организаціи государства, проникающей во всѣ сферы его жизни нѣтъ дѣятельности внѣ борьбы съ этимъ государствомъ».

Такимъ образомъ для народовольцевъ борьба съ самодержавіемъ вытекала изъ даннаго положенія вещей. Соціалистическое движеніе сталкивалось на своемъ пути съ препятствіемъ, котораго оно не могло обойти. Но тутъ возникалъ тотъ вопросъ о *послѣдствіяхъ*, который выдвигался чернопередѣльцами, какъ ихъ главное возраженіе противъ политической борьбы:

«Не знаю, товарищи, задумывались ли вы крѣпко надъ тѣмъ, какія серьезныя и важныя послѣдствія для народа будутъ созданы паденіемъ самодержавія?»—спрашивалъ чернопередѣлецъ и затѣмъ доказывалъ, что при установленіи у насъ конституціоннаго режима, «въ то время какъ крупные и мелкіе хищники, всѣ эти жадныя акулы будутъ пожирать и упитываться общественнымъ пирогомъ», соціалисты будутъ «стоять въ сторонѣ.... и злобствовать».

На это главное возраженіе чернопередѣльцевъ мы находимъ слѣдующій отвѣтъ въ N 2 «Народной Воли», въ статьѣ, озаглавленной «Политическія письма соціалиста» (стр. 26):

«Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собою ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей!... Россія только прикрыта горностаевой царской порфирой, подъ которой происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ приватныхъ кармановъ жадными приватными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъѣденную молью порфиру, и вы найдете вполнѣ готовую, дѣятельную буржуазію... Деревенскому кулаку нужна эманація самодержавнаго царя—самодержавный исправникъ, чтобы закрѣпощать голытьбу. Фабриканту нужна такая же эманація—самодержавный полиціймейстеръ, чтобы перепороть стакнувшихся рабочихъ. Европейской буржуазіи

самодержавіе—помѣха, нашей буржуазіи оно—опора... Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное, умственно и матеріяльно сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ. Такая минута наступитъ. Буржуазія выросшая подъ сѣнью царской порфиры, разорветъ ее въ клочки, и что вы скажете тогда на неподкупномъ судѣ исторіи? Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что чѣмъ самодержавнѣе исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить....»

Ту же самую мысль какъ бы заканчиваетъ передовая статья въ томъ же № 2 «Народной Воли» слѣдующими словами:

«Мы уже обращали вниманіе читателей на эту опасность и теперь снова повторяемъ, что для насъ нужно принять какую нибудь одну послѣдовательную систему дѣйствій: или союзъ съ государствомъ и совмѣстное съ нимъ задушеніе буржуазіи, или—такъ какъ этотъ союзъ, очевидно, нелѣпѣйшая изъ нелѣпостей—то борьба съ государствомъ... борьба осмысленная, серьезная, съ опредѣленной цѣлью и съ непремѣннымъ результатомъ—возможно скорѣйшей передачи государственной власти въ руки народа, пока еще не поздно, пока есть шансы на то, что власть, дѣйствительно, перейдетъ къ нему. Теперь или никогда—вотъ наша дилемма.»

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь два прямо-противоположныхъ вывода изъ одного и того же положенія вещей. Мы видѣли, что и чернопередѣльцы также указывали на быстрый ростъ русской буржуазіи, которому всѣми способами содѣйствовало русское самодержавіе. «Правительство въ настоящее время принимаетъ всѣ мѣры къ этому,» —писалъ чернопередѣлецъ: «Покровительственный тарифъ, система внутреннихъ займовъ, субсидіи на желѣзнодорожныя и другія крупныя предпріятія, — это первоначальное накопленіе совершается съ вѣдома правительства, для него самого и для излюбленнаго его дѣтища — буржуазіи....»

Такимъ образомъ тѣсный союзъ самодержавія съ буржуазіей и вытекающее отсюда усиленіе послѣдней одинаково констатировалось обѣими спорящими сторонами; но выводъ, который дѣлался ими по отношенію къ ближайшимъ задачамъ соціалистической партіи, оказывался далеко неодинаковымъ. Чернопередѣльцы указывали на *опасность* политическаго переворота въ то время, когда «народная партія» была еще недостаточно организована, а буржуазія «при общей экономической бѣдности у насъ народа, дворянства и другихъ соціальныхъ группъ», составляла единственную солидную силу.

Народовольцы же указывали, напротивъ того, на опасность этого быстраго *усиленія* буржуазіи при самодержавномъ государствѣ, когда самодержавіе являлось для нея «самой усердной акушеркой»; а указывая на это быстрое усиленіе буржуазіи, народовольцы указывали вмѣстѣ съ тѣмъ и на его неизбѣжный результатъ: «На этотъ разъ старанія самодержавія, конечно, увѣнчаются успѣхомъ»,—писали они*)—«и буржуазія скоро подрастетъ.... и не потерпитъ надъ собою власти одряхлѣвшаго государства.... Политическій переворотъ совершится, но совершится въ томъ смыслѣ, что власть перейдетъ въ руки буржуазіи....»

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключалась главная причина тѣхъ разногласій, которыя возникли тогда между народовольцами и чернопередѣльцами по вопросу о политической борьбѣ:

Чернопередѣльцы совсѣмъ не останавливались на тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя должно было повести за собою констатируемое ими самими усиленіе буржуазіи въ самодержавномъ государствѣ, а не останавливались они на этомъ потому, что предполагали возможность немедленной же организаціи въ этомъ самодержавномъ государствѣ соціалистической «боевой народной партіи», которая должна была затѣмъ совершить одновременно экономическій и политическій переворотъ; при чемъ вся эта подготовительная организаціонная борьба могла, по ихъ мнѣнію, происходить пока совсѣмъ въ сторонѣ отъ политической борьбы.

Народовольцы рѣшительно отвергали эту возможность и указывали прежде всего на ***неизбѣжность*** для соціалистической партіи политической борьбы въ самодержавномъ государствѣ: «Нашъ соціалистъ ведетъ политическую борьбу также естественно, какъ естественно человѣкъ говоритъ прозой», писали они. По ихъ мнѣнію, «при нынѣшней враждебной народу организаціи государства, проникающей глубоко во всѣ сферы его жизни, нѣтъ дѣятельности внѣ борьбы съ этимъ государствомъ».

Такимъ образомъ борьба съ самодержавіемъ являлась для нихъ необходимымъ сопутствующимъ элементомъ самаго соціалистическаго движенія, необходимымъ условіемъ его развитія. Другими словами, борьба съ самодержавіемъ ***сливалась*** для нихъ съ самимъ соціалистическимъ движеніемъ, была его единственной возможной формой въ Россіи. Къ принятію этого положенія — какъ говорили они — «приводилъ ихъ весь предшествующій опытъ».

Что же касается собственно вопроса о буржуазіи и о ея

*) Передовая статья въ № 2 «Народной Воли».

быстромъ ростѣ, т. е. вопроса о возможныхъ послѣдствіяхъ ближайшаго политическаго переворота въ Россіи, то вотъ здѣсь-то именно и обнаружилась основная чисто-народническая точка зрѣнія народовольцевъ, ихъ вѣра въ живыя потенціальныя силы рабочихъ массъ, ихъ вѣра въ непосредственное классовое самосознаніе этихъ массъ, подавляемое насильственно въ самодержавномъ государствѣ:

«Въ самомъ народѣ» — читаемъ мы во вступительной части народовольческой программы—«мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиціонные принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго устройства, свобода совѣсти и слова. Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе, въ народномъ духѣ, всей нашей исторіи, если-бы только народъ получилъ возможность жить и устраиваться такъ, какъ хочетъ, сообразно со своими собственными наклонностями».

Это положеніе, на которомъ всецѣло отразилась лучшая сторона такъ называемаго народническаго міросозерцанія 70-хъ годовъ, лежало, какъ мы видимъ теперь, въ основѣ всей народовольческой программы; оно составляло ея, такъ сказать, послѣднюю инстанцію, ея главный опорный пунктъ. Въ немъ именно народовольцы находили оправданіе для своего отклоненія въ сторону чисто-политической борьбы, которая получила въ ихъ глазахъ, благодаря именно этому ихъ основному положенію, свой экономическій смыслъ, свое соціалистическое содержаніе. Народовольцы не игнорировали буржуазіи; они не отрицали опасности, грозившей народнымъ массамъ отъ ея быстраго роста; но и въ этомъ случаѣ они не отдѣляли экономическаго вопроса отъ политики; они прямо связывали успѣхи буржуазіи въ экономической области съ тою поддержкой, какую она получала отъ самодержавнаго государства. Свергнуть самодержавіе значило, въ ихъ глазахъ, задержать ростъ буржуазіи, остановить ея захваты въ тотъ моментъ, когда она еще сильно нуждалась «въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ»; съ другой стороны, это значило также освободить живыя силы народа, дать возможность проявиться его собственнымъ стремленіямъ, соотвѣтствующимъ его трудовымъ идеаламъ. Такимъ образомъ, политическая борьба становилась для народовольцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и экономической; она становилась въ ихъ глазахъ ***классовой борьбой***, направленной одновременно противъ самодержавія и противъ буржуазіи, и опиравшейся въ концѣ концовъ на рабочія массы.

Уже изъ одного этого основного положенія народовольческой программы, которое, повторяемъ, составляло самую ея сущность, придавало ей ея соціалистическій характеръ и да-

же объясняло самое названіе партіи, давало ей ея боевой лозунгъ, — вытекало съ необходимостью ихъ крайне серьезное отношеніе къ дѣятельности въ народѣ. Народовольческая партія *не могла* игнорировать рабочихъ массъ, потому что на нихъ именно должна была опереться ея побѣда надъ самодержавіемъ. Безъ связи съ рабочими массами эта побѣда не могла бы быть реализована въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее народовольцы, т. е. въ смыслѣ передачи государственной власти въ руки народа. А мы видѣли, что народовольцы понимали ее именно въ этомъ смыслѣ, ибо путемъ государственнаго переворота они хотѣли предотвратить грядущее господство буржуазіи.

Мы не касаемся здѣсь вопроса, были-ли эти планы осуществимы въ данное время и соотвѣтствовала-ли программа Народной Воли, *во всей ея полнотѣ*, наличнымъ силамъ тогдашней соціалистической партіи; мы говоримъ теперь только о программныхъ взглядахъ народовольцевъ и объ ихъ отношеніи къ дѣятельности въ народѣ, поскольку оно опредѣлялось этими программными взглядами. Мы видимъ, что представленіе о партіи Народной Воли, какъ о чисто-политической партіи, разочаровавшейся въ рабочихъ массахъ и стремившейся лишь къ конституціонному перевороту, было бы совершенно неправильнымъ; мы видимъ, что, по существу своему, дѣятельность Народной Воли носила вполнѣ соціалистическій характеръ. Все разочарованіе, вынесенное народовольцами изъ предшествовавшаго опыта, касалось лишь возможности организовать тогда въ Россіи боевую народную партію и построить борьбу съ самодержавіемъ на организованномъ массовомъ рабочемъ движеніи. Изъ такого именно взгляда на условія соціалистической дѣятельности въ Россіи, съ одной стороны, и на неизбѣжность въ ней политической борьбы для соціалистической партіи — съ другой, и сложилась революціонная программа Народной Воли.

Что же касалось собственно общихъ принциповъ революціоннаго соціализма, то эта, такъ сказать, элементарная основа всѣхъ революціонныхъ программъ того времени не подлежала даже обсужденію; она просто констатировалась въ программныхъ заявленіяхъ. Такъ, нап., въ объявленіи объ изданіи «Вѣстника Народной Воли» (отъ августа 1883 г.) можно прочесть слѣдующее:

«Экономическій переворотъ, который сдѣлалъ бы всѣ орудія и продукты труда собственностью рабочаго класса; установленіе такихъ политическихъ формъ, при которыхъ подобный экономическій строй былъ-бы не только возможенъ временно, но и обезпеченъ на будущее; система личнаго воспитанія и развитія, формы общежитія и частной жизни, которыя содѣйствовали бы полной и разнообразной выработкѣ въ

каждой личности ея физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ рабочихъ силъ и способностей въ виду общей солидарности на почвѣ коллективнаго труда и коллективнаго развитія — таковы цѣли, которыя ставитъ себѣ русскій соціализмъ и которыя дѣлаютъ его невыдѣлимыхъ элементомъ въ общемъ соціалистическомъ движеніи нашего времени...

«Эти общія всѣмъ соціалистамъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь однимъ путемъ: рабочій классъ (городской и сельскій) долженъ *постепенно сплачиваться и организовываться* въ общественную силу, соединенную общими интересами и стремленіями къ общимъ цѣлямъ. Эта сила, въ процессѣ сплоченія, должна *постепенно подрывать существующій экономическій и политическій порядокъ*, окрѣпляя вслѣдствіи самой борьбы свою организацію и выростая въ могуществѣ, пока ей удастся окончательно низвергнуть существующій порядокъ»...

Въ этой цитатѣ, помимо того, что она подтверждаетъ тотъ основной характеръ *классовой борьбы*, который Народная Воля придавала всей своей программѣ, интересно также отмѣтить 2 обстоятельства. Во первыхъ, мы находимъ здѣсь упоминаніе о системѣ *воспитанія и развитія личности* и о формахъ общежитія и частной жизни, которыя соотвѣтствовали бы условіямъ соціалистическаго строя; эта область, такъ сказать, культурныхъ преобразованій и культурнаго творчества несомнѣнно должна занимать свое мѣсто въ соціалистическомъ движеніи, и упоминаніе о ней придаетъ программѣ Народной Воли извѣстную широту и цѣльность; недаромъ одинъ изъ двухъ редакторовъ «Вѣстника», подписавшихся подъ цитированнымъ выше заявленіемъ, былъ П. Л. Лавровъ.

Другое обстоятельство, на которое мы хотѣли бы обратить вниманіе, заключается въ томъ, что, какъ это видно изъ подчеркнутыхъ нами словъ, Народная Воля вовсе не представляла себѣ соціалистическаго переворота въ видѣ единаго ближайшаго переворота, который сразу установилъ бы новый порядокъ; мы видимъ, что въ ея программѣ дѣло идетъ о *постепенномъ* сплачиваніи и организаціи рабочаго класса и о *постепенномъ* подрывѣ существующаго экономическаго и политическаго строя, при чемъ эта постепенность вовсе не отнимала, конечно, у движенія, въ глазахъ народовольцевъ, его революціоннаго характера уже по одному тому, что первою, очередною его задачей былъ политическій переворотъ, который связывался въ народовольческой программѣ также и съ экономическимъ переворотомъ.

Наконецъ, для болѣе полнаго выясненія общаго характера народовольческой программы, а также того значенія, какое народовольцы придавали своей дѣятельности въ рабочихъ массахъ, мы приведемъ еще большую выписку изъ передовой статьи въ № 10 «Народной Воли», отъ 1 января 1884 г., гдѣ

съ цѣлью «выясненія партійныхъ задачъ въ народѣ», резюмируется все, что писалось по этому поводу въ предшествующихъ номерахъ этого офиціальнаго органа партіи:

«....И такъ, мы, элементъ сознательности, необходимы для народа; но съ другой стороны мы безъ содѣйствія народа, безъ его силы, точно также не можемъ ничего сдѣлать въ моментъ окончательной развязки. Сліяніе силы и сознанія необходимы для торжества революціи. Въ настоящее время, однако, это сліяніе совершенно невозможно. Невозможность открытой, легальной организаціи заставляетъ насъ быть заговорщиками, «подпольными» дѣятелями. Тайное же общество, по существу дѣла, не можетъ быть многочисленнымъ, тѣмъ болѣе не можетъ охватывать массъ. Сверхъ того, заговоръ требуетъ людей, всецѣло отдающихся дѣлу революціи, способныхъ замѣнить количество качествомъ и, стало быть, между прочимъ, вполнѣ развитыхъ и сознательныхъ. Въ массѣ нашего народа такихъ людей именно не много. Это опять съуживаетъ возможность для *современной* организаціи охватывать собою народные слои. Въ общей сложности, наши задачи тепе́рь сводятся такимъ образомъ лишь *къ подготовкѣ* возможности такой организаціи, какая необходима будетъ въ эпоху революціи, т. е. организаціи, охватывающей одновременно и насъ, и значительныя массы народа. Въ настоящее время, для подготовленія такой возможности мы можемъ создать только извѣстную *связь* между собой и народомъ, связь въ нѣкоторой, незначительной степени организаціонную и уже въ гораздо большей степени нравственную. Это все, чего можно достигнуть, пока держится существующій строй. Но зато мы обязаны достигнуть всего, что только въ этомъ случаѣ возможно. Мы упомянули сейчасъ о связи организаціонной и желали бы, чтобы насъ не перетолковывали. Въ революціи видимость, форма, фраза хуже, чѣмъ ничего. Тратить дѣйствительную силу мы можемъ лишь на созданіе дѣйствительной силы (или, конечно, на разрушеніе вредной намъ силы). Поэтому мы считаемъ прямо вредными несбыточныя мечты о широкой народной организаціи. Не широкая организація нужна, а прочная, рѣшительная, революціонная Сверхъ того, она вообще нужнѣе тамъ, гдѣ долженъ быть нанесенъ правительству главный ударъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы должны прежде всего создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры среди *городскихъ* рабочихъ массъ, съ тѣмъ чтобы эти группы заранѣе обезпечили себя обширными связями съ остальною массою городскихъ рабочихъ, и, разумѣется, съ крестьянствомъ, поскольку это возможно. Что касается самого крестьянства, то, кромѣ такихъ посредственныхъ связей, мы должны по необходимости удовольствоваться въ немъ лишь выработкой отдѣльныхъ лично-

стей, сознательно и систематически способствующихъ планамъ партіи. Люди, дѣйствительно способные къ тайной революціонной организаціи, здѣсь такъ рѣдки и разсѣяны на такихъ громадныхъ пространствахъ, что о групповой организаціи здѣсь не можетъ быть и рѣчи... И такъ, организаціонная связь съ народомъ, если не говорить о совершенно исключительныхъ случаяхъ, исчерпывается вышесказаннымъ. А затѣмъ передъ нами стоитъ другая, въ высшей степени важная задача: это пропаганда идей соціализма, идей и задачъ партіи, популяризація этой послѣдней, короче — установленіе между нами и возможно большею массою народа нравственной связи, которая позволила бы намъ, въ моментъ революціи, быстро понять другъ друга» (стр. 7-8).

Въ полномъ согласіи съ этими программными заявленіями была поставлена и самая революціонная дѣятельность партіи въ рабочей средѣ. Мы знаемъ, что въ Петербургѣ на пропаганду среди рабочихъ были направлены лучшія силы партіи; этой дѣятельности отдавали тогда много времени такіе выдающіеся пропагандисты, какъ Желябовъ, Перовская, Халтуринъ*), Теллаловъ, Андрей Франжоли**), при чемъ они привлекали къ себѣ новыя выдающіяся силы, какъ, напр., Вал. Коковскаго***).

---

*) Халтуринъ, послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ уѣхалъ на югъ, въ южныя народовольческія организаціи, и въ теченіи почти двухъ лѣтъ велъ тамъ пропаганду среди рабочихъ (см. «Былое», № 3, стр. 199).

**) Андрей Афанасьевичъ Франжоли — одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ пропагандистовъ, какихъ только выдвинуло движеніе начала 70-хъ годовъ. По своему вліянію на рабочихъ «онъ иногда конкуррировалъ съ Желябовымъ»—говоритъ его біографъ (см. «Вѣстникъ Народной Воли», № 1); но это вліяніе носило особый характеръ: А. А. Франжоли обладалъ необыкновенно мягкой, любящей, впечатлительной и экзальтированной натурой. Онъ неспособенъ былъ жить безъ людей и не пытаться сблизиться съ окружающими. Будучи арестованъ въ деревнѣ въ 1874 г., онъ около двухъ лѣтъ провелъ въ разныхъ провинціальныхъ тюрьмахъ, вмѣстѣ съ уголовными, и всегда вспоминалъ объ этомъ времени, какъ о хорошей школѣ для себя. Онъ пріобрѣлъ тамъ множество друзей и горячихъ поклонниковъ, и самъ привязался ко многимъ. Въ 1880 г. ему было поручено вести сношенія съ Нечаевымъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, потому что никто не умѣлъ такъ хорошо ладить съ солдатами и вліять на нихъ.

***) См. «Воспоминанія о Коковскомъ» въ «Вѣстникѣ Нар. Воли», № 4 и въ № 5 «Былого».

По свидѣтельству П. Лаврова*), «первая рабочая группа народовольческой партіи образовалась (въ Петербургѣ) въ концѣ 1879 г., а въ 1880 г. она уже увеличилась въ 4 раза, посвящая себя дѣлу рабочей организаціи; около нея, какъ отдѣла тайной организаціи партіи, группировались многія сотни рабочихъ. Съ 15 декабря 1880 г. сталъ появляться ея органъ «Рабочая Газета» (подъ редакціей Желябова, В. Коковскаго и др.). Подобныя же рабочія группы въ разныхъ городахъ (особенно южныхъ) входили въ тѣсную организацію партіи и распространяли свое вліяніе на рабочее населеніе. Двѣ мѣстныя группы нашли возможнымъ вести энергичную агитацію на почвѣ аграрнаго вопроса и среди крестьянскаго населенія».

Въ хроникѣ арестовъ, послѣдовавшихъ за событіемъ 1-го марта насчитывается, за 1881 г., въ одномъ Петербургѣ до 90 арестованныхъ рабочихъ. Что касается мѣстныхъ группъ, которыхъ, по свидѣтельству того же П. Л. Лаврова, насчитывалось въ 1880 г. не менѣе 12, то въ нихъ дѣятельность среди рабочихъ поглощала большую часть времени и силъ, и эта дѣятельность вездѣ оставляла, конечно, свои результаты и вездѣ содѣйствовала общему росту рабочаго движенія въ Россіи. Чтобы не быть голословнымъ, мы приведемъ нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, разбросанныя по разнымъ революціоннымъ изданіямъ послѣдующаго времени и свидѣтельствующія о томъ, что соціалистическая пропаганда среди рабочихъ не была для народовольцевъ лишь формальнымъ пунктомъ ихъ программы, но, напротивъ того, была органически связана со всѣмъ ихъ революціоннымъ міросозерцаніемъ и со всей ихъ революціонной борьбой.

Очень любопытныя свѣдѣнія находимъ мы, напр., въ «Воспоминаніяхъ стараго рабочаго», изданныхъ Союзомъ русскихъ соціальдемократовъ въ 1900 г.**).

«Въ концѣ 70-хъ годовъ» — читаемъ мы тамъ — «благодаря дѣятельной пропагандѣ членовъ партіи Народной Воли, между рабочими за Невской Заставой начали образовываться кружки, въ которыхъ обсуждались вопросы о положеніи рабочаго и средствахъ измѣнить это положеніе къ лучшему. Результатомъ этихъ обсужденій явились стачки» (стр. 4).

Далѣе на стр. 5:

«Съ теченіемъ времени, подростая, я сталъ и самъ принимать участіе въ этихъ сходкахъ, на которыхъ познакомился

*) «Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма». Эта статья помѣщена въ «Календарѣ Народной Воли» за 1883 г.

**) «Изъ рабочаго движенія за Невской Заставой въ 70-хъ и 80-хъ годахъ». Женева.

съ нѣкоторыми извѣстными по своей дѣятельности представителями народовольческой партіи.... Изъ посѣщавшихъ эти сходки двое извѣстныхъ рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта, Иванъ Окладскій и Сергѣй Лапинъ, много поработали для дѣла Народной Воли, но, къ сожалѣнію, первый изъ нихъ недостойнымъ образомъ окончилъ свою революціонную дѣятельность.... Лапинъ же остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и мужественно принялъ за нихъ смерть.... Многіе рабочіе Шлиссельбургскаго тракта помнятъ высокую, энергичную фигуру Сергѣя Лапина, его горячія рѣчи о необходимости сгруппироваться рабочимъ для защиты своихъ интересовъ и всегдашнюю готовность вступиться за притѣсняемаго товарища; но немногіе знаютъ, что Сергѣй Лапинъ и Тимофей Михайловъ, повѣшенный на Семеновскомъ плацу 3 апрѣля 1881 г. (за участіе въ покушеніи 1 марта)—одно и то же лицо».

Затѣмъ на стр. 6:

«Благодаря энергичной народовольческой пропагандѣ въ концѣ 70-хъ годовъ, кружки рабочихъ за Невской Заставой и въ особенности на заводѣ Семянникова (гдѣ работалъ Т. Михайловъ) стали быстро развиваться, и завязавшееся у этихъ кружковъ знакомство съ интеллигентными представителями партіи Народной Воли замѣтно подняло уровень умственной жизни рабочихъ и указало имъ болѣе правильный путь борьбы съ капитализмомъ».

«....Что рабочіе того времени не бунтовали, какъ бараны (излюбленное выраженіе нашихъ враговъ), а подготовленные разумно поставленной пропагандой сознательно защищали свои интересы и хорошо знали, кто ихъ друзья и кто враги,—наглядно показываетъ слѣдующій фактъ. Администрація того-же Семянниковскаго завода нашла нужнымъ построить часовню въ память «чудеснаго спасенія» царской семьи во время взрыва въ Зимнемъ дворцѣ... Какъ помнятъ товарищи, для упомянутой цѣли по мастерскимъ были пущены заводоуправленіемъ подписные листы.... но къ чести рабочихъ въ ихъ средѣ не нашлось желающихъ «жертвовать», и затѣю пришлось оставить ... Отказъ такой массы рабочихъ отъ пожертвованій.... естественно вызвалъ волненіе въ средѣ нашихъ охранителей... Начались разслѣдованія и въ результатѣ нѣсколько сотъ лучшихъ рабочихъ («зачинщиковъ») были арестованы и высланы изъ Петербурга. Кромѣ того, по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ былъ разосланъ циркуляръ департамента полиціи съ именами около 200 рабочихъ, которыхъ запрещалось принимать на работу куда бы то ни было».

«....Зимою 1884-85 г. черезъ одного изъ работавшихъ на заводѣ Растеряева, поступившаго съ Семянниковскаго завода, у рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта вновь завязались сношенія съ интеллигентными представителями партіи Народ-

ной Воли. Здѣсь стали образовываться кружки, имѣвшіе сначала характеръ саморазвитія, а затѣмъ естественно перешедшіе къ обсужденію проклятаго вопроса объ отношеніяхъ между рабочими и капиталистами. Послѣ трехлѣтняго перерыва, рабочіе какъ будто вновь начали оживать, стали поговаривать о стачкахъ и уже задались цѣлью устроить забастовку не на одномъ какомъ-либо заводѣ, а на возможно большемъ ихъ числѣ одновременно. Но прежде чѣмъ были приняты хоть какія-нибудь мѣры къ осуществленію этого плана, прошло больше года» (стр. 10).

«...Но ни массовые аресты Грессера (петербургскаго полиціймейстера), ни либеральныя затѣи «нашихъ уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей» (дѣло идетъ объ «Обществѣ народныхъ развлеченій за Невской Заставой») не въ силахъ уже были окончательно потушить искру, вспыхнувшую въ сознаніи рабочихъ, и осенью 1886 года на фабрикахъ и заводахъ Шлиссельбургскаго тракта вновь начались стачки, вызванныя пониженіемъ заработной платы. Первая забастовала фабрика Паля, а затѣмъ Максвеля и чугунный заводъ» (стр. 14).

«....Послѣ этой стачки, у рабочихъ вновь завязались сношенія съ интеллигентами, представителями партіи Народной Воли, причемъ двое изъ нихъ, «Прохоръ Ивановичъ» и «Осипъ Семеновичъ», прозванный рабочимъ «Іосифомъ Прекраснымъ», довольно часто посѣщали нашъ край и остались памятными рабочимъ своей энергіей и отзывчивостью къ нуждамъ послѣднихъ. Подъ руководствомъ этихъ двухъ лицъ, на фабрикѣ Максвеля была задумана и лѣтомъ 1887 г. приведена въ исполненіе новая стачка» (стр. 15).

Такъ повѣствуетъ намъ объ этомъ времени, въ своемъ очень сжатомъ очеркѣ, «старый петербургскій рабочій», и изъ этихъ случайныхъ воспоминаній одного изъ многихъ рабочихъ, захваченныхъ тогда народовольческимъ движеніемъ, передъ нами рисуется картина почти непрерывавшагося рабочаго движенія въ Петербургѣ за періодъ времени съ 1879 по 1887 г.

Мы видѣли, что «старый рабочій» упоминаетъ въ своемъ разсказѣ о цѣлыхъ сотняхъ лучшихъ рабочихъ, высылавшихся тогда изъ Петербурга. Куда же дѣвались эти лучшіе рабочіе? Объ этомъ мы также имѣемъ кое-какія отрывочныя свѣдѣнія, попадающіяся въ позднѣйшихъ, уже соціаль-демократическихъ изданіяхъ. Такъ на стр. 33 извѣстной брошюры «Красное Знамя въ Россіи» (издан. организаціи «Соціаль-Демократъ», 1900 г.) можно прочесть слѣдующее:

«...Между прочимъ, высланные изъ столицъ соціалисты-рабочіе стояли во главѣ извѣстной стачки ткачей Орѣхова-Зуева въ 1885 г., составившей крупное событіе въ исторіи рабочаго класса».

Мы видимъ, что, судя по времени, эти высланные изъ столицъ рабочіе-соціалисты очевидно должны быть отнесены какъ разъ къ періоду народовольческаго движенія*).

Приведемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ соціаль-демократической брошюры «Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ». Въ ней мы читаемъ:

«....Затѣмъ наступила эпоха террора. Можно сказать безъ преувеличенія, что не было ни одного народовольческаго кружка, который не пробовалъ бы своихъ силъ на рабочей пропагандѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, еще больше было среди нихъ сочувствующихъ террористамъ лицъ. Общій характеръ движенія былъ политическій въ узкомъ смыслѣ этого слова: классового самосознанія, особой чисто-рабочей организаціи не существовало; рабочее движеніе являлось составной частью народовольческой организаціи. Одесскій процессъ 83 г.**) показалъ, что народовольцы успѣли завоевать извѣстное положеніе среди рабочихъ. Среди осужденныхъ въ каторжныя работы по этому дѣлу мы находимъ много рабочихъ: Голикова, Надѣева, Сарычева и др... Послѣдующіе революціонные кружки, слабые преемники народовольцевъ, дѣлали неоднократно попытки снова съорганизовать рабочіе кружки. Изъ пропагандистовъ за это время извѣстны болѣе другихъ студентъ Штернбергъ и рабочій Карпенко. Имъ удалось повести довольно широкую пропаганду среди рабочихъ Одессы и другихъ южныхъ городовъ. И теперь еще (начало 90-хъ годовъ) можно встрѣтить въ Одессѣ рабочихъ, принадлежавшихъ къ этой организаціи».

Приведемъ, наконецъ, нѣсколько выдержекъ изъ очень содержательной брошюры «Петербуржца»: «Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ, по личнымъ воспоминаніямъ»***). Въ этой брошюрѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ сознательныхъ рабочихъ, которые, пережив времена Народной Воли, принимали затѣмъ участіе въ рабочемъ движеніи 90-хъ годовъ. Такъ на стр. 4 читаемъ:

«Группа народовольцевъ имѣла (въ 1892 г.) рабочіе кружки въ различныхъ фабричныхъ районахъ Петербурга, и во

---

*) Руководитель стачки 1885 г.—Петръ Моисеенковъ—былъ именно одинъ изъ такихъ рабочихъ-народовольцевъ.

**) Процессъ 23-хъ: Дзвонкевича, Майера, Дрея, Ф. Морейнисъ и др.; кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ рабочихъ по этому процессу, были осуждены на каторгу еще рабочіе Моисей Поповъ, Батоговъ, Иванайенъ, Валуевъ и Клименко.

***) Изданіе соціаль-демократической организаціи «Жизнь». Лондонъ 1902 г.

главѣ кружковъ стояли пожилые рабочіе, оставшіеся еще отъ временъ «Земли и Воли».

Затѣмъ вотъ еще одна очень характерная выдержка:

«При сравненіи дѣятельности соціальдемократическихъ кружковъ съ народовольческими (рѣчь идетъ о 1893 г.), мы видимъ, что какъ тутъ, такъ и тамъ, собственно говоря, дѣло сводилось къ выдѣленію изъ рабочей среды культурныхъ единицъ... Но оба эти направленія были страшно враждебны. Въ рабочей средѣ эта борьба повелась по истинѣ съ ожесточеніемъ и непримиримостью. Въ этой борьбѣ приняли участіе и пожилые рабочіе, лично знавшіе Халтурина, Желябова и Тимофея Михайлова, бывшіе и на демонстраціи у Казанскаго Собора, и на Смоленскомъ кладбищѣ на похоронахъ несчастныхъ жертвъ патроннаго завода (въ 1878 г.)» (стр. 7).

Разсказывая о бунтѣ рабочихъ на бывшемъ Семянниковомъ заводѣ (зимой 1894 г.), авторъ говоритъ:

«Бунтъ окончился побѣдой, и побѣда не прошла незамѣченной. Я долженъ прибавить, что во всей этой исторіи «наши» рабочіе не принимали ровно никакого участія... На скорую руку была изготовлена агитаціонная брошюрка.... и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этотъ новый пріемъ соціальдемократовъ... обратилъ на себя вниманіе рабочихъ. Пожилые рабочіе стали живо припоминать аналогичную дѣятельность прежнихъ революціонеровъ, разсказывали о брошюрахъ, листкахъ и бунтахъ, происходившихъ раньше на этомъ заводѣ. Конечно, большинство разсказчиковъ все сильно преувеличивали, однако эти разсказы сильно вліяли на подъемъ настроенія среди молодежи и подготовляли почву для болѣе широкаго распространенія нелегальной литературы» (стр. 14).

Мы видимъ, что «пожилые рабочіе» являются здѣсь на каждомъ шагу какъ бы связующимъ звеномъ между двумя періодами революціоннаго движенія.

На этомъ мы закончимъ наши замѣтки по поводу дѣятельности партіи Народной Воли въ рабочей средѣ, причемъ еще разъ укажемъ на всю отрывочность и неполноту сохранившихся ***печатныхъ*** слѣдовъ этой дѣятельности. Очень немногіе изъ пропагандистовъ-народниковъ имѣли возможность оставить намъ свои мемуары; также мало занесенныхъ на бумагу воспоминаній доходитъ до насъ и изъ рабочей среды. Но у насъ имѣется болѣе надежное свидѣтельство той революціонизирующей работы, какая велась въ рабочей средѣ въ такъ называемый народническій періодъ нашего революціоннаго движенія: этимъ свидѣтельствомъ служитъ тотъ повышенный уровень политическаго развитія и тотъ уже довольно многочисленный контингентъ сознательныхъ рабочихъ, съ какими

наши рабочія массы вступили въ послѣдующій фазисъ революціонной борьбы.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному выясненію того, такъ сказать, объективнаго историческаго значенія, какое имѣлъ народовольческій періодъ въ развитіи русскаго революціоннаго движенія.

II

Приступая къ этой части нашихъ замѣтокъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ уже очень прочно установившимися отрицательными взглядами на народовольческій періодъ, господствующими въ извѣстной части нашей революціонной литературы. Поэтому для выясненія нашей, какъ намъ думается, болѣе правильной точки зрѣнія, болѣе отвѣчающей требованіямъ исторической критики, намъ невозможно будетъ избѣгнуть въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣкоторыхъ отступленій полемическаго характера.

Читатель, быть можетъ, обратилъ вниманіе на очень характерную фразу въ вышеприведенной выпискѣ изъ брошюры о рабочемъ движеніи въ Одессѣ и Николаевѣ: «Въ началѣ 80-хъ годовъ» — говорится тамъ — «среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, еще больше было среди нихъ сочувствующихъ террористамъ лицъ. Общій характеръ движенія былъ политическій въ узкомъ смыслѣ этого слова: классового самосознанія, особой чисторабочей организаціи не существовало; рабочее движеніе являлось составною частью народовольческой организаціи».

Въ этой цитатѣ мы находимъ первый и очень типичный примѣръ того, какъ намъ кажется, неправильнаго пониманія какъ сущности рабочаго движенія, такъ и сущности революціонной борьбы, благодаря которому въ нашей революціонной печати очень долго и съ большимъ стараніемъ оспаривались важныя заслуги народовольческаго періода въ дѣлѣ развитія у насъ соціалистическаго рабочаго движенія.

По мнѣнію автора цитированной брошюры, хотя въ Одессѣ и было въ началѣ 80-хъ годовъ много революціонныхъ рабочихъ кружковъ, но ***классового самосознанія*** въ нихъ не было, и все движеніе носило узко-политическій характеръ. Мы видимъ такимъ образомъ, что, говоря о рабочемъ движеніи народовольческаго періода и констатируя возникновеніе тогда многихъ революціонныхъ рабочихъ кружковъ, авторъ въ то же время противопоставляетъ ***политическій*** характеръ этого рабочаго движенія классовому самосознанію рабочихъ; то болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ политическимъ вопросамъ, наличность котораго необходимо предположить въ революціонныхъ рабочихъ кружкахъ, хотя-бы и носящихъ узко-политическій характеръ, совмѣщается въ представленіи

автора съ отсутствіемъ въ этихъ кружкахъ классового самосознанія. Вотъ это именно представленіе о классовомъ самосознаніи рабочихъ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ ихъ политическаго сознанія, и составляетъ одну ихъ особенностей того недостаточно яснаго пониманія сущности рабочаго движенія, о которомъ мы говорили выше. Ошибка заключается здѣсь въ совершенно искуственномъ отдѣленіи рабочаго движенія отъ политики и въ совершенно неправильномъ противоположеніи *истинно-рабочаго* движенія даже такому политическому движенію, въ которомъ принимаютъ сознательное участіе сами рабочіе. Не трудно видѣть, что въ сущности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чистѣйшимъ экономизмомъ, ибо въ такомъ только смыслѣ и могутъ быть поняты вышеприведенныя указанія автора на *узко-политическій* характеръ *рабочаго* движенія въ Одессѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что, если не стоять на точкѣ зрѣнія *узкаго экономизма*, то въ подчеркнутыхъ нами словахъ кроется самое явное противорѣчіе; ибо если даже въ примѣненіи къ чисто буржуазному революціонному движенію выраженіе *узко-политическое* должно быть понимаемо въ совершенно условномъ смыслѣ, такъ какъ въ сущности, даже чисто-буржуазная революція, ставящая своею цѣлью исключительно однѣ политическія перемѣны, всегда несетъ съ собою вполнѣ опредѣленную экономическую программу, заключающуюся въ государственной охранѣ существующихъ экономическихъ отношеній, то что же сказать объ *узко-политическомъ* характерѣ *рабочаго движенія?* Нетрудно видѣть, что всякое политическое движеніе, какой бы узкій характеръ оно ни носило, необходимо должно заключать въ себѣ, по самому своему опредѣленію, стремленіе къ завоеванію политической власти; съ другой стороны мы знаемъ также, что по отношенію именно къ рабочему движенію это завоеваніе политической власти и составляетъ его главную цѣль и его высшую революціонную задачу, ибо послѣдняя сводится къ такъ называемой политической диктатурѣ рабочаго класса, т. е къ полному подчиненію имъ себѣ государства. Очевидно, слѣдовательно, что, съ этой точки зрѣнія, всякое политическое движеніе въ средѣ рабочаго класса есть шагъ впередъ по пути къ его политическимъ завоеваніямъ, а всякое политическое завоеваніе со стороны рабочаго класса есть шагъ впередъ по пути къ осуществленію его классовыхъ задачъ и стремленій. Вотъ почему понятіе о политической узости ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совмѣщено съ понятіемъ о сознательномъ рабочемъ движеніи, если подъ политическою узостью понимать что-нибудь противорѣчащее интересамъ рабочаго движенія. Если въ рукахъ господствующихъ классовъ всякое политическое вліяніе всегда служитъ орудіемъ къ охраненію суще-

ствующихъ экономическихъ отношеній, то въ рукахъ рабочаго класса всякое политическое вліяніе также естественно и неизбѣжно всегда будетъ служить орудіемъ измѣненія существующихъ экономическихъ отношеній и подготовленія соціалистическаго переворота. Когда мы говоримъ объ «узко-политическомъ характерѣ движенія», то подъ этой «узостью» мы должны, въ сущности, понимать узкія рамки самаго политическаго движенія; другими словами, мы должны понимать подъ этою узостью не узкую, т. е. ограниченную роль политики въ общественной жизни, а *ограниченный доступъ* въ сферу политическаго вліянія, которое по существу своему неограниченно или, лучше сказать, можетъ быть ограниченно лишь противодѣйствіемъ въ той же политической области. Вотъ почему до сихъ поръ господствующіе классы всегда стремились, тѣми или другими способами и въ той или другой степени, отстранить рабочій классъ отъ политической власти, и въ этомъ именно стремленіи заключалась и заключается до сихъ поръ главная задача и все содержаніе ихъ политики. Точно также какъ, съ другой стороны, все реальное содержаніе всякаго рабочаго движенія необходимо сводится, въ концѣ концовъ, къ *политической борьбѣ*, въ силу чего въ этой именно области, т. е. въ области именно политическихъ вопросовъ и политическихъ отношеній должно по-преимуществу расти и развиваться классовое самосознаніе рабочихъ. Экономическія отношенія, взятыя сами по себѣ, сравнительно очень элементарны; они касаются непосредственныхъ интересовъ каждой изъ сторонъ и всегда рисуются для нихъ въ самыхъ опредѣленныхъ и конкретныхъ формахъ. Вотъ почему экономическая стачка всегда является ближайшимъ результатомъ всякаго начинающагося рабочаго движенія; и въ этомъ отношеніи народовольческій періодъ вовсе не составляетъ исключенія: поскольку стачки могутъ служить признакомъ классового самосознанія, ими, можно сказать, наполнены лѣтописи рабочаго движенія въ Петербургѣ за разсматриваемый нами періодъ, — какъ это можно видѣть между прочимъ и изъ цитированныхъ выше воспоминаній стараго рабочаго. Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ, по личному опыту, съ пропагандою въ рабочей средѣ, долженъ знать, что ближайшіе, насущные экономическіе вопросы всегда и неизбѣжно выступаютъ при этомъ на первый планъ. Посмотрите, наприм., что пишетъ «старый рабочій» о народовольческой пропагандѣ зимою 1884-85 г. за Невской Заставой: «Здѣсь стали образовываться кружки, имѣвшіе сначала характеръ саморазвитія, а затѣмъ естественно перешедшіе къ обсужденію проклятаго вопроса объ отношеніяхъ между рабочими и капиталистами». Иначе это и быть не можетъ. Экономическіе вопросы—это, такъ сказать, азбука ра-

бочаго движенія, это — тѣ готовыя данныя самой жизни, на почвѣ которыхъ естественно возникаютъ первые зародыши классового самосознанія. Гораздо труднѣе дальнѣйшіе шаги, связывающіе ближайшіе экономическіе интересы рабочихъ съ политическими вопросами; здѣсь возможно полное затемнѣніе классового сознанія политическими предразсудками, и здѣсь именно можетъ обнаружиться та несостоятельность чистой экономики въ дѣлѣ развитія соціалистическаго рабочаго движенія, которая даетъ себя чувствовать не только въ самодержавныхъ, но даже и въ конституціонныхъ странахъ.

Что же касается собственно русскаго рабочаго движенія, то какъ же не видѣть, что оно должно было развиваться у насъ при совершенно исключительныхъ условіяхъ, что, въ противоположность западноевропейскому рабочему движенію, оно должно было развиваться у насъ въ политической атмосферѣ, еще не потрясенной ни однимъ политическимъ переворотомъ, еще не озарявшейся для рабочихъ массъ ни одной революціонной грозой. Въ этомъ заключалось огромное различіе въ условіяхъ, среди которыхъ развивалось русское рабочее движеніе, и — скажемъ, напр., — французское или даже нѣмецкое послѣ 1848 г., когда политическое революціонное движеніе уже разрушило въ нѣмецкихъ рабочихъ массахъ цѣльность ихъ традиціоннаго политическаго міросозерцанія. Вотъ почему развитіе политическаго сознанія въ рабочей средѣ должно было имѣть именно для Россіи самое рѣшающее значеніе въ дѣлѣ развитія у насъ классового самосознанія рабочихъ, и вотъ почему въ Россіи политическая борьба, помимо того что она, какъ и вездѣ, является необходимою формою революціоннаго соціалистическаго движенія, служила въ то же время могучимъ орудіемъ роста и развитія этого классового самосознанія.

Когда авторъ разсказа о рабочемъ движеніи въ Одессѣ говоритъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, а ***еще больше было среди нихъ сочувствующихъ террористамъ лицъ*** (курсивъ нашъ), то онъ самъ свидѣтельствуетъ этими словами о томъ большомъ вліяніи, какое оказывало народовольческое движеніе на развитіе политическаго сознанія въ рабочей средѣ, на разрушеніе въ этой средѣ монархическихъ предубѣжденій и предразсудковъ, — ибо сочувствіе терроризму предполагаетъ самое отрицательное отношеніе къ монархической власти; а свидѣтельствуя о большомъ значеніи народовольческаго движенія въ дѣлѣ развитія политическаго сознанія среди русскихъ рабочихъ, авторъ, самъ не замѣчая того, свидѣтельствуетъ также и о большой заслугѣ народовольческаго движенія въ дѣлѣ развитія среди нихъ классового самосознанія, ибо послѣднее совершенно неотдѣлимо отъ перваго.

Кромѣ того кажущагося отсутствія классового самосознанія въ революціонныхъ рабочихъ кружкахъ 80-хъ годовъ, о которомъ говоритъ авторъ брошюры, онъ упоминаетъ еще о другой отрицательной, по его мнѣнію, сторонѣ народовольческаго рабочаго движенія, а именно — объ отсутствіи въ этомъ движеніи «особой чисто-рабочей организаціи», вслѣдствіи чего рабочее движеніе являлось тогда не болѣе какъ «составною частью народовольческой организаціи». Мы знаемъ, что такъ именно формулируется одно изъ главнѣйшихъ обвиненій, выставляемыхъ противъ Народной Воли тѣми изъ ея противниковъ, которые отрицаютъ истинно-соціалистическій характеръ всего народовольческаго движенія и пытаются провести какую-то рѣзкую черту между задачами этого движенія и задачами собственно рабочаго движенія въ Россіи, задачами «чисто рабочей организаціи». Эти попытки дѣлались еще въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ, въ статьяхъ и брошюрахъ первыхъ представителей нашей соціалъ-демократіи, дѣлались онѣ и въ самое послѣднее время, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ уже упоминавшагося нами соціалъ-демократическаго «Очерка исторіи русскаго рабочаго движенія», вышедшаго въ 1900 г. подъ заголовкомъ «Красное Знамя въ Россіи», съ предисловіемъ П. Аксельрода:

«Какъ остроумно замѣтилъ впослѣдствіи Плехановъ, народовольцы разсуждали не о томъ, нужна-ли рабочимъ революція, а о томъ нужны-ли рабочіе для успѣха революціи, которую партія представляла себѣ въ видѣ политическаго заговора». (Стр. 29.)

Это остроумное замѣчаніе Плеханова можетъ послужить намъ для выясненія еще одной характерной черты того крайне ошибочнаго представленія о рабочемъ движеніи, о которомъ мы уже упоминали выше.

Подобно тому какъ въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу классового самосознанія критики Народной Воли совершенно искуственно отрываютъ рабочее движеніе отъ политики, въ своихъ указаніяхъ на отсутствіе «особой, чисто-рабочей организаціи» они также искуственно отрываютъ русское рабочее движеніе отъ той революціонной борьбы и отъ той революціонной среды, съ которыми оно было неразрывно связано.

Намъ врядъ-ли надо много говорить о томъ, что никакое рабочее движеніе нигдѣ не обходилось безъ участія въ немъ *не* чисто рабочихъ общественныхъ элементовъ; это различіе между чисто-рабочими и не чисто-рабочими элементами соціалистическаго движенія обусловлено самимъ существованіемъ классовыхъ различій въ обществѣ; но большая разница наблюдается, конечно, въ относительныхъ размѣрахъ и въ относительномъ значеніи этихъ двухъ элементовъ соціалистическаго движенія, соотвѣтственно послѣдовательнымъ ступенямъ

его развитія. Въ фазисѣ широкаго и организованнаго *массового* рабочаго движенія относительная роль въ немъ революціонной интеллигенціи соотвѣтственно уменьшается и можетъ дойти до своихъ минимальныхъ размѣровъ; на этихъ ступеняхъ соціалистическаго движенія можно, пожалуй, съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить о чисто-рабочихъ организаціяхъ, ибо эти чисто-рабочія организаціи и составляютъ тогда главную составную часть всего соціалистическаго движенія и главное орудіе соціалистической борьбы; это не значитъ, конечно, чтобы и тогда рабочее движеніе отрывалось отъ своихъ не чисто-рабочихъ элементовъ, но это значитъ только, что послѣдніе совершенно затеряваются въ немъ.

Но такъ-ли, спрашивается, стояло это дѣло у насъ въ 80-хъ годахъ? Нѣтъ, ибо мы знаемъ, что именно не рабочіе элементы занимали тогда преобладающее мѣсто въ русскомъ революціонномъ движеніи, и мы знаемъ также, что именно отсутствіе *массового* рабочаго движенія заставило тогда русскую революціонную партію сосредоточить большую часть своихъ силъ на террористической борьбѣ съ самодержавіемъ. Но что же значитъ въ такомъ случаѣ это сѣтованіе критиковъ Народной Воли на отсутствіе «чисто-рабочихъ организацій» въ 80-хъ годахъ, т. е. на отсутствіе въ то время такой постановки соціалистическаго движенія, какая создается только широкимъ массовымъ рабочимъ движеніемъ? Значитъ-ли это, что широкое массовое рабочее движеніе можетъ быть вызвано въ любой странѣ во всякую данную эпоху? Или-же критики Народной Воли хотятъ этимъ сказать, что даже при отсутствіи массового рабочаго движенія и при полномъ отсутствіи тѣхъ политическихъ условій, которыя допускаютъ *систематическую организаціонную работу* въ рабочей средѣ, рабочіе кружки должны были все-таки замкнутся именно въ эту организаціонную работу и отстраниться отъ непосредственной политической борьбы?

Извѣстно, что въ пользу именно такого рѣшенія существовало въ концѣ 70-хъ годовъ довольно сильное теченіе въ самой рабочей средѣ и что на такой именно идеѣ остановились тогда Халтуринъ и Обнорскій, когда задумали осенью 1878 г. создать въ Петербургѣ Сѣверный Рабочій Союзъ. Программа этого чисто-рабочаго союза (ибо членами его могли быть только рабочіе) была какъ разъ построена на мысли о совершенно *самостоятельномъ* рабочемъ движеніи и, въ сущности, была, въ главныхъ своихъ чертахъ, перенесена на русскую почву изъ области западноевропейскаго рабочаго движенія. Викторъ Павловичъ Обнорскій, одинъ изъ очень видныхъ членовъ рабочаго кружка, образовавшагося въ Петербургѣ еще во времена чайковцевъ, пробылъ послѣ того нѣсколько лѣтъ заграницей и хорошо познакомился съ западноевропейскими рабо-

чими организаціями. Въ 1878г. онъ вернулся въ Петербургъ съ печатнымъ станкомъ и шрифтомъ (полученнымъ отъ набатовцевъ) и съ планомъ чисто-рабочей организаціи. О характерныхъ чертахъ всего этого плана можно судить по слѣдующимъ мѣстамъ того программнаго воззванія, съ которымъ обратился ко всѣмъ русскимъ рабочимъ Сѣверный Союзъ въ январѣ 1879 г. :*)

«..... мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878г. пришли къ мысли объ организаціи общерусскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему собственные интересы, цѣли и стремленія, служилъ-бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ-бы ему ту органическую связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы». И далѣе:

«Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ, Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинутъ у насъ рабочее сословіе и заставятъ его заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга его не останется забытою потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины занесется въ лѣтописи исторіи...»

«Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя соціальнаго переворота; сомкнитесь въ дружную братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечомъ, идите проповѣдовать свое ученіе по городамъ и селамъ! Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей: съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ».

Таковы были основныя идеи этого широко-задуманнаго чисто рабочаго движенія. Его главная практическая задача сводилась, какъ это видно изъ приведенныхъ нами выписокъ, «къ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ», «путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ». Эта пропаганда должна было сплотить «разрозненныя силы городского и сельского рабочаго населенія» и создать такую рабочую организацію, которая заставитъ заговорить о себѣ, о своихъ правахъ». О какой нибудь опредѣленной формѣ непосредственной политической борьбы не говорилось въ этой программѣ Сѣв. Союза, но политическія требованія ставились въ ней совершенно опредѣленно, и поли-

*) Этотъ программный манифестъ С. Р. Союза напечатанъ нами во второмъ выпускѣ Туна (стр. 171).

тическій переворотъ признавался необходимымъ. Это прямое признаніе политическаго переворота, какъ ближайшей цѣли рабочаго движенія, вызвало даже возраженіе со стороны тогдашняго большинства землевольческой организаціи, со взглядами котораго мы уже познакомились по статьямъ «Чернаго Передѣла». Сѣверный Союзъ отвѣтилъ на это возраженіе письмомъ въ редакцію «Земли и Воли», гдѣ говорилъ, что онъ соединяетъ политическія требованія съ соціалистическими, такъ какъ политическая свобода вездѣ предшествовала соціальному перевороту.

Мы видимъ, слѣдовательно, что въ этомъ отношеніи, т. е. въ томъ, что касалось собственно признанія необходимости борьбы съ самодержавіемъ, программа Сѣвернаго Союза вполнѣ совпадала съ народовольческой программой *); разница

*) Излагая исторію Сѣвернаго Рабочаго Союза авторъ вышеупомянутой брошюры «Красное знамя въ Россіи» даетъ ***совершенно неправильное представленіе*** объ отношеніи «русскихъ революціонеровъ-интеллигентовъ» того времени къ политическимъ задачамъ. Цѣль автора показать, что, въ противоположность правильному пониманію связи политическаго движенія съ соціалистическимъ со стороны представителей «рабочихъ», революціонеры-интеллигенты обнаружили тогда полное непониманіе этой связи. И вотъ авторъ пишетъ: «Естественно спросить: почему русскіе революціонеры-интеллигенты такъ уклонились отъ пути западноевропейскаго соціалистическаго движенія, тогда какъ русскіе рабочіе, только что вступившіе на путь революціонной борьбы, съ самаго начала проявили стремленіе стать на вѣрную дорогу? Вѣдь нельзя сомнѣваться, что среди революціонеровъ-народниковъ было не мало выдающихся по уму и таланту личностей и, во всякомъ случаѣ, они владѣли большими знаніями и опытомъ, чѣмъ предводители петербургскихъ рабочихъ. Какъ, при такихъ условіяхъ, послѣдніе могли оказаться болѣе зрѣлыми въ политическомъ отношеніи?» (Стр. 21). Вопросъ этотъ былъ бы дѣйствительно интересенъ, еслибы въ самомъ вопросѣ автора не скрывалось ***невѣрнаго изложенія фактовъ***. Мы уже знаемъ, что ко времени образованія Сѣвернаго Союза, среди «революціонеровъ-интеллигентовъ» возникло сильное революціонное теченіе съ яснымъ пониманіемъ связи соціализма съ политикой. Одинъ изъ главныхъ представителей этого теченія, В. Осинскій, былъ уже арестованъ, когда Сѣверный Союзъ выпустилъ свою программу, а въ августѣ 1879 г. это теченіе уже овладѣло всѣмъ движеніемъ. Дѣло стояло, слѣдовательно, вовсе не такъ, какъ излагаетъ это авторъ; значительная часть революціонеровъ-интеллигентовъ не только не игнорировала тогда политическихъ задачъ, но, напротивъ того, выдвигала ихъ

между ними заключалась лишь въ томъ, какъ они понимали самую политическую борьбу. Мы видѣли, что Сѣверный Союзъ понималъ ее именно такъ, какъ этого требовала, по мнѣнію критиковъ Народной Воли, истинная постановка соціалистическаго движенія въ Россіи. Сѣверный Союзъ представлялъ собою первую крупную попытку создать въ Россіи, въ условіяхъ того времени, то особенное рабочее движеніе и ту особую рабочую организацію, въ пренебреженіи къ которымъ упрекаютъ Народную Волю. Это именно обстоятельство и заставило насъ остановиться подробнѣе на исторіи Сѣвернаго Рабочаго Союза, чтобы увидѣть на этомъ конкретномъ примѣрѣ основательность или неосновательность упрековъ и обвиненій противъ Народной Воли.

При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что возникновеніе Сѣвернаго рабочаго Союза было обставлено чрезвычайно благопріятно со стороны того, что касалось собственно внутреннихъ условій предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, иниціаторы движенія, Халтуринъ и Обнорскій, были оба выдающимися организаторами; они сами были рабочими и пользовались большою популярностью въ рабочей средѣ; для начала работы, они встрѣтили въ Петербургѣ почву уже достаточно подготовленною предъидущимъ движеніемъ, вслѣдствіе чего въ первыя же недѣли могли сгруппировать около себя болѣе сотни сознательныхъ рабочихъ; оба они были страстными сторонниками своей идеи и относились очень скептически къ революціонной интеллигенціи. Халтуринъ даже обвинялъ тогда террористовъ въ томъ, что они мѣшали ихъ организаторской дѣятельности, создавая своей революціонной борьбой неподходящую политическую обстановку: усиленный надзоръ полиціи, массовые обыски и т. д.

И вотъ мы знаемъ, что, несмотря на всѣ эти очень благопріятныя, для того времени, ***внутреннія*** условія предпріятія, оно не оказалось жизнеспособнымъ. Сѣверному Союзу не удалось упрочиться даже настолько, чтобы обезпечить себѣ хотя бы очень медленное развитіе. Въ концѣ декабря состоялись его первыя общія собранія, а въ февралѣ 1879 г. его уже постигъ полный разгромъ. Обнорскій былъ арестованъ со многими изъ членовъ Союза (ихъ было арестовано до 60 человѣкъ) типографія Союза захвачена, а разочарованный въ успѣхѣ дѣла Халтуринъ примкнулъ самъ къ партіи Народной Воли.

Чѣмъ же объясняется эта полная неудача? На этотъ вопросъ существуетъ два противоположныхъ отвѣта, и вотъ, въ

на первый планъ. Разница между ними и вождями петербургскихъ рабочихъ по этому вопросу, заключалась лишь въ различномъ пониманіи ***способовъ политической борьбы***, о чемъ именно и будетъ у насъ итти рѣчь въ текстѣ.

зависимости отъ того, который изъ этихъ двухъ отвѣтовъ будетъ признанъ правильнымъ, будетъ также рѣшенъ вопросъ и о правильной или неправильной постановкѣ Народною Волею связаннаго съ ея программой рабочаго движенія.

Согласно одному изъ этихъ двухъ отвѣтовъ, неудача Сѣвернаго Союза зависѣла вовсе не отъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ, а была обусловлена какъ политическимъ и экономическимъ состояніемъ Россіи, такъ и тогдашнимъ уровнемъ развитія ея рабочихъ массъ. Съ одной стороны, политическія условія Россіи дѣлали въ ней невозможной систематическую и продолжительную организаціонную дѣятельность въ рабочихъ слояхъ; а съ другой стороны, благодаря какъ экономической, такъ и политической отсталости Россіи, классовое самосознаніе русскихъ рабочихъ массъ (включая сюда также и ихъ политическое развитіе) еще не было тогда достаточно подготовлено для того, чтобы соціалистическая пропаганда могла охватывать ихъ даже при той отрывочной и почти мимолетной революціонной работѣ, какая одна только и была тогда возможна въ Россіи. Въ силу именно этой невозможности вести въ данное время политическую борьбу путемъ одной соціалистичекой пропаганды и путемъ обширныхъ рабочихъ организацій — какъ это предполагалось въ программѣ Сѣвернаго Рабочаго Союза, Народная Воля и была вынуждена тогда поставить эту борьбу на совсѣмъ иную почву.

Такова сущность перваго отвѣта, разсматривающаго рабочее движеніе 80-хъ годовъ во всей его данной исторической обстановкѣ. Что касается второго отвѣта, то сущность его заключается въ стремленіи приписать неудачу Сѣвернаго Рабочаго Союза одновременному существованію съ нимъ народовольческаго движенія. Согласно этому отвѣту, именно Народная Воля и противодѣйствовала успѣху самостоятельняго рабочаго движенія въ Россіи, такъ какъ, во первыхъ, она отвлекала отъ него лучшія революціонныя силы, а во вторыхъ — создавала такое политическое положеніе, при которомъ это самостоятельное движеніе становилось уже невозможнымъ. *)

Оригинальная особенность этого историческаго объясненія судебъ рабочаго движенія въ Россіи заключается въ томъ, что этому объясненію приданъ, такъ сказать, миѳологическій характеръ, ибо успѣхъ одного изъ двухъ революціонныхъ теченій, существовавшихъ тогда одновременно въ Россіи, объясняется какъ-бы борьбою двухъ враждебныхъ силъ, олицетворяющихъ собою эти два теченія, причемъ одна изъ этихъ

*) См. «Красное Знамя въ Россіи», стр. 28-33. Мы останавливаемся на этой брошюрѣ, потому что она представляетъ собой наиболѣе полный и обстоятельный очеркъ русскаго рабочаго движенія съ противоположной намъ точки зрѣнія.

силъ побѣждаетъ другую. Вмѣсто того, чтобы поставить успѣхъ одного изъ этихъ двухъ теченій и неудачу другого въ зависимость отъ общихъ историческихъ условій, среди которыхъ возникли и развивались оба эти теченія, это объясненіе довольствуется тѣмъ, что просто приписываетъ пораженіе одного изъ нихъ побѣдѣ другого; причемъ еслибы тогда случилось обратное, т. е. еслибы рабочее движеніе въ Россіи приняло въ концѣ 70-ъ годовъ то направленіе, какое стремился придать ему Сѣверный Рабочій Союзъ, то въ такомъ случаѣ неудача народовольческаго движенія должна была-бы объясняться, согласно этому методу, успѣхомъ Сѣвернаго Союза, который въ свою очередь притянулъ бы тогда къ себѣ лучшія революціонныя силы. И оба эти результата являются при такомъ объясненіи одинаково возможными, съ точки зрѣнія общихъ историческихъ условій. Очень интересно также отмѣтить, что сторонники такого историческаго объясненія прямо заявляютъ при этомъ, что всѣ *объективныя* данныя были тогда, по ихъ мнѣнію, какъ разъ на сторонѣ революціоннаго теченія, потерпѣвшаго полную неудачу: «увлеченіе всѣхъ лучшихъ революціонныхъ силъ террористической борьбой» — читаемъ мы въ томъ же «Очеркѣ исторіи русскаго рабочаго движенія» — вредно отозвалось на развитіи рабочихъ организацій какъ разъ въ такое время, когда легче всего могло бы совершиться *объединеніе рабочихъ массъ и вовлеченіе ихъ въ сознательно-классовую борьбу въ широкихъ размѣрахъ*» (стр. 31, курсивъ мой).

Выходитъ такимъ образомъ, что «объединеніе рабочихъ массъ и вовлеченіе ихъ въ сознательно-классовую борьбу въ широкихъ размѣрахъ» могло бы произойти у насъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, если бы этому не помѣшало «увлеченіе» лучшихъ революціонныхъ силъ того времени.

Мы не думаемъ, чтобы *такое* пониманіе общихъ историческихъ причинъ, вызывающихъ и обусловливающихъ массовыя рабочія движенія въ странѣ, могло особенно говорить въ пользу теоретическихъ взглядовъ противниковъ Народной Воли, хотя оно вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ общему взгляду на революціонную программу рабочаго движенія, которая во всякую эпоху и при всякихъ условіяхъ неизмѣнно выливается для нихъ въ одну и ту-же опредѣленную форму, — форму массовыхъ рабочихъ организацій. Они считаютъ, что эти массовыя рабочія организаціи возможны во всякое время и что онѣ были настолько же возможны во времена Народной Воли, какъ и теперь. Постановка рабочаго движенія не мѣняется въ ихъ глазахъ ни въ зависимости отъ данныхъ политическихъ условій страны, ни въ зависимости отъ политическаго развитія рабочихъ массъ, ни даже въ зависимости

отъ размѣровъ и давности самой городской промышленности. Въ такой же абстракціи отъ всего конкретнаго и реальнаго представляется имъ и политическая борьба рабочаго класса. Какимъ путемъ ведется эта политическая борьба въ западно-европейскихъ свободныхъ странахъ? Путемъ обширныхъ рабочихъ организацій. Какимъ путемъ, по мнѣнію критиковъ Народной Воли, должна была-бы вестись эта политическая борьба въ Россіи 80-хъ годовъ? Путемъ обширныхъ чисто-рабочихъ организацій, какъ и предлагалъ это Сѣверный Рабочій Союзъ; разницы, слѣдовательно, нѣтъ никакой; вотъ почему критики Народной Воли и объясняютъ неудачу Сѣвернаго Союза совершенно посторонними обстоятельствами, несвязанными прямо ни съ тогдашнимъ политическимъ положеніемъ рабочихъ массъ въ Россіи, ни съ внутренними условіями самого рабочаго движенія. Мы уже видѣли, что эти критики прямо приписываютъ неудачу Сѣвернаго Союза вредному вліянію на рабочее движеніе Народной Воли. Благодаря этому вредному вліянію, истинное рабочее движеніе какъ бы пріостановилось тогда, по ихъ мнѣнію, въ Россіи и должно было ждать для себя болѣе счастливыхъ временъ, каковыя и наступили вмѣстѣ съ прекращеніемъ народовольческаго періода въ нашемъ революціонномъ движеніи:

«Пораженіе партіи «Народной Воли»—говоритъ авторъ «Краснаго Знамени въ Россіи» (стр, 55)—«очистило почву для появленія новыхъ идей, которыя подвели итогъ совершившимся за 20 лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ, перемѣнамъ въ экономическомъ строѣ Россіи. Въ лицѣ соціаль-демократіи русское соціалистичеекое движеніе слило, наконецъ, свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата.»

Итакъ, если даже допустить, что русское соціалистическое движеніе должно было, въ извѣстный моментъ, слить свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата, въ смыслѣ перенесенія центра тяжести всей революціонной борьбы на объединеніе и организацію городскихъ рабочихъ массъ, то, по мнѣнію нашего автора, оно должно было-бы сдѣлать это еще въ 1881 г., такъ какъ тѣ итоги экономическихъ перемѣнъ, которые нашли затѣмъ свое выраженіе въ «новыхъ соціаль-демократическихъ идеяхъ» были на лицо уже и тогда (итоги 20-ти лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ). А если этого не случилось, то виной тому было народовольческое движеніе пораженіе котораго «очистило почву».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу еще одного изъ проявленій того задерживающаго вліянія Народной Воли на рабочее движеніе, о которомъ говорятъ ея критики, а именно по поводу существеннаго измѣненія полицейскихъ условій, якобы вызваннаго въ Россіи народовольческимъ движеніемъ.

«Въ самомъ дѣлѣ»,-говоритъ, напримѣръ, авторъ «Краснаго Знамени»—«какъ только на первый планъ выступила террористическая борьба, условія всякой революціонной дѣятельности стали отчаянно-затруднительными. Полицейскія строгости по всей Россіи, особенно же въ большихъ городахъ, усилились до небывалыхъ размѣровъ». И далѣе: «Поэтому, въ то время какъ заговорщики-террористы, несмотря на полицейскую травлю, успѣвали все таки приводить въ исполненіе свои планы, прочіе революціонеры, посвящавшіе себя дѣлу пропаганды и агитаціи, на каждомъ шагу встрѣчали непреодолимыя для нихъ препятствія, падали жертвой шпіоновъ и подстрекателей, арестовывались и высылались сотнями. Все это сильно тормазило рабочее дѣло и, что всего хуже, отвлекало отъ него наиболѣе энергичныхъ борцовъ» (стр. 29-30).

Такимъ образомъ мы спускаемся здѣсь въ область соображеній, стоящихъ еще болѣе далеко отъ какой либо связи съ внутренними условіями, обезпечивающими успѣхъ массового рабочаго движенія,—соображеній, построенныхъ на томъ предположеніи, что само по себѣ, массовое рабочее движеніе не вызвало-бы въ Россіи особенно большихъ «полицейскихъ строгостей».

Но если припять во вниманіе то необычайное развитіе шпіонства и организованной провокатуры, какое было сразу же вызвано у насъ усиленіемъ рабочаго движенія во второй половинѣ 90-хъ годовъ,—причемъ слѣдуетъ замѣтить, что разгромъ Сѣвернаго Союза былъ обязанъ какъ разъ тому обстоятельству что въ рядахъ его оказались два провокатора, Рейнштейнъ и его жена—то надо будетъ признать и эту экскурсію въ область исторической критики въ такой-же мѣрѣ несостоятельной. Для всѣхъ непредупрежденныхъ людей должно быть вполнѣ очевиднымъ, что массовое рабочее движеніе въ Россіи могло разсчитывать на сколько-нибудь устойчивое положеніе только въ томъ случаѣ, если-бы скорость его распространенія или, другими словами, степень революціонной воспріимчивости рабочихъ массъ достигла въ данное время такого уровня, при которомъ самыя худшія полицейскія условія уже не имѣли-бы для него рѣшающаго значенія.

* * *

Но отчего же, спрашивается, зависятъ, въ свою очередь, скорость распространенія массового рабочаго движенія и революціонная воспріимчивость рабочихъ массъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что это опредѣляется всею совокупностью историческихъ условій; но для даннаго случая мы можетъ ограничиться лишь тѣми изъ условій, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ развитію нашего революціоннаго движенія. Одни изъ этихъ условій относятся къ области стихійныхъ процессовъ, другіе къ области революціонной дѣятельности. Изъ числа

первыхъ можно указать, прежде всего, на вліяніе фабричной и городской жизни, при все возрастающемъ скопленіи рабочихъ массъ въ городахъ, а также на то разрушительное вліяніе, какое оказывала у насъ на традиціонные политическіе взгляды рабочихъ массъ сама правительственная политика. Все это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но мы хотѣли бы обратить вниманіе лишь на то обстоятельство, что оба эти вліянія, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе, такъ сказать, аккумулируются, накопляются въ рабочей средѣ, вслѣдствіи чего *элементъ времени* необходимо долженъ быть принятъ здѣсь въ соображеніе, какъ одна изъ важныхъ составныхъ частей всего результата. Вотъ почему совершенно неправильно судить о возможности у насъ массового рабочаго движенія въ 80-хъ годахъ только по данному уровню развитія нашей городской промышленности, не считаясь съ ея давностью. Несомнѣнно, что даже при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, петербурская рабочая масса въ концѣ 90-хъ годовъ уже не была-бы тою-же самою, какою она оказалась въ концѣ 70-хъ.

Очень важное значеніе для нашего революціоннаго движенія имѣло также вліяніе все болѣе и болѣе накоплявшихся воздѣйствій на рабочія массы со стороны революціонныхъ партій, тотъ въ значительной своей части незамѣтный и неуловимый процессъ проникновенія въ рабочую среду и распространенія въ ней революціонныхъ идей, о которомъ мы получаемъ нѣкоторое представленіе лишь по отдѣльнымъ, отрывочнымъ фактамъ. Отрицать роль и значеніе этого поготовительнаго процесса въ развитіи нашего революціоннаго рабочаго движенія врядъ-ли рѣшатся даже сторонники «чисто-рабочихъ организацій»; — да, наконецъ, роль и значеніе этого процесса прямо засвидѣтельствована предъ нами даже въ тѣхъ немногихъ отрывочныхъ матерьялахъ по исторіи русскаго рабочаго движенія, которые приведены нами выше.

Кромѣ общаго революціонизирующаго вліянія, распространяющагося на широкіе рабочіе слои, здѣсь очень важно также выработка отдѣльныхъ болѣе или менѣе выдающихся представителей рабочаго класса, постепенный ростъ того контингента сознательныхъ рабочихъ, безъ котораго не можетъ обойтись ни одно массовое рабочее движеніе. Возьмемъ хотя-бы ту же попытку Сѣвернаго Рабочаго Союза: она необходимо должна была принять у насъ форму извѣстной революціонной организаціи. Если-бы въ данный моментъ не оказалось на лицо людей въ родѣ Обнорскаго и Халтурина, выдвинутыхъ еще движеніемъ начала 70-хъ годовъ, а также тѣхъ десятковъ и сотенъ сознательныхъ петербурскихъ рабочихъ, которые присоединились къ нимъ, то не могло бы явиться даже и этой попытки.

Итакъ, всякое соціалистическое рабочее движеніе необходимо должно пережить—по крайней мѣрѣ въ странахъ, лишенныхъ политической свободы — извѣстный подготовительный періодъ, когда оно выливается въ форму революціонныхъ рабочихъ кружковъ, примыкающихъ къ центральнымъ революціоннымъ организаціямъ въ качествѣ ихъ составныхъ частей. Протестовать противъ такого положенія вещей во имя «особыхъ, чисто-рабочихъ организацій» — значитъ протестовать противъ историческихъ условій развитія рабочаго движенія во имя какой-то утопической, идеальной формы этого движенія, значитъ отрывать соціалистическое рабочее движеніе отъ его первоначальнаго идейнаго источника и отъ его первоначальнаго личнаго состава, — словомъ, отъ того первоначальнаго соціалистическаго теченія, съ которымъ оно неразрывно связано. Въ этомъ именно и заключается, какъ мы уже говорили, вторая характерная черта того совершенно ошибочнаго представленія о рабочемъ движеніи, на которомъ построена вся критика Народной Воли и на которомъ основано отрицательное отношеніе къ ея революціоннымъ заслугамъ

III

Но революціонныя заслуги Народной Воли или, иными словами, ея роль въ развитіи революціоннаго движенія въ Россіи не ограничивалась тѣмъ, что она способствовала распространенію соціалистическихъ идей въ рабочей средѣ, что она принимала дѣятельное участіе въ томъ подготовительномъ процессѣ революціонизированія рабочихъ массъ, о которомъ мы говорили выше.

Значеніе народовольческаго періода вообще не ограничивается одною ***подготовительною*** революціонною дѣятельностью; народовольческое движеніе уже перешло отъ этой подготовительной стадіи къ непосредственной революціонной борьбѣ, и въ этомъ заключается его наиболѣе характерная черта. Поскольку оно организовало рабочіе кружки и вырабатывало сознательныхъ представителей рабочаго класса, постольку оно лишь продолжало работу своихъ предшественниковъ; но мы видѣли, что къ концу 70-хъ годовъ въ нашемъ революціонномъ движеніи произошелъ крупный переломъ. Прежняя, такъ сказать, ***вѣ-политическая*** постановка всей революціонной дѣятельности уступила мѣсто открытому признанію политической борьбы. Законность и необходимость этого перехода не можетъ подлежать сомнѣнію. Пока соціалистическое движеніе въ Россіи не было связано съ политической борьбой, до тѣхъ поръ оно оставалось какъ-бы безформеннымъ, оно не имѣло своей опредѣленной ближайшей задачи. Между тѣмъ, какъ мы уже упоминали выше, рабочее движеніе, какъ и

всякое классовое движеніе, необходимо должно имѣть свою политическую программу, ибо только въ области политическихъ отношеній оно можетъ получить конкретное содержаніе и приближаться къ осуществленію своихъ классовыхъ задачъ.

Но политическая программа необходимо предполагаетъ политическую борьбу; иначе эта программа фактически будетъ отсутствовать въ жизни партіи. Задача всякаго соціалистическаго движенія сводится въ концѣ концовъ къ росту соціалистической партіи, причемъ политическая программа имѣетъ своею задачей, прежде всего, обезпечить условія этого роста, раздвинуть тѣ рамки, въ предѣлахъ которыхъ должна развиваться въ данное время соціалистическая партія. До тѣхъ поръ пока соціалистическое движеніе въ Россіи могло развиваться въ условіяхъ нашей пореформенной общественной жизни, пока оно могло пользоваться еще неисчерпаннымъ тогда вліяніемъ нашей замѣчательной соціалистической литературы 60-хъ годовъ и рекрутироваться въ средѣ университетской молодежи, которая стала затѣмъ прокладывать первыя пути въ рабочія массы и завязывать съ ними свои первыя связи, — до тѣхъ поръ политическая программа могла оставаться для него въ сторонѣ, и революціонная энергія, революціонный энтузіазмъ еще находили тогда для себя достаточно приложенія въ этой сферѣ дѣятельности. Но затѣмъ наступилъ моментъ, когда эти первоначальные рессурсы движенія уже были исчерпаны, и когда въ немъ стала ощущаться извѣстная пустота*). Это именно значило, что политическія условія Россіи уже не допускали дальнѣйшаго роста партіи ***внѣ политической борьбы;*** это значило, что движаніе уже выступило тогда изъ фазиса одного идейнаго прозелитизма, что въ Россіи уже образовалась тогда извѣстная соціа-

*) Этотъ моментъ очень ярко обрисованъ въ воспоминаніяхъ Дебагорія-Мокріевича, тамъ, гдѣ онъ описываетъ настроеніе южной группы революціонеровъ въ 1876-77 гг. Но только авторъ ошибочно приписываетъ это настроеніе безсодержательности самаго ранняго періода нашего соціалистическаго движенія (1872—1876 гг.); напротивъ того, этотъ періодъ былъ очень содержателенъ, чѣмъ и объясняется огромный революціонный энтузіазмъ того времени; настроеніе же, описываемое авторомъ, объясняется тѣмъ, что къ 1876 г. программа этого перваго періода была уже исчерпана. Авторъ впадаетъ здѣсь въ обычную ошибку всѣхъ разочарованныхъ революціонеровъ, а именно—оцѣниваетъ революціонныя задачи уже пережитаго періода съ точки зрѣнія позднѣйшихъ временъ, когда эти задачи, конечно, оказываются совершенно несостоятельными.

листическая организація, которая необходимо должна была имѣть свою опредѣленную революціонную программу. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ, какъ извѣстно, въ сторону наименьшаго сопротивленія, въ сторону обхода политической борьбы: въ южныхъ организаціяхъ — путемъ бунтарской программы мѣстныхъ возстаній, въ сѣверныхъ организаціяхъ — путемъ такъ называемыхъ «поселеній» съ цѣлью организаціи деревенскихъ массъ; но такъ какъ рабочія массы въ Россіи не были готовы тогда къ возникновенію въ ихъ средѣ массового революціоннаго движенія въ какой-бы то ни было формѣ, то и этотъ рессурсъ былъ вскорѣ исчерпанъ. Тогда для революціонной партіи явилась необходимость въ ближайшей и осуществимой политической программѣ, т. е. въ программѣ не въ видѣ общихъ политическихъ задачъ и общихъ политическихъ требованій, каковыя несомнѣнно связывались и съ первымъ періодомъ нашего революціоннаго движенія, а въ формѣ извѣстной постановки политической борьбы.

Въ этомъ именно смыслѣ, т. е. въ смыслѣ перехода отъ общихъ политическихъ требованій къ вполнѣ опредѣленной постановкѣ политическаго вопроса, мы и сказали выше, что для всякой революціонной партіи политическая программа необходимо предполагаетъ политическую борьбу; иначе эта программа не будетъ фактически связана съ партійною дѣятельностью, оставаясь лишь въ области однихъ теоретическихъ положеній. Съ этой точки зрѣнія, организація Сѣвернаго Рабочаго Союза, напримѣръ, хотя открыто признавала необходимость политическаго переворота, но все-таки еще не имѣла своей партійной политической программы, ибо не указывала никакой опредѣленной формы политической борьбы; она, какъ мы видѣли, ставила своей ближайшей цѣлью объединеніе рабочихъ массъ и тѣмъ самымъ какъ бы допускала возможность дальнѣйшаго роста соціалистической партіи ***въ политической борьбы.*** Это было только, такъ сказать, чисто теоретическое признаніе необходимости политической борьбы, не связанное съ самымъ движеніемъ. Народная Воля сдѣлала въ этомъ случаѣ необходимый шагъ впередъ и переступила роковую черту; она сблизила революціонную теорію съ практикой въ такомъ трудномъ пунктѣ, какъ область непосредственной политической борьбы въ Россіи. Не то было важно, что Народная Воля ***поняла*** неизбѣжность столкновенія революціоннаго движенія съ самодержавіемъ, хотя и это, конечно, можно признать съ ея стороны извѣстной теоретической заслугой; но въ этомъ случаѣ съ ней смѣло могли бы конкуррировать, пожалуй, даже кое-кто изъ нашихъ либераловъ; дѣйствительная и чрезвычайно важная революціонная заслуга Народной Воли заключалась въ томъ, что она

переступила ту пропасть, которая отдѣляетъ *пониманіе* ближайшихъ политическихъ задачъ революціоннаго движенія въ Россіи, отъ того рѣшительнаго и рокового шага, какимъ являлась тогда у насъ и является еще до сихъ поръ *непосредственная политическая борьба.*

Истинное значеніе этого рѣшительнаго поворота въ нашемъ революціонномъ движеніи, произведеннаго партіей Народной Воли, не ясно представляли себѣ даже тѣ изъ авторовъ, которые одно время очень настаивали на заслугахъ Народной Воли, когда вели борьбу съ такъ называемымъ экономизмомъ. «Великой заслугой партіи Народной Воли»—говоритъ, напримѣръ, авторъ «Краснаго Знамени въ Россіи» — «было признаніе необходимости прежде всего свергнуть самодержавіе» (стр. 49). Мы видимъ, что авторъ также говоритъ здѣсь лишь объ одномъ *признаніи* необходимости борьбы съ самодержавіемъ, а не о самой борьбѣ съ самодержавіемъ, отдѣляя такимъ образомъ теоретическую заслугу Народной Воли отъ ея практической революціонной программы. Между тѣмъ легко видѣть, что для всякой революціонной партіи признаніе необходимости политической борьбы никоимъ образомъ не можетъ быть отдѣляемо отъ признанія необходимости перехода къ непосредственной политической борьбѣ; другими словами, это признаніе никоимъ образомъ не можетъ быть относимо, по времени, къ какому нибудь другому, болѣе или менѣе отдаленному моменту, а не къ моменту данной революціонной дѣятельности, ибо, въ противномъ случаѣ, по отношенію къ этому-то именно данному моменту, такое признаніе было бы не признаніемъ, а отрицаніемъ необходимости политической борьбы. Мы видимъ, слѣдовательно, что дѣло идетъ въ такихъ случаяхъ вовсе не о теоріи.

Что касается собственно теоретической постановки вопроса о политической борьбѣ, то несомнѣнно, что для каждой революціонной партіи всегда выгоднѣе откладывать до самой послѣдней возможности свой переходъ къ непосредственной политической борьбѣ, если только партія *имѣетъ* эту возможность, т. е. если данное революціонное движеніе *можетъ* развиваться при условіи воздержанія отъ непосредственнаго столкновенія съ государствомъ, — ибо для всякой революціонной партіи всегда неизмѣримо выгоднѣе начать политическую борьбу съ возросшими и лучше подготовленными силами. Въ этихъ же предѣлахъ и ставится теоретически вопросъ о политической борьбѣ для каждой революціонной партіи. Въ этихъ именно предѣлахъ онъ былъ поставленъ и по отношенію къ Народной Волѣ; и Народная Воля рѣшила этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, т. е. признала для себя необходимость непосредственной борьбы съ самодержавіемъ. Въ этомъ и заключалась вся заслуга Народной Воли въ самой *постановкѣ* поли-

тическаго вороса, а никакъ не въ признаніи необходимости борьбы съ самодержавіемъ въ видѣ какого-то общаго теоретическаго положенія или въ примѣненіи къ какому-то другому, болѣе или менѣе отдаленному моменту, — ибо въ такомъ смыслѣ это признаніе не имѣло бы ровно никакого значенія. Во всемъ нашемъ революціонномъ движеніи и во всей нашей соціалистической партіи, съ самаго ея зарожденія, никогда не существовало ни одного такого направленія и ни одной такой фракціи, которыя *отвергали бы* необходимость борьбы съ самодержавіемъ въ видѣ общаго теоретическаго положенія: не отвергала этой борьбы наша соціалистическая партія въ самый ранній періодъ своего существованія, но только она переносила тогда эту борьбу на моментъ общаго народнаго возстанія; не отвергала этой борьбы даже партія Чернаго Передѣла, откладывавшая ее до того времени, когда должна была сбстояться предварительная организація рабочихъ массъ; наконецъ Сѣверный Рабочій Союзъ, какъ мы уже видѣли, прямо включалъ въ свою программу всѣ главнѣйшія политическія требованія и прямо заявлялъ о необходимости политическаго переворота. Какое же значеніе могло-бы имѣть въ такомъ случаѣ признаніе Народною Волею небходимости борьбы съ самодержавіемъ, если бы это признаніе не относилось къ данному, опредѣленному моменту и еслибы оно не означало фактическаго перехода къ непосредственной политической борьбѣ?

Мы очень задержались на выясненіи того, какое значеніе имѣло въ дѣйствительности признаніе Народной Волею необходимости политической борьбы, такъ какъ здѣсь именно скрывается одно очень важное недоразумѣніе, имѣющее прямое отношеніе къ занимающему насъ теперь вопросу: выясненію объективнаго значенія революціонной дѣятельности Народной Воли. Мы видимъ, что даже самые непримиримые противники народовольческой программы, приписывающіе именно ея политической сторонѣ какое-то вредное вліяніе на наше рабочее движеніе и на весь ходъ нашей революціонной борьбы, принуждены были тѣмъ не менѣе открыто признать какую-то «великую заслугу» Народной Воли именно въ политической области. Но въ чемъ же однако заключалась эта заслуга? Одно изъ двухъ: или Народная Воля *правильно* рѣшила вопросъ о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, или она рѣшила этотъ вопросъ неправильно, т. е. начала непосредственную политическую борьбу ранѣе, чѣмъ вынуждала ее къ этому прямая необходимость, начала ее въ то время, когда соціалистическое движеніе въ Россіи еще могло бы расти и развиваться, въ данныхъ политическихъ рамкахъ, *при полномъ воздержаніи отъ политической борьбы.* Но въ такомъ случаѣ о какихъ великихъ заслугахъ можетъ идти

рѣчь? Въ такомъ случаѣ будемъ говорить прямо, что революціонное движеніе въ Россіи и въ 1878-79 гг. должно было удерживаться на той же почвѣ отрицательнаго отношенія къ политической борьбѣ, на какой оно стояло въ предшествующій періодъ, и что вся правда, слѣдовательно, была тогда всецѣло на сторонѣ группы Чернаго Передѣла, которая, какъ мы видѣли, самымъ энергичнымъ образомъ отрицала, для даннаго момента, необходимость перехода къ прямой, непосредственной борьбѣ съ самодержавіемъ.

Вотъ, значитъ, въ чемъ заключается то недоразумѣніе, въ которое впадаютъ многіе авторы, рѣзко критикующіе, съ одной стороны, всю политическую дѣятельность Народной Воли и признающіе, съ другой стороны, ея политическія заслуги. Признавая правильнымъ ея рѣшеніе насчетъ необходимости борьбы съ самодержавіемъ, они отрицаютъ самую борьбу; находя въ ея постановкѣ политическаго вопроса нѣчто новое и цѣнное, они въ то же время направляютъ свои критическіе удары какъ разъ на все то новое и цѣнное, что было внесено ею въ революціонное движеніе. Признавая правильнымъ рѣшеніе о необходимости непосредственной борьбы съ самодержавіемъ, они какъ бы забываютъ при этомъ о всѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ, какъ этого рѣшенія, такъ и самой борьбы, приписывая всѣ *отрицательныя* стороны такого рѣшенія и всѣ неизбѣжныя отрицательныя стороны, сопровождающія всякую революціонную политическую борьбу, отрицательнымъ сторонамъ народовольческой программы. Мы уже видѣли, къ какимъ двумъ главнымъ пунктамъ сводятся всѣ критическія замѣчанія, направленныя противъ народовольческаго движенія: оно отвлекло лучшія революціонныя силы отъ рабочаго движенія (въ смыслѣ чисто-подготовительной работы) и оно вызвало политическую реакцію. Но спрашивается: развѣ мыслимо вообще начать революціонную политическую борьбу, т. е. осуществить переходъ отъ сравнительно мирнаго подготовительнаго періода революціоннаго движенія къ несравненно болѣе трудному періоду непосредственнаго столкновенія съ государствомъ безъ того, чтобы въ этомъ переходѣ не приняли участія лучшія революціонныя силы? Съ другой стороны, развѣ можно было-бы представить себѣ, чтобы серьезная политическая борьба въ Россіи не встрѣтила сопротивленія, т. е. не вызвала реакціи? Неужели же эти неизбѣжныя послѣдствія *всякаго перехода* къ непосредственной политической борьбѣ въ самодержавномъ государствѣ говорятъ что-нибудь, сами по себѣ, въ пользу или противъ народовольческаго движенія? И неужели же одно простое указаніе на эти послѣдствія дѣйствительно представляетъ собою серьезную историческую критику? Мы видимъ такимъ образомъ, что въ дѣйствительности критика народо-

вольческаго движенія должна быть построена вовсе не на вышеуказанныхъ двухъ послѣдствіяхъ, неразрывно связанныхъ съ самой данной постановкой политическаго вопроса, а должна была бы быть направлена на самую эту постановку, т. е. въ сущности должна была бы вернуться къ основному разногласію между народовольцами и чернопередѣльцами по поводу вопроса о политической борьбѣ. Въ этомъ именно смѣшеніи двухъ совершенно разныхъ сторонъ дѣла, въ этомъ смѣшеніи причинъ съ послѣдствіями, въ этомъ перенесеніи всѣхъ неизбѣжныхъ потерь и всѣхъ отрицательныхъ сторонъ революціоннаго движенія, обусловленныхъ необходимостью и вызванныхъ отрицательными сторонами даннаго политическаго строя, на счетъ самого революціоннаго движенія, мы и видимъ главную причину того страннаго недоразумѣнія, которое мѣшаетъ до сихъ поръ правильному пониманію и правильной оцѣнкѣ положительныхъ результатовъ народовольческаго періода. Устраните это недоразумѣніе, откиньте тотъ плохо вяжущійся съ революціоннымъ мировоззерцаніемъ предразсудокъ, въ силу котораго послѣдствія революціоннаго движенія измѣряются потерями революціонныхъ силъ или ближайшими неудобствами политической реакціи, и тогда всѣ положительныя стороны и все положительное значеніе народовольческаго періода въ развитіи нашего революціоннаго движенія сами собою выступятъ наружу.

Эти положительныя стороны народовольческаго движенія заключаются, прежде всего въ самомъ фактѣ революціоннаго движенія, въ самомъ фактѣ его поддержанія и его проведенія черезъ тотъ тяжелый и трудный моментъ его развитія, когда первоначальная вѣра въ революціонное настроеніе рабочихъ массъ была разрушена и когда движеніе какъ-бы остановилось передъ неопреодолимой преградой. Прежній мирный путь соціалистической пропаганды, вызвалъ такое сопротивленіе со стороны поднятаго на ноги государства, при которомъ казалось, что потери уже не вознаграждались больше успѣхами, вслѣдствіе чего революціонная программа начала 70-хъ годовъ стала быстро утрачивать свою притягательную силу. То обстоятельство, что всѣ лучшія революціонныя силы даннаго времени — и очень крупныя силы — не находили достаточной точки опоры въ старой программѣ и искали новыхъ путей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано простой случайности, причемъ совершенно неправильно было-бы утверждать, также, что всѣми этими людьми руководило тогда какое то слѣпое «увлеченіе политической борьбой»; наоборотъ: ихъ ***толкало*** въ сторону политической борьбы разочарованіе въ старой программѣ. Не субъективное увлеченіе играло тутъ роль, а неустранимыя и, можно сказать, роковыя условія даннаго политическаго строя. То упорство съ какимъ

Софья Перовская, напримѣръ, отстаивала свою прежнюю точку зрѣнія, а также то обстоятельство, что такіе страстно-убѣжденные и такіе талантливые пропагандисты-народники, какъ напр., Андрей Франжоли, Александръ Квятковскій или Теллаловъ перешли всецѣло на сторону новаго направленія, достаточно говоритъ въ пользу того, что дѣло заключалось тогда вовсе не въ личныхъ увлеченіяхъ, а также и не въ недостаткѣ личныхъ силъ и личныхъ способностей. Все дѣло заключалось тогда въ несоотвѣтствіи между революціонной программой и условіями революціонной борьбы. Старый путь мирной соціалистической пропаганды не соотвѣтствовалъ болѣе политическимъ условіямъ Россіи и потому не могъ способствовать дальнѣйшему росту партіи. Вотъ вполнѣ ясное и опредѣленное объясненіе происшедшаго тогда поворота въ революціонномъ движеніи. Революціонное движеніе въ Россіи вовсе не было уничтожено или разбито къ концу 70-хъ годовъ; напротивъ, мы знаемъ, что оно сохранило къ тому времени довольно значительный и очень хорошо подобранный контингентъ революціонеровъ. Побѣжденной оказалась тогда лишь данная *система* революціонной борьбы, ибо самодержавію легко удалось къ концу 70-хъ годовъ совершенно дезорганизовать систему мирной соціалистической пропаганды и агитаціи и внести извѣстное разочарованіе въ ряды революціонеровъ. Тогда понадобился новый шагъ со стороны революціонной партіи, требовавшій большой рѣшительности и большой вѣры въ свое дѣло. И вотъ, какъ мы знаемъ, шагъ этотъ былъ сдѣланъ Народной Волей. Она связала соціалистическое движеніе съ политической борьбой и придала этому движенію болѣе опредѣленную форму; она ввела его, такъ сказать, въ опредѣленныя рамки и гораздо точнѣе опредѣлила тѣ силы, на которыя оно могло въ данное время разсчитывать; изъ области слишкомъ широкихъ, несбыточныхъ плановъ она перенесла его въ область хотя и необычайно трудной, но все-таки непосредственной, вполнѣ конкретной борьбы. «Въ революціи видимость, форма, фраза хуже, чѣмъ ничего. Тратить дѣйствительную силу мы можемъ лишь на созданіе дѣйствительной-же силы (или, конечно, на разрушеніе вредной силы.). Поэтому мы считаемъ прямо вредными несбыточныя мечты о широкой народной организаціи. Не широкая организація намъ нужна, а прочная рѣшительная, революціонная».—Эти слова изъ № 10 «Народной Воли» хорошо характеризуютъ ту сторону народовольческаго движенія, которая заключалась именно въ его близкомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, что какъ бы внесло въ него новыя жизненныя силы. Мы знаемъ дѣйствительно, что переходъ къ народовольческой программѣ сопровождался необычайнымъ подъемомъ революціонной энергіи, при чемъ даже тѣ же са-

мыя отрасли революціонной дѣятельности, что и прежде, получили тогда небывалые до того размѣры и давали гораздо болѣе крупные результаты: такъ, мы уже приводили нѣкоторыя свидѣтельства того, какое широкое развитіе получила тогда соціалистическая пропаганда въ рабочей средѣ. То же самое можно сказать о дѣятельности среди университетской молодежи и среди военныхъ. Вообще движеніе тогда какъ-бы сразу выросло и въ сравнительно короткое время выдвинуло значительное число выдающихся дѣятелей съ соотвѣтственно возросшей сферой ихъ вліянія. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что идея соціальной революціи никогда еще не получала до того времени такого широкаго распространенія въ Россіи. Изъ болѣе или менѣе замкнутой среды революціонныхъ кружковъ она впервые перешла тогда на широкую арену общественной жизни, пробуждая общественное вниманіе огромнаго числа людей и революціонизируя тысячи и десятки тысячъ болѣе воспріимчивыхъ элементовъ. Можно сказать также, что съ этого именно момента русская общественная жизнь вступила въ революціонный фазисъ. Революціонное движеніе уже не было больше отдѣльнымъ эпизодомъ, частичнымъ явленіемъ на общемъ фонѣ пореформенной русской жизни; напротивъ того, съ этого момента *вся* внутренняя жизнь Россіи и вся ея внутренняя политика были всецѣло сосредоточены на борьбѣ между революціонной партіей и самодержавно-буржуазнымъ правительствомъ. Господствовавшее въ послѣ-реформенный періодъ умѣренно-либеральное направленіе, затушевывавшее истинное положеніе дѣлъ, исчезло съ общественной сцены; страна рѣзко раздѣлилась на два лагеря съ рѣзко опредѣленными классовыми интересами: революціонно-соціалистическій и реакціонно-буржуазный. Прежніе споры шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ о мирномъ или революціонномъ пути развитія для Россіи, замѣнились спорами о тѣхъ или другихъ *способахъ* революціонной борьбы, о тѣхъ или другихъ революціонныхъ программахъ.

Вотъ въ этомъ именно *ростѣ* самаго революціоннаго движенія въ Россіи и заключаются главные положительные результаты народовольческаго періода, создавшаго сравнительно очень широкіе кадры среди революціонной интеллигенціи и подготовившаго переходъ отъ кружковой соціалистической пропаганды къ массовому рабочему движенію.

Дополнительная глава.

ПОСЛѢДНІЙ ПЕРІОДЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ.

(1881 г. — 1887 г.)

I.

Тунъ заканчиваетъ свое изложеніе событіемъ 1-го марта, ограничиваясь лишь нѣсколькими словами о ходѣ революціоннаго движенія въ промежуткѣ времени съ 1881 по 1883 г., когда появилась на свѣтъ его книга. Такимъ образомъ, исторія народовольческаго движенія была по необходимости оборвана авторомъ и не доведена до его послѣдняго періода. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, мы предлагаемъ читателю въ этой дополнительной главѣ краткій очеркъ тѣхъ революціонныхъ событій, въ которыхъ проявлялась дѣятельность партіи послѣ 1-го марта вплоть до того момента, когда ея силы были окончательно исчерпаны. При составленіи этой дополнительной главы мы пользовались, какъ нѣкоторыми еще неизданными мемуарами, такъ личными воспоминаніями и указаніями нѣкоторыхъ современниковъ и участниковъ народовольческаго движенія.

Первый періодъ народовольческаго движенія, закончившійся событіемъ 1-го марта 1881 г., этотъ первый опытъ перехода къ непосредственной борьбѣ съ самодержавіемъ, потребовалъ вмѣшательства лучшихъ революціонныхъ силъ того времени и стоилъ революціонной партіи многихъ потерь. Изъ числа выбывшихъ тогда изъ рядовъ слѣдуетъ назвать прежде всего Валерьяна Осинскаго и его ближайшихъ товарищей: С. Лешернъ, Волошенко, Попко, Брантнера, Свириденко, братьевъ Ивичевичей и др. Хотя они сошли со сцены раньше формальнаго образованія партіи Народной Воли, но были именно піонерами того новаго направленія въ революціонномъ движеніи, которое приняло менѣе чѣмъ черезъ годъ вполнѣ законченную и опредѣленную форму. Затѣмъ послѣдовали аресты Ал. Квятковскаго, Ширяева, Ал. Михайлова.; наконецъ, въ связи съ событіемъ 1-го марта, выбыли изъ строя Желябовъ, Перовская, Тригони, Кибальчичъ, Гриневицкій, Тимофей Михайловъ, Саблинъ, Исаевъ, Г. Гельфманъ, С. Иванова, Колоткевичъ, Пресняковъ, Баранниковъ, Фроленко, Морозовъ, Сухановъ, Штромбергъ. *)

*) Перовская, Саблинъ, Гельфманъ и Кибальчичъ были арестованы въ мартѣ-же 1881 г.; Исаевъ—1-го апрѣля; Сухановъ и Штромбергъ—28 апрѣля.

Но, не смотря на эти огромныя потери, организація Народной Воли не была разрушена. Въ ней еще оставались: Теллаловъ, Одовенникова, Л. Тихомировъ, Ю. Богдановичъ, Сав. Златопольскій, А. Франжоли, Лангансъ, Якимова, Г. Чернявская, П. Ивановская, Грачевскій, А. Корба, Халтуринъ, В. Фигнеръ, и затѣмъ цѣлая организація офицеровъ, стоявшая въ тѣсной связи съ Исполнительнымъ Комитетомъ: Н. Рогачевъ, Похитоновъ, Ашенбренеръ, Стратоновичъ, Серебряковъ, Буцевичъ, Крайскій и др.

То, что партія Народной Воли продолжала фактически существовать и функціонировать послѣ мартовскихъ погромовъ, подтверждается между прочимъ ея усиленною издательскою дѣятельностью въ томъ же 1881 г. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ году изъ тайныхъ типографій партіи вышли слѣдующія изданія: три прокламаціи по поводу событія 1-го марта — къ русскому обществу, къ рабочему народу и къ европейскому обществу, причемъ прокламація къ рабочему народу была распространена въ огромномъ количествѣ по всей Россіи; прокламація по поводу казни Желябова, Перовской, Кибальчича, Тимоф. Михайлова и Рысакова (3-го апрѣля); письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III; прокламація къ русскимъ крестьянамъ (августъ 1881 г.); вольному казачеству (сентябрь 1881 г.); честнымъ мірянамъ; украинскому народу (сент. 1881 г.); русскимъ офицерамъ. Наконецъ, въ томъ же году вышли два номера газеты «Народной Воли» (6 и 7) и «Листокъ Нар. Воли» отъ 22 іюля 1881 г., а также одинъ номеръ «Рабочей Газеты» (отъ 10 декабря). Все это было напечатано въ тайныхъ типографіяхъ партіи.

Наконецъ, нѣкоторое подтвержденіе тому, что партія Народной Воли и послѣ 1-го марта все еще представляла собою довольно значительную организаціонную силу, мы находимъ также и въ томъ обстоятельствѣ, что именно въ это время къ ней присоединились нѣкоторые выдающіеся члены Чернаго Передѣла, а именно — Стефановичъ со своими петербургскими товарищами.

Но недостатокъ силъ все-таки ощущался тогда организаціей въ значительной степени, вслѣдствіе чего было рѣшено основать особую группу для освобожденія заключенныхъ и устройства побѣговъ изъ Сибири. Организаторами этой группы были Юрій Богдановичъ и Халтуринъ. Мысль о такой освободительной дѣятельности зарождалась еще и ранѣе въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ группахъ, какъ напр., въ саратовской, трое изъ членовъ которой: Ювенальевъ, С. Поливановъ и Майновъ желали всецѣло посвятить себя этому дѣлу*). Лѣтомъ 1881 года Ю. Богдановичъ и Иванъ Калюжный

*) См. подробно объ этомъ въ № 4 «Былого», стр. 19-20. По-

ѣздили въ Сибирь и организовали путь для бѣглецовъ. Первымъ изъ такихъ бѣглецовъ былъ М. Клименко, принимавшій затѣмъ участіе въ убійствѣ Стрѣльникова.

Такимъ образомъ, организація Народной Воли стягивала свои силы и разсчитывала продолжать борьбу террористическими мѣрами. То выжидательное положеніе, какое заняла партія вмѣстѣ съ опубликованіемъ «Письма къ Александру III», продолжалось очень короткое время, такъ какъ намѣреніе правительства отстаивать реакціонную политику выяснилось очень скоро. Не мѣшаетъ однако замѣтить, что правительство Александра III все-таки считало тогда свое положеніе довольно опаснымъ, почему и откладывало въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ коронацію. Съ этою боязнью правительства связанъ любопытный эпизодъ переговоровъ съ Исп. Комитетомъ, начатыхъ въ 1882 г. придворною партіею Воронцова-Дашкова. Дѣло шло о томъ, чтобы выяснить условія, на какихъ могла-бы быть пріостановлена тогда террористическая дѣятельность со стороны революціонеровъ, а въ частности — условія, на которыхъ царская коронація въ Москвѣ могла-бы быть гарантирована отъ всякихъ покушеній. Воронцовъ-Дашковъ заручился согласіемъ одного частнаго лица взять на себя простую передачу этого запроса Исп. Комитету. Лицо это видѣлось въ Парижѣ съ находившимися тамъ членами Исполнительнаго Комитета; предложенію этому не было придано послѣднимъ серьезнаго значенія, но всетаки, требованія отъ выполненія которыхъ зависѣло прекращеніе террористической борьбы, были формулированы имъ. Дѣло это, однако, не получило дальнѣйшаго развитія, такъ какъ по возвращеніи эмиссара въ Петербургъ, въ началѣ 1883 года, Воронцовъ-Дашковъ заявилъ, что онъ долженъ прервать начатые переговоры, ибо при дворѣ уже получило тогда рѣшительное преобладаніе вліяніе Дмитрія Толстого. Единственнымъ практическимъ результатомъ этихъ переговоровъ было позволеніе Чернышевскому вернуться въ Россію. Это условіе было поставлено Воронцову-Дашкову тѣмъ лицомъ, которое взяло на себя посредничество между нимъ и Исп. Комитетомъ какъ необходимая плата за выполненіе самого порученія, независимо отъ того или другого исхода переговоровъ, и Воронцовъ-Дашковъ выполнилъ это обязательство, хотя могъ добиться толь-

---

слѣ ареста своихъ товарищей, П. С. Поливановъ рѣшился на отчаянную по своей смѣлости попытку освободить изъ саратовской тюрьмы Новицкаго. Попытка не удалась только потому, что тележка, на которой мчались Поливановъ, Райко и Новицкій, наскочила при поворотѣ на тумбу и опрокинулась. Поливановъ убилъ при этомъ тюремщика и былъ осужденъ на смертную казнь, замѣненную вѣчной каторгой.

ко того, что освобожденіе Чернышевскаго было включено въ общую амнистію, которою сопровождался коронаціонный манифестъ.*)

Колеблющееся настроеніе правительственной партіи послѣ нанесеннаго ей революціоннаго удара, тянувшееся около 2-хъ лѣтъ, стало исчезать, въ значительной степени, подъ вліяніемъ новыхъ погромовъ, происшедшихъ въ 1882 году. Въ это время стали уже обнаруживаться выдающіяся полицейскія и провокаторскія способности Судейкина, занявшаго вскорѣ затѣмъ положеніе настоящаго спасителя трона. Жандармскій офицеръ Судейкинъ началъ свою карьеру въ Кіевѣ и впервые проявилъ таланты при арестѣ первыхъ террористовъ: Осинскаго, братьевъ Ивичевичей, Свириденко, Брандтера и др. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто начальника Охраннаго Отдѣленія.

Въ Петербургѣ еще въ декабрѣ 1881 г. былъ арестованъ одинъ изъ очень видныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета П. Теллаловъ, выдающійся ораторъ и пропагандистъ, состоявшій въ рабочей группѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ и Перовской.**) Въ Петербургѣ-же были арестованы лѣтомъ и осенью 1881 г. около 70-ти рабочихъ.

Затѣмъ, весною 1882 г. произошелъ погромъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ еще ранѣе 1-го марта возникла большая и хорошо организованная мѣстная группа. Тамъ дѣйствовали въ то время представители Исполнительнаго Комитета Оловенникова и Теллаловъ; послѣ 1-го марта туда пріѣхали Юрій Богдановичъ и С. Златопольскій; тамъ же находился недавно присоединившійся къ организаціи Я. Стефановичъ. Въ Москвѣ функ-

*) Не имѣя возможности передать разсказъ объ этихъ переговорахъ во всѣхъ подробностяхъ, мы можемъ однако поручиться за достовѣрность нашихъ источниковъ. Въ парижскихъ переговорахъ принимали участіе Оловенникова и Лавровъ.

**) По воспоминаніямъ одного изъ участвовавшихъ въ процессѣ 17-ти (Ю. Богдановичъ, Теллаловъ, Грачевскій, Клименко, Буцевичъ, Ивановская, Корба и др.) рѣчь Теллалова произвела впечатлѣніе даже на судей; подсудимые въ волненіи поднялись со своихъ мѣстъ, а у защитниковъ по лицу текли слезы. Онъ говорилъ объ интеллигентной молодежи, рвавшейся къ народу и отталкиваемой отъ него грубою рукою правительства; говорилъ о бѣдственномъ положеніи русскаго крестьянства. «Дайте намъ слиться съ народомъ—говорилъ онъ—дайте пробиться той горячей любви, которая живетъ въ каждомъ изъ насъ, и вы увидите, что изъ террористовъ мы превратимся въ мирныхъ учителей и просвѣтителей народа». Осужденный на вѣчную каторгу, Теллаловъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1885 г.

ціонировала тайная типографія, державшаяся Суровцовымъ, Г. Чернявской и Ковалевой; въ этой типографіи были отпечатаны 8-9 номеръ «Народной Воли», прокламація «Къ офицерамъ» и др. Въ Москвѣ находилась также хорошо организованная конспиративная квартира, хозяевами которой были Ив. Калюжный и Смирницкая; при обыскѣ этой квартиры въ ней оказалось обширное паспортное бюро съ 96 печатями разныхъ правительственныхъ учрежденій, 116 чистыхъ паспортныхъ бланокъ и 30 готовыми видами на жительство (см. обвинит. актъ по лопатинскому процессу).

Съ самаго начала 1882 г. въ Москвѣ начались аресты: 6-го февр. былъ арестованъ Стефановичъ; 10 марта—Юрій Богдановичъ; 23 марта была захвачена конспиративная квартира; въ апрѣлѣ арестованы Златопольскій и Чекоидзе*); наконецъ, 18 іюня была захвачена московская типографія, причемъ никто не былъ арестованъ: Ковалевой, Суровцеву и Чернявской удалось скрыться.

Въ то же лѣто 1882 г. произошелъ погромъ въ Петербургѣ, гдѣ подготовлялось террористическое покушеніе; рѣшено было убить Судейкина. Но силы народовольческой организаціи были почти окончательно подорваны московскими арестами; въ Петербургѣ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета оставались только Грачевскій и Корба; туда же пріѣхалъ изъ Одессы Клименко. «Благоразуміе требовало, при такомъ безлюдіи, прекратить народовольческую дѣятельность»; — читаемъ мы въ неизданныхъ мемуарахъ — «приходилось только пополнять кадры революціонеровъ до того момента, когда комитетъ почувствовалъ бы себя опять сильнымъ.... Но о такомъ исходѣ легче разсуждать, чѣмъ выполнить.... Событія уже не подчинялись волѣ людей, желавшихъ попрежнему руководить ими; они влекли ихъ за собою....» Грачевскимъ была устроена динамитная мастерская на квартирѣ Прибылевыхъ и Юшковой. Были сдѣланы попытки завязать личное знакомство съ Судейкинымъ, съ цѣлью обнаружить его образъ жизни и его привычки. Но выслѣдить Судейкина было очень трудно. У него оказалась не одна, а много квартиръ, разбросанныхъ по всему Петербургу; ѣздилъ онъ по преимуществу въ наемныхъ каретахъ. Въ концѣ концовъ покушеніе не состоялось, потому что Грачевскій былъ выслѣженъ и въ началѣ іюня арестованъ. Тогда же были арестованы Корба, Клименко, морской

*) Одинъ изъ осужденныхъ на каторгу по процессу 50-ти; въ 1881 г. онъ бѣжалъ съ поселенія изъ Киренска и присоединился къ народовольческому движенію. Вторичная ссылка въ Якутскую область окончательно подорвала его физическія силы, и онъ умеръ отъ чахотки въ 1897 г. въ Курганѣ (Зап. Сибирь).

офицеръ. Буцевичъ, Прибылевы, Юшкова, майоръ Тихоцкій и много другихъ лицъ. Въ квартирѣ Прибылевыхъ было найдено около пуда динамита и готовый метательный снарядъ.

При арестѣ А. П. Корбы, у нея были захвачены многія рукописи, предназначавшіяся для слѣдующаго номера «Народной Воли». Вмѣстѣ съ гибелью лицъ разрушалась и литературная дѣятельность партіи. Кромѣ московской типографіи, въ этомъ же 1882 г. были захвачены еще двѣ народовольческія типографіи въ Одессѣ: одна въ началѣ февраля, причемъ были арестованы Георгіевскій и Ел. Свитычъ, а другая въ декабрѣ, причемъ были арестованы С. Дегаевъ, М. Калюжная, Спандони и Суровцевъ.

Съ арестомъ С. Дегаева въ Одессѣ связанъ послѣдній эпизодъ до-лопатинскаго періода въ народовольческомъ движеніи, — та дегаевская исторія, которая нанесла послѣдній ударъ центральной народовольческой организаціи и разрушила одно изъ самыхъ важныхъ ея дополненій: обширную военную организацію, развитіе которой не только не было остановлено гибелью ея первыхъ руководителей: Желябова, Колоткевича, Суханова, С. Златопольскаго, но напротивъ того, послѣ 1-го марта получило какъ-бы новый толчокъ. «Это былъ періодъ расцвѣта революціонной военной организаціи», — читаемъ мы въ неизданныхъ мемуарахъ — «насчитывавшей въ своихъ рядахъ много энергичныхъ и выдающихся личностей. Пропаганда велась въ разныхъ городахъ Россіи и шла очень успѣшно. Молодые офицеры жаждали продолженія дѣятельности партіи Народной Воли и готовы были поддержать ее всѣми средствами, которыми располагали».

Но всѣ эти надежды и планы были разрушены, благодаря предательству Дегаева, который вмѣстѣ съ Савеліемъ Златопольскимъ поддерживалъ, послѣ гибели Суханова, связи съ центральной военной организаціей. Такимъ образомъ Дегаеву былъ извѣстенъ весь составъ кронштадскаго кружка; съ нѣкоторыми изъ членовъ его онъ былъ впрочемъ знакомъ и ранѣе, такъ какъ самъ былъ офицеромъ.

«Дегаевъ по образованію былъ артиллерійскій офицеръ и служилъ въ кронштадской крѣпостной артиллеріи. Большія способности къ математикѣ, какъ и вообще хорошія способности, соединенныя съ большою трудоспособностью, вызвали въ немъ желаніе поступить въ Институтъ Путей Сообщенія... Сношенія Дегаева съ революціоннымъ міромъ Петербурга начались въ концѣ 70-хъ годовъ; его связи продолжались и съ народовольцами, программу которыхъ онъ раздѣлялъ. Его считали полезнымъ членомъ партіи. Онъ велъ пропаганду между студентами-путейцами и доставилъ народовольцамъ знакомство съ нѣкоторыми радикальными офицерами изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ... Вообще онъ никогда не отказывался

исполнять порученія, которыя ему давались членами Исп. Комитета. Составъ послѣдняго Дегаевъ не зналъ, но несомнѣнно, что, приходя въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми его членами, догадывался о ихъ принадлежности къ Комитету».*)

«.... Погромы начала 81 года положили конецъ частымъ сношеніямъ революціонеровъ съ С. Дегаевымъ. Около того-же времени его младшій братъ Владиміръ попался съ прокламаціями и былъ посаженъ въ Домъ Предвар. Заключенія. Его арестъ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды Судейкинъ вызвалъ его къ себѣ на допросъ.

— «Я знаю, что вы мнѣ ничего не скажете» — обратился онъ къ нему — «и не для того я васъ позвалъ, чтобы предлагать безполезные вопросы. У меня другая цѣль. Я хочу предложить вамъ очень выгодныя условія. Ваше дѣло будетъ прекращено, ваша виновность будетъ забыта, если вы мнѣ окажете существенную услугу».

В. Дегаевъ конечно вспылилъ, но Судейкинъ остановилъ его: — «Вы даже не выслушали меня, а уже разсердились», — замѣтилъ онъ, улыбаясь. — «Не думайте, что я предназначаю васъ на роль шпіона; я не рѣшился бы на это изъ уваженія къ вашей семьѣ, и я вижу по васъ, что вы слишкомъ благородны для такихъ цѣлей. То, что я вамъ предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: Правительство желаетъ мира со всѣми, даже съ революціонерами; оно готовитъ широкія реформы; нужно, чтобы революціонеры не препятствовали дѣятельности правительства; нужно сдѣлать ихъ безвредными. И помните, ни одного предательства, ни одной выдачи я отъ васъ не потребую....» (Ibid.).

Словомъ, началась обычная игра. Судейкинъ, какъ извѣстно, старался внести деморализацію и путаницу въ революціонное движеніе. Съ этой цѣлью онъ иногда даже заявлялъ себя сторонникомъ «Чернаго Передѣла» и предлагалъ деньги на изданіе чернопередѣльческаго органа. .

«По мѣрѣ того, какъ Судейкинъ говорилъ, юноша все больше и больше задумывался», — читаемъ мы въ тѣхъ же запискахъ. Въ душѣ В. Дегаева шевельнулась мысль, что онъ можетъ оказать большую услугу партіи: звѣрь самъ шелъ въ его руки! Онъ сказалъ Судейкину, что, не подумавши, ничего не можетъ отвѣтить. Судейкинъ закончилъ бесѣду самымъ джентельменскимъ манеромъ, и В. Дегаевъ въ тотъ же день былъ освобожденъ.

Савелій Златопольскій, которому юноша передалъ весь разговоръ, посовѣтовалъ ему поддерживать сношенія, думая, что, быть можетъ, ему удастся замѣнить В. Дегаевымъ уже арестованнаго тогда Клѣточникова. Но молодой Дегаевъ ока-

*. Изъ неизданныхъ воспоминаній.

зался слишкомъ неопытнымъ для этого, а такъ какъ и Судейкину онъ не приносилъ никакой пользы, то послѣдній въ концѣ концовъ самъ прекратилъ съ нимъ игру. Весь этотъ инцидентъ не имѣлъ бы никакого отношенія къ дегаевской исторіи, если-бы, благодаря ему, не произошло позже знакомства съ Судейкинымъ старшаго Дегаева.

Надо замѣтить, что С. Дегаевъ вообще не былъ доволенъ своимъ положеніемъ въ партіи. Въ февралѣ 81 г. онъ поручилъ одному лицу передать комитету, что чувствуетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что, несмотря на всѣ его услуги, комитетъ все таки считаетъ его недостойнымъ стать въ его ряды. Комитетъ отвѣтилъ, что очень цѣнилъ его услуги, вполнѣ вѣрилъ въ его искренность, и если не ставилъ его во главѣ движенія, то только потому, что не считалъ его достаточно революціоннымъ. Если же онъ хочетъ проявить свою преданность, то ему предоставятъ возможность участвовать въ работахъ по террористическому предпріятію. Дегаевъ согласился, и комитетъ допустилъ его къ участію въ подкопѣ на М. Садовой, гдѣ минныя работы велись только по ночамъ и представляли, конечно, большую опасность. Этотъ искусъ Дегаевъ прошелъ вполнѣ благополучно, но положеніе его все таки не измѣнилось и, повидимому, мысль проникнуть въ Комитетъ не оставляла его...»

Вскорѣ послѣ 1-го марта С. Дегаевъ былъ арестованъ по пустому подозрѣнію или, вѣрнѣе, потому, что тогда всѣхъ арестовывали; но онъ легко выпутался изъ бѣды, доказавъ неопровержимо, что все его время было занято приготовленіями къ экзаменамъ 4-го курса. Сдавъ экзамены, онъ получилъ командировку въ Архангельскую губ. откуда вернулся осенью 1881 г. уже женатымъ. Жена его была красивая архангельская мѣщанка, совершенно необразованная и даже неграмотная. Въ это именно время, т. е. по возвращеніи изъ Архангельска, онъ велъ сношенія съ кронштадскимъ военнымъ кружкомъ. «Осенью 1881 г.»—по словамъ автора неизданныхъ мемуаровъ — «общее настроеніе въ Петербургѣ было бодрое; февральскихъ погромовъ въ Москвѣ нельзя еще было предвидѣть, а успѣхи военной организаціи предвѣщали новыя побѣды въ будущемъ». Въ началѣ января 1882 года въ Петербургъ вернулась А. П. Корба; въ мартѣ С. Златопольскій уѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ арестованъ; на смѣну ему пріѣхали Грачевскій и еще одно лицо, присланное для усиленія Комитета. На очереди стояло дѣло объ убійствѣ Судейкина, причемъ для Грачевскаго было ясно, что младшій Дегаевъ совершенно не пригоденъ для этой цѣли. Тогда старшій Дегаевъ рѣшился лично познакомиться съ Судейкинымъ, о чемъ и совѣтовался съ Грачевскимъ. С. Дегаевъ не брался лично за убійство Судейкина, но желалъ быть полезнымъ при его

выслѣживаніи. Владимиръ долженъ былъ сказать Судейкину, что его братъ сильно нуждался въ чертежной работѣ. Разсчетъ Дегаева и Грачевскаго оправдался. Какъ только Судейкину была передана просьба, онъ выразилъ желаніе познакомиться съ братомъ своего молодого агента. Свиданіе состоялось гдѣ-то на Пескахъ, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, въ мезонинѣ котораго жила какая-то пожилая женщина. Свиданіе было непродолжительно и велось съ обѣихъ сторонъ въ чисто дѣловомъ тонѣ; затѣмъ состоялось еще одно или два свиданія, но они не дали никакихъ результатовъ, въ виду чего было рѣшено прекратить ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Дегаевъ не могъ больше брать чертежной работы, такъ какъ долженъ былъ готовиться къ выпускнымъ экзаменамъ. Вскорѣ послѣ того Судейкинъ разстался съ младшимъ Дегаевымъ, посовѣтовавъ ему «устроиться такъ, чтобы правительство никогда больше не слышало о немъ». С. Дегаевъ предвидѣлъ этотъ разрывъ и, зная кромѣ того, что послѣ знакомства съ нимъ Судейкинъ несомнѣнно учредитъ за нимъ и его семьей надзоръ, уѣхалъ изъ Петербурга сначала на Кавказъ, а потомъ въ Одессу. Тамъ онъ принялъ участіе въ устройствѣ типографіи и, какъ мы видѣли, былъ арестованъ въ декабрѣ 1882 г. Тогда-то онъ и рѣшился завязать съ Судейкинымъ другого рода сношенія.

По отзывамъ людей, близко знавшихъ Сергѣя Дегаева, это былъ человѣкъ съ неуравновѣшенной психикой и огромнымъ самомнѣніемъ, при полномъ отсутствіи прочныхъ нравственныхъ устоевъ. «Вы—человѣкъ *патологическій*»—писалъ ему Л. Тихомировъ уже послѣ его признанія. «У васъ много способностей, но есть и огромные пробѣлы. Это—страшное состояніе, которое даетъ болѣе шансовъ на ошибки, чѣмъ на вѣрный разсчетъ. А разъ сдѣлана ошибка, способности ведутъ къ тому, что зло выходитъ громадно.... Вы такъ должны за собой смотрѣть, такъ внимательно слѣдить у себя за всѣмъ, что можетъ проистекать изъ стремленія къ величію, — какъ немногіе.... Съ момента вашей увѣренности въ своемъ величіи, вы окончательно теряете душевное равновѣсіе... Для революціонера, болѣе чѣмъ для кого-нибудь нужны принципы, а для такихъ натуръ, какъ ваша, принципы — единственное спасеніе».

Другое лицо, знавшее всю семью Дегаевыхъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ по этому дѣлу, что эта семья, «была очень романтична; ей нравилось все необыкновенное и чрезвычайное.... Семья эта не была ни дурна, ни порочна, но чего ей абсолютно не доставало—это твердо установленныхъ принциповъ, знанія тѣхъ границъ, на которыхъ останавливается чуткая совѣсть или гордое самоуваженіе. Она представляла собой зыбкую почву и не могла дать русскому революціонно-

му движенію закаленнаго борца за свободу; она дала ему человѣка способнаго, дѣятельнаго, но тщеславнаго, лишь посредственно смѣлаго, принимавшаго участіе въ опасныхъ предпріятіяхъ частью изъ тщеславія и, можетъ быть, также изъ любви къ чрезвычайному, столь свойственной всему семейству. Когда этотъ человѣкъ очутился въ тюрьмѣ и увидѣлъ въ перспективѣ для себя каторгу, онъ не выдержалъ и палъ до самого дна той пропасти, гдѣ кроются измѣна, предательство, подкупность».

Такова вѣроятная психологія этой роковой для народовольческаго движенія дегаевской исторіи. Что касается внѣшнихъ фактовъ, то они состояли въ слѣдующемъ.

Попавъ въ тюрьму, С. Дегаевъ, по однимъ свѣдѣніямъ, предложилъ свои услуги сначала жандармскому полковнику Катанскому, который ихъ не принялъ; по другимъ свѣдѣніямъ, Судейкинъ, узнавъ объ арестѣ Дегаева, «самъ пріѣхалъ въ Одессу для личнаго допроса своего стараго знакомаго». Какъ бы то ни было, но въ скоромъ времени между нимъ былъ заключенъ тѣсный союзъ. Что связывало этихъ людей — трудно сказать съ достовѣрностью. Не подлежитъ сомнѣнію, конечно, что первоначальнымъ мотивомъ измѣны Дегаева была простая, животная трусость, опасеніе за свою жизнь, желаніе освободиться изъ тюрьмы; но весьма вѣроятно также, что между нимъ и Судейкинымъ установились болѣе сложныя отношенія, скрѣплявшіяся какими нибудь болѣе сложными разсчетами съ обѣихъ сторонъ. Это подтверждается тѣмъ неограниченнымъ довѣріемъ, какое имѣлъ впослѣдствіи Судейкинъ къ Дегаеву, — довѣріемъ, которое въ концѣ концовъ дало возможность послѣднему устроить убійство Судейкина на своей собственной квартирѣ. Съ другой стороны существуютъ основанія предполагать, что у Судейкина, именно на почвѣ его тѣснаго союза съ Дегаевымъ, былъ построенъ отчаянно-дерзкій планъ добиться отъ Александра III диктатуры и занять мѣсто Д. Толстого. Недовольный тѣмъ, что Толстой держалъ его вдали отъ двора, на положеніи простого ловкаго сыщика, Судейкинъ*) хотѣлъ подать въ отставку и затѣмъ организовать при помощи Дегаева убійство Толстого и велик. князя Владиміра, стоявшаго тогда во главѣ ультра-реакціонной придворной клики.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно, а именно — что эти два выдающіеся провокатора были выдвинуты на сцену тѣми условіями, въ какія было поставлено тогда самодержавное государство. Все его спасеніе, вся его самозащита зависѣли исключительно отъ дѣятельности тайной полиціи. Государство было въ буквальномъ смыслѣ отдано въ руки начальника сыск-

*) Если вѣрить такъ называемой «исповѣди» Дегаева.

ного отдѣленія. Центральной фигурой правительства сдѣлался Судейкинъ. «Ваша жизнь послѣ жизни государя, — наиболѣе драгоцѣнна для Россіи», говорилъ Судейкину Плеве, бывшій тогда директоромъ Департамента Полиціи. И вотъ у этого очень ловкаго и умнаго, но грубаго по натурѣ и совершенно необразованнаго человѣка создались какіе-то государственные замыслы на почвѣ простой полицейской провокаціи. Затѣмъ въ эту игру былъ втянутъ неуравновѣшенный идейно и нравственно Дегаевъ, у котораго, быть можетъ, также вертѣлись въ головѣ какіе-нибудь собственные планы.

Послѣ того какъ договоръ былъ заключенъ, жандармы устроили Дегаеву подложный побѣгъ изъ одесской тюрьмы, причемъ онъ обратился за помощью къ мѣстнымъ радикаламъ, которыя доставили ему, по указанному имъ способу, все необходимое для побѣга.

По выходѣ изъ тюрьмы Дегаевъ явился въ Харьковъ, гдѣ находилась тогда В. Фигнеръ и гдѣ передъ нимъ открылись двери всѣхъ радикаловъ и сочувствующихъ и—что было всего важнѣе для него—всѣ революціонныя тайны.

Когда все было узнано, наступило время выдачи послѣдняго оставшагося въ Россіи члена стараго Исполнительнаго Комитета—В. Фигнеръ, которая, все еще стоя на своемъ посту, поддерживала связи между южными группами и руководила южными кружками военной организаціи. Послѣ іюньскихъ арестовъ въ Петербургѣ, товарищи умоляли ее, въ письмамъ изъ тюрьмы, уѣхать временно заграницу и тамъ образовать новый Комитетъ; но она отвѣтила, что не покинетъ Россіи. Съ осени 1882 г. и до своего ареста она находилась въ Харьковѣ, гдѣ поставила типографію, хозяйкой которой была сестра В. Осинскаго (умершая потомъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія).

Передъ арестомъ В. Фигнеръ, въ Харьковъ былъ присланъ предатель Меркуловъ, чтобы замаскировать предательство Дегаева. 10 февраля 1883 г. Меркуловъ промелькнулъ на улицѣ предъ Вѣрою Николаевной и далъ ей понять, что онъ узналъ ее; послѣ чего она была арестована. Такимъ образомъ, Фигнеръ пошла въ тюрьму въ полной увѣренности, что ее выдалъ Меркуловъ и безъ тѣни подозрѣнія по отношенію къ Дегаеву.

Одновременно съ В. Фигнеръ были арестованы офицеры Рогачевъ и Пахитоновъ; затѣмъ вскорѣ послѣ того Ашенбреннеръ и Стратоновичъ, Штромбергъ, Панинъ, Ювачевъ, Тихановичъ, Крайскій и множество другихъ офицеровъ. Всего было арестовано въ теченіи полугода до 200 офицеровъ. Изъ нихъ Николай Рогачевъ (братъ Дмитрія, сосланнаго на каторгу по процессу 193-хъ) и Штромбергъ были казнены,

Ашенбреннеръ, Пахитоновъ и Тихоновичъ осуждены въ Шлиссельбургъ.

Изъ Харькова Дегаевъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ устраивать типографіи и организовывать кружки молодежи, которые проваливались одни за другими. Такъ продолжалось до половины лѣта. «Кругомъ все было уничтожено и провалено. Люди, имѣвшіе непоколебимыя доказательства противъ Дегаева, были заперты въ крѣпости, отрѣзаны отъ всего міра, и онъ могъ дѣйствовать на просторѣ. Но подозрѣнія все росли. Петербургская молодежъ рѣшилась, наконецъ, отъискать предателя во что бы то ни стало. Нѣкоторыя лица уже указывали на Дегаева*); для выясненія его поступковъ была назначена сходка, на которой онъ долженъ былъ присутствовать.

Чувствуя свою жизнь въ опасности, Дегаевъ взялъ у Судейкина командировку заграницу и пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ находился тогда Тихомировъ, — пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы сначала изслѣдовать почву, былъ ли онъ открытъ. Но Тихомировъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, заподозрилъ Дегаева и такъ повелъ разговоръ, что вырвалъ у него восклицаніе: «А что, еслибы я для пользы дѣла кое что выдалъ?» Тогда признаніе сдѣлалось уже неизбѣжнымъ, и Дегаевъ, чтобы спасти свою жизнь, долженъ былъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, которое имѣлось у него въ рукахъ: онъ предложилъ членамъ Исполнительнаго Комитета организовать убійство Судейкина. Подъ этимъ условіемъ Дегаевъ былъ отпущенъ въ Петербургъ. Но такъ какъ онъ медлилъ съ осуществленіемъ задуманнаго плана, а между тѣмъ оглашеніе его предательства до выполненія имъ принятаго на себя обязательства было невозможно для членовъ Исполнительнаго Комитета, то его снова вызвали въ Парижъ, откуда онъ поѣхалъ въ Россію уже въ сопровожденіи Германа Лопатина, который не выпускалъ его изъ подъ своего наблюденія до совершенія убійства.

Судейкинъ былъ убитъ 16 декабря 1883 г. въ Петербургѣ, на квартирѣ Дегаева, куда онъ пріѣхалъ для какого-то совѣщанія. Свиданіе это два раза не могло состояться при требуемыхъ условіяхъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей. Наконецъ, въ третій разъ Судейкинъ пріѣхалъ въ назначенное

*) Первыя сообщенія о предательствѣ Дегаева были получены въ Петербургѣ, повидимому, отъ Софіи Никитиной, изъ Дома Предварительнаго заключенія. Въ Одессѣ также накоплялись факты: какой-то пьяный жандармъ хвастался передъ полицейскимъ, что Дегаевъ не убѣжалъ отъ нихъ, а они сами его выпустили; при арестѣ офицеровъ Крайскаго и Стратоновича ихъ обвиняли въ укрывательствѣ бѣжавшаго Дегаева, что никому кромѣ нихъ не было извѣстно, и т. д.

время, вмѣстѣ со своимъ родственникомъ Судовскимъ, служившимъ въ охранномъ отдѣленіи. На квартирѣ ихъ ждали Конашевичъ, Стародворскій, и самъ Дегаевъ. Довѣріе Судейкина къ Дегаеву было такъ велико, что онъ, всегда крайне подозрительный, явился къ нему даже безъ револьвера. Послѣ того, какъ Судейкинъ упалъ мертвымъ, а Судовскій потерялъ сознаніе, всѣ трое успѣли удалиться незамѣченными, заперевъ на ключъ дверь квартиры.

Смерть Судейкина пріобрѣла значеніе важнаго государственнаго событія. Похороны его сопровождались особою официальною торжественностью. За гробомъ шли министры съ принцемъ Ольденбургскимъ во главѣ.

Что касается Сергѣя Дегаева, то ему была предоставлена возможность уѣхать навсегда изъ Россіи. Сначала онъ жилъ въ Лондонѣ, а потомъ уѣхалъ въ Америку, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находился подъ наблюденіемъ одного изъ революціонеровъ.

Дегаевская исторія заканчиваетъ собою первый періодъ послѣ-мартовскаго существованія народовольческой центральной организаціи. Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію, мы очень рады, что имѣемъ возможность познакомить читателя, въ болѣе живой и конкретной формѣ, съ дѣятельностью одной изъ мѣстныхъ революціонныхъ группъ того времени. Для этого мы воспользуемся выдержками изъ воспоминаній А. П. Баха, дѣятельнаго члена кіевской мѣстной группы, работавшаго въ партіи съ 1882 по 1885 г. и принимавшаго близкое участіе въ той попыткѣ новаго объединенія всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ, ради котораго пріѣхали изъ заграницы въ началѣ 1884 года Лопатинъ, Салова и Сухомлинъ. Вся слѣдующая глава будетъ состоять, такимъ образомъ, изъ личныхъ воспоминаній Баха, которыя мы передаемъ въ большинствѣ случаевъ его собственными словами.

II

«Въ концѣ декабря 1881 г. я вернулся изъ ссылки и послѣ свиданія съ родными, въ началѣ января 1882 г., поѣхалъ въ Кіевъ, куда меня влекло желаніе принять немедленно активное участіе въ революціонныхъ дѣлахъ. Находясь въ ссылкѣ съ марта 1878 г. я имѣлъ достаточно времени, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ существовавшимъ тогда партіямъ и безъ колебанія принялъ программу партіи Народной Воли, хотя по вопросу о цѣлесообразности систематическаго террора я не чувствовалъ особенно твердой почвы подъ ногами....

«Черезъ родственника, который жилъ въ Кіевѣ и былъ

знакомъ съ однимъ изъ главныхъ кіевскихъ революціонныхъ дѣятелей, нелегальнымъ Левинскимъ, я зналъ, что послѣдній ждалъ моего пріѣзда, и даже незадолго до этого времени намѣренъ былъ устроить мнѣ побѣгъ изъ ссылки. Уже въ день своего пріѣзда я имѣлъ свиданіе съ Левинскимъ и узналъ отъ него о положеніи революціонныхъ дѣлъ въ Кіевѣ.»

Оказалось, что въ Кіевѣ были двѣ народовольческія группы, между которыми происходило нѣкоторое соперничество; во главѣ одной изъ нихъ стоялъ Г., какъ представитель Исполнительнаго Комитета; во главѣ другой стоялъ Левинскій, которому генеральство Г. было не по душѣ и который стремился войти самостоятельно въ сношенія съ Исп. Комитетомъ и добиться официальнаго признанія.

Левинскій предложилъ Баху вступить въ его группу; Бахъ отказался отъ официальнаго вступленія, но просилъ дать ему возможность работать. Къ группѣ Левинскаго примыкало нѣсколько кружковъ молодежи, отдѣльные члены которыхъ вели пропаганду среди рабочихъ. Были у Левинскаго также связи и съ военными (онъ самъ былъ бѣглый военный), и кромѣ того онъ готовился поставить типографію, для которой у него уже имѣлся шрифтъ. Бахъ сталъ понемногу сближаться и заниматься съ молодежью и рабочими.

Съ членами группы Г-аго онъ (вскорѣ послѣ пріѣзда Баха былъ арестованъ) Бахъ сношеній не имѣлъ, но встрѣчался случайно съ однимъ изъ ея членовъ, Росси,*) который ему очень понравился, хотя впрочемъ показалъ довольно холодно разговоръ о необходимости объединить всѣ революціонныя силы Кіева.

«Такъ шло время, когда въ одно непрекрасное апрѣльское утро я узналъ, что Левинскій и другой членъ группы, Б., были арестованы вмѣстѣ на квартирѣ послѣдняго, и что при нихъ былъ взятъ типографскій шрифтъ. Кромѣ Левинскаго и Б. были еще арестованы нѣсколько другихъ лицъ. Въ полномъ огорченіи я рѣшился привести въ извѣстность все, что уцѣлѣло отъ группы Левинскаго, главнымъ образомъ, чтобы не дать утеряться пріобрѣтеннымъ связямъ. Отъ знакомой молодежи я узналъ, что кто-то усердно розыскивалъ Кащея Безсмертнаго (это была моя кличка) по очень нужному дѣлу. Оказалось, что наканунѣ ареста, предчувствуя недоброе, Левинскій и Б. перенесли шрифтъ на квартиру одного студента съ указаніемъ обратиться въ случаѣ чего къ Кащею Безсмертному; при нихъ же были взяты изъ шрифта только 81 точка, ко-

*) Впослѣдствіи былъ взятъ на похоронахъ Судейкина сыщиками, которые видѣли его съ Дегаевымъ; дальнѣйшая судьба его не извѣстна. Были слухи, что онъ погибъ въ Петропавловской крѣпости.

торыя нечаянно завалились въ щель сундука. Впослѣдствіи эти 81 точка послужили Б. темой для остроумной защитительной рѣчи на судѣ.

«При помощи знакомой молодежи мнѣ удалось спрятать шрифтъ въ надежное мѣсто и понемногу стянуть оставшіяся связи. Послѣ ареста Левинскаго*) исчезъ послѣдній поводъ къ разъединенію революціонныхъ силъ, и вскорѣ Росси, вызвавъ меня на свиданіе, въ свою очередь заговорилъ о необходимости объединиться. Я съ своей стороны могъ выразить только самую искреннюю готовность; молодежь, которая примыкала къ группѣ Левинскаго, тоже единогласно высказалась за объединеніе.

«Послѣ ареста Грачевскаго, Корбы и др. въ іюнѣ 1882 г., сношенія съ центромъ были прерваны. Это обстоятельство, а также и то, что многіе изъ кіевскихъ революціонеровъ по тѣмъ или другимъ причинамъ выѣхали на лѣто изъ города, задержало основаніе центральной организаціи. Но уже съ іюня 1882 г. практически началась совмѣстная работа остатковъ бывшихъ во враждѣ группъ. Такъ, Росси просилъ меня убрать въ надежное мѣсто шрифтъ, который былъ у него и который, вмѣстѣ со шрифтомъ Левинскаго, послужилъ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ постановкѣ типографіи.

«Къ этому же времени относится мое знакомство со Спандони, который тогда только что вернулся изъ ссылки и считался всѣми за очень способнаго революціонера. Дѣйствительно у него было много выдержанности, конспиративности и умѣнья отлично опредѣлять людей.

«Въ іюлѣ пріѣхала въ Кіевъ Софья Никитина, чистое, героическое существо, память котораго я чту до сихъ поръ. Дочь петербургскаго генерала, она очень молодой дѣвушкой везла транспортъ литературы на югъ и на станціи Бѣльскъ, Курской губ., встрѣтила поѣздъ, въ которомъ везли осужденныхъ на каторгу политическихъ. Она не могла удержаться, чтобы не послать имъ послѣдняго привѣта. Ее, конечно, немедленно арестовали, нашли при ней транспортъ и посадили въ Бѣльскую тюрьму, гдѣ продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно вообразить, сколько эта выросшая въ барской обстановкѣ дѣвушка вынесла, будучи неожиданно брошена въ ужасную обстановку провинціальной тюрьмы. Она мнѣ разсказывала, что тщательно прятала въ своей постели полѣно, которое похитила у истопника и которымъ думала воспользоваться, какъ орудіемъ защиты, въ случаѣ нападенія на нее сторожей.

«Благодаря хлопотамъ отца Никитиной, Лорисъ-Меликовъ — это было въ эпоху «диктатуры сердца»—согласился отпустить

*) Былъ осужденъ на 15 лѣтъ кат. работъ.

ее подъ надзоръ отца; ее привезли въ Петербургъ и сдали въ семью. Но она долго не выдержала и опять ушла въ «станъ погибающихъ», на этотъ разъ безвозвратно. Въ Кіевѣ она пробыла до конца февраля 1883 г. и была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ нашей организаціи. Арестованная съ Комарницкимъ въ Москвѣ и приговоренная къ административной ссылкѣ, Софья Никитина умерла по дорогѣ въ Сибирь.

«Приблизительно въ одно время съ Никитиной прибылъ въ Кіевъ Захаринъ, скрывшійся изъ Риги, гдѣ, кажется, онъ былъ студентомъ Политехническаго института. Это былъ тихій, серьезный человѣкъ, отлично знакомый съ революціонной практикой. Очень образованный, онъ не любилъ выставлять свои знанія на показъ и говорилъ только тогда, когда это было нужно. Люди этого типа являются въ организаціи тѣмъ цементомъ, который связываетъ элементы ея въ одно крѣпкое цѣлое. Безъ нихъ никакое общее дѣло невозможно.

«Въ августѣ стала съѣзжаться въ Кіевъ революціонная молодежь; сношенія съ центромъ были возстановлены черезъ посредство Вѣры Фигнеръ, которая была проѣздомъ въ Кіевѣ (я ея не видалъ этотъ разъ), и мы рѣшили создать сплоченную организацію и приняться за планомѣрную работу. И вотъ въ концѣ августа мы собрались и послѣ недолгихъ разговоровъ — говорено было достаточно раньше—признали себя «Кіевской организаціей партіи Народной Воли». Захаринъ прочелъ писанный уставъ, всѣ статьи котораго были выслушаны съ должнымъ вниманіемъ. Въ уставѣ этомъ опредѣлялись, съ одной стороны, отношеніе мѣстной организаціи къ партіи и ея центральному органу — Исполнительному Комитету, а съ другой — внутреннее устройство организаціи. Всѣхъ статей устава не помню. Помню, что такъ называемыя «обязательныя отношенія» къ центру сводились къ слѣдующему:

1) Исп. Комитетъ сносился съ мѣстной организаціей при посредствѣ агента, который назначался или изъ мѣстныхъ революціонеровъ, или же присылался изъ другого мѣста. Права этого агента ничѣмъ не отличались отъ правъ другихъ членовъ организаціи, и въ дѣлахъ голосъ его рѣшающаго значенія не имѣлъ.

2) Мѣстная организація должна была помогать по мѣрѣ возможности Комитету денежными средствами и признавала за послѣднимъ право вызывать отдѣльныхъ членовъ и перемѣщать ихъ въ другія организаціи.

3) Мѣстная организація не должна была предпринимать крупныя террористическія предпріятія безъ вѣдома и согласія комитета и не печатать отъ имени народовольческой организаціи ничего такого, что стояло бы въ противорѣчіи съ общей программой партіи.

«Таковы были обязательныя отношенія мѣстной организаціи

къ партіи. Во всемъ остальномъ мѣстная группа была вполнѣ автономна. Всѣ члены мѣстныхъ организацій признавались полноправными членами партіи, т. е. при переѣздѣ въ другой городъ, гдѣ имѣлась мѣстная организація, становились de jure членами ея.

«Внутреннее устройство нашей организаціи было таково: организація состояла изъ центральной группы и четырехъ подгруппъ. Членами центральной группы были: Спандони, Захаринъ (извѣстный подъ именемъ Бернаръ), Росси, Никитина, К—скій (недавно вернувшійся изъ ссылки), супруги К. и я. Всѣ члены группы были, для революціонеровъ, людьми сравнительно немолодыми (средній возрастъ достигалъ 25 лѣтъ) и вполнѣ сложившимися.

«Въ самой группѣ мы установили нѣкоторое раздѣленіе труда: такъ Никитина и Росси должны были вести сношенія съ «обществомъ» и военными, среди которыхъ у насъ были довольно серьезныя связи. Захаринъ взялъ на себя постановку типографіи. К—скій и я вели — посредственно и непосредственно — дѣло среди рабочихъ. Супруги К. оперировали среди студентовъ. Но провести абсолютное раздѣленіе труда было, конечно невозможно. Такъ, мнѣ пришлось заниматься съ нѣкоторыми студенческими кружками, между прочимъ съ кружкомъ Петра Дашкевича въ Духовной Академіи; велъ я также сношенія съ организованными группами народныхъ учителей въ Переяславскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ Полтавской губерніи и въ Подольской губ. На этихъ сношеніяхъ даже чуть было не покончилась преждевременно моя революціонная каррьера. Въ общемъ однако дѣло пошло довольно стройно, по намѣченному плану.

«Въ непосредственной связи съ центральной группой стояли организованныя, вполнѣ независимыя другъ отъ друга подгруппы. Навербованы онѣ были изъ лучшихъ элементовъ молодежи, и числомъ ихъ было четыре. Одна изъ нихъ была техническая и, подъ руководствомъ Захарина, занялась исключительно постановкой типографіи. Наиболѣе выдающимися членами этой группы были студенты Лаппо и Коновальчикъ, которые несомнѣно сыграли-бы видную роль въ революціи, еслибы средняя продолжительность дѣятельности революціонера была хоть немного выше. Вторая и третья подгруппы занимались спеціально съ рабочими. Руководили ими К—скій и я. Самое лучшее воспоминаніе я сохранилъ о студентѣ Залкиндѣ, членѣ одной изъ этихъ подгруппъ и бывшемъ членѣ кружка Левинскаго. Обращалъ еще на себя вниманіе своей энергіею, преданностью дѣлу и даже отвагой другой членъ рабочей подгруппы, Елько, который впослѣдствіи однако сыгралъ въ дѣлѣ Лопатина позорную и жалкую роль злостнаго предателя.

«Четвертая подгруппа занималась исключительно студенческими дѣлами и велась супругами К.

«Въ числѣ статей Устава нашей организаціи значилось, что дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ, а новые члены центральной группы избираться единогласно. До баллотировки впрочемъ дѣло ни разу не доходило.

«Присягать на кинжалахъ въ вѣрности Уставу мы не присягали, но выслушали, хотя безъ надлежащаго трепета, прочитанную Бернаромъ статью, по которой члену, выдавшему тайны организаціи, полагалась смертная казнь.

«Отпраздновавъ скромнымъ чаепитіемъ основаніе нашей группы, мы разошлись по домамъ и на другой день принялись за дѣло.

«Мнѣ хотѣлось бы сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу распространенной легенды о томъ, что партія Народной Воли была исключительно террористической. Всякому сколько-нибудь знакомому съ исторіей Народной Воли извѣстно, что съ убійства Александра II и до лопатинскаго разгрома, который, можно сказать, былъ финаломъ партіи, т. е. за періодъ въ 3½ года, произошло только два террористическихъ факта: убійство Стрѣльникова въ апрѣлѣ 1882 г. и убійство Судейкина въ декабрѣ 83 г. Между тѣмъ, это прекращеніе террористическихъ предпріятій вовсе не было вызвано отсутствіемъ силъ. Вѣра Фигнеръ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ членовъ Исполн. Комитета, была арестована только въ февралѣ 1883 г. Осенью 1882 г. въ ея распоряженіи были въ Харьковѣ такіе рѣшительные люди, какъ Немоловскій (осужд. на каторгу по процессу В. Фигнеръ; умеръ въ Шлиссельбургѣ), Василій Ивановъ, которому въ августѣ того года былъ устроенъ побѣгъ изъ Кіевской тюрьмы (осужд. по процессу Фигнеръ, въ Шлюссельбургѣ), Сергѣй Ивановъ, бѣжавшій изъ Сибири (осужденъ по дѣлу Лопатина; въ Шлиссельбургѣ), Борисовъ, Панкратовъ и Антоновъ (по дѣлу Лопатина; въ Шлиссельб.). Въ денежныхъ средствахъ также недостатка особаго не ощущалось, потому что осенью того же года были получены 11 тысячъ р. изъ ..... денегъ. Что въ охотникахъ на исполненіе террористическихъ фактовъ недостатка не было, показываетъ, напр., слѣдующій фактъ. Въ августѣ 1882 г. одинъ изъ знакомыхъ молодыхъ революціонеровъ передалъ мнѣ, что какой-то бывшій народный учитель очень желалъ переговорить со мною по весьма важному дѣлу. Я назначилъ ему свиданіе. На другой день я увидѣлъ очень крѣпко сложеннаго молодого человѣка съ низкимъ лбомъ и очень мрачнымъ, темнымъ лицемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что былъ нѣсколько лѣтъ народнымъ учителемъ въ Черниговской губ., проводилъ революціонныя идеи въ народъ, но окончательно разочаровался въ этомъ дѣлѣ и хочетъ отдать свою жизнь на террористиче-

ское дѣло. Сколько я его не убѣждалъ, сколько не предлагалъ ему попробовать себя на другомъ революціонномъ дѣлѣ у насъ, онъ категорически, и не безъ нѣкоторой рѣзкости, стоялъ на своемъ. Въ концѣ концовъ я долженъ былъ сказать ему, что въ ближайшемъ будущемъ никакого террористическаго факта не предвидится, но въ случаѣ чего его желаніе будетъ принято къ свѣденію. Человѣкъ этотъ былъ Конашевичъ, который годъ съ лишнимъ спустя былъ черезъ посредство Росси вызванъ въ Петербургъ и тамъ вмѣстѣ со Стародворскимъ совершилъ убійство Судейкина. Осужденный по дѣлу Лопатина, онъ въ Шлиссельбургѣ сошелъ съ ума и былъ переведенъ въ казанскій домъ для умалишенныхъ, гдѣ и умеръ.

«Итакъ, если бы цѣлью партіи Народной Воли былъ только терроръ, то силъ для приведенія въ исполненіе какого-нибудь террористическаго предпріятія было въ 82 г. достаточно. А между тѣмъ Фигнеръ занималась исключительно организаціонными дѣлами и главное усиліе направила на постановку типографіи для печатанія 10 № «Народной Воли», который удалось выпустить только осенью 84 г., но зато одновременно въ двухъ изданіяхъ.

«Другой любимый конекъ въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ народовольцевъ, это—ихъ предполагаемое незнакомство съ экономической литературой и съ теоріей К. Маркса. Что членъ нашей группы Захаринъ былъ очень образованный человѣкъ—я уже упоминалъ выше.... Я лично съ перваго же раза началъ свои занятія съ рабочими по тому плану, который впослѣдствіи былъ изложенъ мною въ брошюрѣ «Царь Голодъ». И планъ этотъ я проводилъ не только въ своихъ непосредственныхъ занятіяхъ съ рабочими, но также въ занятіяхъ съ кружками, работавшими среди рабочихъ. Что принятая мною система была съ марксистской точки зрѣнія вполнѣ ортодоксальна—показываетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 80-хъ годовъ женевскіе соціаль-демократы думали было перепздать «Царь Голодъ» на свой счетъ. Почему-то этотъ проэктъ не осуществился. Можетъ быть, народовольческое происхожденіе брошюры было здѣсь при чемъ-нибудь.

«Я глубоко убѣжденъ, что и въ другихъ мѣстахъ народовольцами велась среди рабочихъ чисто-соціалистическая пропаганда. Я лично встрѣчалъ рабочихъ, которые усвоили себѣ вполнѣ основныя начала, если не тонкости, марксизма. Да и съ чѣмъ было идти къ рабочимъ, какъ не съ пропагандой соціализма? Я всегда былъ того мнѣнія, что первымъ и единственно вѣрнымъ стремленіемъ революціонера, работающаго среди рабочихъ, должно было быть развитіе ихъ самосознанія; для этого необходимо было уяснить имъ ихъ положеніе въ обществѣ, какъ соціологическомъ цѣломъ. Что само-

сознаніе рабочихъ само собою становилось классовымъ — это было совершенно неизбѣжно, и говорить объ этомъ съ пѣною у рта вовсе не было никакой надобности.

«Возвращаюсь однако къ нашей организаціи. Въ концѣ октября Захаринъ объявилъ намъ, что типографія готова, и мы рѣшили выпустить прокламацію «Къ обществу». Составить прокламацію предложили мнѣ, и съ нѣкоторыми измѣненіями редакція моя была принята на собраніи центральной группы. Боюсь, что прокламація моя по содержанію своему носила довольно-таки шаблонный характеръ; но извѣстно, что въ этого рода литературныхъ произведеніяхъ не столько важно содержаніе, какъ самый фактъ ихъ появленія на свѣтъ, причемъ по степени типографскаго совершенства судится о силѣ организаціи*). А нашъ Бернаръ былъ мастеръ своего дѣла и человѣкъ съ самолюбіемъ, не пренебрегавшій никакими мелочами. Такъ что прокламація, на которой въ подобающемъ мѣстѣ красовалась печать «Кіевской Организаціи Партіи Народной Воли», съ технической стороны не оставляла желать ничего лучшаго и произвела переполохъ неописуемый. Для жандармовъ, которые хвастались, что въ Кіевѣ все благополучно, она была самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Они заметались, какъ шальные, но никакого конца не могли найти.

«Вслѣдъ затѣмъ вышли одна за другой прокламаціи «Къ рабочимъ», «Къ учащейся молодежи» и «Къ украинскому народу». Послѣдняя была написана мною на малорусскомъ нарѣчіи, которымъ я хорошо владѣю, и такъ понравилась украинофиламъ, центръ которыхъ былъ въ Кіевѣ, что они даже взялись распространять ее въ народѣ, несмотря на ея соціалистическое содержаніе. Особенно пришлась моя прокламація по вкусу народнымъ учителямъ, которые, по ихъ словамъ, нашли въ ней отличное оружіе для пропаганды.

«Работа въ подгруппахъ шла прекрасно по всей линіи. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ у насъ среди рабочихъ было нѣсколько кружковъ, прокламація «Къ рабочимъ» произвела отличное дѣйствіе. Ее читали на расхватъ. Намъ разсказывали, что когда передъ наклеенной на воротахъ мастерскихъ прокламаціей столпились раннимъ утромъ рабочіе, полицейскій говорилъ имъ: — читайте скорѣе, приказано срывать.

«Въ числѣ другихъ рабочихъ, у меня былъ довольно оригинальный кружекъ, состоявшій изъ хозяина слесарной мастерской, обрусѣвшаго финна и его пяти рабочихъ. Много часовъ провелъ я съ ними въ задушевныхъ бесѣдахъ. Они, повиди-

*) Это замѣчаніе относится, конечно, къ болѣе или менѣе раннимъ періодамъ движенія. Л. Ш.

мому, цѣнили мою простоту и отсутствія всякаго желанія подлаживаться къ нимъ. Иные, быть можетъ, пришли бы въ священное негодованіе отъ такого потрясенія незыблемыхъ основъ марксизма: какое ужъ тутъ классовое самосознаніе, когда и хозяинъ, и рабочіе состоятъ въ одномъ кружкѣ! Что жъ дѣлать! Хозяинъ, культурный финнъ, былъ искреннимъ соціалистомъ; рабочіе, всѣ холостые, очень любили его и находили вполнѣ естественнымъ, что часть ихъ прибавочной стоимости идетъ на прокормленіе многочисленной хозяйской семьи.

«Съ другими рабочими у меня тоже сложились простыя, хорошія отношенія, и видался я съ ними очень часто. Впослѣдствіи, по оговору одного рабочаго, который видѣлъ меня единственный разъ и который, будучи арестованъ, съ большой готовностью сталъ выдавать, жандармы шибко разыскивали нѣкоего Юрія Ивановича, личность котораго такъ и не была установлена.

«Чтобы закончить съ рабочими, сообщу еще одинъ фактъ, который показываетъ, что уже и въ тѣ далекія времена выдавались среди рабочихъ такія личности, которыя тщательно и бережно выращивали заброшенное въ нихъ революціонное сѣмя соціализма. Какъ то разъ одинъ изъ моихъ рабочихъ разсказываетъ мнѣ, что старый товарищъ его пріѣхалъ изъ Бахмача (гдѣ расположены громадныя желѣзнодорожныя мастерскія Кіево-курской ж. д.) и очень хотѣлъ-бы повидаться со мною. Я охотно согласился и на другой день встрѣтился со смугдымъ, крѣпкимъ рабочимъ лѣтъ 30-ти, который былъ представленъ мнѣ подъ его настоящей фамиліей, которую я забылъ, а по прозвищу «Ахметка», какъ говорилъ мнѣ знакомый,—«потому какъ очень похожъ на турка.» Ахметка этотъ въ 80-мъ году былъ въ сношеніяхъ съ кружкомъ Доллера*) и твердо усвоилъ себѣ положенія соціализма. Будучи заброшенъ въ Бахмачъ и потерявъ всякую связь съ революціонерами, онъ сталъ вести среди рабочихъ пропаганду на свой собственный страхъ и подобралъ два-три кружка. Мучило его главнымъ образомъ то, что онъ, какъ нѣмецъ верблюда, долженъ былъ все извлекать изъ глубины собственнаго духа, потому что литературы у него не было и слѣда. Тѣмъ не менѣе онъ бодрости не терялъ и въ теченіи двухъ слишкомъ лѣтъ велъ самостоятельно дѣло, какъ могъ. За то надо было видѣть, какъ онъ былъ обрадованъ свиданіемъ съ настоящимъ революціонеромъ и пачкой литературы, которую я ему преподнесъ. На будущее время онъ долженъ былъ сноситься съ Кіевомъ

*) Судился въ 1881 г. по дѣлу Щедрина, Е. Ковальской, Богомолецъ и др. Осужденъ на поселеніе; утонулъ въ рѣкѣ Ленѣ.

при посредствѣ своего товарища. Пробывъ въ Кіевѣ три дня, въ теченіи которыхъ я видѣлся съ нимъ два раза, Ахметка, обновленный духомъ, уѣхалъ въ Бахмачъ. На прощаніи мы съ нимъ братски расцѣловались.

«Кромѣ выпуска прокламацій, громадную сенсацію въ обществѣ и таковой же переполохъ въ администраціи произвелъ побѣгъ изъ тюрьмы Владиміра Бычкова, который сидѣлъ по обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и которому грозила каторга. Побѣгъ этотъ, которому предшествовалъ въ августѣ 1882 г. побѣгъ изъ той же тюрьмы Василія Иванова, привелъ окончательно въ замѣшательство всѣ власти. Побѣгъ Иванова онѣ объяснили тѣмъ, что, будучи сыномъ богатаго домовладѣльца, Ивановъ подкупилъ сторожей, которые благополучно выпустили его. Дѣйствительно, уголовные, у которыхъ на сторожей былъ зубъ, показали, что видѣли, какъ они выводили Иванова. Трохъ тюремщиковъ судили за это дѣло военнымъ судомъ и приговорили къ каторжнымъ работамъ отъ 8 до 15 лѣтъ. А между тѣмъ они были абсолютно невиновны. Побѣгъ былъ устроенъ при помощи революціонеровъ подпоручикомъ Тихоновичемъ, который принадлежалъ къ военному кружку и зналъ Иванова до ареста. Послѣ ареста Левинскаго, съ Тихоновичемъ меня познакомили студенты Фогель и еще одинъ, фамилію котораго я забылъ. Насколько припомню, инициатива побѣга исходила отъ Тихоновича. Дѣло сдѣлалось просто. Въ день своего караула въ тюрьмѣ, Тихоновичъ насыпалъ онія въ пищу солдатъ, угостилъ папиросами и водкой, содержавшими опій, дежурнаго тюремщика и въ надлежащій моментъ взялъ ключи, вывелъ Иванова, опять заперъ камеру и повѣсилъ ключи на мѣсто. Первоначально предполагалось Иванову разобрать стѣнку печи въ камерѣ и пролѣзть черезъ топку въ корридоръ. Но отверзтіе оказалось тѣснымъ, и Тихоновичъ долженъ былъ отпереть камеру. У воротъ тюрьмы Иванова ждали и отвезли въ надежное мѣсто. Черезъ два дня я видѣлъ Иванова въ квартирѣ Корніенко и вынесъ очень пріятное впечатлѣніе изъ разговора съ нимъ. Это былъ человѣкъ атлетическаго сложенія съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Я забылъ сказать, что въ тюрьмѣ онъ сидѣлъ по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ.

«Черезъ короткое время Ивановъ, переодѣтый рабочимъ, съ котомкой за плечами, спустился къ пароходной пристани на Подолѣ и сѣлъ на пароходъ, отъѣзжавшій въ Кременчугъ. Входя на пароходъ, онъ недостаточно быстро посторонился передъ какими-то хорошо одѣтыми господами, которые хотѣли опередить его. Жандармъ толкнулъ Иванова въ спину и крикнулъ:

— Чего лѣзешь, хамъ!

«Ивановъ послѣ разсказывалъ, что комплиментъ жандарма доставилъ ему истинное удовольствіе.

«Изъ Кременчуга Ивановъ поѣхалъ въ Харьковъ и тамъ былъ арестованъ въ февралѣ 1883 г. въ одно время съ Вѣрою Фигнеръ.

«Жандармскій полковникъ Новицкій между прочимъ допросилъ подпоручика Тихоновича, который явился на допросъ съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ: онъ твердо былъ намѣренъ размозжить голову Новицкому, если бы послѣдній отдалъ приказъ объ его арестѣ. Къ счастью Новицкаго, его легендарный нюхъ направилъ его розыски въ сторону, гдѣ корней и нитей какъ разъ не было, и это спасло ему жизнь.

Для Тихоновича, однако, волненія на этомъ не покончились. Когда тюремщиковъ за побѣгъ Иванова осудили на каторгу, онъ сталъ страшно мучиться мыслью, что за совершенное имъ дѣло страдаютъ невиновные, и хотѣлъ отдаться въ руки Новицкаго, чтобы спасти послѣднихъ. Организаціи пришлось оказать на него все давленіе, на какое она была способна, чтобы предотвратить его отъ этого гибельнаго намѣренія. Мѣсяцевъ черезъ 7 Дегаевъ, который отъ Фигнеръ или Иванова узналъ всѣ подробности дѣла, выдалъ Тихоновича головою. Арестованный, онъ былъ приговоренъ къ смерти, помилованъ и умеръ въ Шлиссельбургѣ.

«Побѣгъ Бычкова, который состоялся въ началѣ декабря того же 1882 г., подготовлялся довольно долго и удался только благодаря смѣлости и присутствію духа самого Бычкова. Онъ былъ арестантскимъ старостой и долженъ былъ въ сумерки, когда тюремщики почти всѣ заняты въ камерахъ перекличкой, пробраться черезъ чердакъ на крышу и, совершивъ какой-то отчаянный прыжокъ, попасть на наружную стѣну тюрьмы, а съ послѣдней спуститься по запасенной у него веревкѣ. Все вышло какъ по писанному, съ той только могшей имѣть трагическія послѣдствія разницей, что Бычковъ улучилъ моментъ за два дня до уговора, такъ что наружи его никто не ждалъ. Но онъ не растерялся. Одѣтъ онъ былъ въ короткій бѣлый полушубокъ, который бросился бы въ глаза въ другое время, но въ декабрѣ, когда Кіевъ кишитъ рекрутами, былъ обычнымъ явленіемъ. Бычковъ смѣло пошелъ на квартиру одного знакомаго студента, который отвелъ его къ члену нашей группы К., а тотъ, растерявшись, противъ всѣхъ правилъ конспираціи, привалилъ съ нимъ ко мнѣ. Я жилъ тогда въ № 8 по Тарасовской улицѣ, въ маленькомъ флигелькѣ въ саду и занималъ квартиру въ двѣ комнаты. Квартира была чиста, и у меня часто собирались товарищи, особенно Никитина, Росси и Захаринъ, съ которыми я ближе сошелся, чѣмъ съ другими членами нашей организаціи. Мы вчетверомъ часто проводили вмѣстѣ вечера

въ уютной, порядочно меблированной квартиркѣ, при чемъ Никитина домовито распоряжалась чаемъ, а я по требованію Захарина игралъ на скрипкѣ. Особенно любилъ онъ элегію Эрнста и слушалъ всегда ее, мечтательно кивая въ тактъ головой. Вечера эти были нашимъ отдыхомъ и нашей наградой за труды. Я до сихъ поръ вспоминаю о нихъ съ теплымъ чувствомъ.

«Возвращаюсь къ Бычкову. Такъ какъ было около 7 часовъ вечера и прислуживавшій мнѣ отъ хозяевъ отставной солдатъ Андрей — продувная бестія, который не былъ еще шпіономъ, потому что не представилось подходящаго случая — долженъ былъ принести самоваръ, я попросилъ К. сейчасъ же уйти, а Бычкова уложилъ въ свою постель въ спальнѣ, въ разсчетѣ, что Андрей не зайдетъ туда. Какъ только Андрей принесъ самоваръ, пришла Никитина и принесла хорошія печенія и закуски, не предвидя, что они пойдутъ на угощеніе хорошему гостю. Она вся засвѣтилась радостью, когда узнала, что побѣгъ Бычкова удался, и что онъ тутъ рядомъ отдыхаетъ отъ треволненій дня. Мы спокойно напились чаю и, когда Андрей убралъ самоваръ, Никитина ушла, а я, надѣвъ полушубокъ Бычкова подъ пальто и давъ гостю свою шубу (полушубокъ не долженъ былъ оставаться у меня на квартирѣ, чтобы не попасться на глаза Андрею) отвелъ Бычкова къ одному пріятелю, котораго мы звали «сиротою статскаго совѣтника». Этотъ пріятель былъ прекрасный человѣкъ, революціонеръ, но отличался слабымъ характеромъ и пилъ ужасно. Только поэтому онъ, оказывавшій намъ съ полною готовностью всевозможныя, иногда очень опасныя услуги, не былъ поставленъ въ обязательныя отношенія къ нашей группѣ. Я оставилъ Бычкова у пріятеля, а самъ поѣхалъ въ Духовную академію къ Дашкевичу въ надеждѣ устроить у него Бычкова. Это удалось самымъ простымъ образомъ, и въ послѣдствіи, вплоть до ареста Дашкевича въ 1884 г., Духовная академія была сущимъ пріютомъ для нелегальныхъ революціонеровъ.

«Въ декабрѣ 1882 г. до насъ дошла вѣсть объ арестѣ въ Одессѣ большой типографіи, въ которой долженъ былъ быть напечатанъ давно ожидаемый 10-й номеръ «Народной Воли». Вмѣстѣ съ типографіей былъ арестованъ Спандони, который отъ насъ уѣхалъ еще въ октябрѣ и былъ назначенъ Вѣрой Фигнеръ для сношенія съ типографіей. Хозяиномъ квартиры, гдѣ помѣщалась типографія, былъ зловѣщей памяти штабсъ-капитанъ Сергѣй Дегаевъ. Вскорѣ мы узнали, что Дегаеву удалось бѣжать съ вокзала, бросивъ нюхательнаго табаку въ глаза сопровождавшимъ его жандармамъ, и добраться благополучно до Харькова. Этотъ успѣхъ нѣсколько смягчилъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ взятіемъ типо-

графіи, но онъ не могъ возмѣстить понесенную партіей потерю.

«Такъ закончился первый годъ моей революціонной дѣятельности. Я былъ доволенъ ходомъ работы, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ товарищами, троихъ изъ которыхъ — Никитину, Росси и Захарина — я крѣпко любилъ, и чувствовалъ нравственное удовлетвореніе. Новый годъ вся наша группа встрѣчала у меня на квартирѣ. Всѣ мы были веселы, оживлены и не думали, что меньше, чѣмъ черезъ годъ, только одинъ изъ насъ останется въ рядахъ.

Въ серединѣ января 1883 г. я ѣздилъ по дѣламъ организаціи въ Харьковъ для свиданія съ Вѣрою Фигнеръ. Въ чемъ состояли эти дѣла—я теперь не припомню. Важнаго во всякомъ случаѣ ничего не было. Помню только, что товарищи настаивали на моей поѣздкѣ. А Росси полушутя, полусерьезно, говорилъ, что надо же мнѣ представиться «матери-командиршѣ» (какъ онъ называлъ Вѣру Фигнеръ), которая меня еще не видѣла. Когда въ Харьковѣ, пройдя по всѣмъ явкамъ и давши требуемые пароли, я очутился передъ самой «матерью-командиршей», я увидѣлъ молодую женщину лѣтъ 28-ми, съ очень свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ прекрасными черными глазами, въ которыхъ поражало выраженіе большой проницательности и вмѣстѣ съ тѣмъ какой то внутренней усталости. Разговоръ между нами завязался сразу, безъ всякой натяжки. Вѣра Николаевна разспрашивала про наши дѣла, я разсказывалъ. Ее, повидимому, очень заинтересовала наша организація, и она внимательно выслушивала то, что я говорилъ. Весь нашъ разговоръ касался исключительно вопросовъ организаціи и пропаганды; о террорѣ даже рѣчи не заходило. На мой вопросъ В. Н. сказала мнѣ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ серьезныхъ организацій нѣтъ. Затѣмъ она сказала, что поставлена новая типографія, которая выпуститъ вскорѣ 10-й номеръ «Народной Воли», и выразила надежду, что выходъ номера оживитъ и укрѣпитъ духъ партіи. Разсказывала она еще о томъ, какъ была счастлива, когда неожиданно къ ней явился Дегаевъ. Посидѣвъ съ В. Н. около часу, я распрощался съ нею, унося съ собою на всю жизнь неизгладимое воспоминаніе объ этой энергичной и выдающейся личности.

«Вернувшись въ Кіевъ, я засталъ все въ благополучномъ состояніи, и все пошло опять по заведенному порядку. Но наше благополучіе должно было скоро прекратиться. Разъ вечеромъ—дѣло было въ послѣднихъ числахъ января — Росси и Захаринъ пришли ко мнѣ по обычаю повидаться и засидѣлись часовъ до 11-ти. Уходя, Захаринъ захватилъ съ собою для передачи въ складъ нѣсколько пачекъ прокламацій и другой литературы, которая мнѣ была доставлена дня два тому назадъ. И такъ какъ Захаринъ дѣлалъ все методически, то онъ и комодъ мой очистилъ фундаментально отъ всякой не-

легальщины. По уходѣ товарищей я легъ спать, но не успѣлъ еще заснуть, какъ услышалъ необычный и сдержанный шумъ, и въ дверь мою постучались».

Затѣмъ авторъ воспоминаній описываетъ обыскъ, произведенный у него. Поводомъ къ обыску послужилъ адресъ, данный имъ для сношенія группы народныхъ учителей Гадячскаго уѣзда. Учителя провалились, адресъ былъ найденъ у нихъ, а лицо, согласившееся дать свой адресъ, не задумываясь, указало на Баха.

На этотъ разъ Баху удалось, однако, благодаря хладнокровію и умѣнью владѣть собой, благополучно отдѣлаться отъ Новицкаго. Нахожденіе адреса у учителей онъ объяснилъ какою-то случайностью и послѣ длинныхъ разговоровъ съ жандармами былъ освобожденъ.

Но «искушать дальше судьбу» у Баха не было ни малѣйшаго желанія; а потому онъ рѣшилъ перейти на нелегальное положеніе и уѣхать изъ Кіева. Поработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Ярославлѣ и въ Казани (гдѣ между прочимъ имъ была написана брошюра «Царь-Голодъ» въ ея первоначальномъ видѣ), онъ получилъ въ декабрѣ 1883 года порученіе поставить типографію для напечатанія 10-го номера «Народной Воли», который все еще не выходилъ, такъ какъ харьковская типографія была выдана Дегаевымъ вмѣстѣ съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ. Пріѣхавъ въ Харьковъ и убѣдившись въ трудности поставить тамъ типографію, Бахъ рѣшилъ отправиться съ этою цѣлью въ Ростовъ, гдѣ, благодаря дѣятельности Сергѣя Пешекерова (сосланнаго въ декабрѣ 1883 г. въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ) создалась въ 1882-83 гг. очень солидная группа, обратившая особое вниманіе на пропаганду среди рабочихъ. «Вообще въ Ростовѣ» — говоритъ авторъ воспоминаній — «еще со временъ Земли и Воли и даже раньше, не прекращались дѣятельныя сношенія съ рабочими. Изъ среды ростовскихъ рабочихъ вышли такія крупныя революціонныя личности, какъ Антоновъ, Панкратовъ, Борисовъ. Но послѣ ареста и ссылки Пешекерова, дѣла группы пошли плохо, особенно сверху». Пріѣхавъ въ Ростовъ, Бахъ занялся организаціей имѣвшихся тамъ революціонныхъ силъ и постановкой типографіи вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановымъ, который также пріѣхалъ туда. Этотъ періодъ революціонной жизни автора воспоминаній уже сливается съ той новой попыткой возстановить центральную организацію Народной Воли, которая была сдѣлана послѣ ликвидаціи дегаевской исторіи. Поэтому мы заканчиваемъ здѣсь выдержки изъ воспоминаній А. Н. Баха, имѣвшія цѣлью дать картину революціонной дѣятельности въ мѣстныхъ народовольческихъ группахъ, и переходимъ къ дальнѣйшему изложенію послѣдняго періода народовольческаго движенія.

III

Послѣ ликвидаціи дегаевской исторіи, выступилъ на первый планъ вопросъ о возстановленіи организаціи. Эту организацію приходилось, можно сказать, строить сызнова, такъ какъ отъ стараго Исполнительнаго Комитета уцѣлѣли только два человѣка, Оловенникова и Тихомировъ, причемъ послѣдній уже видимо потерялъ тогда вѣру въ возможность продолжать борьбу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Оловенниковой, изъ Женевы въ Парижъ, онъ говоритъ, по поводу ея желанія вернуться въ Россію: «...Но тѣмъ менѣе я могу одобрить твою тенденцію.... При настоящихъ условіяхъ, при теперешнемъ безпорядкѣ тамъ можно только «погибнуть на своемъ посту». Это очень благородно, но вполнѣ безполезно. Примѣровъ исполненія долга, героизма и т. д. мы имѣемъ болѣе, чѣмъ нужно на 10 революцій; но утилизировать этотъ нравственный капиталъ не умѣемъ...»

Но не смотря на всѣ понесенныя партіей неисчислимыя потери, силы революціоннаго движенія все-таки еще не были исчерпаны совершенно. Та огромная масса энергіи и героизма, которую внесла въ русскую общественную жизнь организація Народной Воли, глубоко затронула сознаніе множества людей, и эта революціонная волна, разлившаяся тогда по огромному пространству, не могла затихнуть сразу. Остававшіеся революціонные кружки были разсыпаны главнымъ образомъ по провинціальнымъ городамъ; существовали народовольческія группы или, по крайней мѣрѣ, элементы возможныхъ организованныхъ группъ въ Кіевѣ, Харьковѣ, Ростовѣ, Воронежѣ, Ярославлѣ, Казани, Нижнемъ, Саратовѣ; въ Москвѣ и Петербургѣ также уже накоплялась снова революціонная молодежь; наконецъ, имѣлся еще небольшой контингентъ нелегальныхъ, уцѣлѣвшихъ послѣ ареста В. Фигнеръ: Сергѣй Ивановъ, Бахъ, Панкратовъ, Борисовъ, Антоновъ, Елько (до своего ареста проявлявшій много преданности и революціонной энергіи), Стародворскій, Мих. Овчинниковъ.

Въ январѣ 1884г. въ Парижѣ съѣхались, кромѣ эмигрантовъ (Оловенникова, Тихомировъ, Чернявская, Серебряковъ, Лопатинъ), делегаты отъ нѣсколькихъ мѣстныхъ группъ (Карауловъ, Сухомлинъ, и др.). На этомъ съѣздѣ рѣшено было избрать «распорядительную комисію» изъ трехъ лицъ, которой поручалось ѣхать въ Россію и стать во главѣ новой организаціи. На этомъ же съѣздѣ была намѣчена также «центральная группа», состоявшая отчасти изъ революціонеровъ, по-

павшихъ послѣ дегаевской исторіи заграницу и намѣревавшихся вернуться въ Россію, а отчасти изъ нѣсколькихъ невыѣхавшихъ заграницу революціонеровъ (въ числѣ нихъ были М. Овчинниковъ, Сергѣй Ивановъ, Степуринъ и др.) Всего въ центральной группѣ насчитывалось 17 человѣкъ. Въ распорядительную комиссію были выбраны Г. Лопатинъ, Н. Салова и В. Сухомлинъ; главная роль принадлежала въ ней Г. Лопатину, уже старому революціонеру, пользовавшемуся громкою извѣстностью.

Революціонная карьера Германа Александровича Лопатина ведетъ свое начало еще съ каракозовскихъ временъ. Въ то время ему было 21 годъ. Онъ только что окончилъ Петербургскій университетъ, по естественному факультету, и обратилъ на себя вниманіе блестящей диссертаціей. Ему было предложено остаться при университетѣ; но онъ отказался. Въ каракозовскомъ дѣлѣ онъ прямаго участія не принималъ, но былъ знакомъ съ большинствомъ его участниковъ.

Во время повальныхъ обысковъ и всеобщей паники, послѣдовавшихъ за выстрѣломъ 4-го апрѣля 1866 г. онъ, одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ тогда, оказалъ большія услуги нѣкоторымъ изъ арестованныхъ и скомпрометированныхъ лицъ, помогая очищать квартиры и извѣщая кого было надо о грозившей опасности. Здѣсь впервые обнаружились его выдающіяся смѣлость, находчивость и энергія. Онъ былъ даже арестованъ самъ, но, какъ это случалось съ нимъ много разъ послѣ, сумѣлъ совершено одурачить жандармовъ и былъ скоро освобожденъ.

Въ 1867 г. онъ, вмѣстѣ съ Ф. Волховскимъ, былъ снова арестованъ по дѣлу о такъ называемомъ «рублевомъ обществѣ»; цѣлью своею это общество ставило просвѣтительную дѣятельность въ народѣ, для чего были установлены рублевые взносы.

Просидѣвъ въ тюрьмѣ больше восьми мѣсяцевъ, сначала при III отдѣленіи, а потомъ въ Петропавловской крѣпости, Лопатинъ былъ высланъ затѣмъ административно въ Ставрополь, гдѣ скоро занялъ очень вліятельное положеніе при губернаторѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Но служба его продолжалась не долго; въ 1869 г., онъ былъ снова арестованъ, вслѣдствіе одного перехваченнаго жандармами письма, въ которомъ онъ говорилъ, что ему надоѣло находиться во «ввѣренной ему губерніи» и что онъ собирается выѣхать заграницу. Будучи посаженъ въ Ставрополѣ-же на гауптвахту, онъ въ началѣ 1869 г. бѣжалъ оттуда*) и послѣ короткаго пребыванія въ Петербургѣ уѣхалъ заграницу.

*) При помощи чиновника губернскаго правленія Сидоренко, который въ 1872 г. способствовалъ также побѣгу Н. В. Соколова изъ Краснаго Яра.

Заграницей Лопатинъ вступилъ въ одну изъ секцій Интернаціонала и познакомился съ Бакунинымъ, Марксомъ и Энгельсомъ.*) На этотъ разъ впрочемъ онъ не долго оставался заграницей. Въ 1871 г. онъ поѣхалъ въ Россію съ цѣлью освободить Чернышевскаго. Повидавшись и познакомившись съ русской эмиграціей, Лопатинъ пришелъ къ заключенію, что ей не доставало авторитетнаго руководителя, подъ вліяніемъ котораго исчезли бы кружковыя распри. Такимъ авторитетнымъ руководителемъ и могъ быть, въ его глазахъ, Чернышевскій.

Переѣхавъ благополучно границу, Лопатинъ направился въ Иркутскъ съ планомъ, напоминавшимъ позднѣйшій планъ Мышкина. Но въ Иркутскѣ, къ его прѣзду, уже была получена изъ Женевы телеграмма, предупреждавшая начальство о намѣреніяхъ загадочнаго путешественника. Лопатинъ былъ арестованъ и посаженъ въ Иркутскій острогъ, гдѣ просидѣлъ почти 3 года. Здѣсь онъ снова обнаружилъ свою неистощимую энергію и свои разностороннія способности. Въ иркутскомъ острогѣ, въ 1878 г., когда тамъ временно останавливались партіи изъ осужденныхъ по процессу 193, среди уголовныхъ арестантовъ ходили легендарные разсказы о необычайной физической силѣ Лопатина и о его необычайномъ умѣніи подчинять своему вліянію начальство. Имъ между прочимъ чрезвычайно заинтересовался бывшій тогда иркутскимъ генералъ-губернаторомъ извѣстный Синельниковъ, который даже хлопоталъ въ Петербургѣ объ освобожденіи Лопатина, надѣясь сдѣлать его своимъ ближайшимъ помощникомъ по реформаторской дѣятельности въ Сибири.

Лопатинъ три раза убѣгалъ изъ иркутскаго острога. Въ первый разъ онъ самъ сдался караульнымъ, чтобы не быть убитымъ ими; второй разъ онъ уже добрался до Томска, но былъ узнанъ тамъ однимъ полицейскимъ чиновникомъ. Наконецъ въ третій разъ онъ доѣхалъ благополучно до Петербурга, осенью 1873 г., и вслѣдъ затѣмъ перешелъ границу.

Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіи шести лѣтъ жилъ постоянно заграницей, въ Парижѣ или въ Лондонѣ, не примыкая ни къ одной изъ русскихъ революціонныхъ организацій, но помогая совѣтомъ и дѣломъ революціонному движенію. Онъ былъ

*) Лавровъ разсказываетъ въ своей біографической замѣткѣ, приложенной къ «Процессу 21» (женевское изданіе 1888 года), что Лопатинъ очень близко сошелся съ Марксомъ и его семьей. По словамъ Лаврова, Марксъ говорилъ лично ему о своей большой симпатіи къ Лопатину и о своемъ уваженіи къ его уму. «Мало кто понималъ такъ хорошо» — говорилъ Марксъ—«то, что я сдѣлалъ и что намѣренъ былъ выполнить въ послѣдующихъ томахъ моего труда».

очень друженъ съ П. Л. Лавровымъ и помѣстилъ нѣсколько своихъ статей во «Впередъ». Время отъ времени онъ предпринималъ однако поѣздки въ Россію, чтобы повидаться съ пріятелями и не потерять пониманія русской общественной жизни. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ 1879 г., онъ былъ арестованъ въ Петербургѣ, благодаря своей собственной опрометчивости. Онъ былъ убѣжденъ въ полной преданности ему нѣкоего Вороновича, «глупаго и безобразнаго кутилы», по выраженію Лаврова, — и безъ всякой нужды сообщилъ ему свой петербургскій адресъ; между тѣмъ субъектъ этотъ оказался шпіономъ. Такого рода опрометчивость была вообще свойственна Лопатину; она вытекала изъ его необычайной смѣлости и увѣренности въ себѣ. Необычайная смѣлость и увѣренность въ себѣ составляли одновременно сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ слабую сторону Лопатина. Онѣ позволяли ему успѣшно выполнять самыя рискованныя предпріятія, но онѣ-же именно постоянно вредили ему и, какъ увидимъ ниже, способствовали его огромному провалу въ 1884 г.

Что касается ареста въ 1879 г., то на этотъ разъ Лопатинъ отдѣлался сравнительно благополучно; онъ былъ сосланъ административно въ Ташкентъ, а потомъ переведенъ въ Вологду, откуда бѣжалъ заграницу въ февралѣ 1883 г.

Вернувшись заграницу, онъ сталъ принимать болѣе прямое участіе въ революціонныхъ дѣлахъ, хотя сначала все еще не присоединялся формально къ организаціи Народной Воли, оставаясь — какъ онъ любилъ говорить — не человѣкомъ партіи, а «партизаномъ». Мы уже видѣли, что онъ взялъ на себя очень отвѣтственную роль въ развязкѣ дегаевской исторіи. Послѣ второго пріѣзда Дегаева заграницу, Лопатину именно было поручено сопровождать его обратно въ Россію и наблюдать за выполненіемъ взятаго имъ на себя обязательства, причемъ — какъ писалъ тогда Лопатинъ — ему приходилось столько же, если не болѣе, опасаться Дегаева, какъ и самаго Судейкина.

Послѣ парижскаго съѣзда и избранія Распорядительной Комиссіи, Лопатинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, въ мартѣ 1883 г. Прежде всего ему надо было тогда позаботиться о возможномъ объединеніи всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ. Нѣкоторымъ препятствіемъ къ этому служило возникновеніе незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ группы «молодой Народной Воли». Во главѣ ея стоялъ молодой писатель и поэтъ П. Якубовичъ. Эта группа составляла какъ-бы оппозицію старому направленію; она заявляла о необходимости обновленія программы въ смыслѣ поворота въ сторону массоваго рабочаго движенія, причемъ настаивала особенно на введеніе въ программу «фабричнаго и аграрнаго террора». Кромѣ небольшаго петербургскаго кружка (Мануйловъ, Лаговскій, М. Овчинниковъ,

Стародворскій и другіе), новое направленіе имѣло своихъ сторонниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ группахъ (какъ напр. Шебалина въ Кіевѣ); но, вообще говоря, начинавшійся расколъ не имѣлъ серьезныхъ основаній, такъ какъ сама по себѣ дѣятельность въ рабочей средѣ и безъ того всегда занимала выдающееся мѣсто въ народовольческой программѣ; введеніе-же въ нее фабричнаго и аграрнаго террора не могло быть поддержано никакими серьезными аргументами. Другой поводъ недовольства со стороны членовъ «молодой Народной Воли» вытекалъ изъ ихъ нежеланія подчиниться авторитету Исполнительнаго Комитета, фактически уже не существовавшаго тогда. Отсюда вытекло требованіе замѣнить въ организаціи Исполнительный Комитетъ періодическими съѣздами делегатовъ мѣстныхъ группъ. Такъ какъ и это требованіе не встрѣтило принципіальнаго возраженія, то Лопатину легко было парализовать начавшуюся оппозицію и устранить разногласія, которыя уже стали было принимать довольно рѣзкій характеръ. Въ апрѣлѣ 1884 г. въ Петербургѣ состоялось совѣщаніе, на которомъ было выработано заявленіе «молодой партіи», напечатанное потомъ въ № 10 «Народной Воли»; въ немъ говорилось, что ближайшее ознакомленіе со взглядами Исполн. Комитета устранило необходимость разрыва, крайне нежелательнаго въ то время, и устранило тѣмъ легче, что со стороны Исполн. Комитета было обнаружено «искреннее желаніе предоставить возможно широкій просторъ личнымъ мнѣніямъ и взглядамъ съ цѣлью лучшаго выясненія многихъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь революціонной практикой».

Тогда же въ Петербургѣ на небольшомъ съѣздѣ представителей нѣкоторыхъ мѣстныхъ группъ намѣчены были ближайшія задачи партіи. Первою стоявшею на очереди было устройство типографіи для напечатанія № 10; затѣмъ признано было необходимымъ возстановить террористическую борьбу, при чемъ предполагалось прежде всего устранить безгранично господствовавшаго тогда министра внутренн. дѣлъ Д. Толстого.

Достигнувъ соглашенія въ Петербургѣ, Лопатинъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ у Распорядительной Коммиссіи были кое-какія связи. Тамъ ему удалось организовать, главнымъ образомъ среди студентовъ Петровской Академіи, кружокъ, во главѣ котораго стояли Михаилъ Поповъ, Миноръ, Филипповъ и Контст. Ершовъ. Затѣмъ были подготовлены также организаціи въ Кіевѣ и въ Одессѣ. Значительную помощь оказали Лопатину на первыхъ шагахъ Бахъ и Сергѣй Ивановъ, такъ какъ они передали въ распоряженіе центральной организаціи свои связи съ группами юго-восточныхъ городовъ. Изъ этихъ группъ самая большая была тогда въ Ростовѣ; въ ней насчи-

тывалось до семидесяти челов. интеллигентовъ и рабочихъ*).

Такимъ образомъ, когда Лопатинъ, во время своего объѣзда всѣхъ революціонныхъ пунктовъ, пріѣхалъ въ концѣ лѣта въ Ростовъ, то онъ увезъ оттуда съ собой не только уже отпечатанный первый листъ № 10 и нѣсколько готовыхъ разрывныхъ снарядовъ, но также и нѣкоторую сумму денегъ.

№ 10 «Народной Воли» — который ожидался съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ помимо объясненія дегаевской исторіи въ немъ долженъ былъ появиться призывъ партіи «къ новому энергичному наступленію» и болѣе обстоятельное выясненіе ближайшихъ задачъ — печатался одновременно въ двухъ типографіяхъ: кромѣ ростовской типографіи была организована еще другая въ Дерптѣ, куда уѣхалъ Якубовичъ наблюдать за печатаніемъ. Вышелъ этотъ номеръ въ концѣ сентября 1884; въ немъ были помѣщены: заявленіе Исполнительнаго Комитета по поводу казни Судейкина; передовая статья; очень интересная программная статья о задачахъ дѣятельности въ народѣ (эта статья перепечатана въ № 5 «Былого»); программа польской соціалистической партіи «Пролетаріатъ»; федеративный договоръ этой партіи съ Народной Волей и, наконецъ, внутреннее обозрѣніе.

Кромѣ партійнаго органа, печатавшагося въ Россіи, заграницей выходилъ тогда довольно большими книжками партійный журналъ «Вѣстникъ Народной Воли»; редакторами его были Лавровъ и Тихомировъ: журналъ этотъ далъ рядъ теоретическихъ статьей въ духѣ научнаго соціализма, какъ понималъ его Марксъ и съ тѣми поправками, какія онъ вносилъ въ нѣкоторые свои выводы, относившіеся къ Россіи. Серьезный научный характеръ этого журнала уже достаточно обезпечивался редакторствомъ Лаврова и тѣмъ близкимъ участіемъ, которое принималъ въ немъ Лопатинъ, находившійся

*) Такъ Баху и Иванову удалось при содѣйствіи нѣсколькихъ нелегальныхъ (Антонова, Кранцфельда, «Михайла», Елько, Добрускиной) поставить типографію и напечатать 10 № «Народной Воли». Изъ Луганскаго завода были доставлены въ Ростовъ въ іюлѣ 1884 года нѣсколько разрывныхъ снарядовъ, которые были изготовлены для Распорядительной Комиссіи и должны были быть перевезены въ Петербургъ. Черезъ посредство одного изъ членовъ ростовской группы Бахъ вошелъ въ сношенія съ однимъ богатымъ молодымъ человѣкомъ, который рѣшился принять активное участіе въ дѣлахъ партіи и предоставить въ ея распоряженіе свое состояніе. Ростовская группа не имѣла никакой связи съ Луганскимъ заводомъ. О существованіи же типографіи изъ членовъ группы знала только одна Добрускина. См. обвинительн. актъ по дѣлу Лопатина и др.

въ постоянномъ общеніи съ Марксомъ и Энгельсомъ.*) Кромѣ того, журналъ печаталъ очень хорошо составленныя внутреннія обозрѣнія и обстоятельную хронику революціонной борьбы и политическихъ процессовъ. Тѣ пять книжекъ «Вѣстника Народной Воли», которыя успѣли выйти въ свѣтъ,**) сохраняютъ до сихъ поръ большой интересъ и даютъ богатый матеріалъ для исторіи нашего революціоннаго движенія.

Такимъ образомъ новая попытка оживить революціонное движеніе, предпринятая въ 1884 г., началась, повидимому, при очень хорошихъ условіяхъ. Произошло объединеніе всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ; организація имѣла двѣ своихъ типографіи и не нуждалась въ деньгахъ. Уѣзжая въ сентябрѣ изъ Ростова, Лопатинъ разстался съ Бахомъ съ самыми свѣтлыми надеждами.

Но трудность поставить тогда непосредственную и активную революціонную борьбу на прочную ногу обнаружилась очень скоро. Революціонное движеніе еще не поддерживалось тогда рабочими массами, вслѣдствіе чего потери, которыя оно несло, недостаточно пополнялись притокомъ новыхъ силъ. Желябовъ хорошо понималъ это, когда говорилъ, что «мы живемъ на капиталъ». Какъ ни былъ великъ въ Россіи этотъ капиталъ революціоннаго энтузіазма и самоотверженности, но при отсутствіи массового движенія, его все-таки оказалось недостаточнымъ. Опытныхъ и выдающихся революціонеровъ оставалось уже мало къ концу 1884 г., вслѣдствіе чего слишкомъ большая и непосильная работа лежала на плечахъ немногихъ людей. Какъ это часто бываетъ, неустойчивость положенія какъ бы нашла тогда свое выраженіе въ свойствахъ того человѣка, которому привелось играть руководящую роль. Своею обычною смѣлостью и самоувѣренностью Лопатинъ хотѣлъ замѣнить тогда отсутствіе крѣпкой и сильной центральной организаціи. Ему на каждомъ шагу приходилось усиленно рисковать; онъ всюду вербовалъ помощниковъ и сталкивался со всякаго рода людьми. Въ Москвѣ, напримѣръ, его заинтересовалъ нѣкій Белино-Бжозовскій, оказавшійся ловкимъ шпіономъ-провокаторомъ. Лопатинъ имѣлъ неосторожность назначать ему свиданіе и такимъ образомъ далъ возможность выслѣдить себя.

7 октября 1884 г. онъ былъ арестованъ среди бѣлаго дня на Невскомъ проспектѣ; при немъ были захвачены 11 листковъ

*) Въ печатныхъ извѣщеніяхъ о предполагавшемся изданіи «Вѣстника Народной Воли», распространявшихся въ Москвѣ еще въ концѣ 1882 года, въ числѣ сотрудниковъ упоминался Марксъ.

**) Первая книжка вышла въ ноябрѣ 1883 года; вторая и третья въ 1884 г.; четвертая—въ 1885 и пятая—въ 1886.

тонкой бумаги съ адрессами и разными конспиративными замѣтками. Лопатинъ разсчитывалъ на свою силу и ловкость; онъ былъ увѣренъ, что успѣетъ въ критическую минуту проглотить эти листки тонкой бумаги; но нападеніе было слишкомъ неожиданно. Онъ два раза вырывался изъ рукъ полицейскихъ, но каждый разъ оставался побѣжденнымъ. Въ третій разъ, уже въ жандармскомъ правленіи, онъ снова вырвался, вытащилъ записки и сунулъ ихъ въ ротъ; но его схватили за горло и такъ сдавили, что онъ потерялъ сознаніе...

Этимъ арестомъ, вызвавшимъ повсемѣстный разгромъ только что начавшихъ свою работу организацій, закончилась и эта попытка возстановить организованную революціонную борьбу по программѣ Народной Воли. Вслѣдъ за Лопатинымъ были арестованы Салова, Сухомлинъ, позднѣе Якубовичъ, Добрускина и множество другихъ лицъ; всего было арестовано тогда въ разныхъ мѣстахъ до 500 человѣкъ.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы этотъ разгромъ народовольческой организаціи 1884 года означалъ собою хотя-бы и временное, но болѣе или менѣе полное исчезновеніе всѣхъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи и, хотя-бы и временное, но болѣе или менѣе полное прекращеніе революціоннаго движенія. Однимъ изъ главныхъ результатовъ народовольческаго періода было именно гораздо большее, по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, распространеніе самой идеи о необходимости революціоннаго движенія въ Россіи, какъ единственно возможной для нея формы общественной жизни. Полная остановка революціоннаго движенія означала бы тогда для нея ни болѣе не менѣе, какъ исчезновеніе всякой сколько-нибудь серьезной общественной иниціативы, всякаго серьезнаго участія къ общественному дѣлу; а такого результата нельзя было добиться, конечно, никакими массовыми арестами. Пораженіе потерпѣла въ 1884 году лишь начавшая было возникать тогда новая центральная революціонная организація, имѣвшая въ виду снова сосредоточить подъ своимъ руководствомъ все революціонное движеніе и придать ему извѣстную опредѣленную форму. Для такого руководства не оказалось тогда достаточнаго количества выдающихся революціонныхъ силъ, да и самая программа той наступательной и централизованной революціонной борьбы, которая составляла въ моментъ возникновенія Народной Воли ея наиболѣе сильную сторону, уже перестала теперь отвѣчать измѣнившемуся настроенію въ самой революціонной средѣ. Это настроеніе уже значительно понизилось тогда. Какъ неизбѣжный результатъ понесенныхъ потерь, въ революціонной средѣ произошла тогда потеря той вѣры въ непосредственную побѣду, въ достиженіе непосредственныхъ революціонныхъ результа-

товъ, какою несомнѣнно сопровождалось народовольческое движеніе въ его лучшую пору. Теперь наступалъ періодъ реакціи и разочарованія по отношенію къ той части народовольческой программы, которая касалась непосредственной революціонной борьбы. За періодомъ «траты революціоннаго капитала» наступалъ періодъ органическаго роста и накопленія революціонныхъ силъ, при чемъ, какъ это всегда бываетъ, понизившееся революціонное настроеніе отразилось на теоретическихъ взглядахъ и на революціонной программѣ; фактически положеніе данной минуты было возведено въ теорію; въ революціонной литературѣ сталъ проводиться тогда взглядъ, придававшій всякому революціонному движенію характеръ историческаго процесса и отрицавшій *научность* революціонной борьбы, подобной той, которую вела Народная Воля, т. е. борьбы съ далеко неравными силами. *Объективныя* условія роста и развитія соціалистическаго движенія смѣшивались въ этой теоріи съ тѣми *субъективными* данными, которыя вырабатываются въ самомъ этомъ процессѣ и въ извѣстный моментъ обусловливаютъ собой переходъ даже къ самой рискованной революціонной борьбѣ. Такимъ образомъ въ этой новой теоріи революціонная иниціатива какъ бы уступала мѣсто безошибочному разсчету, основанному на непреложныхъ историческихъ законахъ и потому устранявшему такъ называемую непроизводительную трату революціонныхъ силъ*).

Но такого именно рода теорія какъ разъ соотвѣтствовала тогда значительно понизившемуся революціонному настроенію и потому имѣла въ данное время несомнѣнный успѣхъ, сопровождавшійся временнымъ затишьемъ революціонной борьбы. Но мы уже говорили, что это затишье было только кажущимся и вовсе не означало собой прекращенія или даже уменьшенія размѣровъ революціоннаго движенія въ Россіи; послѣднее только утратило тогда свой интенсивный, наступательный характеръ. Что же касалось собственно притока новыхъ революціонныхъ силъ и возникновенія повсюду новыхъ революціонныхъ кружковъ, проникнутыхъ мыслью о необходимости революціонной борьбы и мучительно вырабатывавшихъ новыя революціонныя программы, то въ этомъ отношеніи соціалистическое движеніе въ Россіи не только не прекратилось во второй половинѣ 80-хъ годовъ, но, напротивъ того, все болѣе и болѣе расширялось тогда и распространялось почти по всѣмъ провинціальнымъ городамъ**).

*) Наибольшимъ вліяніемъ въ этомъ направленіи пользовалась тогда извѣстная книга Плеханова «Наши Разногласія», вышедшая въ 1885 г.

**) Большое содѣйствіе оказывали этому непрекращавшіяся

Все болѣе и болѣе расширялась тогда также и соціалистическая пропаганда среди рабочихъ, — о чемъ мы уже упоминали въ предыдущей главѣ,—при чемъ рабочее движеніе уже начинало пріобрѣтать въ Россіи массовой характеръ. Въ январѣ 1885 г. въ Орѣховѣ-Зуевѣ, на огромныхъ морозовскихъ фабрикахъ произошла знаменитая стачка, носившая очень бурный характеръ и возникшая подъ вліяніемъ распропагандированныхъ ранѣе рабочихъ (Мосѣенковъ и др.).

Такимъ образомъ, если народовольческое движеніе потерпѣло пораженіе въ качествѣ опредѣленной революціонной организаціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ израсходованныя ею силы дали значительный толчекъ дальнѣйшему росту и развитію революціоннаго соціализма въ Россіи. Даже въ періодъ лопатинской попытки народовольческая организація уже далеко не могла охватить собою всѣхъ революціонныхъ элементовъ. Такъ мы знаемъ, напр., что на ряду съ народовольческими группами, тогда возникали группы «соціалистовъ-народниковъ», отрицавшихъ политическій терроръ. Они имѣли свои организованные кружки въ Москвѣ и Харьковѣ. Въ Харьковѣ у нихъ была своя типографія, захваченная по оговору убитаго затѣмъ Антоновымъ Шкрябы; при этомъ были арестованы Манучаровъ, Іорданъ, Ослоновъ и Забалуевъ.*) Въ этой типографіи были перепечатаны нѣкоторыя народныя брошюры: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика» и др.

* * *

студенческія волненія, особенно въ Московскомъ и Петербургскомъ университетахъ, въ результатѣ которыхъ лучшая часть студентовъ сотнями разсылалась по провинціальнымъ городамъ. Въ 1883 году были волненія въ Ново-Александровскомъ институтѣ сельскаго хозяйства, при чемъ было исключено 170 чел. и самый институтъ закрытъ. Въ 1884 г. — волненія въ Московскомъ унив., сопровождавшіяся демонстраціею на Страстномъ бульварѣ (передъ редакціей «Московскихъ Вѣд.»); арестовано 110 челов. Въ 1886 г. въ Петербургѣ демонстрація въ память Добролюбова (17 ноября); арестовано 150 челов. Въ 1887 г. въ Московскомъ ун. разыгралась такъ назыв. брызгаловская исторія (пощечина инспектору Брызгалову), при чемъ исключено было 27 челов. Въ томъ же году безпорядки въ Одесскомъ и Петербургскомъ университетахъ, при чемъ послѣдній былъ закрытъ. Въ 1890 г. — большіе безпорядки въ Петровской академіи и въ университетахъ Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, съ массою исключенныхъ и сосланныхъ студентовъ.

*) Манучаровъ и Іорданъ бѣжали изъ харьковской тюрьмы, но вскорѣ были снова арестованы; при второмъ арестѣ Манучаровъ оказалъ вооруженное сопротивленіе и былъ осуж-

Чтобы закончить эту краткую дополнительную главу о послѣднихъ проявленіяхъ народовольческаго движенія, намъ осталось еще разсказать въ нѣсколькихъ словахъ объ организаціонной попыткѣ Оржиха и Богораза въ 1885 году, а затѣмъ о террористической организаціи Ульянова, Генералова, Осипанова и др. въ 1887 г. Но ранѣе этого намъ необходимо еще упомянуть о польской соціалистической организаціи «Пролетаріатъ» и о ея федеративномъ союзѣ съ Народной Волей, — событіяхъ, относящихся къ періоду 1882—84 гг.

Организація «Пролетаріатъ» представляетъ собою чрезвычайно важное явленіе въ исторіи развитія польскаго соціалистическаго движенія. Этой именно организаціей было положено начало систематической революціонной пропаганды въ польской рабочей средѣ и тому организованному польскому соціалистическому движенію, которое разрослось теперь въ обширную рабочую партію. Но мы можемъ коснуться здѣсь исторіи «Пролетаріата» лишь въ той мѣрѣ, въ какой она связана съ исторіей народовольческаго движенія, т. е. коснемся лишь эпизода о заключеніи федеративнаго договора между Исполнительнымъ Комитетомъ Народной Воли и Центральнымъ Комитетомъ соціально-революціонной партіи «Пролетаріатъ».

Революціонное соціалистическое движеніе началось въ русской Польшѣ во второй половинѣ 70-хъ годовъ; ранѣе же того тамъ, подъ вліяніемъ гнетущихъ послѣдствій возстанія 1863 г., господствовало анти-революціонное настроеніе, выразившееся въ программѣ «органическаго развитія», призывавшей къ легальной работѣ на почвѣ культурнаго и промышленнаго прогресса. Скоро однако это культурническое теченіе смѣнилось революціоннымъ. Произошло это до извѣстной степени подъ вліяніемъ русскаго революціоннаго движенія. Многіе изъ будущихъ членовъ польской соціалистической организаціи провели студенческіе годы въ Петербургѣ и Москвѣ (Людвигъ Варынскій, Глазго, Яновичъ) и тамъ примыкали къ русскимъ революціоннымъ кружкамъ. Вернувшись въ Польшу, они положили начало соціалистической организаціи и соціалистической пропагандѣ среди польскихъ рабочихъ.

Такимъ образомъ въ 1882 г. возникла польская организація «Пролетаріатъ» съ программой, ставившей на первое мѣсто «распространеніе среди рабочихъ сознанія ихъ классовой обособленности, съ одной стороны — путемъ пропаганды соціализма, съ другой — путемъ агитаціи среди массъ на почвѣ насущныхъ будничныхъ интересовъ и путемъ организованной

день на 10 лѣтъ каторги (въ 1895 г. освобожденъ изъ Шлиссельбурга и переведенъ на Сахалинъ); Іорданъ и Забалуевъ умерли въ ссылкѣ, въ Сибири.

борьбы за нихъ съ привилегированными классами и правительствомъ, стоящимъ на сторонѣ этихъ классовъ, послѣдствіемъ чего должна быть дезорганизація существующаго государственнаго механизма».

Затѣмъ въ своей программѣ Центральный Комитетъ «Пролетаріата» заявлялъ, что «партія, принужденная политическими условіями къ тайной дѣятельности, не можетъ заняться массовой организаціей сознательныхъ соціалистовъ работниковъ, которые могли бы на другой день послѣ революціи взяться за перестройку стараго общества. Все, что она можетъ сдѣлать, это сгруппировать около одного центра то сравнительно небольшое количество соціалистовъ, которое ей удастся выработать путемъ пропаганды въ періодъ своей подготовительной дѣятельности; затѣмъ путемъ агитаціи — словомъ, печатью, дѣйствіемъ — стараться сдѣлать возможно популярнымъ свое знамя, свою организацію, такъ, чтобы массы въ ней дѣйствительно увидѣли своего защитника и на сдѣланный ею въ соотвѣтственную минуту призывъ пошли подъ ея знамя».

Легко видѣть, что такая постановка революціонной задачи совершенно совпадала съ программными заявленіями Народной Воли, въ которыхъ также говорилось, что «прежде всего мы должны создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры среди городскихъ рабочимъ съ тѣмъ, чтобы эти группы заранѣе обезпечили себя обширными связями съ остальною массою городскихъ рабочихъ и, разумѣется, съ крестьянствомъ, поскольку это возможно».

Подобное же совпаденіе во взглядахъ обѣихъ организацій обнаружилось и по вопросу о терроръ: «Въ этой борьбѣ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ рукахъ партіи», — читаемъ мы въ заявленіи Центральнаго Комитета «Пролетаріата» — «является терроръ экономическій и связанный съ нимъ политическій, проявляющійся въ разныхъ формахъ».

Изъ этого совпаденія какъ основныхъ задачъ, такъ и способовъ борьбы естественно вытекала потребность въ федеративномъ объединеніи. И вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ томъ-же программномъ заявленіи Центральнаго Комитета, напечатанномъ въ № 10 «Народной Воли».

«Вышеизложенный взглядъ на задачи соціально-революціонной партіи въ Польшѣ опредѣляетъ и отношеніе ея къ русской соціально-революціонной партіи Народной Воли. Въ своей дѣятельности на почвѣ экономическихъ условій, — состоящей въ приготовленіи рабочихъ классовъ къ будущей соціальной революціи путемъ пропаганды, агитаціи и организованной борьбы, — Центральный Комитетъ сохраняетъ полную независимость отъ Исп. Комитета и въ сферѣ своей дѣятельности обладаетъ исключительной въ этомъ отношеніи компетенціей. Съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что польскому про-

летаріату возможно вырвать власть изъ рукъ русскаго правительства только при помощи революціонныхъ силъ остальныхъ частей Россійской имперіи; 2) что эти силы успѣшнѣе всего группируются и организуются подъ знаменемъ «Народной Воли»; 3) что партія эта, необходимая для польскаго пролетаріата въ дѣлѣ низверженія существующаго правительства, задалась этой цѣлью ради достиженія соціалистическихъ реформъ; 4) что борьба съ деспотическимъ централизованнымъ правительствомъ должна быть приведена въ полное соотвѣтствіе и единство во всѣхъ проявленіяхъ и на всей территоріи, находящейся подъ его гнетомъ, — Центр. Ком. участвуетъ въ ней лишь по полному соглашенію съ Исп. Ком., какъ представителемъ соц. рев. партіи, дѣйствующей въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Принимая во вниманіе далѣе, что окончательная побѣда надъ правительствомъ возможна только въ томъ случаѣ, если оно одновременно будетъ парализовано во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ, Центр. Ком. приступитъ къ государственному перевороту не иначе, какъ по знаку, данному Исп. Ком. въ тотъ моментъ, когда этотъ послѣдній найдетъ возможнымъ начать его въ Россіи, послѣ чего, въ своихъ созидательныхъ работахъ, Центральный Комитетъ отдѣляется отъ Исполнительнаго Комитета, какъ самостоятельное цѣлое, и проводитъ въ районѣ своей дѣятельности возможныя реформы, согласуясь съ мѣстными условіями».

Одновременно съ этимъ заявленіемъ польской организаціи, въ № 10 «Народной Воли» былъ напечатанъ «Отвѣтъ Исполнительнаго Комитета», въ которомъ говорилось:

«Уважая самостоятельность и свободное развитіе каждаго народа, Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли не можетъ сверхъ того не признать, что развитіе соціальныхъ условій русскаго и польскаго народовъ не допускаютъ полнаго тождества въ пріемахъ подготовительной работы русскихъ и польскихъ соціалистовъ. Вслѣдствіи этого полное сліяніе партіи «Народная Воля» съ польской партіей «Пролетаріатъ» могло-бы скорѣе тормозить дѣятельность русскихъ и польскихъ соціалистовъ, стѣсняя свободу тѣхъ и другихъ въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ организаціи и борьбы. Съ этой точки зрѣнія, Исполнит. Комитетъ, вступая въ союзъ съ Центральнымъ Комитетомъ, признаетъ однако вполнѣ разумнымъ рѣшеніе послѣдняго сохранить за «Пролетаріатомъ» полную независимость и отвѣтственность въ веденіи всѣхъ дѣлъ своей партіи въ Польшѣ».

На этихъ основаніяхъ и былъ заключенъ федеративный союзъ между двумя организаціями. Тѣсная связь между ними поддерживалась, какъ мы уже говорили, близостью нѣкоторыхъ изъ выдающихся польскихъ революціонеровъ къ русскому движенію. Извѣстно, напримѣръ, что незадолго до своего ареста

(въ сентябрѣ 1883 г.) Людвигъ Варынскій собирался ѣхать въ Петербургъ, чтобы принять личное участіе въ русской организаціонной работѣ.

«Пролетаріатъ» издавалъ свой партійный органъ, того же названія, печатавшійся въ тайной типографіи въ Варшавѣ (вышло 5 нумеровъ). Имъ же было распространено нѣсколько прокламацій къ рабочимъ и къ крестьянамъ (по поводу рѣчи Александра III на коронаціи). Лѣтомъ 1884 г. въ Варшавѣ произошли аресты и организація «Пролетаріата» потерпѣла полный разгромъ. Въ 1885 г. произошелъ военный судъ, причемъ четверо изъ арестованныхъ были казнены (Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій), а 20 человѣкъ сосланы на каторгу (Варынскій, Яновичъ, Маньковскій, Рехневскій, Дулемба, Лури, Конъ и др.).

* * *

Переходимъ теперь къ разсказу о послѣднихъ проявленіяхъ народовольческаго движенія. Послѣ разгрома лопатинской организаціи, самую крупную попытку собрать остатки разбитой арміи представляла собою организація Сергѣя Иванова, Оржиха, Богораза и друг. Въ лицѣ Сергѣя Иванова, вскорѣ впрочемъ арестованнаго, эта организація была преемственно связана съ послѣднею центральною группою Народной Воли.

Значительная доля иниціативы въ созданіи этой организаціи принадлежала Борису Оржиху. Онъ объѣхалъ югъ Россіи и подготовилъ небольшой съѣздъ, который состоялся въ Екатеринославлѣ въ сентябрѣ 1885 г.; на немъ были представители одесской, харьковской, ростовской, екатеринославской группъ и четверо нелегальныхъ. Къ съѣзду былъ приготовленъ въ рукописи № 11-12 «Народной Воли» и здѣсь же окончательно проредактированъ. На этомъ же съѣздѣ было рѣшено поставить типографіи и завязать сношенія съ сѣверомъ. Типографія была поставлена въ Таганрогѣ, и тамъ былъ вскорѣ отпечатанъ послѣдній N «Народной Воли» и програмная брошюра «Борьба общественныхъ силъ». Какъ № 11-12 газеты «Народная Воля», такъ и брошюра являются попытками народовольцевъ «послѣдняго призыва» отстоять старыя позиціи отъ начавшихся уже нападеній, а также внести нѣкоторыя измѣненія въ старой программѣ. Общее направленіе этихъ измѣненій клонилось къ большему подчеркиванію роли массовой работы, къ отказу отъ стремленія къ захвату власти, къ надеждѣ на возможность путемъ террора добиться конституціонныхъ уступокъ. Но южная организація не ограничилась лишь литературной работой. Весь 1885 г. былъ посвященъ ею дѣятельной организаціонной работѣ и подготовленію къ новому нападенію на правительство. Была устроена динамитная мастерская, приготовившая нѣсколько снарядовъ; были завязаны связи съ сѣверными груп-

пами, въ которыхъ работали нѣкоторые выдающіеся революціонеры, какъ Коганъ-Бернштейнъ и Гаусманъ*). Въ Петербургѣ вновь налаживалась военная организація. Но разгромъ въ началѣ 1886 г. (арестъ Таганрогской типографіи въ квартирѣ Н. К. Сигиды**), гдѣ были взяты также и бомбы, арестъ Оржиха и другихъ, аресты на сѣверѣ) положилъ конецъ и этой кратковременной организаціи.

Еще менѣе успѣшна была попытка возобновить борьбу Народной Воли, сдѣланная однимъ изъ уцѣлѣвшихъ членовъ южной организаціи — Н. Богоразомъ. Онъ перенесъ свою дѣятельность на сѣверъ, преимущественно въ Москву, и поставилъ типографію въ Тулѣ, гдѣ были напечатаны № 3 «Листка Народной Воли», цѣлый рядъ брошюръ для рабочихъ и проч.

Но и эта организація была разбита ранѣе, чѣмъ могла приступить къ исполненію намѣченной ею боевой программы.

Весь этотъ періодъ характеризуется страстными программными исканіями, стремленіемъ выяснить корень прежнихъ ошибокъ и неудачъ, попытками найти новыя силы для борьбы. Усиливается работа среди городского пролетаріата, которой почти цѣликомъ посвящаютъ себя тогда мѣстныя группы; въ молодежи ведутся страстные дебаты о программѣ и тактикѣ. Наряду съ появленіемъ первыхъ соціалдемократовъ, пытавшихся осуществить программу заграничной группы «Освобожденія Труда», возникаетъ группа «милитаристовъ», возлагавшихъ всѣ надежды на пропаганду среди военныхъ (продолженіе прежней группы «немистовъ», сторонниковъ военнаго заговора); оживаютъ также кружки народниковъ (напр., въ Харьковѣ), рѣшившихъ возобновить дѣятельность въ крестьянской средѣ; появляются защитники чистаго терроризма, не задающихся никакой иной задачей, какъ повтореніемъ цареубійства. Но дѣятельность Богораза и его товарищей оставалась еще въ тѣхъ же самыхъ колеяхъ, какія были проложены предшествующимъ періодомъ Народной Воли. Они хотѣли только реформировать организаціонные пріемы борьбы. Вмѣсто централизаціи они предлагали федералистическій принципъ, развитіе мѣстной самодѣятельности, выборный Исполнительный Комитетъ.

Съ организаціей Богораза народовольческое движеніе прекращается не только фактически, но и формально. Новые кружки, какъ напримѣръ петербургская организація, подготовля-

*) Въ 1889 г. казнены въ г. Якутскѣ.

**) Умерла на Карѣ, послѣ того, какъ была подвергнута тѣлесному наказанію за пощечину, данную смотрителю тюрьмы. Это наказаніе вызвало массовое самоотравленіе политическихъ каторжанъ на Карѣ, причемъ умерли М. Ковалевская, М. Калюжная, братъ ея И. Калюжный и Сергѣй Бобоховъ.

вшая покушеніе 1-го марта 1887 г., возникаютъ почти совершенно независимо отъ прежнихъ дѣятелей и почти безъ всякой связи съ прежней программой.

Петербургская организація 1887 г. называла себя террористической фракціей «Народной Воли» и ограничивала свою задачу подготовленіемъ одного террористическаго акта. Покушеніе это, впрочемъ, не состоялось. 1 марта 1887 г. на Невскомъ проспектѣ были задержаны съ метательными снарядами въ рукахъ Вас. Денис. Генераловъ, П. Андреюшкинъ и Вас. Степ. Осипановъ; затѣмъ были арестованы Петръ Яковл. Шевыревъ и Александръ Ильичъ Ульяновъ. Всѣ они открыто заявили о своей принадлежности къ террористической фракціи. Ульяновъ произнесъ на судѣ сильную рѣчь, въ которой сказалъ, что ни онъ, ни его товарищи не боятся смерти. «Мое намѣреніе, продолжалъ онъ, было помочь освобожденію несчастнаго русскаго народа, и послѣ насъ явятся новыя сотни молодыхъ людей, которые пойдутъ по нашимъ слѣдамъ и достигнутъ перемѣны невозможной системы».

Всѣ пятеро были приговорены къ смертной казни и казнены 8 мая 1887 г. Кромѣ нихъ, І. Лукашевичъ и М. Новорусскій были приговорены къ вѣчной каторгѣ и заперты въ Шлиссельбургъ; Ананьина, Пильсудскій и др. приговорены къ разнымъ срокамъ каторжныхъ работъ.

Были и другія отдѣльныя попытки, оторванныя отъ общаго хода развитія нашего революціоннаго движенія. Такъ, самостоятельно возникла очень обширная организація офицеровъ и юнкеровъ, охватившая Петербургъ и нѣсколько провинціальныхъ городахъ, но разгромленная на самыхъ первыхъ шагахъ своей подготовительной работы; тогда было арестовано свыше 200 офицеровъ, изъ которыхъ около 20 были отданы подъ судъ (Шелгуновъ, Бруевичъ и друг.) — Почти въ то же время харьковскимъ кружкомъ Мейснера, Храповскаго и др. была сдѣлана неудачная попытка примѣнить терроръ къ нѣкоторымъ главарямъ сыска (дѣло закончилось присужденіемъ Мейснера и Храповскаго къ многолѣтней каторгѣ). Затѣмъ въ 1889 г. была арестована и заперта въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ она въ 1891 г. перерѣзала себѣ сонную артерію осколкомъ стакана, Софья Гинсбургъ, выдающаяся по уму и энергіи дѣвушка, пріѣхавшая изъ-за границы съ террористическими цѣлями.

Но это были уже послѣднія, замирающія волны движенія, когда-то захватившаго собою всю революціонную Россію. Наступила другая пора, и русское соціалистическое движеніе уже вступало въ новый фазисъ своего развитія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе издателей 2
Глава I. Взглядъ на революціонное движеніе до 1863 г. 3
Примѣчанія къ первой главѣ 17
Глава II. Пріостановка въ револ. движеніи (1863—1872). 44
Примѣчанія ко второй главѣ 65
Глава III. Литература соціалистической пропаганды . 81
Глава IV. Практика и результаты пропаганды (1872—1875). 96
Примѣчанія къ четвертой главѣ 116
Глава V. Революціонная агитація (1875—1877) . . 131
Примѣчанія къ пятой главѣ 153
Приложенія: 1) Программа Сѣвернаго Рабочаго Союза . 171
2) Изъ рѣчи Здановича 174
Глава VI. Переходъ къ терроризму (1878—1879) . . 177
Глава VII. Терроризмъ (1878—1879) 200
Глава VIII. Партія Чернаго Передѣла . . . . . зда
Глава IX. Біографіи и внутренняя организація . . . 3
Примѣчанія къ двумъ послѣднимъ главамъ . . . 263
Дополнительная глава. Послѣдній періодъ Народной Воли (1881—188?). 307